А. Г. ЕФИМОВ

С ИЖЕВЦАМИ И ВОТКИНЦАМИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Ижевцы в 1919 г. близь Петропавловска. Верх. Прав. Адм. А В Колчак; адъют. кап. 2 ранга Комилов.
Дарованіе Ижевской дивизіи Георгіевскаго знамени.
ОМСК, 20. 9. (рта). (Офиціально).
Верховный Правитель и Верховный
Главнокомандующій в гор. Омскѣ 16
сентября 1919 г. отдал слѣдующій
приказ: „Ижевская стрѣлковая диви-
зія, сформированная из добровольцев-
рабочих Ижевскаго, а в послѣдне
время и других заводов Урала, с м
мента своего существованія неизмѣн
но выказывала высокую доблесть и
образцовую стойкость в жестокой борь-
бѣ с врагом на благо возрождающейся
Россіи. Особенно геройскими боевыми
подвигами ознаменовала себя Ижев-
ская стрѣлковая дивизія за період
времени от 30 августа по 5 сентября
с. г. в боях у посадов Богатый, Доб-
ровольный, Суджарскій и у сел Воль-
ное и Малое Пріютное, когда особен-
ударами сломила упор-
ИЖЕВСКАЯ ДИВИЗІЯ
1918 г.
1919 г.
КАЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
УРАЛЬСКЪ
ОРЕНБУРГЪ
Уралъ
Кинель
Сургутъ
Бугульма
Мелекесъ
Сура
Инза
Пенза
Воткинскій
Надежд-ск
Горбатовъ
Мусовая
Лутьевка
Верхотурье
Бух. Находка
Уфа
Чишмы
Верхнеуральскъ
Александровъ Гай
Пбишенскъ
Илецкъ
Уильское
Ижевскъ
Вятка
Шихраны
Кама
Сокъ
Сургутъ
Кинель
Бухъ. Находка

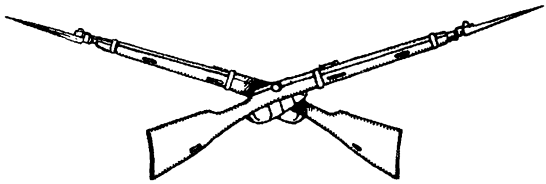
БЕЛАЯ РОССИЯ

A. Einstein

А. Г. ЕФИМОВ

С ИЖЕВЦАМИ И ВОТКИНЦАМИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

СТАТЬИ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ



МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
Е91

Издание посвящается 90-летию окончания Гражданской войны и Дальневосточного исхода Белой армии

Составитель: *Л. Ю. Тремсина*
Научный консультант: *д. и. н. С. В. Волков*

Оформление серии: *А. М. Драговой*

Ефимов, А. Г.

Е91 С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы / А. Г. Ефимов; сост. Л. Ю. Тремсиной, комметарии С. В. Волкова. — М. : Айрис-пресс, 2013. — 560 с. + вклейка 40 с. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-4887-2

Сборник представляет собой вторую книгу воспоминаний Генерального штаба полковника Авенира Геннадьевича Ефимова (1888–1972) о событиях Гражданской войны на Востоке России. Издание включает статьи, написанные автором в эмиграции, а также письма из разных архивных собраний. Статьи были напечатаны в 1930–1960-е гг. в эмигрантских газетах и журналах, ныне ставших библиографической редкостью, и теперь впервые публикуются в России. Вниманию читателей представлена обширная переписка А. Г. Ефимова с его бывшим соратником, поручиком Б. Б. Филимоновым из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Большая часть книги посвящена событиям последнего этапа Белой борьбы в Приморье, в том числе Хабаровскому походу зимы 1921/22 г. Текст дополнен редкими документами и многочисленными фотографиями из личных архивов сына автора А. А. Ефимова, потомков некоторых других Ижевцев и Воткинцев в США и Музея русской культуры в Сан-Франциско. Большинство из них публикуется впервые.

ББК 63.3(2)612
УДК 94(47)

© Ефимов А. А., текст, архивные материалы, фотографии, схемы, 2013
© Архивные материалы, фотографии. Музей русской культуры в Сан-Франциско, 2013
© Оформление, составление, комментарии. ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2013

ISBN 978-5-8112-4887-2

ИЗДАТЕЛЬСТВО И СОСТАВИТЕЛЬ КНИГИ ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ:

Алексею Авенировичу Ефимову (США)
и посмертно его супруге Донне —
за всемерное содействие в подготовке издания,
предоставление для публикации фотографий
и других материалов из личного архива;

Правлению Музея русской культуры в Сан-Франциско (США)
и лично:
Председателю Правления Н. А. Корецкому
и главному архивисту музея к. и. н. М. К. Меняйленко —
за предоставление для публикации архивных материалов,
члену Правления И. Франкьену —
за помощь в подборе материалов
и атрибутировании фотоиллюстраций;

Сотрудникам Архива Гуверовского института войны,
революции и мира при Стенфордском университете (США) —
за помощь в работе с архивными материалами;

Алле Борисовне Молчановой (США) —
за предоставление для публикации фотографий
и документов из семейного архива;

Потомкам Ижевцев и Воткинцев в США:
Т. Иваницкой, М. Шереметевой, Н. Клоян —
за предоставление для публикации фотографий
из семейных архивов;

Директору Музея ОАО «Ижмаш» А. А. Азовскому
и журналисту А. В. Сенченку (г. Ижевск) —
за помощь в подборе фотоиллюстраций;

С. П. Петрову (США) —
за предоставление для публикации воспоминаний
о полковнике А. Г. Ефимове;

Руководству Иркутского областного краеведческого музея — за предоставление фотографии Георгиевского знамени Ижевской дивизии;

а также всем, кто оказал содействие в подготовке материалов для книги:

С. А. Жилину и Е. И. Кудрик (г. Ижевск);
В. А. Дурову (Москва),

члену Приходского совета Православного храма Св. Иоанна Крестителя в Беркли (США), многолетней старосте храма, **проф. О. П. Раевской-Хьюз**;

администратору Сербского кладбища в г. Колма (США) **В. Челоне-Крулджач**;
С. К. Простневу (г. Воткинск), Н. Н. Устьянцеву (Австралия), М. К. Сакович (США).

Воспроизведение любым способом и распространение материалов издания без разрешения правообладателей запрещено. Материалы предоставлены правообладателями для воспроизведения только в данном издании.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СЫНА АВТОРА*

Моему отцу довелось прожить удивительную жизнь и пройти через испытания, которые выпадают на долю лишь немногих. Важно то, что уже в то время он понимал, что был свидетелем ключевых, поворотных событий и старался записывать всё происходящее, чтобы в будущем можно было составить подробную хронику той эпохи. Он осознавал, что историю будут писать прежде всего победители — большевики, поэтому старался запечатлеть для будущих исследователей всё, что было в его силах.

Я помню, что отец всё свое свободное время проводил за письменным столом, писал статьи и письма. Благодаря ему и некоторым его соратникам история Гражданской войны сохранена для потомков.

Авенир Геннадьевич был бы счастлив увидеть эту книгу изданной в России. Со своей стороны, мне хотелось бы выразить глубокую благодарность Ладе Тремсиной, которой удалось собрать из разных источников такое огромное количество материалов моего отца.

*Алексей Авенирович Ефимов***
декабрь 2012 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник является продолжением публикации мемуаров участников Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны в рамках серии «Белая Россия». Первая книга Генерального штаба полковника Авенира Геннадьевича Ефимова «Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920» (М.: Айрис-пресс, 2008) была впервые издана в России в год 90-летия Ижевско-Воткинского восстания.

---

* Перевод с английского Л. Ю. Тремсиной.

** См. также: *Ефимов А. А.* О моем отце, полковнике А. Г. Ефимове и его книге // *Ефимов А. Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 381–383.

Публикация второй книги его воспоминаний посвящается 90-летию окончания Гражданской войны в России и Дальневосточного исхода Белой армии в ноябре 1922 г. Большая часть ее повествует о событиях последнего этапа Белой борьбы в Приморье, и прежде всего Хабаровского похода зимы 1921–1922 гг., во время которого полковник Ефимов командовал Ижевско-Воткинской бригадой (3-м Белоповстанческим отрядом) в составе Белоповстанческой армии генерала В. М. Молчанова. Ефимов писал, что в этот период «последние антибольшевики, несмотря на отсутствие оружия, вызвали на последний бой сильного, торжествующего врага, не раз били его и, только обессилев, никем не поддержанные, отступили»*.

В сборник включены статьи** автора, впервые опубликованные в 1930–1960-х гг. в разных периодических изданиях, и прежде всего в русских газетах и журналах, выходивших в Сан-Франциско, где автор прожил в эмиграции более сорока лет (с сентября 1923 г. до своей кончины в 1972 г., с пятилетним перерывом в 1924–1929 гг.).

Во второй части сборника впервые публикуется переписка А. Г. Ефимова из нескольких архивных собраний: архива Музея русской культуры в Сан-Франциско, архива Гуверовского института при Стенфордском университете, а также двух личных архивов — сына автора А. А. Ефимова и семьи Молчановых.

Большую часть писем составляет переписка полковника Ефимова с его бывшим соратником, поручиком Борисом Борисовичем Филимоновым (1901–1952) — первым историографом Белой борьбы в Приморье в 1921–1922 гг., который жил в эмиграции в Шанхае. В своем первом письме от 20 декабря 1930 г. Филимонов обращается к Ефимову с просьбой о содействии в сборе сведений для составляемого им «подробного описания зимнего Хабаровского похода». Ефимов пересылает это обращение другим участникам похода, начинает собирать и отправлять Филимонову материалы для его будущей книги. Между ними завязывается переписка, длившаяся более 20 лет, вплоть до безвременной кончины Филимонова в 1952 г. Используя

---

* Письмо А. Г. Ефимова Б. Б. Филимонову от 5 декабря 1933 г. (архив Музея русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63, кор. 1, д. 1).

** В настоящее издание не входят две статьи А. Г. Ефимова («Памяти адмирала Колчака» и «Сибирский ледяной поход»), которые были включены в издание «Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920» (М., 2008).

сохранившиеся у него записные книжки и документы, Авенир Ешпальевич писал подробные письма объемом в 10–15 и более страниц. В настоящем сборнике публикуется часть этой переписки (за период с конца 1932 по 1934 г.), хранящаяся ныне в фонде А. Г. Ефимова (№ 63) в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция включает оригиналы 25 писем А. Г. Ефимова (свыше 400 рукописных страниц), которые были отправлены им Филимонову в Шанхай, а спустя годы проделали обратный путь через океан. В Музей русской культуры эта коллекция писем поступила из личного архива инженера и общественного деятеля А. Н. Князева*.

В марте 1932 г. вышла из печати первая книга Б. Б. Филимонова**, в предисловии к которой автор выразил особую благодарность А. Г. Ефимову, «уделившему исключительное внимание и положившему немало труда в деле снабжения меня необходимыми материалами». Филимонов продолжает работу над второй частью книги о Хабаровском походе, и Ефимов вновь оказывает ему всяческую помощь: посылает документы и фотографии, пишет подробные письма. Вторая часть «Белоповстанцев» вышла из печати в Шанхае весной 1933 г. В 1934 г. основной темой их переписки становится новая книга Филимонова: «На путях к Уралу: поход степных полков, лето 1918 г.», опубликованная им осенью 1934 г.

Отдельные письма из последующей переписки обнаружились в другой архивной коллекции — материалах А. Г. Ефимова и Б. Б. Филимонова в фонде Русского католического центра*** в архиве Гуверовского института. В письмах Филимонова конца 1930-х гг. упоминается его будущая книга «Конец Белого Приморья» и помощь полковника Ефимова в ее подготовке, однако

---

* Алексей Николаевич Князев (1909–1993), возможно, получил их от самого Филимонова (хотя точных сведений об этом нет). Оба они до 1949 г. жили в Шанхае, а затем в лагере для русских беженцев на о. Тубабао (Филиппины), откуда Князев затем уехал в США.

** *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг. Кн. 1. Шанхай: Слово, 1932.

*** Есть основания предполагать, что материалы А. Г. Ефимова, который до конца жизни был прихожанином православного храма, попали в архив этого центра уже после его смерти. Русский католический центр Фатимской Божией матери в Сан-Франциско был основан в 1956 г. русскими эмигрантами-католиками византийского обряда как религиозный и культурный центр. В 1960–1970-е гг. проводил сбор материалов для своего архива о русской эмиграции.

писем самого Ефимова за тот период в наличии нет. Следует добавить, что упомянутая книга была издана через много лет после смерти автора, в 1971 г. в издательстве В. Камкина в США, при активном участии А. Г. Ефимова. В сборник включены найденные в том же фонде отдельные письма Ефимова Филимонову, написанные в 1941 и 1951 гг.

Из более поздней переписки А. Г. Ефимова следует отметить его письма из материалов Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, которое он возглавлял с момента основания в 1961 г. и до конца своих дней. В Приложении 1 публикуются две «Памятки о борьбе Ижевцев и Воткинцев с большевиками в 1918–1922 гг.» — брошюры, выпущенные Правлением Объединения под руководством А. Г. Ефимова в 1965 и 1968 гг.

В Приложении 2 впервые публикуется ряд архивных документов из разных источников, в том числе личные документы полк. Ефимова, характеризующие некоторые этапы его биографии. Вниманию читателей представлен фрагмент его дневниковых записей за период с конца 1922 по сентябрь 1923 г. (из-за плохого состояния записных книжек расшифровать все записи не представляется возможным). Приложение 3 включает очерк С. П. Петрова (сына генерала П. П. Петрова), лично знавшего Авенира Геннадьевича, и заметку «Авенир и Наталия» о семье полковника Ефимова и его жизни в эмиграции.

Авторский текст снабжен подробными комментариями, основная часть которых составлена д. и. н. С. В. Волковым. Издание содержит многочисленные фотоиллюстрации, любезно предоставленные для публикации сыном автора, Музеем русской культуры в Сан-Франциско, а также некоторыми потомками Ижевцев и Воткинцев. Большинство из них публикуются впервые. На вклейке представлены также фотографии некоторых наград и знаков, принадлежавших полковнику Ефимову, в том числе уникальные: миниатюрный (фрачный) вариант Знака отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й степени (изг. ок. 1921 г.); нарукавный знак милиции Временного Приамурского правительства (1921 г.); знак для беженцев, не признающих советскую власть (ок. 1923 г.).

Все тексты в книге публикуются в соответствии с правилами современной орфографии, стиль автора полностью сохранен.

Л. Ю. Тремсина

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

От составителя: статьи публикуются в порядке хронологии описываемых событий.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВО ИМЯ ПРАВДЫ

CRUSADE FOR TRUTH.

ЧЕТВЕРГ, 25-ГО МАЯ 1961 ГОДА № 410.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В 1921 ГОДУ

(К 40-ЛЕТИЮ ЗАХВАТА ВЛАДИВОСТОКА БЕЛЫМИ БОЙЦАМИ 26 — 27 МАЯ 1921 ГОДА).

В ноябре 1920 года Забайкалье было оставлено белыми войсками. Часть состава армии осела в Маньчжурии, на линии Китайско - Восточной железной дороги. Большинство же, сдав свое оружие китайским властям, согласно международных законов, продвинулось в Приморье, где власть тогда находилась в руках тех же коммунистов, но под вывеской Дальневосточной Республики — ДВР.

Сохранив крепость своей организации и тесную спайку в своих рядах, белые бойцы искали возможности вновь вооружиться и продолжать борьбу против красных — коммунистических захватчиков нашей Родины.

Естественно, первая задача состояла в овладении столицей Приморья, Владивостоком, и уничтожении местной большевицкой власти.

Белое Приморье явилось последним этапом Белого Движения.

Излагаемые воспоминания одного участника освещают это событие.

Вечером 18-го апреля 1921 года я был вызван к командиру корпуса генералу Молчанову и получил от него приказ: с отрядом в 400 иженцев и 200 уфимцев возможно скрыто переправиться во Владивосток и поступить в распоряжение генерала Лебедева, находящегося во Владивостоке.

Отряд должен был разместиться в пустующих казармах на «Первой Речке». Официально об'являлось, что партия рабочих, нанятая рыбопромышленниками на время рыбного сезона, собирается на сборный пункт перед отправкой для погрузки на рыболовные суда.

18-го апреля я явился во Владивостоке к генералу Лебедеву и получил от него дальнейшие распоряжения. В бывшего имущества, находившегося под охраной японцев. Кроме того, во Владивостоке, куда в свое время стекалось из-за границы все, что поступало на питание армии адмирала Колчака, было немало разных военных запасов. Склады русского и заграничного оружия перехо дили от русских, чехов и иност ранных интервентов из рук в руки, и немалая доля этого ору жия продавалась, перепродавалась и пряталась в потайных складах. К генералу Лебедеву приходили русские, чехи, япон цы, китайцы и другие дельцы и нели таинственные переговоры, сговаривались, доказывали тем или иным путем существование оружия, брали задатки на пер воначальные расходы и чаще всего после этого бесследно ис

Генерал-лейтенант М. К. Дитерихс.

делявшие город от «Первой Реч ки». Встретили парную повозку с красноармейцем, ехавшим за дровами — наш первый тро фей. Пошли дальше. С вершин сопок стали доноситься ружей ные выстрелы.

Где красные, где наши — определить трудно. Хорошо бы сначала добраться до винто вок, прежде чем явиться на дол гожданное свидание. Но такти ка требует всегда быть гото вым и всегда иметь план дейст вий. Какой же план? Не при дется ли иженцам вспомнить до блестный батальон Ложкина, бросавшегося в атаку с ножа ми? Только теперь повторить это с кулаками! «Запевай пес ню!» — в трудную минуту с песней веселее.

С песнями мы поднялись на вершины сопок у крепостной голубиной станции. Слева — жидкая цепь, около 20 стрелков. Это отряд местной офицерской организации вел перестрелку с красными. Последние не

раненых. Не имея воз не удержусь.

— К сожалению, могу. У меня ни одн ки!

— Дайте хоть лю лам ручные гранаты, сутствие прилаг на уверенности!

Посылать ли безо бой, или отказать в бычайной помощи? Д думывать было неко начил роту.

— От середины н

40Л

рота иженцев, как и п боевых условиях, разв и влилась в стрелковую С остальными двину ше и спустился в перв

Начало статьи А. Г. Ефимова «Военный переворот во Владивостоке в 1921 году» («Русская жизнь» (Сан-Франциско), 25 мая 1961 г.)

КАК ПРОИЗОШЛО НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ*

Сегодняшние дни переносят нас к тому печальному и роковому времени, которое наша Родина пережила 50 лет тому назад. Это было время, когда Россия сошла со своего долгого и славного исторического пути и после короткого и беспорядочного управления страной «временным правительством» обратилась в страну террора, пыток и потоков крови, в страну голода, произвола и издевательства, каких давно не видел мир.

Как случилось, что во время войны, когда страна напрягала усилия, чтобы отбить нападение сильного и коварного врага, вспыхнула революция, посеяла всеобщий развал и хаос, разрушила армию и открыла врагу дорогу внутрь России? Немало враждебных сил стремилось привести нашу страну к гибели. Враги внутренние и враги внешние, открыто или тайно, одни с определённой целью, другие по невежеству или недомыслию вызвали революцию и уничтожили страну наших предков.

Большой враждебностью к государству выделялись профессиональные революционеры, имевшие планы на развалинах России построить социалистический рай, где, по их заманчивым обещаниям, не будет эксплуатации бедных богатыми, где для всех будут приготовлены «свобода, равенство и братство». Революционеры вызывали ненависть к существующему строю, организовывали забастовки, звали на бунт и восстания, и этими путями стремились разрушить государственный аппарат. Во время войны революционеры, чуждые патриотического долга, усиливали свою предательскую деятельность. Во время войны с Японией, не кончились ещё военные действия, — в тылу начались волнения и бунты. Были втянуты в смуту даже и воинские части. Главари революционеров пытались обратить эти беспорядки в революцию.

Решительные и быстрые действия войск и полиции прекратили все волнения. Постепенно наступило успокоение, и страна начала залечивать раны, нанесённые войной и смутным временем. Во всех областях русской жизни начали замечаться большие успехи.

---

* Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско (ОРВВВ)[1] 1967, № 235, с. 9–13.

Ещё в начале 1905 г. Государь Император Николай II счёл необходимым призвать представителей от народа к законодательной деятельности. Государь не был сторонником каких-либо образцов правления Западной Европы и не обманывался в настроениях общественных сил, из которых будет состоять русский парламент.

Председатель Совета министров С. Ю. Витте уверял Государя, что в лице народного представительства Государь и правительство найдут опору и помощь. Государь ему ответил: «Не говорите мне этого... Я отлично понимаю, что создаю себе не помощников, а врагов, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной..., чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Государь вступил на путь реформы, опасность и отрицательные стороны которой Он всё время ощущал (*С. С. Ольденбург*, [Царствование Императора Николая II], т. I, ч. 2, с. 348–349).

Мировая война не дала Государю выполнить задуманное. 1-я Государственная Дума была открыта 27 апреля 1906 г. В своём обращении к собравшимся в Зимнем Дворце членам Государственного Совета и Государственной Думы Государь говорил: «...Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас».

Но любовь к Родине не стояла на первом плане у Думских депутатов. Нечто другое, чем то, к чему Государь призывал «лучших людей», происходило в Таврическом Дворце — месте работы Государственной Думы. Депутаты начали с того, что потребовали от имени народа амнистии для тех, кто продолжал кровавый террор. Это требование давало безнаказанность убийцам. Также требовалась ответственность министерств перед Думой, упразднение Государственного Совета и т. д.

Дума определённо выказала враждебность к Верховной власти и правительству. В июле она была распущена. Часть депутатов отправилась в Финляндию в г. Выборг и оттуда обратилась к населению с призывом не платить налогов и не давать солдат. Из этого ничего не вышло — народ не пошёл на бунтарский призыв. Стало очевидным, что Дума с правительством работать не желает, а её деятельность может оказаться адской машиной революции для взрыва государства. К величайшему несчастью России, это позднее и случилось...

Государем было получено много петиций — уничтожить Думу совершенно, как рассадницу волнений. Государь с этим не согласился. Он не желал отнимать то, что считал необходимым шагом для дальнейшего развития Государственной жизни страны.

2-я Дума, открытая в феврале 1907 г., также оказалась помехой в управлении страной. Председателю Совета Министров Столыпину приходилось выступать с такими заявлениями, ставшими историческими: «Не запугаете!» или «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия!»

Левые депутаты Думы были замешаны в организации военных заговоров, и 2-я Дума также была распущена. Одновременно был издан новый избирательный закон. 3-я Дума проработала положенный пятилетний срок, до половины (середины — *Ред.*) 1912 г. Умелое руководство жизнью Государства Столыпиным, крупнейшим государственным деятелем, позволило направить жизнь страны на путь уничтожения анархии, проведения нужных реформ и процветания. Столыпин был убит революционером в 1911 г., и его смерть была непоправимым ударом для России.

4-я Дума была открыта в конце 1912 г. в спокойной обстановке государственного расцвета. Через два года началась Мировая война.

Борьба была тяжёлая, требовала напряжения всех сил государства и полного единодушия всего народа. Однако постепенно начали нарастать усталость и недовольство в различных, главным образом в левых кругах общества. Государственная Дума, хорошо осведомлённая о военном положении и, казалось, обязанная содействовать сохранению спокойствия, не только не действовала в этом направлении, но заговорила о переменах в правительстве, которое обвинялось в неспособности привести страну к победе.

Дума стала настаивать на образовании ответственного перед ней министерства и оказалась во главе тех, кто вёл государство к гибели. Позднее выяснилось, кому нужна была революция и почему она произошла за несколько месяцев до общего наступления союзников против обескровленного врага, незадолго до прихода долгожданной победы.

Это ясно высказал Милюков в письме к кн. Долгорукову: «Мы знали, что весной предстояла победа Русской армии. В таком случае престиж и обаяние Царя в народе сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить Престол и Самодержца были бы тщетны. Вот почему

и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность. Мы, впрочем, надеялись, что и сами сумеем окончить войну победоносно. Оказалось, что мы ошиблись: вся власть была вырвана из наших рук чернью. Что делать? Наша ошибка оказалась роковой для России».

Лишить свою страну и армию победы и свалить престол Самодержца во время войны ради *захвата власти*, было *преступлением*, подлость которого со стороны «избранников народа», «лучших людей» — не поддаётся уразумению!

Преступные замыслы вызвали и позорные приёмы действий. При наличии в Петрограде муки на две недели и подвоза новых запасов распространяются слухи, что настанет голод. Рабочих призывают к забастовке. Беспорядки начались 23 февраля — забастовало 80 тысяч рабочих; 24-го — бастуют уже 200 тысяч, 25-го — 250 тысяч. Занятия в учебных заведениях прекратились. Рабочие и учащиеся заполняют улицы. Начались столкновения с полицией. 26 февраля Государь объявил указ об отсрочке работ в Государственной Думе. 27 февраля вспыхнул солдатский бунт сначала в запасных частях Лейб-Гвардии Волынского и Литовского полков и быстро распространился в остальных частях Петроградского 150-тысячного гарнизона (все запасные части).

Правительство растерялось, и председатель Совета Министров кн. Голицын послал в Ставку Государю телеграмму, что не может справиться с восстанием. Государственная Дума, не подчиняясь указу о прекращении занятий, пользуется беспорядками, чтобы захватить власть, и создаёт «временный комитет». Этот «комитет» и берёт власть. Но за спиной комитета образуется совет «рабочих депутатов», диктующий свои требования. «Комитет» с Родзянкой во главе пасует перед «советом» рабочих.

Растерянность и нервность, которыми охвачены новые правители в «комитете», хорошо видны из разговоров Родзянко с Главнокомандующим Северным фронтом ген. Рузским[2]. Вот отдельные фразы Родзянки: «...Эшелоны, высланные Вами в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Гос. Думе... верят только мне и исполняют только мои приказания.... я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук... настала одна из самых страшных революций, побороть которую будет не так легко... наступила такая анархия, что Гос. Думе, а мне в частности, осталось только взять движение в свои руки и стать во главе,

чтобы избежать анархии, которая грозила бы гибелью государства... к сожалению, мне это далеко не удалось; народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможным... войска окончательно деморализованы, не слушаются и убивают своих офицеров... ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов... вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость... очень опасаюсь, что такая же участь постигнет меня... Династический вопрос поставлен ребром... ненависть к Династии дошла до крайних пределов... весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твёрдо: войну продолжать и довести до победного конца... везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу Сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определёнными требованиями...» Затем Родзянко просит прекратить присылку войск с фронта, так как они действовать «против народа» не будут. «Остановите ненужные жертвы», — добавляет Родзянко. Разговоры Родзянко и другие тревожные сведения передаются в Ставку, и там всё это принимается на веру.

Заговорщики, с Родзянко во главе, стремятся устранить Государя, но боятся сделать это открыто. Они добиваются, чтобы Государь отрёкся бы от Престола Сам.

Предположение, что отречение Государя может принести полное успокоение, усиленно пропагандировалось. Командующих фронтами, под предлогом спасти от развала войска, убеждают обратиться к Государю с просьбой отказаться от Престола в пользу Наследника. На Государя эта просьба произвела удручающее впечатление. В связи со всем пережитым за последние тревожные дни Государь решил без колебания отречься от Престола. «Нет той жертвы, которую Я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения Родной Матушки-России» — начинается Царская телеграмма, подписанная в три часа дня 2 марта 1917 г. на имя Родзянко.

Думский «комитет» посылает Гучкова и Шульгина просить у Государя отречения от Престола. На сказанные Гучковым в приподнятом тоне слова о торжестве революции и присоединении к ней войск Государь спокойно сказал о принятом уже решении. Гучков привёз проект манифеста. Государь вышел и, вернувшись, передал лист бумаги посланцам, сказав коротко:

«Вот текст!» Манифест был помечен 3 ч дня — время, когда Государь принял своё решение. Этот манифест не был сразу обнародован. Заговорщики боялись его содержания.

Кто защищал государственную власть в Петрограде? В столице было 3500 человек городовых, погибших в большом количестве на своих постах против 400 тыс. рабочих и 150 тыс. взбунтовавшихся солдат запасных батальонов. Были отдельные небольшие отряды, которые доблестно выполняли свой долг в первые дни восстания. Керсновский в «Истории Русской армии»*, с. 944 отмечает запасный самокатный[3] батальон, с героем-командиром полковником Балкашиным[4], который оказал 27 и 28 февраля отчаянное сопротивление и погиб. Из этого батальона спасся подполк. Левицкий[5], который дал подробное описание** действий самокатчиков. Керсновский указывает также на отряд полк. Кутепова, который занял Зимний Дворец, но покинул его по требованию коменданта, чтобы целость дворца не пострадала от боевых действий. Тогда полк. Кутепов перешёл в Адмиралтейство, но должен был покинуть и это здание, за целость которого опасался адмирал Григорович.

Отряд в 1100 человек при 12 орудиях и 15 пулемётах явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, навзрыд плакавший, приказал отряду разойтись.

Революция не была, как её стараются изобразить социалистические и либеральные историки, неизбежным ходом русской истории. Революция была организована внутренними предателями и внешними нашими врагами. На революцию щедро давали деньги московский купец Савва Морозов, сахарный миллионер Терещенко и другие русские «благодетели». Немцы от Клаузевица познали, что Россия — такая страна, которую можно покорить, только используя её слабые стороны — создавая внутренние раздоры. Ещё в июне 1914 г., за два месяца до войны, они наняли Ленина на устройство революционных беспорядков. 70 миллионов марок ему было выдано с началом войны, и выдачи увеличивались в зависимости от успеха его работы. Это соглашение подтверждается германскими генералами Гоффманом и Людендорфом и не оспаривалось Лениным. 20 октября

---

* *Керсновский А. А.* История Русской армии: в 4-х т. Белград: Царский вестник, 1933–1935. — *Прим. сост.*

** *Левитский Е.* Февральские дни (воспоминания участника) // Вестник ОРВВВ. 1957, № 206, с. 25–29; № 207, с. 21–26. — *Прим. сост.*

1918 г. Ленин заявил на митинге: «Меня часто обвиняют, что я выиграл в революции с помощью немецких денег. Я никогда не отрицал этого факта, не отрицаю и теперь. Я прибавлю только, что русскими деньгами мы сделаем подобную же революцию в Германии».

Группа американских миллионеров, заинтересованных в русской революции, давали щедро Ленину и его сподвижникам, с условием выплаты после успеха. Последний Посланник Императорского правительства в САШ Бахметьев сообщает, что большевики переправили (трудно поверить) 600 миллионов золотом, в течение пяти лет после начала их власти, банкирскому дому «Кун, Лоеб и К°.». Глава этого дома Яков Шиф открыто хвалился, что уничтожил Царский режим в России своей финансовой помощью.

Недоумение вызывает помощь со стороны Англии русской революции через своего посланника Бьюкенена. Война не была ещё закончена, и удары Русской армии по общему врагу могли очень и очень пригодиться союзникам. Но англичане учли, что Германия уже совершенно выдохлась, что Америка готовила свою армию для вступления в войну на стороне союзников и что России были обещаны Босфорские проливы и Константинополь. Обещания эти Англии не нравились. «Случайное» событие могло уничтожить данное обещание и обязательство. «Случайное» событие, в виде революции, уже подготовлялось, но для Англии «большевизм» родился 5 сентября 1916 г. — в день, когда Англия подписала своё обязательство, которое было уничтожено революцией. Из пожертвованных англичанами на русскую революцию денег известна работа английских агентов, раздававших 25-рублёвые бумажки запасным Павловского полка за несколько часов до того, как они вышли на улицу.

Как кратко охарактеризовать русскую революцию? В день отречения Государь записал в свой дневник: «Всюду обман, трусость и измена». Яснее не скажешь!!

ВОСПОМИНАНИЯ О 1917 г.*

Быстро бегут год за годом, и вместе с ними бледнеют и исчезают впечатления прошлого. Но некоторые события врезались в память навсегда.

37-й армейский корпус, входивший в состав 5-й армии, стоял к югу от Двинска. Боёв давно не было. Штаб корпуса располагался на мызе Опса.

В первых числах марта 1917 года, точно дня не помню, поздно вечером в телеграфную комнату был вызван дежурный по оперативному отделу офицер. Я подошёл к аппарату Юза. — «Говорит штаб армии. Позовите командира корпуса. Когда все командиры соберутся у аппаратов, будет передана телеграмма большой важности».

Командир корпуса ген.-лейт. Сулькевич[6] был в отъезде, и его временно заменял начальник одной из дивизий ген. Коленковский (или Калиновский)[7] Я доложил ему распоряжение из штаба армии. Он немедленно отправился в телеграфную комнату. Я его сопровождал.

Старый седой генерал в пенсне, с небольшой подстриженной бородкой и большими усами выглядел строгим. Но он был известен как очень заботливый командир, благожелательно относившийся к своим подчинённым. Заботы о солдатах и хорошей пище в солдатских котлах стояли у него на первом плане. На шее он постоянно носил орден Белого Орла[8] и очень гордился этой редкой наградой.

Телеграфист сообщил в штаб армии, что временно командующий корпусом у аппарата. Прошло 5—10 минут, и аппарат Юза застучал. Одна за другой появлялись буквы, слагались в слова и фразы. Мы впились в ленту, которую телеграфист отрывал по частям и наклеивал на бумагу. Иногда генерал остро взглядывал на меня, я смотрел на него. Мы, казалось, понимали друг друга. Но в то же время не могли понять, отказывались понять, что сообщал телеграф. Было невероятно то, что передавалось... Государь отрёкся от Престола.

Генерал прослужил своему Царю почти полвека, а я, ещё молодой офицер, но воспитанный в любви к Родине и верности своему Верховному Вождю — мы оба как бы потеряли

---

* Вестник первопоходника (Лос-Анджелес), 1967, № 75, с. 12—14.

под ногами почву, стоим на краю бездны, и ещё несколько мгновений — и всему будет конец. Что делать дальше? Аппарат кончил передачу. Генерал посмотрел на телеграфиста и угрожающе проговорил: «Если ты скажешь об ЭТОМ кому-нибудь, я тебя расстреляю!»

Бедный генерал! Он был бессилен что-либо сделать и изменить ход событий. Не мог он даже остановить распространение содержания поразившей нас телеграммы в районе подчинённого ему корпуса. Может быть, наш телеграфист и не передал никому того, что отстукал аппарат, но были другие пути и другие телеграфисты и штабы, через которые зловещая новость быстро распространилась.

Прошло два или три дня, и к штабу корпуса подошла группа офицеров и солдат железнодорожного батальона с красным флагом и красными бантами на шинелях. Во главе находился полковник — командир батальона, узкоколейка которого обслуживала корпус. Командир батальона не раз бывал в штабе, любил рассказывать о своих служебных успехах, громким голосом повествовал, как ему удалось предупредить покушение революционеров устроить крушение Царского поезда. За это он был награждён золотыми часами с великолепно исполненным Государственным гербом и надписью о выполнении им служебного долга.

И вот теперь «заслуженный» офицер явился к штабу с толпой своих подчинённых и призывал вышедших на крыльцо чинов штаба выразить верность «революции» и надеть красные банты. Он громким голосом ругал старое правительство, обвинял его в жестокостях к «народу», и в особенности в преследовании тех людей, которые стремились дать народу разные «свободы».

Командир корпуса ген. Сулькевич, вернувшийся из поездки, ответил кратко, что не наше дело — политика и что военная форма не допускает украшения бантами. Отряд новоиспечённых революционеров отправился домой. Полковнику приходилось ещё по делам службы приходить в штаб корпуса, где он встречал холодный приём и офицеры штаба не подавали ему руки.

Среди писарей штаба был один по фамилии Шиф, еврей, видимо хорошо образованный, очень внимательный и исполнительный в своей работе. Начавшееся беспокойное настроение в армии отразилось и на нём. Он стал более оживлённым, чем всегда, охотно разговаривал на разные темы текущих событий.

Его сочувственное отношение к революции не вызывало сомнений.

Перестали приходить в штаб «Новое Время», «Россия» и другие газеты правого или умеренного направления. Оказалось, что их новая власть прихлопнула. Встретив Шифа, я спросил его:

— Почему же закрыты эти газеты, когда объявлены разные свободы?

— Потому что они были против свободы, — не задумываясь, ответил мой собеседник.

— Разве свободы принадлежат только тем, кто о них кричит? — возразил я.

— Мы не позволим, чтобы кто-нибудь задушил добытые свободы.

— А кто это МЫ? — не унимался я.

— МЫ — те, кто боролся с произволом Царской власти!

Я замолчал и пошёл по своему делу, поняв, что не подготовлен к разговору с хорошо натасканным партийным деятелем.

В штабе среди офицеров, призванных из запаса, был прапорщик Филиппов — маленький, скромный, незаметный, но трудолюбивый человек, кажется, из кооператоров. Не помню, какую должность он исполнял, но помогал всем, кто к нему обращался. Охотно помогал и мне. Приходилось нам беседовать и о происходящих событиях. От него я узнал, что Шиф — член социал-демократической партии меньшевиков, убеждённый социалист и горячо приветствует всё, что совершается в Петрограде и распространяется по всей стране. Сам Филиппов сочувствовал новым веяниям, но многого не одобрял.

Недели через две или немного позднее в корпус приехали два представителя от Государственной Думы — один депутат от партии к.-д., другой «трудовик». Они приехали поздравить войска с совершившейся революцией, появлением новой власти и новых порядков. Депутат от к.-д. был священник. Он довольно гладко и толково говорил о приходе новой эры в жизни государства с торжеством разных свобод и уничтожением притеснений и пороков старого правительства. Трудовик — худощавый, по-видимому, больной и очень нервный — озлобленно ругал старую власть и уверял, что теперь всё будет иначе, всё будет хорошо. После речей этих депутатов присутствующие стали задавать разные вопросы и расспрашивать, что делается в Петрограде. Одни окружили священника, другие — трудовика. Вмешался и я, сказав трудовику:

— Необходимо скорей наладить руководство на верхах армии и на пост Верховного Главнокомандующего вернуть Великого князя Николая Николаевича.

Трудовик зло посмотрел на меня:

— Нет, нам царских родственников не нужно. Мы найдём других.

Эти разговоры были днём, перед обедом, которым штаб угощал «дорогих» гостей. Вечером прапорщик Филиппов сообщил мне, что я за своё упоминание о Великом князе записан в «чёрный» список. Он предупредил меня быть осторожным. Я не расспрашивал его, что это за список, кто туда попал, и скоро об этом забыл.

Время шло. Армия постепенно разваливалась и самодемобилизировалась, начались братания с немцами, боевых действий на нашем участке не было.

Неожиданно в июле я получил некоторое «повышение» — писаря штаба корпуса выбрали меня председателем своего комитета.

Этого я никак не ожидал. Отказаться было нельзя, и мне пришлось «должность» принять. Провёл несколько заседаний с соответствующими постановлениями. Правда, никаких «больших» вопросов они не решали. Обратился всё к тому же прапорщику Филиппову: «Как я попал в председатели комитета писарей, которые, конечно, знали, что я зачислен в "чёрный список" и, следовательно, не заслуживаю доверия?»

Объяснение оказалось простым. Попал я на эту должность по указанию Шифа. Под секретом Филиппов сообщил мне свой разговор с Шифом. По мнению Шифа, «чёрный список» не так важен, но «капитан Ефимов всё-таки с нами разговаривает, а другие сторонятся. Надо пойти навстречу Ефимову, оказать ему доверие, и он, может быть, впоследствии будет с нами. Без офицеров нам всё равно не обойтись, надо только выбрать подходящих».

Я обратился к начальнику штаба, сообщил, что все эти комитеты на военной службе не для меня, и попросил перевести в какую-нибудь дивизию. О том, что в штабе есть другой хозяин, ведущий свою линию, я не говорил. Это, по-видимому, было ему известно. Начальник штаба вошёл в моё положение, но сообщил, что в дивизионных штабах вакансий нет. Вскоре выяснилось, что в соседнем 14-м армейском корпусе есть подходящая вакансия. 12 августа я прибыл на новое место службы,

явился начальнику штаба полковнику Ген. штаба Беловскому[9] и командиру корпуса ген. барону Будбергу[10]. Здесь я усиленно молчал и избежал быть выбранным на какую-либо «почётную» должность.

2 февраля германцы перешли в наступление и почти нигде не встретили сопротивления. Командир корпуса и начальник штаба оставили корпус ещё в ноябре 1917 г. Штаб корпуса успел выбраться в тыл перед приходом немцев и 15 февраля прибыл по ж.-д. в Москву. Незадолго до нашего приезда из Петрограда в Москву прибыло всё большевицкое правительство, испугавшись, что немцы через Ригу дойдут до Петрограда.

Беспорядок в «правительственных» учреждениях был необычайный. Штабу удалось привезти в Москву один автомобиль. Мне было поручено раздобыть несколько литров горючего. «Социализм — это учёт», — говорят мудрецы от социализма. Мне пришлось потерять пять дней, чтобы достать газолин (бензин. — *Сост.*). Пришлось пройти через 16 или больше учреждений.

10 марта я распрощался со своими сослуживцами и решил закончить свою военную службу, которую любил и которой собирался посвятить всю жизнь. Но вскоре вспыхнула Гражданская война, и я вновь попал на военную службу в рядах Белой Армии.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В БОРЬБЕ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ АДМИРАЛА КОЛЧАКА*

В неудачах борьбы с большевиками на Восточном фронте было много причин, и в некоторых из них нелегко разобраться; но трагическая гибель адмирала Колчака вырисовывается отчётливо, если не вдаваться в рассмотрение мелочей и подойти открыто к главным фактам этой трагедии.

Здесь было двойное предательство, в котором участвовали, во-первых, социалисты-революционеры и, во-вторых, чехи со своим покровителем — главнокомандующим «союзными» войсками в Сибири ген. Жаненом.

Для большей ясности необходимо обратиться к первым дням возникновения Восточного фронта. 8 июня 1918 г. Самара была захвачена чехами и русскими противобольшевицкими организациями. Сразу же появились из подполья пять социалистов-революционеров, в чешском автомобиле, под охраной чехов отправились в Городскую Думу Самары и... объявили себя правительством.

Эта пятёрка состояла из членов Учредительного собрания, которое, почти 5 месяцев перед этим, открылось в Петербурге 18 января 1918 г. и в тот же день было разогнано большевиками. Никто не выступал на защиту этого Собрания, выбранного под руководством и давлением левых революционных партий, в том числе и большевиков, и с нарушением выборных правил, составленных ими же самими.

Большинство Собрания состояло из членов партии соц[иалистов]-рев[олюционеров]. На основании этого большинства они считали себя неоспоримыми избранниками народа. В Самаре, в день изгнания большевиков, находившиеся здесь с.-р. (*далее в тексте:* эсеры — *Сост.*) поспешили восстановить свои «права» и объявить себя правительственной властью.

Как в день разгона Учредительного собрания в Петербурге никто их не поддержал, так и в Самаре к ним были равнодушны, и «народные» избранники обратились к помощи чешских штыков. Так появилась власть «Комитета учредительного собрания»,

---

* Златоцвет (Бурлингейм, США), 1963, вып. 13, с. 7–13.

сокращённо — «Комуч», пополнявшаяся вновь прибывающими новыми членами, в большинстве всё теми же эсерами.

Протестов на появление самозванной власти вначале не было, — надо было организовать прежде силы для борьбы с большевиками и вести эту борьбу. За это дело горячо и принялись все, кто желал избавиться от гнёта большевиков. Мешало ли им присутствие «правительства» или помогало — мало интересовало тех, кто брал в руки винтовку.

Многие действия «Комуча» вызвали сразу же неудовольствие и даже озлобление среди добровольцев формирующихся отрядов в приволжских губерниях, и особенно среди офицеров. Подъём красного флага над зданием «Комуча» указывал, что засевшие там эсеры хотели уничтожить большевиков только для того, чтобы продолжать дело «углубления революции» по своим старым рецептам.

«Комуч» не мог обойтись без офицеров при формировании войсковых частей, но не доверял им и потому организовывал свои «надёжные» отряды и русско-чешские полки. Мобилизация населения для развёртывания армии им не удалась. Призванные на службу, главным образом крестьяне, не являлись вовсе или разбегались. Пришлось поступиться «демократическими» принципами и объявить за дезертирство смертную казнь. Организацию первых добровольческих отрядов и их успехи «учредиловцы» приписали себе.

Захват Казани в начале августа был пределом успехов на Восточном фронте. В сентябре 1918 г. начались неудачи. Партийная власть эсеров, умевших только разрушать и не способных к созданию порядка и организации армии.

Начался отход к Уралу.

Учредиловцам стало ясно, что на одной победе при выборах в Учредительное собрание далеко не уедешь, что для дальнейшей борьбы необходимо в первую очередь объединить усилия всех самостоятельных областей России, разъединённых революцией, и образовать одно правительство.

В Сибири было много противников эсеровского «Комуча», и на пути организации единого правительства встало много преград. «Комучу» пришлось пойти на уступки и лишиться того доминирующего положения, на которое он претендовал на основании своих «прав» происхождения от Учредительного собрания. В конце концов 23 сентября была выбрана верховная власть в лице «Директории» из пяти членов. В их число вошли

двое эсеров, из них Авксентьев[11] был выбран председателем правительства. Другой эсер, ставший членом «Директории», Зензинов[12], в прошлом был руководителем и участником террористических убийств.

Если часть эсеров была вынуждена [идти] на сотрудничество с представителями других партий и групп населения, то другие, под водительством Чернова[13], — бывшего председателя однодневного Учредительного собрания, не признавали никаких уступок. Эсеры черновской группы опубликовали 22 октября прокламацию к своим партийным организациям, призывая «сомкнуться, сплотить теснее свои ряды, излечиться от неуверенности, колебаний» и т. д., и ждала, что тогда возвратятся «в сферу влияния партии те массовые элементы, которые были от неё оторваны беззастенчивой демагогией и революционным угаром бурного времени».

Далее в прокламации говорилось, что все «силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены, чтоб выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта»... «Только деятельность Учредительного собрания и руководящей в ней с.-р. фракции способны гарантировать народ от засилья контрреволюционерами».

Из прокламации видим, что указанная группа только свою партию считала способной «гарантировать народ от засилья» и призывала к оружию и против большевиков, и против контрреволюционеров, в число которых попадают все, кто не состоит в партии с.-р.

Прокламация эсеров вызвала общее возмущение. С трудом созданное правительство оказалось уже расколотым: входящие в него эсеры состоят в партии, которая мобилизует своих членов и угрожает вооружённым выступлением.

Директория ничем не реагировала на такую прокламацию, и доверие к ней, и без того незначительное, поколебалось ещё больше. Кончилось это тем, что противники Директории арестовали в ночь на 18 ноября [1918 г.] обоих членов правительства, состоящих в партии эсеров. Совет министров, в заседании которого присутствовало два члена Директории, передали власть адмиралу Александру Васильевичу Колчаку.

Эсеры хотели слишком многого и потеряли всё. Правда, они ещё не сдались и пробовали поднять на фронте некоторые

войсковые части против власти адмирала Колчака, в том числе рассчитывали на рабочие полки Ижевцев и Воткинцев, но никто на их призыв не откликнулся.

Также пробовали эсеры обратиться за помощью к чехам. Последние, после признания власти адм. Колчака всеми иностранными представителями, ограничились заявлением, в лице своего Национального совета, что они не сочувствуют насильственным переворотам и надеются, что кризис власти будет разрешён законным путём. Отказ чехов от вооружённого выступления один из эсеров назвал «чёрным предательством».

После 18 ноября эсеры распылились. Председатель Директории Авксентьев, член Директории Зензинов и некоторые другие уехали за границу, не постеснявшись принять от нового «реакционного» правительства весьма значительную сумму денег как помощь на поездку.

Часть эсеров, в том числе председатель «Комуча» Вольский[14], перешли к большевикам; другие, уйдя в «подполье», начали вести борьбу с «чёрной реакцией», продавая Россию и русский народ как большевикам, так и иностранцам.

Перейдём к действиям чехословаков. С началом русской революции чешские войска, состоявшие в небольшой части из добровольцев-чехов, проживавших в России, а в большинстве из пленных чехов австрийских армий, после развала Русской государственности очутились в тяжёлом положении, особенно в районе недавних боевых действий. Перед ними стояли германские и австрийские войска, после большевицкого захвата власти перешедшие в наступление для оккупирования русских земель. Чехам пришлось отходить на восток, чтобы не попасть в руки австро-германцев, где большинство из них, как подданные Австрии, подлежали расстрелу за измену.

Союзники России предполагали их перебросить на французский фронт, где в это время шли ожесточённые бои, решавшие судьбу Первой мировой войны. Эшелоны чехов через Курск, Пензу, Самару, Уфу и далее через Сибирь на восток.

25 мая 1918 г. большевики отдали приказ (безусловно, по распоряжению Гинденбурга[15]. — *Прим. ред. журнала «Златоцвет»*) о разоружении чехов, но чехи ответили вооружённым выступлением, и к ним присоединились русские. Но, в общем, для нашего дела восстание чехов было преждевременным: сибиряки

ещё не знали, что такое большевики и многие были инертны, что впоследствии трагически отразилось на борьбе.

За полтора месяца вся железнодорожная магистраль от Волги и до Байкала была освобождена от красных, а в августе очистили от врага и южную часть Забайкальской области. Таким образом, открылось движение через Маньчжурию на Владивосток. На Волге же в это время уже три месяца шли бои, но уже в августе под Казанью чехи отказались драться дальше. После оставления Казани Первый чешский полк отказался идти в арьергарде — они устали...

Неожиданно пришло известие, что на Западе заключено перемирие, и после этого чехи совершенно отказались от борьбы с красными и бросили фронт. Их отправили на охрану Сибирской железной дороги.

Отправленные в тыл чехи занялись грабежом русского имущества: на заводах Урала — стали, машин, станков, меди в чушках, в домах жителей — пианино и прочего имущества. Для награбленного понадобилось свыше 20 000 вагонов, и всё это медленно, но верно было доставлено во Владивостокский порт и погружено на пароходы, увёзшие всё награбленное и самих грабителей в Чехию. Можно сказать, что украдено было на сотни миллионов рублей. Так спасали Сибирь от красных бандитов «белые» бандиты-чехи.

14 ноября 1919 года Омск был оставлен нашими войсками. Пришли ли чехи в эту тяжёлую минуту на помощь тем русским, которые в первые же дни их выступления поддержали их и помогли быстро справиться с большевиками? Нет.

Как раз наоборот. Видя, что боевое счастье повернулось в сторону большевиков, зная, что они сами немало содействовали этому, и видя, что [настало] время спасаться от красных и вывозить награбленное, подобно вору, который в суматохе толпы кричит: «Держите вора!», чехи выпускают «меморандум», в котором, за подписью их представителей Павло и Гирса, они клевещут на «реакционное» правительство адмирала Колчака, а себя почитают безгрешными «демократами», придерживавшимися строгого нейтралитета.

Они бросили обвинение русским властям в «выжигании деревень, избиении мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелами без суда» и т. д. — в тех преступлениях, которые

они сами проделывали в больших масштабах в районах, прилегавших к охраняемой ими железной дороге. Кроме оправдания себя пред «мировым общественным» мнением, меморандум Павло и Гирса явно призывал к выступлению против правительства адмирала Колчака и был, конечно, на руку союзникам чехов — социалистам-революционерам.

Отход фронта на восток заставил чехов торопиться, но это для них было не так легко сделать с их огромным «обозом» в десятки тысяч вагонов. Порядок движения, с одобрения г. Жанена, был такой: впереди всех двигались чехи, за ними сербы и румыны, затем поляки и последними — хозяева страны. Командовавший чехами г. Сыровой[16] заявил Жанену, что в случае отказа чешским эшелонам двигаться в первой очереди он не ручается за последствия.

Движение происходило вне зависимости от того, кто или что перевозится. Никакого преимущества поездам с больными и ранеными или беженцам — не давалось. Чехи удирали впереди со всем награбленным в Сибири добром.

Железная дорога не смогла справиться с движением огромного количества поездов, двигавшихся в одном направлении и при тех «порядках», что установили чехи. На участке пути у г. Новониколаевска[17] застряло двести поездов: с нашими ранеными, больными, бежавшими от красных. Поезда обратились в неподвижные кладбища. Чехи, в страхе быть настигнутыми красными, совершенно обнаглели, силой отбирали паровозы.

Отступавшие наши части, сдерживая красных, оказались в тяжёлом положении, отрезанные от тыловых баз. Если продовольствие можно было получать от местного населения, хотя и не всегда в достаточном количестве, то с огнестрельными припасами дело обстояло много хуже.

После Красноярска, у ст. Клюквенной погибла польская дивизия; поляки просили чехов пропустить из их 56 эшелонов только пять — с ранеными, больными и семьями, обещав двигаться дальше походным порядком в арьергарде, защищая тыл чехов. Сыровой ответил: «Вы обязаны идти последними. Ни один польский эшелон не может быть мною пропущен на восток... дальнейшие переговоры по этому вопросу считаю законченными, вопрос исчерпан».

За поляками пострадали румыны и югославы. Так, предавая своих «союзников», чехи трусливо искали своё спасение. Но

пришла и их очередь защищать самих себя. Взрывами мостов чехи пробовали задержать красных, но неудачно. В прошедших столкновениях чехи понесли большой урон, потеряв несколько эшелонов и бронепоездов, **о чём они нигде не упоминают**.

Готовилось новое предательство. Выдачей адмирала А. В. Колчака чехи покупали себе дальнейшую возможность пробраться на восток; но сделать это надо было так, чтобы подлость предательства не была слишком очевидна, нужно было замаскироваться какими-нибудь обстоятельствами, вынуждавшими чехов на этот шаг Иуды.

Поезд адмирала Александра Васильевича Колчака был задержан 18 декабря на станции Нижнеудинск Иркутской губернии. Фактически адмирал Колчак оказался арестованным. Эта задержка должна была продолжаться, пока правительство адмирала Колчака, находившееся в Иркутске, как и верные ему там же войска, не будут уничтожены разными приёмами провокации, пропаганды и вооружёнными выступлениями. За такую каинову работу принялись как большевики, так и социалисты-революционеры, — последние не теряли ещё надежды пробраться к власти хотя бы на небольшом клочке разрушенной с их помощью России.

Рождённый чехами так называемый «Политический центр», состоявший в большинстве из членов партии социалистов-революционеров и давно уже творивший каиново дело против национального русского правительства адмирала Колчака, объявил себя «властью» в Иркутске.

Остатки правительственных войск и некоторые члены правительства 5 января 1920 года отступили в Забайкалье.

Теперь чехам стало возможно привезти адмирала Колчака и передать его, по требованию «народа», членам «Политического центра». 15 января адмирал Колчак был доставлен в Иркутск (точнее, на станцию Иннокентьевскую, на другом берегу Ангары, против Иркутска) в вагоне, на котором были вывешены флаги демократических республик: США, Франции, Англии, Чехии, — как гарантия защиты адмирала от каких-либо врагов... Мы теперь знаем цену этих флагов, а для предателей честь флагов была непонятна. С согласия Жанена чехи в тот же день выдали адмирала Колчака и председателя его Совета министров В. Пепеляева[18] «Политическому центру» социалистов-революционеров.

Накануне Жанен, как Пилат, умывший руки, умчался из Иркутска в Забайкалье. Через неделю, 22 января 1920 г. власть

в Иркутске захватили большевики — военно-революционный комитет. Привыкшие болтаться, как и при Керенском, между разными течениями бурной эпохи, социалисты-революционеры и на этот раз проложили дорогу и торжеству, и кровавым делам большевиков.

Впрочем, от большевиков — по своим политическим воззрениям и действиям — социалисты-революционеры далеко никогда и не отходили. Революция для социалистов-революционеров всегда была ценнее, чем Россия и интересы русского народа, они исповедовали только в своих программах и речах ненасытную жажду власти.

7 февраля 1920 года, рано утром Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Александр Васильевич Колчак и с ним его председатель Совета министров В. Пепеляев были убиты, и их тела были брошены под лёд реки Ангары...

Это гнусное злодейство и чехи, и Жанен пробуют оправдать разными причинами и перекладывают вину друг на друга и на разные случайные, мало что объясняющие обстоятельства. Договор с красными о беспрепятственном пропуске поездов чешских войск на восток при условии выдачи адмирала Колчака и его сотрудников и невмешательства в распоряжения советской власти в отношении к арестованным, не оставляет сомнения, что предательство было, и чешским легионерам не смыть его никакими оправданиями.

Жизнь адмирала Александра Васильевича Колчака и его трагическая смерть — это жестокий урок для русских людей. Этот урок указывает, что строить русским свою жизнь надо самим. Никакие чуждые нам учения западных и иных мудрецов, реформаторов, «передовых» властителей дум нам не нужны.

Никаких союзников нигде и никогда нам не найти; на помощь придут только те, кто может извлечь выгоду, и только тогда, когда это можно получить лёгким путём. В минуту неудач нас не только покинут, но и предадут и продадут, если надо — самым подлым образом, забывая о своих обещаниях, о своих демократических принципах и чести. Первая Мировая война, последовавшая за ней революция и, наконец, Гражданская война свидетельствуют об этом...

Не будем забывать светлый образ русского витязя адмирала Александра Васильевича Колчака, его жизнь для блага России и его смерть за Отечество наше.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ В РЯДАХ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА*

В дополнение к описанию «Восстание Ижевцев и Воткинцев»**, помещённому в «Часовом» № 416–423, здесь прилагается краткий перечень важнейших действий отступивших за Каму рабочих Ижевского и Воткинского заводов и присоединившихся к ним крестьян окрестных селений в их борьбе с красными в рядах армий Восточного фронта.

После отступления за Каму Ижевцы и Воткинцы заняли позиции по левому берегу реки и несколько дней отражали попытки [красных] переправиться. В конце ноября 1918 г. они отошли дальше на восток: Воткинцы, составлявшие 4-полковую дивизию, вышли в район действий Сибирской армии и заняли участок на их фронте, а Ижевцы, переформировавшие свои части в 2-полковую бригаду, перешли в район Западной армии.

18 ноября во главе Государственной власти встал адмирал Колчак. Сторонники устранённой Директории делали попытки помешать образованию нового правительства. Они пробовали поднять восстание среди некоторых частей, которые, как им казалось, были на их стороне. В том числе они рассчитывали на поддержку рабочих полков. Но никаких частей этим неудачным героям безвременья привлечь на свою сторону не удалось. Ижевцы и Воткинцы весть о переходе власти от партийных главарей к верному сыну России — адмиралу Колчаку — встретили с большим удовлетворением, дрались с большевиками под его руководством с неизменным упорством и были в его войсках среди наиболее надёжных и верных ему частей.

Воткинцами командовал полк. Юрьев[19], руководивший их восстанием на заводе, — доблестный и любимый ими начальник. Ижевцы в начале 1919 т. получили нового начальника — полковника Молчанова[20], выдвинувшегося своими боевыми заслугами.

---

* Часовой (Брюссель), 1962; № 431, с. 11–12; № 432, с. 20–21; № 434, с. 17–18.

** *Ефимов А.* Восстание Ижевцев и Воткинцев // Часовой (Брюссель), 1961, № 416–423. Эта публикация не включена в настоящий сборник, т. к. она повторяет главы 1–12 книги: *Ефимов А.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 гг. Конкорд (Калифорния), 1975 (переиздание в России: М.: Айрис-пресс, 2008). — *Прим. сост.*

В начале марта Восточный фронт перешёл в наступление, в котором Ижевцы и Воткинцы приняли большое участие. Воткинцы, переброшенные на правый берег Камы у города Оса, после боёв с красными вернулись на свой, освобождённый от большевиков завод.

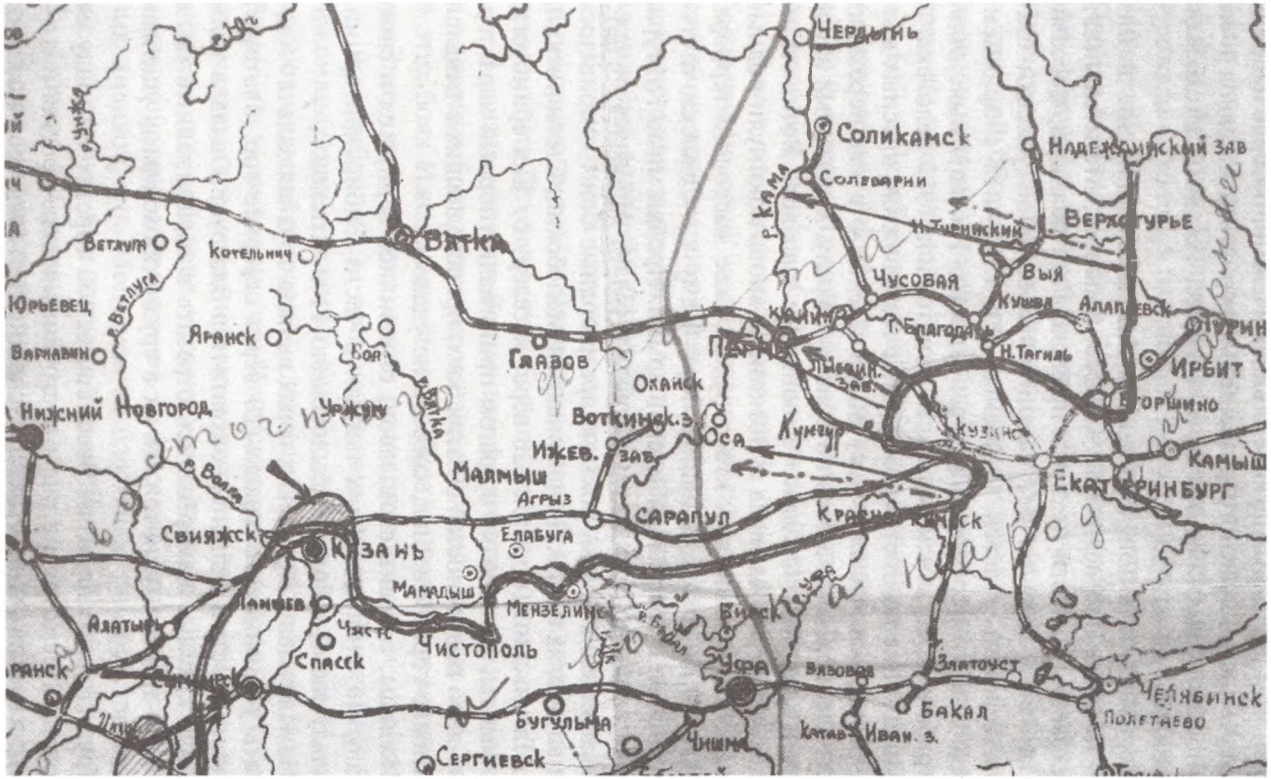
Ижевцы, вошедшие в состав 3-го Уральского корпуса Западной армии, участвовали в наступлении на Уфу. Своими действиями они вызвали общее одобрение в белом лагере, — красные не выдерживали ни одного удара Ижевцев. После занятия Уфы Ижевцы были отведены в резерв армии.

В конце марта противник, сосредоточив значительные силы против Западной армии с целью вновь захватить Уфу, ударами с запада и с юга перешёл в контратаку. На юг от Уфы красные потеснили наши части и подошли к Уфе на один переход, навстречу была брошена Ижевская бригада. В упорных боях Ижевцы разгромили превосходящие силы противника, который, бросив свою артиллерию и обозы, без дорог бежал на запад. Были захвачены пленные 12-ти красных полков.

Ижевцы энергично преследовали противника, не давая ему передышки и не считаясь с тем, что делается справа и слева и где находятся соседние наши части. Не будучи в состоянии оторваться от преследования, красные потерпели ещё несколько поражений, особенно тяжёлое у ст. Абдулино Самаро-Златоустовской ж.-д. Преследование прекратилось только после получения приказа идти в резерв армии в район города Бугульма.

Перед наступлением на Уфу командующий Западной армией ген. Ханжин[21] в приказе объявил Ижевцам, что они будут отправлены для производства винтовок на завод, как только он будет освобождён от красных.

Но обещания своего ген. Ханжин не выполнил. Это вызвало волнение в рядах Ижевцев. Они с нетерпением ждали освобождения завода и отправки их домой. У многих там остались семьи, и к ним дошли слухи, что озверевшие чекисты с необыкновенной жестокостью расправлялись с родными тех, кто боролся против советской власти. Основываясь на приказе, Ижевцы настаивали на разрешении идти домой. Но они показали такие примеры выдающихся боевых действий, что ген. Ханжин не хотел лишаться этой боевой силы. Он не разрешал Ижевцам уйти из армии и не соглашался отправить их на завод всей бригадой. В последнем случае бригада была бы сохранена, но уходила из его армии.



Положение Восточного фронта в середине августа 1918 г.
Фрагмент (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

После долгих переговоров между начальниками всех степеней до Верховного Главнокомандующего включительно, потеряв надежду на получение обещанного разрешения вернуться на завод и не веря новым обещаниям отпустить позднее, Ижевцы самовольно отправились на завод.

Вернувшись домой, Ижевцы узнали, что доходившие до них слухи не были преувеличены. Скорее, наоборот. Мстительность бесчеловечной власти не знала предела. Расстреливали массами тех, кто был захвачен из участников восстания, убивали стариков, женщин и детей — родных тех, кто ушёл с оружием. Обойдя дома и переписав жертвы террора, Ижевцы выяснили, что «рабоче-крестьянская» власть уничтожила 7983 человека.

Поражение на Восточном фронте встревожило красных владык. Они бросают сюда массу подкреплений и в мае переходят в наступление. Белая армия потеснена к Уралу. 7 июня был вновь захвачен красными Ижевск, 12 июня они завладели Воткинским заводом. Рабочие Ижевска и Воткинска вновь покинули родные места. С ними ушли все, кто пережил ужас массового террора.

Воткинцы, переправившись через Каму у г. Оханска, отступили на Урал в составе Сибирской армии. Пройдя мимо Кунгура, они двигались по Уральским заводам и сёлам, отбиваясь от преследовавшего их врага. Тяжёлые арьергардные бои им пришлось вести во многих местах. Вспоминаются Молебский, Сыльвинский, Ниж. Тагильский (посёлок 120 вёрст к северу от Екатеринбурга) и др. заводы, где схватки с врагом принимали упорный характер. Каких-либо подробностей об этих боях, происходивших в тяжёлой обстановке горной войны, собрать не удалось.

Ижевцы, оставив свой завод, стремились вернуться в свою бригаду, но многие из них попали в части Сибирской армии. К началу июля в бригаде было около 1100 штыков.

На Ижевцев в Уральских горах выпала трудная задача — задержать у Кусинского завода (20 вёрст севернее гор. Златоуст) противника, стремившегося захватить г. Златоуст. Овладев этим городом, красные намеревались отрезать в горах главные силы Западной армии и уничтожить их в труднопроходимых ущельях Урала.

Группа ген. Каппеля[22] была ещё в 100 верстах к западу от Златоуста. Несмотря на ряд ожесточённых атак противника — 27-й красной дивизии, Ижевцы успешно отстояли свои позиции и обеспечили своевременный отход войск к Златоусту.

По выходе из Уральских гор, около Челябинска разыгралось упорное сражение во второй половине июля. Ижевцы разгромили левофланговую дивизию 5-й армии красных и отбросили её к ст. Аргояш. Появившаяся с севера новая красная дивизия угрожала выходом в тыл нашей 3-й армии (переименованной из Западной). Ижевцы срочно были брошены предотвратить угрозу. Пройдя за ночь 60 вёрст, Ижевцы столкнулись с противником, уже начавшим переправу через речку Теча у дер. Муслюмово. Немедленно развернувшись, они отбросили красных за р. Теча и упорной обороной, при поддержке школы Егерей, пригвоздили противника к месту. Прорваться в наш тыл наступавшему врагу не удалось.

Бои у Челябинска кончились неудачно для нас и привели к отступлению 3-й армии. К красным подошли новые подкрепления с севера. Их задачей было отбросить нашу армию к югу от железной дороги. Составляя боковой арьергард 3-й армии, Ижевцы в течение нескольких дней, без отдыха, перебрасывая беспрерывно одни части позади других, стойко отбивались на случайно занятых позициях или встречали врага атаками. Эта утомительная задача была успешно выполнена, и отход нашей армии был совершён благополучно.

В конце июля приказом по армии Ижевская бригада разворачивается в дивизию. Формирование двух новых полков должно происходить без выхода из боевой линии.

В начале сентября Восточный фронт перешёл в наступление, и в упорных боях в течение месяца отбросил красных за р. Тобол. В этих боях Ижевцы вновь неоднократно наносили противнику тяжёлые удары и показывали примеры доблести и геройства.

9 сентября, после произведённого смотра Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак отметил подвиги Ижевцев исключительной наградой — дарованием Георгиевского знамени. В приказе указывалось, что Ижевская дивизия (раньше бригада) отличалась стремительностью в наступлениях, двигаясь всегда впереди, при обороне упорно удерживала позиции, отходила последней при отступлениях и не знала поражений. Начальник дивизии ген. Молчанов за блестящее руководство боевыми действиями был награждён адмиралом Колчаком орденом Св. Георгия 4-й степени.

В середине октября, получив новые подкрепления и пополнив потери, красные перешли в наступление. Наши истощённые

армии, понёсшие огромные потери и не получившие с тыла никаких пополнений, после недели тяжёлых боёв были принуждены к отступлению. Ижевская дивизия оказалась на том участке фронта, куда красные направляли главный удар. В течение нескольких дней Ижевцы вели упорные бои, были отрезаны от своих соседей, и дивизия оказалась за линией красного фронта.

Вместе со 2-й Оренбургской казачьей бригадой дивизия прорвалась из окружения, не оставив красным трофеев и приведя 200 пленных красноармейцев. Красные в своих исторических трудах сообщают, что «Ижевская белогвардейская дивизия, считавшаяся лучшей в армии Колчака, была окружена и едва вырвалась, потеряв более 1000 человек». В действительности потери Ижевцев в боях были около 250 бойцов. Пленных красные не взяли.

Воткинская дивизия после перехода через Уральские горы была переброшена на крайний правый фланг фронта в Тобольскую группу ген. Редько[23]. Состав группы: 15-я Воткинская и 7-я Сибирские дивизии, 1-й Сибирский казачий полк, отряд полковника Франка и Иртышская флотилия из 5 пароходов. На участке правофланговой 1-й Сибирской армии во время сентябрьского наступления только группа ген. Редько имела большие успехи и отбросила красных за Тобол.

Воткинцам пришлось встретиться с сильным врагом — 51-й красной дивизией под командой Блюхера[24], позднее прославленного красного маршала. Во время одного ночного боя Воткинцы нанесли Блюхеру сильное поражение и едва не захватили его самого. Он спасся, скрывшись в лес.

О захвате Воткинцами г. Тобольска можно узнать из записей казначея 59-го полка Воткинской дивизии Залкана. Когда началось наступление, начальник дивизии полк. Юрьев отправил по реке Иртыш отряд на четырёх пароходах с большим количеством пулемётов и несколькими орудиями. Задача — высадиться в тылу врага. Отряд успешно выполнил задачу и атаковал встреченного противника. У красных поднялась паника. Часть их сдалась, другие разбежались по лесам, и их оттуда вылавливали. Этим смелым манёвром Тобольской группе был обеспечен выход на р. Тобол и захват г. Тобольска. Берег реки к югу от города был очищен от противника до устья р. Тавда. Подробности этой операции указанный автор не сообщает.

От него же узнаём, что во время отступления от Тобола, когда Воткинская дивизия была недалеко от Усть-Ишима,

красные захватили обозы 57-го и 58-го полков. Полк. Юрьев, находившийся со штабом на пароходе, немедленно собрал небольшой отряд и отправился на выручку обоза. Выяснив движение красных, он обошёл их лесом и неожиданно атаковал. Обоз был отбит с ничтожными потерями и вернулся к своим полкам.

Полк. Юрьев был вскоре отставлен от командования дивизией и назначен помощником начальника дивизии Морских стрелков. При отступлении на восток на ст. Кемчуг (85 вёрст к западу от Красноярска) часть Морских стрелков перешла к красным и, видимо, тогда же погиб полковник Юрьев[25]. Как причина устранения полк. Юрьева, после блестящих действий, от командования Воткинской дивизией, так и неизвестность его дальнейшей судьбы вызывают до сих пор недоумение Воткинцев, любивших своего командира.

Отступив от р. Тобол, армии Восточного фронта заняли рубеж р. Ишим. Здесь имели место упорные бои с наседавшим противником. В этих боях, у станицы Бишкуль отличился 1-й Ижевский полк. После захвата г. Петропавловска красные под вечер атаковали находившуюся к югу от города станицу Бишкуль и взяли её, причём в их руки попали наши орудия. 1-й Ижевский полк стоял на позиции на берегу реки и был отрезан от пути своего отхода, проходившего через Бишкуль. Красные не знали о присутствии в своём тылу врага и спокойно расположились на ночлег. 1-й полк незаметно подошёл к станице, атаковал красных и обратил их в беспорядочное бегство, захваченные противником трофеи были отобраны.

С рубежа реки Ишим 1-я Сибирская армия, боеспособность которой сильно понизилась, в начале ноября была отправлена по железной дороге в тыл для отдыха и пополнения. 2-я и 3-я армии, после упорного сопротивления, принуждены были к отступлению на следующий рубеж — на р. Иртыш.

Река Иртыш, к середине ноября покрывшаяся льдом, также не остановила красных. 14 ноября пал город Омск — резиденция правительства. Были потеряны большие склады вооружения и снабжения. Находившиеся в Омске многочисленные правительственные, военные и другие учреждения и массы спасавшихся от большевистского террора русских людей двинулись на восток. Железнодорожные пути были забиты многочисленными эшелонами. По грунтовым дорогам двигались бесконечные войсковые и беженские обозы. Получение какого-либо снабжения от

интендантства или огнестрельных припасов из артиллерийских баз вскоре прекратилось. Приобретение продуктов и фуража стало зависеть от наличия местных средств.

Движение частей армии, перемешавшихся с толпами беженцев, происходило в крайне тяжёлых условиях. Суровая зима, болезни — в особенности тиф, недостаток тёплой одежды и продуктов, отдыхи и ночёвки часто под открытым небом у костров — приносили много бедствий отступавшим.

Красные упорно преследовали. Арьергардам приходилось вдвойне тяжелее — надо было сдерживать врага и идти по районам, где ранее прошедшие уничтожили местные запасы продуктов и фуража. Не на все части можно было положиться. Задача сдерживания врага падала на более стойкие полки, сохранившие порядок и боеспособность. В их числе Ижевской и Воткинской дивизиям часто приходилось брать на себя хотя и почётные, но тяжёлые и неблагодарные обязанности арьергардов.

Прошёл месяц после оставления Омска. На линии р. Обь предполагалось перейти в наступление, введя в бой отдохнувшие части 1-й армии. Но эта армия в составе своих основных двух дивизий и двух бригад окончательно развалилась за исключением одного 3-го Барнаульского полка. Переход в наступление не состоялся.

14 декабря был сдан Новониколаевск, и отступление продолжалось дальше. Вскоре на пути армий встала Томская или Щегловская тайга. Нужно было пересечь полосу непроходимого, без дорог дремучего леса, шириною в 80–90 вёрст, покрытого глубоким снегом.

Было только три пути: Сибирский тракт, проходивший через г. Томск и предназначавшийся 1-й Сибирской армии, которая к этому времени прекратила своё существование; второй путь, вдоль железной дороги — для 2-й армии; южнее тайгу пересекал переселенческий тракт, допускавший движение только в два ряда повозок и назначенный для 3-й армии.

Огромное скопление обозов, трудность поддержания связи и регулирования движения вызывали массу задержек, что привело к большим жертвам в людях и к потере огромного количества военного и другого имущества. Трудно перечислить хотя бы вкратце все те раны, которые прохождение бездорожной тайги нанесло отступавшим войскам и следовавшим с ними беженцам. Когда положение становилось особенно тяжёлым, как войсковые

части, так и беженцы бросали своё имущество, отпрягали лошадей и уходили дальше верхом или пешком. Измученные от отсутствия корма и беспрерывного движения, лошади падали в большом количестве. Встречалось также немало и таких упрямых людей, которые, несмотря на всю очевидную невозможность вывезти на обессиленных лошадях тяжело нагруженные возы, всё-таки не покидали их и загромождали дорогу. Это вынудило на применение крайних мер — сжигать сани и заставлять их владельцев уходить верхом.

На переселенческом тракте скопление войск и обозов было особенно велико, так как кроме 3-й армии сюда стекались потоки людей и саней с севера.

В арьергарде армии шла Ижевская дивизия. Перед входом в тайгу у г. Щеглова[26] Ижевцам пришлось выдержать упорный бой к югу от города у дер. Ягуново. С утра 23 декабря Конный полк Ижевцев задержал красных у указанной деревни и отбивал все попытки противника сбить его с занятой позиции. Около часа дня полк был обстрелян артиллерией с юго-западного направления, но одновременно противник, ведший наступление, поспешно на подводах ушёл на север. Выяснилось, что по ошибке артиллерия стреляла по своим, а противник, попавший между двумя отрядами белых, поторопился ускользнуть. Артиллерия принадлежала 7-й Уральской дивизии, отставшей от своей армии. С этой дивизией шёл кадровый полк Воткинской дивизии под командой полк. Крюгера[27] На эти части и пала теперь задача арьергарда.

Вечером Ижевская дивизия, собравшись в г. Щеглове, перешла в дер. Боровушка, находившуюся в глубине тайги. Кроме дороги от Щеглова, к Боровушке подходила дорога с севера. По ней повели наступление значительные силы противника. Навстречу был выслан 1-й Ижевский полк, который атаковал красных, отбросил их за овраг и защищал это направление всю ночь до 9 ч утра 24 декабря. Это дало возможность продвинуться в тайгу всем частям, собравшимся в дер. Боровушка. После этого полк присоединился к своей дивизии.

Днём 24 декабря 7-я Уральская дивизия и Воткинский кадровый полк сдерживали наступающего противника до дер. Дмитриевки, которая находилась примерно в середине пути через тайгу. 25 декабря красные повели упорные атаки на Дмитриевку. Целый ряд атак был отбит. Уральцы и Воткинцы оборонялись

с необыкновенным мужеством. После боя, продолжавшегося более шести часов, Уральские и Воткинский полки погибли в неравной борьбе. Из боя вышли лишь отдельные лица.

С вечера 25 декабря Ижевцы вновь оказались в хвосте 3-й армии и приняли обязанности арьергарда. Две задачи стояли перед начальником Ижевской дивизии ген. Молчановым. Надо было удерживать напор красных, чтобы дать возможность благополучно выйти из тайги медленно двигающейся колонне 3-й армии. И надо было прочистить дорогу на восток от застрявших обозов, которые не были в состоянии двигаться дальше, были осуждены на гибель и загромождением дороги осуждали на гибель и тех, кто мог пройти тайгу.

От дер. Дмитриевка движение прикрывали 2-й Ижевский и Конный полки. Утомлённые боем красные не сразу начали преследовать. Для расчистки дороги были посланы два эскадрона под командой энергичного офицера. Он получил приказ заставлять всех застрявших уходить дальше верхом или пешком, а сани собирать в кучи и сжигать. Делать исключения только для больных и детей. За Дмитриевкой была сожжена первая пробка, загородившая дорогу, — больше двух тысяч саней. Через сутки перед дер. Успенка образовалась другая пробка и так же была уничтожена. В обречённых на сожжение обозах искали только патроны, расход которых был большой, а пополнить их можно было лишь находкой в брошенных обозах.

Без отдыха и почти без пищи, по очереди сменяясь, части 2-го Ижевского и Конного полков, давая отпор врагу на каждой удобной позиции, вынесли тяжёлую арьергардную службу. О ночлегах забыли. Конные Ижевцы имели случай подремать в седле, а за возможность получить этот отдых всадник платил своему верному коню тем, что отдавал ему свой последний запас хлеба или сухарей. Подкормить коня считали более-нужным, чем утолить собственный голод. Голодать же начали со вступления в тайгу вечером 23 декабря. Кончился таёжный поход к вечеру 27 декабря.

Томская тайга была пройдена. Но нелегко было забыть эти мрачные дни отступления. Много вспоминали о тайге, и, когда слушали пережитые впечатления, казалось, что прошли не через старый дремучий лес, а через какое-то сказочное заколдованное пространство. О леших и ведьмах, правда, никто не говорил. Но так выходило, что тайга, веками дремавшая в своём неподвижном сне,

запротестовала, что её покой был нарушен шумными колоннами вооружённых людей, огромными обозами и толпами беженцев. Как будто протестуя, она сдавила и перемешала пришельцев в своих зловещих ущельях-просеках, по которым извивались немногие узкие дороги, заставила непрошеных гостей мёрзнуть и голодать, бросать вооружение, обессиленных лошадей, покидать на произвол судьбы больных и обмороженных...

В пределах тайги частями 3-й армии была оставлена почти вся артиллерия (Ижевцы вывезли четыре орудия), брошено большинство пулемётов, погибло много обозов, застряло много беженцев, не смогших протащить перегруженные сани на истощённых лошадях. В глубине тайги погибла 7-я Уральская дивизия, Воткинский кадровый полк и понесли потери другие части.

После выхода из тайги отступающая армия встретила сравнительно богатый населённый район. Можно было обогреться в тёплых избах, найти пропитание и корм для лошадей.

Был план остановить красных у восточной границы тайги, загородив выходы небольшими отрядами, обильно снабжёнными огнеприпасами. Это давало время перепутавшимся частям собрать затерявшихся и отставших, привести свои ряды в порядок и восстановить боеспособность.

Быстро менявшаяся обстановка этого не допустила. На севере части 1-й армии, находившиеся в Томске, участвовали в восстании, перешли на сторону красных или разоружились и разошлись. Большой Сибирский тракт, проходивший через Томск, был открыт красным для выхода в тыл 2-й армии. В более глубоком тылу — в Красноярске — подготовлялось восстание левыми группами, втянувшими в свой заговор командира 1-го Сибирского корпуса ген. Зиневича[28]. Он объявил о прекращении гражданской войны, требуя от Главнокомандующего ген. Каппеля сложить оружие. Взбунтовавшийся гарнизон Красноярска, усиливаемый большими отрядами красных партизан, направленными к городу, заграждал 2-й и 3-й армиям дорогу.

Вместо остановки, задержки красных и приведения себя в порядок отступающим армиям приходилось продолжать движение к Красноярску при весьма тяжёлых условиях.

От тайги до Красноярска более 400 вёрст по прямому направлению. Не доходя до самого Красноярска, к югу от него находилась другая тайга, не имевшая дорог с запада на восток. Отряды, двигавшиеся южнее железной дороги, главным образом

из состава 3-й армии, могли быть прижаты к этой тайге и отрезаны. Чтобы избежать этого, нужно было выбраться к железной дороге за три перехода до Красноярска. Между тем более трудные условия похода через тайгу задержали 3-ю армию, и она оказалась на полтора-два перехода на уступе позади 2-й армии.

Не отвечая Зиневичу на требование сложить оружие, ген. Каппель приказал усилить скорость маршей на Красноярск, чтобы не дать новому противнику собрать все свои силы и организовать трудноодолимый заслон на нашем пути. Не пришлось думать об отдыхе. Надо было спешить. Ночлеги и привалы были сокращены до предела, размеры переходов сильно увеличены.

К вечеру 27 декабря арьергарды Ижевцев, шедшие в течение 4 дней без сна и пищи, совершенно измотанные, достигли дер. Красный Яр. Вскоре появились и красные. На помощь эскадронам Конного полка вышли 1-й Ижевский полк и казаки 2-й Оренбургской бригады. Противник был задержан. Все находившиеся в деревне части двинулись дальше.

Начались усиленные переходы к Красноярску и попытки пробиться к железной дороге. Томская тайга значительно уменьшила численность войсковых частей, и особенно обозов, и, кроме того, теперь явилась возможность двигаться несколькими путями. И всё же на дорогах было большое количество — в большинстве перемешанных и самостоятельно двигавшихся — крупных и мелких частей, обозов, небольших групп и одиночных повозок. Многие искали свои полки, батареи и штабы, — другие шли туда, куда направлялся общий поток.

На случай потери связи со штабом, частям Ижевцев было приказано выходить на железную дорогу и Сибирский тракт. Конный полк Ижевцев через два или три перехода встретил свою хозяйственную часть с обозом, семьями и запасом всадников, которые, за отсутствием сёдел, не были в строю и служили охраной обоза. Начальник дивизии ген. Молчанов хотел посмотреть полк, оказавшийся в полном составе, несмотря на все препятствия, встреченные в пути. Утром полк был построен для смотра. Но вместо прибытия начальника дивизии был получен приказ немедленно отправить хозяйственную часть дальше и приготовиться к выполнению боевых задач. Полку и его хозяйственной части больше встретиться не пришлось.

Вечером 1 января 1920 года (по нов. ст.) Конный полк пришёл в с. Назарово в 30 верстах к югу от Ачинска (170 в. от

Красноярска), пройдя от дер. Красный Яр за пять дней около 250 вёрст. На следующий день полк получил задачу выступить в Ачинск. За полком двигались штаб дивизии и артиллерия. Но 2 января Ачинск был захвачен красными. Как потом пришлось узнать из красного источника, наш противник считал, что 3-я армия была 2 января отрезана, что по всем данным соответствовало действительности.

Опоздав к Ачинску, Конный полк пытался выйти к железной дороге у ст. Чернореченская, но также безуспешно — красные двигались быстрее. Не удалась и ещё одна попытка, и наконец утром 4 января полк дошёл до дер. Шерловка в 2–3 верстах от ст. Кемчуг — последнего пункта, где была возможность выбраться на железную дорогу. Но и Кемчуг уже был в руках красных, выбросивших к дер. Шерловка заслон с большим количеством пулемётов. В дер. Шерловка скопилось много обозов, и на пути к ней стояла длинная лента повозок в три-четыре ряда.

Положение создалось безвыходное: на север дорога преграждена врагом, с востока — бездорожная тайга, с юга дорога забита обозами. В деревне оказалось несколько строевых частей, командиры которых согласились отбросить красных и прорваться к ст. Кемчуг. Распределили задачи для атаки. Началось наступление по совершенно открытому полю на невидимого противника, занявшего опушку леса. Красные встретили нас жестоким пулемётным огнём. Атака была отбита с большими потерями. Понёс большие потери и эскадрон Ижевцев, задачей которого была атака в конном строю по дороге в лоб противника.

У Шерловки застряло значительное количество частей и обозов 3-й армии. Немногие успели выйти к железной дороге между Ачинском и Кемчугом, опередив красных и следуя за главными силами 2-й армии. В число таких частей попал и 1-й Ижевский полк, командир которого капитан Михайлов[29], подходя к Ачинску утром 2 января, решил для верности двинуться к железной дороге восточнее Ачинска. Через три перехода полк благополучно дошёл до ст. Кача (85 в. от Красноярска). Командиры 3-го и 4-го полков, не последовав совету Михайлова, пошли на Ачинск и там погибли.

Части, отрезанные у ст. Кемчуг, после неудачной атаки скопились на поляне в лесу около дер. Шерловки. Их положение казалось безнадёжным. Но после полудня подошёл отряд Уральцев под командой генерала Круглевского[30]. Он шёл с проводником-лесничим, который хорошо знал тайгу этого района и обещал

вывести попавшие в тупик части кружным путём, через тайгу, на жел. дорогу восточнее Кемчуга. Отряд генерала Круглевского пошёл за лесничим. Ижевский Конный полк сначала пытался пробиться на жел. дорогу, которая была в 3–4 верстах, коротким путём, но вскоре застрял в непроходимой чаще. Вернувшись на поляну, где был оставлен маяк, пошли по следам генерала Круглевского. Шли всю ночь по тайге, к утру вышли на жел. дорогу и к вечеру добрались до ст. Кача. Этим же путём прошли и ещё некоторые части. Все обозы, не бывшие в состоянии идти без дорог, были захвачены красными.

Другим путём удачно выбрался генерал Молчанов со своим штабом. Он ночевал в селе Рыбное в 30 верстах от ст. Кемчуг. Узнав, что дорога на Кемчуг забита повозками, ген. Молчанов из расспросов крестьян выяснил, что верстах в 15-ти в тайге имеется маленькая деревушка, от которой идёт таёжная тропа на север с выходом к жел. дороге. К этой деревушке дороги не было, но охотники ходят туда без затруднений. Крестьяне указали направление, которого следует держаться, и ген. Молчанов, пользуясь компасом, вышел прямо к деревушке. К вечеру 5 января он дошёл до ст. Кача.

Артиллерийский дивизион Ижевцев, с сохранившимися 4-мя пушками, при совершенно измученных лошадях, должен был остаться на более долгий срок для отдыха и погиб. По одному из этих путей через тайгу прошёл также временно командующий 3-й армией ген. Барышников[31] со своим штабом и некоторые другие мелкие, главным образом конные, части.

Передовые части 2-й армии подошли к Красноярску 4 января и утром на следующий день атаковали город. В атаке участвовал Запасный батальон Ижевцев, имевший 650 штыков. Этот батальон квартировал в Томске и во время восстания в городе вышел в поход. Не имея связи с дивизией, он был включён в Уфимскую группу 2-й армии, с которой и дошёл до Красноярска. Атака на город кончилась неудачно. Появление польского бронепоезда, принятого за красный, отсутствие ожидавшейся помощи с севера от колонны ген. Вержбицкого[32], отступление без видимых оснований отряда полк. Макри[33] и другие причины принудили пехоту, успешно подходившую к городу, начать отступление. Запасный батальон Ижевцев понёс тяжёлые потери убитыми и ранеными — около 300 человек.

На рассвете 6 января 2-я армия двинулась мимо Красноярска на север, отбиваясь от красных, наступавших по Сибирскому тракту с запада, и с другой стороны, с востока — от гарнизона Красноярска, старавшегося перерезать им дорогу.

Группа ген. Вержбицкого успела проскочить Красноярск севернее. В неё входила Воткинская дивизия, которая, благодаря крепко спаянному составу и дружной помощи своей артиллерии, вывезла все свои пушки. Ещё только Иркутской дивизии удалось спасти часть своих орудий.

В это же утро 6 января прорвавшиеся к железной дороге остатки частей 3-й армии и разные случайные группы, отбившиеся от своих полков и обозов, переночевав у ст. Кача, готовились к дальнейшему движению. Неожиданно по станции был открыт ружейный огонь. Страшная усталость и нервность сказались немедленно. Все бросились в беспорядке в сторону Красноярска. На станции остался Конный полк Ижевцев. Генерал Молчанов, взяв ближайший эскадрон, бросился с ним на группу неизвестных, открывших стрельбу. Это оказалась шайка большевиков-железнодорожников, числом около 20, решивших посеять панику среди измученных белых бойцов. Эта шайка была окружена и уничтожена. Конный полк принял обязанности арьергарда.

К вечеру остатки 3-й армии собрались на станции и в дер. Минино. Начали выяснять обстановку. Красноярск и все пути на восток были в руках противника. Регулярные части красной армии уже вошли в город. Наша 3-я армия утром ушла на север.

Решено [было] ночью пройти между деревнями, занятыми красными, и дальше по следам 2-й армии. Подтянулись части Ижевской дивизии и из арьергарда двинулись в авангарде прокладывать дорогу. У дер. Дрокино попали под обстрел противника. 1-й Ижевский полк развернулся и в течение полутора часов сдерживал красных, пока не прошли все части армии. Утром 7 января, в день Рождества Христова (по ст[арому] ст[илю]) оторвались от красных, вошли в связь со 2-й армией и двинулись к устью реки Кан.

Движение по Кану особенно памятно для первых частей — Уфимской дивизии с Ижевским запасным батальоном и 8-й Камской дивизии, прокладывавших дорогу по льду и среди незамерзших порогов бурной горной реки. На этих порогах отморозил ноги и вскоре умер генерал Каппель. Ижевская дивизия в составе 3-й армии без препятствий прошла по проложенному пути и успевшим замёрзнуть от грянувшего мороза порогам.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КРУГЛЕВСКОГО*

Десять лет тому назад, 20 ноября 1920 г. произошёл последний большой бой, который остатки Русской армии Восточного фронта дали своему врагу у Даурии перед переходом китайской границы. Военный городок Даурию защищал 3-й корпус генерала Молчанова.

Утром обнаружился глубокий обход красных на наш тыл, и разъезд Шарасунь был ими захвачен. Волжская бригада выбила красных с разъезда и осталась там обеспечивать наш путь отступления. Остальные части корпуса с утра вели упорный бой на позиции к западу от Даурии, прикрывая постепенный отход армии в Маньчжурию от натиска главных сил красных.

После полудня части корпуса отошли на линию городка. На высотах севернее находилась Уфимская дивизия. Сводная дивизия под командой генерала Круглевского заняла самый городок до железной дороги; южнее в посёлке находились Добровольческая бригада и Сибирский казачий полк. Правый фланг Сводной дивизии — ряд казарм, обращённый на северо-запад, — занимался Егерским полком, а левый — промежуток от казарм до железной дороги — Ижевским полком. Уральский полк был послан на усиление соседей.

Красные силы нажали на правый фланг корпуса и потеснили его. Им удалось также захватить казармы и оттеснить правофланговый полк Сводной дивизии, который отошёл, не предупредив Ижевский полк.

Генерал Круглевский, узнав о занятии части казарм красными, стал беспокоиться об участи Ижевского полка, находившегося под угрозой быть отрезанным. Он послал Ижевцам приказ об отступлении. В это время Ижевцы вели огонь по густым цепям наступающего противника и задерживали их продвижение. Красная артиллерия сосредоточила свой огонь на Ижевцах. Снаряды рвутся среди них, нанося большие потери.

Вот падает подполковник Попков[35] Снарядом ему отрывает обе ноги у колен. К нему бросаются солдаты и сестра милосердия

---

* Вестник ОРВВВ. 1930, № 52–53, с. 34–36. Статья опубликована от имени редакции, без указания автора. В 1930–1932 гг. редактором «Вестника ОРВВВ» был А. Г. Ефимов. Подтверждение авторства статьи имеется в письме А. Г. Ефимова — Б. Б. Филимонову[34] от 18 апреля 1951 г., с. 1 (Архив Гуверовского института, фонд 86026, кор. 7, д. 5). — *Прим. сост.*

Кузмина. Подполковник Попков в полном сознании: «Мне не нужна Ваша помощь, сестрица, оставьте меня здесь и возьмите на повозку других раненых!» Его переносят за железнодорожную будку, и он сейчас же умирает от потери крови.

Между тем красные, заняв казармы и высоты к северу, всё глубже и глубже распространяются в тыл Ижевскому полку и частям, расположенным южнее.

Генерал Круглевский, видя со своего наблюдательного пункта всю картину боя, доносит о положении генералу Молчанову и решает лично поехать вперёд и поторопить отход Ижевцев. Оставив свой штаб, он один направляется навстречу уже начавшему отход полку. Пропустив мимо все роты и убедившись, что все вышли из боя, генерал Круглевский едет позади вместе с командиром полка[36].

Полк отходит по дороге, которая со стороны казарм прикрыта железнодорожной насыпью. Но в одном месте дорога подымается на пригорок, и железнодорожная насыпь сильно понижается. Этот участок совершенно открыт со стороны казарм. По колонне Ижевцев красные открывают довольно беспорядочную ружейную стрельбу. Усилив шаг, Ижевцы быстро пробегают открытое пространство, не отвечая на огонь, и вновь спускаются с пригорка под прикрытие насыпи.

Красные пулемётчики тащат свои пулемёты в казармы и спешат установить их в окнах. Они успевают открыть огонь по хвосту колонны, но ещё не взяли правильного прицела. Из их вида скрываются последние стрелки, и они переносят огонь на всадников.

Пуля сражает генерала Круглевского, и без единого слова он падает с лошади. Командир полка бросается к нему. Два-три хриплых предсмертных стона — и генерала Круглевского не стало... Он умирает под продолжающийся рокот пулемётов и свист свинцового дождя.

Горячая любовь к своим подчинённым и высокое понятие о долге начальника, заметившего вверенную ему часть в тяжёлом положении, посылают его вперёд. Опасности для него не существует, он подаёт пример бесстрашия, отступает последним и падает на поле чести, отдавая жизнь свою за други своя и любимую Родину.

Тело генерала Круглевского было вытащено из-под огня и не досталось красным для издевательств. Увидев двух проскакавших

без всадников лошадей, шедшие позади своей роты командир роты капитан Киприянов и старший офицер поручик Соболев бросились на помощь. У поручика Соболева была сейчас же перебита рука, и он повернул вслед за ротой. Два оставшихся офицера, не будучи в силах поднять убитого генерала Круглевского, одетого в тяжёлую доху, потащили его тело за края дохи по скользкой снежной дороге. Из роты бежало на подмогу несколько стрелков, посланных поручиком Соболевым.

Но в этот момент на пригорок вскочила карьером парная пулемётная двуколка прапорщика Вотякова, оказавшаяся сзади всех. Этот лихой пулемётчик, прапорщик Вотяков обладал редкой доблестью и большой энергией. При отступлении он нередко оставался один с 2–3 своими помощниками в каком-нибудь укрытом месте и поджидал красных.

Подпустив успешно наступающего противника почти вплотную, он скашивал ближайшую цепь неожиданным огнём. Пока ошарашенный противник приходил в себя, Вотяков уже мчался догонять свой полк, продолжая стрелять из пулемёта, приспособленного к стрельбе прямо с двуколки. Его манёвр задержал красных с фронта, и теперь ему выпала задача вывезти тело генерала Круглевского.

Положить убитого на двуколку было делом 10 секунд. Но и этого времени было достаточно, чтобы двумя пулемётами уничтожить собравшихся у двуколки людей. Красные пулемётчики, однако, очень торопились и дёргали, давая большое рассеивание. Ижевцы отделались сравнительно счастливо. Были ранены легко командир полка, один пулемётчик и одна лошадь. Затем двуколка и все люди скрылись со злополучного пригорка.

Сильно было огорчение среди всех солдат и офицеров Ижевского полка, когда двуколка догнала их ряды. Начальник, только что встречавший их и благодаривший за доблестную службу, лежал бездыханно около пулемёта. С генералом Круглевским Ижевцы проделали все свои походы по Забайкалью и горячо полюбили своего спокойного, ровного, заботливого и храброго начальника. С глубоким огорчением встречали быстро распространившуюся печальную весть остальные части Сводной дивизии и всего 3-го корпуса. Генерал Круглевский был любим всеми, и его смерть оплакивали все.

Свою боевую службу он начал с первых дней Великой войны и кончил её в чине капитана Лейб-Гвардии 4-го Стрелкового

Императорской Фамилии полка. Гражданская война застала его на Урале, где он сформировал 41-й Уральский полк и был его командиром, а потом командовал 11-й Уральской дивизией. Во время подавления восстания социалистов в Уфе он временно исполнял должность Генерал-губернатора. Ледяной поход он проделал во главе остатков своей дивизии, тесно сплотившихся в это тяжкое время около своего начальника.

Тело генерала Круглевского было вывезено в Харбин и там похоронено[37] Мир праху Твоему, доблестный русский воин.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

(К 40-ЛЕТИЮ ЗАХВАТА ВЛАДИВОСТОКА БЕЛЫМИ БОЙЦАМИ 26–27 МАЯ 1921 ГОДА)*

В ноябре 1920 года Забайкалье было оставлено белыми войсками. Часть состава армии осела в Маньчжурии, на линии Китайско-Восточной железной дороги. Большинство же, сдав своё оружие китайским властям, согласно международных законов, продвинулось в Приморье, где власть тогда находилась в руках тех же коммунистов, но под вывеской Дальневосточной республики[38] — ДВР.

Сохранив крепость своей организации и тесную спайку в своих рядах, белые бойцы искали возможности вновь вооружиться и продолжать борьбу против красных — коммунистических захватчиков нашей Родины.

Естественно, первая задача состояла в овладении столицей Приморья, Владивостоком, и уничтожении местной большевицкой власти. Белое Приморье явилось последним этапом Белого движения. Излагаемые воспоминания одного участника освещают это событие.

Вечером 15 апреля 1921 года я был вызван к командиру корпуса генералу Молчанову и получил от него приказ: с отрядом из 400 Ижевцев и 200 Уфимцев возможно скрыто переправиться во Владивосток и поступить в распоряжение генерала Лебедева[39], находившегося во Владивостоке.

Отряд должен был разместиться в пустующих казармах на «Первой Речке». Официально объявлялось, что партия рабочих, нанятая рыбопромышленниками на время рыбного сезона, собирается на сборный пункт перед отправкой для погрузки на рыболовные суда.

16 апреля я явился во Владивостоке генералу Лебедеву и получил от него дальнейшие распоряжения. В ближайшие три дня, с вечерними поездами, по методу Каппелевского передвижения, установившемуся со дня прибытия армии в Приморье (в декабре

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 4852, 25 мая 1961 г.; приложение «Крестовый поход во имя правды», № 410, с. 2. Первоначальный вариант той же статьи: *Ефимов А.* Действия отряда Ижевцев при захвате Владивостока в 1921 году (воспоминания участника) // Вестник ОРВВВ. 1931, № 59–60, с. 18–22. — *Прим. сост.*

1920 г.), т. е. без билетов, мой отряд перебрался к Владивостоку. На полутёмном разъезде «Первая речка» я выходил встречать очередную партию. Из поезда выскакивали 150–200 человек и быстро скрывались в темноту ночи, вызывая подозрительное недоумение у железнодорожников и пассажиров.

Владивосток, привыкший за эти годы к бесконечным переворотам и переменам власти, без особой тревоги ждал и готовился к свержению большевиков. Насторожились лишь одни большевики, силы которых были ограничены, по соглашению с находившимися тогда в Приморье японцами, до одного охранного батальона, около 500 штыков, и милицией примерно той же численности. На помощь им мобилизовались коммунисты и портовые рабочие.

В Раздольном и Никольске-Уссурийском[40], где квартировали части белых армий, местные большевицкие власти и их милиция давно уже боялись проявить какую-либо враждебность к чинам армии. Фактически эти пункты принадлежали нам больше, чем красным, и сбросить красную власть не стоило большого труда в любую минуту. В казачьем районе вокруг Гродекова[41], где расположились кавалерийские части, не было даже номинально красной власти: наши части имели и открыто носили сохранившееся оружие.

Нужно было захватить один Владивосток, чтобы юг Приморья оказывался свободным от красного владычества. Политически переворот был подготовлен «несоциалистическим съездом»[42]. Военный захват Владивостока подготовлялся под руководством генерала Лебедева, в распоряжении которого находилось несколько отрядов местных военных организаций в самом городе и безоружные части армии, скрыто сосредоточившиеся к городу.

На «Первой речке» рядом с моим отрядом расположился отряд 1-й стрелковой бригады полковника Глудкина[43], силою в несколько сот бойцов. На заимке Янковского[44] сосредоточился отряд из Гродековских частей и владивостокских офицеров, который имел и винтовки, и пулемёты. Теперь оставалось только добыть оружие для больших безоружных отрядов. День за днём я являлся к генералу Лебедеву за распоряжением о получении винтовок. Но каждый раз — всё новые и новые отсрочки.

В крепости Владивосток имелось большое количество военного имущества, находившегося под охраной японцев. Кроме того, во Владивостоке, куда в своё время стекалось из-за границы всё, что поступало на питание армии адмирала Колчака, было немало разных военных запасов. Склады русского и заграничного оружия

переходили от русских, чехов и иностранных интервентов из рук в руки, и немалая доля этого оружия продавалась, перепродавалась и пряталась в потайных складах. К генералу Лебедеву приходили русские, чехи, японцы, китайцы и другие дельцы и вели таинственные переговоры, сговаривались, доказывали тем или иным путём существование оружия, брали задатки на первоначальные расходы и чаще всего после этого бесследно исчезали...

Время бежало. Прошла Пасха. Кончился месяц нашего сидения во Владивостоке. Солдаты скучали в казармах. Офицеры по очереди бродили по городу, знакомясь с различными районами, где предстояло действовать.

Город они изучили отлично и попутно доставали сведения о красных частях, о расположении милицейских участков и постов, о прибытии к красным подкреплений. Последние, подобно нашим, прибывали во Владивосток в «скрытом» виде. Разведчики докладывали, что с таким-то поездом выгрузилось столько-то «сопочников» и, за неприметным провожатым, один за другим, на 20—30 шагов дистанции направляются в казармы (красных) Гнилого Угла. Наши пробовали вступать с ними в разговоры. Разговоры были кратки и выразительны. Не было сомнений для обеих сторон, кто с кем имеет дело.

Задержки в получении оружия и отсрочки дня выступления стали вызывать беспокойство, излишнюю нервность и в конце концов вызвали преждевременные действия в Никольске-Уссурийском. Там 24 мая генерал Смолин[45] был вынужден взять руководство милицией в свои руки и установить контроль на железной дороге.

Красные всполошились и послали из Владивостока отряд на усмирение. Японцы не допустили кровопролития в Никольске-Уссурийском, и отряд милиции вернулся обратно. В Раздольном милиция была обезоружена 25 мая, и председатель исполкома был предупреждён, что власть большевиков окончена. Он равнодушно принял это известие и вскоре был выбран старостой посёлка.

Вечером 25 мая Воткинский конный дивизион, вооружённый ручными гранатами, выступил на станцию Угольная, где был встречен ружейным огнём, но разогнал красных и занял станцию утром 26 мая.

25 мая вечером я явился генералу Лебедеву за очередными распоряжениями.

— Будем действовать! Завтра утром выступайте и приведите свой отряд к гостинице «Золотой рог», где получите задачу.

— А винтовки?! — спросил я.

— Если достанем, будут привезены к казармам перед вашим выступлением.

— Слушаюсь!

(Пожелание успехов.)

Настало 26 мая 1921 года. В назначенное время отряд в 600 человек с двумя револьверами выступил через сопки в город. Отряд Первой бригады полковника Глудкина, имевший два пулемёта, выступил одновременно и затем направился к тюрьме, которую он должен был занять.

По крепостной дороге мы стали подниматься на сопки, отделявшие город от «Первой речки». Встретили парную повозку с красноармейцем, ехавшим за дровами, — наш первый трофей. Пошли дальше. С вершин сопок стали доноситься ружейные выстрелы.

Где красные, где наши — определить трудно. Хорошо бы сначала добраться до винтовок, прежде чем явиться на долгожданное свидание. Но тактика требует всегда быть готовым и всегда иметь план действий. Какой же план? Не придётся ли Ижевцам вспомнить доблестный батальон Ложкина[46], бросившегося в атаку с ножами? Только теперь повторить это с одними кулаками?

«Запевай песню!» — в трудную минуту с песней веселей. С песнями мы поднялись на вершины сопок у крепостной голубиной станции. Слева — жидкая цепь, около 20 стрелков. Это отряд местной офицерской организации вёл перестрелку с красными. Последние не были видны из-за гребня сопок, на котором лежала цепь.

Начальник отряда полковник Ш. подошёл ко мне. Представился.

— Помогите мне, пожалуйста, — против меня много красных. Я просил о подкреплении, — мне не дают. Выбыло несколько раненых. Не имея поддержки, я не удержусь.

— К сожалению, помочь не могу. У меня [нет] ни одной винтовки!

— Дайте хоть людей, я им дам ручные гранаты, и их присутствие придаст нам больше уверенности!

Посылать ли безоружных в бой или отказать в столь необычной помощи? Долго раздумывать было некогда. Назначил роту.

— От середины в цепь!.. — и рота Ижевцев, как в привычных боевых условиях, развернулась и влилась в стрелковую цепь.

С остальными двинулся дальше и спустился в первые улицы города. Услыхав солдатские песни, на улицу высыпали владивостокцы, больше женщины и дети. Радостные, шумные приветствия; тащат булки, папиросы, молоко, воду, фрукты. Встреча показывает, что свержение большевиков вызывает полное сочувствие.

В одном из домов поджидали представители организаций, подготовлявших переворот, и нацепили на всех нарукавные повязки национальных цветов. На домах спешно укреплялись припрятанные трёхцветные флаги.

По Нагорной улице, параллельной Светланке, дошли до Полтавской, на которой находилось здание Чека. Здесь другой офицерский отряд в 12 человек осаждал ненавистное место мучений и пыток. На балконе двухэтажного кирпичного здания лежали мешки с песком, и за ними притаился чекист. Он уже убил трёх или четырёх человек. Стрелял метко и спокойно. Убиты были и два руководителя отряда: полковник Околодин и капитан Барчак.

Чтобы достать чекиста, несколько офицеров по дворам пробрались в дом училища напротив и оттуда расстреляли чекиста. Затем ручными бомбами загнали и всех остальных внутрь здания. Отвлечённые непосредственной опасностью, чекисты пропустили нас мимо, не обстреливая.

Подошли к «Золотому Рогу». Один из главных организаторов переворота, Н. Д. Меркулов[47], с национальными флажками в обеих руках, произнёс горячую патриотическую речь.

Долго ждали. Узнали о ходе событий. Утром красные арестовали несколько офицеров. Толпа на Светланке освободила их из рук милиционеров, и этим начался день... Красноармейские казармы против вокзала захватил полковник Б. П. Ростовцев[48]. С тремя десятками своих солдат и офицеров он с ручными гранатами бросился на казарму и обезоружил опешивших красноармейцев... Отряд с заимки Янковского под командой полковника Буйвида[49] на пароходе с баржей на буксире подошёл к порту. Пароход вёл капитан 2-го ранга Соловьёв[50], который был здесь ранен. С баржи были спущены лодки, и отряд, под сильным огнём противника, достиг берега и отбросил красных. Этот отряд имел в своих рядах наибольшее число потерь. Отряд Первой бригады полковника Глудкина взял тюрьму и частично вооружился. На «Тигровой горе» с первыми выстрелами появился

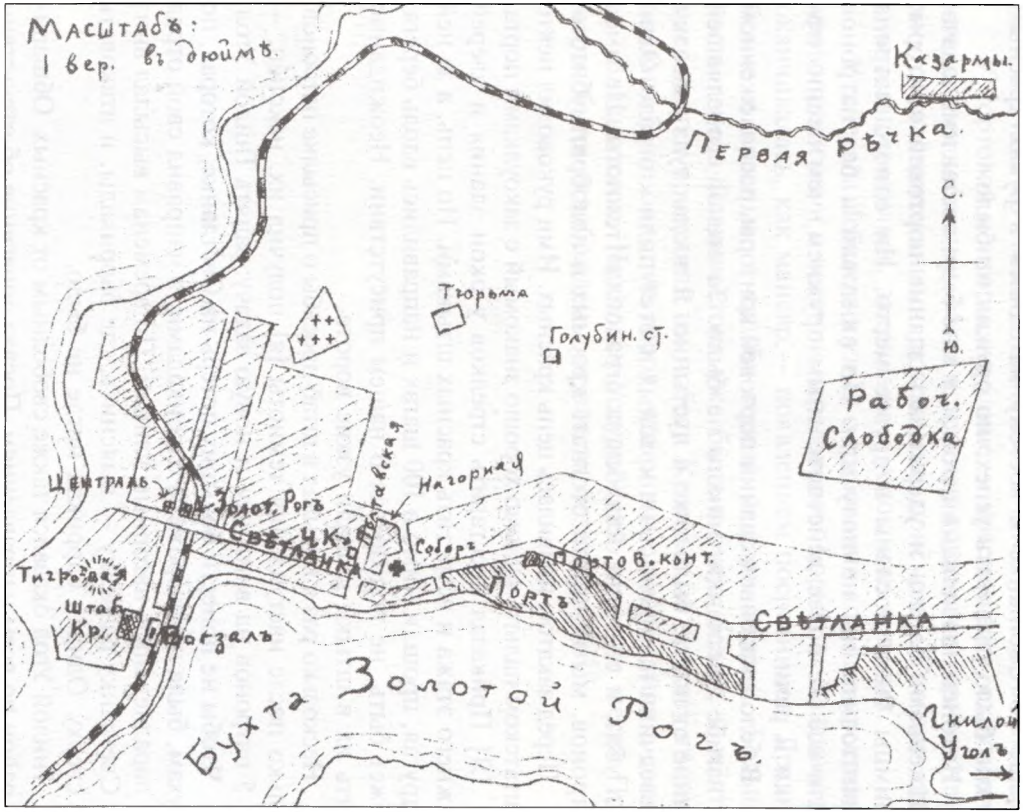


Схема к первому варианту статьи ("Вестник ОРВВВ", 1931, № 59-60).

национальный флаг, выкинутый подполковником Ступиным. В порту тяжёлая работа выпала на долю небольшого отряда подполковника Вечер-Щербовича, который был там ранен.

Город был прочно занят до начала портовых строений, но дальше по Светланке к востоку находился в руках красных. Нужно было развивать успех, но оружия не было.

Наконец появились винтовки, и мне была поставлена задача: с Ижевцами занять и удерживать здание портовой конторы. Уфимцы были посланы в другое место. Ни одного патрона к винтовкам мы не получили. Но винтовки и без патронов были всё же более действительным оружием, чем песни, повязки и речи.

В белом красивом здании портовой конторы, расположенном на изгибе Светланки, никого не было. За стеной, отделявшей здание от порта, было тихо и пустынно. Я послал туда разведку. Разведчики напоролись на красных и отступили к ограде. Один был убит, и его тело осталось за оградой до темноты. Не имея патронов, мы не могли отогнать красных и подобрать убитого.

Перед закатом появилась цепь красных. Ими руководил некто в штатском пальто, видимо хорошо знакомый с закоулками порта.

[Я] Приказал расставить стрелков у окон здания и дверей нижнего этажа и встретить красных штыками. Но цепь, а за ней и другая, прошли мимо в 100 шагах и направились вдоль берега, может быть, не подозревая о нашем присутствии. Неожиданно взять их в штыки мешали узкие ворота.

Несколько раз я посылал в штаб просьбы о присылке патронов. Только после наступления темноты [я] получил их, наконец, — по 5 патронов на винтовку, и новую задачу: занять Гнилой Угол.

Чтобы не понести больших потерь на Светланке, которая, по слухам, была перегорожена баррикадами, я направил свой отряд по параллельным нагорным улицам. По временам высылал вниз на Светланку разведку — выяснить, где баррикады, и атаковать их сверху. Однако баррикад нигде не было.

Гнилой Угол оказался также свободным от красных. Обшарили район по всем направлениям. Послал донесение об отсутствии противника и ждал дальнейших приказаний.

Утро 27 мая застало отряд в Гнилом Углу. Что делалось в центре города — сюда не доходило. Наконец получили приказ идти по Светланке к «Золотому Рогу». Пройдя версты полторы, — новое распоряжение: оставаться там, где застанет приказ, и ждать

дальнейших распоряжений. Появились японцы; дошли слухи о том, что японцы всех разоружают. Сейчас же послал в роту, шедшую боковым отрядом по нагорной части города, распоряжение укрываться от японцев и сохранить оружие. Сам поехал на извозчике со своим адъютантом в штаб узнать, в чём дело.

У портовой конторы, на улице — красная рота, окружённая японскими часовыми. Меня встретили дружными «приветствиями» с подозрительными ружейными приёмами. Японцы энергично зашевелились, закричали и успокоили красных.

У генерала Лебедева я узнал о требовании японцев прекратить кровопролитие и о ведении переговоров. Борьба за Владивосток оканчивалась, как манёвр,— появлением посредников. Дрались белые и красные, а судьбу города решали жёлтые. Большая часть города Владивостока уже была в руках белых, и жёлтые посредники присудили им победу. Красные по приказу японцев должны были очистить город, что они и сделали, уйдя в сопки.

Владивосток, Никольск-Уссурийский и другие места Приморья были освобождены от власти большевиков[51].

ЭКСПЕДИЦІЯ НА СУЧАНЪ.

/ къ 10-лѣтію борьбы съ большевиками въ Приморьѣ /

Въ серединѣ августа я получилъ приказъ отправиться съ отрядомъ Ижорцевъ въ составѣ 25 офицеровъ и 210 солдатъ на Сучанскіе копи. Эти копи находятся въ 140 верстахъ отъ Владивостока и славятся высокимъ качествомъ угля. Наладить ихъ эксплоатацію было очень выгодно, но они находились въ глухой, гористой мѣстности, въ районѣ, гдѣ царствовали партизаны.

Копи продолжали понемногу работать и продавали уголь японцамъ. Отрядъ ихъ, около батальона, стоялъ на Сучанѣ.

Къ августу въ Приморьѣ бѣлая власть имѣла силу лишь въ городахъ Владивостокѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ, Спасскѣ, въ районѣ Гродекова и по жел. дор., соединявшей эти пункты. Чѣмъ дальше отъ нихъ - тѣмъ слабѣе чувствовалась власть Пріамурскаго Правительства и тѣмъ въ большей степени тамъ господствовали партизаны, руководимые большевиками.

Присутствіе моего отряда на Сучанѣ должно было обозначить присоединеніе копей къ владѣніямъ Владивостокскаго правительства, и отрядъ посылался какъ милиція съ соотвѣтствующимъ добавленіемъ къ формѣ одежды въ видѣ щитковъ инаціональныхъ цвѣтовъ.

Поэтому и задача моя была совершенно особаго свойства. Мнѣ нужно было успокоить окружающіе районы и наладить мирный порядокъ жизни. Къ винтовкѣ тамъ я долженъ былъ прибѣгать лишь въ случаѣ необходимости, а главнымъ орудіемъ, даннымъ мнѣ былъ ротаторъ. Я долженъ былъ выпускать листовки, воззванія и вести устную пропаганду. Въ качествѣ главнаго агитатора со мной послался докторъ Пономаревъ; наконецъ сами Ижорцы, какъ рабочіе, были отлично знакомы съ этимъ дѣломъ, и нѣкоторые изъ нихъ еще раньше посылались для агитаціи противъ большевиковъ.

О нашемъ выѣздѣ скрывалось, но уже начиная отъ станціи Шкотово получили угрозы отъ партизанъ быть взорванными или спущенными подъ откосъ. Пришлось ѣхать съ мѣрами предосторожности. На ст. Кангаузъ прибыли благополучно. Отсюда начиналась узкоколейка и на ст. Кангаузъ 2 красовался красный сдагъ. Сняли его, но національнаго не повѣсили,- здѣсь никого не оставалось.

Крутая гора не позволяла узкоколейкѣ подойти къ станціи и наверхъ шла, канатная дорога. Какъ говорятъ, по этой дорогѣ рабочіе года два до этого спустили внизъ японскую роту, отрѣзавъ канатъ. Изъ японцевъ и обломковъ вагонетокъ получилась окровавленная каша. Принимая это во вниманіе наши вещи погрузили въ вагонетки, а люди отправились пѣшкомъ.

Ночь застала въ пути, въ верстахъ въ 20 отъ Сучана. Какъ не желательно было проскочить въ Сучанъ быстрѣе, что-бы не дать большевикамъ возможности принять нежелательныя для насъ мѣры, пришлось заночевать въ горахъ на разъѣздѣ-- двигаться ночью въ этомъ чертовомъ лабиринтѣ горъ я не рискнулъ.

Утромъ двинулись дальше. Послѣдній участокъ узкоколейки проходилъ по долинѣ и по ней ходили даже пассажирскіе вагоны, которыхъ было всего нѣсколько штукъ. Начальникъ станціи предоставилъ намъ все необходимое и мнѣ далъ единственный вагонъ перваго класса, за что и попалъ въ немилость у большевиковъ.

Наконецъ прибыли на ст. Сучанъ, на шахту № 2, являвшуюся центромъ жизни всѣхъ копей.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА СУЧАН[52]

(К 10-ЛЕТИЮ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ В ПРИМОРЬЕ)*

I

В середине августа (1921 г. — *Сост.*) я получил приказ отправиться с отрядом Ижевцев в составе 25 офицеров и 215 солдат на Сучанские копи. Эти копи находятся в 140 верстах от Владивостока и славятся высоким качеством угля. Наладить их эксплуатацию было очень выгодно, но они находились в глухой, гористой местности, в районе, где царствовали партизаны. Копи продолжали понемногу работать и продавали уголь японцам. Отряд их, около батальона, стоял на Сучане.

К августу в Приморье белая власть имела силу лишь в городах Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске[53], в районе Гродекова и по железной дороге, соединявшей эти пункты. Чем дальше от них — тем слабее чувствовалась власть Приамурского правительства и тем в большей степени там господствовали партизаны, руководимые большевиками.

Присутствие моего отряда на Сучане должно было обозначить присоединение копей к владениям Владивостокского правительства, и отряд посылался как милиция с соответствующим добавлением к форме одежды в виде щитков из национальных цветов.

Поэтому и задача моя была совершенно особого свойства. Мне нужно было успокоить окружающие районы и наладить мирный порядок жизни. К винтовке там я должен был прибегать лишь в случае необходимости, а главным орудием, данным мне, был ротатор[54]. Я должен был выпускать листовки, воззвания и вести устную пропаганду. В качестве главного агитатора со мной посылался доктор Пономарёв; наконец, сами Ижевцы, как рабочие, были отлично знакомы с этим делом, и некоторые из них ещё раньше посылались для агитации против большевиков.

О нашем выезде скрывалось, но уже начиная от станции Шкотово получили угрозы от партизан — быть взорванными или спущенными под откос. Пришлось ехать с мерами предосторожности. На ст. Кангауз прибыли благополучно. Отсюда начиналась узкоколейка, и на ст. Кангауз-2 красовался красный

---

* Вестник ОРВВВ. 1931, № 64, с. 10–12; № 65–66, с. 20–22, 31; 1932, № 68–69, с. 24–27.

флаг. Сняли его, но национального не повесили, — здесь никого не оставалось.

Крутая гора не позволяла узкоколейке подойти к станции, и наверх шла канатная дорога. Как говорят, по этой дороге рабочие года [за] два до этого спустили вниз японскую роту, отрезав канат. Из японцев и обломков вагонеток получилась окровавленная каша. Принимая это во внимание, наши вещи погрузили в вагонетки, а люди отправились пешком.

Ночь застала [нас] в пути, верстах в 20 от Сучана. Как ни желательно было проскочить в Сучан быстрее, чтобы не дать большевикам возможности принять нежелательные для нас меры, пришлось заночевать в горах на разъезде — двигаться ночью в этом чёртовом лабиринте гор я не рискнул.

Утром двинулись дальше. Последний участок узкоколейки проходил по долине, и по ней ходили даже пассажирские вагоны, которых было всего несколько штук. Начальник станции предоставил нам всё необходимое и мне дал единственный вагон первого класса, за что и впал в немилость у большевиков.

Наконец прибыли на ст. Сучан, на шахту № 2, являвшуюся центром жизни всех копей. Поезд окружили любопытные. Только я вышел из вагона, ко мне подошёл японский переводчик, юноша лет 18, отлично говоривший по-русски, — он учился во Владивостокской гимназии. Звали его Пётр Петрович. Он пригласил меня к своему командиру батальона.

На холме, окружённые окопами и проволокой, находились землянки японцев. Землянки были глубоко врыты в землю, и бруствера окопов прикрывали их полностью. Только с дальних сопок можно было обстрелять внутренность этого городка, но и то траверсы в проходах и земляные покрытия давали максимум безопасности при самом нечаянном нападении. Видно, что японцы прожили здесь долго и приспособились.

В столовой у командира батальона начались приветствия и деловые разговоры. Здесь были три японских офицера и переводчик. Я пришёл со своим начальником штаба полковником Баевым[55]. После нескольких предупреждений, что они будут говорить совершенно официально, японцы стали расспрашивать о цели прибытия и о том, что я намерен делать. Как будто об этом они ничего и не знали. Все мои ответы записывались. Затем последовали заявления о дружеских чувствах, сожаление о несчастье, постигшем русское государство, и высказаны были

пожелания, чтобы отряд милиции как можно лучше обходился с местными жителями, что сейчас здесь очень спокойно и никаких притеснений и арестов делать не надо, необходимо, чтобы между милицейскими и населением не было никаких недоразумений. И это всё было записано. После этого любезные хозяева предложили саке, пиво и чай.

Я вернулся к отряду. Меня поджидал председатель совета копей коммунист Артемьев. Он сообщил, что когда сюда приходили раньше войска, они останавливались в помещении Народного дома. Он открыл дом и передал его в моё распоряжение. Также он сообщил, где можно выпекать хлеб и где находятся бани. Своей предупредительностью он совершил тяжкий грех перед революцией. Как представители врагов пролетариата, мы должны были показать своё «хищническое классовое лицо», взломать двери и всё брать силой. За свою вину Артемьев поплатился жизнью — через три дня он был убит ночью в своём доме, выстрелом через окно.

Большая зала Народного дома была неудобна, и Ижевцы разбили палатки в прилегающей к дому рощице. Вокруг были сделаны окопы. Конная разведка поместилась с другой стороны дома, в ложбине, покрытой кустарником, где лошади располагались укрыто. К вечеру отряд уже устроился на новом месте.

Незадолго до захода солнца ко мне пришёл Пётр Петрович. Он начал ругать большевиков и партизан и убедительно доказывать, что по отношению к ним не должно быть никакой пощады, что все местные большевики должны быть уничтожены, и тогда только здесь будет тихо. Я ему указал, что наш приезд прошёл спокойно, что даже большевик Артемьев отвёл нам помещение, следовательно, он должен быть доволен. Пётр Петрович забеспокоился моим «непониманием» дела и ещё усиленнее стал доказывать необходимость уничтожения здешних большевиков. Я был озадачен. В чём тут «восточная дипломатия»?!! Только недавно, с предупреждением об официальности и с записыванием мне говорилось одно, а теперь Пётр Петрович убеждал делать противное, притом с большой настойчивостью. Этот мальчик не мог действовать только от себя.

Никто из нас не сомневался, что японцы преследуют в Приморье свои цели, что чем острее вражда между русскими, тем выгоднее для них и тем легче могут они добиться своего.

Но в настояниях Петра Петровича, повторявшихся не раз, особенно часто в первые дни, — чувствовалось ещё что-то

другое. Я пришёл к заключению, что именно мирная встреча и отвод нам помещения испугали японцев. В том калейдоскопе переворотов и недоворотов, который пережило Приморье с перекрашиванием белых, красных, розовых, зелёных (земских) поочерёдно друг в друга, было трудно разобраться не только иностранцу, но и русскому. Ещё недавно был уничтожен Тряпицыным Николаевск-на-Амуре[56], и там погибла целиком рота японцев.

Кто мы такие, в кого можем перевернуться, не нападём ли на них вместе с красными партизанами, — всё это, видимо, волновало японцев, и это можно было прочесть между строк в словах Петра Петровича. Открытая вражда должна была успокоить японцев, дать им доказательство, что действия пришедшего отряда совместно с большевиками против них невозможны, и потому они через Петра Петровича так энергично науськивали меня на большевиков. Вместе с тем официальные записи давали свободу действия: я предупреждён вести себя мирно, не арестовывать, не преследовать. Если я не выполню этого, японцы могут меня разоружить, помочь той или другой стороне, сделать всё, что им в данную минуту будет выгодным.

Я насторожился и стал внимательно относиться к советам «друзей» (так мы называли японцев), стараясь проникнуть в их замыслы. Решил действовать по инструкции, равняясь на поставленную мне задачу мирного завоевания, действуя ротатором и агитаторами.

Разоружение здесь не то, что во Владивостоке* (Место глухое: кто виноват, кто прав — потом не разберёшься.) Можно исчезнуть с отрядом без остатка, и никто не узнаёт истинной причины.

Наконец, и действовать в желательном для «друзей» направлении я не мог. По составу своего отряда я мог вести открытые боевые действия и мог надеяться иметь успех в пропаганде. Но заниматься полицейскими функциями, вылавливать из подполья я средств не имел. На этом фронте я был бы бит и только дал бы повод торжествовать врагу. С собой я взял из штаба корпуса двух контрразведчиков, но в первый же день они были разоблачены, получили угрозы жестокой расправы и отпросились домой

* См. № 59–60 «Вестника [ОРВВВ]» — *Прим. автора.* (автор имеет в виду статью о военном перевороте во Владивостоке в мае 1921 г., см. выше. — *Прим. сост.*)

во Владивосток. Каких-либо полицейских или административных чиновников от правительства со мной не было, — никто не решился ехать в это гиблое место.

Дом, где собирались большевистские главари на заседания, был известен, но, конечно, захватить их открыто, без применения хитрости, не удалось бы. Они следили за каждым нашим шагом, главным образом через мальчиков лет 10–12. Одного такого агента мне показал Пётр Петрович и сказал, что это их самый неотвязчивый и опасный шпион. «Смотрите, как у него горят глаза, как у волка!» Я посмотрел и на мальчика, и на Петра Петровича. Они оба походили на двух волчат, встретившихся в лесу, чтобы перегрызть друг другу горло.

Были шпионы и посерьёзнее, но оказавшиеся менее пригодными. Например, библиотекарем был коммунист, который просил разрешения заниматься в библиотеке Народного дома. Там у нас была канцелярия. Чтобы не давать большевикам повода кричать, что рабочие лишены своих книг, я разрешил библиотекарю в определённые часы, когда работала канцелярия, заниматься своими книгами. Библиотекарь-коммунист был очень скромного нрава, вежливый, застенчивый. Видимо, в партию попал случайно. Когда он был в библиотеке, никто из присутствующих не произносил ни слова, даже самого пустяшного, бумаги передавались из рук в руки молча. Но на нашем посетителе лежала какая-то задача: подслушать, выкрасть документы, может быть, даже террористическое дело. Через несколько дней он стал появляться всё более и более грустным. Смотрел умоляющими глазами, как будто от работающих в канцелярии зависела его участь. Он был убит, как и Артемьев, выстрелом через окно ночью. Видимо, не смог или не решился выполнить возложенной на него задачи, и беспощадная дисциплина партии покарала его.

II

Борьба с большевиками за власть на копях и за влияние на население происходила как бы по молчаливому соглашению с ними, на мирном фронте. Видимо, и большевики не желали и опасались вмешательства третьей стороны — японцев. Наконец, большая часть состава их партизанских отрядов за последние полтора года (со времени полубольшевистского правительства

Антонова[57]) разбрелась по домам и не выражала большого желания бродить по сопкам вновь. Приходилось набирать новое пополнение, а на это требовалось время.

Отряд прибыл на Сучан 19 августа. На другой день ротатор заработал. Первая листовка — «К врагам народа и порядка» — была мною направлена против большевиков и их революционных порядков, послуживших к разорению страны. Рабочим предлагалось заняться своей работой, партизанам — бросить свои отряды и перейти на мирный труд. В последующие дни листовки стали появляться регулярно, их расклеивали на базаре и раздавали на руки; листовки охотно брали и читали.

Через два дня после прибытия, 21 августа был назначен в Народном доме митинг под председательством доктора. Надо было ковать железо пока горячо. Митинг собрал много народа. Первым выступил доктор Пономарёв. Это был интересный человек, и о нём надо сказать несколько слов. В Ижевскую дивизию он попал во время «Ледяного похода», кажется, в Верхнеудинске. Сразу почувствовал симпатию к Ижевцам и был рад с ними идти куда угодно. Генерала Молчанова он боготворил и по первому его слову был готов отправиться хоть к чёрту на кулички. Характер у него был беспокойный и авантюристический, и он с удовольствием исполнял всякие рискованные поручения, не раз отправляясь к партизанам парламентёром. Ездил в Читу в Дальневосточное учредительное собрание, где уверял большевиков, что только они, большевики, да «каппелевцы» и есть «настоящие» люди, действительно крепко организованные.

— Вы приказывали на выборах своему стаду голосовать за ваш список, — говорил в Чите доктор, — и каппелевцы строились батальонами, шли с песнями к избирательным участкам и там бросали как один свои записки за тот №, который указывался командирами, а потом тем же порядком возвращались.

Теперь доктор с удовольствием отправился на Сучан, куда никто не хотел ехать. В молодости он участвовал в политической работе у левых и знал, как надо митинговать. В Приморье он считал себя «демократом» и имел соответствующие убеждения, которые требовали от него ненавидеть Меркуловское правительство. Теперь же по приказу генерала Молчанова он должен был выступить на митинге в защиту этого правительства.

Доктор долго отплёвывался до и после митинга, считал себя оскорблённым в своих лучших чувствах, но тем не менее приказ

выполнил и поведал Сучанскому населению о несуществующих, по его мнению, достоинствах Меркуловского правительства.

Вторым выступил наш артельщик, рабочий Ижевского завода Якимов, рассказавший о зверствах большевиков на Ижевском заводе и о расстреле ими после восстания 7983 рабочих и их семей. Третьим говорил унтер-офицер Субботин, из крестьян под-Ижевской деревни. Он говорил о выколачивании хлеба карательными отрядами у крестьян Прикамья и об издевательствах большевиков в деревнях. Изложенные простыми словами рассказы Якимова и Субботина произвели большое впечатление.

Местным заправилам было предложено выступить от имени большевиков, но большинство из них не пришли, боясь засады. Один какой-то горластый парень из задних рядов прокричал что-то о притеснении капиталистами трудового народа, выпрыгнул в окно и бросился бежать в посёлок.

Однако не листовки и не митинги были наиболее действительными средствами для отвлечения симпатий населения от большевиков. Дисциплинированность Ижевцев, ровное отношение к жителям, уплата на базаре за всё взятое русским серебром (Ижевцы захватили много серебра под Красноярском) или японскими деньгами, — всё это невольно вызвало у местного населения уважение и добрые чувства к «милиционерам».

Лучшей же пропагандой против большевиков служили беседы солдат с жителями в частной обстановке, главным образом на базаре, расположенном недалеко от Народного дома.

Ощутительным пробелом было то, что никаких административных лиц не прибыло с отрядом для управления копями. Старший технический персонал копей, руководивший разработками, отчасти разъехался, отчасти жил замкнуто, бессильный что-либо предпринять. Общая администрация находилась фактически в руках большевистского совета. По прибытии отряда этот совет по принятому шаблону переформировался в «стачком», хотя и так копи почти не работали.

Получилось нелепое положение: общественной жизнью руководил орган, признававший власть ДВР, а милиция, охранявшая общественную тишину и безопасность, принадлежала враждебному Владивостокскому правительству.

Но вернёмся к интересному опыту борьбы с большевиками на бескровном фронте. Большевики, опытные в пропаганде и втирании очков, рассчитывали, видимо, что на этом фронте они

непобедимы. Без сомнения, они не учли того, что прибывшие милиционеры являются не обычным типом людей, служащих для охраны государственного порядка, а состоят из ярых антибольшевиков и к тому же, будучи сами рабочими, отлично знакомы с приёмами пропаганды. Большевики не учли, что Ижевцы, прошедшие тяжёлые испытания в Гражданской войне, не восприимчивы к большевистской пропаганде, а, наоборот, могут сами распропагандировать граждан ДВР.

Попытки большевиков обработать и перетянуть на свою сторону прибывших милиционеров, удачи не имели. Или почти не имели, т. к. однажды они торжественно объявили Сучану, что двое из отряда сбежали к партизанам, а за ними последуют вскоре и остальные.

Этим особенно обеспокоились японцы. Если двое начали, то постепенно, думали они, могут перейти и всё, и во всяком случае очень неудобно иметь под боком вооружённый отряд с такой неустойчивой физиономией.

Я тоже был удивлён и обеспокоен. Была произведена поверка. Оказалось, что действительно двое милиционеров сбежало, но оказались они не Ижевцами, а случайными людьми, недавно попавшими в полк. Сучанская атмосфера подействовала на них, и они драпанули, поверив тем ужасам, которые большевики сулили всему отряду.

Был ещё один интересный случай. Не зная, чем пронять закалённых от большевизма Ижевцев, вражеские пропагандисты нашли однажды уязвимую точку — национальный флаг. Приходят как-то ко мне человек 5 Ижевцев и просят поговорить. Они жестоко и удачно спорили на базаре с большевиками. Наконец последние, указывая на национальный флаг, развевающийся над крышей Народного дома, говорят:

— Вот вы — рабочие, и говорите, что стоите за права народа, а какой у вас флаг, что значит ваша «трёхцветка»?

Ижевцы стали выкручиваться вразброд.

— Вот, не знаете! — наконец восторжествовали большевики. — Флаг-то ваш означает: белая полоса — верховную власть царя, а его у вас нет; синяя — правительство, а красная — народ. Если вы не хотите нашего красного народного флага, то хотя бы потребовали от вашего командира, чтобы он перевернул флаг красной полосой вверх. Всё же народ должен иметь теперь предпочтение и стоять на первом месте.

Ижевцы на этом споткнулись, вывернуться не смогли и пришли за советом к ротному. Но тот встал в тупик. Пришли ко мне. Я им объяснил, что большевики обманули, полосы на флаге означают 3 ветви русского народа, а не что-либо другое.

— А не лучше ли всё-таки, господин полковник, перевернуть флаг, — тогда большевики не смогут ничего сказать.

— Конечно, перевернуть не долго, но тогда большевики и посмеются над вами, вместо русского будет висеть флаг другой державы.

На этом дело и кончилось. Этот случай показывает, как мало у нас обращали внимания на русскую историю, на объяснение государственных эмблем. Здесь, в С. Ш. (Соединённых штатах. — *Сост.*) приходится видеть, как малыши, только что поступившие в школу, учатся уважать свой флаг, каждое утро салютуют ему и знают, конечно, что обозначают полосы, звёзды и цвета.

Наша пропаганда действовала успешнее. В ответ на наши листовки большевики вскоре стали выпускать свою газету — «Обушок», и в ней не скрывали результатов этой своеобразной борьбы. Вот выписка из единственного сохранившегося № 10 «Обушка»:

«ТОЖЕ ЗАБАСТОВЩИКИ. Слабит гайка у некоторых железнодорожников при виде каппелевских погон. Почтенные (возрастом) члены союза в стремлении услужить защитникам меркуловской демократии, легко забывают вчерашний день и не помышляют о завтрашнем. Нам думается, что союз горнорабочих легко может забыть об этих услужающих товарищах.

НИ В ТЕХ, НИ В СЕХ. Состоялось на днях собрание рудничных учителей, которое показало, что преобладающее большинство воспитателей рабочей детворы избрало удобную позицию строгого нейтралитета в напряжённой политической борьбе трудящихся Приморья с нетрудовыми, паразитическими группами. Им и союз учителей не нужен, ибо Меркуловым провозглашён лозунг «свободного труда». То-то радость Ефимовскому штабу: и на Сучане водятся «подлинные демократы». Однако мы, основываясь на опыте недавнего прошлого, не теряем надежды, что эта «нейтральная» группа в близком будущем перекрасится заново».

Реванш за митинг большевики решили дать в виде торжественного шествия с митингом вблизи базара. Подготовка

была сделана тщательная. Мне было доставлено следующее постановление:

«Содержание постановления стачкома о проведении праздника 11 сентября:

1) Провести праздник как можно осторожнее, дабы не вызвать конфликта с японцами.

2) В случае каких-нибудь столкновений с каппелевцами, милиции не принимать никаких мер.

3) Стянуть ближайшие партизанские отряды к Сучану.

4) Назначить наряд из ближайших партизанских отрядов, численностью всего до 50 человек, которые должны прибыть вооружёнными, но под видом рабочих (т. е. переодетыми).

5) По отношению каппелевцев держать себя гостеприимно и предложить принять участие в праздновании совместно с рабочими.

6) Во время митинга давать возможность выступать и каппелевцам.

9/IX — 1921 г.»

Большевики умеют устраивать пышные демонстрации, которые должны свидетельствовать о мощи пролетариата. Здесь тоже они решили применить все средства, чтобы их празднование вышло возможно внушительнее и произвело на всех сильное впечатление.

III

Настало утро 11 сентября — день большевистской демонстрации. Едва рассвело, как меня разбудил дежурный офицер и доложил, что весь Сучан украсился красными флагами. Над зданием милиции, над вокзалом и на огромной, высотою более 10 сажен, вышке над шахтой № 2 реяли большие красные флаги. У каждого домика рабочих, у лавок на базаре, над всеми другими зданиями, было прикреплено по маленькому красному флажку размером в пол-листа этой тетрадки. Не одну сотню аршин красной материи уничтожили сучанские большевики во славу красного интернационала. В массовом вывешивании этих флажков был явный вызов и хитрость: пусть попробуют милиционеры уничтожить несколько сотен этих маленьких флажков, прикреплённых на крышах или воротах домов повыше, чтобы не достать без лестницы. И без сомнения заправилами дано

было распоряжение жителям, скорее всего женщинам и ребятам, чинить всякие препятствия и издевательства при снятии флажков. Я приказал дежурному офицеру сейчас же послать по несколько солдат сорвать большие флаги, а маленькие оставить в покое. Снять флаги со зданий вокзала и милиции было не трудно. Что касается вышки, то забраться на неё было очень трудно. Видимо, там был канат, перекинутый через блок, чтобы поднимать рабочего, или какие-либо съёмные лестницы, и эти приспособления, когда ночью флаг был укреплён, были убраны. Но вышка как бы служила эмблемой копей, и высоко реявший красный флаг обозначал власть большевиков над всеми сучанскими копями. Необходимо было сорвать этот флаг и не дать большевикам возможности торжествовать и злорадствовать над нашим бессилием забраться на вышку и уничтожить символ их власти. Двое Ижевцев с большими усилиями и риском сорваться добрались всё же по перекладинам и крестовинам вышки до самого верха и скинули большевистский флаг.

Часов около 10 утра началось многочисленное шествие. Через базар оно направлялось к зданию милиции*, которое было расположено на виду нашего лагеря, шагах в 200. Там утром был поставлен караул, охранявший здание. Колонна демонстрантов медленно приближалась. Впереди шли дети, начиная от совсем маленьких, лет от трёх, и до 10–12. Детишки были одеты по-праздничному и держали красные флажки. Большевики не стесняются в средствах, и привлечение детей к политике разработано у них в целую систему. Но для нас это было ещё ново. Явно, что детский авангард должен был прикрывать следующих сзади взрослых. А случись что-либо с детьми — тем лучше: можно будет на весь мир прокричать о зверствах антибольшевиков не только над рабочими, но и над их детьми. Если бы удалось узнать об этом шествии заранее, можно было [бы] купить несколько фунтов конфет или пряников и этим оружием расстроить «могучие» ряды пролетариата до 10-летнего возраста. Теперь же, как и всегда, когда появляется ещё не виданное средство борьбы, неожиданность подействовала на стойкость духа моих Ижевцев. Не знающие робости

* Здание милиции числилось за нами. По прибытии отряда на Сучан там находилось 4 местных милиционера, которые немедленно мне подчинились и продолжали исправно нести свою службу. Но через две-три недели, под угрозой быть убитыми за службу Меркуловскому правительству, попросили увольнения. Я их от службы освободил. — *Прим. автора.*

в бою, они спасовали перед толпой детишек, шедших на них. От караульного начальника прибежал один солдат и доложил, что идёт к зданию милиции толпа жителей, впереди дети — что следует делать? Я сам видел всё это с горки, на которой был расположен Народный дом и наш лагерь. Решил не подвергать лучше караул искушениям и колебаниям между исполнением своего долга по защите охраняемого поста и нелепостью применения в данном случае оружия и приказал снять пост и идти в лагерь.

Здание милиции было занято демонстрантами, на крыше вновь укреплён красный флаг и с балкона верхней надстройки полились горячие речи, где задорно говорилось о только что одержанной победе над милицией буржуев-угнетателей.

Аппетиты толпы разгорелись, стали подбивать друг друга идти дальше, в Народный дом, и там продолжить свой митинг. Главари большевиков, видимо, решили предоставить толпе свободу действия. Поэтому дальше уже порядка не было. Двинулись вперёд в беспорядке, хотя дружно.

Я рассыпал цепь вдоль опушки рощицы, в которой был наш лагерь. Чтобы мальчишки не досаждали солдатам, по деревьям и вбитым кольям был протянут телеграфный кабель. Это служило условной границей нашего лагеря. Теперь этот кабель являлся Рубиконом, переход через который для толпы обозначал серьёзные последствия. Ко входу раньше других пришёл один молодец, здорово пьяный и плохо соображавший. В руке у него был топор.

— Что тебе надо?

— Хочу срубить трёхцветку.

Я втолкнул его внутрь, приказав арестовать.

Когда цепь заняла своё место, возбуждённое настроение толпы пошло на убыль. Большинство рабочих стали отставать и маленькими кучками располагались в разных местах посмотреть, что будет дальше. Часть подошла ближе, подбадривая друг друга, то останавливаясь, то делая несколько шагов вперёд. В этой толпе были главным образом женщины. Они вели себя воинственно и громко ругались и кричали, призывая солдат бросить своих офицеров и перейти к ним. Ижевцы спокойно стояли, ожидая распоряжений. Так как на воображение толпы действуют особенно всадники, я приказал конной разведке Ижевцев встать в конном строю в резерве, позади за цепью. Эти меры оказались достаточными, чтобы страсти толпы постепенно утихли.

Стали пробовать взять другим способом. Прислали депутацию из двух человек.

— Господин начальник, народ хочет собраться в своём Народном доме и поговорить. Мы всегда там собираемся, когда народ того желает!

— Нельзя, здание отведено милиции.

— Но ваши солдаты живут в палатках, зала пустая, всё обойдётся мирно, разрешите, народу очень хочется поговорить, нас выбрали полномочной депутацией, как мы объясним народу, что говорить нельзя?

— Объясните, как хотите.

— Ещё народ требует, чтобы арестованного товарища выпустили на свободу и ничего плохого ему не делали!

— Теперь не выпущу.

— Народ решил не расходиться, пока мы не добьёмся освобождения арестованного.

— Не расходитесь.

С депутацией ничего не вышло, и большевики придумали поднять падающее настроение пением «Интернационала». Но и с этим знакомым средством потерпели неудачу. Запели очень нестройно. Ижевцы засмеялись, стали смеяться и в толпе, — пришлось бросить затею на первом куплете. Удачно и в порядке начавшаяся демонстрация кончилась весело и балаганно. Продемонстрировав «мощь пролетариата», толпа сочла свои официальные обязанности законченными, и бабы стали весело переговариваться с Ижевцами на темы, ничего общего с классовой борьбой не имевшие.

На следующий день из печатных машин обеих сторон вышли очередные номера листовок. Как и полагается, обе стороны праздновали победу. В нашем листке указывалось, что рабочих силой потащили на демонстрацию, скоро весь порядок исчез, и в толпе даже «Интернационал» спеть не сумели и стали смеяться сами над собой. Красный листок говорил о мощности и сплочённости пролетарских сил Сучана от мала до велика, о бегстве белых солдат из здания милиции.

Я был доволен, что попал в эту грязную переделку с Ижевцами, а не с какими-либо другими частями. Требовалось много выдержки, уверенности всех чинов отряда друг в друге, чтобы не перегнуть палку в ту или иную сторону. Обычная развязка таких событий с помощью стрельбы часто служит во вред, так

как даёт огромный материал для агитации и воспитания злобы и деморализует войска. Во время же гражданской войны этот способ действий особенно нежелателен. В частности, здесь, на Сучане, стрельба дала бы красным богатый материал для агитации. А затем это привело бы к тому, что к немногочисленным красным партизанам могло присоединиться всё мужское население Сучана, доходившее по некоторым сведениям до $1^1/_2$–2 тысяч.

Японцы остались недовольны. Как и нужно было ожидать, они накануне приглашали меня к себе и «официально» советовали не препятствовать празднику рабочих и избегать столкновений, а утром переводчик Пётр Петрович стал доказывать, что большевиков надо разогнать и, если что-нибудь случится «неприятное» — не следует беспокоиться, всё будет улажено. Узнал потом, что японцы жаловались, что я недостаточно круто обращался с большевиками. Следствием этого было то, что я получил указание проявлять больше твёрдости, но в то же время подтверждалась прежняя задача «мирного завоевания».

Было бы, конечно, много полезнее, если бы на Сучан прибыла какая-либо гражданская администрация. Но по-прежнему никто не желал сюда ехать. Был назначен уполномоченный, Генерального штаба полковник Цветков[58], и он пробрался, переодевшись, на Сучан. Но пробыл здесь несколько часов и отправился обратно во Владивосток. На ход событий, особенно во Владивостоке, он смотрел так пессимистически, что лучше было бы, если бы не приезжал сюда совсем и не смущал своими сомнениями. Во Владивостоке в это время было действительно тревожное настроение. Город жил слухами о переворотах. Большевики что-то готовили, но слухи говорили о самых нелепых комбинациях, включительно до участия некоторых наших начальников вместе с левыми партиями в восстании против правительства. До нас эти слухи доходили уже в совсем преувеличенном виде. Точно так же о ведшихся в это время в Дайрене переговорах между японцами и большевиками распространялись слухи, что рассмотрение договора заканчивается, и вскоре Приморье передаётся красным.

Случись что-нибудь во Владивостоке, — наше и без того скверное, ото всех оторванное положение становилось ещё хуже. Я просил поставить небольшой отряд в село Владимиро-Александровское, находившееся в 25 верстах от копей к югу и в 10 верстах от берега моря. В этом пункте также находились

японцы, и это облегчало положение там нашего отряда, насколько, конечно, можно было надеяться вообще на доброжелательное отношение японцев.

Размещение по соседству своего отряда давало возможность взаимной поддержки и надежду, хотя довольно проблематичную, базирования на море в случае каких-либо осложнений. Но послать во Владимиро-Александровское отряд в ближайшее время не удалось.

В частях армии, кроме нескольких сотен винтовок у Волжан[59], нёсших обязанности городской милиции во Владивостоке, было всего лишь 600 винтовок, находившихся в двух частях: у Ижевцев — 450, и у Воткинцев — 150. Эти винтовки числились за Ольгинской уездной милицией и только с этими винтовками (известными по №№ японцам) можно было, по соглашению с японцами, отправлять отряды вне границ Владивостока. 200 винтовок уже было на Сучане. Остальные были нужны в районах, ближайших к Владивостоку.

Лишь после середины сентября, когда число винтовок увеличилось, во Владимиро-Александровское был направлен отряд полковника Фон-Ваха[60], состоявший из двух батальонов Ижевцев и Воткинского полка. Одновременно на смену отряду на Сучан был выслан Воткинский конный дивизион, который походным порядком, через Шкотово и по дороге вдоль берега моря прошёл на Владимиро-Александровское и отсюда на Сучан.

К этому времени — второй половине сентября — относится переход в районе Сучана от средств бескровной борьбы к вооружённым схваткам.

Первое нападение партизан было сделано на Воткинский конный дивизион 21 сентября южнее дер. Пирятино (на полдороге от Владимиро-Александровска к Сучану). Партизаны заняли каменную гряду, поросшую кустарником, и, давши дивизиону выйти на открытое место, между грядой и речкой, обстреляли из кустов. У Воткинцев был один всадник убит и 4 ранено.

После смены отряд Ижевцев выступил 25 сентября во Владимиро-Александровское, 28-го погрузился на пароход «Чифу» и через Владивосток вернулся 30-го к месту постоянного квартирования — Раздольное.

Командировка на Сучан для «мирного завоевания» представляла интересный опыт борьбы с большевиками без оружия. Казалось бы, большевики имели в этой борьбе больше преимуществ

и большой пропагандный опыт и должны были взять верх. Но на деле вышло, что они были биты; довольно скоро отказались от намерения разложить отряд милиции и переманить его на свою сторону и, наоборот, сами стали терять влияние на рабочую массу Сучана. Через некоторое время они спохватились и начали вызывать рознь между чинами отряда и населением, установившими дружеские отношения. Наконец, должны были открыто расписаться в своём бессилии и пойти на такую меру, как запрещение разговаривать с солдатами. Боязнь кровавой расправы заставила жителей быть настороже и постоянно оглядываться на слежку большевистских агентов. Это в конечном итоге служило нам только на пользу, характеризуя большевиков в глазах населения.

Однако мирная борьба не давала определённого решения, и враги перешли к более испытанному и привычному средству — к оружию.

К СОРОКАЛЕТИЮ ХАБАРОВСКОГО ПОХОДА*

В ноябре 1920 года было оставлено Забайкалье. Часть белых воинов осталась в г. Хайларе. Другая, большая часть, сдав, согласно международным законам, своё вооружение, была по железной дороге через Маньчжурию переброшена в Приморье. По дороге некоторое количество чинов армии, по разным причинам, покинуло ряды своих соратников и осталось в полосе отчуждения, главным образом в Харбине.

Остальные — непреклонные — прибыли в Приморье. Какая судьба ожидала их? «Это уже не армия, — говорили одни. — Оружия у них нет; измученные и изверившиеся, они по привычке держатся друг друга, но постепенно распылятся. Никто не будет способен поднять их снова на борьбу. Да и зачем зря проливать кровь — большевики всюду берут верх!»

Другие были иного мнения. Это — ветераны трёхлетних восстаний, походов и кровавой борьбы с поработителями Родины. Они не простят красным ужаса их террора и издевательств. Они сумеют добыть оружие и не склонят своей головы перед преступной шайкой большевиков. Кто был прав?

После прибытия в Приморье в военном городке Раздольном расположились остатки 3-го корпуса ген. Молчанова. Вскоре в большом помещении казармы был назначен «митинг». В гости приехали бывший главнокомандующий ген. Болдырев[61], член бывшей Директории Виноградов[62] и ещё кто-то. Цель их приезда — познакомить прибывших с тем, что делается кругом, с работой местных большевиков, с действиями японцев и других иностранцев и т. д. В свою очередь, они хотели узнать настроения и чаяния пришедших. Что вокруг происходит и чего можно ожидать — интересовало всех. Казарма до отказа была набита Волжанами и Камцами[63], Ижевцами и Воткинцами, Уфимцами[64], Уральцами[65], Егерями[66]

Вечер. В казарме темно. Только около небольшого возвышения, где сидел председатель собрания и откуда делали свои сообщения приехавшие гости, горит керосиновая лампа. После

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 4978, 30 ноября 1961 г.; приложение «Крестовый поход во имя правды», № 436, с. 1.

кратких докладов один из гостей спросил: нет ли каких вопросов? Тишина. Вопросов было много, но представители «великой молчальницы» — армии — не склонны к «болтологии».

Прошла минута. Из дальнего угла раздался неуверенный голос:

— А что же нам, господин генерал, теперь делать?

Ген. Болдырев ответил в духе:

— Будем ждать, времена меняются, будем надеяться на лучшее.

Раздался другой голос, более громкий и смелый:

— Вот мы пришли с Волги и Урала, прошли всю Сибирь, много страдали, многие из нас погибли; привели нас сюда, а дальше — океан. Что же нам, в воду, что ли?

Председатель собрания ген. Сахаров[67] громко спросил:

— А кто это говорит, какого полка? Выходи сюда, не бойся!

В толпе расступились, чтобы дать вопрошавшим пройти. Но вместо того, чтобы идти вперёд, они стали поспешно пробиваться к выходу. Кто они такие, стало ясно. Им здорово намяли бока и выкинули из помещения. Через день в большевистской газете было напечатано о возмутительном насилии появившихся «колчаковцев» над лучшими представителями народа, которые желали помочь прибывшим осмотреться на новом месте и выбрать правильную дорогу.

Через некоторое время начались выборы в Учредительное собрание. Создавая Дальневосточную республику, большевики должны были надеть личину демократизма, и на выборы были допущены списки разных партий. Из них наиболее правая партия с Меркуловыми во главе была особенно неприемлема для большевиков. Хотя братья Меркуловы[68] имели мало общего с Мининым-Сухоруком[69], чинам армии предлагалось голосовать за эту партию. Выстраиваясь поротно, «колчаковцы» шли в избирательные участки и, как один, открыто голосовали за список Меркуловых. Большевики пробовали издеваться: «Вы что же, голосуете, как вам приказано?». «Конечно, по приказу, но только не по вашему».

Выбранный в Учредительное собрание доктор Ижевского полка Пономарёв рискнул поехать в столицу республики, Читу, и там говорил строителям нового государства: «Собственно, настоящие люди — только вы, коммунисты, да мы, колчаковцы. Вы гоните голосующее стадо подавать голос за вас. А наши ребята,

построившись и с песнями, идут к урнам и кладут записки за тех, на кого им укажут начальники. А начальникам своим они верят больше даже, чем вы своему Карлу Марксу».

Спайка сохранилась, дисциплина внутренняя, не показная, осталась крепкой, доверие к начальникам, несмотря на неудачи, не поколебалось.

Понемногу добывалось оружие. Большевики не сомневались, с кем им приходится иметь дело. Они усиливали свою пропаганду, угрозы сбросить в море и в то же время увеличивали количество партизанских отрядов и пополняли их надёжными людьми. Участились нападения красных партизан на стоянки белых. Наступило время действовать.

26–27 мая 1921 года произошли вооружённые столкновения на улицах Владивостока; город оказался в руках белых*. Большевистское правительство укрылось у японцев и было вывезено ими на север. Образовалось новое правительство без большевиков.

Усилилась борьба во всём южном Приморье с красными партизанами. Она была малоуспешной, т. к. партизаны не принимали боёв, своевременно скрываясь по деревням или уходя в сопки. Потом снова начинали свои набеги. Имея связь с севером, партизаны получали оттуда всё — от руководства до всевозможного снабжения. Прекратить разрушительную работу партизанских шаек можно было только выдвижением на север и уничтожением их связи с источником пополнения и снабжения.

Так зародилась необходимость похода на Хабаровск. Готовиться долго не пришлось. Достать пушки было невозможно; несколько пулемётов было захвачено у партизан; винтовок было недостаточно, запасы патронов невелики. Предполагалось, если будет успех, всё это взять у противника. Одежда и обувь для сурового зимнего времени была в печальном состоянии, надеялись получить её в походе. О подготовке моральной заботиться не приходилось. Желание ещё раз помериться силами с заклятым врагом было единственным богатством армии, в котором не ощущалось недостатка.

Руководить боевыми действиями был назначен ген. Молчанов. Он прошёл тяжёлую, но славную школу боевых испытаний

---

* См. «Русская жизнь», [приложение] «Крест[овый] поход» от 25 мая 1961 г., № 410. — *Прим. автора.* (Текст статьи см. выше в наст. сборнике.)

и подвигов и имел исключительный дар быстро ориентироваться в обстановке и использовать все возможности для достижения успеха. Он был выдвинут, как наиболее достойный, вести остатки Белой армии в её последнее наступление.

Не считая подготовительных действий по очистке некоторых важных участков от партизан, самый поход, на главном направлении, начался 30 ноября 1921 года переходом реки Уссури. За этой рекой начинались «владения» красной власти.

Бой за переправу был удачен. Через четыре дня захвачен с боем г. Иман[70]. 13 декабря были отбиты от красных две пушки, и стало легче бороться с броневыми поездами врага. Присылка новых подкреплений не помогла противнику. После ряда поражений красные поспешили очистить и сдать без боя Хабаровск, освобождённый 22 декабря.

23 декабря красные не смогли отстоять ст. Покровку на северном берегу Амура, куда свезли запасы вооружения, огнеприпасов и всякого имущества, для отправки в свой тыл. Из Покровки красные были выбиты, бросив 28 пушек, несколько тысяч снарядов, полтора миллиона патронов и другое имущество.

Первый период Хабаровского похода закончился с огромным успехом. Лучшего было трудно ожидать. Всполошившийся красный лагерь начинает перебрасывать на помощь большие силы, и на границе Амурской области завязываются упорные бои.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД*

Тридцать лет прошло со времени Хабаровского похода, последнего похода последней Белой армии на последнем клочке Русской земли, где ещё мог развеваться Русский Национальный флаг.

Много за это время произошло событий, много совершилось изменений в жизни мира, государств и народов, но порой повторяемость одних и тех же явлений связывает прошедшее с настоящим. На этот раз дело о пленных и обращении с ними. В газетах и журналах последнего времени большое внимание уделяется массовому зверскому убийству пленных, захваченных китайскими и корейскими коммунистическими войсками[71]. Союзным пленным выкручивали руки назад, связывали их за спиной проволокой и зверски убивали. Появилось много фотографических снимков жертв этих красных зверств.

В Хабаровский поход нас не сопровождали корреспонденты и фотографы, но офицеру японской военной миссии удалось запечатлеть на плёнке однородные (подобные. — *Ред.*) зверства над нашими белыми пленными. Эти снимки помещены в истории Хабаровского похода в книге «Белоповстанцы» Б. Б. Филимонова** Та же леденящая душу картина: связанные сзади руки, обезображенные штыками тела, изуродованные прикладами головы несчастных.

Жестокость коммунистических сатрапов осталась без изменений в эти 30 лет. И, конечно, нет никаких надежд, что они отойдут от не знающего никаких границ террора — их главного метода управления человеческими массами и своими собственными приверженцами. Другим их методом является лживая, наглая и назойливая пропаганда. С её помощью они распространяют свою заразу по всему миру и достигли больших успехов. Но и меры противодействия их работе растут всё больше и больше. Переговоры с ними ни к чему не приводят, договоры бесполезны. И это мир начинает понимать. Уничтожение этого бича человечества силой — неизбежно. Будет ли это взрыв изнутри, внешняя война или то и другое, — покажет будущее.

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 237, 15 декабря 1951 г., с. 3–4.

** *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг. Кн. 2. Шанхай: Слово, 1933, с. 144. — *Прим. сост.*

Воспоминания о событиях Гражданской войны на нашей Родине не только имеют исторический интерес, но и дают полезные указания для борьбы с коммунизмом. В этом очерке даётся краткое описание Хабаровского похода и отмечаются некоторые его стороны, послужившие к первоначальным успехам похода.

В конце ноября 1920 года красные праздновали двойную победу — Белая армия генерала Врангеля покинула Крым, Белая армия Восточного фронта отступила в Маньчжурию. Красная власть распространилась на всю территорию России, и только на юге Приморской области, где находились японские войска, эта власть была связана различными ограничениями.

Сюда и направилась большая часть отступившей из Забайкалья армии, разоружённой при переходе границы, но сохранившей полностью свою организацию и сплочённость.

Победы над белыми армиями не дали большевикам полного мира. Русский народ не покорился и пытался сбросить власть насилия, гнёта и произвола. Весь 1921 год [был] заполнен рядом восстаний в разных частях России, к сожалению, разрозненных и потому поодиночке задавленных большевиками с беспощадным уничтожением участников.

В начале марта вспыхнуло крупное восстание кронштадтских матросов, ещё недавно главной опоры большевизма. Большое крестьянское восстание было в Тамбовской губернии, с трудом и большими жестокостями подавленное несколькими дивизиями красных под командой Тухачевского. Нелегко досталась красным борьба с партизанами на Украине, в Карелии, в Витебской губернии, с «зелёными» на Кавказе и в Крыму. Под руководством генерала Попова поднялись вновь Уральские казаки. В Средней Азии выступили «басмачи»... Позднее разгорается большое восстание в Западной Сибири... И множество других восстаний против кровавой власти, о большинстве которых [было] мало известно и доходили лишь глухие слухи. Скованное железными цепями тело России пыталось неимоверными усилиями разорвать эти цепи невиданного рабства. Коммунизм ещё не окреп и, казалось, мог быть сброшен.

Собравшаяся в Приморье в конце 1920 года Белая армия [была] бессильна восстановить сразу борьбу с красным гнётом из-за отсутствия оружия. Но красные не обманывались в том, что в лице этой обезоруженной армии они имели сильного и опасного врага.

Начинается усиленная пропаганда в белых частях, наполненная зазыванием на свою сторону с разными заманчивыми обещаниями и с угрозой «сбросить в море» непокорных. Происходят налёты партизан на стоянки белых частей, увод лошадей, нападения на железную дорогу, готовятся отряды для «сбрасывания в море».

Эти действия принуждают белых приготовиться к отпору. Выступив почти с голыми руками 26–27 мая 1921 года, белые овладевают Владивостоком. Красные вооружённые силы рассеиваются по сопкам, а красная власть бросается под защиту японцев и вывозится ими на север за реку Уссури.

Проходит несколько месяцев в борьбе с отрядами красных партизан, базирующихся в труднопроходимых горных районах с центрами в Анучино, Сучане, бухте Ольги, в болотах у озера Ханка и других местах. В борьбе этой принимают [участие] незначительные силы армии, которые для охраны порядка составили небольшие, ограниченные договором с японцами, отряды «милиции» и получили соответствующее количество винтовок. Часть оружия, помимо разрешённого договором, с трудом добывается разными путями для расширяющейся борьбы. Такая борьба не приводит к решительным результатам и грозит затянуться на бесконечное время.

Необходимо было уничтожить или прервать источники руководства, пополнения и снабжения красных партизан с севера. Это привело к наступлению вдоль железной дороги и реки Уссури на Хабаровск.

Не имея своих запасов оружия и патронов, выступившая в поход небольшая армия «белоповстанцев» была крайне стеснена в их пополнении. Оно добывалось главным образом в боях. Пушек вначале не было совсем, и их отсутствие почувствовалось в первый же день после захвата станции Уссури — бронепоезд противника, это могучее средство в Гражданской войне, производил свои нападения безнаказанно. Одежда была в плохом состоянии, и суровые зимние холода, доходившие до 40 градусов, выводили из строя многих бойцов обмороженными.

Японцы довольно благожелательно относились к нашему походу на красных, повторяли своё «карашо», но сколько-нибудь значительного содействия от них ждать было нельзя. Присутствие во Владивостоке других наших «друзей-союзников» не позволяло

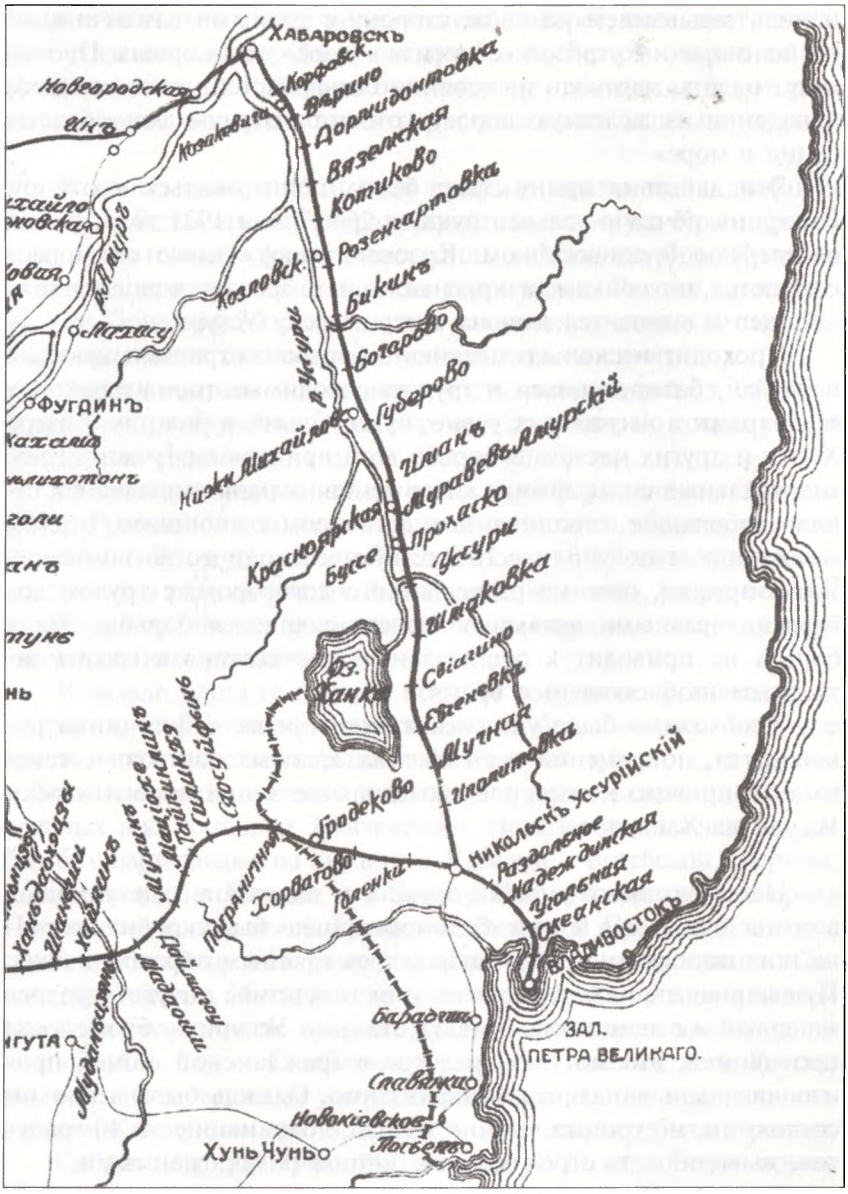


Схема путей сообщения в Приморье
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 5939)

им широко раскрывать большие склады патронов и оружия. Да и у них у самих не было единомыслия, кому следует помогать — красным или белым. Взаимное же истребление русских японцам было не вредно, а начавшаяся война давала им оправдание для их присутствия в Приморье. Предъявление японцами разных формальностей и задержка подвижного состава железной дороги сильно стесняли наши действия и снабжение.

Население Приморья, привольно жившее в этом богатом крае, не знало ещё достижений «социалистического строительства», но видало обиды и поборы, как от «белого» Калмыкова[72], так и от красных партизан. В начале оно сдержанно встречало «белоповстанцев».

Несмотря на скудные средства, отпускаемые армии, не дававшие возможности даже приобретать столь необходимую одежду и обувь, части платили за все продукты и фураж, взятые у крестьян. Это особенно содействовало тому, что вскоре после начала похода население стало дружески относиться к армии, охотно продавало всё необходимое, снабжало перевозочными средствами, сообщало точные сведения о силах и расположении красных и так далее. За точным исполнением — расплачиваться за всё взятое — строго следили. Генерал Молчанов приказом предупредил, что будет расстреливать всех мародёров, а также и пьяниц, денег ни у кого быть не должно, а раз имеет возможность пить — значит, ворует!

Несмотря на быстрое продвижение на север, добрая слава бежала впереди «белоповстанцев». Докатилась она и до командующего красным фронтом товарища Серышева, который жаловался японскому агенту в Хабаровске, что генерал Молчанов идёт с новым, ещё не виданным в Гражданской войне методом борьбы, и с этим им, красным, трудно бороться. Это заставило красных, в свою очередь, издать строгие приказы против своих мародёров, а красным интендантам было послано серебро и золото для расплаты с крестьянами за продукты, которое и попадало иногда в руки белых.

Зимний поход, весьма тяжёлый ввиду отсутствия хорошей одежды и обуви, имел своё преимущество. Встречавшиеся на пути реки, многие из них представлявшие летом труднопреодолимые преграды, были скованы льдом и легко преодолевались.

После предварительных действий по обезвреживанию партизанских групп в районе Сучана, Анучино и озера Ханка начался

поход на север 30 ноября переходом через реку Уссури и захватом станции Уссури и прилегающих посёлков. Несмотря на то что усилившаяся борьба с партизанами призывала красных к особой бдительности, их охрана моста и станции Уссури была довольно беспечна.

Задача по захвату этого первого объекта похода была выполнена Поволжской бригадой генерала Сахарова с приданным ей Воткинским конным дивизионом (см. отдельное описание этого боя*).

Ночью прибыла Ижевско-Воткинская бригада, и утром обе бригады двинулись разными путями на город Иман. Генерал Молчанов отдал приказ в три перехода дойти до Имана и взять его ночной атакой с 3-го на 4 декабря.

Ижевско-Воткинская бригада в ночь на 2 декабря выбила авангард красных из деревни Тангинская, захватив 2 пулемёта и 40 пленных, и там заночевала.

Поволжская бригада на походе встретила бронепоезд красных, который несколько раз обстреливал части бригады. Невозможность борьбы с бронепоездом без артиллерии вынудила начальника бригады искать какого-то другого решения, и он собирался вместо атаки Имана сделать глубокий обход на станцию Губерово. Это не решало вопроса и не избавляло от встреч с бронепоездом. Генерал Молчанов подтвердил свой приказ ночью атаковать и взять Иман. В назначенный срок город Иман был взят.

В красных рядах было замешательство. Их пехота не выказала устойчивости и быстро отступала при малейшем нажиме. Главное сопротивление оказали бронепоезд и рота корейцев. Последняя появилась откуда-то с тыла и, наступая в большом порядке, близко подошла к станции, занятой Волжанами и Камцами. Вначале корейцы были приняты за своих. Когда недоразумение выяснилось, все корейцы погибли в штыковой схватке.

Ижевцы и Воткинцы заняли лесопильные заводы и засели в мёртвом пространстве бронепоезда около самого моста через реку Иман. Два бывших железнодорожника (Ижевец и Воткинец) незаметно разобрали путь, когда маневрировавший бронепоезд отошёл в свой тыл. Там орудовал конный отряд

* Автор имеет в виду статью, помещённую в том же номере газеты «Русская жизнь» и представляющую собой фрагмент из книги: *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Кн. 1. Шанхай: Слово, 1932, с. 104–105. — *Прим. сост.*

из 1-го кавалерийского полка, Воткинского конного дивизиона и Иманской сотни Уссурийских казаков. Конница сделала некоторое повреждение полотна железной дороги и заставила бронепоезд оглядываться на свой тыл. При возвращении на свою позицию к югу от моста бронепоезд наехал на разобранный участок, его предохранительная и передняя орудийная площадки сошли с рельс. Исправить путь Ижевцы и Воткинцы не давали своим ружейным огнём. Бронепоезд отступил, бросив площадки и орудие, с которого был снят замок.

После днёвки в районе Имана «белоповстанцы» двинулись дальше. В 20 верстах от Имана у красных была подготовлена позиция по высотам у станции Гондатьевка, с хорошим обстрелом. Там красные должны были оказать упорное сопротивление. Но кроме дальнего обстрела бронепоезда, Ижевско-Воткинская бригада, сменившая Поволжскую на железнодорожном направлении, никакого сопротивления не встретила.

Крестьяне сообщили, что красные заняли эту позицию и ждали появления белых, но среди красноармейцев 6-го полка началось брожение и пошли разговоры о сдаче в плен. Комиссары немедленно увели полк на станцию, погрузили в вагоны и увезли в тыл. Без сомнения, произошла расправа с красноармейцами, хотевшими сдаться, и дисциплина была «восстановлена».

Ускорение движения вперёд и успешность борьбы с главным препятствием — бронепоездами противника — требовали от генерала Молчанова особых мер. Своё решение он указывает в приказе от 5 декабря: «Отсутствие у нас броневиков* и артиллерии и трудность нашего продвижения ввиду этого вдоль железной дороги заставляет меня операцию по овладению следующим, выгодным для нас районом станции Бикин провести глубоким обходом противника и выходом обходной колонны в районе станции Бикин».

Обходная колонна, составленная из Поволжской и 1-й стрелковой бригад, выдвигается на реку Уссури. Её задача — захватить посёлок Васильевский на реке Уссури и на рассвете 12 декабря атаковать Бикин с запада. Ижевско-Воткинская бригада (усиленная Добровольческим полком, вошедшим в её состав) должна оттеснить железнодорожную группу красных и на рассвете того же числа атаковать Бикин с юга.

---

* Здесь и далее «броневиком» называется бронепоезд. — *Сост.*

Красные, отступая вдоль железной дороги, оказывали слабое сопротивление. В частности, их бронепоезд, после потери у Имана площадки с орудием, боялся за свой тыл, обстреливал передовые части Ижевско-Воткинской бригады с дальних дистанций, редко приближался на 1–2 версты и при угрозе обхода откатывался назад.

Бикинская линия обороны считалась у красных главной. Они сосредоточили сюда части свежего 5-го полка и собирались упорно обороняться. Однако уже вечером 11 декабря они бросили Бикин, взорвав железнодорожный мост. Наша конница сейчас же заняла станцию и посёлок, радостно встреченная жителями.

Отступив от Бикина, красные не предупредили батальон 5-го полка, занимавший посёлок Васильевский. Этот забытый батальон был ночью окружён Уссурийской колонной и утром 12 декабря разгромлен. У красных было взято 4 пулемёта и 115 пленных. На месте осталось до 60 убитых, остатки рассеялись по сопкам.

Не задерживаясь у Бикина, генерал Молчанов уже 13 декабря на рассвете решил овладеть районом станции Розенгардовки. Днём 12 декабря был отдых, а вечером части выступили дальше. Предстоял 45-вёрстный переход и ожидался бой.

Действительно, на этот раз красные оказали более упорное сопротивление. По поставленной обходной группе задаче она должна была, двигаясь по реке Уссури, разбить красных в посёлке Лончаково и на их плечах ворваться на станцию Розенгардовку. Железнодорожная группа атаковала станцию с юга.

Чтобы атаковать станцию Розенгардовку с юга, надо было сначала захватить расположенные южнее деревни Пушкино и Лермонтовка. Подступом к ним служила болотистая кочковатая долина реки Бирушка, пересечённая на западе железнодорожным полотном. С полотна красные и их бронепоезд могли хорошо обстреливать долину.

Стрелковые части Ижевско-Воткинской бригады, развернувшись ещё в темноте, быстро двинулись к деревням. Когда стало светать, красные заметили наши цепи и открыли огонь. Не отвечая, белые продолжали безостановочно двигаться вперёд, выбили красных в 8 часов из деревни Пушкино, сейчас же атаковали Лермонтовку и за ней станцию. К 10 часам все эти пункты были в наших руках.

Конница железнодорожной группы в составе Сибирского казачьего полка и Воткинского конного дивизиона под общей

командой генерала Блохина[73], не имея возможности действовать на кочковатой долине, была оставлена к западу от железной дороги. При отступлении красных от Лончаково Воткинский конный дивизион и одна сотня Сибирских казаков атаковала красную батарею, порубила и рассеяла прислугу и захватила 2 орудия.

В посёлке Лончаково красных не было, и туда стали подходить части Уссурийской группы. Но туда же ночью выступили из Розенгардовки и красные. Произошёл упорный бой. Наступление красных было заранее обнаружено разъездом 1-го кавалерийского полка, захватившим в плен красного артиллериста, который и предупредил о движении своего отряда.

Части Уссурийской группы, растянувшиеся на больших дистанциях, по очереди подходили к Лончаково, что едва не кончилось поражением, но хорошо поставленная разведка 1-го кавалерийского полка, доблесть Волжан и прибытие вовремя 1-й стрелковой бригады — спасли положение. Красные, понеся большие потери, были опрокинуты и бросились бежать к станции Розенгардовке. Остановка частей Уссурийской группы на полпути к Розенгардовке дала возможность преследуемому отряду красных сравнительно благополучно проскочить на север.

Кроме очередного поражения красных, этот день дал нам две первых вполне исправных 3-дюймовых пушки. Борьба с красными бронепоездами становилась легче.

Истекшие две недели похода указывали с полной определённостью, что, несмотря на приблизительно равные силы в пехоте и кавалерии, несмотря на наличие такого преимущества, как обладание артиллерией и бронепоездами, которых у белых не было, красные не способны были выдержать ни одного удара. Моральное состояние их войск было низко, управление частями беспорядочно, замечалась большая растерянность на верхах. Надо было использовать это и не давать противнику привести себя в порядок.

Кроме бронепоездов и артиллерии, красные имели другое преимущество — действующую железную дорогу. Вслед за прибывшим 5-м Хабаровским полком подвозился 4-й полк из Благовещенска, и из Забайкалья двигался полностью укомплектованный Особый Амурский полк. При отступлении красные могли перебрасывать свои части по железной дороге, не утомляя свои части большими переходами при больших морозах.

Разрушенная железная дорога от Имана и взорванный мост у станции Бикин, стеснения японцев в пропуске паровозов и вагонов лишали «белоповстанцев» больших преимуществ железнодорожного сообщения. Сибирская бригада, после окончания анучинской операции, должна была делать большие переходы, чтобы догнать продвинувшийся на север фронт. Тяжёлые переходы по шпалам или по льду реки Уссури были изнурительными. Ещё хуже было то, что обувь была в плохом состоянии, потёртые и обмороженные ноги вырывали из рядов многих бойцов.

Нужно было и красных лишить их преимуществ в беспрепятственном пользовании железной дорогой и при удаче захватить у них подвижной состав бронепоезда, артиллерию и другую материальную часть.

Энергичное наступление продолжалось. Для действия в тылу противника генерал Молчанов выкинул из Розенгардовки 14 декабря конный отряд генерала Сахарова силою в 450 всадников с 4 пулемётами, составленный из частей всех трёх действовавших на фронте стрелковых бригад. В отряд включался и небольшой отряд полковника Карлова[74], вышедший незадолго до этого в тыл красных и успевший сделать некоторые разрушения железной дороги.

Задача отряда — выйти на Амурскую железную дорогу западнее Хабаровска для её разрушения и действий на тылы красных. По дороге на север конный отряд отвлёкся 16 декабря налётом на станцию Дормидонтовка, где подорвал мост и сделал разрушения железной дороги. Узнав от жителей об этом непредусмотренном разрушении, генерал Молчанов срочно выслал вперёд Сибирский казачий полк и батальон Ижевцев на подводах, чтобы использовать задержку красных в их отступлении. Остальным частям был отдан приказ об ускорении движения. Произведённые разрушения были красными вовремя исправлены. Налёт конного отряда, не дав ощутительных результатов, привёл к излишнему изматыванию лошадей, и без того в значительном количестве бывших в плохом состоянии.

18 декабря Ижевско-Воткинская бригада прошла из посёлка Вяземская до станции Дормидонтовка почти 50-вёрстный переход. Поволжская бригада по реке Уссури прошла за полутора суток 64 версты, около этого сделала на реке Уссури и 1-я стрелковая бригада.

Солдатские ноги с трудом выносили эти переходы. Несколько старших начальников и доктор, особенно хорошо знакомый

с натёртыми ногами, пошли вечером 18 декабря к генералу Молчанову просить уменьшить переходы. В штабе печатался приказ на следующие дни. Заглянули... Прочитали: «...Красные вышли из-под удара... благодаря медленному нашему продвижению... Я решил безостановочным движением захватить Хабаровск 23 декабря». О просьбе пришлось забыть.

Но да не забудется память о выносливости и силе духа русских белых воинов с Волги и Камы, прошедших до Приморья долгий путь кровавых боёв, тяжких страданий и испытаний и теперь на растёртых ногах, в дырявой обуви, в зимнюю стужу делающих переходы по 50 вёрст, идущих в бой с винтовками против пушек и броневых поездов и ни на что не жалующихся!

На 19 декабря железнодорожной колонне ставилась задача занять станцию Верино. На полпути предстоял переход через реку Хор, имевшую ширину главного русла 300–400 шагов, ещё не вполне замёрзшую, с высоким северным берегом. На запад от железной дороги по высокому берегу раскинулся посёлок Хорский. У красных была здесь хорошая позиция с отличным обстрелом. Они имели в сборе всю Амурскую бригаду. Их силы численно вдвое превышали наши.

Но ни река с полыньями, ни сила позиций противника, ни его двойные силы, ни артиллерия и бронепоезд не остановили порыва «белоповстанцев». Правее железной дороги повёл наступление и переправу через реку Воткинский полк, левее — Добровольческий. Ижевцы шли в резерве. При начале перехода через реку к месту боя подошёл эскадрон Омского полка под командой капитана Торопова[75]. Этот эскадрон и его отважный и доблестный командир оказали переправлявшимся частям неоценимую услугу подвигом редкого самопожертвования.

Большой железнодорожный мост через реку Хор был приспособлен для колёсного движения. (На этом мосту красные в 1920 году расправились с 200 офицерами и солдатами Приморского конного полка полковника Враштеля[76]. Разбивая головы молотками, палачи сбрасывали свои жертвы в реку.) Подготовлен к взрыву он не был, так как красные, по-видимому, надеялись с успехом остановить белых перед рекой Хор. На северном конце моста стояли красные пулемёты, которые со своего возвышенного места могли нанести большой урон цепям белых по льду реки.

Капитан Торопов бросился с эскадроном через мост. Падают убитые всадники и лошади. Капитан Торопов ранен, но ведёт храбрецов вперёд. Потеряв 7 убитых и многих всадников ранеными, эскадрон проскочил мост и изрубил красных пулемётчиков. Вернулся красный бронепоезд и пополз на Омцев. Но вслед за ними через мост на руках тащится бывшее красное орудие и встречает бронепоезд своим огнём.

Со сравнительно небольшими потерями (до 30 человек убитыми и ранеными) Воткинцы и Добровольцы переправились через реку, дружно атаковали врага и заставили его снова отступить. К ночи была захвачена станция Верино.

В этот же день конный отряд, двигавшийся по безлюдному китайскому берегу реки Уссури, должен был перейти на русскую сторону и пробиться через посёлок Казакевичево. Там находился отряд Госполитохраны в 150 человек с 3 пулемётами.

1-й кавалерийский полк, развернувшись открыто на льду реки в две линии, атаковал посёлок со стороны реки. Воткинский конный дивизион (усиленный конной разведкой Ижевцев) бросился на посёлок по дороге. Отряд красных, кроме 28 пленных и немногих спасшихся, был уничтожен, а их пулемёты захвачены. После небольшого отдыха конный отряд отправился дальше по Амурской протоке на Амурскую железную дорогу для её разрушения.

От жителей, благожелательно к нам настроенным, продолжали поступать разные сведения о том, что делается в тылу и на фронте у красных. Железнодорожные рабочие сообщили нам, что красные имеют возможность подслушивать по железнодорожным проводам наши разговоры по телефону. Меры для предупреждения этого были приняты.

Интересные и важные сведения дошли до генерала Молчанова об эвакуации Хабаровска. Потеряв надежду отстоять город, красные торопились вывезти всё ценное имущество и военные запасы.

Мост через Амур был взорван весной 1920 года красными, боявшимися японского наступления. Переправа через реку происходила перекатыванием вагонов вручную по проложенному на льду пути. Поезда и паровозы переправляться ещё не могли из-за слабости льда. Красные требовали от инженеров спешно укрепить переправу. Всё это было известно генералу Молчанову

через ожидавших нашего прихода жителей. Через них же он передал главному инженеру, что он его расстреляет, если переправа будет действовать полностью. Этот инженер после занятия Хабаровска доложил генералу Молчанову, что его предупреждение было ему своевременно передано. Начав усиленную перекатку грузов, красные кончили тем, что переправа провалилась.

Последние бои перед Хабаровском разыгрались 21 декабря в 30 верстах от него, на железнодорожном направлении у станции Корфовской и на реке Уссури у посёлка Ново-Троицкого.

К станции Корфовской, расположенной в лесу, «белоповстанцы» подошли в темноте. На повороте дороги идущая спокойно колонна подверглась неожиданному обстрелу красных. Лес загудел от выстрелов. Позиция красных находилась влево от дороги за полянкой и имела перед собой хороший обстрел большого участка дороги. Притаившись в окопах, красные пропустили походное охранение, дали колонне войти на открытое место и обрушились своим огнём. Колонна была застигнута врасплох, но шедшие впереди Ижевцы и Воткинцы немедленно бросились в атаку. Противник — всё та же Амурская бригада — не выдержал дружной атаки и бежал. Одна рота красных, отступив на станцию Корфовскую, была захвачена в плен походной заставой Ижевцев.

В посёлке Ново-Троицкий красные выдвинули вновь прибывший Особый Амурский полк, насчитывавший до 2000 штыков с 67 пулемётами и усиленный 4-м кавалерийским полком в 320 сабель и остатками отряда ГПУ. Силы противника и здесь вдвое превышали силы «белоповстанцев».

Наступление после полудня 21 декабря начали части Поволжской бригады. 1-я стрелковая бригада находилась в посёлке Казакевичево, около 8 вёрст от места боя.

Бой принял затяжной, упорный характер, и на разных участках успех переходил от одной стороны противников к другой. Появление 1-й стрелковой бригады после того, как бой длился уже более двух часов, нарушило колебание боевого счастья в пользу белых. Но у частей Волжан были расстреляны все патроны, когда красные начали своё отступление. Немногочисленные части белых не рискнули атаковать в штыки большую колонну отступающего противника.

После 5-часового боя посёлок Ново-Троицкий был взят белыми.

Конный отряд генерала Сахарова, пробивший себе дорогу на Амур, вышел в посёлок Верхне-Спасский, и к утру 20 декабря перешёл в Нижне-Спасское. Здесь была стычка с ротой красных, которая отступила в сторону Волочаевки. Настигнутая отрядом полковника Карлова, эта рота была взята в плен.

Продолжая движение на станцию Волочаевка, отряд полковника Карлова и прибывший на его поддержку Воткинский конный дивизион атаковали станцию. Добравшись до большого моста, белые начали таскать солому и поджигать мост. Этому помешал выскочивший со станции «бронепоезд», состоявший из платформ, на которых стояло два танка. Танковые пулемётчики открыли огонь и заставили отскочить назад белых, которые потеряли одного убитого и ранеными — командира эскадрона, двух офицеров и 6 всадников. Других попыток разрушить железную дорогу не было.

Проделав большой недельный поход, пройдя 250 вёрст в тылу красных, пробившись через их заслон у Казакевичево и достигнув цели своего задания, Конный отряд поворачивает 21 декабря назад.

Железная дорога остаётся невредимой, и красные усиленно вывозят всё, что можно спасти. В этот день главные силы «белоповстанцев» были у дверей Хабаровска, а красные очищали его и переправлялись на левый берег Амура.

Захват Хабаровска предполагался утром 23 декабря, но он был занят без боя нашими передовыми частями вечером 22 декабря, и вскоре туда прибыли генерал Молчанов и стрелковые полки Ижевско-Воткинской бригады.

Главная цель похода была достигнута: центр большевистского влияния на весь Приморский край — город Хабаровск — был в наших руках. Теперь предстояло обеспечить Хабаровск от обратного захвата его красными, собравшимися на левом берегу Амура, и затем оттолкнуть их в такой район, где им было бы трудно накапливать силы для контрудара.

Первая задача требовала прежде всего выбить противника из пунктов, лежавших в непосредственной близости от города. Второй задачей генерал Молчанов считал необходимым «вытолкнуть противника в местность без населения», то есть в район станций Икура–Тихонькая. Эта задача требовала захвата станции Ин, где было большое паровозное депо, и без этой станции все железнодорожное сообщение красных должно было зависеть от

следующего починочного депо, которое было далеко в Благовещенске.

Для выполнения первой задачи генерал Молчанов ещё днём 22 декабря приказал Уссурийской колонне выступить во Владимировку и 23-го взять станцию Покровку, преследуя противника на Волочаевку.

После захвата без боя Хабаровска генерал Молчанов счёл нужным поддержать Уссурийскую группу у станции Покровка частями Ижевско-Воткинской бригады. Оставив Ижевцев в Хабаровске, бригада в составе Воткинского и Добровольческого полков с орудием около 5 часов выступила на Покровку. Пройдя по Амуру вниз и не доходя до железнодорожного моста около полутора вёрст, бригада вышла на берег и по полевой дороге двинулась к деревне и станции Покровка.

На станции были поезда противника, маневрировали паровозы, станция жила мирной жизнью. Каких-либо признаков наступления Уссурийской колонны не было. Можно было предположить, что колонна задержана во Владимировке красными, сосредоточившими против неё большую часть своих сил.

Необходимо было немедленно захватить Покровку и отсюда ударить в тыл красным во Владимировку. Бригада развернулась, и полки быстро двинулись по открытому месту на Покровку. Добровольцы правее станции, Воткинцы слева на деревню. Орудие дало несколько выстрелов по станции, чтобы посеять у красных панику и дать знать своим во Владимировке о приближении бригады к Покровке.

На станции поднялась паника. Поезда стали быстро отходить от Покровки на запад, и в первую очередь бежали бронепоезда. Паника распространилась на красноармейцев, и они бросились в кусты, сплошной массой росшие за Покровкой. Захват пленных 4-го и 5-го полков и многочисленных мелких частей указывал, что здесь были значительные силы красных.

Не приходилось думать о помощи другим, надо было самим удерживать Покровку и сохранить захваченные на станции большие трофеи, в том числе 28 орудий и полтора миллиона ружейных патронов.

Красные скоро заметили малочисленность наших рядов. Бежавших в кусты бойцов их командиры и комиссары старались собрать, привести в порядок и двинуть для обратного захвата Покровки. В море кустов это было сделать не так легко, несколько повторных

попыток перехода в наступление отбивались Воткинцами и Добровольцами, занявшими позицию по западной окраине деревни.

Часа через три после захвата Покровки из Владимировки появились беглецы разбитого там 6-го полка красных, преследуемые 1-й стрелковой и Поволжской бригадами. Части красных окончательно перемешались в кустах и в беспорядке бросились на Волочаевку.

Во Владимировке в общих чертах произошло следующее: перейдя Амур, части Уссурийской группы не могли выяснить, где находится Владимировка. Проводник не мог указать и был отпущен. Стали искать деревню сами, посылая конных, рассыпали в кустах цепи. Деревня найдена не была. Стали искать отпущенного проводника, но он пропал. Наконец начальник штаба 1-й стрелковой бригады поручик Эссен поехал вдоль берега Амура, обнаружил красных, приведших на водопой лошадей, и этим выяснили место деревни.

Войдя в деревню, белые нашли западную часть её свободной, а захваченный красноармеец указал, что здесь ночевал Особый Амурский полк, ушедший на Самарку. В восточной части деревни белые «мирно» встретились с красными, не подозревая друг в друге врагов. Первым это выяснил белый — прапорщик Беляцкий, он же дал и первый выстрел. Часть красных в панике бежала, другие отстреливались, произошли рукопашные схватки. Бросив 2 орудия, красные выскочили из деревни в кусты, открыли оттуда огонь, но вскоре отступили, преследуемые белыми. Кроме двух орудий, белые захватили 200 пленных, в том числе командира 6-го полка ДВР.

Боями у Покровки и Владимировки закончился день 23 декабря, давший «белоповстанцам» большую военную добычу, из которой особую ценность представляли пушки, часть из них вполне исправленные трёхдюймовки. Вооружение своих батарей и создание бронепоездов было обеспечено. Захват вагонов с патронами обеспечивал на ближайшее будущее пополнение стрелкам и пулемётам.

Первый период Хабаровского похода закончился большим успехом.

ХАБАРОВСКИЙ ПОХОД

(ПО КНИГЕ Б. ФИЛИМОНОВА «БЕЛОПОВСТАНЦЫ»)*

В марте с. г. вышла в свет давно подготовлявшаяся к печати книга Б. Филимонова «Белоповстанцы»** Участники похода на Хабаровск, несомненно, с большим удовольствием прочтут эту книгу и вспомнят лишний раз дела давно минувших дней. Много интересного найдут в ней и те, кто изучает Гражданскую войну или военное дело.

Автор с большим трудолюбием и редкой настойчивостью собирал материалы об этом последнем этапе вооружённой борьбы с большевиками и, несмотря на тяжёлые условия существования и работы в изгнании, с успехом закончил первый том своего труда. В него вошли две части: I — «Перед походом» и II — «Наступление белых».

В первой части собрано много общих сведений относительно обстановки в Приморье, состоянии вооружённых сил противников и театра военных действий. Интересна глава о прошлом и настоящем белых частей, дающая краткий обзор их возникновения и истории. Во второй части изложены первые схватки с красными партизанами в Южном Приморье и самый поход на Хабаровск, описание которого доведено до захвата ст. Волочаевка 24 декабря 1921 г.

В книге много портретов, групп и снимков, относящихся к походу. Боевые действия и марши можно подробно проследить по 18 картам и схемам, находящимся в тексте. Познакомившись с книгой, следует прийти к заключению, что Хабаровскому походу повезло: он нашёл своего кропотливого и добросовестного летописца. Даже более крупные события тяжёлых лет Гражданской войны ещё не дождались своих историков. Многие события имеют лишь краткие, случайные описания, а другие страницы прошлого погибают безвозвратно в бездне забвения.

Спасибо автору «Белоповстанцев» за то, что он своим трудом запечатлел и сохранил одну из интересных глав Гражданской войны. Следует остановиться подробнее на некоторых местах книги и отметить особенности самого похода.

---

* Вестник ОРВВВ. 1932, № 71–72, с. 8–11.

** *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг. Кн. 1. Шанхай: Слово, 1932. — *Прим. сост.*

Одной из важнейших особенностей похода надо считать отсутствие подготовки к нему, и вследствие этого наличие того элемента внезапности, который имеет столь большое значение в успехах военных операций и иногда является важнее подготовки.

Два года тому назад на сообщении генерала Головина[77] о «Брусиловском наступлении» (см. «Вестник» № 48*) нам пришлось познакомиться с этими двумя принципами военных успехов: *тщательной подготовки* и *внезапности*, и их трудной совместимости благодаря разведке противника. Здесь мы видим пример отдачи полного предпочтения принципу внезапности в условиях Гражданской войны.

Подготовка к походу не могла нам ничего дать, особенно в пополнении оружием. Приобретение обмундирования и продовольствия для небольшой армии, при наличии денежных средств, не представляло больших затруднений и во время самого похода. Как мы видели из статьи ген. Пучкова (см. «Вестник» № 65**), приобрести хотя бы ручное оружие и патроны было почти невозможно. Конечно, о пушках нечего и говорить. Даже с помощью «друзей»-японцев о приобретении пушек думать не приходилось. Автор указывает (стр. 137), как добрые «друзья» предложили, уже после начала похода, две неисправные французские пушки, которые взяты не были.

«Внезапность» давала нам больше возможности нанести неподготовившемуся противнику ряд поражений и вооружиться за его счёт. В приказах командира 3-го корпуса ген. Молчанова, командовавшего наступавшими на Хабаровск отрядами, можно легко заметить, что целью отдельных операций были не только удары по живой силе противника, но также захват его материальной части, главным образом недостающих нам пушек и бронепоездов. Без них борьба была очень тяжела, и их необходимо было захватить до прибытия к противнику значительных подкреплений. Проследить эту цель наступающей армии белых — захват материальной части, — очень легко по книге Б. Филимонова.

Отсутствие у нас пушек вызвало применение соответствующей тактики: уклонение от ударов в лоб, глубокие обходы, выдвижение

---

* Сообщение генерала Головина // Вестник ОРВВВ, № 48–49. 1930, с. 5. — *Прим. сост.*

** *Пучков Ф. А.* К 10-летию Хабаровского похода // Вестник ОРВВВ. 1931, № 65–66, с. 12. — *Прим. сост.*

Уссурийской группы уступом вперёд (на Бикин), действия ночью (захват Имана)... Отдельные бои дают много поучительного в состязаниях винтовки и манёвра против бронепоездов.

Другой важной особенностью похода являются взаимоотношения наступающей Белой армии и населения. Обычно у активно боровшихся антибольшевистских групп на отношение к населению обращалось мало внимания и считалось, что военные успехи решат судьбу борьбы. Завоёвывали территорию, немую и безучастную к политическим страстям, и не стремились «завоевать» население, привлечь его на свою сторону, и за это приходилось тяжело расплачиваться.

Приказы ген. Молчанова № 311/л и № 368/м (стр. 134 и 141) не оставляют сомнений относительно того отношения к населению, которое он выбрал для общего руководства и предписал к исполнению подчинённым войскам. В результате население, относившееся к прежде действовавшим здесь белым войскам недружелюбно и даже враждебно, встречало белых на этот раз очень хорошо. Этому помогло и знакомство населения с красными порядками после того, как время громких слов и заманчивых обещаний ушло и пришла мрачная действительность.

Не уверенное в исходе борьбы и боясь ещё открыто встать на сторону белых, население района, охваченного военными действиями; с большим напряжением следило за разыгравшейся борьбой, в огромном большинстве сочувствовало белым и часто оказывало свою помощь. В книге можно найти немало примеров, когда местное население сообщало нам сведения о красных (см. стр. 161, 147, приказы от 7 и 10 декабря на стр. 137 и 140, № 0222 на стр. 164, № 0243/оп на стр. 173–174 и пр.), помогало связываться со своими (стр. 161) и указывало расположение красных застав, что давало возможность их захватить (стр. 163).

Надо думать, в следующих частях автор даст больше подробностей и примеров о взаимоотношениях населения и Белой армии. Недаром красные были так обеспокоены, даже возмущены «на принятую белогвардейцами новую тактику заигрывания с местным населением» — слова красного автора Я. Покуса.

Наконец, необходимо помнить и те условия суровой сибирской зимы, в которых протекал поход. Военные действия сводились главным образом к боям за обладание населёнными пунктами, а реки и болота, скованные льдом, потеряли свою роль крупных преград.

Величественный Амур сыграл очень интересную роль в стремлении белых захватить материальную часть у своего противника. Скованная льдом поверхность Амура допускала свободное прохождение войск, но лёд не настолько окреп, чтобы можно было по железнодорожной переправе, проложенной по льду, пропускать поезда и паровозы. Торопясь с эвакуацией, красные вручную перекатили вагоны с патронами и другим имуществом, но не могли ещё переправить паровозы и бронепоезда.

Через жителей ген. Молчанову было известно о ходе переправы и о руководстве её постройкой ж.-д. инженерами. Ген. Молчанов через жителей же передал главному инженеру, что его расстреляет, если переправа будет сделана. Это «обещание» своевременно дошло по назначению, о чём главный инженер лично доложил ген. Молчанову по занятии Хабаровска. Красные, торопясь, сами испортили дело, потребовав от инженеров начать перекатку грузов в более значительных размерах, и переправа провалилась. Это критическое для красных положение ген. Молчанов использовал и 18 декабря «решил безостановочным движением захватить Хабаровск 23 декабря утром» (приказ № 0243/оп на стр. 174).

Красные не успели перевести свои паровозы и бронепоезда, частично разрушив их, и они были исправлены нами. Перевезённое на ст. Покровка имущество, за недостатком паровозов на той стороне Амура, частью досталось нам (в том числе 28 пушек и $1^1/_2$ млн патронов), частью увезено, т. к. железная дорога не была разрушена вышедшим на неё Конным отрядом.

Через одни сутки после взятия Хабаровска железнодорожная переправа через Амур установилась окончательно. Это стечение обстоятельств с замерзанием Амура, устройством переправы и красной эвакуацией, использованное нами с точным расчётом времени, не отмечено автором со всеми интересными подробностями.

В книге есть немало упущений и ошибок, что вполне естественно, принимая во внимание те условия, в которых приходилось автору писать свою книгу. Кроме того, автор собирался выпустить свой труд к 10-й годовщине похода, что вызвало спешку и невозможность достаточно полно обработать собранные материалы. Из них приказы ген. Молчанова, являющиеся почти единственными документами в книге, были автором получены поздно и использованы не в достаточной степени. Отсутствие

других нужных документов, в особенности приказов командиров бригад и полков, оперативных и разведывательных сводок, оставляет многие места книги неясными, встречаются противоречия в показаниях отдельных участников похода... В некотором отношении книга является лишь сборником сырых материалов. Это, конечно, не лишает труд автора интереса и ценности.

Из более крупных ошибок или недостаточно обработанных мест необходимо упомянуть о нижеследующих:

Глава XII «Движение белых на Иман» — излишне запутанна. Решение ген. Молчанова было просто и ясно: в три перехода подойти к Иману и в ночь с 3-го на 4 декабря овладеть им (прик. № 0122/оп и № 0126/оп). Это решение, выполненное в действительности, автору и следовало рассмотреть подробно.

Но он очень детально остановился на плане ген. Сахарова выйти в тыл Иману, ударив на ст. Губерово, и даже приписал ген. Молчанову (его штабу) принятие этого плана к исполнению (прик. № 153/оп на стр. 130 указывает другое) взамен атаки Имана. Этот план так и остался планом, и его можно было бы совсем не рассматривать, чтобы не запутывать событий, или упомянуть лишь в разъяснение о неправильных ориентировках в тыл, т. к. связь была временно прервана, а последнее донесение ген. Сахарова говорило, что он идёт на Губерово.

Оригинальный мотив приведён автором в объяснение плана идти на Губерово: «Численная слабость красных в данное время в районе ст. Иман и полная неустойчивость красных бойцов» (стр. 109). Казалось бы, таковое состояние противника содействовало исполнению задачи и соответствовало общему стремлению всех военачальников бить противника по частям.

Глава XVI «Движение белых к Дормидонтовке» излагает неправильно решение ген. Молчанова и приписывает ему план захвата красных в мешок, который он не проектировал.

Автор излагает два противоречивых показания. Ген. Молчанов говорит (стр. 160), что ген. Сахарову была дана задача идти прямо на разрушение Амурской железной дороги, и на Дормидонтовку ген. Сахаров пошёл по своему почину. Ген. Сахаров (стр. 159–160) указывает, что его первой задачей было: «16 декабря в районе ст. Дормидонтовка–Хор взорвать и сжечь мосты, испортить жел.-дор. путь и произвести другие разрушения в целях задержки бронепоездов и эшелонов красных. Ген. Молчанов надеялся, выступив из района ст. Розенгардовки рано утром 15-го, подойти

в район ст. Дормидонтовки 17-го числа, где атаковать красных и захватить бронепоезда и подвижной состав».

Приведя оба показания, автор говорит: «Отсутствие сохранившихся документальных данных не позволяет выяснить этот вопрос вполне определённо». И, несмотря на такое заключение, автор целиком всю главу строит на показаниях ген. Сахарова и приписывает ген. Молчанову план захвата красных в мешок.

Но приказ № 384 (стр. 162), отданный в день отправления в набег Конного отряда, указывает, что никаких совместных действий Конного отряда и главных сил в районе Дормидонтовка–Хор 16-го или 17-го числа ген. Молчанов не предполагал. Общее решение в приказе указывает просто: «Для дальнейшего движения на Хабаровск». Движение главных сил рассчитано: 16-го до Котиково–Виноградовка (около 45 вёрст от Дормидонтовки, 60 вёрст от Хор), 17-го предположительно до Гленовский–Забайкальский (25 и 40 вёрст от тех же пунктов). Показание ген. Сахарова явно ошибочно.

В главе XVII «Движение белых на Хабаровск» автор на стр. 175 неправильно объясняет распределение сил белых и задачи. Правый фланг красных, за которым отходил путь их отступления, круто поворачивавший на запад, приобретал исключительное значение. Здесь ожидалось особое упорство со стороны красных (они направили сюда свежий и большой численности Особый Амурский полк). Направление туда же главного удара белых привело бы к бою в местности, не удобной для маневрирования (слева — река и Китай, справа — крутые горы).

Генерал Молчанов большую часть сил ($^3/_5$) направил по железной дороге, чтобы сбить там слабого противника, выйти на Уссури в районе Николо-Александровского, отрезать красных от Хабаровска и угрожать им с тыла. Полковнику Сотникову[78] было приказано, в случае сильного нажима, отходить, — преследование его красными могло только ухудшить общее положение противника.

В заключение нельзя не напомнить всем участникам похода последние строки предисловия автора, где он просит помочь ему в исправлении ошибок первой части и в дальнейшей работе. Это обращение следует горячо приветствовать и отозваться на него.

К 40-ЛЕТИЮ ХАБАРОВСКОГО ПОХОДА. БОИ У СТАНЦИИ ИН И СТАНЦИИ ВОЛОЧАЕВКА*

Первая часть похода на Хабаровск с большим успехом кончилась захватом этого города и переходом на левый берег реки Амур. Взятые 23 декабря 1921 года на станции Покровка пушки и большое количество снарядов позволили увеличить силу нашей артиллерии и начать оборудование бронепоездов. Этим облегчалась борьба с красными бронепоездами и их артиллерией, в силе которых они до сих пор имели перед нами полное превосходство.

После бегства из Хабаровска положение красных войск было чрезвычайно плачевно. Член рев.-воен. совета армии Постышев докладывает главнокомандующему о «полной растерянности и подавленности командования Востфронта», и «установлено было недопустимое разложение частей, проявивших небывалое потрясение духа». Командующий войсками тов. Серышев издал грозный приказ, в котором объявляет: «Паническое бегство частей Востфронта после отхода из Хабаровска приписываю всецело командирам и комиссарам этих частей»... «благодаря бегству, войска потеряли большую часть ценного военного имущества, в животном страхе бойцы бросали оружие, пулемёты, орудия, снаряжение, патроны и т. д.». «Считая подобное явление на войне преступлением из преступлений, руководствуясь совестью коммуниста и той ответственностью, которая ложится на мою голову за всё случившееся, приказываю...» Далее тов. Серышев перечисляет командиров частей и военкомов, преданных военно-полевому суду. Свой приказ Серышев объявил на станции Бира, то есть совесть коммуниста и ответственность не помешали ему самому удрать от своих войск на 200 вёрст в тыл.

На помощь разбитым войскам красные посылают свежие части и пополняют убыль потрёпанных полков. Из Забайкалья направляется 1-я Читинская бригада, укомплектованная до полного штата, и Троицко-Савский кавалерийский полк (до 1000 сабель). Не надеясь удержаться вблизи Хабаровска, красные наметили

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 5031, 15 февраля 1962 г.; приложение «Крестовый поход во имя правды», № 446, с. 1.

местом сосредоточения Читинской бригады район на 300 вёрст к западу. Здесь они намечали встретить и остановить «белогвардейцев» на Архаринских позициях и перейти в наступление.

Станция Ин срочно очищалась от грузов. Боясь потерять оставшуюся артиллерию, красные все свои пушки отправили в глубокий тыл. Удерживать станцию Ин они не собирались.

Переходя к действиям белых, узнаём, что дальнейший план генерала Молчанова состоял в том, чтобы отбросить противника за Ин, где начиналась местность без населения. Это заставило красных отступить дальше на запад и давало нашим войскам больше пространства для защиты подступов к Хабаровску. Кроме того, ст. Ин имела ж.-д. мастерские и паровозное депо, и переход этого пункта в наши руки сильно затруднял для противника эксплуатацию железной дороги. Следующее железнодорожное депо было в Благовещенске.

Захват такого города, как Хабаровск, вызвал свои неблагоприятные последствия. Большой административный центр и военная база для старой русской армии, Хабаровск сохранил остатки прежних государственных и военных учреждений: большой арсенал, базу речной флотилии, склады интендантского и инженерного имущества и т. п. Всё, что осталось неразграбленным, надо было сохранить и использовать. Ценными для нашей армии были мастерские арсенала и суда флотилии. Необходимо было навести в городе и ближайшем районе порядок, обезвредить большевистских агентов, восстановить городское управление и полицию и т. д. Неправильный подход к разрешению этих сложных задач мог повредить спокойствию в тылу армии и неблагоприятно отразиться на боевых действиях. Никакой помощи в этом отношении Владивосток не дал.

Генерал Молчанов оказался в двойной роли — губернатора Хабаровского района и командующего фронтом. Так как военные операции шли удачно и от потрясённого врага нельзя было ожидать в ближайшем будущем упорного сопротивления, генерал Молчанов считал необходимым для себя в первую очередь навести порядок в Хабаровске, а движение на запад и захват станции Ин поручил генералу Сахарову.

Генерал Сахаров — храбрый начальник с порывистым, нервным темпераментом. Когда всё идёт гладко — он на своём месте. Встречая затруднения или задержки, он начинает волноваться, гонять ординарцев, торопить подчинённых и, если

бой затягивается, всё больше теряет терпение. У него большой недостаток: не обращать внимания на порядок в походной колонне. Поэтому к моменту встречи с противником его части не в руках своих начальников, и действия идут вразброд. Первый удар, от которого зависит результат всего столкновения в быстро протекающих боях гражданской войны, получается слабым. Бой затягивается, возникают осложнения, и вместо успеха часто приходит поражение.

Это и случилось под станцией Ин. Атака [была] назначена ночью, и главный удар направлялся на станцию с юга. Для этой задачи послана Волжская бригада. В обход с севера пошла 1-я стрелковая бригада, которая двигалась в авангарде и встречала задержки. Последней шла Ижевско-Воткинская бригада, с задачей вести наступление на Ин вдоль железной дороги. Как общий план при действиях ночью, так и распределение задач по бригадам не соответствовали обстановке. Но генерал Сахаров руководствовался своими особыми целями.

Несмотря, однако, на эту оговорку, если бы всё шло в относительном порядке, успех надо было считать обеспеченным против противника, заранее отказавшегося от упорного сопротивления. Нужен был только сильный удар хотя бы одной Волжской бригадой. Но вместо такового на станцию ударил один малочисленный батальон подполковника Торопова в 50 бойцов. Он атаковал ближайший эшелон и посеял у красных панику. Красные спешат вывезти другие эшелоны, на запад удирают обозы, за ними пехота. Часть ближайших красных стрелков сдаётся. Но вот подходит вражеский бронепоезд. Стрелки Торопова залегают под вагоны. Красные видят, что белых горсть, и начинают приходить в себя.

1-й кавалерийский полк шёл вне связи с другими, был обстрелян своими же. Камский полк, сначала собравшись полностью, в порядке начал наступление, когда батальон Торопова уже отходил. Камцы попадают под сильный огонь. Появляются цепи красной пехоты. Падает убитым полковник Турков[79], командовавший Камцами.

Начавшееся отступление распространяется на все части, разрозненно атаковавшие станцию. Ген. Сахаров с ж.-д. полотна видит отходящие части, уже оторвавшиеся от противника. Посылает конных остановить отступающих. Восстановить положение уже поздно. Около 10 часов отдаётся приказ об общем отходе.

Красные части, по их собственном словам, перепутались «во время ночного переполоха настолько, что разобрать их удалось только к вечеру 28 декабря». Дальше они указывают, что этот бой «подарил нам первую, хотя и совершенно неожиданную, случайную для нас победу». А среди белых участников этого боя неожиданное и незаслуженное поражение вызвало тяжёлое, горестное чувство.

Приведя свои части в порядок, почувствовав уверенность в своих силах, возвратив обратно артиллерию, противник начал пробовать переходить в наступление небольшими частями. Эти попытки легко отбивались.

4 января 1922 г. красные нашли своевременным перейти в наступление всеми своими силами и заняли разъезд Ольгохта. 5 января вечером они атаковали Волочаевку. Бой продолжался до полуночи, отличался упорством со стороны отдельных частей обоих противников и кончился победой белых. Красные понесли большие потери в бою и ещё больше потеряли обмороженными. За 4-е и 5 января их убыль дошла до 800 человек. Наши потери за два дня — до 275.

Волочаевский бой 5 января показал противнику, что он ещё не настолько силён, чтобы перейти к решительным действиям. Белые убедились в том, что под Ином их неудача была случайной, что красных ещё можно бить, хотя они уже освободились от наркоза беспрерывных поражений.

Генерал Молчанов решил вновь атаковать станцию Ин, на этот раз под своим личным руководством. Генерал Сахаров, не признавший открыто себя виновником в Инской неудаче и находивший разные оправдания, ещё больнее переживал то, что под Ином он не мог одержать верх над панически настроенными красными, а под Волочаевкой тот же противник, но уже с окрепшим воинским духом, был разбит и отступил. Он просил генерала Молчанова дать ему возможность «оправдаться». Ему сочувствовали другие командиры и поддержали его просьбу.

11 января было начато второе наступление на станцию Ин под командой генерала Сахарова. У него было в распоряжении четыре бригады, из них Пластунская только что прибыла с юга Приморья. Волжская бригада была усилена Уфимским полком, тоже недавно прибывшим. Наступление началось удачно. На полпути к Ину конная разведка Омцев, или их лыжники, подорвали мост в тылу бронепоезда противника. Красные,

дорожившие своими бронепоездами, выслали на помощь отряд пехоты с несколькими пулемётами. Этот отряд занял к северу от застрявшего бронепоезда небольшой лес и упорно отстреливался. Обход фланга или выход в тыл красной позиции принудил бы их отступить и бросить бронепоезд. Но атаки повторялись одна за другой в лоб противника, вырывая тяжёлые жертвы из рядов атакующих частей. Особенно сильно пострадали Пластуны и Уфимцы.

Кончилось тем, что оба противника разошлись. Красные восстановили мост и поспешно отступили. Белые почти одновременно получили приказ отходить. Задержавшись, чтобы подобрать своих раненых, Пластуны дошли до позиции противника, где обнаружили небольшие снежные окопы, места пулемётов, убитых красноармейцев и подобрали несколько брошенных тяжелораненых красных бойцов. Генерал Сахаров, удручённый своими неудачами, вскоре уехал во Владивосток.

После 5 января красные не предпринимали больших наступлений в течение целого месяца, накапливали силы и готовились к решительным боям.

Генерал Молчанов, не получая более никаких подкреплений живой силой, не мог, без больших и чувствительных потерь, продолжать наступательные операции против превосходящих сил противника. Кроме того, запас огнестрельных припасов был у нас ограничен, и их пополнение встречало затруднение. Противник имел почти неограниченный запас огнеприпасов и бесперебойную их доставку из своего тыла.

Для сбережения сил белым необходимо было перейти к обороне на укреплённых позициях.

ВОЛОЧАЕВСКИЙ БОЙ*

Захват японцами Маньчжурии[80] внёс огромные изменения в положение на Дальнем Востоке. Красная власть, претендующая на отстаивание интересов русского народа, была застигнута врасплох и отдала в Маньчжурии без сопротивления всё, что было добыто и построено усилиями нескольких поколений русских людей. Последние годы на границе Советов с Маньчжурией идёт глухая борьба, периодически прорывающаяся наружу кровавыми столкновениями.

Давно говорят о возможности войны. И красная власть, и Япония готовятся к ней, сосредотачивая войска, подготовляя пути сообщения и устраивая базы. Идёт и «моральная» подготовка войны, имеющая целью укрепить дух своих, воздействовать на противника и заинтересовать в свою пользу другие государства.

У красных к числу мер этой моральной подготовки следует отнести торжественное празднование их победы у Волочаевки в 1922 году.

Навряд ли многие участники борьбы с большевиками в Сибири и Приморье вспоминали в этом году события, происшедшие 15 лет тому назад у Волочаевки. Занятые своей работой или службой, озабоченные повседневными делами, белые бойцы не имеют много времени, чтобы вызывать из прошлого картины своих походов. Если же при встречах друг с другом они и говорят о минувших днях, то воспоминания эти носят случайный, спокойный, интимный характер, неприметный для быстро и шумно несущейся кругом жизни. Это почти что: «Дела давно минувших дней, пр.. .ье старины глубокой»...

Не то в стане красных! По команде свыше 12 февраля (1937 г. — *Сост.*) раздались громкие звуки победных труб, и по всей советской земле с большим энтузиазмом отпраздновано 15-летие победы у Волочаевки. Эхо этого торжества перевалило советские границы и докатилось до внешнего мира и до русского Зарубежья в виде сообщений о юбилее и трескучих статей советских изданий. Всё это нашло отражение в иностранной

* Новая заря (Сан-Франциско), № 2116, 2121, 2126, 2130; 13, 20, 27 мая, 3 июня 1937 г. Статья предварялась примечанием от редакции: «Автор статьи во время Хабаровского похода командовал Ижевско-Воткинской бригадой и, как участник, хорошо осведомлён о тех событиях, которые он здесь разбирает. В данное время он проживает в Сан-Франциско». — *Прим. сост.*

и русской зарубежной печати. Например, в «Сан-Франциско Хроникл» от 21 февраля помещён портрет победителя у Волочаевки — красного маршала Блюхера и обзор его статьи в «Известиях» по случаю победы.

В русской зарубежной печати можно найти различные статьи и заметки, взятые из советской прессы или базирующиеся на советском материале. Последний, само собой разумеется, окрашен в яркий красный цвет, и в нём значительно искажены или преувеличены одни данные и замолчены другие.

Впрочем, в зарубежной прессе можно найти писания, обработанные с ещё большей беззастенчивостью, чем это делает даже советская печать. В «Последних новостях» появилась статья А. Петрищева «Письмо главкома Блюхера ген. Молчанову», написанная в таком сверхкрасном духе. Эту статью можно найти перепечатанной и снабжённой корректирующей заметкой в «Новой заре» от 20 марта*. А. Петрищев не только повторяет прикрасы и извращения советской прессы, особенно касающиеся разных японских планов, но и переделывает события по своему усмотрению, не считаясь и с красными источниками. По его изложению, например, в рассматриваемое время японцы находились не только в южной части Приморья, но и занимали всю эту область от залива Посьета до устья Амура, Хабаровск находился в их руках, а у Волочаевки был создан плацдарм для движения на запад. Вся задача армии генерала Молчанова состояла, по мнению А. Петрищева, в том, чтобы по указаниям японцев двинуться с плацдарма для захвата Благовещенска и Забайкалья. Извращение основных фактов, перепечатка красных версий о японских задачах Белой армии и весь тон статьи указывают, что А. Петрищев не имел ни в малейшей степени стремления дать действительную картину происходивших событий. Вылить несколько вёдер грязи и клеветы на Русское дело и Белую армию — вот смысл его статьи.

Заниматься такого сорта литературой не входит в задачу автора этих строк, и потому не будем далее останавливаться на «исторических» комментариях, состряпанных сотрудником «Последних новостей».

---

* *Петрищев А.* Письмо главкома Блюхера ген. Молчанову // Новая заря (Сан-Франциско), № 2080, 20 марта 1937 г., с. 2. — *Прим. сост.*

Много интереснее разобрать статьи именно красной печати, поднявшей юбилейный шум вокруг мало вспоминаемых до этого Волочаевских боёв. Во всех статьях и сообщениях красной прессы проскальзывает указанная выше тенденция взвинчивания боевых настроений. Эта тенденция сводится к следующему: угрозы войны, возможно, на два фронта, подошли вплотную и потому необходимо поднять «патриотическое» настроение замученного и задавленного советской тиранией населения, необходимо перекинуть мост через пропасть, которая отделяет власть и коммунистическую партию от народа, необходимо внести струю бодрости в ряды Красной армии и дать показательный пример её силы и, наконец, нужно лишний раз прокричать на весь мир, что Красная армия весьма могуча и умеет бить своих врагов. Таким образом, празднование юбилея Волочаевского боя служит одной из многих мер, которые принимает в последнее время напуганная внешними угрозами коммунистическая власть для внутреннего успокоения и подъёма духа и для внешних эффектов.

Ещё в прошлом году большевики вспомнили про Волочаевку и отпраздновали 14-летний юбилей. Такой странный юбилей мог понадобиться потому, что год тому назад, видимо, не надеялись спокойно дожить до 15-летия, и срочно понадобился патриотический демпинг.

Но год прошёл благополучно, а угроза катастрофы не уменьшилась и стала ещё более осязательной. И вот в этом году 15-летие празднуется с двойным усердием. Количество статей в газетах служит хорошим показателем того значения, которое придаётся празднованию Волочаевской победы, в то время как о других событиях Гражданской войны вспоминается очень мало и редко. В одной «Красной звезде», органе Комиссариата Обороны, помещено на Волочаевские темы в номере от 12 февраля — 11 статей, заметок и документов и 6 рисунков. В том числе большая статья маршала Блюхера. За неделю до этого «Красная звезда» поместила ещё две больших статьи. В «Правде» мы находим 17 статей, документов и стихотворений и 5 рисунков. В других изданиях также ряд статей, документов и разъяснений к ним в сильно патетических и патриотических тонах.

Юбилейная Волочаевка разукрашена яркими сказками, страдает большими извращениями и значительно отличается от той Волочаевки, которая была в действительности 15 лет тому назад.

Особенно постарались красные летописцы для заграницы, для производства должного впечатления на пролетариат всех стран. Вот выдержка из печатаемых по-английски «Москау ньюс» от 26 февраля 1936 года:

«Бежавшие с советской земли контрреволюционные силы нашли для себя удобную стратегическую позицию в окрестностях Хабаровска. Они обратили большую вершину Июнь-Караньской сопки около деревни Волочаевка в совершенно неприступную скалу, в могучую крепость с хорошо оборудованными башнями. Великолепно вооружённые, тепло одетые, имеющие большие запасы пищи и огнеприпасов, белые обратили район Волочаевки в собственный дальневосточный Верден, который запирал дорогу на Владивосток и к Тихому океану. Жестоко холодный февраль стоял на Дальнем Востоке. Свирепствовали бесконечные вьюги. Морозы были в 40 градусов ниже нуля по F (по Фаренгейту. — *Сост.*). *Красная армия без соответствующих обуви и обмундирования лежала на снегу позади колючей проволоки. Каждое утро бойцы должны были сгребать толстый слой снега, который выпадал за ночь. Они кормились павшими лошадьми и с жадностью глотали куски замёрзшего хлеба, разрубаемого топором. По временам они получали куски замёрзшей солёной рыбы. Таковы были условия, при которых начался штурм Волочаевки. Своими замёрзшими руками бойцы должны были проложить себе дорогу через смертельную полосу неприятельского огня, уничтожая ряды колючей проволоки. Убитые висели на проволоке, и по ним шли другие бойцы, пробирались как по мосту, падая, в свою очередь, на колючей проволоке и образуя мост для тех, кто не сражён неприятельскими выстрелами. Двенадцать рядов проволочных заграждений были прорваны таким путём. И только тогда Волочаевская битва началась, штыковые атаки с рукопашными схватками, борьба окоченевших, голодных, истощённых советских солдат с сытыми наёмниками белых сил. Красные победили, и Волочаевка стала легендой, увековеченной в песне...»*

Для легковерного иностранного читателя советская печать не постеснялась превратить Волочаевку в неприступную крепость с башнями и 12 рядами проволочных заграждений, через которые красные солдаты шли на штурм по мостам из трупов. В статьях на русском языке полёт фантазии ограниченнее. Приведём наиболее интересные и характерные выдержки.

Маршал Блюхер старается доказать полную зависимость белой армии от японцев:

«Они (японцы) реорганизуют верхушку "правительства" белогвардейских банд... и садят во главе... махрового белогвардейца монархиста фон-Дитерихса. В декабре 1921 года организованные, вооружённые, снабжённые японцами белогвардейские банды под непосредственным командованием генерала Молчанова были брошены из так называемой "нейтральной зоны"...»

О Волочаевских укреплениях и о бое Блюхер пишет:

«Все подступы к Волочаевке окутывались лабиринтом проволочных заграждений в 5–6 рядов. <...> Три дня и три ночи длилось героическое волочаевское сражение. Из хорошо оборудованных окопов, опоясанных проволочными заграждениями, войска Народно-революционной армии заливались убийственным огнём. Неся большие потери, вечером 10 февраля они залегли у проволоки. Целый день и целую ночь бойцы лежали у проволочных заграждений в глубоком снегу при лютом морозе. У них не было ножниц для резки проволоки. <...> На рассвете 12-го вновь пошли в атаку, прокладывая свой путь через проволочные заграждения, — кто лопатами, кто штыком. Командиры шашками рубили заграждения, бойцы рвали проволоку руками, оставляя на ней кожу, рвали её тяжестью своего тела...»

В конце Блюхер грозит будущим врагам:

«Пусть знают враги, охотники до чужого добра, что если только будет поднят на границах Дальнего Востока меч войны, Особая Дальневосточная армия и Тихоокеанский флот, впитавшие в себя традиции Волочаевки, умножившие их на выучку первоклассной армии и флота, на технику и большевистскую закалку, дадут достойный отпор врагу».

Командир 6-го Краснознамённого Волочаевского полка А. Захаров вспоминает:

«Да, люди под Волочаевкой были настоящими чудо-богатырями. Они сотнями умирали на проволоке... Победа стоила нам больших жертв. Из одного моего полка выбыло до пятисот человек ранеными и убитыми».

Красный полковник Воробьёв пишет:

«Все последние резервы белых были стянуты к Волочаевке. До 5000 офицеров и солдат готовились защищать эти укрепления. <...> В распоряжении тов. Блюхера было не более 3000 бойцов-народоармейцев, т. е. почти в два раза меньше. <...> Прикладами, штыками, голыми руками рвут бесстрашные бойцы колючую проволоку, выкорчёвывают из промёрзшей земли глубоко вбитые столбы. Вперёд выбрасывается единственный имевшийся на этом участке

танк, <...> танк... продвинулся на несколько сот шагов вперёд и совершенно неожиданно перед самой проволокой остановился. <...> Под знамёнами большевистской партии бойцы НРА шли на штурм смело и уверенно, стремясь победить врага во что бы то ни стало. И они победили, записав в историю Гражданской войны на Дальнем Востоке золотые страницы беспримерной героической отваги и мужества в борьбе за власть Советов».

Командир роты 3-го Читинского полка вспоминает:

«Мы шли, стреляя на ходу, полные ненависти к белой своре и японским интервентам, готовые ко всему. Я видел, как бойцы голыми руками рвали проволоку, бросались на проволоку, придавливая её собственными телами к снегу, рубили лопатами, били прикладами. Перед выступлением в роте, которой я командовал, было 130 бойцов, а когда заняли Волочаевку, осталось только 40 человек. Остальные пали в бою, были ранены или обморожены».

Значение победы «Красная звезда» оценивает в таких выражениях:

«Волочаевка открывает последнюю главу славной, волнующей, героической истории Гражданской войны в СССР. Белогвардейщина, подкормленная японской буржуазией, и японские интервенты получили здесь сокрушающий удар и через несколько месяцев были окончательно разбиты и сброшены в Тихий океан. Волочаевка — предметный урок интервентам... Теперь японская военщина, позабыв о синяках, мечтает о том же... Не выйдет! Советские границы на крепком советском замке. А волочаевский дух — дух героизма и мужества — неистощим у советских людей, людей сталинской закалки».

Столь же грозно звучат статьи «Правды»:

«Живы славные традиции Перекопа, Волочаевки и Спасска! Они воплощены в доблестной Красной армии, в нашей Особой Краснознамённой Дальневосточной армии, которая впитала в себя мужество и отвагу, храбрость и бесстрашие Волочаевки... В годы Гражданской войны советский народ, плохо вооружённый, но полный самоотверженности, прогнал белогвардейцев и их хозяев — японских интервентов. В наши дни неиссякаемый героизм масс, помноженный на великолепную советскую технику, покажет миру невиданные чудеса храбрости и отваги... Пусть никто не смеет посягнуть на советские границы... Горе и смерть тем, кто вздумает посягнуть на нашу землю!»

В духе приведённых отрывков заполнены все юбилейные статьи и воспоминания. Содержание большинства статей, имеющих

целью представить Волочаевку как крупную и блестящую победу, можно свести к следующим пунктам: белые были численно сильнее, по уверениям некоторых, имея двойные силы; белые были лучше вооружены и обеспечены и получили вооружение и помощь от японцев; Волочаевка была сильно укреплена; красные одержали решительную победу, и эта победа была одержана не числом и лучшим вооружением, а необычайным советским героизмом и подъёмом духа красных бойцов. Везде подчёркивается, что белые действовали по японским заданиям и пользовались их помощью.

О всех событиях перед Волочаевкой красные почти не вспоминают. Ничего не говорят также о тактических результатах их громкой победы и о взятых трофеях.

Останавливаться даже кратко на ряде событий, связанных с Волочаевкой, в этой статье немыслимо. Ознакомиться с ними можно по белым книгам Б. Филимонова «Белоповстанцы» и по красной книге Я. Покуса «Борьба за Приморье»*. Последняя была выпущена ещё в 1926 году, не подверглась юбилейной обработке, и в ней можно найти много таких сведений, о которых теперь замалчивается. У Филимонова события пока доведены до рассматриваемого Волочаевского боя.

По этим источникам и некоторым статьям из газет можно внести существенные поправки в юбилейную картину Волочаевского боя.

Многие красные авторы говорят о преимуществе в силах у белых. В книге Я. Покуса приведена таблица сил белых, из которой видно, как малочисленны были белые полки, — лишь слабые остатки бывших единиц, — всего по 200–300 штыков.

Приступая к решительной операции, красные довели роты до 130 штыков и полки в среднем до 1200 штыков. Даже принимая минимум в 1000 штыков, они имели в шести полках по меньшей мере 6000 бойцов. Все полки полностью приняли участие в боях у Волочаевки и на Амуре. Кроме того, у красных имелись караульные части для охраны тылов, особый отряд для действий против белого партизанского отряда полковника Карлова и другие вспомогательные части. Все эти особые отряды и части позволили их полкам действовать полностью в боевой линии. Для личной охраны Блюхер привёз из Читы военно-политическую

---

* *Покус Я. З.* Борьба за Приморье. М.–Л.: Госуд. воен. изд-во, 1926. — *Прим. сост.*

школу, тогда как генерал Молчанов, дорожа каждым солдатом, имел для охраны штаба слабый караул и во время налёта на Хабаровск Бойко-Павлова[81] отбивал нападение лично со штабными офицерами и вестовыми. Из трёх партизанских отрядов красных два — Шевчука и Тетерина — участвовали в Волочаевских боях.

Общая численность красной пехоты была близка к 10 000, из которых не менее $6^1/_2$ тысяч участвовали в боях 10–12 февраля. В «Красной звезде» (12.02.1936) Б. Бобров указывает, что на участке фронта было 6480 штыков. Комкор Сангурский, ныне помощник Блюхера, даёт цифру 6200 штыков.

Кавалерия красных, по сведениям Покуса, насчитывала всего 2000 сабель. По сведениям Боброва, на фронтовом участке было 1399 сабель, Сангурский даёт цифру 1400 сабель.

Таким образом, силы пехоты и кавалерии красных доходили до 12 000 бойцов, из которых минимум, по данным Боброва, 7880 штыков и сабель были в первой линии. С артиллерией, бронепоездами и пр. число бойцов было ещё больше.

В подготовляемой к печати третьей книге* «Белоповстанцы» Б. Филимонов, несомненно, даст подробный состав белых частей. Теперь же, на основании его черновика, можно указать, что белые силы в районе Хабаровска насчитывали около 3350 штыков и 1350 сабель. Из них 700 бойцов, за отсутствием особых караульных частей, составляли гарнизоны Хабаровска и ближайших пунктов, где несли караулы и защищали ближайшие к городу подступы. Полк в 150 сабель охранял район ст. Верино. В партизанский отряд полк. Карлова было выделено около 300 штыков и сабель. В боях у Волочаевки приняло участие всего не более 2500 штыков и 1100 сабель, т. е. количество в два с лишним раза меньшее, чем у красных. Бобров насчитывает у белых 7760 штыков, явно преувеличивая для юбилейных прикрас. Сангурский указывает ближе к истине — 3300 штыков и 1800 сабель. Так же и Покус почти верно даёт силы белых к концу января — 3500 штыков и 1300 сабель.

Конечно, двойное численное превосходство ещё не означает несомненного преимущества. В первую половину кампании белые легко расправлялись с двойными силами красных в боях на р. Хор, у Ново-Троицкого, Корфовской, Владимировки, Покровки...

---

* В то время, когда была написана данная статья, Б. Б. Филимонов работал над третьей частью своей книги «Белоповстанцы», однако опубликована она не была. — *Прим. сост.*

У Волочаевки половина красных сил (Читинская бригада) были совершенно свежими, недавно прибывшими из Забайкалья. Все полки белых были уже значительно измотаны в предыдущих боях. Некоторые белые части с мая месяца, лишь с небольшими перерывами участвовали в экспедициях против партизан или несли тяжёлую службу в неспокойных районах Сучанских копей, оз. Ханка и др., и прямо из этих экспедиций двинулись в поход на Хабаровск.

Наконец, говоря о численности, нельзя обойти молчанием возможности пополнения действующих частей из глубокого тыла и даже создания новой армии; если первая была бы уничтожена в боях. Когда из Забайкалья была отправлена на фронт Читинская бригада, собственные силы Дальневосточной республики были исчерпаны. Но сейчас же из Иркутска прибыла 104-я бригада советской армии. Если бы понадобилось отправить ещё несколько бригад — это, конечно, было бы сделано. Иначе говоря, красные имели неисчерпаемый источник новых сил, что не могло не отразиться на настроении красных бойцов, и в особенности на уверенности красных начальников в конце концов одолеть своего врага при условии спокойствия в стране.

Расчёты белых были совсем другие. Из тыла прибыло всё, что возможно, и в южном Приморье остались лишь необходимые силы для поддержания порядка и подавления партизанщины. Борьба с красными была возобновлена в расчёте на то, что население России уже достаточно ознакомилось с большевистскими порядками и более решительно, чем раньше, стремится скинуть красное иго. Волна крупных восстаний прокатилась в 1921 году по всей России. Кронштадт, Антоновщина в Тамбовской губ., восстания в Самарской и Витебской губерниях, в Карелии и Бухаре — наиболее крупные и известные из них. Сведения доходили, что неспокойно в Сибири, в Забайкалье, на Амуре...

Белая армия в Приморье, как бы малочисленна она ни была, как бы плохо вооружена ни была, — не могла оставаться в бездействии и ждать.

Дойдя до Амурской области, белые, естественно, стремились пополнить свои ряды и поднять население в ближайшем тылу красных, среди амурских казаков. Налёт на тыл красных смелого полковника Карлова в начале января дал благоприятные сведения об антибольшевистском настроении казаков. В конце января полк. Карлов снова прорвался в тыл красных и повёз

казакам оружие. Расчёты на это восстание не оправдались, как не оправдались надежды на восстания и в более отдалённых районах. Эти обстоятельства не могли не оказать отрицательного влияния на действия слабых и утомлённых частей белой стороны.

Теперь о вооружении. Белые были вооружены не лучше, а значительно слабее своего противника. Бобров даёт такие данные: у красных на фронте было ручных пулемётов — 82, станковых — 94 и орудий — 26, а у белых пулемётов всего — 56, орудий — 15. Бобров эти цифры характеризует как «некоторое превосходство» в пулемётах и орудиях. Однако это превосходство оказывается в пулемётах в 3 с лишним раза большее в пользу красных, и в орудиях почти двойное. Сангурский указывает число орудий у красных — 30, у белых — 15, т. е. двойное число, а число красных пулемётов даёт 300, не называя количества пулемётов у белых. В полевой артиллерии белых были только 3-дюймовые пушки. У красных имелись 48-линейные гаубицы.

Наконец, красные имели самолёты и два танка. Правда, самолёты вскоре поразбивались, а из танков один совсем не пошёл, а другой дошёл только до проволочных заграждений и погиб. У белых ни самолётов, ни танков не было.

Эти данные показывают, что «боевая техника» красных была значительно богаче и количеством, и качеством. Но и «на старуху бывает проруха». Имея в своём распоряжении разнообразные образцы новейшей боевой техники, красные командиры забыли снабдить свою пехоту самым простым и необходимым инструментом — ножницами для резки проволочных заграждений.

Стремясь всеми силами навязать Белой армии полную зависимость от японцев, красные заявляют, что своё вооружение белые получили от японцев. В этом лишь небольшая доля истины.

После изгнания из Владивостока большевистского правительства Антонова[82] японцы дали новой власти возможность организовать милицию, которой было выдано 1000 винтовок и небольшое количество патронов. Но подобным же путём была организована до этого красная милиция. Таким образом, не только белые, но и красные получали вооружение от японцев. Это то, что делалось официально.

Неофициально, через знакомых и «друзей», которые были среди японцев как у белых, так и у красных, и та, и другая сторона получали негласно некоторое дополнительное вооружение

и боевые припасы. Получали их в небольшом количестве, которое трудно учесть. В общем, большой разницы в пользовании японскими «щедротами» не было.

Во всяком случае, это были мелочи, и как-то смешно говорить теперь о них, когда на наших глазах в Испании враждебные стороны снабжаются не только тяжёлой артиллерией, танками и аэропланами, но пополняются целыми полками и дивизиями из «нейтральных» стран. По сравнению с «испанскими» масштабами японские провинности в сохранении нейтралитета кажутся игрушками младенцев. Кроме того, японцы помогали обеим сторонам, поддерживая в своих выгодах русскую междоусобицу.

При проезде со ст. Маньчжурия в Приморье некоторые части сумели сохранить очень небольшое количество винтовок и несколько пулемётов, провезя их спрятанными в разобранном виде. Удавалось доставать оружие и случайными путями из разных забытых складов через таинственных посредников неизвестных поставщиков.

Все указанные источники дали очень немного, и выступившая в поход армия белых была вооружена весьма слабо. Большую часть своего вооружения белые добыли у красных. Значительная часть винтовок, большинство пулемётов и вся артиллерия были взяты в боях.

Выступая в поход, белые не имели ни одного полевого орудия. При выходе из Спасска 1-й стр. бригады добрые друзья-японцы предложили выдать одну пушку. Несмотря на огромное желание белых иметь хотя бы расстрелянное, покалеченное орудие, предложенный подарок был в таком плачевном состоянии, что пришлось от него отказаться.

Первые пушки были захвачены в конце ноября при разгроме партизан Анучинского района. Но они не поспели за частями, начавшими наступление на Хабаровск. 13 декабря были захвачены в бою у Розенгардовки первые две пушки в полной исправности. В боях за Хабаровском, при поспешном бегстве, красные подарили белым целый арсенал. Всего было захвачено 35 орудий. Часть оказалась негодной или устаревших образцов, а около 20 исправных и починенных орудий пошли на создание полевой артиллерии белых и на вооружение трёх бронепоездов. Все орудия были захвачены в боях и некоторые немедленно обращались против красных.

Между прочим, из 35 орудий 27 были захвачены частями Ижевско-Воткинской бригады. Эти части состояли в большинстве

из рабочих, и о них весьма не любят вспоминать красные. Красная пропаганда упорно долбит, что основа Белой армии состояла из классовых врагов трудящихся — из офицеров, помещиков, кулаков и капиталистов.

Первые пулемёты, кроме немногих сохранившихся, попали к белым от красных партизан. Здесь интересно отметить, что первые пять захваченных пулемётов были японские. Партизаны уничтожили несколько мелких японских отрядов и захватили их оружие. Белые отбили это оружие от партизан. Японцы, старавшиеся уничтожить следы своих потерь, просили отдать пулемёты им обратно. Взамен они выдавали за каждый японский пулемёт два пулемёта под русский патрон.

Боевые припасы также захватывались в боях у красных. Чтобы достать из русских складов во Владивостоке, находившихся под охраной японцев, 10–15 тысяч патронов, нужна была долгая и сложная процедура. Такие партии выдавались очень редко. В первых боях было взято у красных до полумиллиона патронов, а на ст. Покровка за Хабаровском захвачено в вагонах полтора миллиона патронов. Именно эта добыча дала возможность белым вести боевые действия почти два месяца. Однако и такой запас был недолговечен, и его израсходование было одной из причин, заставивших белых сдать Волочаевку.

Большой запас орудийных снарядов был взят в Хабаровске.

Подводя итог источникам белого вооружения, можно с достаточной определённостью утверждать, что только около 5% оружия и огнеприпасов получено от японцев, не более 5% добыто из разных случайных источников и сохранено от Забайкалья и 90% взято в боях у красных.

Чтобы увеличить значение своей победы, красные много говорят о силе Волочаевских укреплений. Белые старательно укрепили свои позиции, но в глубоко промёрзшем грунте многого сделать было нельзя. Окопы были вырыты неглубокие, всего для стрельбы с колена. Брустверы [были] сделаны главным образом из снега. Проволочных заграждений было только два ряда перед окопами и кое-где небольшие участки за линией окопов у некоторых местных предметов, являвшихся намёком на опорные пункты. За невозможностью вбивать колья в мёрзлую землю все заграждения были сделаны из рогаток.

Красные в своих описаниях Волочаевской позиции ссылаются на приказ генерала Молчанова, в котором железнодорожное

направление названо, благодаря укреплениям, безопасным и в котором ген. Молчанов говорит, что для захвата позиции нужно иметь 10 000 бойцов. Этот приказ красные объясняют в том смысле, что сами белые считали сооружённую позицию неприступной. Но ген. Молчанов писал приказ не для юбилейных статей красных, а для внушения доверия к укреплениям в своих войсках, не привыкших в Гражданской войне к обороне в окопах. Относительно численности бойцов, необходимых для захвата позиции, он ошибся ненамного.

Конечно, в условиях Гражданской войны, прошедшей почти целиком в поле, и слабая позиция оказалась большим препятствием для красных солдат. Красные не умели атаковывать позиции и даже не запаслись инструментом для устройства проходов в проволочных заграждениях. За захват Волочаевской позиции без должной подготовки Красная армия заплатила дорогую цену. От красных солдат, когда их заставили рвать проволоку голыми руками, требовался подвиг и самопожертвование. Комиссары и красные командиры сумели использовать для своих целей традиционную доблесть русского солдата, волею рока оказавшегося одетым в красноармейскую шинель.

Но проявленная красными солдатами доблесть не имеет ничего общего с желанием пожертвовать свою жизнь за революцию, за советскую власть или за партию Ленина–Сталина. И в этом отношении волочаевский дух красных бойцов, каким он воспевается в юбилейных статьях, значительно отличается от тех побуждений, которые заставляли несчастных красноармейцев гибнуть на проволоке.

Красные начальники были искусны в агитации и разжигании энтузиазма. Но потоки их истерических речей не так уж сильно действовали на их бойцов. Огромное дезертирство и массовая сдача в плен характеризуют Красную армию на протяжении всей Гражданской войны. Поэтому, кроме взвинчивания агитационными приёмами, красные практиковали более действительное и привычное для них средство — террор. Ротные ячейки коммунистов следили за каждым шагом красноармейцев. За одно только подозрение в желании уклониться от боя следовал расстрел.

В крупных соединениях существовали особые части, ловившие и расстреливавшие дезертиров и нередко подгонявшие наступающих в бою пулемётным огнём сзади. В Сводной бригаде, действовавшей под Волочаевкой, такой частью была Особая

Амурская рота, состоявшая из 150 коммунистов. Красноармейцы при случае охотно сдавались в плен, но под бдительным оком чекистов это удавалось редко, и тогда поневоле приходилось или идти напролом, или погибнуть от пули своих надзирателей.

Но в Волочаевском бою красные командиры использовали для «подъёма духа» ещё одно средство — жестокие морозы. Покус откровенно сознаётся в этом и пишет: «Дух бойцов превзошёл все ожидания. Алчное желание победить, овладеть Волочаевкой с тем, чтобы погреться, достигло своего апогея. "[Если] ещё день не возьмём Волочаевку, то все замёрзнем", — рассуждали бойцы». Это признание указывает, что красноармейцы были поставлены перед выбором: или, несмотря на потери, добраться до тёплых помещений, или же всем перемёрзнуть.

В «юбилейной Волочаевке» ни о ячейках коммунистов, ни об особых отрядах, ни о перспективе замёрзнуть не говорится, и атака позиции изображается как образец чистого героизма победного советского, волочаевского духа.

Рассмотрение главных условий красной победы убеждает в том, что эта победа никак не может назваться блестящей. Дальнейшее подтверждает такое заключение. Отступление белых было совершено в полном порядке и, несмотря на грозные приказы красных командиров «окружить, отрезать, уничтожить», победители были так утомлены, что могли продвинуться в день своей победы лишь на 7 вёрст.

Трофеев белые не оставили, и Покус свидетельствует, что «пленных, за одиночным исключением, ни та, ни другая сторона не брали». Это верно лишь по отношению к Волочаевскому бою. Здесь белые оборонялись и затем отступали. При таких условиях естественно, что пленных белые не взяли. Для победителей-красных количество пленных должно было показать, насколько решительную победу они одержали и насколько правильно эту победу использовали.

При движении к Хабаровску белые захватили 1000–1200 пленных, из которых около 1000 содержались на Русском острове, почти все местные жители были распущены по домам, и небольшая часть была принята в белые части. Красные навряд ли за всё время взяли более 100–150 пленных, почти исключительно раненых.

Не оставили под Волочаевкой белые и ни одной пушки, ни одного пулемёта. Несколько позднее один из белых начальников кочевал со своими частями слишком близко к противнику, не

выполнив в точности указаний приказа. Группа была отрезана. Ей пришлось форсированным ночным переходом по р. Уссури прорываться мимо красных. Ночью на льду реки развалились сани под разобранным орудием, починкой заняться было невозможно, и орудие было брошено. Это — единственный артиллерийский трофей, взятый красными за весь Хабаровский поход, и то не в бою, а брошенный белыми в походе.

Отсутствие сколько-нибудь значительных трофеев, взятых красными, и, наоборот, большие трофеи белых могут служить показателями того, кто искуснее вёл боевые действия и у кого был крепче подлинный воинский дух как в наступлении, так и при отступлении. Если в Волочаевском бою можно найти какой-либо поучительный пример положительных действий, то это прежде всего пример своевременного и в порядке произведённого отступления из тяжёлого и упорного боя, признанного проигранным.

Из всего сказанного становится достаточно ясно, насколько Волочаевский бой, изображённый ныне красными в юбилейных торжествах, далёк от действительности и насыщен прикрасами и извращениями.

Во всех юбилейных Волочаевских статьях красной печати уделено особое внимание японцам и их планам. Большевики победу под Волочаевкой стараются изобразить как победу над японцами, а не только над «белогвардейщиной». Это вполне понятно, так как самое празднование юбилея является одной из мер подготовки страны и армии к надвигающейся войне с Японией.

В сведениях о подчинении белых войск японцам можно найти самый невозможный вздор и беззастенчивую ложь. Разобраться во взаимоотношениях трёх действующих сил — белых, красных и японцев — не так легко. Факты противоречивы и события запутанны. При поверхностном ознакомлении с ходом событий кажется, что коммунисты правы и что японцы и белогвардейцы действовали по общим планам. Даже военные действия против красных велись ими иногда совместно. Такой взгляд особенно часто можно встретить у иностранцев, настроенных нередко против национальных сил России и не любящих дружить с правдой.

Но такое суждение оказывается совершенно несостоятельным, если внимательно подойти к сущности происходившего. Запутанность и сложность событий проясняется и упрощается, если при их оценке не упускать из виду важнейшего фактора — мотивов,

руководивших действиями японцев. Нет сомнения, что японцы действовали исключительно в интересах своей страны и совершенно не были заинтересованы в том, к чему стремились белые — к быстрому восстановлению могучей, национальной, процветающей России.

Кроме отдельных случаев совместного разрешения практических задач мелкого калибра, цели и намерения белых и японцев были противоположны. Политические, экономические и военные интересы России и Японии на востоке Азиатского материка и на берегах Тихого океана во многих пунктах значительно расходились. Революционный развал России давал Японии возможность легко захватить очень многие позиции в указанных сферах, отобрав их от бессильного из-за внутренней смуты соперника. Большевизм был на руку японцам. Правда, у японцев, может быть, есть течения, которые считают более выгодным иметь по соседству национальную Россию, чем очаг коммунистической заразы. Однако события доказывают, что японцы решили использовать большевиков и поставили ставку на их необычайную способность к разрушению попавшего под их власть огромного, богатого и могучего государства. Осторожно, методически, но с большим упорством японцы добиваются своих целей, стараясь не мешать разрушительной работе большевиков внутри России.

Подобное же положение мы видим ныне в Китае. Японцы кричат о своём стремлении сохранить мир на Дальнем Востоке и о борьбе с коммунизмом. Казалось бы, первым делом им следовало [бы] помочь Нанкинскому правительству[83], которое упорно борется с распространением коммунизма по Китаю. Но Япония всячески мешает национальному объединению Китая около Нанкина и наносит ему тяжёлые удары.

Обратимся к фактам прошлого. Когда красный партизан Тряпицын захватил Николаевск-на-Амуре и перерезал там весь японский гарнизон, японцы имели хороший предлог крепко и надолго утвердиться в устье Амура. Но красные изверги не только перебили японцев, но и уничтожили русский город и его население.

В отместку за избиение своего гарнизона японцы подготовили и устроили резню красных в нескольких пунктах, и в особенности в Хабаровске, заодно разрушив артиллерийским огнём лучшие здания города. Но в Николаевске-на-Амуре они не укрепились, а, наоборот, вскоре очистили и район Хабаровска.

Логика подсказывала японцам, что время и большевики работают на них, и то, что произошло в несколько дней в Николаевске, происходит более медленным темпом, но ведёт к тем же результатам во всей России.

Японцам остаётся только своевременно пожинать плоды. Они не ошиблись в своих расчётах и в своей ставке на большевиков. Через 10 лет после Волочаевского боя, в котором, по словам «Красной звезды», белогвардейцы и японские интервенты получили сокрушающий удар, японцы без всякого сопротивления со стороны краснознамённой Дальневосточной армии захватили всю Маньчжурию и русскую железную дорогу[84].

Проникновение японцев идёт теперь дальше в глубину Азиатского материка, и пока не видно, чтобы красные где-нибудь оказали действительное сопротивление. Держа коммунистическую власть в постоянном напряжении, японцы не торопятся идти на открытую войну. Война могла бы означать свержение русским народом красного ига. За этим последовало бы оздоровление и возрождение России. Ускорять это японцам нет расчёта. Не нужна им такая перемена теперь, не нужна была и 15 лет назад.

Поэтому-то японцы, находясь в острых и порою открыто враждебных отношениях с красными, в то же время не поддерживали и русское национальное движение. Будучи большими патриотами своей собственной страны, японцы понимали тяжёлые страдания русского народа и очень сердечно относились к русским националистам, боровшимся за свою родину. Но тот же патриотизм заставляет японцев прежде всего соблюдать интересы своей страны и использовать благоприятные обстоятельства в своих эгоистических целях.

Самая большая помощь, какую оказали японцы белым в Приморье в 1921 г., состояла единственно в самом факте присутствия их и других иностранцев в Южном Приморье. Это мешало красным развернуть свой террор и уничтожать в подвалах Чека своих врагов. Красная власть должна была маскироваться в демократические добродетели и не могла помешать сплочению и организации национальных сил. Когда последние несколько подготовились, они без всякой японской помощи, почти без оружия завладели Владивостоком и другими пунктами Приморья.

Представители Антоновского правительства скрылись в японские штабы. Оттуда японцы перевезли их под большим конвоем в г. Иман, где выпустили для продолжения деятельности, пагубной для России и выгодной для японцев. «Запломбирован-вагон» по

немецкой системе был повторён на другом конце России и для тех же целей.

Вообще же, во всех своих действиях по отношению к белым японцы всегда были тормозящим началом. Они ссылались на права «нейтралитета» и строго контролировали каждое движение белых. При выступлении белых в поход они требовали, чтобы в полосе железной дороги и вблизи японских гарнизонов не только не было вооружённых столкновений, но чтобы не появлялись близко и отряды белых. Когда, наконец, белые отбросили красных и вырвались из-под стеснительного контроля японцев, последние нашли способ тормозить успех белых, задерживая железнодорожное движение. Под предлогом сохранения подвижного состава они позволяли отправлять на север только такое количество вагонов, какое проходило обратно на юг. Так как красные угнали или уничтожили подвижной состав, требование японцев почти парализовало связь фронта с тылом. Только захват подвижного состава в Хабаровске дал возможность наладить эту связь.

О помощи японцев в вооружении белых было сказано достаточно. Если бы японцы желали помочь Белой армии в борьбе с красными, они без особых неприятностей для своего нейтралитета могли передать некоторые военные склады во Владивостоке под охрану белых частей. Владивосток был всё же русской крепостью, а национальная власть к зиме [1921–1922 гг. — *Сост.*] окрепла и кругом были порядок и спокойствие. Но японцы никаких складов белым не передали и никакой помощи наступающей Белой армии не оказали. Наступление, в начале очень успешное, могло разрастись в широкое антибольшевистское движение, охватить большие районы и, кто знает, может быть, имело шансы развиться настолько, что привело бы к крушению советской власти. Как бы эти шансы белых малы ни были, японцы сделали всё, чтобы и их свести к нулю.

Судя по внешним признакам — белые и японцы действовали против красных, по существу же японцы стремились обессилить и тех, и других и во всяком случае помешать национальным силам одержать победу над красными и тем ускорить восстановление в России нормального порядка. Крикливые заявления красных о японских задачах и помощи белым войскам являются грубой пропагандой и извращённым изложением фактов.

Тяжёлое положение красной власти на Дальнем Востоке заставило её срочно усилить там армию, поспешно проводить

К 40-ЛЕТИЮ ХАБАРОВСКОГО ПОХОДА. ВОЛОЧАЕВКА*

Небольшая деревня Приморской области Волочаевка, лежащая в 40 верстах к западу от Хабаровска, о которой мало кому было известно в самом Приморье, оказалась в центре событий зимы 1921–1922 гг. Даже грандиозные события Второй мировой войны, с кровавыми сражениями миллионных армий, не изгладили из памяти красных некоторые бои Гражданской войны. До сих пор они считают нужным отмечать юбилейные даты и вспоминать о победах, сравнительно малого масштаба, одержанных ими 40 и более лет тому назад.

К числу таких побед, которыми они особенно гордятся, относится и «Волочаевка». Орган красной армии «Красная звезда», газеты «Правда» и «Советская Россия», наверное, и другие, отметили в этом году 40-летие Волочаевских боёв. «Красная звезда» от 11 февраля 1962 года, кроме небольшой статьи, поместила снимок Блюхера с ближайшими помощниками и несколько его приказов, относящихся к этому периоду. В своё время Блюхер был прославлен как крупный полководец красных, а потом был обвинён Сталиным в ряде преступлений и уничтожен. Ныне он «оправдан» и вновь прославляется за свои подвиги. Блюхер был главнокомандующим армии Дальневосточной республики и прибыл для личного руководства военными действиями под Волочаевку.

«Красная звезда» начинает статью так:

«12 февраля исполняется 40 лет победы Красной армии под Волочаевкой. Небольшая эта станция вошла в историю как место жесточайших боёв Гражданской войны. В конце 1921 года белогвардейцы сосредоточили здесь свои лучшие части, наполовину состоявшие из офицеров. Восемь рядов колючей проволоки преграждали подступы к позициям. Все подходы были тщательно пристреляны...»

Красные везде, как и в этой статье, упорно отмечают, что белые армии в большинстве состояли из офицеров. Офицеров в белых армиях было много, но до половины состава почти никогда не доходило. И если касаться состава «белогвардейских» частей, то следовало указать, из кого состояла и другая половина. Следовало указать о полках Ижевских и Воткинских

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 5052, 17 марта 1962 г., с. 5.

рабочих, где на всю бригаду было только два кадровых офицера, остальные — военного времени, из тех же самых рабочих.

Красные армии тоже не были однородны и не состояли из одних «пролетариев». В их интернациональных рядах можно найти и немало старых офицеров типа Тухачевских, Каменевых, Вацетисов, Шапошниковых и других, готовых служить, кому угодно.

Необходимо отметить также о «восьми рядах» проволочных заграждений и других искажениях красных летописцев. Укрепления Волочаевки, созданные белыми, состояли из неглубоких снежных окопов и проволочных заграждений в два, в некоторых местах в три ряда. Вкапывать колья в промёрзший грунт было невозможно, и все заграждения состояли из рогаток.

По красным описаниям, «белогвардейцы построили глубокие, в рост человека окопы с ледяными валами». Проволочные заграждения, по словам Блюхера, состояли из пяти-шести рядов. Для других этого показалось мало, и они говорят о 8 и 12 рядах и о том, что колья глубоко врывались в землю. В одном повествовании находим, что контрреволюционеры *«обратили большую вершину Июнь-Караньской сопки (у Волочаевки) в совершенно неприступную скалу, в могучую крепость с хорошо оборудованными башнями»... «обратили район Волочаевки в собственный дальневосточный Верден, который запирал дорогу на Владивосток и к Тихому океану»*.

Относительно сил сражающихся можно найти такие же противоречивые и неверные сведения. Красный полковник Воробьёв пишет:

«Все последние резервы белых были стянуты к Волочаевке. До 5000 офицеров и солдат готовились защищать эти укрепления. В распоряжении тов. Блюхера было не более 3000 бойцов, т. е. почти в два раза меньше...»

Ряд других красных источников сообщают хотя и различные сведения, но, в общем, обратную пропорцию сил: до 6480 штыков и 2000 сабель для красных, и 3500 штыков и 1800 сабель для белых; вооружение: у красных 30 орудий, у белых 15; пулемётов у красных 300, у белых 63 (из разных цифр здесь отмечены наибольшие).

По сведениям наших сводок, у красных к Волочаевке было сосредоточено более 10 000 бойцов, у белых, считая резервы в Хабаровске, — 3600. Кроме того, у обоих противников было по три бронепоезда, а красные имели ещё два танка.

Хорошо вооружившись, особенно богатые пулемётами, красные, однако, забыли о ножницах для резки проволоки и топорах, хотя хорошо знали о подготовленных позициях с проволочными заграждениями.

Очень ярко красные описывают необычайный подъём духа своих бойцов. Например, командир Сводной бригады Покус в книге «Борьба за Приморье» пишет:

«Воодушевлению не было предела. Дух бойцов превзошёл все ожидания. Алчное желание победить, овладеть Волочаевкой, с тем чтобы погреться, достигло своего апогея. "Ещё день не возьмём Волочаевки, то все замёрзнем", — рассуждали бойцы. Желание победить было так сильно, как никогда».

Действительно, если надо или взять Волочаевку, или замёрзнуть, то несчастным красноармейцам выбора не было. Отступление отпадало: на 300 пулемётов немалое число назначалось для «поощрения» тех бойцов, у которых не хватало «алчного желания победить».

Бой у Волочаевки вкратце протекал следующим образом.

По плану Блюхера, Сводная стр[елковая] бригада Покуса (три стрелковых полка, один кавалерийский полк и два партизанских отряда) должна [была] разбить противника на Волочаевских позициях ударом с севера. Два полка Читинской бригады с Троицко-Савским кав. полком и Читинским кав. дивизионом должны [были] ударить на Амурском направлении по левому флангу белых у Верхне- и Нижне-Спасского. В случае успеха развивать наступление на пос. Казакевичево, отрезать путь отступления армии ген. Молчанова в Приморье и уничтожить её в районе г. Хабаровска. Один полк оставался в общем резерве.

На занятие исходного положения давалось два дня — 8 и 9 февраля.

Позиция у Волочаевки, под общим командованием полк. Аргунова[85], занималась тремя отрядами (бригадами) — 1, 2 и 5, и из 3-го отряда — Добровольческим полком и Воткинским конным дивизионом. На Амурском направлении находилась группа ген. Никитина[86] — 4-й отряд (Пластуны) и части Забайкальцев и Амурцев.

9 февраля красные партизаны атаковали дер. Архангельскую (10 вёрст от Волочаевки), но были отбиты Добровольческим полком Черкеса[87] и бежали в Восторговку (40 вёрст от Волочаевки).

10 февраля к западу от Волочаевки находились один батальон Камцев и наши бронепоезда с Воткинским кондивом. Эти передовые части задержали красных до полудня и затем отошли. В полдень позиция у Волочаевки была занята 5-м отрядом (Поволжская бригада). Волжане получили участок к северу от ж. д., Камцы — к югу от ж. д. и Уфимцы южнее Камцев. 1-й и 2-й отряды остались в резерве.

Красные начали с обстрела позиции сильным артиллерийским огнём. Около 13 ч их пехота перешла в наступление перебежками. Но после обстрела бронепоездами наступление прекратилось. Красные ждали наступления темноты. С приближением сумерек они вновь повели наступление и около 18 ч, с началом темноты, бросились в атаку.

С криками «ура!», «товарищи, проволока!», «руби, рви её!», «давай топоры» и проч. они пробовали прорваться через проволочные заграждения. Они были встречены губительным огнём, косившим их ряды. Вливая новые цепи, они бросались вперёд на проволоку, но преодолеть заграждения не могли.

На участке Волжского полка был пущен в дело танк, но он был разбит артиллерийским огнём с бронепоезда.

Против Камского полка, а может быть, и в других местах, красные повторили попытку ворваться на позицию после полуночи, но были отбиты вновь. Потери красных были большие: их бойцы висели на проволоке, убитые и брошенные раненые были раскиданы по снежному полю.

Ночью 6-я рота Камцев вышла на разведку в глубь расположения красных. О подробностях как этой разведки, так и вообще действий на участке Камцев см. воспоминания пор. Халдеева в «Русской жизни» от 23 февраля с. г.*.

Отказавшись от новых попыток атаковать в эту ночь, противник отошёл в свой тыл, развёл костры и стал обогреваться. На рассвете 11 февраля красные ожидали контрнаступления белых и делали приготовления к их встрече.

На Амурском направлении красные утром 10 февраля повели наступление на дер. Верхне-Спасское, маленькую деревушку в 8–10 дворов. Деревня занималась 1-м пластунским полком. Около 9 ч красные ввели в бой артиллерию. Упорная борьба продолжалась

* *Халдеев М.* Волочаевские бои (Из записок поручика Камского полка М. Халдеева) // Русская жизнь (Сан-Франциско), № 5036, 23 февраля 1962 г.; приложение «Крестовый поход во имя правды». № 447, с. 2. — *Прим. сост.*

я командовал, было 130 бойцов, а когда взяли Волочаевку, осталось только 40».

Покус пишет:

«На участке 6-го пехот[ного] полка части одной роты преодолели проволоку, другая рота поддержала их, но обе эти геройские роты запутались в проволоке и целиком погибли».

Перед полуднем Омский полк, занимавший окопы южнее железной дороги, понёс большие потери; в том числе были убиты командиры двух батальонов, любимые всем полком. Бойцы стали покидать окопы.

Полковник Аргунов доносит о положении генералу Молчанову и сообщает, что принимает меры, чтобы восстановить положение. Но неудача ген. Ястребцева не давала надежды на успешное окончание всего сражения. Явный перевес в силах со свежими пополнениями у красных и измотанность наших частей склоняли успех на сторону противника. Генерал Молчанов приказал полковнику Аргунову не приносить в жертву жизни людей ради достижения местного успеха.

Волочаевка отдавалась противнику.

КОНЕЦ БЕЛОЙ БОРЬБЫ В ПРИМОРЬЕ*

2 ноября 1922 года последние остатки Белой армии Восточного фронта отошли из Приморья в Китай. С переходом границы закончилась вооружённая борьба организованными военными силами с поработителями нашей Родины...

События этого года прошли в таком порядке.

Начало года застало Белую армию на Хабаровском фронте, когда, после успешного движения на север, белые разгромили красные полки так называемой Народно-революционной армии бутафорской Дальневосточной республики и подошли к границе Амурской области. Силы противника были настолько истощены, что «дружественная» советская республика должна была для спасения «младшей» сестры отправить ей свою вооружённую помощь.

104-я бригада Красной армии была переброшена из Иркутска в Забайкалье на замен ушедшей на фронт 1-й Читинской бригады Народно-революционной армии. 1-я Читинская бригада, полностью укомплектованная перед отправлением, по прибытии на фронт к февралю 1922 года была, в свою очередь, основательно растрёпана у деревень Волочаевка, Нижне-Спасское, Васильевка и в других боях. Остатки обеих бригад по окончании похода были сведены в одну сводную бригаду. Из семи пехотных полков, действовавших против белых, красные могли составить только три полка. Летом они укомплектовали их до полного состава, начали обучать и приводить в порядок в предвидении вскоре нового похода.

Что же мог дать Белый лагерь для последней схватки? Кроме наличного состава армии, около $7^1/_2$ тысяч бойцов, никаких резервов не было, ни на какую помощь извне рассчитывать было нельзя.

На Китайско-Восточной железной дороге осело много бывших чинов Белой армии, но на их возвращение в сколько-нибудь значительном числе надежды не было. Во время Хабаровского похода на призыв вернуться в строй приехали: в 1-й Кавалерийский полк подполковник Л. (Левитский. — *Сост.*), немногие офицеры и солдаты в каждый полк, но это было незначительное пополнение из отдельных лиц, выделявшихся высоким чувством долга, воинской чести и любви к Родине. Большинство уволившихся

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 222, 22 ноября 1952 г., с. 3–4.

ранее офицеров и солдат не откликнулись на призыв. Усталость от долгих, тяжёлых лет Мировой и Гражданской войн, неудачи в предыдущие годы и возможность уйти от тяжёлых и кровавых, ледяных и голодных походов заставляли усталых и разочаровавшихся людей отказаться от продолжения дальнейшей борьбы.

Не было надежды на помощь и от местного населения. Та же усталость от восьми военных годов, непонимание сущности коммунизма и какую рабскую жизнь он принесёт, заставляли всё местное население, за малым исключением, уклоняться от борьбы за своё собственное благополучие. За время Хабаровского похода наступавшие части белых встречали почти всеобщее и повсеместное сочувствие. Однако из одного сочувствия не создать ни полков, ни батарей.

Наконец, не одна численность даёт силу и обеспечивает успех. В Белом лагере не было крепкого единства, столь важного и необходимого для отпора врагу. В особенности печально сложились отношения Правительства этого последнего, не покорённого красными клочка Русской земли к остаткам Белой армии.

Из пятиглавого Правительства[94] выдвинулся и имел влияние С. Д. Меркулов, человек большой энергии и силы воли. Казалось, это было очень подходящее лицо для возглавления власти в такое грозное время. Но его желание быть единственным вершителем всех судеб и не считаться ни со средствами, ни с обстоятельствами создавшегося в Приморье положения оттолкнуло от него много дельных лиц, вызвало трения и привело к печальным событиям.

Белая армия Приморья состояла из частей, которые боролись с красными на Волге и Урале, Сибири и Забайкалье и, наконец, пробившись в Приморье, сделали ещё одну попытку сбросить красное иго и пошли в суровое зимнее время в Хабаровский поход. За четыре года борьбы эти части приобрели свои особенности и разделились на группировки, не во всём доброжелательно относившиеся друг к другу. Делом Правительства было стремиться к установлению единения среди Армии. Хабаровский поход положил этому начало, и части обеих главных группировок — «каппелевцев» и «семеновцев», сражаясь плечом к плечу, орошая своею кровью снежные поля и сопки Приморья, забыли о своих недоразумениях и чувствовали себя братьями по оружию.

Но в глубоком тылу было не всё благополучно. На передовые линии, где внимание всех было приковано к врагу, не доходили

владивостокские дела и глухая борьба между Правительством, Народным собранием, Командующим Армией и другими сильными мира Приморского.

Одним из первых показателей «неблагополучия» на верхах, привлёкших внимание в рядах армии, был таинственный приезд корнета Б. в Воткинский конный дивизион. Последние выстрелы похода ещё не отгремели, но крупных столкновений с противником на ближайшее время не предвиделось. Да корнет и не искал их. Он приехал от влиятельного лица переманить дивизион, как ни звучит это странно, на «сторону» Правительства. Корнет обещал и выполнил обещание достать ассигновку на жалованье всему дивизиону, и конные Воткинцы получили жалованье, которое отказывалось другим. Это «внимание», само собой разумеется, делалось не даром. Секрет, конечно, открылся, но доблестный и лихой командир дивизиона и не думал куда-либо переходить. «С паршивой овцы — хоть шерсти клок» — было его объяснение.

Такие и им подобные методы действия влиятельных лиц не могли содействовать авторитету и доверию к Правительству. Невольно возникли подозрения, что лица из состава Правительства преследуют цели, в которых единство и боеспособность Армии не имеют значения, в которых борьба с большевизмом отходит на задний план. Указанный эпизод выплыл наружу потому, что командир дивизиона, по существу, конечно, неправый, перехитрил мудрого правителя и его посланца. Больших последствий этот случай не повлёк, но обнаружил, что ведётся работа на расчленение армии, и подтвердил слухи, что одни — «верные» — получают жалованье и довольствие полностью, а «неверные» не получают совсем или с большими задержками.

Последние дни мая [1922 г.] глухая борьба вырвалась наружу, и политические верхи Приморья разбились на два враждебных лагеря. Правительство распустило Народное собрание, а последнее объявило Правительство лишённым власти.

Раскололись и вооружённые силы. Поведение главных действующих лиц было различно. Командующий Армией генерал Вержбицкий и его начальник штаба генерал Пучков[95] отошли от дел 1 июня, желая ослабить обостряющееся напряжение.

Этому примеру не последовали С. Д. Меркулов и его соправители, засевшие в «бест» под охрану караулов от флота: Народное собрание не разошлось и требовало новое правительство.

Вспыхнула междоусобная война, больше словесная, но иногда обострявшаяся и приводившая к жертвам. Набирая себе сторонников, Правительство привлекло на свою сторону лиц командного состава, отставленных от должностей за невыполнение распоряжений своих начальников и другие провинности. Они получали назначения на будущие командные посты и носили в карманах приказы об этих назначениях. Заварившаяся смута дала сигнал для вступления в должности.

Полковник Глудкин, несмотря на предупреждения и советы своих друзей не делать необдуманных шагов, явился в свою бывшую бригаду, объявил о вступлении в командование и 1 июня отдал приказ о выходе бригады из состава 2-го корпуса и движении походным порядком без указания пункта назначения. При попытке его арестовать он и полковник Гампер[96] были убиты.

В караульное помещение при Народном собрании была брошена граната, убившая стрелка Воткинского полка. На его похоронах был замечен агент «противника» с револьвером и убит прежде, чем он использовал своё оружие.

Междоусобная борьба готова была углубиться и совершенно парализовать последнюю способность белых к сопротивлению. Сдерживая страсти горячих голов, более благоразумным удалось сговориться на том, чтобы предложить генералу Дитерихсу[97] встать во главе власти. Его приезд 8 июня и настойчивая работа по объединению армии и общественных групп постепенно внесли успокоение и мир.

Но сколько времени и энергии было потрачено на все эти раздоры, когда обстановка требовала все силы, внимание и время отдать на подготовку к встрече врага. Только 6 августа собранный 23 июля Земский Собор Приморья окончательно закрепил власть за генералом Дитерихсом, и 8 августа он эту власть принял от Правительства, закончившего свои полномочия.

Через три недели, сделав некоторые изменения и переформирования в армии, генералу Дитерихсу уже пришлось иметь дело с началом военных действий. Вставал вопрос: чего могла ожидать немногочисленная Белая армия от этой борьбы?

Ответы были очень различны. Генерал Дитерихс, глубоко верующий человек и большой патриот, надо думать, был искренне убеждён, что пришло время, когда безбожная, изуверческая власть коммунистов должна исчезнуть, и освобождение русского народа от красного ига началось. Его оптимизм разделяли немногие.

Большинство сомневалось в том, что так легко повернуть течение событий, хотя многие и допускали возможность ряда восстаний внутри страны, или изменения в международном положении, которые потрясут и покончат советскую власть.

Как ни были различны мнения, всё же не слышно было голосов, что борьба не нужна и надо договориться с врагом или уходить без сопротивления в другие страны. Малодушных не было, таковые давно отсеялись. Ещё раз, но не последний, должна была пролиться братская кровь двух враждебных лагерей одного народа. Возмездие за то, что одни не сумели сохранить и защитить родную страну от захвата её преступными слугами красного интернационала, а другие — за то, что покорились и стали служить ему.

Военные действия заняли сентябрь и октябрь. Задача красных состояла в том, чтобы окружить и уничтожить белых и не дать им возможности уйти за границу, там перестроить свои ряды и начать борьбу вновь с оружием в руках или в новых формах.

Белые должны были отразить наступление и удержаться в Приморье до прихода лучших возможностей [или] отступить к границе и искать в чужой стране убежище до возобновления борьбы.

Для успешного выполнения своей задачи красным нужно было иметь превосходство в силах, в том числе сильную кавалерию. Это они и сделали, подвезя к началу боёв: две стрелковые дивизии, отдельный кавалерийский полк и отд. кавалерийскую бригаду. Первой была подтянута 2-я Отдельная Приамурская дивизия с отдельным Троицко-Савским кав. полком. В дивизии три стрелковых полка, школа курсантов (считай, коммунистический отряд), два дивизиона артиллерии и сапёрный батальон. Всего в дивизии, по красным данным, было 4940 штыков в пехоте, 450 сабель, 20 орудий, 151 пулемёт. Кроме того, авиационный отряд с тремя самолётами и 4 бронепоезда.

Затем были подвезены Отдельная Дальневосточная кав. бригада из трёх полков, и за ней прибыла 104-я бригада Красной армии, переименованная после выгрузки в 1-ю Забайкальскую дивизию. Кроме регулярных частей, красные имели на месте многочисленные отряды партизан, около 2600 бойцов с пулемётами и несколькими орудиями.

Общий итог красных сил даёт около 10 000 штыков в пехоте, 1800 сабель, 2600 партизан и 40–50 орудий. В глубоком тылу

находились в резерве многочисленные дивизии Красной армии. Красные части были богато снабжены всем необходимым, имели обеспеченное пополнение и ни в чём не испытывали недостатка.

Указанному количеству противника белые могли противопоставить не более 7500 штыков и сабель с 22-мя орудиями. Самым больным местом Белой армии являлся недостаток патронов. Их было немного в частях, крайне скудные запасы в складах, и не имелось источника пополнения. Артиллерийских снарядов было больше, но малочисленная артиллерия с батареями по две пушки на пересечённой горной местности далеко не везде могла заменить огонь пехоты и пулемётов.

Театр войны очень благоприятствовал красным. Горная местность укрывала партизанские отряды, не переставшие нападать в течение всего года на железную дорогу и стоянки белых частей, а это отвлекало на охрану большое количество бойцов. Долина реки Дауби-хе давала красным путь сообщения через Анучино в глубокий тыл белых частей, действующих на севере в Спасском районе. Запереть вход в эту долину не имелось сил.

С началом эвакуации японцев красные стали сосредотачивать свои части к ст. Уссури. На юг были выдвинуты разведывательные отряды.

Генерал Дитерихс для встречи противника начал в середине августа сосредотачивать в районе Спасска Поволжскую группу генерала Молчанова силою в 2800 штыков и сабель с 8 орудиями. Эта группа должна была принять первый удар на главном направлении. Во второй линии, между Спасском и Никольск-Уссурийским находилась Сибирская группа генерала Смолина силой в 1450 штыков и сабель с 7 орудиями, в начале сентября окончившая поход по Приханкайскому краю для уничтожения партизан. Сибирская казачья группа генерала Бородина[98] силой в 1100 штыков и сабель с 4-мя орудиями защищала железнодорожную линию от удара красных со стороны Анучино, располагаясь по ряду деревень с центром у большого села Ивановка. Дальневосточная казачья группа генерала Глебова[99] сначала находилась в районе Шкотово–Угольная, потом предназначалась для действий на главном направлении.

Первые стычки разведывательных частей начались 31 августа, когда разъезд Воткинской конной дружины захватил полностью разъезд красных. После этого последовал ряд других

столкновений, главным образом конных частей. Красные нащупывали наше расположение, но наша конница успешно парализовала разведку противника.

Для уничтожения моста через реку Уссури был выдвинут отряд генерала Никитина, который оттеснил красных после нескольких боёв к самому мосту, но здесь красные, развернувшись на северном высоком берегу реки и имея хорошие наблюдательные пункты, своей артиллерией остановили наше продвижение на открытой равнине.

Целый день 8 сентября шло артиллерийское состязание, и выяснилась невозможность с наличными силами сбить хорошо подготовленного противника с его сильной позиции. С наступлением темноты белые отошли, не преследуемые противником.

Остальной сентябрь прошёл в небольших, но частых боях передовых частей, главным образом конницы. Кавалерия белых энергичными действиями сильно изматывала кавалерийские части противника, что было очень важно для нас. Правда, наша кавалерия (Московский полк и Воткинцы) также выматывалась в непрерывной боевой работе.

Сосредоточение всех сил красных закончилось к октябрю, и вскоре начались упорные бои. Первый встречный бой разгорелся севернее ст. Свиягино 6 октября. Упорный бой, доходивший до штыковых схваток, не дал к вечеру перевеса ни одной из сторон. Оба противника понесли значительные потери.

К красным подошли подкрепления. У нас вышли патроны. Это вынудило генерала Молчанова отдать приказ с наступлением темноты отойти к Спасску. Небольшие охранные части, оставленные на позиции, не дали красным возможности обнаружить наш отход. Оказывая сопротивление на каждом рубеже, наша конница в течение 7 октября задерживала продвижение врага к Спасску.

Предстоял следующий большой бой. Противник сосредоточил 2-ю Приамурскую дивизию и всю кавалерию. Предыдущие действия красных и характер местности указывали, что красная конница будет обтекать наш правый фланг для удара в тыл. Это вызвало необходимость растянуть линию обороны.

Наши части заняли: Приволжский полк — г. Спасск, Прикамский — Казарменный городок, конница — южнее у села Дубовское. Позиция занималась отдельными участками. Против проникновения противника в промежутки имелись небольшие

резервы в полках. Общего резерва в руках генерала Молчанова не было.

8 октября красные начали по всему фронту вести усиленную разведку при поддержке пулемётов и артиллерии. Вечером они потеснили нас у Спасска. На нашем правом фланге Дальневосточная конная бригада красных, угрожая нашему тылу, оттеснила Волжскую конную дружину и заняла село Дубовское. Ночью ударом двумя конными дружинами с юга и Волжской с запада, красные были отброшены с большими для них потерями. С перерывами бой продолжался всю ночь.

Утром 9 октября красные развернули все свои силы для атаки. Кавалерийская бригада была послана в наш глубокий тыл на с. Прохоры в 15 верстах на юго-запад от Спасска. Этим же утром генерал Дитерихс отдал приказ об отходе к югу. Имея в виду через несколько дней разбить красных сосредоточением всей армии, он хотел сохранить силы Поволжской группы, уже измотанной беспрерывными боями и передвижениями в течение недели.

Сложная операция выхода из боя ещё более осложнилась захватом противником нашей тыловой дороги и отсутствием резервов. Генерал Молчанов решил продолжать бой, отойти с темнотой, а освобождение дороги от красной кавалерии просил возложить на части Сибирской группы. С утра гремела артиллерия обеих сторон.

В Спасске красные продолжали настойчиво теснить Уфимцев и Волжан. Наши части упорно отстаивали каждую улицу. Обе стороны несли тяжёлые потери. Пулемёт Уфимцев, остававшийся без прислуги, был спасён от захвата красными сестрой милосердия Я. Казминой, всегда работавшей в передовых цепях.

Против Прикамского полка развернулись густые цепи красных и начали перебежки через рисовые поля корейцев. Около 4 часов дня Спасск был захвачен красными. Прикамский полк, на который велась атака с севера и востока, теперь был поставлен под удар с третьей стороны.

Дальнейшее сопротивление могло только ухудшить положение и усложнить отступление. Генерал Молчанов приказал отводить части на юг. Ижевцы, занимавшие северную сторону казарм, не отошли. Три приказа, посланные им начать отход, не были выполнены. Дождавшись перехода красных в атаку на их участке, они скосили своим огнём первые цепи противника,

обратили в бегство следующие и только тогда отошли, имея всего двух раненых.

Красные захватили уже казармы в тылу Ижевцев. Они смогли выйти из окружения только вдоль полотна железной дороги, по которой маневрировал наш броневик и своим огнём заставлял противника укрываться за постройками. Заняв Спасск и казармы, противник, изнурённый двухдневным боем, отказался от преследования. Красная кавалерия, захватившая с. Прохоры и перерезавшая нам дорогу, была отброшена на восток.

Поволжская группа благополучно отошла на юг для короткого отдыха. Сдерживать противника было возложено на Сибирскую группу генерала Смолина, которому были переданы конные части Поволжской группы.

Одновременно с боем у Спасска красные 8 октября повели новую атаку в наш глубокий тыл, на Сибирскую казачью группу генерала Бородина. Партизаны были усилены регулярной пехотой. Но и это не помогло. Противник был отброшен на всём участке группы генерала Бородина.

Регулярная пехота красных, нацеленная на с. Ивановка, понесла большие потери. Когда у казаков подошли к концу патроны, красных отбивали ручными гранатами и двумя орудиями, бившими на картечь. Ночью противник отступил.

Подошло время для боя, решавшего судьбу Приморья. Этот бой разыгрался 13–14 октября в районе с. Монастырище, в 60 верстах на северо-восток от Никольск-Уссурийска. В нём приняли участие все четыре группы Белой армии. Генерал Дитерихс поставил группам задачу перейти к активным действиям и разбить противника, обходя его правый фланг со стороны с. Воскресенское и левый — с Ображеевки.

Начиная справа, действия групп были следующие.

Группа генерала Бородина должна была, удерживая прочно Ивановку, выделить возможно большую часть сил для наступления на нашем правом фланге на с. Ображеевка, Снегуровка и далее на Монастырище. Части этой группы сменили днём 13 октября в Ображеевке части Приволжского полка, которые перешли обратно к своей группе. Генерал Бородин не мог по малочисленности своей группы уделить для удара на север значительных сил и потому не мог нанести противнику сильного удара.

Главные силы — Поволжская и Дальневосточная группы — наносили удар по селу Монастырище с юга. Дальневосточная

группа генерала Глебова двигалась вдоль грунтовой дороги, имела кровопролитное столкновение и понесла большие потери. В числе убитых был командир Пластунской дружины полковник Буйвид. Группа вышла из боя и оказалась не способной к дальнейшему наступлению.

Левее генерала Глебова группа генерала Молчанова вела при поддержке бронепоездов наступление вдоль железной дороги и правее неё. Отбросив красных от разъезда Манзовка, группа продвинулась к Монастырищу и оказалась на открытой равнине с незащищённым правым флангом. Противник укрепился в Монастырище и усиленно обстреливал подступы перед своим фронтом. Ночью боевые действия затихли.

Утром 14-го ожидали удар с нашего левого фланга на Халкидон. Поволжская и Дальневосточная группы должны были продолжать наступление. Чтобы подкрепить группу генерала Глебова, генерал Молчанов направил на усиление часть Приволжского полка. Ожидавшийся удар группы генерала Смолина не состоялся. Противник сам перешёл в наступление.

Сибирская группа генерала Смолина задержалась в ночь на 13 октября на переправах через реку Лефу. Время было потеряно, и группа не могла оказать содействия удару с фронта в день 13 октября. 14 октября части генерала Смолина были атакованы 1-й Забайкальской дивизией и Д[альне]-Вост[очной] кав. бригадой красных. Понеся тяжёлые потери, особенно в Омской дружине, группа начала отступление.

Поле битвы осталось за красными. Их численное превосходство, недостаток патронов у белых и другие причины дали красным победу. Другая цель противника — окружить белых и не дать им возможности уйти за границу, несмотря на все усилия, выполнена на была. Двигаясь по назначенным направлениям и сдерживая красных своими арьергардами, белые в порядке отошли к границе.

Группа генерала Смолина вдоль железной дороги была направлена в Маньчжурию и перешла границу в ночь с 18 на 19 октября. Группа генерала Глебова отошла на Владивосток и на пароходах отправилась в Корею перед приходом красных в город 25 октября. Поволжская и Сибирская казачья группы от Никольск-Уссурийска прошли в Ново-Киевск. Туда же из Владивостока прибыл генерал Дитерихс со своим штабом. Семьи бойцов, собранные во Владивостоке, были также перевезены в Ново-Киевское.

2 ноября белые части, оставив позади арьергард, перешли границу Маньчжурии. На следующий день последние белые бойцы покинули свою Родину. 15 ноября Дальневосточная республика была упразднена. Проклятие «советского рая» во всей своей силе распространилось на население Приморья.

Прошло тридцать лет... На юг от Приморья уже третий год кипят тяжёлые, изнурительные и безрезультатные бои. Снарядов и патронов у обеих сторон много. Много и новых орудий борьбы. Склоны корейских гор обильно орошаются кровью. На севере, у границы Приморья, падают аэропланные бомбы. Их взрывы можно видеть с тех сопок, где когда-то белый арьергард сдерживал напор врага перед переходом границы. Разделённые тридцатилетней давностью, два фронта борьбы соприкоснулись в одном пункте земного шара. Враги те же. На одной стороне — кровавый коммунизм, жаждущий всемирной революции и покорения всех народов под своё ярмо. На другой стороне — большие и малые нации, отстаивающие право жить своими обычаями и порядками и отвергающие беспощадность, злобу и ложь коммунистического учения ненависти.

КРАСНЫЙ МАРШАЛ БЛЮХЕР*

1

После захвата японцами Маньчжурии, что поставило в угрожающее положение русский Дальний Восток, имя маршала Блюхера стало часто появляться в печати как создателя обороны, строителя укреплений, организатора особой армии на Дальнем Востоке и будущего командующего красными силами в возможной войне с Японией.

Блюхером интересовались и Русское зарубежье, и иностранцы. Недавно полученные сведения о его аресте и слухи о самоубийстве вызвали новый интерес к его личности, его прошлому и его судьбе. Кто он такой? Что привело его на вершину советской военной лестницы? За что он арестован и что его ожидает? На последние вопросы ответы надо ждать в непродолжительном времени из страны советов.

О его прошлом писалось очень много, но сведения о нём противоречивы, и его происхождение окутано туманом. Краткие биографии маршала на основании советских источников можно найти в номерах «Новой зари» от 28 апреля, 30 августа и 11 октября с. г. В этой статье вниманию читателей, кроме кратких данных из красных источников, предлагаются сведения, собранные от лиц белого лагеря. Эти сведения собирались для очередной книги Б. Филимонова о Хабаровском походе**, но, к сожалению, издание этой книги сильно запаздывает, а интерес к Блюхеру в текущий момент заставляет автора этих строк воспользоваться собранным материалом для настоящей статьи.

Ни на полноту описания отдельных страниц из жизни Блюхера, ни на безошибочность сообщаемых сведений автор не претендует.

Офицер Белой армии А. М. был свидетелем начала деятельности и карьеры тов. Блюхера в Самаре в первые дни революции. Его рассказ сводится к следующему. После революционного взрыва в Петрограде, в Самаре был собран большой митинг в театре

---

* Новая заря (Сан-Франциско), № 2480–2483; 22, 25–27 октября 1938 г.

** Автор имеет в виду третий выпуск книги Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы» (в 2 ч., Шанхай, 1932–1933), который опубликован не был. — *Прим. сост.*

«Олимпик» на улице Льва Толстого. Член Государственной Думы Инкуидзе, председатель митинга, предложил собравшимся освободить из тюрьмы политических арестованных и доставить их в театр. Через 20–30 минут их привезли. Это вызвало целый поток речей с поздравлениями, объятиями, поцелуями, слезами...

Умилительная картина была неожиданно прервана возгласом неизвестного солдата 102-го Запасного полка, сидевшего во 2-м ярусе. Он со своего места громким отчётливым голосом, в котором чувствовалась большая сила, обратился к собравшимся: «Товарищи, товарищи!» Вся зала повернулась к нему. На сцене прекратились речи, объятия и поцелуи. Голос солдата приковал к нему общее внимание. Энергичное выражение лица, смелые уверенные глаза, маленькие чёрные усы, крепко сложенный — таково было первое впечатление. Всё тем же энергичным, повелительным, магнетизирующим голосом солдат произнёс короткую речь о важности происходящих событий и указал на необходимость действовать быстро, не теряя ни одной минуты. Он предложил прекратить объятия и поцелуи, напоминающие свадьбу, и заняться делом.

Его слова были встречены бурным восторгом, его немедленно попросили на сцену. Здесь солдат стал просить слова, чтобы высказать то, что, по его мнению, надо делать. Рассказчик сидел недалеко от сцены и следил за солдатом. Секретарь спросил его фамилию. Солдат ответил: «Это не важно!» Секретарь повторил вопрос, добавив, что надо записать его фамилию в очередь ораторов. Но солдат вторично отказался назвать свою фамилию, он снова повторил, что «это не важно».

Тогда настойчивый секретарь заявил ему, что если его фамилия не будет записана, то и говорить ему не придётся. На это солдат ответ: «Ну, напишите, что я Васин». Было похоже на то, что солдат свою настоящую фамилию скрыл. Когда очередь дошла до не известного никому солдата, назвавшегося Васиным, он опять громовым и властным голосом произнёс речь, произведя на всех большое впечатление. После этого митинга Васин стал играть большую роль в жизни Самары, взволнованной революцией.

Второй раз очевидец самарских событий увидел Васина через несколько дней около винного склада, который громила толпа. Бутылки вытаскивались на улицу и тут же распивались. Уговоры представителей новой власти не действовали. Грабёж продолжался. Кто-то предложил: «Надо послать за Васиным». Через несколько минут он примчался на автомобиле. Встав во

весь рост, он своим громким голосом обратился к погромщикам, устыдил и призвал их к порядку. Все тут же стали бросать бутылки и расходиться.

После этого свидетель ещё несколько раз видел Васина и хорошо запомнил его лицо. Когда через несколько лет А. М. увидел портрет маршала Блюхера, он немедленно узнал в нём своего самарского знакомого солдата Васина. В советских биографиях можно найти подтверждение тому, что Блюхер в первые дни революции находился в 102-м Запасном полку в Самаре, где был избран в полковой комитет и в городской совет солдатских депутатов.

Из рассказа А. М. мы получаем первое знакомство с Васиным-Блюхером. Это человек больших способностей, сильной воли, прекрасный оратор, могущий умело приковать к себе общее внимание, воздействовать на толпу и управлять ею. Видно, что за ним было несколько лет революционной работы с митинговыми выступлениями. Поэтому сведения из его официальной биографии, что он был слесарем на Мытищинском, Сормовском и других заводах, где вёл революционную пропаганду, призывал к забастовкам, был осуждён за это к 2 годам 8 месяцам тюрьмы и пр., могут быть вполне правдивы.

Этот же рассказ указывает на малую правдоподобность слухов, что он пленный австрийский или немецкий офицер. Если бы такой офицер и мог проникнуть после революции в ряды запасного полка, то научиться за короткий срок безукоризненно владеть русским языком и стать первоклассным оратором почти невозможно. Эти слухи могли родиться из-за его немецкой фамилии. Советские биографии Блюхера утверждают, что это его настоящая фамилия, данная помещиком его предку-крепостному. Однако о том, что в Самаре он пожелал скрыть свою фамилию и был известен как Васин, ничего нигде не говорится. Таким образом, относительно настоящей фамилии Блюхера остаётся сомнение. Был ли он и до Васина Блюхером или имел другую фамилию? Есть предположение, что он назвался Блюхером в честь немецкого фельдмаршала, разбившего Наполеона под Ватерлоо, желая иметь перед собой живой пример и следовать ему на своём пути. Некоторые говорят, что Блюхер видел на военной службе в старой армии, как офицеры, даже с весьма умеренными способностями, но с немецкой фамилией легко продвигались вперёд и обгоняли Ивановых и Петровых. «Нет

пророка в своём отечестве» — будто бы решил солдат 102-го Запасного полка и стал Блюхером.

Всё это лишь догадки. Но следует отметить, что в этом отношении неизвестный, он же Васин, он же Блюхер, не изменил традиции всех революционеров выходить на мрачную и кровавую дорогу революции под маской псевдонимов и кличек. Но от Ульянова-Ленина, Джугашвили-Сосо-Сталина, Бронштейна-Троцкого и других Блюхер отличается тем, что ему до настоящего времени удалось сохранить тайну своего происхождения.

После захвата власти большевиками Блюхер становится членом Самарского ревкома и в ноябре организует отряд для борьбы с непокорным оренбургским казаком Дутовым[100]. С этого момента начинается военная карьера Блюхера. По выступлении в поход или около этого времени он, видимо, и сменил фамилию Васина на Блюхера.

Борьба с Дутовым была тяжёлая, упорная и долгая. Казаки сильно трепали красные отряды, в том числе и Блюхеровский, нанося им большие потери. С декабря 1917 года до апреля 1918 года продолжалась эта борьба с переменным боевым счастьем, то затихая, то усиливаясь.

Наконец в апреле большевики осилили Дутова, и он с отрядом в 600 казаков при 5 пулемётах (по большевистским сведениям) укрылся в глубине Тургайских степей. Оттуда Дутов в июне появился вновь после того, как против большевиков выступили чехи и начало расти Белое движение. Дутов направился на Оренбург, где в это время был Блюхер.

Силы Дутова быстро увеличивались, и большевикам пришлось уходить. 1 июля Блюхер со своим отрядом и отрядом оренбургского казака Каширина, боровшегося на стороне красных, покинули Оренбург и начали отступление на север. Другие красные бросились на Орск и по Туркестанской ж.-д. на Актюбинск.

Отбиваясь от преследовавших его казаков, Блюхер ушёл в труднопроходимые трущобы Южного Урала. Здесь он пробовал задержаться, опираясь на уральские заводы. Но его заставили уйти и отсюда.

Блюхер направился к Уфе, продолжая отбиваться от наседавших на него казаков и расчищая дорогу на север. Его отряд насчитывал, по большевистским сведениям, 10 000 человек, по сведениям белых — меньше.

К началу сентября Блюхер появился недалеко от Уфы. В это время в Уфимском районе формировались части 2-го Уфимского корпуса. Но преградить дорогу Блюхеру, а тем более окружить его и уничтожить, было некому. Боеспособные части были далеко на фронте, а части в Уфе находились в периоде формирования и не имели всего необходимого снаряжения и вооружения. Даже общего начальника не было в этом городе, который находился в глубоком тылу. Части подчинялись восьми независимым друг от друга начальникам, благодаря чему не могло быстро установиться единство действий. Вследствие этих причин, несмотря на наличие большого гарнизона, Уфа могла быть захвачена Блюхером.

Но Блюхер решил обойти Уфу и пересёк железную дорогу в 30 верстах восточнее города у ст. Иглино. Здесь была всего одна рота 13-го Уфимского полка под командой капитана Модестова[101]. Конечно, одна рота могла задержать многотысячный отряд лишь на очень короткое время.

Прорвавшись благополучно мимо Уфы, Блюхер направился к дер. Красный Яр, где начал строить мост для переправы. Посланный за ним отряд белых пробовал помешать постройке артиллерийским огнём, но мост всё же красные успели построить. Блюхер переправился и сжёг за собой мост. Из района дер. Красный Яр Блюхер пробовал связаться с ближайшими красными командирами. Он доносил о своём походе, о постройке моста, переправе и т. д. Интересно, что в этих донесениях мост у Красного Яра Блюхер называет мостом «его величества». Почему и в честь кого, — осталось невыясненным. Посланцы Блюхера были перехвачены белыми, и его донесения попали в руки подполк. Молчанова, который и переслал их по совсем другому адресу.

Продолжая движение по тылам белого фронта и не встречая сильного противодействия, Блюхер в конце сентября вышел в район 3-й красной армии в 150 верстах к югу от Перми.

2

Поход Блюхера от Оренбурга, продолжавшийся почти три месяца и прошедший среди многих боевых столкновений и различных испытаний, служил у большевиков темой для восхваления как своей армии, так и самого Блюхера. В этом походе Блюхер показал большие организационные способности, умение

маневрировать, сплотил своих подчинённых и внушил им доверие к себе. В этом ему следует отдать должное.

Тем не менее, самый поход не представлял из себя чего-либо исключительного в условиях русской Гражданской войны. Широкие просторы нашей Родины, сравнительная малочисленность и разбросанность военных сил противников предоставляли возможности для совершения подобных походов.

«Кубанский ледяной поход», проделанный Добровольческой армией, «Сибирский ледяной поход», поход Дутова в Китай, поход красной Таманской армии от Азовского моря к Армавиру, поход Бредова от Одессы в Польшу и др. доказывают, что походы такого характера, из которых некоторые были совершены в более тяжёлой обстановке в суровое зимнее время, являются не единичными.

Не будучи чем-либо исключительным, поход Блюхера, тем не менее, явился крупным событием по тому значению, которое он оказал на психику красного стана, и особенно самого правительства.

В это время красная власть находилась в критическом положении. Окружённая со всех сторон, она чувствовала себя близкой к падению. На боевых фронтах явные неудачи; организация армии идёт плохо, — солдаты разбегаются или переходят к белым; целые отряды бросают фронт (в том числе отряд прославленного Чапаева в мае бросил фронт и ушёл домой); изменяют командиры красных отрядов и армий, — изменил даже главнокомандующий Восточным фронтом Муравьёв и приказал своим войскам повернуть штыки на красную Москву; главная опора большевиков — рабочие — уходят от них; восстали рабочие Ижевского, Воткинского, Михайловского и др. заводов; произведено покушение на Ленина, он ранен. Казалось, дни советской власти сочтены. Красные главари, как тогда говорили, сидели на сложенных чемоданах.

Только кондотьеры красного интернационала — мадьяры, китайцы и латыши поддерживали советскую власть, но и они могли каждый день бросить её. С бешеной энергией большевики формировали полки и дивизии, но доверия к их стойкости и преданности не было.

И вот в это время поражений, измен и «предательства революции» из далёкой Тургайской степи, совершив, как все тогда полагали, необычайный поход, пробился Блюхер. Не

К началу сентября Блюхер появился недалеко от Уфы. В это время в Уфимском районе формировались части 2-го Уфимского корпуса. Но преградить дорогу Блюхеру, а тем более окружить его и уничтожить, было некому. Боеспособные части были далеко на фронте, а части в Уфе находились в периоде формирования и не имели всего необходимого снаряжения и вооружения. Даже общего начальника не было в этом городе, который находился в глубоком тылу. Части подчинялись восьми независимым друг от друга начальникам, благодаря чему не могло быстро установиться единство действий. Вследствие этих причин, несмотря на наличие большого гарнизона, Уфа могла быть захвачена Блюхером.

Но Блюхер решил обойти Уфу и пересёк железную дорогу в 30 верстах восточнее города у ст. Иглино. Здесь была всего одна рота 13-го Уфимского полка под командой капитана Модестова[101]. Конечно, одна рота могла задержать многотысячный отряд лишь на очень короткое время.

Прорвавшись благополучно мимо Уфы, Блюхер направился к дер. Красный Яр, где начал строить мост для переправы. Посланный за ним отряд белых пробовал помешать постройке артиллерийским огнём, но мост всё же красные успели построить. Блюхер переправился и сжёг за собой мост. Из района дер. Красный Яр Блюхер пробовал связаться с ближайшими красными командирами. Он доносил о своём походе, о постройке моста, переправе и т. д. Интересно, что в этих донесениях мост у Красного Яра Блюхер называет мостом «его величества». Почему и в честь кого, — осталось невыясненным. Посланцы Блюхера были перехвачены белыми, и его донесения попали в руки подполк. Молчанова, который и переслал их по совсем другому адресу.

Продолжая движение по тылам белого фронта и не встречая сильного противодействия, Блюхер в конце сентября вышел в район 3-й красной армии в 150 верстах к югу от Перми.

2

Поход Блюхера от Оренбурга, продолжавшийся почти три месяца и прошедший среди многих боевых столкновений и различных испытаний, служил у большевиков темой для восхваления как своей армии, так и самого Блюхера. В этом походе Блюхер показал большие организационные способности, умение

маневрировать, сплотил своих подчинённых и внушил им доверие к себе. В этом ему следует отдать должное.

Тем не менее, самый поход не представлял из себя чего-либо исключительного в условиях русской Гражданской войны. Широкие просторы нашей Родины, сравнительная малочисленность и разбросанность военных сил противников предоставляли возможности для совершения подобных походов.

«Кубанский ледяной поход», проделанный Добровольческой армией, «Сибирский ледяной поход», поход Дутова в Китай, поход красной Таманской армии от Азовского моря к Армавиру, поход Бредова от Одессы в Польшу и др. доказывают, что походы такого характера, из которых некоторые были совершены в более тяжёлой обстановке в суровое зимнее время, являются не единичными.

Не будучи чем-либо исключительным, поход Блюхера, тем не менее, явился крупным событием по тому значению, которое он оказал на психику красного стана, и особенно самого правительства.

В это время красная власть находилась в критическом положении. Окружённая со всех сторон, она чувствовала себя близкой к падению. На боевых фронтах явные неудачи; организация армии идёт плохо, — солдаты разбегаются или переходят к белым; целые отряды бросают фронт (в том числе отряд прославленного Чапаева в мае бросил фронт и ушёл домой); изменяют командиры красных отрядов и армий, — изменил даже главнокомандующий Восточным фронтом Муравьёв и приказал своим войскам повернуть штыки на красную Москву; главная опора большевиков — рабочие — уходят от них; восстали рабочие Ижевского, Воткинского, Михайловского и др. заводов; произведено покушение на Ленина, он ранен. Казалось, дни советской власти сочтены. Красные главари, как тогда говорили, сидели на сложенных чемоданах.

Только кондотьеры красного интернационала — мадьяры, китайцы и латыши поддерживали советскую власть, но и они могли каждый день бросить её. С бешеной энергией большевики формировали полки и дивизии, но доверия к их стойкости и преданности не было.

И вот в это время поражений, измен и «предательства революции» из далёкой Тургайской степи, совершив, как все тогда полагали, необычайный поход, пробился Блюхер. Не

везде измена, не везде предательство, — есть и верные люди. Появилась точка опоры, можно воспрянуть духом. Надо наградить верного солдата революции. «Красная звезда» от 23 ноября 1937 г. вспоминает: «...решался вопрос о том, кто будет первым орденоносцем. Решался вопрос о награде мужественных и храбрых. Об одном из них уже говорила вся Советская Россия. Его подвиги прогремели из края в край молодой республики Советов. Но даже среди членов ВЦИК никто не знал имени этого человека».

Блюхер — «герой из героев». Ему оказано отличие быть первым, получившим только что учреждённый орден Красного Знамени. Это обстоятельство усиленно подчёркивается в биографии Блюхера. Таким путём красная власть особенно выделила и оценила его. Оценила, прославила, наградила и... забыла. Два года, наиболее важных и богатых событиями в Гражданской войне, Блюхер пребывал в забвении. Получив после похода в командование 30-ю, а потом 51-ю стр. дивизию, Блюхер всё это время оставался на сравнительно скромной роли командира дивизии. Кругом него шло выдвижение и устранение командующих армиями и группами, главнокомандующих фронтами, но он, признанный герой и первый орденоносец, не был затронут этой чехардой на верхах красного генералитета.

Имена новых советских полководцев — Фрунзе, Тухачевского, Будённого и многих других появились на военном горизонте, и, казалось, звезда карьеры Блюхера закатилась навсегда. Но эти два года, бедных внешними эффектами, послужили Блюхеру подготовкой к новому блестящему скачку в его карьере в конце Гражданской войны.

Попав в состав 3-й армии, Блюхеру пришлось иметь своим противником крепкие Сибирские войска, упорно прокладывавшие дорогу вперёд. Вместе со всей 3-й армией Блюхер терпит только неудачи и поражения. Пришлось отдать Пермь с пушечным заводом и ряд меньших городов, отступив далеко за Каму. Со времени своего присоединения к 3-й армии и почти до середины 1919 года Блюхер не видел никаких побед. Сражаться лицом к лицу с сильным противником было много труднее, чем пройти по тыловому району белых. В тяжёлых боях с Сибиряками Блюхер учился действовать в полевом бою с его быстрыми изменениями в обстановке и упрощёнными тактическими формами, применявшимися в Гражданской войне. Свою дивизию,

после долгого и тяжёлого опыта, Блюхер обратил в крепкую и боеспособную единицу.

Но вот Сибирская армия, подточенная изнутри авантюристом Гайдой и эсерами, стала постепенно расшатываться и терять свою боеспособность. Красные перешли в наступление. Однако и в этот период Блюхеру не очень везло, и его биография отмечает только «блестящую» Тобольскую операцию и занятие г. Тобольска 7 сентября [1919 г.]. Об этом говорится вскользь, как бы для того, чтобы в биографии не было длинного пробела.

Дивизия Блюхера, как одна из боеспособных, в 1920 году перебрасывается против Врангеля. Её ставят на правом берегу Днепра. В начале августа красные переправляются на левый берег и прорывают растянутый корпус ген. Слащёва[102]. Отброшенные назад, они удержали за собой Каховку. Образовался знаменитый Каховский плацдарм, около которого разыгрались упорные бои.

Попытки красных продвинуться вперёд не удавались, но и белые не могли овладеть Каховкой и отбросить красных за Днепр. Главнейшее участие в обороне Каховки красные приписывают Блюхеру и его 51-й дивизии. В конце октября сильно поредевшая армия генерала Врангеля отошла в Крым. Красные начали готовиться к штурму Перекопа.

Блюхер со своей дивизией (две бригады) и Ударной огневой бригадой атаковал Турецкий вал в лоб. Взять его он не мог, и все атаки были отбиты. Некоторые полки красных потеряли до 60 % своего состава. В ночь на 9 ноября защитники Перекопа отступили, так как большая группа красных, силою более двух дивизий, пройдя по дну Сиваша, с которого спала вода, появилась в тылу. Белые отошли на вторую линию позиций у Юшуня.

Таким образом, Блюхер, вопреки установившемуся мнению, Перекопа с боем не взял, а занял позицию после того, как она была брошена под угрозой удара с тыла другой группы красных, Блюхеру не подчинённой.

Действия Блюхера под Перекопом были весьма неискусны. Привыкнув вести бои в открытом поле, Блюхер совершенно не умел подготовить атаку укреплённой позиции. В статье Триандофилова «Перекопская операция» (в сборнике «Гражданская война», том 1) можно найти много упрёков Блюхеру за неумелую организацию наступления и плохое руководство. Например, *«Все эти приказания, как то: "немедленно", "во что бы то ни стало", "доносить через каждые 20 минут" свидетельствуют о нервном*

управлении войсками. Приказания о "немедленной" атаке в первую голову адресовались комбригам (т. е. пехотным начальникам), а начарту (т. е. начальнику артиллерии) ставилась задача поддержать эту атаку огнём, в то время как уже выяснилось, что атака невозможна именно потому, что пехота атакует раньше, чем достигнуто огневое превосходство... Только общим надломом воли противника можно объяснить очищение им Перекопа, но не нашим тактическим успехом» — так оцениваются действия Блюхера под Перекопом советским военным писателем.

При взятии следующих Юшуньских позиций 51-я дивизия Блюхера действовала много удачнее и прорвала левый фланг белой позиции, выйдя в тыл противнику и решив бой в пользу красных.

Чтобы оценить по достоинству победу красных над Врангелем, здесь приводятся цифры количества бойцов и орудий по советским сведениям. Во время боёв в северной Таврии у большевиков было 133 000 штыков и сабель и 500 орудий, а у белых 37 220 штыков и сабель и 213 орудий. После боёв и огромных потерь у белых для обороны Перекопа и Чонгара осталось всего 19 610 бойцов при 180 орудиях, а красные, пополнив потери, насчитывали 133 591 бойца. При таком соотношении сил можно было бросать на Перекоп красные полки без артиллерийской подготовки, нести потери в 60 %, и всё же в конце концов одержать верх.

Во всех боях Блюхер показал больше упорства и настойчивости, чем знания и умения. Не жалея, он лил красноармейскую кровь. Не имея военной подготовки в нормальном размере и научившись действовать только в открытом поле, он не сумел организовать атаку укреплённой позиции и взять её малой кровью. Цитированный уже советский писатель Триандофилов даёт такой вывод: «Ошибки в расчёте средств и в организации общевойскового боя были причиной наших тактических неудач под Перекопом, несмотря на героизм, с которым дрались наши войска в этом бою».

Но само слово «Перекоп» имело в себе большую притягательную силу и символическое значение. Поэтому, хотя он и не был взят в бою, а занят, брошенный противником, хотя там Блюхера и его войска постигли неудачи и крупные потери, всё же именно «Перекоп» фигурирует в карьере Блюхера как его крупнейшая победа.

Радость большевиков по случаю захвата Крыма заставила забыть промахи и ошибки Блюхера. За Каховку и Перекоп он получил, через два года после первой награды, второй и третий ордена Красного Знамени, а его 51-я дивизия получила как отличие название «Перекопской». С тех пор имя Блюхера стало вновь греметь в советской стране, и он начал прославляться как один из выдающихся красных полководцев.

3

После боёв на юге России с частями армии ген. Врангеля репутация Блюхера как крупного советского военачальника установилась прочно. Произошло это несмотря на неудачный штурм Перекопа, где все атаки подчинённых Блюхеру войск были отбиты с огромными потерями. Ошибки Блюхера были известны высшему командованию красных и нашли должную оценку в приведённых выдержках советского военного специалиста.

Казалось бы, Блюхеру следовало поучиться военному делу. В нём обнаружились многие природные качества, ценные для каждого военачальника, но не доставало знаний и умения их применять. Стремясь дать военные знания своим кустарным полководцам, советская власть многих красных командиров, отличившихся в Гражданской войне, посылала учиться в академию. Но Блюхер избегает военной школы и продолжает занимать крупные посты, не имея никакого военного образования. Признанный полководец, Блюхер уже не сходит с первых ролей в своей последующей деятельности.

После окончания Гражданской войны на юге России Блюхера посылают на Дальний Восток в буферную республику[103], искусственно созданную большевиками по причинам международного положения. Здесь Блюхер назначается главнокомандующим Народно-революционной армией, военным министром и председателем Военного совета.

Вскоре ему пришлось выступить в новой роли — дипломата на Дайренской конференции[104], где большевики договаривались с японцами. Советская власть, оказавшаяся банкротом в войне с Польшей, отдавшая русские земли таким слабым государствам, как Турция, Румыния, Эстония и др., не могла и помышлять о сопротивлении сильной Японии. Большевиков

выручила Вашингтонская конференция, на которой японцы обязались очистить всю территорию бывшей Российской Империи. На Дайренской конференции Блюхер получил хороший урок и должен был уразуметь, что даже великая страна, но разорённая и истерзанная революцией, не имеющая могучей армии, не может рассчитывать на уважение своих прав и на дипломатические победы.

В декабре 1921 г. остатки русских белых вооружённых сил, находившиеся в Южном Приморье, бросили свой последний вызов красной интернациональной власти. Под командой генерала Молчанова они двинулись на север, разбили войска, подчинённые Блюхеру, заняли Хабаровск и повели наступление в Амурскую область. У красных поднялся переполох.

Блюхер начал энергично готовиться к отпору. Дорожа своей боевой репутацией, он не спешит лично на фронт и предоставляет своим помощникам отбиваться от белых и нести поражения. Только когда противник исчерпал все резервы и начал выдыхаться, когда выяснилось, что население, хотя и настроенное против большевиков, не решается становиться в ряды белых, когда шансы борьбы стали явно склоняться на сторону красных, Блюхер отправляется на фронт. Сосредоточив против ослабевшего и измотанного противника по меньшей мере двойное количество бойцов, Блюхер тщательно подготовляет переход в наступление.

В числе подготовительных мер для одержания победы Блюхер старается внести в ряды противника разложение с помощью агитации. Навряд ли сам Блюхер мог рассчитывать на большой успех этого способа борьбы. Перед ним были солдаты, закалённые четырьмя годами Гражданской войны, являвшиеся непримиримыми врагами большевиков, испытавшие их гнёт и не поддававшиеся никакой агитации.

Успеха быть не могло и не было. Тем не менее, на блюхеровской агитации стоит остановиться. Прокламация Блюхера была составлена очень искусно в виде обращения к генералу Молчанову с призывом закончить борьбу, с обещанием прощения и т. д. Блюхер был агитатором крупного калибра, и его «письмо» оказалось настолько хорошо составленным, что приводилось в прошлом году при праздновании 15-летия Волочаевского боя, как образец советского патриотизма.

Прокламация Блюхера характерна и тем, что продиктована под неостывшим впечатлением от Дайренской конференции.

Среди явно большевистских агитационных выражений пробивается чувство обиды от оскорблений, нанесённых Блюхеру-дипломату японцами, вырываются слова горячей любви к родине, под которыми мог бы подписаться любой патриот.

Во время [Первой] мировой войны Блюхер, как говорит его биография в «Красной звезде», «два года пробыл в окопах, разъясняя солдатам смысл кровавой бойни», т. е., говоря проще, разрушал армию и подготовлял Брестский позор. Тогда ему чуждо было какое-либо понятие любви к Родине.

Теперь этот агитатор и разлагатель армии, как ударами тяжёлого молота, чеканит обвинение белому генералу:

«Знаете ли Вы, что делаете Каиново дело, помогая японской дипломатии нажимом педалей в Приморье, оказывая поддержку их унизительным для русского величия и достоинства требованиям, которые они диктуют нам в Дайрене?»

Можно ли было в те времена помешательства большевиков на «всемирной революции» и «пролетарской диктатуре» услышать от них слова о «Русском величии и достоинстве»? Блюхер первым в красном стане осмелился сказать такие слова, заговорил о Родине и даже... о национализме: «Кто до сих пор делал истинно-национальное русское дело, хотя имел и интернациональные задачи?» Блюхер стремится, может быть, не с одними агитационными намерениями, склеить свою интернациональную идеологию с теми требованиями, которые предъявляет ему неумолимая жизнь. Служба в армии начинает пробуждать в нём патриота, дипломатический опыт подводит его к понятию о достоинстве и величии Родины.

В конце письма Блюхер обещает:

«Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите эту ненужную попытку сопротивления народной воле и сложите Ваше оружие».

Подготовка наступления в военном отношении опять у Блюхера страдает, несмотря на его долгий боевой стаж, несмотря на опыт Перекопа. В боях под Волочаевкой*, начавшихся упорными атаками красных 10 февраля [1922 г.], войска Блюхера в первый

---

* См. [статью] «Волочаевский бой», напечатанный в «Новой заре» в № 2116. — *Прим. автора.*

день были отбиты, понеся большие потери. Красных солдат не научили преодолевать проволочные заграждения и не снабдили ножницами для резки проволоки. Имевшиеся танки, — правда, всего в количестве двух, — не принесли никакой пользы.

Хотя и имея двойное превосходство в силах, красные были недалеки от поражения. Но счастье Блюхера не изменило ему и теперь. Не столько его таланты, сколько ошибки, сделанные утомлёнными долгим походом и частыми боями белыми начальниками, склонили победу на сторону красных. Из этих ошибок особенно повлияли на исход боя: 1) большая неудача Поволжской бригады, шедшей без охранения и в походной колонне попавшей под обстрел, сильно пострадавшей и не выполнившей своей задачи, и 2) нерешительность начальника, командовавшего Волочаевским участком и пропустившего удобный случай перейти в контратаку после того, как красные были отброшены и находились в подавленном настроении.

На окончательное решение боя оказало главное влияние успешное продвижение красных на Амурском направлении, грозившее тылу Волочаевской группы. Сложилась обстановка, напоминающая бой у Перекопа.

Когда выяснилась бесполезность дальнейшей борьбы, генерал Молчанов отдал приказ об отступлении. По времени этот приказ почти совпал с новой попыткой красных атаковать позиции у Волочаевки около полудня 12 февраля. Поэтому красные считают, что они взяли Волочаевку штурмом. Но окопы уже начали очищаться от белых бойцов, и, возможно, только на левом фланге позиции красные проникли в окопы, когда там ещё были их белые защитники. В общем, белые части отошли от Волочаевки в порядке, не оставив Блюхеру ни пленных, ни трофеев.

За Волочаевку Блюхер получил 4-й орден Красного Знамени. Но результатами своей победы он [был] недоволен. Побеждённая, но не уничтоженная Белая армия, представлявшая из себя отборный кадр закалённых бойцов, при благоприятных обстоятельствах могла превратиться вновь в грозную силу, опасную для красной власти. Поэтому Блюхер ещё раз пытается воздействовать на белых воинов агитационными путями.

Он пишет 19 февраля, после занятия красными Хабаровска, второе письмо генералу Молчанову:

«И ещё раз, теперь уже в последний, призываю Вас, генерал, к честному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой

роли, которую чужая воля навязала Вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов. <...> Любовь к моему Великому народу <...> диктует мне обязанность, как революционера и гражданина Великой России, сделать ещё попытку обратиться к Вашим уже разбитым нами рядам с братским напоминанием Ваших обязанностей перед Родиной и революцией. Попытайтесь, генерал, воскресить в своей душе действительную любовь к своей Родине» и т. д.

В этом письме Блюхер не ограничивается обещанием прощения и «сохранения жизни» и даёт более заманчивые обещания: *«Я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на Родину», «командному составу, в случае нежелания возвратиться в Советскую Россию, — соответствующие места в рядах Народно-революционной армии. ...Вам лично с группой лучших Ваших офицеров предлагаю соответствующую должность в рядах Народно-революционной армии, так как такие люди нам необходимы».*

Конечно, и эта агитация Блюхера не имела никакого успеха. Это письмо не было опубликовано красными — Блюхер чересчур перестарался в обещаниях «неприкосновенности личности» и постов в рядах Красной армии, и, с другой стороны, не так уж удобно победителю упрашивать побеждённого «вспомнить свои обязанности»*.

В конце 1922 года боевые действия в Приморье прекращаются без видимого участия Блюхера.

4

Дальнейшие сведения о деятельности Блюхера приводятся из его биографий и из советской и иностранной печати.

После восстановления в Красной армии корпусной организации Блюхер назначается командиром 1-го, потом других корпусов.

В 1924–1927 гг. он в командировке в Кантоне, где был главным военным советником китайского национального правительства. Он помогает организации новой китайской армии

* Оба письма Блюхера ген. Молчанову, упомянутые автором, были опубликованы В. М. Молчановым в приложении к книге: *Ефимов А.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1922 гг. Конкорд (Калифорния), 1975, с. 313–319 (переиздание в России: М.: Айрис-пресс, 2008). — *Прим. сост.*

и учреждает или реорганизует военную академию для китайского командного состава. Отправляясь в Китай, Блюхер в четвёртый раз меняет фамилию и известен как генерал Галин. По возвращении обратно снова становится Блюхером — итого, насколько известно, пять перемен фамилии.

С 1927 по 1929 г. Блюхер — помощник командующего войсками Уральского военного округа. В 1929 году Блюхер вновь посылается на Дальний Восток, где китайцы начали замышлять какие-то операции на Китайской Восточной железной дороге и у границы Маньчжурии. Здесь он становится во главе всех красных вооружённых сил, объединённых приказом Ворошилова 6 августа 1929 г. в Особую Дальневосточную армию.

Когда дело дошло до вооружённых столкновений, Блюхер легко одерживает победу над китайскими войсками. 1 января 1930 года ЦИК СССР наградил Дальневосточную армию за защиту границ орденом Красного Знамени, и вся армия стала называться Краснознамённой. Блюхер за свои заслуги на посту командарма Особой Краснознамённой Дальневосточной армии награждён орденом Красной Звезды, получив его, как и первый орден Красного Знамени, раньше всех. Затем он получает и высший советский орден Ленина, данный ему за «бдительную охрану границ».

В ноябре 1935 г. в Красной армии введены чины (персональные звания), и Блюхер становится одним из пяти маршалов. Отметим, что Блюхер, проведший большую часть Гражданской войны на должности командира дивизии, обгоняет в чине всех своих бывших начальников, даже самых высших. Командовавшие всеми силами советов получают чины: Каменев — командарма 1-го ранга, а Вацетис — только 2-го ранга.

В июне 1937 г. Блюхер подписывает смертный приговор маршалу Тухачевскому и семи другим лицам высшего красного командования. В числе них его бывший начальник в боях у Каховки — Эйдеман, который, наверное, в своё время давал хорошую оценку действиям Блюхера и содействовал его выдвижению и славе. По слухам, суда фактически не было, и Блюхер, как и другие, подписал приговор заочно и задним числом.

Большое внимание к себе Блюхер стал привлекать после захвата Маньчжурии японцами. На его долю выпала тяжёлая задача обороны Дальнего Востока в трудных условиях. Блюхер проявил в этом деле огромную энергию. Дальневосточная армия с 20 тысяч времён Волочаевки выросла в полумиллионную со

Вид Ижевского оружейного завода Вятской губернии
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Генерал А.Г. Дубницкий,
начальник Ижевских
оружейного
и сталеделательного заводов
в 1915–1916 гг.
(Музей истории
завода «Ижмаш», г. Ижевск)

Юнкер А. Ефимов в кругу семьи, ок. 1910 г. Справа – родители, в центре – сестра Ангелина, слева – младшие братья

Авенир Ефимов и его будущая жена Наталия Гусева, ок. 1913 г.
Фотографии на развороте – личный архив А. А. Ефимова

Н. С. Ефимова,
сер. 1910-х гг.
Надпись на обороте:
«Будь добр, исполни
просьбу: вернуть эту
карточку по адресу:
Одесса, Пироговская,
3/32, Наталии Степановне
Ефимовой»

Супруги Ефимовы
с сыном Георгием.
Одесса, 21 июля 1917 г.

Н. С. Ефимова с сыном.
Надпись на обороте:
«21/V 18 г. Одесса. Жоржику 1 г. 3 м.»

Полковник Д. И. Федичкин,
фото нач. 1920-х гг.
(Личный архив
М. Б. Шереметевой)

Полковник Я. И. Зебзиев.
Надпись на обороте:
«[ст.] Маньчжурия, 1920 г.
После отступления из-под Борзи
на китайскую границу 10 ноября
1920 г. Выход в отставку
в Раздольном 1921 г.»
(Личный архив Н. Клоян)

Надпись на обороте: «Пристань Галёво на Каме. Снимок сделан весной 1919 г., когда был взят обратно Воткинский завод и по р. Каме началась навигация от Перми до Галёво. Н. Старцев»
(Личный архив А. А. Ефимова)

Адмирал Колчак, 1919 г.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 5939)

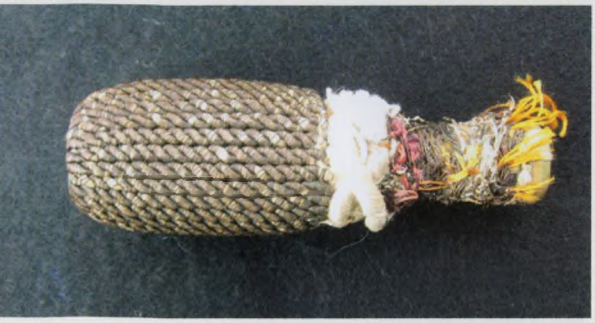
Награды и знаки, принадлежавшие полк. А. Г. Ефимову

(Личный архив А. А. Ефимова, фото Л. Тремсиной)

Знак об окончании Николаевского инженерного училища

Предположительно — памятный жетон Симбирского кадетского корпуса

Орден Св. Владимира с мечами



Темляк от Георгиевского оружия и знак о награждении им

Фотографии на полосе – личный архив А. А. Ефимова

Знак отличия Военного Ордена
«За Великий Сибирский поход»
1-й степени, миниатюрный вариант.
Изг. ок. 1921 г.

Полковник А. Г. Ефимов.
Фото на обороте удостоверения
от 29 ноября 1920 г.

Удостоверение командира
Ижевско-Воткинского полка
полковника А. Г. Ефимова
от 29 ноября 1920 г.
Лицевая и оборотная стороны

КОМАНДИРЪ
3-го
Стрѣлковаго корпуса
"Ноября 1920 г.
ст.Маньчжурія

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего Командиръ Ижевск
Воткинскаго полка Полковникъ Аѳеній
Геннадіевичъ ЕФИМОВЪ,что подписью съ
приложеніемъ казенной печати удостовѣ
ряется.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
Дежурный Штабъ-Офицеръ
Полковникъ

Надпись на обороте:
«Полковник Дробинин
и шт.-ротмистр Саблин.
Владивосток, июнь 1921 г.»
(Личный архив
А. А. Ефимова)

Ротмистр
Б. Э. фон Вах.
Надпись на обороте:
«1/I 1921 года,
село Алексеевка
Прим[орской] области»
(Личный архив Т. Иваницкой)

Владивосток, Успенский кафедральный собор (разрушен в 1938 г.)
Открытка начала XX в. (Личный архив А. А. Ефимова)

Генерал В. М. Молчанов. Владивосток, 1921 г.
(Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Раздольное, 1921 г.» Справа — полк. Ефимов
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Молебен во Владивостоке в день праздника Ижевцев. В числе почетных гостей ген. Вержбицкий и члены Правительства» [август 1921 г.]
(Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Парад [Вот]кондива в бухте Уллисс, авг. 1921»
(Личный архив А. А. Ефимова)

Приморье, ок. 1921 г. Четвертый слева – полк. Ефимов,
пятый – ген. Молчанов; справа – полк. фон Вах
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Сучанский лагерь. Народный Дом»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Сучанские окопы»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Сучанские окопы кондива» (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Кондив в Сучанской долине» (Личный архив А. А. Ефимова)

Фотографии на развороте — к статье А.Г. Ефимова «Экспедиция на Сучан»

Нарукавный знак милиции Временного Приамурского правительства, принадлежавший полк. Ефимову (фото Л. Тремсиной)

На обороте: «Pour souvenire N. Tokizawa». Затем рукой А. Ефимова: «Сучанские копи, 1921 г. Сидят во 2-м ряду: кап. Смолин, япон. офицер, полк. Баев, кап. Такисава, полк. Ефимов, пор. Богданов. На лошади ротм. Багиянц» (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Вотк[инский] стр[елковый] полк. Владим[иро]-Алекс[андровское]»
(Личный архив А. А. Ефимова)

Приморье, ок. 1921 г. 1-й ряд в центре – полк. Дробинин, 2-й ряд в центре – ген. Смолин, ген. Молчанов, за ним – полк. Ефимов (Личный архив А. А. Ефимова)

многими сотнями аэропланов и танков. Проведена севернее Байкала железная дорога, оборудованы базы, построены военные заводы и пр. и пр. Блюхер обратил внимание на необходимость бесперебойной работы на заводах, правильного функционирования всех областей государственной деятельности, спокойствия в населении. Он не только занят вооружёнными силами, но имеет влияние на всю жизнь дальневосточных областей и требует везде порядка и дисциплины.

Он желает обеспечить на случай войны, если не полное сочувствие и поддержку крестьянства, невозможные при коммунистическом строе, то хотя бы их относительное спокойствие. Он требует уступок и смягчения в рабстве колхозной системы. По некоторым сведениям, именно по его настояниям, и в первую очередь только на Дальнем Востоке, крестьянам [были] выделены из колхозов небольшие участки в собственное пользование и разрешено иметь собственный скот и птицу.

За годы своего пребывания на Дальнем Востоке Блюхер создаёт большую армию и устраивает её тыл. В его руках большие средства и большие полномочия. Красный наместник Дальнего Востока почти независим и почти всесилен. Правильность всей его работы по обороне могла бы быть проверена только войной. Экзамен в небольшом размере произошёл в боях около озера Хасан за сопки Заозёрную и Безымянную.

Отчёты и корреспонденции о боях крайне противоречивы. Московская власть объявила о победе красных войск. Несмотря на победу, действия Блюхера вызвали недовольство. По японским данным, красные потеряли 20–30 танков, несколько аэропланов, понесли огромные потери убитыми и ранеными, красные солдаты охотно сдавались в плен, и даже были перебежчики. К этому надо добавить, что японцы не вводили в действие ни танков, ни аэропланов.

Если всё это верно, то повторяется знакомая картина Гражданской войны: при больших средствах — неумелое руководство, тяжёлый урон в бойцах, потери без пользы, сомнительная, если только она была, победа. Особенно неприятно звучит при встрече с внешним врагом добровольная сдача в плен и перебежчики. В конечном результате, если красные и выбили японцев с сопок, они обнаружили много слабых сторон своей армии.

Блюхер раскрыл преждевременно карты, показал оборотную сторону той армии, которая с лицевой стороны казалась столь

крепкой и сильной. Объявление победы и арест командарма — показатель того, что или победы не было, или она оказалась вредной, так как указала возможному врагу верные пути к своим победам над красным интернационалом и его вооружённой силой.

За военные ошибки, проходившие раньше легко, Блюхер должен теперь ответить. Старые грехи, но новое к ним отношение. Навряд ли, однако, за эти ошибки, принимая во внимание его «преданность революции» и прежние заслуги, он понесёт тяжёлое наказание.

Другое дело, если его боевые неудачи — только предлог для красного сатрапа Сталина рассчитаться с ним и устранить его со своей дороги как конкурента. В этом случае Блюхер погиб. Суд в советской стране — слепое орудие красного диктатора. Как слепое орудие — он всемогущ и может превратить заслуженного революционера и героя Гражданской войны, орденоносца всех высших орденов, красного маршала и главнокомандующего в презренного шпиона, в контрреволюционера, в пса любой породы, в кого угодно...

Просматривая красочную и богатую событиями биографию маршала Блюхера, обращаешь внимание на странное стечение многих обстоятельств и резких противоречий в его жизни. В начале своей карьеры он, никому не известный солдат запасного полка, заставляет замолчать отборных говорунов — заслуженных революционеров, и приковывает всё внимание к себе. После Уральского похода его подвиги гремят на всю страну, но имени его никто не знает. Окончив только сельскую школу, он руководит военной академией в Китае. Он организует китайскую армию в Кантоне и бьёт китайцев в Маньчжурии. Прославленный — он забывается, забытый — неожиданно выскакивает на верхи командования. Белого генерала он зовёт к себе на службу, а своему собрату-маршалу подписывает смертный приговор. Отбитый у Перекопа, он объявляется победителем.

Облечённый огромными правами и проделавший большую работу, он арестовывается в то время, когда его энергия и знание обстановки, даже одно только имя, имеют особое значение. И вот — арестованный... что дальше? Опала, расстрел? Или его счастливая звезда ещё не перестала ему покровительствовать и его баловать?!

ПАМЯТИ Б. Б. ФИЛИМОНОВА*

Известие о преждевременной и неожиданной смерти 12 июля на Филиппинах Бориса Борисовича Филимонова произвело тягостное впечатление на его друзей, проживающих в Сан-Франциско. Ещё недавно они подписывали петицию и через Толстовский Фонд пробовали помочь ему приехать в США. Эта попытка, как и все прежние, не дала результатов. Четыре года Борис Борисович добивался получения заветной визы, писал и молил о помощи, посылал прошения и, наконец, потеряв последнюю надежду, ушёл в иной мир.

Как его жизнь, так и наследство, которое он оставил после себя, выходят из ряда обыденных и на них следует остановиться.

Борис Борисович Филимонов родился в 1901 г. в военной семье. Его отец (Б. П. Филимонов[105]. — *Сост.*) — помощник командира Иркутского пехотного полка — брал своих двух сыновей Бориса и Леонида, как это бывало часто в военной среде, на учения, стрельбище, в казармы и офицерское собрание, где они знакомились с военной жизнью и воспринимали первые уроки обучения, службы и традиций Русской Армии. В 1911 г., десяти лет, Борис поступает в Псковский [кадетский] корпус. Его любимый предмет — русская история.

С началом 1-й Мировой войны отец Б. Б. получает в командование 269-й Новоржевский полк, вписавший много славных страниц в историю боевых действий Российской Императорской Армии. Письма отца с войны, его рассказы, как и рассказы других офицеров полка, хорошо запомнились Б. Б., имевшему отличную память.

В 1917 г., во время летних каникул он уезжает на фронт к отцу, в это время командовавшему 23-й пех. дивизией, поступает добровольцем и впервые принимает участие в боевых действиях в июльских боях у Бржезан. По окончании каникул возвращается в корпус. В октябре во время выступления большевиков принимает участие в борьбе с ними в составе отряда кадет.

Захват власти большевиками переворачивает жизнь всех и каждого. Вместо военной службы Б. Б. решает поступить в университет и едет в июне 1918 г. в Казань. Но уже в августе он доброволец в Казанском арт. дивизионе и участвует в защите

* Русская жизнь (Сан-Франциско), № 148, 8 августа 1952 г.

города до его падения. С этого времени он начинает вести дневник важнейших событий.

Далее следуют этапы: отступление к Уфе; тиф; участие в боях на Пермском фронте; производство в унтер-офицеры и отправка в 1-е артиллерийское училище; отправка с училищем в 1919 г. на Дальний Восток; после 7-месячного ускоренного курса производство в подпоручики и зачисление в резерв офицеров Владивостокской крепости; участие в боях с партизанами; в 1921 г. производство в поручики; участие в Хабаровском походе; последняя борьба с красными с сентября до ноября 1922 г. с тяжёлыми боями при защите дер. Ивановки; наконец, переход границы и отступление в Китай.

Всё время — служба в строю (в артиллерии), никогда в штабах или тыловых учреждениях. Дважды знакомство с пулями врага. Отличный послужной список для молодого офицера, начавшего доблестную службу своей Родине со школьной скамьи и рангом рядового добровольца. Прекрасный пример самоотверженной русской молодёжи, заполнившей подвигами и жертвами походы Белых Армий.

С волной эмиграции Борис Борисович направляется в Шанхай. Первые тяжёлые годы на чужбине — поиски заработка, необходимость приспособиться к новым порядкам, законам, обычаям... Затем некоторая материальная обеспеченность. В 1928 г. он женится, в 1935 г. родился сын Ярослав.

Борис Борисович не принимает большого участия в жизни эмиграции. Он выбирает свою дорогу. Мировая и Гражданская войны, в особенности борьба с большевиками в Сибири и на Дальнем Востоке, всецело захватывают его внимание. Он посвящает всё свободное время изучению и сбору материалов об этих событиях, погубивших Россию и изменивших весь ход мировой истории. Его энергия и настойчивость поразительны. Невозможно перечислить в небольшой заметке всё, что он сделал в этом отношении. Можно лишь вкратце отметить некоторые результаты его трудов и пути, которыми он достигал их.

Первый печатный труд его — «Белоповстанцы»* — посвящён Хабаровскому походу 1921–1922 гг., в котором он сам принимал участие. Вышло два тома и ещё два подготовлялись

---

* *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг.: в 2-х кн. Шанхай: Слово, 1932–1933. — *Прим. сост.*

к печати. Великолепно изданные книги с планами, схемами и фотографиями. Подробные яркие описания всех событий. Есть, конечно, и недочёты — неправильные оценки и выводы. Сказывается недостаточность военной подготовки и опыта, отсутствие многих документов, тяжёлые условия работы. Но, в общем, богатый и ценный материал.

Чтобы написать эти книги, автор разыскивал сохранившиеся документы, рылся в журналах, газетах и книгах, обращался к участникам похода за помощью. Только десять из них дали свои заметки или уцелевшие документы. Остальных, более сотни человек, он расспрашивал лично и тщательно записывал их показания.

Ещё более усилий ушло для другого большого труда — истории Новоржевского полка. Яркая картина жизни, походов и подвигов одного из пехотных полков в Первую Мировую войну. Автор разыскал до 20 чинов, служивших в этом полку, теперь разбросанных по всем странам мира, и с большой настойчивостью добывал разные сведения. Вспоминал рассказы отца, просматривал старые газеты и журналы, выискивал имена живых и павших в боях Новоржевцев, их подвиги, награды, производства и ранения. Из военно-исторических книг — русских, германских, австрийских — он извлекал всё, что можно было найти о боевых делах Новоржевцев и всей 68-й дивизии.

Получился огромный труд, более 1200 страниц, напечатанных на машинке. Этот труд автор начал издавать в Шанхае, но успел выпустить лишь небольшую часть первых глав. Отдельные отрывки были напечатаны в «Вестнике» Общества ветеранов в Сан-Франциско*

Из сотни других его трудов были напечатаны: «На путях к Уралу»**, «На страже Родины»***, «Борьба в Зауралье»****

---

* *Филимонов Б. Б.* Отход Риго-Шавельского отряда к г. Шавли // Вестник ОРВВВ, № 185–187, 1951–1952; *Филимонов Б. Б.* Новоржевцы. Поход в Восточную Пруссию // Вестник ОРВВВ. № 188, 1952. — *Прим. сост.*

** *Филимонов Б. Б.* На путях к Уралу: поход степных полков, лето 1918 г. Шанхай: Изд-во Т. С. Филимоновой, 1934. — *Прим. сост.*

*** Автор имеет в виду издание, вышедшее под редакцией Б. Б. Филимонова: *Хартлинг К. Н.* На страже Родины. События во Владивостоке, кон. 1919 г. — нач. 1920 г. Шанхай: Изд-во Т. С. Филимоновой, 1935. — *Прим. сост.*

**** *Филимонов Б. Б.* Борьба в Зауралье // Вестник ОРВВВ, № 168–181, 1940–1941. — *Прим. сост.*

(последняя — в «Вестнике» Общества ветеранов) и некоторые другие.

Нигде и никогда не прерывал Б. Б. своей любимой работы, которой отдался целиком. Даже положенный в госпиталь на о. Тубабао, он беседовал с больными своими соратниками, расспрашивал о действиях их частей и всё отмечал в записную книжку.

В последнее время он особенно интересовался действиями Сибирской армии на Пермском направлении и собрал большой материал.

Много интереснейших страниц минувших событий были собраны им, отпечатаны на машинке, проверялись и подготовлялись к выпуску в свет или для хранения в надёжных местах. Не всё уцелело. Часть своих трудов Б. Филимонов послал на хранение в Русский архив в Праге. С захватом Чехословакии красными весь архив попал в их руки. Часть других работ погибла на Тубабао во время тайфуна.

Стремясь обосноваться в Соед. Штатах, Борис Борисович не только думал о благополучии собственной семьи, об устройстве нового очага, но рассчитывал продолжать и дело, которым так увлекался. В частности, его манила Хуверовская библиотека с её богатейшим хранилищем редких исторических материалов. Нет сомнений, что в спокойных условиях и при наличии ценных источников его вклад в описание прошлого нашей Родины увеличился бы во много раз.

Судьба решила иное. Как ни странно, любовь покойного к истории и его добросовестное отношение к правдивому описанию событий сыграли печальную роль в последние годы его жизни в Шанхае.

После окончания 2-й Мировой войны в Шанхае открылось советское консульство и началась усиленная агитация за возвращение «домой». Агенты Сталина не теряли времени и «ковали железо, пока горячо», пока в белой эмиграции действовали вызванные войной величайшее брожение умов и переоценка всех ценностей.

Большая часть эмиграции в Шанхае, как и всюду, стояла на перепутье. Любовь к Родине и тоска по ней и усиленная красная пропаганда делали своё дело. Открытие церквей, прославление исторических героев России, возвращение армии старых форм, отличий, чинов, а больше всего — сокрушительная победа над

германцами, которая не могла быть одержана без участия всего русского народа, говорили о «крупных переменах» и «новых курсах». Сотни эмигрантов поверили в «перерождение» коммунистической власти в национальную, брали советское подданство и отправлялись, как они надеялись, в родные места.

Борис Борисович оказался на своём собственном перепутье. Как участник Гражданской войны, он — враг коммунистов, их экспериментов над несчастной Родиной, он знает хорошо жестокую и лживую природу своих врагов. Как русский человек, он ждёт «воскресения» России и перед ним вопрос: «Не началось ли оно?» И, наконец, его увлечение историей ставит перед ним второй вопрос: «Как можно прославлять Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова и др. и в то же время столь беззастенчиво чернить и извращать русскую историю?»

Б. Б. пишет письмо в советское консульство — своего рода глубокую разведку в лагерь противника. Сообщает, что он, работая над историей Первой мировой и Гражданской войн, нашёл в томах «Красного архива» неправильную картину того, что было в действительности, и предлагает обсудить задачи правдивости будущих исследований минувших войн. К нему является майор Андреев, глава энкаведистов консульства. Ответа на письмо он не даёт, но предлагает взять советский паспорт. Потом Б. Б. получает приглашение в советское консульство на празднование дня победы. На новое предложение взять паспорт Б. Б. отвечает отказом.

Вскоре он убеждается, что перемен в политике коммунизма не произошло, что историческая «правда» коммунистов противоположна той, которую ищет он, и что их задача в Шанхае ограничивается уничтожением белой эмиграции и вывозом возможно большего числа эмигрантов в свои лагеря. Б. Б. прекращает знакомство с советчиками, не придаёт этому знакомству большого значения и желает забыть о нём.

Но есть такие, кто не забыл. Всюду встречаются люди, которые больше заботятся о чистоте чужих риз, чем о своих собственных, которые видят сучок в глазу ближнего, но не видят бревна в своём. На Б. Б. доносят, распространяют искажённые слухи о его советских знакомствах.

Когда началась эвакуация из Шанхая и хлопоты о въезде в США, Б. Б. натыкается на препятствия в получении визы. Причина, по-видимому, — его знакомство с майором Андреевым,

соответственно освещённое осведомителями. Некоторые приписывают эти препятствия германским и японским симпатиям.

Не видя в безрезультатном и быстро прерванном знакомстве ничего предосудительного, Б. Б. не считает нужным заявлять о нём. Многие эмигранты дружили с советчиками, брали паспорта, потом их бросали и всё-таки получали визы. Возможно, что Б. Б. сделал большую ошибку, что не заявил своевременно о знакомстве с советчиками так, как это было в действительности, и недооценил деятельность тех, чья «мораль» учила: «Падающего — подтолкни». В консульстве не сообщают о причинах задержки, и Б. Б. не теряет надежды, что его непричастность к какой-либо коммунистической работе или, как он больше склонялся думать, обвинения в пронацистских и других симпатиях будут выяснены и он будет очищен от возведённой на него клеветы.

Четыре года ожидания прошли. И унесли с собой веру в людей, в их стремление к правде, к справедливости... Трагически раздавлен жизненными ударами человек больших достоинств, способностей и энергии. С его смертью умирает и та большая работа, которой он был предан, которой посвящал каждый свободный час и которая, может быть, подтолкнула его на шаг, приведший к печальному концу.

Тяжёлая и незаменимая потеря. Вечная ему память.

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ. ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА Ф. А. ПУЧКОВА*

Жизненную дорогу молодому 18-летнему Феодору Абрамовичу Пучкову пришлось выбирать в тревожное время осложнений с Японией и вскоре вспыхнувшей войны.

Ф. А. не принадлежал к военной семье и имел обширный выбор спокойных и обеспеченных материально профессий. В это время военная служба среди русской молодёжи не пользовалась расположением, и даже больше — к ней относились с предубеждением, часто враждебно. Господствовало мнение, что в армию идут лишь неудачники, не способные осилить трудности учения. Призвание и патриотизм в счёт не принимались. В это время — время брожения умов и господства радикальных учений — патриотизм был в загоне. Не считая молодёжи, родившейся в военных семьях и в большинстве продолжавшей идти дорогой своих отцов, немногие в эти годы стремились служить в армии.

Ф. А. Пучков был в числе этих немногих. Он выбрал военную дорогу по призванию, любя горячо свою Родину, считая, что в армии он может принести ей наибольшую пользу. И он отдал все свои силы делу, которому посвятил себя. Начиная с военного училища и до конца Гражданской войны он честно и самоотверженно исполнял свой долг. Когда же остатки Белой армии вынуждены были покинуть родные пределы, он и за рубежом продолжал жить судьбами страдающей Родины, и её участь занимала первое место в его сердце и помыслах.

Его жизнь и служба являются примером, достойным подражания. Несколько отрывочных сведений и воспоминаний пусть послужат данью автора этих строк глубоко чтимому офицеру Русской армии и пламенному патриоту — генералу Ф. А. Пучкову.

Окончив Виленское юнкерское училище весной 1906 г., подпоручик Пучков ставит своей первой целью увеличить военные познания и начинает готовиться в академию. Пройдя положенные испытания, он попадает в Военную Академию в 1911 г. и с успехом кончает её накануне Мировой войны.

С началом военных действий он назначается на должность старшего адъютанта 57-й пехотной дивизии (второочередной), где ему приходится часто замещать начальника штаба. При

* Вестник ОРВВВ. 1953, № 196, с. 10–18.

сложившихся обстоятельствах на его плечи выпала большая, ответственная работа. Начальником дивизии был старый генерал, отставший от требований военного дела, и руководство действиями дивизии зависело от начальника штаба и часто замещавшего его штабс-капитана (с октября 1915 г. капитана) Пучкова.

Революция разрушила все прежние военные учреждения, и полной истории войны не было издано. Это не позволяет судить с достаточной авторитетностью о действиях 57-й дивизии.

Краткие сведения в схематической истории Керсновского дают следующие отзывы: «57-я дивизия хорошо зарекомендовала себя в Пруссии, отлично в Осовце, где составила гарнизон крепости и всю войну считалась надёжной и крепкой дивизией» (стр. 899). Относительно обороны крепости Осовец Керсновский отмечает (стр. 703): «С 25 января начались бои в Осовецком направлении. Маленькая крепостца Осовец, энергично защищаемая комендантом полк. Бржезовским, выдержала 400 000 снарядов, вплоть до 305- и 402-мм калибра. Атаки германцев отражались частями из состава 26-й и 57-й п. дивизий, вписавших славную страницу в историю этой тяжёлой войны».

Какая-то часть этой блестящей характеристики относится и к работе капитана Пучкова. Дивизия могла драться отлично только при умелом руководстве. Имеются все данные считать, что деятельность капитана Пучкова была весьма плодотворной, и с самого начала войны он заложил или помог заложить прочный фундамент для того, чтобы 57-я дивизия «всю войну считалась надёжной и крепкой». Для этого он имел следующие данные: знание военного дела, умение хорошо разбираться в обстановке, вдумчивое и необычайно добросовестное отношение к своим обязанностям и большой организаторский талант. В мировую войну Ф. А. дослужился до чина подполковника, пройдя ряд должностей по службе Генерального штаба в штабах дивизии, корпуса и армии.

После развала фронта Ф. А. Пучков в мае 1918 г. вернулся в свой родной город Бузулук. Через два месяца он уже вновь в армии, на этот раз в рядах белых бойцов, поднявшихся на борьбу с кровавым гнётом красного интернационала. Накопленный в мировую войну опыт и организационные способности выдвигают Ф. А. на должность начальника формирований Уфимского района.

В сумбуре и хаосе начала Гражданской войны, при полном распаде всякой власти, когда трудно было отличить друзей от

врагов, где приходилось создавать белые части вновь, привлекать в ряды офицеров и добровольцев, разыскивать оружие, обмундирование и продовольствие — требовались огромные усилия и способности всё это находить и доставлять к пунктам формирования. И всё это приходилось делать при непрекращающихся боевых действиях.

Ф. А. Пучкову удалось справиться с поставленной задачей блестяще. Начав с формирования двух полков, он к концу года доводит численность уфимских формирований до трёх дивизий: двух стрелковых и одной кавалерийской. На Восточном фронте борьбы с красными уфимские формирования оказались, как и 57-я дивизия Императорской армии в мировую войну, среди наиболее «надёжных и крепких». Заслугу здесь приходится в значительной степени отнести за счёт энергии и способностей подполковника Пучкова. С командиром Уфимского корпуса — генералом Л.[106] у него был разлад. Генерал Л. обращал большое внимание на показную сторону дела, отнимая время на смотры и парады.

Боевая деятельность молодых частей на фронте и подготовка частей, находившихся в резерве на отдыхе и занимавшихся учениями в поле, значительно страдали от требований командира корпуса. Подполковник Пучков не мог согласиться с таким положением и просил перевести его на другую должность. Однако в штабе армии посмотрели на это иначе. Ему было предложено вернуться в Уфимский корпус, а генерал получил другое назначение.

Мне пришлось впервые встретиться с Феодором Абрамовичем в штабе Западной армии в Челябинске, как раз когда он собирался обратно в корпус. Я в это время приехал в штаб армии и получил назначение в Уфимский же корпус. Узнав о присутствии здесь своего нового начальника, я представился ему. Подполковник Пучков предложил мне ехать с ним вместе. Его доброжелательное и любезное отношение к только что встреченному подчинённому, ровный и спокойный голос сразу располагали к нему. Но также обращали на себя внимание его сосредоточенность в себе, немногословность в разговоре. Было трудно по первому впечатлению разгадать его характер, будет ли он благожелательным и на службе, не является ли слишком требовательным и придирчивым. Это скоро выяснится на месте.

В поезд мы сели вечером 13 января, в канун нового 1919 г. по старому стилю и оказались в гостях у командира III Уральского

корпуса генерала Голицына[107]. У гостеприимного хозяина встретили новый год среди не особенно весёлых разговоров о сдаче Уфы, восстании в Куломзино, но с хорошими новостями о захвате Сибиряками[108] Перми и с надеждами на скорое улучшение положения на нашем участке.

Через три дня доехали до большого села Дуван, куда только что перешёл штаб корпуса. Первые же дни дали представление о новом месте службы. У любившего порядок и добросовестное отношение к делу начальника штаба таков же был и подбор его помощников. Все знали своё дело, не было никакой суеты или нервности, все донесения, сводки, приказы заготовлялись своевременно и посылались в срок.

В «святом-святых» штаба — в оперативном отделении — был образцовый порядок и редко нарушаемая тишина. Никто не приходил без дела и не мешал. По вечерам здесь собирались все старшие начальники разных отделов и выслушивали оперативные и разведывательные сводки. Доклады делались офицерами, которым были поручены эти отрасли, после чего бывали дополнительные разъяснения начальника штаба или обсуждение новых сведений. Все были обязаны быть в курсе событий, включая корпусного интенданта, корпусного врача и др.

Штаб работал, как точно отрегулированная и хорошо управляемая машина. Надо отметить, что в штабе, кроме самого начальника штаба, подполк. Пучкова, не было офицеров с полной подготовкой для службы в Генеральном штабе. Вместо четырёх положенных по штабу офицеров Генерального штаба были двое из окончивших ускоренные курсы и двое из строя, которых должен был обучить сам начальник штаба. Спокойно, скорее как бы советуясь, наставлял и обучал своих помощников подполковник Пучков. Никогда не приходилось слышать разносов или грубых выговоров.

Было бы очень полезно провести в этом штабе несколько месяцев и к знаниям, приобретённым на ускоренных курсах, добавить новые из богатого опыта подполк. Пучкова. Но через месяц с небольшим я получил другое назначение и должен был расстаться со штабом Уфимского корпуса и уйти от столь нужного и полезного для меня руководства. В том, как он умел поставить в разруху Гражданской войны сложное дело штабной службы, как спокойно и уверенно руководил своими подчинёнными, был залог и той отличной боевой работы, которую выполнили

части Уфимского корпуса во время наступления к Волге и в последующих делах.

Летом 1919 г., уже среди начавшихся неудач и отступления к Уралу, полк. Пучков (произведён в этот чин 14 апреля) получил в командование 8-ю Камскую дивизию, одну из тех, которую начал формировать год тому назад. Во главе её он совершил весь Сибирский поход до Забайкалья.

Много раз дивизия попадает в тяжёлые положения, несёт большие потери, но прорывается за Байкал в сравнительно большом числе. Нет возможности в короткой статье передать все дела этой дивизии и деятельность её начальника. Отметим некоторые, более интересные места. Уральский хребет 8-я Камская дивизия пересекала к северу от жел.-дор. линии по очень плохой каменистой просёлочной дороге, задерживавшей движение. Ей был приказ торопиться к Златоусту, так как красные с севера угрожали захватить этот город. Несмотря на беспрерывный усиленный марш на протяжении 100 вёрст, не вся дивизия вовремя дошла до Златоуста. Последние части не успели дойти и были отрезаны между ст. Бердяуш и Златоуст. Но Камцы атаковали красных с тыла, отбросили их к северу и пробили себе дорогу.

Во время упорных боёв за Уралом и у Челябинска, длившихся вторую половину июля, Камская дивизия вписала в свою историю много славных дел. В Челябинской операции она входила в ударную группу ген. Войцеховского[109], несколько раз громила красных, нанося им тяжёлые потери, но продвижения противника севернее и южнее ударной группы свели эти успехи на нет. 14 августа Ф. А. Пучков был произведён в генерал-майоры. При наступлении на Тобол в сентябре Камская дивизия действовала в составе Уфимской группы на правом фланге армии. Этой группе, одновременно с наступлением в лоб, приходилось отбиваться от противника с севера, так как соседняя 2-я армия сильно отставала. В тяжёлых кровопролитных боях дивизия потеряла половину своего состава.

Отступление от Тобола, начавшееся в середине октября 1919 г., явилось прелюдией к беспримерному по величине и тягостям походу через Сибирь. Этот поход не был отступлением в обычно понимаемом смысле. Правильнее охарактеризовать его как пробивание дороги на восток. Приходилось бороться с местными условиями и с силами природы. Наибольшие трудности доставила бездорожная Щегловская тайга, нанёсшая армии

глубокие раны. Здесь в арьергардных боях погибло много полков и брошена значительная часть артиллерии и обозов.

Хорошо памятна и р. Кан, едва не погубившая большую часть армии, но отнявшая от нас главнокомандующего — ген. Каппеля.

Тяжёлые жертвы вырывали измены своих и предательства «союзников». Красные партизаны нападали на небольшие части и уничтожали их во многих местах долгого пути. Железнодорожный путь находился в руках чехов и прочих союзников, и после Красноярска ни один поезд с ранеными и больными не был пропущен на восток.

Из крупных боевых столкновений выделяются бои у Красноярска и у ст. Зима. Под Красноярском растянувшиеся и перемещавшиеся части и обозы и, как следствие, отсутствие связи и руководства лишили возможности правильно вести бой, и попытка захватить город не удалась. Пришлось идти в обход. Перед ст. Зима красные преградили дорогу, но были разгромлены. Поход длился четыре зимних месяца, до середины февраля 1920 г., и ядро армии прошло более 3000 вёрст. Части, пошедшие от Красноярска северным путём, по р. Нижней Тунгуске, сделали более длинный путь, подойдя к Чите в середине марта (3-й Барнаульский и 11-й Оренбургский казачий полки), а отряды генералов Перхурова[110] и Казагранди[111] погибли.

В Забайкалье дошло несколько больше 20 000 чинов армии и их семей. Около половины — тифозно-больные, также много помороженных. В строю оставалось 5–6 тысяч.

Генерал Пучков составил очерк «8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе» («Вестник» №№ 46–58*). Этот очерк является пока наиболее полным описанием похода, и не только 8-й дивизии, но в значительной степени и всей армии. Жестокая, неприкрашенная действительность мрачных дней Гражданской войны, с доблестью и самопожертвованием одних, изменами и предательствами других, с боями, прорывами, ночлегами у костров в сибирские морозы и пр. и пр. дают яркую картину пережитого. Как сам автор отмечает, он «стремился быть в мере сил точным и беспристрастным, полагая в этом лучший путь воздать должное участникам героического похода».

Следует отдать должное и самому автору — начальнику 8-й Камской дивизии. Его близость к боевой и внутренней жизни

---

* Вестник ОРВВВ. 1930–1931, №№ 46–58. — *Прим. сост.*

своих частей, стремление всеми силами поддерживать порядок и дисциплину, забота о подчинённых — приводили к тому, что дивизия представляла [собой] сплочённую часть и дралась там, где многие другие, менее стойкие военные организмы, теряли свою спайку, сдавались врагам или, в лучшем случае, старались уходить вперёд, забывая о взаимной выручке, о том, что неписаный закон русского солдата требовал: «Сам погибай, а товарища выручай».

Характерным подтверждением сказанному является бой 8-й Камской дивизии у дер. Дрокино под Красноярском. Дивизия изнемогает в борьбе с наступающими регулярными красными частями. Надо удержать деревню, чтобы выиграть время и дать возможность частям 2-й армии проскочить опасный перекрёсток дорог.

Читаем в воспоминаниях ген. Пучкова, что происходит: «В разгар боя на улице дер. Дрокино появилась Уфимская кав. дивизия... Командующий дивизией ген. К. приветливо помахал рукой и пожелал нам успеха, заявив, что идёт на север по новой дороге...» С горечью генерал Пучков добавляет: «Ещё так недавно, действуя на соседних с 8-й дивизией участках, ген. К. всегда был рад оказать всякое содействие в бою, не ожидая просьбы о помощи, сейчас он равнодушно проходил мимо боя, и у меня не хватило решимости просить его о чём-либо, я знал, что он откажет».

В Забайкалье генерал Пучков был назначен генерал-квартирмейстером армии, а в июле [1920 г.], после отъезда многих старших чинов, он занял должность начальника штаба Армии. В конце 1920 г. Забайкалье было оставлено, и армия перешла границу Маньчжурии, где разоружилась.

По Китайско-Восточной железной дороге происходит переброска её в Приморье. Оружия нет. Но сила армии прежде всего не в штыках, а в душах и сердцах бойцов. Спаянные кровью почти трёхлетней борьбы за Родину, части армии сохраняют прочную организацию.

В Приморье генерал Пучков занял должность начальника штаба Армии, вначале негласного, т. к. армии официально не существовало.

Южное Приморье с центром во Владивостоке представляло [собой] запутанный клубок местных и иностранных интересов и влияний. Во главе местной власти стоял коммунист Антонов,

подчинённый Чите, но связанный в своих действиях присутствием иностранцев и их оккупационных войск. Многочисленные общественные круги ориентировались по всем направлениям российских и внешних влияний и течений. Сколько-нибудь основательных и деятельных организаций не было.

Прибывшая армия явилась ядром, вокруг которого стали нарастать национальные силы. При незаметном участии старших начальников началось собирание и сколачивание сил «земли Приморской». Большая и напряжённая работа выпала на долю начальника штаба генерала Пучкова. Было много трений, борьбы за власть, но дело двигалось и были достигнуты крупные успехи: 1) удалось призвать к деятельности и помочь объединиться значительной части разрозненных антибольшевистских групп; 2) 26 мая 1921 г. местное большевистское правительство было свергнуто вооружённым восстанием во Владивостоке; 3) начались: организация и укрепление национальной власти, налаживание порядка и умиротворение края, борьба с остатками красных сил, разбившихся на многочисленные партизанские отряды.

В конце года был брошен вызов красному лагерю, и Белая армия под именем «белоповстанцев», слабо вооружённая, но с большим порывом, двинулась на север в Хабаровский поход, гоня перед собой красные полки и забирая их вооружение. Генерал Пучков, ближайший и деятельный помощник командующего армией, напрягает силы, чтобы снабжать армию всем необходимым. С другой стороны, ему приходится выдерживать борьбу с «общественными» кругами. Об этом вспоминает генерал Пучков в своей статье «К 10-летию Хабаровского похода» («Вестник [ОРВВВ]» № 65–66): «Армия попала в новое и несколько необычное для её положение: нужно было оправдывать её стремление нанести удар своему смертельному врагу, т. е. сделать то, что являлось единственным смыслом и оправданием её существования».

Те слои населения, которые радостно встречали падение большевистской власти пять месяцев тому назад, не желали ничего делать, чтобы помочь дальнейшим успехам, от которых зависела и их собственная судьба. Об этом мы читали в той же статье: «Первые неожиданные выстрелы начавшегося наступления взволновали население и вызвали общие протесты. Глухо роптали обыватели, обеспокоенные, что их мнимый покой будет нарушен страшной мобилизацией; негодующе шумели

разношёрстные политические круги, эти «сионские мудрецы», по определению одного крестьянина — депутата Народного собрания; протестовали торгово-промышленники, опасавшиеся новых налогов и специальных обложений. Больше того — само Правительство оказалось во многих отношениях противником похода. Захватив власть под лозунгом беспощадной борьбы с большевизмом, Приамурское правительство вынуждено было, под давлением общественного мнения, выпустить ряд заявлений о своих мирных устремлениях и недопустимости в дальнейшем Гражданской войны. Эти заявления связывали и Правительство, и подчинённую ему армию».

Первый месяц похода был весьма удачным. Красные всполошились и начали посылать большие подкрепления. Но что мог дать на помощь наш тыл при том отношении к борьбе с большевизмом, на которое указывает генерал Пучков. Белая армия тает, порыв и воля к победе ослабевает, и после долгих и упорных боёв на границе Амурской области начинается отступление. После четырёх месяцев неравного поединка белые возвращаются в Южное Приморье.

К чему могла привести эта неудача? Там, где благополучие родной страны является стремлением всех и каждого — неудачи не страшны; они ещё сильнее сплачивают ряды перед новыми опасностями. Там, где групповые или партийные интересы стоят на первом плане, где личное благополучие, честолюбие и нажива преобладают над исполнением долга, где неудачами пользуются для захвата власти, для сведения личных счетов и других тёмных целей, там одна неудача вызывает другие, и они приводят к общей гибели. Это можно проследить почти на всех событиях нашей Гражданской войны.

Вскоре после Хабаровского похода вспыхнула междоусобица в Белом лагере. В этой междоусобице не по собственному желанию, а по своему положению и своим обязанностям, должен был принять участие и Ф. А. Пучков. Цель его не состояла в достижении каких-либо личных выгод. Он отстаивал интересы Армии и защищал её от ложных обвинений. Когда же вражда достигла острых форм, и он сам подвергся нареканиям и обвинениям в превышении власти, генерал Пучков не поколебался добровольно оставить свой почётный, но трудный пост, чтобы этим смягчить разбушевавшиеся страсти. Однако сделал он это, не сдавая своих позиций и не уступая дорогу тем, кого он

считал недостойными, а тогда, когда удалось обеспечить образование новой власти. Вместе с командующим Армией генералом Вержбицким он отстранился от дел после согласия генерала Дитерихса приехать в Приморье и переорганизовать местную власть. Свою должность он передал в надёжные руки своего сослуживца и соратника, генерала Петрова[112].

В правительстве ген. Дитерихса Ф. А. Пучков занимал должность начальника канцелярии. С окончанием вооружённой борьбы с большевиками он вместе с армией покинул родную страну. После отъезда ген. Петрова в Мукден с поручением ген. Дитерихса ген. Пучков вновь занял должность начальника штаба, на которой состоял до требования китайских властей к старшим начальникам покинуть г. Гирин.

Так прошла служба своей Родине Ф. А. Пучкова — большей частью в тяжёлой обстановке внешней войны и гражданской смуты и вызванного ими хаоса. Являясь от начала и до конца человеком исключительного долга, Ф. А. Пучков был всегда на высоте требований, которые предъявляли к нему: Родина — как к своему верному сыну, армия — как к своему доблестному солдату, подчинённые — как к своему отцу-командиру. Среди сослуживцев, друзей и знакомых он пользовался большим уважением и глубокой любовью, и о том, что заслужил их в полной мере, не приходится распространяться на этих страницах.

ПИСЬМА

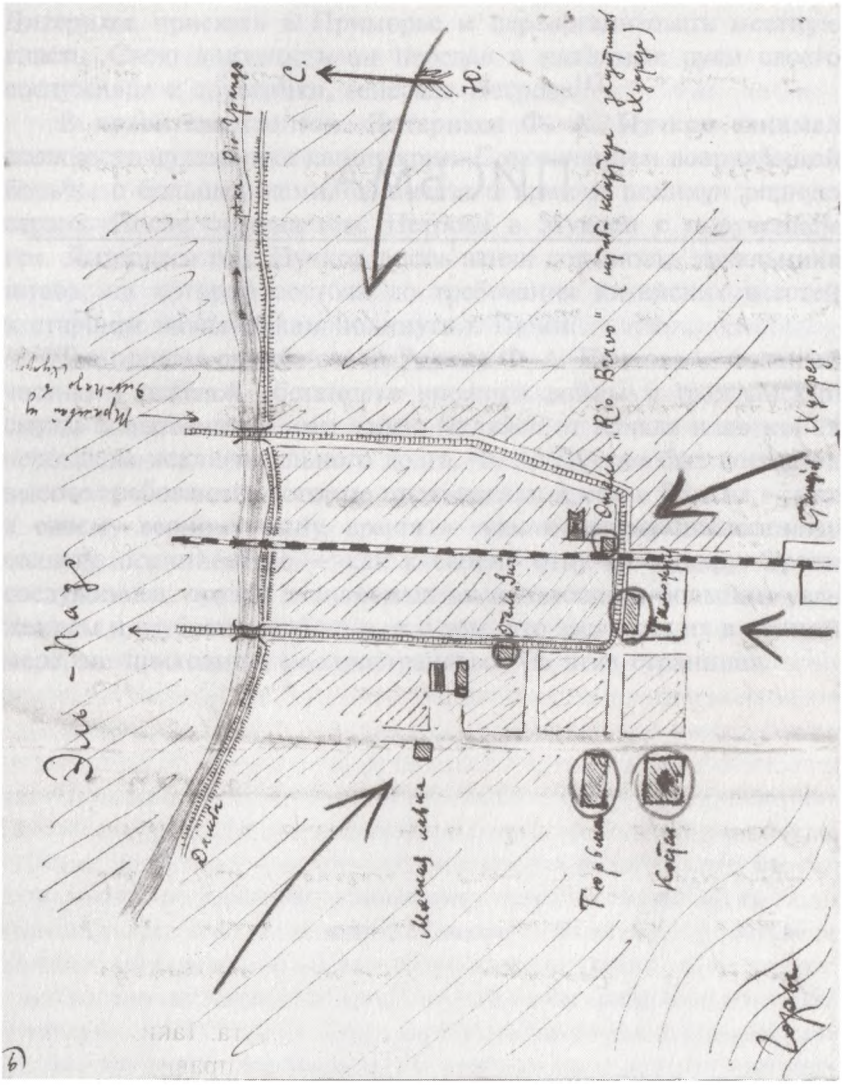


Рисунок к письму А. Г. Ефимова от 10 марта 1929 г.

ПИСЬМО А. Г. ЕФИМОВА В. М. МОЛЧАНОВУ*

10 марта 1929 года

Дорогой Викторин Михайлович!

Пропишу о нашем житье-бытье. Конечно, «с волками жить — по-волчьи выть», а с мексиканцами жить — надо испытывать удовольствия их бесчисленных революций. Но всё же я не думал, прожив $4^1/_2$ года спокойно, что придётся за $1^1/_2$–2 месяца до отъезда отсюда попасть в мексиканскую кашу и услышать вновь родную музыку ружейных перестрелок.

О событиях наших[113] в общем виде ты, наверное, знаешь из американских газет, буду описывать свои личные впечатления и кое-какие сведения, которые представляют интерес. Всё же интересно сравнить, как было у нас и как делается у них. Восстание против существующего правительства, между прочим, именующего себя «революционным», вспыхнуло совсем неожиданно, кажется, в воскресенье 3 марта. Два дня «наш» штат Chihuahua (Чивава, произношение ласкает слух, и потому название служит для восклицания или для лёгкого ругательства) был спокойным. Губернатор, генерал Каравэо не собирался, кажется, выступать. Конечно, кто его знает?! Но вот его посетило несколько делегаций, заявили: «Валяй, поддержим», и 5-го он присоединился к революции против «революционного» правительства. Контрреволюционеров здесь, кажется, нет, все революционеры. Объявил поход на Хуарез. Это их старый обычай. На границе можно покупать оружие, при неудаче — удрать. Хуарез, может быть, присоединился бы к восставшим, да помешали родственные связи. Во главе таможни, а должность эта здесь очень важная, почётная и прибыльная, находился синьёр Лимон. Его сын — генерал Лимон, начальник гарнизона Хуареза (около 300 солдат), а другой сын — в Мексике-столице (Мехико — *Сост.*), начальник штаба армии или округа. Таким образом, здешним Лимонам нельзя выступить против правительства, не подвергнув своего сына и брата риску расстрела.

Городской голова, владелец пивной Гайо выступил тоже как ярый сторонник правительства и стал формировать отряд

---

* Рукопись, личный архив А. А. Ефимова. Письмо написано во время пребывания в г. Хуарес (Мексика). — *Прим. сост.*

в 500 добровольцев. Но когда войска губернатора двинулись на Хуарез, он послал для переговоров начальника полиции. Хотел перейти на сторону губернатора, но его добровольцы за ним не пошли, он был арестован и собирался умирать у стенки. Но в столице, видимо, мало доверяли и двум Лимонам. Кто их знает, родственные чувства — одно, а доходные должности — другое, что ещё возьмёт верх! На всякий случай прислали на американском аэроплане ещё двух генералов. Генералов в Мексике очень много, и отрядом в 100 человек всегда командует генерал. Более бедные генералы довольствуются и меньшими армиями, иногда десятком или $1^1/_2$ солдат. Так что слово «генерал» надо в среднем считать «капитаном», иногда выше или ниже, и в редком случае принимать за чистую монету. Прибывший генерал Рамос оказался очень энергичным, стал быстро и деятельно готовиться к защите города и подбадривать свои войска. От столицы штата Chihuahua, города того же названия, что-то около 200 миль. Мексиканцы любят вести свои войны по железным дорогам, — быстрее, удобнее и можно легче возить за собой свои семьи, с которыми многие не расстаются. Конечно, ближайшие мосты были сожжены и взорваны. 6-го ожидался бой в 30 милях к югу от Хуареза. Его, кажется, не было.

Были сведения, что американцы стали добрее и пускают из Хуареза в Эль-Пазо на время военных действий. 7-го говорили о бое в 7 верстах от города. Я отпросился у босса после 12-ти часов и помчался на иммиграцию, чтобы просить пропустить и мою семью. Слухи о подобрении иммиграционных чиновников оказались ложными. Я пошёл прямо к «чиору». Меня направили в комнату № 8. Джентельмен в комнате № 8 вместо того, чтобы дать мне разрешение или отказать, стал говорить о том, что нет никаких «reason'ов» (*англ.* причин. — *Сост.*) для беспокойства о семье и переводе её в Эль-Пазо. По-видимому, оба враждующих лагеря точно осведомляли его о своих планах. Поэтому он уверял, что боёв в городе не будет, а только за городом. В глаза, правда, не смотрел, усиленно что-то подписывал. Дальнейшие разговоры были излишни, сказал «гуд-бай» и ушёл. На пороге встретил одного армянина с женой. Он достал местный паспорт и переправил семью в Эль-Пазо. Другой знакомый, из Галиции, получил разрешение пойти в Эль-Пазо и положить там в банк свои деньги. Одним — одно, другим — другое. За деньги, конечно, это «одно». Жалею, что потеряли

Юнга. Он умер два года тому назад. Хотя и со странностями, но, в общем, был человек хороший и никогда не отказывался помогать. Теперь роль благодетеля иммигрантов играет какая-то тёмная личность, называющая себя немецким консулом. Когда Гаценки (они, между прочим, писали, что были у тебя, но попали в неудачное время) получили уже визы, их почти месяц не пускали дальше, а этот немецкий консул их всё время пугал, что они не поедут совсем. Не добившись взятки, их в конце концов должны были пустить. Не раз приходилось сознаваться себе, что всё же довольно плохо жить, не имея на всякий случай поблизости ни малейшей дружеской помощи. С одной стороны — ледяные американцы, с другой — пламенные мексиканцы. Повернёшься в одну сторону — чувствуешь себя как Нобилэ во льдах Северного полюса, в другую — точно Робинзон Крузо на своём тропическом острове среди дикарей. Пошёл к жене. Город готовился к ночным событиям. Гарнизон — к защите, жители — к троблам (*англ.* troubles — волнения, неприятности. — *Сост.*)

Тактика у мексиканцев несколько своеобразная, так, по крайней мере, казалось на данном примере. Они заняли несколько больших зданий. Тюрьма, костёл (старинный, с высокими стенами), таможня и отель "Rio Bravo" были их главными опорными пунктами. Отель "Sur" (в 100 шагах от нас, двухэтажное здание в нашем квартале) и некоторые другие здания были второстепенными опорными пунктами. Большинство зданий — с плоской крышей и каменным парапетом вокруг, — готовые опорные пункты. Оборудования никакого. На крышу отеля "Sur" — одна наклонная лестница, по которой с трудом взбираются с крыши соседнего дома. Один генерал с трудом туда залез, сказал речь и едва слез задом, со скоростью черепахи. Незадолго перед боем вижу: тащат что-то на постройку бойниц; думал — мешки с песком, оказывается — камни. Окна обоих этажей не тронуты. На улицах нигде никаких баррикад и заграждений. Отдельные опорные пункты и связь по воздуху: машут с одной крыши руками, с другой отвечают, и сигналы рожком. Мексиканцы — хорошие музыканты, и рожков в их армии, наверное, много. На крыше "Sur" было сначала около 12 солдат, потом прибавили, и стало около 30, и среди них 2 горниста.

Ввиду близости опорного пункта надо было и нам подумать о том, чтобы зря не попасть под обстрел. Противник с юга, а у нас на юг обращены окно и дверь. Предположительно атаку

можно было ожидать с юго-запада, со стороны гор. В соответствующий угол перетащили и кровать, чтобы закрыть стенами. Стены из больших глиняных кирпичей, около $^1/_2$ аршина толщиной. Пробиваются или нет — кто их знает! Прислонили ещё Алёшин матрасик над головами и легли спать. Мы с Алёшей спали крепко. Мама — нет, прислушивалась к выстрелам на окраине города. Нападавшие заночевали в поле и только утром повели атаку.

В 6 ч проснулись от оживлённой перестрелки. Посмотрели на нашего боевого соседа. Он не стрелял. Солдаты ходили по крыше и посматривали во все стороны. Иногда брались за ружья и залегали за своим прикрытием. Потом опять вставали, перекликались с другими крышами, а горнисты довольно часто играли свои сигналы. Постепенно стали чаще занимать позиции и иногда постреливать. Мы лежали по-прежнему на кровати и наблюдали за редкой картиной, приподняв край одеяла, завешивавшего окно. Хорошо были видны крыши тюрьмы и часть таможни, а соседняя боевая крыша позволяла следить за движением каждого солдата. Можно было бы различать лица, если бы они не были такие чёрные. Большинство мексиканских солдат — почти ещё индейцы и по цвету кожи мало отличаются от негров.

Так тянулось время до $8^1/_2$ ч. Около этого времени я опять заглянул в окно и увидел что-то неладное. Гарнизон крыши торопливо занимал позицию в нашу сторону и готовился стрелять. В это же время позади нашего дома послышались крики и ругательства. Картина стала ясной. Я быстро скомандовал своему «штабу», и едва мы успели сделать перебежку к противоположной стене, как боевая крыша заговорила самым учащённым огнём. Сидим и слушаем. За домом со стороны «Мясной лавки» слышатся крики и, кажется, нет стрельбы. Зато с крыши палят вовсю. Мы оказались посредине. На балкон сыплется глина. Как шлёпают в стену пули, — не слышно, стена мягкая. Зато выстрелы стучат резко. Жена довольна, что военной обороной руковожу я, и сознаётся, что, когда она неоднократно руководила обороной в Одессе, ни разу не было так жарко, хотя во взятиях Одессы белыми, красными, петлюровцами и гайдамаками участвовали и артиллерия, и броневики, и военные суда. Алёша* рвётся в бой. Он подражает выстрелам: «уф-уф!!» и для большей

* Алёше Ефимову было на тот момент чуть больше года. — *Прим. сост.*

ясности машет руками сверху вниз. Вообще, по-видимому, он думает, что вся эта пертурбация в комнате и на улице устроена для его развлечения.

Минут через 10 пальба стихает. Выхожу на разведку к окну. Атака отбита, на боевой крыше спокойнее и некоторые ходят. В окно вижу на балконе, что нас поковыряли здорово. На полу балкона две длинные царапины, в досках барьера насчитал 7 пробоин, бак с водой пробит. Жена очень огорчилась. Она недавно собственноручно запаяла этот бак, гордилась своей работой, нанесла туда 4 ведра воды, и вот он выбыл из строя. Воду здесь дают в продолжение одного часа утром и одного часа вечером, поэтому приходится делать запас воды.

Ввиду оборота событий переговариваемся с соседями — мексиканцем, владельцем пивной и его женой, и открываем к ним на всякий случай дверь, до того заделанную. Они чуть слышным шёпотом сообщают, что в нижнем этаже под нами слышны разговоры солдат-повстанцев и что они стреляли. Просят нас не шуметь и не разговаривать. Может быть, это и очень важно, но невозможно для нас. Алёша командует вовсю и не признаёт никаких военных положений.

Я мало верю в проникновение солдат в нижний этаж, но это, конечно, дело частное. Если они правы, то надо принимать ещё новые меры. Стеной мы хорошо защищены от соседней боевой крыши, но если внизу действительно солдаты нападающих, то по нас могут открыть огонь и со стороны тюрьмы. В эту сторону от нашей позиции приходятся окно и дверь. Заслонился матрасом, сложенным вдвойне и прислонённым к комоду.

Но всё говорит за то, что бой уже идёт к концу. Скоро на крыше исчезли защитники. Бой удалился из нашего района сначала в сторону отеля "Rio Bravo", потом по направлению к реке.

В $9^1/_2$ (9.30. — *Сост.*) всё смолкло. Через некоторое время выходим на балкон, обсыпанный на нашем участке глиной и щепками. Начинаем считать раны. В раме окна 1 пуля, пробита водосточная труба, вокруг окна и двери около 10 дыр. Балкон выдаётся вперёд, и его выступ попал в самый центр снопа пуль. В общем, насчитал, что нам досталось 34 штуки. В соседних квартирах мало, 2–3. Хорошо, что стены оказались достаточно крепкими, или пули не особенно сердитыми. Вытащил несколько из глины. Одна — «тупорылая», остальные — сильно деформировались, но как будто переделаны на дум-дум. Этим

(или близкой дистанцией) можно объяснить, что они проникали неглубоко, на 2–3–4 вершка и не доставили нам лишних троблов. Также спасибо им за то, что не летели в окно и дверь.

Стали поступать сведения о событиях. Пришёл знакомый галичанин и сказал, что защитники города отошли к реке и залегли за дамбой. Сдаваться не хотят. Перемирие установлено до 5 ч, а потом они решили перейти в контратаку. Конечно, этому не верится. Противник в превосходных силах, и, сдав подступы к городу и самый город, нечего надеяться на успех. Бились всё же упорно, и шансов что-либо выиграть нет никаких. Переговоры сначала ни к чему не приводят. Помогают американцы. Они держат строгий нейтралитет и посылают строгие предупреждения. Аэропланы их летают 2 дня над линиями враждующих. Для защитников было пропущено оружие. В одной партии, купленной в Эль-Пазо для добровольцев, было 100 винтовок и 15 000 патрон. Нейтралитет нисколько не мешает совершенно открыто помогать правительственной стороне. Это не всегда, т. к. в предыдущих революциях бывало и наоборот. С другой стороны — заботы о том, чтобы не пострадало население Эль-Пазо от сражения в Хуарезе. Одним словом, знакомая картина по Дальнему Востоку: белые, красные и жёлтые. От совокупности этих условий нейтралитета и разных требований дело кончается переходом защитников города в Эль-Пазо и разоружением их американцами. Перешло около 300 человек, из них 3 генерала, около 150 офицеров и солдат, несколько десятков пограничной стражи и около 100 добровольцев. Кроме того, перешли и многие семьи, одна солдатка с недельным ребёнком. В свою очередь, победители, прибывшие на 3-х поездах, притащили с собой свои семьи с их скарбом и даже с домашней птицей. Что не помещается в вагонах — располагается на крышах. Рассказывали про семью одного солдата из жены и нескольких детей, которые все были переранены во время походов со своим отцом.

Итак, постепенно всё успокаивается. Из Эль-Пазо приходят многочисленные жители, уходившие туда ночевать. Приходят два молодых мексиканца, живущих во второй от нас комнате. Они приглашают нас полюбоваться, что у них произошло. Стойка кровати прострелена, и дальше пуля прошла через подушку. Другая недалеко в стене. Дверь закрыта на замок, они ушли через окно и окно прикрыли. Но ни в двери, ни в окне, которое оказалось открытым, пулевых отверстий нет. Вещи не тронуты.

Более вероятное предположение: пользуясь удобной обстановкой, один обманутый муж пришёл свести личные счёты. В темноте не заметил своего врага, но так как пуля ударила [во] что-то твёрдое и никто не закричал и не поднялся с кровати, решил, что дело кончилось удачно. Эти два выстрела наши соседи и приняли за выстрелы солдат, будто бы находящихся в нижнем этаже.

Эти мексиканские нравы и возможность грабежей более неприятны, чем их открытая междоусобица. Чем защитишься от такого типа, если он с целью грабежа, мести или национальной ненависти придёт в гости. Кроме кухонного ножа — нет ничего. А револьвер здесь — более необходимая вещь, чем карманные часы. К счастью, на этот раз грабежей не было, национальные счёты в программу не входят, личных врагов у меня, наверное, нет, если не считать иммиграционных чиновников, но это на американской стороне.

Забыл написать про потери сторон. Всего убитых у обоих противников 12, раненых насчитано 29. Затем в Хуарезе убит один американец, бывший в гостинице, а шальными пулями в Эль-Пазо убита 2-летняя девочка и ранен 6-летний мальчик. Последние 2 жертвы послужили одним из главных предлогов интернирования побеждённых. Впрочем, их скоро собираются перебросить к югу, в город, находящийся в руках правительства.

Итак, день закончился, и мы собрались спокойно отдохнуть. Не выгорело! Сосед, по причине победы одних, поражения других и домашних осложнений, напился пьян. Только мы легли спать, — там началась война. Напившийся проникся воинственным духом, вооружился ножом и решил вырезать из своей синьоры несколько кусков мяса. Та стала кричать «на помощь» [моей] жене, а потом прибежала спасаться к нам. Через некоторое время начались мирные переговоры, перемирие, но полного замирения не было всю ночь. Бедная жена не спала опять, уже третью ночь.

Так или иначе, теперь сравнительно тихо, ждём, что будет дальше. Правительство начинает побеждать, и через 2–3 недели Хуарез ожидает обратного прихода прежних властей. Некоторые думают, что боя больше не будет, по крайней мере в самом городе. Между прочим, за минувший бой жители страшно ругают генерала Лимона: «Это не генерал, а свинья; порядочный генерал в городе не дерётся». Будут ли в следующий раз у нас порядочные генералы или свиньи — сказать трудно. Но если

будет бой опять, то, наверное, более свирепый, т. к. Каллес придёт с артиллерией и аэропланами. Мы ещё не успеем, наверное, перебраться в С. Ш. и будем сидеть здесь. Менять места тоже не будем, т. к. старые вояки говорят, что безопаснее сидеть в свежей воронке — туда второй снаряд не прилетит. Как будут обстоять дела — донесу в своё время. Если, конечно, кончится для нас так же благополучно, как в этот раз. Большая просьба — не уничтожай этого письма и сохрани для меня. Записать всё это для себя — нет времени, а тут рассказал всё подробно и достаточно гладко. Как военный корреспондент, только врал мало.

Искренний привет и добрые пожелания от всех нас всем Молчановым. Будьте все здоровы.

Твой А. Ефимов

ПИСЬМО-ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ ХАБАРОВСКОГО ПОХОДА*

А. Ефимов
ул. Калифорния, 2517
Сан-Франциско
21 мая 1931 г

Сообщаю Вам копию письма поручика Филимонова, недавно полученного мною из Шанхая. Если Вы пожелаете послать свои сведения или воспоминания через меня, прошу их прислать мне не позже 10 июня. Около этого срока я собираюсь послать ему всё, что мне удаётся собрать и написать самому.

Уважающий Вас *А. Ефимов*

Копия
20 декабря 1930 года

B. B. Filimonov
Shanghai
P. O. B. 1179.
Г-ну полковнику Ефимову
Америка

Господин полковник!

Осенью 1931 года мною предполагается выпустить в печать подробное описание зимнего Хабаровского похода 1921–22 годов, над составлением которого я работаю вот уже более двух лет. Мне в моей работе содействует более 80 бывших участников похода, но так как на Дальнем Востоке, и в частности в Шанхае, нет видных и ответственных руководителей частей 3-го Белоповстанческого отряда (Ижевско-Воткинская бригада), то при описании действий данного отряда мне приходится довольствоваться сведениями, получаемыми от ряда лиц, занимавших либо весьма скромные должности, либо бывших рядовыми бойцами.

---

* Машинопись, копия (отпечатана на ротаторе). Архив Гуверовского института, фонд 86026 «Русский католический центр», кор. 7, д. 5 (материалы А. Г. Ефимова). Письмо включает копию письма Б. Б. Филимонова от 20 декабря 1930 г. — *Прим. сост.*

До настоящего времени из бывших чинов вверенного Вам отряда, мне дали сведения:

Ижевского стрелкового полка..... 2 офицера
Воткинского " " .....4 оф.
Добровольческого " " .....2 оф.
Воткинского кон[ного] див[изиона].....1 оф.
Красноуфимс[кого] раз[ведыв]. эскад[рона].....2 оф.
Добровольческой батареи .....4 оф.

Вы, как бывший начальник 3-го отряда, могли бы дать весьма интересные сведения относительно действий Вашего отряда, а потому я и обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в моей работе. Между прочим, обратиться к Вам мне рекомендовал генерал Сахаров. Помочь мне Вы можете:

1) Временно одолжив мне некоторые интересные документы времён Хабаровского похода, как то: страницы полевых книжек, рапорты, донесения, приказы и прочие бумаги, рисующие боевую, походную или внутреннюю жизнь частей (все документы будут мною Вам возвращены).

2) Дав письменные сведения по вопросам, кои Вы найдёте интересными и заслуживающими внимания (между прочим, мне не удаётся восстановить картину действий Вашего отряда после Первого Ина (28 дек.) и до боя 4 янв. под Ольгохтой. Мне хотелось бы выяснить дни, часы, части, потери и прочие данные, касающиеся боевых действий под Ином, на будках между Ином и Ольгохтой и под самой Ольгохтой.

3) Выслав фотографии, касающиеся жизни, быта частей и характеризующие местность. Очень желательна хорошая Ваша фотография времён похода.

За ответ на моё письмо и за содействие, кое Вы мне оказали бы в том или ином направлении и в той или иной степени, буду Вам премного обязан и благодарен. Так как было бы весьма желательно выпустить книгу к 10-й годовщине похода и так как вследствие этого я должен закончить свою работу не позднее мая-июня, то осмеливаюсь просить Вас ответить мне возможно скорее. К этому письму прилагаю лист с несколькими вопросами.

Остаюсь уважающий Вас *Б. Филимонов*
(поручик Отдельной батареи 1-й стрелк. бригады).

P. S. Для своей книги я собираю всевозможные сведения, касающиеся Хабаровского похода, независимо от того, «большого» или «малого» порядка эти сведения, только бы они были правдивы. Действия частей я не собираюсь выставлять только с героической стороны, но также не собираюсь и обливать кого-либо помоями, подтасовывать факты и пр. За каждое слово, за каждую строчку, даваемую мне о походе, я благодарю вперёд. Быть может, господин полковник, к участию в моей работе Вы привлечёте кого-либо ещё из живущих в Америке.

ПЕРЕПИСКА А. Г. ЕФИМОВА С Б. Б. ФИЛИМОНОВЫМ

От составителя

Первая часть публикуемой переписки А. Г. Ефимова и поручика Б. Б. Филимонова, жившего в эмиграции в Шанхае, хранится в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (письма 1932–1934 гг.). Материалы включают рукописные оригиналы писем Ефимова (с пометками Филимонова о датах их получения) и напечатанные под копирку копии писем Филимонова, вероятно остававшиеся у него. Переписка поступила в Музей из личного архива А. Н. Князева[114]. Бóльшая часть писем посвящена обсуждению книги Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг.» (в 2 ч., Шанхай, 1932–1933). В настоящее издание не включены три письма Ефимова из этой коллекции (от 14, 21 ноября и 30 декабря 1932 г.), поскольку они содержат лишь редакционные замечания и исправления к рукописи 2-й части книги «Белоповстанцы», которые были учтены автором при её публикации весной 1933 г. Кроме писем Ефимова, в раздел включено и несколько ответных писем Филимонова.

Во второй части переписки представлены три письма А. Г. Ефимова Б. Б. Филимонову, написанные в более поздние годы и хранящиеся в одном из фондов в Архиве Гуверовского института при Стенфордском университете. Материалы представляют собой рукописные черновики писем, которые А. Г. Ефимов оставлял у себя. Два последних письма, написанные в 1951 г., были отправлены в лагерь русских беженцев на о. Тубабао (Филиппины), где в то время находился Б. Б. Филимонов.

ПИСЬМА ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В САН-ФРАНЦИСКО*

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

20/XII/32
получено 17/1/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Получил Ваше письмо с Вашими карточками и наконец узнал Ваши имя и отчество. За карточки большое спасибо. Ваше лицо показалось мне очень знакомым — или я запомнил Вас, или Вы кого-то мне сильно напоминаете. Не помните ли, приходилось ли нам в походе встречаться вблизи или разговаривать?

За «семёновца» я Вас не считал и во всяком случае должен ещё раз отметить Ваше стремление к полной беспристрастности. Только в некоторых местах, о которых я написал, я заметил с Вашей стороны бóльшую симпатию к «семёновцам». Поэтому и подпустил шпильку об атаманах и самостийности. Очень был доволен, что Вы всё это категорически отрицаете. И хотя Вы пишете чисто военную историю, лишь очень немного касаясь общих политических вопросов, мне было бы неприятно давать сведения историку с каким-либо узким направлением взглядов, будь они «каппелевской» или «семёновской» ориентации. Откровенно сознаваясь, я подозревал Вас больше всего в «глудкинской» ориентации. Но теперь вижу, что Вы в 1-ю бригаду попали случайно и «глудкинцем по призванию» не являетесь. Это позволяет мне отметить не столь важную, сколько «забавную» особенность в описании некоторых действий частей 1-й бригады. Раньше я думал, что эта особенность принадлежит Вам, а теперь полагаю, что это собственность «чистых глудкинцев» — Доможирова, Романовского[115] и др., о которых Вы упомянули. Когда в описании речь идёт о подвигах или удачных делах, то говорится с оттенком гордости: «глудкинцы-артиллеристы, конные глудкинцы...», а когда дела так себе или плоховато — то «Уральцы, Конноегеря» и т. д. или просто «белые». Это не везде, но, в общем, замечается. Получается что-то вроде оборотней: когда нам сопутствует слава — мы глудкинцы, когда боевой день покрыт тучами — мы что-то другое. Считаете ли

* МРКСФ, фонд А. Г. Ефимова (№ 63), кор. 1, д. 1. — *Прим. сост.*

Вы нужным это изменить или находите, что это не важно и не портит описания действий 1-й бригады, — я, конечно, предоставляю всецело Вам или «глудкинцам». С моей стороны — это исключительно наблюдение «мимоходом».

О том, что «семёновцы» произвели хорошее впечатление в бою второго Ина на Сидамонидзе и других, я не сомневаюсь. Я сам слыхал об этом, и в самых лучших выражениях. И, конечно, если Сидамонидзе хочет это отметить, он может это сделать в любых выражениях. Но тогда мне непонятен его слог: «заядлые», «подозрительно относившиеся», — неужели это его подлинные слова про себя самого и свою братию?!! По этому вопросу я ещё напишу Вам, а пока перейду по порядку на XXV главу*.

Хотя ещё отвлекусь. Спасибо за сведения об убийстве Аргунова. Газетам доверять трудно, и сведения с мест более ценны. Видимо, общее мнение, что Мартынов — убийца, — правдиво. Приходилось не раз слышать, что неосторожное обращение с револьвером в кармане приводило к ранениям себя или других в ноги, иногда в живот, но чтобы револьвер из кармана выстрелил вверх — это подозрительно. Здесь смерть Аргунова вызвала общее сожаление всех его знавших. На Ваш вопрос, может ли ген. Вержбицкий заменить Аргунова на обществ[енной] службе, я ответа дать не могу. Я совершенно не знал Аргунова с этой стороны и не имею понятия, какую роль он играл в Харбине, каким влиянием пользовался и как тяжела и незаменима его утрата для русских в Харбине или в Маньчжурии вообще. Так же мало знаю о «Беженском комитете», которым руководил Аргунов. Перед ген. Вержбицким у него одно преимущество (известное мне) — его более молодые годы.

Передайте мой привет полк. Дробинину[116] и кап. Коновалову. Что вызвало полк. Дроб[инина] на переезд в Шанхай?

Так перехожу к 25-й главе. По-моему, она вышла у Вас удачной. Я лично рад, что многие мои мысли и сведения Вам пригодились и вошли в главу. Ещё Вы, значит, включаете сюда отрывок: «Агитация белых среди населения». Об этом я уже Вам написал в прошлом письме.

По привычке ко всему придираться сделаю и к новой 25-й главе несколько штук придирок. Но сначала о Вашей 1-й

---

* В опубликованной книге «Белоповстанцы» (ч. 2) — глава I. — *Прим. сост.*

странице. Здесь не поправки и даже не придирки, а просто «точка зрения». Не могу, пользуясь случаем, не высказать своего мнения, как бы я сам написал эту страницу.

Я бы, прежде всего, вычеркнул про чехов, латышей, китайцев и проч. иностранную нечисть. Конечно, они играли подчас большую роль, в особенности в первое время, и при более подробном описании событий про них нельзя не упомянуть. Но при кратком обзоре событий, по-моему, им места нет, слишком много чести. Чем больше обдумываешь рѐволюц[ионные] события и чем больше стараешься подвести им правильные итоги, тем больше приходишь к убеждению, что дрались всё же русские с русскими в главнейшей своей массе, а иностранщина лишь прилепилась к этой борьбе, по тем или иным случайным обстоятельствам или неслучайным желаниям что-либо урвать, как-либо нажиться или устроить пакость России, пользуясь её смутой. Все эти чехи и мадьяры, с одной стороны, уравновешивали в борьбе друг друга (лучше сказать — нейтрализовали) и, с другой стороны, очень себя рекламировали, кричали о своих делах на весь свет. Особенно чехи, помещавшие карты России, где восточная часть Евр[опейской] России и вся Сибирь были «завоёваны» доблестью 30 000 чехов. Фактически они повоевали очень немного на Волге, а потом безобразничали в тылу, принося вред национальным русским силам. С фронтов и чешские легионы, и латышские полки как-то быстро исчезли, и дрались (увы!) русские с русскими. Мне вовсе не хочется проклятую революцию считать каким-то русским народным или национальным делом, но так как-то уже выходит и, переоценивая старое, не хочется отдавать иностранцам даже свои пороки, свои грехи. Даже как-то обидна для национального чувства мысль, что вот было у большевиков несколько тысяч латышей и мадьяр, и 150 миллионов русского народа ничего не могли сделать. Или: обидели большевики чехов (ведь в большинстве — рвань, не хотели выполнить своего долга в Великой войне и сдавались нам, прикрываясь высокими идеями о славянстве и проч.), и восстали против большевиков 20—30 миллионов русских от Волги до Тихого океана. Не беспокойтесь, братушки-предатели, восстали бы и без вас, может быть и позднее, да дела, наверное, уже без ваших грабежей и предательств пошли [бы] лучше и не пришлось бы большевикам разыгрывать роль спасителей России от иностранных интервентов и их «русских наймитов».

Безусловно (по-моему), роль иностранцев сильно преувеличена и раздута, и упоминать их в кратком обзоре — большая и незаслуженная для них честь.

Примерно то же самое можно сказать про «своих», про эсеров, которых Вы выделяете перед остальными и считаете всех прочих как бы каким-то придатком к эсерам («работа эсеров и иных групп... «между эсерами и этой новой властью...»). Я считаю, что их «слава» очень раздута. О них слишком много кричали, когда они убивали губернаторов, офицеров и городовых. Конечно, среди них было много смелых бомбистов. Они могли и пожертвовать собой, но больше ловчились скрыться в своё подполье (Савинков произвёл несколько «удачных» покушений, не будучи пойманным) или надеялись остаться в живых, т. к. Царское правительство было с ними чересчур гуманно (Мария Спиридонова[117] и др.). Когда же пришли большевики, они прежде всего сдали им без боя власть, и почти сплошь с.-р.-ское Учред[ительное] собрание, о котором они столь кричали, было разогнано окриком матроса. Затем, при большевиках, они оказались и никуда не годными «бомбистами», т. к. подполье большевики сами знают отлично, а если выловят, то на каторгу не посылают, а прямо к стенке.

Сибирь считалась особенно «эсеровской» частью России. Они и подняли здесь несколько восстаний, но, несмотря на поддержку чехов, когда борьбу с большевиками пришлось развивать, оказались опять негодными и легко уступили власть военным и частью интеллигентным и деловым национальным силам. Собственно, офицерство и есть та главная часть антибольшевиков, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы. Эсеры скрылись в подполье и вылезли вновь лишь когда армиям адм. Колчака был нанесён смертельный удар. Перед этим, по-моему, никакой заметной «лютой борьбы не на жизнь, а на смерть» не было. Как предатели и подпольщики, эсеры действовали из-за угла, убивали в Омске и других местах офицеров, прибивали им на плечи гвоздики по числу звёздочек на погонах и т. д.

А когда отступавшие остатки Армии пробивались в Забайкалье, эсеры под Красноярском, Иркутском и т. д. делали своё подлое предательское дело. Гнусная у них была работа, гнусная и судьба. Большевики их не поблагодарили, прощения они не заслужили и сошли опять на нет. Они портили и большевикам, и нам, а сами ничего положительного сделать не могли. Стоит

ли и им, как и иностранцам, оказывать «почёт» и выделять, отмечать перед другими?!..

Дошёл и до стана врагов. Здесь о Вашей фразе: «большевики, вдохновляемые Лениным и руководимые Троцким...» Кажется, на наше несчастье, Ленин был и в делах военной борьбы со своими врагами и руководителем, и вдохновителем. Это, как теперь оценивается большинством, был действительно крупный человек ума и воли и фанатик своей идеи. Рядом с ним Троцкий — величина очень незначительная. Рядом их ставить нельзя даже в военных делах, хотя Троцкого и считают «создателем» красной армии. Он, конечно, человек талантливый и для текущих дел величина довольно крупная, а главное, очень импульсивный, умеющий «зажигать» толпу. Его Ленин и использовал в тяжёлый момент борьбы. Он был человек достаточно сметливый и практичный и сумел привлечь в помощь себе много известных военных специалистов, которые, собственно, всё и делали. Но и помимо Троцкого и его спецов много делалось другими энергичными большевиками, гражданская война — время буйного проявления частной инициативы. Троцкий ездил в царских вагонах, говорил трескучие речи, метал молнии, и казалось, что всё делалось благодаря ему, он — «создатель» красной армии, он — «победитель» белых. Его ставили в этот период рядом с Лениным. Прошло время летания с фронта на фронт и время пламенных речей, и большевики стали подводить итоги. Умер Ленин, который всё держал в своих руках. Всем казалось, что «умный», блестящий Троцкий, опиравшийся на «обожавшую» его армию, будет преемником Ленина. Но у «умного» не нашлось столько проницательности, чтобы у себя под носом, в «политбюро» и «цике» заметить, как Сталин прибирает всё к своим рукам. Он по-прежнему лишь трезвонил. Когда пришла решительная минута борьбы, у нас, за границей, поднялось настроение, и многие считали, что вот теперь Сталин погрызётся с Троцким, за последним пойдёт «созданная» им красная армия, коммунисты разделятся на два лагеря и всё это кончится в нашу пользу. Была такая надежда и у меня. Но ничего подобного не случилось. Троцкий оказался мыльным пузырём, а красная армия и не думала вставать на защиту своего «создателя и любимца». Потому что таковым он и не был. Постепенно, но методично Сталин свёл Троцкого на «нуль» и выбросил за границу — пусть там брызжет слюной. Безусловно, Троцкий — фигура дутая.

С настоящим вождём так бы не поступили, его бы так глупо не провели за нос, с настоящим вождём шутить опасно, его бы убили, если надо, но не дали бы свободу «почётной» высылки. Я бы Троцкого рядом с Лениным не помещал. По своему удельному революционному весу эта фигура значительно ниже многих других большевиков, в особенности Сталина, но очень разрекламированная или саморекламированная.

Всё это моё личное мнение, своя оценка людей. Я бы об этом не говорил, если бы это не было помещено на Вашей первой странице. Но первая страница должна быть безупречна, и потому я считаю необходимым это высказать. Вы сможете эту страницу лучше отделать, если будете знать другие мнения об этих событиях. И чем больше, тем лучше. Если время есть — проверьте всё это у возможно большего числа лиц, которые стараются во всё происшедшее вникнуть. На основании всего сказанного я считаю особенно § 1 Ваших причин («Поддержка, оказанная большевикам отрядами латышей...») не соответствующим действительности. Здесь уже совсем получается, что на Русской Земле хозяйничали только иностранцы, и чехи могут ядовито спросить: «Почему-то мы должны были помогать и Ярославлю, и Мурому; чего же вы, русские, тогда стоите?»

Перехожу к поправкам и придиркам:

2 стран. и 1-я строчка: «много, много раз страшнее и ужаснее было отступление на восток Армий адм. Колчака». Такого сравнения делать не следует, у каждого белого фронта были свои ужасы. Лучше после точки: «Тяжело и ужасно было отступление на восток...» Там же, середина: «Мы начали революцию, мы её и кончим» — это не лозунг, а скорее угроза моряков. Там же, 17-я строчка снизу: «Ко всем этим бедам большевиков должно...» 3 стр., 14-я строчка: «Можно много философствовать...» лучше: «рассуждать», «размышлять», «говорить» или что-либо в этом роде. 4 страница, 12-я строчка: «сложную и громоздкую правящую машину...» 6 страница, 2-я строчка: «без активных работников...» Там же, 2-я фраза: скорее, наоборот — мало сделано для снабжения и ничего для пополнения. Там же, 3-я фраза: «Старые личные счёты и корыстные расчёты» — не подходят. Лучше об этом выпустить, т. к. эти счёты и расчёты бывают всегда, эгоизм на первом месте, но в других случаях бывает также и патриот[ический] подъём, порыв долга и т. д. Здесь второго не было.

В этом же абзаце Вы как-то сразу от деятелей майского переворота[118] переходите к союзу офицеров-грузчиков. Лучше отделить фразой, примерно: «Как относилось население Владивостока к борьбе с большевиками, может указать следующий пример».

Там же: в характеристике Руднева фразу «и таких было много, и такие были лучшими» следует немного изменить, примерно: «И таких было много, и все они одновременно и стремились к чему-то, и колебались, и верили, и сомневались, и готовы были на всё, и боязливо останавливались перед препятствиями...»

Там же, последняя фраза в абзаце о Рудневе: «Они ошибались, делали многое впустую...» Стр. 8, строчка 14: «Встретило их (или "белых") на сей раз очень хорошо». Там же, строчка 26: «...их численности, намерениях» намерения знать для населения трудно. Если примеры тому бывали (сейчас не вспомню), всё же лучше добавить «иногда настроения» или «даже намерения». Там же, 3-я строчка снизу: «представьте теперь сами себе» — последние два слова лишние.

Наименования волости (Веринской) и села (Вятского) я бы всё же не помещал. Время, правда, прошло изрядное, но большевики так осторожны и «запасливы», что на всякий случай обезопасят себя от врагов и старого времени, тем более что на Д[альнем] Востоке очень неспокойно. Может быть, обойтись буквами с точками: «село В...» или «N волость».

Стр. 9. После разговора ген. Молчанова с японцами (о беспокойстве Серышева[119]) следует поместить другой факт, который я Вам сообщал: об установлении «денежной дымовой завесы». Этот факт интересен особенно при сопоставлении со словами Болдырева, что «железнодорожники ликуют... из-за перехода от коммунистического пайка к жалованью — денег давно уже не видали». Значит, действительно большевики вытащили деньги только из-за крайней необходимости — парализовать огромное впечатление на население от расплаты белыми за всё «настоящими» деньгами.

Там же, последн. фраза 3-го абзаца: «На этот вопрос ответ был дан отчасти раньше...». Стр. 10 (последняя), 2-я фраза с конца: «Шла игра в большие люди» — здесь не подходит. Она мало что объясняет, и её лучше вычеркнуть.

Кроме того, если найдёте нужным, желательно привести немногочисленные примеры «пополнения» армии, о которых я уже писал: брат С. Руднева полк. Руднев «со стороны», подполк. Левицкий — свой, пожелание нескольких групп Врангелевцев

приехать на Д. Восток; наверное, у Вас есть и ещё примеры, которые все в совокупности доказывают лишь «единичные случаи» пополнения армии.

Пока кончаю и отправляю. Придётся пропустить неделю или две, пока не пройдёт праздничная суматоха. Надо устраивать сыну ёлку, повести на другие ёлки. А русские, как полагается, справляют 2 Рождества, 2 Нов[ых] года, и потому не столько праздники, сколько всяческая суета растягиваются дольше, чем надо. Ещё раз поздравляю с праздниками и Новым годом. Всего, всего лучшего.

Уважающий Вас А. Ефимов
23/XII 1932 г.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

28/XII 1932.

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Спешу Вам сообщить, что кой-какие замечания к главе 26-й придётся сделать. Но я ещё не разобрался, какой отрывок куда относится. Может быть, успею это проделать до пятницы (30-го). По пятницам отходят к Вам пароходы, и я всегда подгоняю отправку писем к этому сроку.

Пока считаю конченной лишь 25 главу. В ней ещё одна небольшая поправка: на последней стр., 3-я строчка: «и то, и другое не давало больших надежд...». Правильнее будет «положение с тем и другим не давало больших...» или что-либо подобное.

Пока всего лучшего. Если успею написать к пятнице, это письмо дойдёт, наверное, одновременно.

Уваж[ающий] Вас А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

4/I 1933 г.
Получено 1/2/33

Первое письмо в новом году — Вам, глубокоуважаемый Борис Борисович.

Впрочем, кроме Вас, я очень мало пишу писем. В Россию боюсь — подведёшь родственников.

Продолжаю о книге. К XXVI гл. у Вас теперь принадлежит отрывок о цветных наименованиях белых полков. Ген. Молчанов мне нового ничего сообщить не мог. Да и вообще ничего исчерпывающего Вы тут не доищетесь. Приказов свыше о переименовании не было, всё возникло само собой, у одних раньше, у других позднее, и придавать этому большое значение не приходится. Волжане цветные наименования не применяли, и это показывает, что никакой общности или планомерности здесь найти нельзя.

XXVII глава «Перв[ый] Ин»*.

К этой главе Вы прислали мне новый конец — оценку, обнимающую всю Инскую операцию с 23 декабря. Оценка достаточно полна, но требует несколько поправок.

Прежде всего, явное противоречие. В причинах поражения белых Вы видите «недостаточность сил белых, брошенных на ст. Ин», а потом, на следующей странице, производя расчёт, приходите к заключению, что «шести пехотных, двух кавалерийских при 4 орудиях было вполне достаточно». Видимо, эта причина («недостаточность») помещена Вами по ошибке.

В самом расчёте у Вас также приведён сомнительный пример — бой у Владимировки. В этом бою обстановка сложилась для красных очень невыгодно, появление белых было для них неожиданно, они совершенно не были готовы к бою, многие ещё были в хатах. Белые же знали о красных от перебежчика и двух пленных и «вели наступление» на район, занимаемый красными. Конечно, такой пример для расчёта не годится. Ни один начальник, посылающий своего подчинённого, или последний, берущийся выполнить задачу, не могут уверенно сказать: «Противник будет захвачен врасплох, и мы можем разбить его значительно меньшими силами». Наоборот, рассчитывать надо на худшее: 1) что противник будет знать о нашем подходе; 2) что он заранее развернётся и займёт хорошую позицию или встретит нас атакой на удобной для него местности; 3) что он позаботится о том, чтобы мы имели перед собой препятствия или чтобы нас огорошить какими-либо неожиданностями. Вот почему я взял 3 примера: 1) Ново-Троицкий (хорошая позиция у красных, у нас плохие обходы), 2) Хор (хор[ошая] позиция

* Глава III в опубликованной книге «Белоповстанцы» (ч.2). — *Прим. сост.*

и перед нами препятствие) и 3) Корфовская (подготовл. позиция и для нас оказавшаяся незамеченной). Во всех этих случаях красные были готовы и всё-таки были биты. Важно также отметить в таких примерах, что все силы, которые мы собираемся разбить, оценены в нашем расчёте. У Владимировки оценке подвергается один 6-й полк красных. Но это не может служить полным ручительством того, что все три полка этой бригады — 4, 5 и 6-й — могут также быть разбиты, если бы и наши силы были увеличены тоже в три раза. Чем меньше часть, тем больше возможность исхода столкновения от какой-либо одной, иногда и мелкой, случайности. Более крупные соединения обычно и более устойчивы, и меньше зависят от случайности или даже ряда случайностей. Для расчёта было бы достаточно указать на бои 21 декабря у Ново-Троицкой и Корфовской. Как раз тут все полки красных, и в один день, готовые к нашему наступлению, были разбиты. Но бой у Корфовской (хотя с неожиданностью для нас) может вызвать возражение: был ночью, красные были уже подавлены морально, мы могли, как наступающие и побеждающие, иметь в ночном бою перевес, поэтому я считал нужным подкрепить свой расчёт боем у Хора, где не может быть сомнений, что красные имели много данных отстоять свою позицию.

Если Вы хотите привести пример боя у Владимировки, то только с оговоркой, примерно: «Расчёт показывает, что наши силы, не превосходившие силы красных, могли с ними справляться; при более же благоприятных для нас обстоятельствах, как, напр., в бою под Владимировкой, где красные прозевали наше появление, белые легко справились с более чем двойными силами красных». Иначе на Ваш расчёт Вы можете получить вопрос: «А какое ручательство Вы даёте, что мы застанем красных неподготовленными?»

Конечно, как у инженеров всякого рода, расчёт боевых сил наших и противника надо вести с запасом прочности для себя, если количество наших сил такой расчёт допускает. Поэтому следует брать то положение, что противник будет в лучших условиях (знакомство местности, выбор удобного для себя рубежа и т. д., о чём уже сказал). Если мы имеем ограниченные силы — тогда, конечно, надо идти на риск, бросать в бой всё, что можно, изворачиваться в разных хитростях...

После захвата Хабаровска у нас было достаточно сил, а моральное состояние было неизмеримо выше у нас. Не было

надобности посылать дальше, зря изматывать все силы, и примерный подсчёт показал, что посылка 6 пех. полков, 2 кав. и 5 орудий (у Вас 4) обеспечивала успех. И этого, собственно, было много, ведь это были силы, которые били красных в полном составе 21 декабря, а 23-го красные ещё раз были потрёпаны. Поэтому ген. Молчанов считал достаточным вначале 5 полков, а потом на просьбу ген. Сахарова разрешил ему взять ещё 2, т. е. всего 7, но ген. Сахаров всё-таки один оставил в Волочаевке (Ижевский). Вы пишете неверно — 4 полка. По приказу 0284/оп Ижевский полк выступал в Волочаевку к вечеру 26/XII, т. е. всего 7 полков, а, оставив 2 в Волочаевке, ген. Сахаров, исполняя в точности приказ, имел 5, а не 4 полка. Так же и артиллерия: в приказе ничего не сказано об оставлении в Волочаевке хотя бы одной пушки, — следовательно, для атаки Ина ген. Сахаров имел в распоряжении 5 орудий, а не 3. И ген. Молчанов, очевидно, не добавлял 1 орудие, как у Вас написано, они все были уже в распоряжении ген. Сахарова, и ходило на Ин не 4, а 5 орудий, о чём у Вас вполне правильно указано в описании боя (на стр., начинающейся «накапливание красных».

Это главные поправки. Перейду на мелочи.

На 1 стр. новой оценки в 1-м абзаце в конце: «лежало зло...» лучше: «лежали причины». Во втором абзаце Вы называете три причины. Вторая из них, как я уже сказал, названа в противоречие расчёту. Может быть, эта причина выставлена ген. Сахаровым. Тогда её и следует поместить отдельно, как его личное мнение. Но это будет бить его самого, т. к. будет ясно, что он может одерживать успех только при большом преимуществе в силах, давя противника массой, а не применяя хотя бы посредственного искусства.

В третьем абзаце 3-я строчка у Вас: «материальной части и иного имущества», это одно и то же, по-моему. Лучше добавить: «боевой материальной части и прочего...», тогда становится яснее.

На 2 стр. 1-й абзац. Поговорка: «Тише едешь, дальше будешь от того места...» придаёт обидный смысл и даже насмешливый. Я бы это не помещал. Лучше: «Ген. Сахаров не торопился, преувеличивая степень усталости белых частей, и давал красным время на приведение себя в порядок».

В конце абзаца слово «неотступное» имеет саркастический смысл, и его следует поставить в кавычки или лучше вычеркнуть совсем.

Во 2-м абзаце: «со свежим и большим Особ. Амурским» — лучше «большой численности» или «большого состава».

Последний абзац: «Генерал Сахаров ... считает разворачивание... годное для боя днём, но не ночью». Мне это не понятно, но, конечно, это дело Сахарова. Я лично считаю, что если бы бригады выполнили назначенное, то красные бежали бы, а за ними и их смелый броневик. Я, конечно, тут полемизировать с ген. Сахаровым не хочу и этого мнения прошу не вставлять. Пусть ген. Сахаров высказывает своё мнение без возражений, хотя такие мнения или объяснения затуманивают события и, следовательно, портят книгу.

Следующая фраза: «Во всяком случае, местные данные также сыграли не в руку белых» — мне тоже непонятна. Из хода боя не видно, чтобы какие-либо местные данные были против нас. Снега было ещё мало, и части свободно двигались без дорог, обходы были возможны с обеих сторон, ничто не мешало произвести их в порядке и в намеченные места... В других боях было хуже. Эта фраза является утверждением, не опирающимся на факты, почему и стоит как-то особо и без всякого значения. Сейчас же за ней говорится о дружной атаке под Владимировкой, но это уже действия войск, а не местные данные.

Далее говорится о тяжёлом положении пехоты на станции в присутствии броневика. Конечно, разрушения полотна были трудны, и бороться с броневиком надо было артиллерией. Хотя бы одна пушка должна была пойти с пехотой, но для этого надо было вообще «организовать» наступление Поволжской бригады, вести части в порядке, ударить всем дружно, не перестреливаться друг с другом, а не бросать отдельные части, даже не полностью, издалека, с будки № 371, разными дорогами (путями) и разновременно. Если бы все «Поволжане» подошли вместе и ударили дружно, то, при паническом настроении красных, их пехота, конечно, бы бежала и броневик мог приковать к месту лишь небольшую группу, — остальные бы распространились по посёлку и станции, обтекая броневик. Ну, это всё повторение одного и того же.

В последнем абзаце Вы пишете о значении отсутствия ген. Молчанова. По-моему, желательно привести и причины отсутствия (для наведения порядка в Хабаровске, свидание с ген. Вержбицким и ввиду упрощения положения на фронте — красные в полном отступлении, о чём я уже писал). Без этого

отсутствие ген. Молчанова на фронте в связи с неудачей под Ином является для него укором, даже обвинением, без причин, объясняющих это отсутствие. Последняя фраза: «человеческое око» — неудачна. Лучше вычеркнуть или изменить.

Схема боя под Ином исполнена довольно хорошо. Переделывать Вы её, наверное, не будете, она, по-видимому, заготовлена для окончательного печатания. Но замечание для будущего — Вы очень скупитесь на место. Лучше было бы сделать во всю ширину страницы — т. е. крупнее в $1^1/_2$ раза. Схемы желательно вообще делать покрупнее, так чтобы можно было писать названия полков на самой схеме. Обозначать части буквами, и потом искать отдельно названия частей очень неудобно, отнимает время, сейчас же забывается, и если читать внимательно, надо несколько раз заглянуть, что такая-то буква обозначает. И лучше на самой схеме изображать названия частей хотя бы первыми 2–3 буквами: «Ур., Ег., Втк., Дбр., Влж., Км., 1 Кав., Иж.-В. бат., I с. бат.» и т. д. Мосты изображены необычайно крупно.

Следующая глава «6 дней затишья». О главе XXVIII (гл. IV в книге. — *Сост.*) «Вост. фронт после пер. Ина» я ничего не пишу, там, кажется, всё исправно.

В последнем письме Вы приписываете вопросы к этой главе (29). Ваше замечание, что днём 28-го я получил приказ от ген. Сахарова (отстаивать Ольгохту), а потом от ген. Молчанова, — правильно. Поэтому мою первую поправку к этой странице (1-й) о приказах считайте недействительной.

28-го у меня с ген. Сахаровым «ничего» не произошло. Встречаться с ним на Ольгохте я не хотел потому — был зол на него за Ин и не хотел выслушивать его печали за происшедшее. Он был очень нервно настроен, когда увидел отступающие части и как бы лишился рассудка. Называя меня по имени-отчеству, он в каком-то забытье повторял: «Неужели отступают, неужели отступают...» Надо было держать себя в руках, принять новые решения, может быть, другой в эту же ночь повторил [бы] атаку, т. к. дело было не безнадёжно, но с ним уже ничего нельзя было сделать. От порыва вперёд он перешёл к порыву назад и хотел уйти как можно дальше от ставших вдруг столь «могучими и страшными» красных. Всё это было довольно скверно, чтобы не сказать больше, я решил не выслушивать нервные вещи снова, надо было беречь своё душевное равновесие. Всё это, конечно, не для печати.

Если все 4 офицера Добр[овольческой] батареи показывают, что у них убитых офицеров не было, я, очевидно, ошибаюсь. Пусть они Вам выяснят, кто лежал 2/I между пушкой и санями: убитый солдат или тяжелораненый офицер.

Желательно у полк. Дробинина выяснить, где он был 2/I во время боя пушки с броневиком. Я писал: на правом фланге у рукава реки. Подтверждает ли он это? Я писал: потому, что он там должен был быть, но не помню (не видел), был ли он там. Вообще, раз он приехал к Вам в Шанхай, используйте его для проверки разных данных про это время: 1) где находился на Ольгохте один его эскадрон (впереди по реке на заимке с сеном или где?); 2) встретил ли этот эскадрон ночью 4/I красных; 3) был ли один его эскадрон на левом фланге Добровольцев (по-моему, весь дивизион был вместе); 4) обстановку во время его ранения...

Схемы к бою 2/I также вполне приемлемы для печати. Мелочи: 1) мосты тоже велики; 2) пехота лежала на уровне орудия, у Вас по масштабу почти на $^1/_2$ версты впереди.

Во второй схемке (положение орудия, передка и саней с патронами) не следовало бы помещать стрелку (на север–юг), — это, конечно, мелочь.

Вы спрашивали, почему ген. Молчанов и я ушли из Общества*. Дело житейское. Ген. Молчанов чрезвычайно много работал для Общества, отдавал ему всё свободное время и все силы: стряпал, мыл посуду, работал, где только можно, берёг деньги, завёл мебель, радио и т. д. и т. д. Под горячую руку (Вы его характер знаете) говорил резкости лентяям и советчикам, которые сами работать не любят, но всюду суют нос. Образовалась группа недовольных или обиженных, всё по пустякам, из-за резкого слова, из-за личных счётов. Но все молчали, пока их сдерживал председатель барон Будберг. Но что-то произошло и с последним. Он человек бесхарактерный и поддаётся влиянию. А также, может быть, был недоволен, что всем вертит Молчанов. Стал допускать выпады против Молчанова со стороны недовольных. Молч[анов] обиделся и перестал ходить. Поднялась кутерьма, образовалось 2 партии. Будберг решительных мер к уничтожению дрязг не принял. Ген. Пучков пробовал уладить всё мирно, но не удалось. Молчанов решил кончить по-своему, и, как ни любил Об-ва, —

* Автор имеет в виду Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско (ОРВВВ). — *Прим. сост.*

плюнул и ушёл. С ним ещё 4 человека, два упомянуты в другом № «Вестника»*. В Обществе ещё продолжают спорить, приглашают назад, но не хочется тратить сил, где вместо благодарности позволяют нескольким хулиганам делать пакости.

Пока всего лучшего. Уваж[ающий] Вас А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

10/I 1933 г.
Получено 14/II/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Продолжаю дальше.

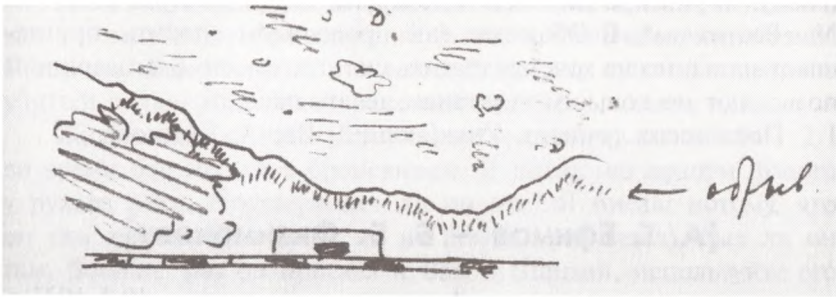
К XXX главе (в книге гл. VI. — *Сост.*) «Бои под Ольгохтой» у Вас дополнительных вопросов нет, или я их ещё не получил.

Скажу о схемах. Схема движения красных на Волочаевку (их план) довольно понятна и приемлема. Как и в некоторых других (Ин), Вы поскупились на место. Главные силы красных обозначены линиями потолще, но всё же разницы большой нет, — следовало бы Артюховского, и особенно Шевчука, изобразить более тонкими линиями.

Схема 1-го боя у Ольгохты начерчена хорошо, и тоже её можно пустить в дело. Недостатки: 1) нет обозначения полков и названия разъезда; 2) перед Добровольцами и левым флангом Воткинцев было открытое место, а у Вас редкие кусты; 3) Воткинский кондив (конница вообще) обозначаются обычно диагональным пересечением квадрата (у Вас правильно) и «флажком» (у Вас стрелки); 4) Протока реки (или рукав) подходила к разъезду очень близко, шагов на 100–150, тут был крутой обрыв сажени $2–2^1/_2$, и за протокой уже шла болотистая низина, которую с обрыва можно было далеко наблюдать, хотя местами были кусты и камыши. Это, правда, несущественно, т. к. болото было замёрзшее, а бой разыгрался к западу, а не к северу от разъезда.

---

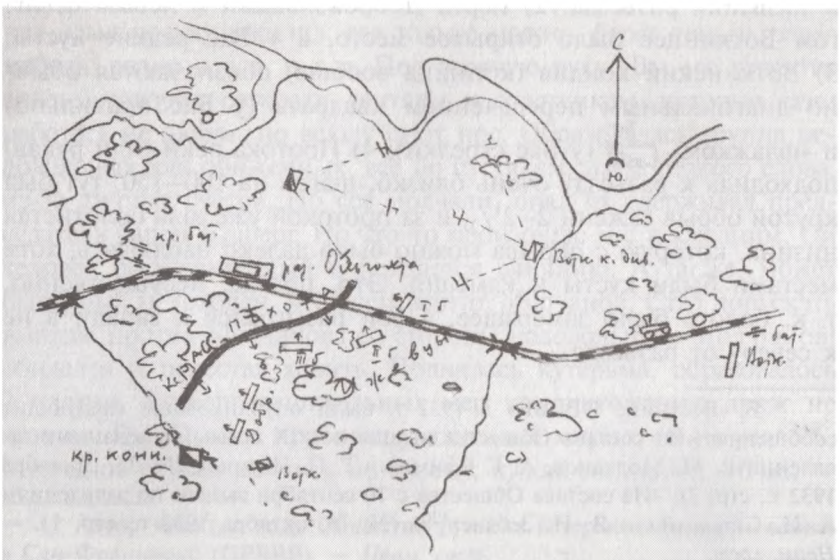
* В «Вестнике ОРВВВ» в 1932 г. были опубликованы следующие сообщения: «Из состава Общества вышли с 1/IX согласно поданных заявлений В. М. Молчанов, А. Г. Ефимов и Г. П. Игумнов (№ 75, сентябрь 1932 г., стр. 3); «Из состава Общества с 10 сентября вышли по заявлениям А. И. Старостин и Я. И. Зебзиев[120]» (№ 76, октябрь 1932 г., стр. 1). — *Прим. сост.*

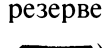
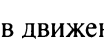


Эти подробности я пишу потому, что Вы, видимо, переснялли план с подробной карты (может быть, 2-вёрстки), подробно изобразили извилины реки, но, несмотря на это, план не даёт вполне точного понятия о местности.

Схема 2-го боя у Ольгохты. Чтобы эта схема была согласована с 1-й, я не буду исправлять не имевшего значения для действий положения указанного выше рукава и обрыва.

Главнейшие поправки в местности: 1) Жел. дорога делала около моста поворот, насколько помнится, к западу от моста, но это не столь важно, и если у Вас на первой схеме от разъезда до моста прямой участок, изгиб можно изобразить восточнее моста. Этот изгиб давал возможность подойти поезду к мосту незаметно со стороны Ольгохты — скрывал лес.



2) Будка была верстах в 6-ти от разъезда, и на схеме не помещается (у Вас она в 4-х верстах). 3) 3-го моста я не помню, да они роли не играли, помещать лишние незачем. 4) Положение Ижевцев и Добров[ольцев] примерно правильно. Может быть, Пороник[121] прав, я в первой схеме рисовал без определённых данных. Вполне допускаю, что часть Ижевцев (III б.) подошла близко к разъезду, тогда их ещё можно показать ближе. 5) Воткинцы были у меня в резерве (или), а у Вас показаны в походн. колонне (). 6) Батарея красных (4 орудия) стояла к западу от разъезда (у Вас к сев.-вост. и у самого разъезда). 7) Следует показать восточнее моста поезд. 8) Схема довольно крупная, и названия частей лучше поместить на самой схеме. Общее замечание для чертежей: о той же кавалерии — диагональ обычно чертится справа вниз налево (для памяти — как шашечный ремень — с правого плеча к левому боку), а флажок «дует» направо; если кавалерия показана в движении, то всё-таки лучше флажок помещать, а потом стрелку направления движения Пехоту в движении стрелкой  , на месте — чёрточкой , цепи — . Здесь можно было бы показать цепями, но т. к. указаны батальоны, а не более мелкие единицы, то можно оставить четырёхугольники. Всё это очень условно, у каждого свой вкус изображать войска на схемах, но флажки и диагонали кавалерии традиционно у всех, и, кажется, в других государствах одно и то же.

Закончу всё о схемах.

Бой у Волочаевки. Вы прислали план Волочаевки с ближайшими окрестностями (Даниловка и Опытное Поле) и схему самого боя. Местность и план самой Волочаевки в моём представлении несколько другие. Если Вы увеличивали с карты мелкого масштаба — то некоторые ошибки произошли сами собой — например, несоответственная длина и ширина улиц. Важнейшие ошибки, по-моему:

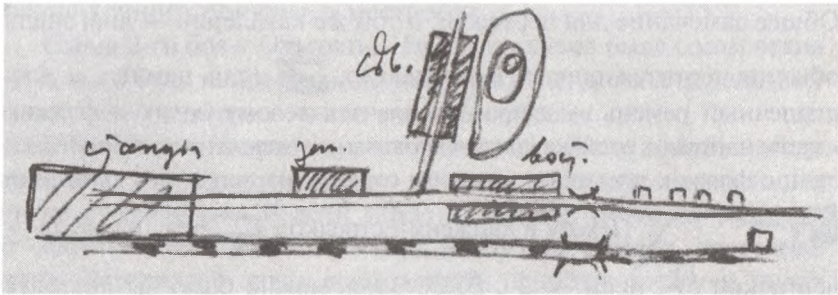
1) Дер. Волочаевка раскинулась по Вашему масштабу на 2 версты, я думаю, что это слишком много, и 1 верста максимум, со станцией, т. е. с запада на восток, включая вост. жел.-дор. будку, — версты $1^1/_2$, а у Вас со станцией более 3 вёрст.

2) Жел. дорога слишком «извивается», мне кажется, от ст. Волочаевка до Опытного Поля был прямой участок, может, небольшой изгиб, и во всяком случае от станции к востоку до моста и далее на некоторое расстояние прямой участок.

3) Сопка более вытянута с севера на юг; вершина была на сев. конце, и кто хотел подыматься с удобствами, шёл по пологому подъёму с южного конца.

4) К югу от станции были главным образом кусты, у Вас показан и лес.

5) Самую деревню я представляю себе так, как Вам чертил, но не вполне уверен в существовании или размере «западного» куска деревни.



«Северный» кусок деревни отстоял от «восточного» на 150–200 шагов. Во всяком случае, эти две части — «северная» и «восточная» — были главнейшими частями деревни. Вы в письме рисуете 3 плана деревни и во всех трёх у Вас указана ещё одна улица к востоку от сопки. Я к востоку от сопки не помню совершенно не только целой улицы, но и сколько-нибудь значительной группы домов. Помнится, осматриваясь кругом с сопки, я видел у самой сопки к юго-востоку небольшие хибарки — не то бани, не то амбары, не то бедные избёнки. Также, помнится, при разбивке квартир никто не говорил о существовании домов к востоку от сопки. По-моему, об этой улице или группе домов должны знать артиллеристы, там были позиции наших батарей. К востоку от большого моста было 4 домика, друг от друга отстоящие шагов на 100, и недалеко от последнего (к востоку) жел.-дор. будка. Эти четыре домика и будка мне хорошо запомнились в день боя 5/I, мы их удерживали в своих руках, в них (домиках) располагался

кондив и ходили греться другие, т. к. в будке было мало места. Будка находилась в 600–700 шагах от железнодорожного моста, и это, безусловно, не та будка, о которой Вы писали, что там останавливался Александров и что она находилась в 3 верстах от Волочаевки. Самое большее $^1/_2$ версты от моста, а деревня доходила до самого оврага с мостом.

6) Грунтовая дорога к западу от станции шла около жел. дороги, у Вас она отходит на 1 версту.

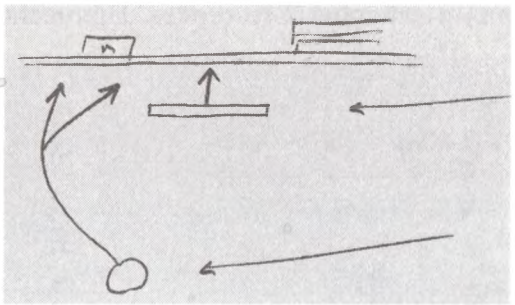
7) Где был переезд через жел. дорогу для дороги на Н.-Спасское, я совершенно не помню.

Вот, кажется, всё о самой местности.

План боя:

1) Обход 3-го бат. Ос[обого] Амурского [полка] у Вас показан, пожалуй, слишком глубоким. Они не успели бы, сделав лишних версты две по снегу, поспеть занять сопку, пока продолжалась главная атака красных с фронта. Наверное, они проскочили на сопку ближе. Это, конечно, не столь важно, точно всё равно не известно, а главное — захват сопки — объясняется.

2) В общих чертах схема расположения частей и движения довольно ясна, но Аргунов должен был расположиться ближе:



А. Направление, по которому (положение, с которого) 2-й отряд должен был нанести удар.

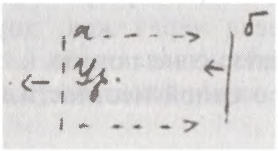
Б. Направление удара 2-го отряда.

3) Положение моего штаба до очищения деревни в самой деревне (у Вас показано к востоку от оврага), а положение ночью в 3-х верстах от деревни неверно, примерно и не дальше $^1/_2$ версты от моста.

4) В объяснении букв у Вас под буквой «г» показаны Вотк. кондив и Красноуфимцы. Как я уже писал, Красноуфимцев следует считать ушедшими с Добров. полком.

5) Под буквой «е» у Вас «бивуак», это слово не подходит, — скорее «исходное положение» для атаки.

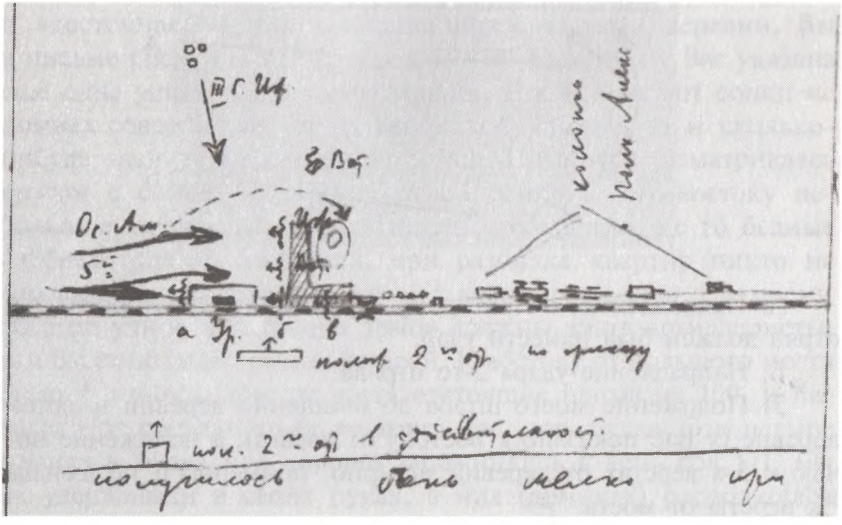
6) Желательно было бы части обозначать на схеме, а «буквами» — лишь то, что требует пояснения, напр.:



а) линия, где Ур. должны были остановиться.

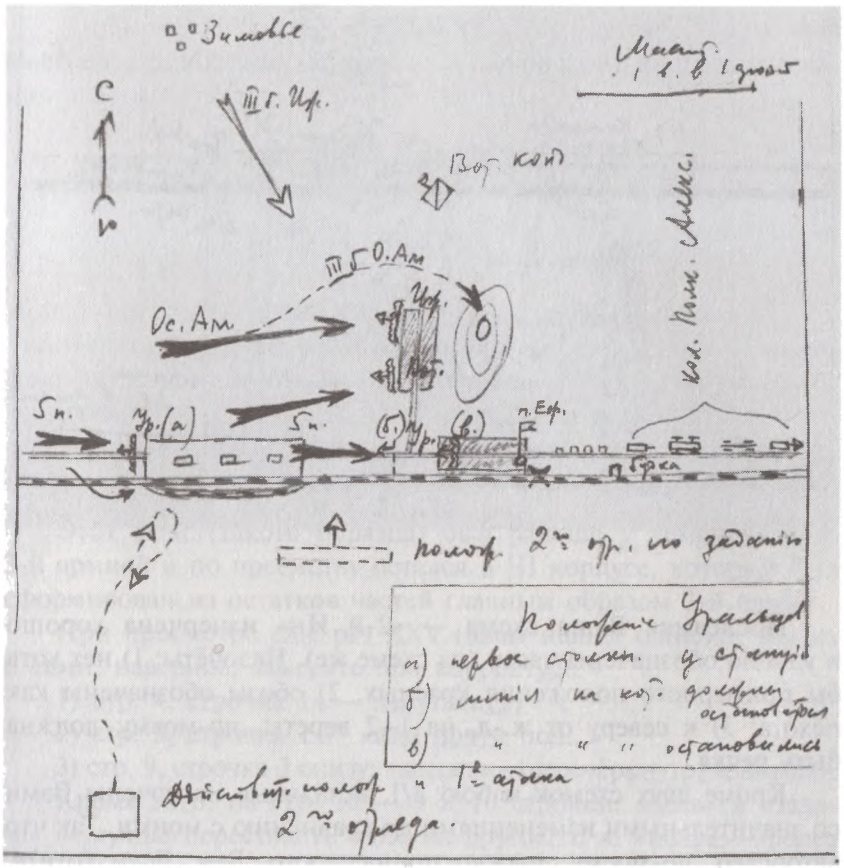
б) где Ур. задержались в действительности.

7) Также было бы очень желательно не ограничиваться одной схемой, а иметь хотя бы две. Бой длился довольно долго, описание занимает порядочное количество страниц, и возвращаться всё к одной и той же схеме будет неудобно для читающего. Кроме того, на двух схемах можно будет изобразить больше подробностей в расположении войск не в ущерб ясности. Было бы хорошо иметь: 1) схему начала боя (у Уральцев) и главного удара красных и 2) положение после главного удара (деревня нами оставлена) и действия 2-го отряда. Примерно 1-я схема:



Что-то получилось очень мелко при масштабе 1 вер. в дюйме.

Попробую взять $^1/_2$ версты в дюйме. Ширину схемы беру по ширине Вашей страницы, т. е. 5 дюймов. Черчу примерно, т. к. не знаю, какую оконч. форму Вы дадите деревне.



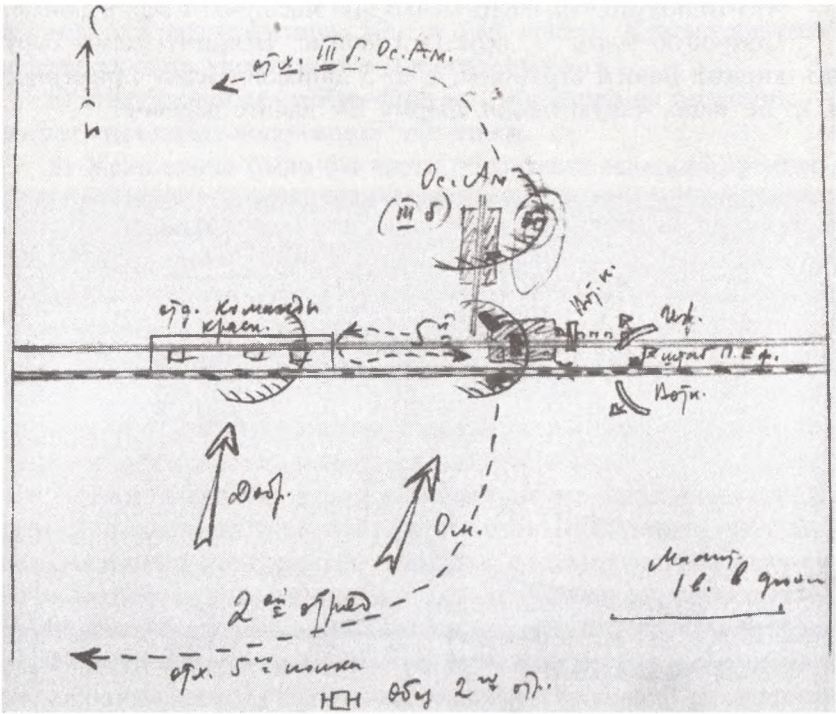
Пожалуй, только при масштабе в $^1/_2$ версты (и при соблюдении правильных размеров), схема будет ясна.

Положение Уральцев:

а) первое столкн. у станции,

б) линия, на кот. должны остановиться,

в) линия, на кот. остановились.



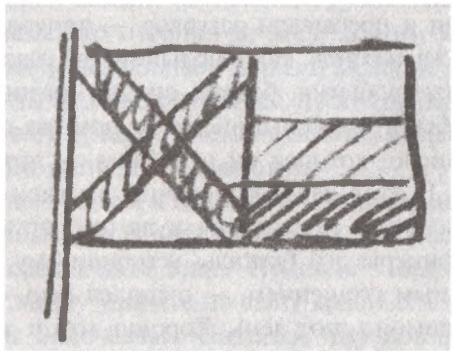
Последняя Ваша схема — «2-й Ин» начерчена хорошо и удобно обозначены части (на схеме же). Недочёты: 1) нет хотя бы примерного положения красных, 2) обозы обозначены как пехота; 3) к северу от ж.-д. на 1–2 версты, по-моему, должна быть речка.

Кроме двух схемок к бою 2/I, остальные начерчены Вами со значительными изменениями по сравнению с моими. Так что авторство, по-моему, должно принадлежать Вам. Если хотите, можно прибавить, что Ваши схемы начерчены согласованно с моими или начерчены по моим с некоторыми изменениями. Я этому значения не придаю и на авторство не претендую.

Хотел написать Вам много, но вот прошло уже 2 недели, и я не успел. Посылаю что есть. В воскресенье ездил к подполк. Торопову, снимки Ивановки он Вам даст. Он, оказывается, был в бою под Волочаевкой 5/I. Сначала говорил мне, что не был, был послан куда-то на север. Я этому вполне не доверял, т. к.

помню, что первое время ген. Молчанов сил на второстепенные экспедиции не тратил, старался разбить главные силы красных и дать частичный отдых. Теперь же подполк. Торопов вспомнил, что «был в ночном бою, когда красных впустили в деревню». Об этом напишу в следующем письме.

Чтобы не забыть, — о флаге ген. Молчанова. У него был флаг из 2-х половин: Андреевский (морской) к древку и национальный. Размеры теперь установить трудно.



Этот флаг (такого образца) был раньше у командующего 3-й армией и по преемству остался в III корпусе, который был сформирован из остатков частей главным образом 3-й армии.

При просмотре ещё раз XXV главы нашёл ошибки, Вы их и сами, наверное, заметите при корректуре:

1) стр. 4, строчка 14 — запутали<u>сь</u>,

2) стр. 5, строчка 1 — «или <u>почти</u> пол...»

3) стр. 9, строчка 3 снизу: «впереди» [перечёркнуто] «раньше».

Кроме того, на стр. 10 — 9 и 10 строчки: «цель» и «задача» — лучше переставить одно на другое, т. к. «цель» — более общее понятие (более распространённое по объёму), а «задача» — более узкое понятие и в воен. деле обычно «цель» состоит из исполнения последовательного ряда задач.

На стр. 10 у Вас захвачено $1^1/_2$ милл[иона] патрон. Это только на Покровке, а с мелкими партиями в других боях и на пленных — до 2 милл[ионов].

Пока всё. Всего наилучшего.

Искренне Ваш А. Ефимов

20/I 1933 г.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

24/I 1933.
Получено 18/II/33

В этом письме, глубокоуважаемый Борис Борисович, сначала передам свои разговоры с подполк. Тороповым, о чём я писал Вам в прошлом письме.

Застать Торопова дома очень трудно, он почти весь день проводит в своей лавке — гроссери (*англ.* grocery store, продовольственная лавка. — *Сост.*). В лавке у него пробыл больше часа, но приходили часто покупатели и прерывали разговор — приходилось начинать сначала. К тому же Торопов, как и большинство участников, хорошо помнит отдельные события, боевые стычки, разные эпизоды, но когда и где они были — в большинстве не помнит, особенно время. Единственное число, которое он вспомнил — это 18/I ст. стиля, или 31/I н. ст. В этот день его срочно вызвали из Мало- или Ново-Архангельского в Волочаевку, куда [он] прибыл поздно вечером. Здесь офицеры его бригады устроили ему торжественную встречу с обильным угощением, — оказался день его Ангела. Вот почему он и запомнил этот день. Хорошо, что и это есть. В этом пункте (Ново- или М.-Арх., как он называет) подполк. Торопов со своим отрядом пробыл около 4 дней. Отсюда можно установить, что отряд, в который входила конница подполк. Торопова (по его словам, до 250–300 чел., т. к. ему придавали конных от Омского и Добров[ольческого] полков и ещё была прикомандирована команда каких-то Сибирских казаков, которые почему-то не могли состоять при своих), выступил на север против Шевчука дней за 6–7 до 31/I. Пехота (чья — Торопов не помнит) выбила Шевчука из деревни, а подполк. Торопов, обойдя деревню, вышел на дорогу, когда они по ней отступали на север. Конница Торопова атаковала их, красные не успели их встретить, не успели установить пулемёты, и два пулемёта были захвачены. Пехота вернулась, а Торопов остался в этой деревне и через четыре дня был сменён Сибирскими казаками, под командой войск. старшины Торопова[122] (однофамилец). У войск. старшины Торопова была пластунская сотня и до 40 конных и 3–4 пулемёта.

Об этих действиях, как не входящих во 2-ю книгу, Вы ещё можете узнать подробнее, написав ему лично. Советую писать рядом коротких вопросов, тогда скорее ответит. Я просил его всё, что он мне рассказывал, написать прямо Вам. Он отказался

за недостатком времени. Таким образом, я являюсь излишним и нежелательным посредником с возможностью внести лишние ошибки. Мне это совсем не улыбается, но не хочется, чтобы были в Вашей книге значительные пробелы. Тем более что действия подполк. Торопова всегда отличались энергией и лихостью и недаром им так гордятся чины 2-й бригады.

Итак, можно считать установленным, что на север Торопов посылался в последнюю неделю января. Других значительных действий в отделе он не помнит. Следовательно, действовал со своей бригадой, в том числе и в бою под Волочаевкой и во «2-й Ин».

События, как я сказал, он немного путает, например, сказал мне: у Волочаевки его отгонял от жел. дороги красный броневик. Я ему напомнил события, о разрушенных мостах, и тогда он вспомнил, что это было позднее. Без уверенности в полной точности, а потому лучше с соответствующим предупреждением, можно примерно написать следующее:

«По не вполне точным и недостаточно проверенным сведениям, действия конницы 2-го отряда под командой подполк. Торопова выясняются в следующем виде. Подполк. Торопов получил от полк. Аргунова задачу ударить по тылу красных в районе жел. дороги к западу от Волочаевки. Подполк. Торопов в темноте, когда у Волочаевки уже шёл бой, приблизился к «Водокачке». Здесь было замечено скопление большой массы красных. Тогда подполк. Торопов подвинулся обратно к Волочаевке и в промежутке между Водокачкой и Волочаевкой сделал несколько налётов на красных. Во время одного из налётов белые наскочили на обоз красных, разогнали обозников и захватили несколько лошадей. В другой раз по сильному скрипу снега было выяснено, что идёт красная артиллерия. Подполк. Торопов спешил часть своей конницы и обстрелял красных. У красной артиллерии оказалось прикрытие с пулемётами, которое и развернулось против наступавших белых. Действия конницы подполк. Торопова обеспокоили красных, и они подтянули пехоту. Во время последнего налёта спешенные всадники подполк. Торопова встретили уже сильный огонь красной пехоты, развернувшейся вдоль полотна жел. дороги. Чтобы не понести больших потерь, подполк. Торопов отвёл свой отряд к бригаде».

Этот отрывок по своему времени и месту следует поместить во 2-й период боя и рядом с действиями III-го бат[альона] Ижевцев. Поэтому изменится текст в нескольких местах главы. По моим страницам письма от 14/XI следует изменить.

На стр. 21: «В то время, когда вышеописанные события происходили на разных участках нашего фронта, III бат. Ижевцев под командой подполк. Багиянца[123] прошёлся по тылу красных, находившихся перед Волочаевкой, а конница 2-го отряда под командой подполк. Торопова орудовала в красном тылу между Водокачкой и Волочаевкой.

Действия этих частей остались неизвестны прочим участникам боя до следующего дня. (Эту фразу, пожалуй, можно и совсем вычеркнуть.)

Багиянц вышел в красный тыл, по-видимому, раньше Торопова и пробыл там меньше, почему его можно оставить в порядке описания в начале, а действия Торопова после.

На стр. 23: «Подсчитывая итог второго периода боя, начавшегося..., в тылу у красных прошёл батальон Ижевцев и работала конница 2-го отряда; в тылу у белых

На стр. 26: «Положение красных Подполк. Багиянц в плен к Ижевцам.

Действия подполк. Торопова вынудили красных послать против него пехоту. Возможно, что им пришлось для этого оттянуть какую-то часть пехоты, уже действовавшую у Волочаевки, силою, наверное, не меньше батальона. Но какие именно части красных ушли, какие были оттянуты в тыл и какие остались на фронте, — определить точно затруднительно. Из дальнейших событий...

Здесь есть соблазн объяснить действиями Торопова отсутствие 6-го полка. Он мог быть в резерве или во 2-й линии и был оттянут против Торопова. Но Торопов, когда заметил цепи пехоты, в бой с ней не ввязывался и пошёл на присоединение к своим. Следовательно, эта пехота не могла понести потерь. Между тем, в арм[ейской] сводке о потерях 6-го полка говорится определённо и почему-то вместе с потерями Ос[обого] Амур[ского] полка. Это наводит на мысль, что оба батальона 6-го полка, бывшие под Волочаевкой, возможно, из-за слабого к-ра полка были приданы к Ос. Ам. полку. То есть находились в подчинении к-ра Ос. Ам. полка, который и донёс о потерях 6-го и своего полка вместе. Отсюда и красноармейцы знали, что их соединённый отряд имел столько-то потерь. Во всяком случае, говорить, кто именно был против Торопова — нет оснований, могли быть батальоны от любого из 3-х полков. Опять-таки, чтобы не гадать впустую, я не хочу указывать, что это были именно части 6-го полка.

Там же на стр. 26 и 27.

Остальные: 6-й полк, два батальона Ос. Амурского полка, артиллерия, Инж. дивизион и пр. под влиянием выхода подполк. Багиянца в тыл красной пехоты и налётов подполк. Торопова на жел. дорогу в тылу красных, а возможно и под влиянием других причин, оставшихся неизвестными, в конечном периоде боя участия не приняли, будучи оттянуты назад или самовольно уйдя с поля сражения.

На стр. 29: «Вторая группа, отряд полк. Аргунова, силою в 620 шт. и 250 (300) сабель, находилась к югу от жел. дороги...»

Эта поправка в составе 2-го отряда, конечно, должна быть внесена и в другие места.

Потери у подполк. Торопова были только в лошадях — несколько лошадей ранено, в людях потерь не было.

Вот, кажется, и всё, что необходимо сделать в связи с дополнительными показаниями, полученными от подполк. Торопова. К сожалению, его показания в моей передаче вышли немного сухими. Но трудно описывать события, в которых сам не участвовал, особенно мелкие эпизоды, в которых интересны всегда какие-либо характерные подробности. Украшать же отсебятиной я, конечно, не имею права.

Теперь передам Вам, опять-таки кратко, то, что запомнил из отд[ельных] обрывков воспоминаний подполк. Торопова о 2-м Ине.

Конница подполк. Торопова при подходе к тому месту, где разыгрался бой, шла впереди. Они сбили красных с 2-х позиций, и когда к ним подошёл полк. Мохов[124] со своим полком, то ушли на правый фланг. Здесь им пришлось увидеть, как начали наступление татары (Уфимцы). У красных на левом фланге (против Торопова) была также конница. Красная конница стремилась обойти наш фланг и начала подаваться больше в сторону (к северу). Тогда и Торопов стал принимать правее, чтобы не допустить красных обойти нас и выйти к жел. дороге. Таким образом, намерения красной конницы парализовались подполк. Тороповым.

Как связать эти действия с действиями Камцев, которые тоже принимали всё дальше вправо, и как определить взаимное положение Камцев и Торопова, — я не берусь.

Затем Торопов рассказал мне о большом ночном бое у раз. Ольгохта. Красные наступали, ген. Сахаров стоял у здания разъезда и был взволнован. Торопов сказал, что ген. Сахаров

не понравился ему в это время. Он подозвал Торопова к себе и приказал ему выйти в тыл красных и сжечь мосты. Торопов отправился исполнять это приказание.

Сначала из разговора я понял, что этот бой был после 2-го Ина. Но припомнил, что вскоре же после 2-го Ина ген. Сахаров уехал и как будто больше никакими боями не руководил. Осталось предположить, что это было наступление красных на Ольгохту перед самым Вторым Ином. Торопов без особой уверенности согласился с этим. Его отрывочные сведения об этом я могу кратко изложить так:

«Во время наступления красных на Ольгохту ген. Сахаров, встретив у жел.-дор. здания подполк. Торопова, приказал ему выйти в тыл красных и сжечь мосты.

Подполк. Торопов с Омским эскадроном и приданными к нему конными командами Омского и Добров. полков двинулся в тыл красных и, выйдя на жел. дорогу, сжёг несколько мостов. Для сожжения одного из мостов к нему было перетащено много сена из стоявшего недалеко стога. Один из мостов был подожжён в тылу бронепоезда. Заметив опасность, красный бронепоезд бросился назад и обстрелял группу всадников, которые подожгли мост. Высадив команду для тушения и исправления моста, красный бронепоезд вновь бросился на восток, где белая пехота теснила красных.

От стрельбы бронепоезда у группы белых всадников были потери, и они отошли назад. Но когда бронепоезд ушёл, подполк. Торопов вновь бросил часть своего отряда к горевшему мосту, и красные у моста разбежались. Бронепоезд поспешил назад на выручку оставленной команды, белые отскочили назад. Когда же бронепоезд снова пошёл вперёд, белые опять двинулись к мосту, обстреливая починочную команду красных.

Так продолжалось несколько раз. Белые не давали красным чинить мост, а красный бронепоезд должен был метаться от моста к своим передовым частям, которых он старался поддержать против наседавших белых и выиграть время для починки моста. Наконец, к красным подошёл с тыла поезд с починочным материалом и с сильным прикрытием.

Не имея возможности оказать красным серьёзной помехи в починке моста, подполк. Торопов собрал свой отряд и пошёл на присоединение к своим».

Зная из Вашего описания, где разыгрался последующий бой, я спросил подполк. Торопова, где он сжёг мосты, не между ли

1-й и 2-й будками от Ольгохты? Он сначала согласился, но потом добавил: «Наверно, не знаю, скорее между 2-й и 3-й». Здесь противоречие, в котором Вам легче разобраться.

Также непонятно, для чего ген. Сахаров приказал жечь мосты, если должен был наступать на Ин. Это уже выясняйте у самого ген. Сахарова.

Вот всё, что могу Вам сообщить о действиях подполк. Торопова. Может быть, от других Вам удастся узнать разные подробности.

Перехожу к очередному рассмотрению глав. Для глав XXX и XXXI я ещё дополнительных вопросов не получил.

Общие выводы боя у Волочаевки 5/I Вы мне прислали переработанными. Я Вам тоже послал эти выводы. Они несколько отличаются от Ваших, хотя в главнейшем говорится примерно одинаково и серьёзных возражений против Ваших выводов я теперь не имею. Всё же я бы хотел, чтобы Вы по возможности оставили то, что написал я. Мне, как руководителю боя, легче было прочувствовать и переварить весь материал, собранный Вами, сделать достаточно полные выводы и стремиться избежать всего лишнего.

Если же Вы не согласны с этим и измените мои выводы, дополнив их своими или, наоборот, свой текст дополните моим, то я сообщу Вам, какие места у Вас могут встретить возражения. В Ваших новых выводах Вы говорите в двух местах об Артюховском и о том значении, которое имел бы его выход на наш левый фланг. В предыдущей главе о нём говорится ещё раз. Итого три раза о том же, а притом не о факте, а о чём-то, что могло произойти, но не произошло. Это слишком много. По-моему, вообще следует избегать по возможности говорить о том, что могло бы произойти, если бы такой-то приказ был выполнен в точности, если бы не было такой-то случайности, если бы противники встретились позднее или в другом месте, и т. д. и т. д. При некотором увлечении в этих «если» можно строить очень много всяких предположений и мало говорить о самих фактах. Безусловно, выход Артюховского на наш фланг имел бы для нас большое значение. Я признаю, что скорее всего мы были бы принуждены отступить. Скорее всего, но не обязательно, т. к. красная конница вообще отличалась крайне вялыми действиями. Покус*

---

* *Покус Я. З.* Борьба за Приморье. М.–Л.: Госуд. воен. изд-во, 1926. — *Прим. сост.*

отмечает это в своей книге. Ни одного набега в тыл, постоянное прижимание к своей пехоте, робость при охватах (под Васильевским их Тр[оицко]-Сав[ский] полк имел против себя в 3 раза меньше Воткондивцев и ничего не сделал, повернул обратно). Так что упоминать 3 раза об Артюховском, как бы этим подчёркивая, что мы его боялись, не следует. Имея в виду важность направления, по которому он должен был ударить по нас, следует сказать об этом, но достаточно один раз.

Наконец, если упоминать несколько раз об Артюховском и важности его задачи, то в тех же местах следует упоминать и о 1-м Кав. полке, который должен был, если бы тоже выполнял приказ и действовал правильно, препятствовать манёвру Артюховского. Но упоминание об этом несколько раз может быть принято за желание уколоть лишний раз, подчеркнуть ошибку полк. Березина[125].

В первом отрывке об Артюховском (на 1-й стр. Ваших выводов) Вы между прочим говорите, что белые предвидели выход противника на Волочаевку только с запада и о появлении обходной колонны совсем не думали. Такое утверждение неверно или может быть понято совсем превратно. Если в первом утверждении, что белые предвидели только противника с запада, следует подразумевать белых вообще или, проще говоря, ген. Молчанова, то присутствие 1-го Кав. полка на Амуре указывает на то, что было нечто обратное. Белые считались с важностью Амурского направления, имели в виду возможность действий здесь красных и охраняли это направление кавал. полком. Что касается 2-го утверждения, о возможности появления обходной колонны со стороны Нижне-Спасского, о чём белое командование совсем не думало, то и это не совсем так.

Здесь под белым командованием надо подразумевать находившихся в Волочаевке, т. е. меня. Но я имел право рассчитывать, что моё расположение в Волочаевке охраняется с юга 1-м Кав. полком (от глубокого обхода по Амуру, конечно). 1-й Кав. полк имел самостоятельную задачу по запиранию Амура. Но по отношению к главным силам в Волочаевке он являлся охраняющей частью и не мог уйти со своего поста, не оказав должного сопротивления и не предупредив меня. Поэтому выход на Волочаевку Артюховского мог оказаться для нас неожиданным не потому, что мы были преступно беспечны и позабыли про дорогу вдоль Амура, а потому, что часть, охраняющая нас со стороны Амура, покинула своё место без предупреждения.

Что касается более близких обходов красных из района перед самой Волочаевкой, то об этом должны были побеспокоиться фланговые части. От Иж.-Вотк. бригады фланг охранялся Вотк. кондивом, но из-за темноты красным всё же удалось незаметно нас обойти и выйти на сопку. На левом фланге, как оказывается теперь, действовал подполк. Торопов. Наверное, были приняты и другие меры, т. к. в показаниях Добровольцев говорится, что «Полк. Аргунов, наблюдавший за наступлением красных и отходом Уральцев...» и во вставке № 6 говорится: «разъезды 2-го отряда донесли...»

В общем, я думаю, что о выходе тов. Артюховского и его возможных последствиях достаточно сказать один раз. В несколько иной форме это даже повторяется вторично там, где в конце выводов говорится об одинаковости распределения сил сторон, что «кавал. отряды обеих сторон отскочили в свои тылы».

В своих выводах я также выпустил о распределении наших усилий сначала на $^3/_5$, потом на $^2/_5$. Многого это не объясняет, пожалуй, ещё вызовет путаницу или недоразумение.

Если Торопов был со 2-м отрядом, то численность отряда доходит уже до 870–920 (620+250/300). Тогда это больше $^1/_2$ наших сил, фактически действовавших у Волочаевки, т. к. у Уральцев было 200 (?), у Иж[евцев] 340, у Вотк[инцев] 130, и у Вотк. кондива 100, а всего около 770. Но, с другой стороны, некоторые чины Омской бригады могут сказать, что если Вы считаете силы пехотными полками ($^3/_5$ и $^2/_5$ от числа полков), то правильнее будет считать, что в конечном итоге красных выбили не $^2/_5$, а $^2/_7$ сил, т. к. всего в распоряжении полк. Еф[имова] было 7 пех. полков и 2-й отряд не виноват в том, что два из этих полков Ефимов отправил в тыл.

Также более чем сомнительно, чтобы мы имели в конце боя дело со всеми красными силами. Скорее всего не больше $^1/_2$ (5-й и один бат. Ос. Ам.). Таким образом, вследствие разной численности наших полков и недостаточности сведений о красных, подсчёт может варьироваться по желанию:

— $^2/_5$ (и даже $^2/_7$) наших выбили всех красных

— более $^1/_2$ наших выбили не более $^1/_2$ красных.

При столь многих неизвестных — уравнение решается слишком различно, и лучше об этом не говорить ничего. В другой форме, не арифметической, выводы не теряют в своей полноте,

но зато не могут вызвать придирок в стремлении подсчитать уже со слишком большой точностью.

Мои сведения о том, как полк. Аргунов докладывал ген. Молчанову о своих действиях (захватить в сети, от рубежа к рубежу), я считаю помещать излишними. Я их в своё время писал Вам, чтобы Вы могли их проверить у самого Аргунова и добиться истины. Теперь настоящее положение дел выяснено сравнительно полно, а полк. Аргунов умер. Помещение этого отрывка может показаться желанием навести тень на покойного — обвинить его в укрывательстве истины от своего начальника. Весь этот отрывок до конца (кончается: «не замалчивать печальной истории со 2-м отрядом») лучше не помещайте.

Относительно преследования накоротке (после боя) и более решительного преследования на Ин я уже Вам писал.

В остальных частях Ваши и мои выводы разнятся в пустяках, и я о них говорить не буду.

Об остальном в следующий раз. С пожеланием всего наилучшего

Уважающий Вас А. Ефимов

P. S. Отряд подполк. Торопова желательно поместить в схеме боя у Волочаевки. Если не уместится — показать стрелкой его уход в тыл красных.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

31/I 1933 г.

Получено 1/III/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Посылаю Вам 6 снимков Ивановки и Ширяевки, полученных от подполк. Торопова. Он просит их поберечь и вернуть по использовании и по возможности скорее.

Чтобы не забыть, сообщаю, что Торопов также не помнит в Волочаевке улицы к востоку от сопки. Он пробыл там немало времени и помнит, наверное, деревню лучше меня. Я ему показал Вашу схему. Он добавил, что после того, как кончалась главная улица (вдоль жел. дороги), то к востоку, за оврагом было несколько отд. домиков и жел.-дор. будка. Он последним покидал Волочаевку при нашем отступлении. Таким образом, его представление о Волочаевке не отличается от моего. Об отдельных

домиках и будке он сказал мне сам, без моего вопроса. Таким образом, ещё одному человеку запомнились эти домики и будка.

Я рассказал Торопову то, что Вы писали про Аргунова. Он согласен с Вашим предположением, что Аргунова убили японцы. Аргунов был противником их действий, и японцам это было, конечно, хорошо известно.

На последнее Ваше письмо мне осталось ответить по нескольким отдельным вопросам.

Отъезд ген. Сахарова, по-моему, лучше никак не «освещать». Он, как человек очень впечатлительный и нервный, быстро выдохся и пал духом. Написал жене, и та прислала телеграмму, что сильно больна и просит приехать. Но «дипломатические» болезни — явление бытовое и, так сказать, узаконенное. Большинство, наверное, пользуется этим способом при неблагоприятных стечениях обстоятельств, и вскрывать это в Вашей книге, по-моему, не следует. Выдавать за факт — тоже грех против истины. Поэтому, если Вы ограничитесь простой фразой, что после 2-го Ина ген. Сахаров уехал во Владивосток — будет самое лучшее. Если сам Сахаров объясняет это своей усталостью или подавленностью от неудач — тем лучше, тогда эти причины и помещайте. Насколько я помню из разговоров с ген. Молчановым, он отъезду ген. Сахарова не препятствовал. Считал, что ввиду состояния ген. Сахарова ждать от него энергии и порыва больше не приходится. Но и его заместителю, ген. Ястребцову, ген. Молчанов особенно не радовался. Генерал Ястребцов — необыкновенно храбрый и хладнокровный человек — пулям никогда не кланяется и идёт в цепи во весь свой рост. Но он хуже, чем генерал Сахаров, разбирался в обстановке, и его спокойствие не помогало ему в управлении своими частями. Нельзя не приветствовать, когда храбрые, боевые офицеры выдвигаются на высшие должности. Но очень плохо, что у нас не считали нужным одновременно с выдвижением наверх проверить способность управлять высшими единицами. Управлять полком — это совсем не то, что командовать ротой, и управлять бригадой (или дивизией), состоящей из 3-х родов войск, уже сложнее, чем полком. У нас училище считалось концом науки для строевого офицера, дальше продвигайся сам, по способностям. В большинстве армий уже для получения роты надо выдержать особый экзамен, пройти особые курсы.

Увлёкся в сторону. По-моему, об уходе ген. Сахарова много писать не следует, и, может быть, лучше в соответствующем месте

просто сказать: «В это время (в этом бою) бригадой командовал ген. Ястр[ебцов] взамен уехавшего с фронта ген. Сахарова».

Заметку (проект) о том, что биография ген. Молчанова написана не полностью мною, я не получил. Наверное, Вы забыли вложить. Я с Вами согласен, что упоминание «из его частных писем» может быть неверно истолковано и лучше об этом не писать.

Интересных снимков Хабаровского похода у меня совсем нет. Более поздних я кое-что имею, но не могу похвалиться особенно характерными или интересными. После Хабар. похода я завёл в штабе фотогр[афический] аппарат, но, как полагается, в настоящей боевой обстановке снимать некогда, а в мирной обстановке не так уж интересно. Пришлю потом, они сняты летом и для Хаб. похода не годятся.

В письме Вы высказываете предположение, что опоздание с ударом 2-го отряда не сыграло в бою 5/I скверной роли, что если бы Аргунов ударил своевременно, он мог быть остановлен красными, произошла бы нейтрализация. Не думаю. Удар красных уже оказался «нейтрализованным» слабыми полками Урал[ьцев], Иж. и Вотк., уже на них они выдохлись и не смогли бы противостоять удару, к тому же неожиданному, более сильного количественно 2-го отряда. Конечно, если бы это был не энергичный удар, а вялое наступление с перебежками от рубежа к рубежу, красные могли бы принять своевременно меры и, может быть, сразу не откатились бы. Но тогда на них надавили бы более энергичные остальные 3 полка, из которых два (Ур. и Вотк.) и так переходили в контратаки.

Своим предположением Вы грешите прежде всего против общего правила наносить сильные удары, бить дружно, бить кулаком, а не растопыренными пальцами, давая отдельные щелчки. Безусловно, раз дело дошло до решительного момента, до кризиса, выгоднее ударить всем вместе, а не ждать, что противник разобьёт сначала одну часть наших сил, а потом другую.

Потом, Вы не правы в оценке наших сил и красных. Говоря об Артюховском, Вы считаете (и не без основания), что его появление должно было решить бой в пользу красных. А 2-й отряд наших сил, более многочисленный, Вы считаете не способным на такое решающее значение. Безусловно, атака 2-го отряда, заранее нацеленного и готового ударить в нужную минуту, была бы с более решающими последствиями, чем атака Артюховского,

которому надо было ещё ориентироваться и выяснять, как местность, так и расположение и своих, и чужих.

Конечно, на войне бывают всякие положения и, вообще говоря, всё возможно. Но каких-либо фактических оснований думать, что атака 2-го отряда не произвела бы решающего действия, а появление Артюховского было бы решающим, у нас не имеется. Наоборот, как мне приходилось уже отмечать, красная кавалерия действовала вяло и боязливо. Аргунов стремительностью не отличался, наступал обычно чересчур «методически», и задачу я ему поставил, как это мне стало ясно позднее, не в соответствии с его медлительным характером. Лучше было бы его поставить в деревню, а 3-й отряд использовать для быстрого удара с юга, — один Багиянц чего стоит, увлёк бы остальных, да и Болонкин[126] показал себя с самой отличной стороны и не задумался с сотней Воткинцев перейти в контратаку, не дожидаясь появления 2-го отряда.

Но во всяком случае Аргунов — упорнее и смелее кавалерии красных, отличался и добросовестностью, и, когда его части отхлынули назад, он привёл их в порядок и снова повёл в наступление, и притом ночью.

Из сравнительных качеств этих 2-х отрядов (Артюх[овского] и Аргунова), как они рисуются по другим их действиям, больше оснований предположить, что нейтрализация флангового удара Артюховского была более возможна для нас, чем нейтрализация удара 2-го отряда для красных. И если остановиться на мысли, что появление Артюховского даёт победу красным, то надо ещё с большей уверенностью утверждать, что исполнение задачи нашим 2-м отрядом дало бы нам более крупную победу с большим уроном для красных, может быть, с более крупными результатами в смысле захвата пленных, чем под Владимировкой.

Мне кажется, у Вас в выводах иногда попадаются крайности, или, выражаясь по-артиллерийски: то большой перелёт, то большой недолёт. Сначала Вы не совсем удачной редакцией приписывали 2-му отряду решающую роль в общей победе, а теперь Вы расцениваете его слишком низко и своим последним предположением совсем его обесцениваете.

Мне кажется, что теперь, с добавлением показаний Торопова, Волочаевский бой 5/I описан достаточно полно во всех своих главнейших частях. Но всё же желательно было бы дополнить некоторыми интересными отсутствующими подробностями.

Конечно, полного совершенства в описании достичь нельзя и из-за подробностей не стоит задерживать выпуск книги, но, может быть, кое-что Вы можете выяснить и теперь, а дополнительные сведения не будут лишены интереса, если попадут в следующую книгу. В частности, желательно было бы выяснить:

1. Действия Ижевцев; что они делали, когда Воткинцы переходили в контратаку (у Пороника и Каратеева). У фон Ваха я узнать не мог, так как он не руководил фактически на своём участке, не имел возможности из-за ночного времени и потому, что уехал ко мне для доклада.

2. Действия Омцев.

3. Подробности действий Багиянца; особенно было бы интересным выяснить, в каком полку был Ижевец, перебежавший у Волочаевки, и где его полк наступал. Мне сдаётся — он должен был быть в 6-м полку, т. к. навряд ли Ос. Амур. полк, и без того большой численности, пополнялся из Хабаровского сброда, взятого из тюрьмы.

4. Когда были захвачены в плен обозники 2-го отряда и разведчик (убежавший из плена) проходившими мимо красными: 1) в начале боя, когда 2-й отряд двинулся в первую атаку, или 2) в конце боя, когда отряд пошёл во вторую атаку после паники. Из показаний время ясно установить нельзя, но это решает вопрос — были это красные, удиравшие от Багиянца, из числа которых он поймал одну роту, или это были красные, встреченные у станции Добровольцами в конце боя (части 5-го полка) и бежавшие обратно в деревню, а из неё к югу.

Разрешение этих тёмных мест представляет интерес.

О книге Токаревского «Волоч[аевский] бой» я ничего не слыхал. Первый раз узнал из Вашего письма. Это, наверное, про Волочаевский бой в феврале. Здесь этой книги нет, и скорее всего Вы можете найти её в книжных русских складах в Европе. Амер[иканские] книжные магазины выписывают подавляющее большинство книг оттуда (Париж, Берлин, Прага, Белград, Рига).

«Сибирскому» номеру «Часового», по-моему, помочь следует, раз Вас просили содействовать. Была ли помещена в «Часовом» рецензия о Вашей книге? Я прозевал купить указанные Вами №№ и до сих пор ещё не видал их.

Продажа книги очень слаба. Кажется, ещё 9 экземпляров, данных мною «Новинке»[127], ещё не распроданы. Но они как будто

ещё выписывали самостоятельно от какого-то Шанх[айского] издательства, присылавшего им предложение.

Вы спрашиваете, отчего фон Вах ничего не даёт для книги, что он интересуется военными вопросами. Последнее верно, но Вах очень своеобразный человек. Удивительно увлекающийся и необычайно непостоянный. То, что было в Гражданской войне, им уже основательно забыто, а теперь он интересуется будущими войнами и будущими армиями. Или, наоборот, очень старыми — Фридрихом Великим или на что случайно натолкнётся. В частности, он большой поклонник конницы. Этот вымирающий из-за развития техники род оружия является для него всё ещё очень важным фактором будущей войны, и он усердно читает писания всех кавалерийских писателей, мечтающих о возрождении значения конницы. Между тем, в Гражданскую войну, где конница могла иметь действительно обширное поле деятельности и имела на Юге России (Мамонтов, Улагай, Шкуро, Покровский, Врангель в начале, у красных — Будённый и др.), в это время Вах, как Вам известно, пробыл всё время с пехотой. Таким образом, военные дела его интересуют больше теоретически, по-кабинетному.

Я ему дал на просмотр Вашу первую тетрадку новых глав и подчеркнул цветным карандашом те места, которые его касались. Он обещал внимательно просмотреть и написать свои поправки. Продержал тетрадку с месяц, всё собирался разобраться и написать, но и не разобрался, и не написал. Я пошёл к нему сам, вместе стали разбираться, и с его слов написал Вам исправления. Вторую тетрадку я уже ему не давал, а на словах расспросил кое-что о Волочаевском бое.

Между прочим, у меня сейчас с ним «охлаждённые» отношения. Я Вам писал кратко о причинах ухода ген. Молчанова и своего, и ещё 3-х человек, из Общества ветеранов. Конечно, естественно допустить, что все бывшие соратники ген. Молчанова были вместе с ним. Однако далеко не так. Это интересно в некотором отношении ввиду происшедшего у нас с Вами обмена мнениями о «каппелевцах» и «семёновцах». Оказалось, что против ген. Молчанова настроены были сильно некоторые его соратники, а именно Вах и Лебедев[128], отчасти Березин (парень простой и славный, но жил на квартире Лебедева и попал под его влияние), и за ген. Молчанова горячо ратовали большинство, даже вернее все, казаки. Один из них, Игумнов[129], Забайкальский казак, даже ушёл вместе с нами.

Как видите, «каппелевцы» и «семёновцы» — это не что-то такое непримиримое, а скорее случайное явление, не влияющее на практическую жизнь.

Хотя это всё мелочи, «домашний сор», который из избы не полагается выносить, но для характеристики напишу, почему Лебедев оказался в стане недоброжелателей Молчанова. Он был почему-то против образовавшегося в Обществе Дамского кружка. На встрече Нового года (1931-го) ген. Молчанов произносит речь за дам, помогавших постоянно Обществу, отмечает полезную деятельность Дамского кружка. Раздаётся не очень громко, но многие слышали, голос Лебедева: «Разве?» Ген. Молчанов моментально вспылил: «Если меня прерывают, если сомневаются в правдивости моих слов, — я больше говорить не буду». Встал и ушёл. Получился большой скандал. Публика собралась весело провести время, а вместо этого все расстроились. Стали обвинять Лебедева в нетактичности по отношению к вице-председателю[130], говорившему речь, в хамстве по отношению к дамам, которых касалась реплика, в неуважении ко всему Об-ву. Лебедеву пришлось усиленно извиняться. Другой бы, пожалуй, ушёл из Об-ва совсем, но Лебедев не только остался, но оказался очень злопамятным и терпеливым. Упорно подбирал компанию недовольных тем или иным действием Молчанова и обрабатывал втихомолку. Уже некоторые скоро стали говорить, что жертвой скандала является бедный Лебедев. У него «случайно» сорвалось, и не стоило бы Молчанову обращать на это внимания и портить всем встречу Нового года. Это, собственно, и был наиболее шумный инцидент. В других случаях обходилось более скромно, даже совсем незаметно. Так, один член Об-ва получил замечание от ген. Молчанова с глазу на глаз о чём-то недозволенном в среде офицеров (о чём именно, ген. Молчанов не говорит и обещал этому члену Об-ва никому не говорить) по отношению к дамам. Этот член Об-ва был на взводе, но послушался, а на следующий день поблагодарил ген. Молчанова за корректное и правильное замечание, но... потом примкнул к недовольным.

Почему оказался в том стане Вах, — право, не знаю. Ген. Молчанов часто откровенно, по привычке, ругал его и осаживал. Вах всё это принимал, как должное, и даже, как будто, был рад близким и открытым отношениям. Может быть, здесь и лежит загадка его перемены. Во всяком случае, все они были смирны, пока председатель Об-ва бар. Будберг по каким-то

причинам не решил дать им волю. Молчанов подождал, увидел, что барон вертит сам, и ушёл. Просьба — оставить исключительно между нами.

Пока всего лучшего.

Уваж. Вас А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

23/II 1933 г.
Получено 15/3/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Что-то давно от Вас нет никаких вестей. Последнее Ваше письмо от 12–19–22 ноября я получил 16/XII, и, значит, больше двух месяцев ничего не получаю. Если это признак того, что Вы усиленно работаете над выпуском 2-й книги — это очень приятно. Если Вас заставляют много работать в конторе — это звучит менее приятно. Но ничего не поделаешь — забота о хлебе насущном стоит на первом плане.

Но у меня есть подозрение, что какое-либо письмо пропало, моё или Ваше. Думаю так потому, что просил Вас срочно ответить, как поступить с предложением Нью-Йоркского склада «Русского слова», но Вы на это ничего не отвечаете. Получили ли Вы это моё письмо с приложением письма из книжного склада? Повторяю вкратце их гнусное предложение: 1) на комиссион. началах и 50 % в их пользу, 2) выслать им 1 экз. книги для ознакомления, 3) если они найдут, что книга может иметь распространение — тогда будут продавать.

Читал отзыв о 1-й книге («Белоповстанцы», кн. 1. — *Сост.*) в № 93 «Разведчика». Тон рецензии, в общем, мне понравился (кроме конца). Содержание очень «водянистое», видимо, автор рецензии даже не прочёл книги целиком, и ген. Вержбицкий и Пучков мелькают у него в книге как участники похода, тогда как их можно считать лишь руководителями похода из центра. Просто содрал фамилии с перечня биографий и в том же порядке, как у Вас. Но это не столь важно. Задача рецензии — заинтересовать в книге. Выполнено ли это — покажет спрос на книгу.

Прочёл в «Разведчике» о выпуске в Берлине русским книжным магазином каталога книг № 23 «Русск. военн. история». Выписал этот каталог себе (высылается бесплатно) и запросил,

не могу ли достать через них, если не имеют сейчас, указанной Вами книги «Волочаевский бой». Наверное, и Вы выпишете этот каталог и попытаетесь достать через них «Волоч. бой». Адрес: Berlin W. 50. Bannerstr. 33.

Ваши тетрадки я отдал Лебедеву, он сказал мне, что Вы писали ему и упомянули, что они у меня. Он мне сообщил, что написал уже кое-что для Вас. Я просил его всё относящееся к событиям до 14 января как можно быстрее направить Вам.

Просматривая написанное, я нашёл кое-где неудачные места. Пустяками затруднять не буду, но, если ещё возможно, хотел бы, чтобы Вы исправили немного мой вывод о 1-м периоде боя под Волочаевкой 5/I (на стр. 7-й моего письма от 14/XI), если Вы поместили это в моей редакции. Я там писал: «Уральцы задержали наступление 5-го полка красных примерно на час. Но это не является особенно важным, — красные и без того потратили бы примерно такое же время, чтобы развернуть свои силы...» Боюсь, что такая редакция может внушить Уральцам мысль, что их действия стараются умалить.

Желательная редакция: «Уральцы задержали наступление 5-го полка красных вдоль жел. дороги примерно на час. К северу от жел. дороги красные потратили около того же часа, чтобы развернуть свои силы для наступления, атаки и обхода деревни. Очень важными для нас действия Уральцев оказались в том, что они привлекли всё внимание...»

Ещё хотел сказать несколько слов о докладе ген. Правохенского[131] после 2-го Инского боя. Вы пишете, что неудача этого боя повела к расследованию причин белым командованием (точное выражение не помню).

Доклад ген. Правохенского, направленный ген. Смолину (а также полк. Ктиторова[132] — ген. Правохенскому и через него ген. Смолину) нельзя назвать расследованием. Генерал Смолин не имел никаких прав и оснований делать расследования, т. к. ген. Молчанов ему не был подчинён и боевые действия частей, входивших в состав 2-го корпуса, но подчинённых ген. Молчанову, не могли ни в какой мере подвергаться каким-либо изменениям или проверке со стороны ген. Смолина. Иначе получилось бы двойственное подчинение, особо пагубное во время боевых действий.

Если ген. Правохенский (и полк. Ктиторов) доносили по требованию ген. Смолина, то такое требование надо считать

вызванным личным желанием ген. Смолина ознакомиться с делами, и притом частным путём (помимо ген. Молчанова), и нельзя считать [это] расследованием. Если бы это было расследование, то следовало бы иметь показания и от остальных командиров бригад. Но даже полковник Аргунов, командир бригады 2-го корпуса, не доносит ген. Смолину так, как ген. Правохенский, а пишет частное письмо с личными пожеланиями.

Поэтому этот документ следует считать донесением ген. Правохенского ген. Смолину, которое может характеризовать события, а не документ, который явился официальным расследованием неудач этого боя, т. к. таковое расследование могло быть произведено или ген. Молчановым, или по приказу ген. Вержбицкого.

Самоё донесение ген. Правохенского очень мало или почти совсем не выясняет причин неудач боя. Что частям приказано выступить в одно время, а выступили позднее, ничего особенного не поясняет, — от одного этого боя проиграть нельзя. Местонахождение ген. Правохенского или его штаба (вместо того, чтобы быть вместе с ним, они оставались на Ольгохте), также никакого отношения к результатам боя не имеют. Вообще, если рассматривать это донесение как расследование, то следует признать, что более бестолкового, ничего не объясняющего и наполненного сведениями, непосредственно к ведению боя не относящимися, — трудно придумать.

В этом же донесении ген. Правохенский возводит большое обвинение на нашу санитарную часть, косвенно на ген. Молчанова (раненые помещались в нетопленые вагоны, никто не перевязывал, были голодны и т. д.).

На Ольгохте должна была быть санитарная летучка, которая была сформирована ещё приказом ген. Молчанова от 2/I в предвидении боя у ст. Ин 6/I. Санитарные приказы, имеющиеся у Вас, показывают, что должно было быть сделано и, наверное, было сделано. Если некоторые раненые были внесены в вагоны чинами штаба ген. Правохенского, то это были, наверное, единичные случаи, когда летучки выехали вперёд для приёма раненых возможно ближе к полю боя, а часть раненых проскочила к раз[ъезду] Ольгохта. Может быть, во время ночного наступления красных на Ольгохту ген. Сахаров приказал летучке отойти назад или даже в Волочаевку, но не может быть, чтобы она простояла там весь день 11/I, когда её обязанность — собирать раненых

на ближайшем возможном расстоянии. Желательно было бы об этом спросить ген. Сахарова.

Я спросил ген. Молчанова. Он коротко ответил: «Ложь. Летучка была впереди Ольгохты».

Кроме ген. Правохенского, никто не даёт такой печальной картины отношения к раненым. Ничего не говорит об этом и обстоятельное, затрагивающее все наши недочёты письмо полк. Аргунова. Я знаю из расспросов раненых при посещении Хабаровского госпиталя (Дробинина и других), что наши скудные санитарные силы работали самоотверженно и нареканий не вызывали. Даже в более тяжёлой обстановке, при движении вперёд, когда о санит. летучках, вследствие порчи жел. дороги, не приходилось и думать, раненые вывозились без особых затруднений. Когда железнодорожное сообщение наладилось, раненых в Хабаровске на станции встречали врачи и сразу же сортировали: одних, более тяжёлых, — в госпиталь; других, способных вынести перевозку и перегрузку у ст. Верино, — в тыл во Владивосток; наконец, третьих, могущих вскоре вернуться в строй, — в госпиталь или при частях.

Донесение ген. Правохенского основано на недоразумении или умышленно подчёркнуто. Наверное, это сделано, чтобы загладить или замаскировать собственный великий грех перед погибшими Пластунами, не вывезенными и замёрзшими. Все части — и этому научила практика войны, и это так положено, — имели свои собственные средства для вывоза раненых с поля боя до ближайшего санитарного учреждения. Один ген. Правохенский не позаботился об этом, не достал саней и после боя свою нераспорядительность скрывает за нетопленые вагоны и голодных раненых, которых грузили его штабные, место которых было, конечно, впереди, а не на Ольгохте.

Очень неудачно получилось то, что Вы вычеркнули из этой книги сведения о санитарной части армии. У читателей, не знакомых с тем, что было в действительности, может возникнуть представление, на основании доклада ген. Правохенского, что у нас раненых просто бросали на произвол судьбы и что у нас не было даже никакого санитарного персонала и оборудования. Было бы желательно, чтобы картина не представилась слишком односторонней, разъяснить это место, добавив о том, что должно было быть, или хотя бы содержание приказов, организующих санитарную часть.

Пока всего лучшего. Поджидаю от Вас сведений, как идёт дело с книгой, и также прошу ответить, как поступить с Нью-Йоркским книжным складом.

Желаю всего, всего наилучшего.

Уваж. Вас А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

2/III 1933 г.

Получено 28/3/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Мне осталось как будто одно — дополнения и исправления к 1-й книге:

1) на 3-й стр. оглавления при перечислении лиц на фотограф. группе № 4 пропущена фамилия капитана. Это капитан Полунин — и. д. нач. штаба Ижевско-Воткинской бригады с 4/XII 1921 г.

2) К стр. 32 и 63. На погонах у Ижевцев были 2 буквы «Иж», а не «И». На погонах у Воткинцев были 3 буквы: «Втк», а не «В».

3) К стр. 24 и 136. «Гондатьевская» позиция была очищена красными без боя вследствие разложения в красных частях. Крестьяне ближайших деревень рассказывали, что красноармейцы были посажены в окопы и красные командиры собирались упорно оборонять эту наиболее подготовленную позицию. Но красноармейцы стали сговариваться не оказывать сопротивления и сдаться. Узнав об этом, комиссары и командиры стали срочно гнать красную пехоту на станцию и производить посадку в вагоны. Крестьяне показывали, что красноармейцев загоняли в вагоны прикладами и штыками, большинство их было обезоружено.

4) Стр. 180. Командир Омского эскадрона капитан Торопов не Александр, а Афанасий.

5) Стр. 182. В строчке 4-й указана «ночь на 20 декабря», а в строчке 17-й «в ту же ночь на 21-е». Следует 20 декабря.

6) Стр. 243. Давал показания от Воткинского стр. полка поручик Близоруков, его фамилия пропущена.

Кроме этих мелочей, более существенными поправками нужно считать про: 1) Губеровский план, 2) Дормидонтовку с «мешком» и 3) подход колонн к Хабаровску. Об этом я писал Вам довольно

много и повторяться не буду. Вы хотели составить об этих поправках особую главу и прислать на просмотр. Но до сих пор я этого материала ещё не получил. Не знаю, как у Вас подвигается работа над окончанием книги, и не хотелось бы делать лишних задержек из-за проверки того, что Вы напишете об этих поправках к 1-й книге. Правда, понаписал я по этому поводу очень много, причём много лишнего или не подходящего по тону. Но, с другой стороны, я отметил по всем этим трём пунктам в своей рецензии о книге в «Вестнике»* Там у меня очень кратко, только самое существенное и по тону без резкостей, и потому может послужить более верным материалом для составления поправок.

Думал я также, как исправить описание боя под Покровкой. Это описание вышло очень неудачным. Я уже писал Вам о III б[атальоне] Добровольцев (Гайкович[133]) и что, будь на месте его Багиянц, и он ничего бы не сделал. Также писал, что Воткинский кондив не смог бы выполнить задачу по разрушению жел. дороги к западу от Покровки, раз эта задача не была выполнена в более благоприятных условиях при налёте на Волочаевку. Тут перед самым рассветом и перед носом у броневиков разрушение было бы очень затруднительно. Интересно было [бы] узнать по этому поводу объяснения самого полк. Дробинина.

Особо подробное описание действий Воткинского кондива и III б. Добровольцев затемняет главную часть боя. Разбирая эти эпизоды (на стр. 227), в своём выводе Вы как бы ещё более подчёркиваете значение их, и этим совсем отодвигаете главный бой на второстепенное место. Важнейшей частью боя я считаю атаку Воткинцев и Добровольцев на деревню, овладение деревней, отброску более многочисленных 4-го и 5-го полков в кусты, отражение их попыток вновь овладеть деревней, наконец, защита деревни от появившихся частей 6-го полка, которых тоже надо было отразить и заставить обойти деревню с запада. Всё это было не так просто, особенно потому, что мы не знали в точности, что произошло во Владимировке, не имели связи (пор. Эссен, конечно, мог прибыть лишь после главной волны красных) и были введены в заблуждение стрельбой своей же артиллерии.

Обо всём этом хотя и говорится, но как-то не особенно выпукло и рельефно, и получается впечатление, что III б. Добровольцев,

---

* *Ефимов А.* Хабаровский поход (по книге Б. Филимонова «Белоповстанцы») // Вестник ОРВВВ. 1932, № 71–72. — *Прим. сост.*

зашедши очень далеко вперёд, мог сделать очень много и отрезать красных от какого-то переезда, да не получил помощи от своих, хотя им как будто и делать нечего было после захвата деревни. Непонятна и роль этого «переезда». Переезд — не мост через глубокую реку, не ущелье или что-нибудь подобное, и захват переезда совершенно не ставил красных в тяжёлое положение. Они шли по полю, так же и продолжали бы идти дальше.

В общем, во всём описании боя более важное не подчёркнуто, более второстепенное привлекает гораздо большое внимания, чем того заслуживает. И хуже всего, что дело исправить очень трудно. Собственно, следовало переписать вновь всё описание боя, но это, конечно, нежелательно, исправлять же отдельные места, — не исправит общей картины. Конечно, во всём этом виноват больше всего я сам, что при проверке занялся лишь исправлением бьющих в глаза ошибок и не продумал хорошенько общего описания. Придётся примириться с тем, что бой этот, один из важнейших, вышел в описании неудовлетворительно. Бывает, что мало удачный или не особо интересный бой в описании получается интересным, и бывает наоборот, что хорошо прошедший бой (в данном случае мы выгнали из деревни около двойного числа красных, захватили артиллерию и много имущества, отогнали броневик или броневики и т. д.) получается в описании очень неуклюжим и неинтересным в чтении.

Ну, конечно, раз исправить это трудно, — не стоит об этом и ныть.

Думаю, что во 2-й книге таких промахов не будет. По крайней мере со своей стороны я сделал всё, что мог, чтобы всё исправить и по возможности отшлифовать. В особенности старался изобразить полнее и глаже Волочаевский бой 5/I. Ведь это была последняя победа последней Русской Армии в её последнем наступлении на большевиков. Дальше были только частичные успехи (Волочаевка 10/II, Васильевский), которые не заставляли красных отступать, а через 2 дня (у Волочаевки) и через сутки (у Васильевского) они добивались своего. Не было у нас побед крупных сил и во время окончательного отступления из Приморья.

Не знаю, получу ли ещё вопросы для 2-й книги, а потому желаю всего лучшего и надеюсь, что скоро выйдет в свет Ваша 2-я книга. И Вам, и книге — полного успеха.

Уважающий Вас А. Ефимов

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

15 марта 1933 года

Христос Воскресе!

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Сердечно поздравляю Вас и Вашу семью с наступающим светлым праздником Воскресения Христова и шлю свои лучшие пожелания к этим дням. Генералу Молчанову и всем иным лицам, кои вспоминают обо мне — мой привет и поздравления.

Сегодня получил Ваше очередное письмо — от 23 февраля. Вам не писал целую вечность. Устыдился и решил обязательно послать Вам несколько строк. Надеюсь, что извините за большой перерыв, чему виной: 1) контора, 2) книга и 3) отчасти дом.

Контора: до середины января безостановочно работал каждый день до восьми, восьми с половиной и девяти часов. Приходил совершенно разбитый. Потом немного «полегчало» — стал кончать в семь и в половину восьмого. Самые последние дни сбавил ещё — в шесть часов кончаю. И так с 21 ноября по 10 февраля пришлось туго.

Книга[134]: 7 февраля сдал книгу в набор. Типография должна по условию сдать её 24 марта, но, конечно, задержит. Полагаю, что, быть может, сдадут мне только в самых последних числах сего месяца. Каждый день работаю дома до полуночи, кроме того, пролетаю в типографию и в обед. Ваше исправление оценки действий Уральцев поместил. О Правохенском помещу также. Пока посылаю Вам план Волочаевки таким, как я его создал на основании ряда показаний. Возвращаю также фотографии: подполковника Афанасия Ивановича Торопова и 2) эскадрон Омского полка, село Ивановка май 1922 г. Остальные фотографии (Ширяевка, Ивановка и группа во Владивостоке) возвращу позднее.

Дом: Тамара Семёновна[135] по делам распространения первой книги «Белоповстанцы» уехала в Харбин, и в настоящее время мне приходится в добавление к конторе и книге присматривать за домом.

Предложение из Нью-Йорка аховое, но что можно сделать? Приходится послать и согласиться на их условия. Относительно «Новинки» я недоумеваю: кто им мог выслать? Разведайте, пожалуйста, осторожно, т. к. послать им могла ТОЛЬКО типография, секретно отпечатав больше и надув таким образом меня. От

Сан-Франциско я ожидал большего. Быть может, представится Вам возможность воздействовать на публику — пусть выплачивают, но с таким отношением они убивают всякую надежду на выпуск конца, не говоря о других книгах. Участники должны купить, хотя, конечно, ко всем несчастьям у Вас теперь было ещё землетрясение...

При всём своём желании писать дальше принуждён поставить точку. Надеюсь, что Вы извините меня за краткость на сей раз. Сколько нужно выслать Вам второй книги «Белоповстанцев»? Заканчивая сейчас вторую книгу, я думаю о работе над третьей, поэтому прошу Вашего содействия и воздействия на других в дальнейшем.

Ещё раз всего доброго.

Иск[ренне] уваж[ающий] Вас [подпись]*

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

4/IV 1933 г.

Христос Воскресе!

Поздравляю Вас, глубокоуважаемый Борис Борисович, и Вашу супругу со Светлым праздником и желаю всего самого наилучшего. Не откажите передать поздравление и привет ген. Сахарову, В. Н. Дробинину, В. Я. Коновалову и всем соратникам, которые меня помнят.

Искренне Вас уважающий

А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

20/IV 1933 г.

Получено 28/5/22 в Нагасаки

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Ваше письмо от 15 марта с двумя фотографиями Торопова и схемой Волочаевки получил. Спасибо за письмо и поздравление. Ваше поздравление ген. Молчанову передал. Он просил

* Публикуемые письма Б. Б. Филимонова представляют собой вторые экземпляры, отпечатанные под копирку и остававшиеся у автора, поэтому подпись на них отсутствует. — *Прим. сост.*

Вас поблагодарить и взаимно поздравить. Немножко поздно, — предпасхальная неделя была очень суетливой и [я] не мог Вам написать.

Рад был услышать, что второй том Вашей истории скоро выходит, может быть, даже вышел. Буду с нетерпением его поджидать.

Хотя теперь это уже праздные рассуждения, но схема Волочаевки меня не удовлетворила. Дать представление, как происходил бой, схема, конечно, может, но есть заметные ошибки. Масштаб, по-моему, преувеличен раза в два. Если бы, не изменяя самой схемы, Вы на масштабе поставили $^1/_2$ в., где у Вас 1 в., т. е. в 1-й несколько больше $^1/_2$ версты, было бы много правильнее. Теперь у Вас длина деревни более 2 вёрст, со станцией $3^1/_2$ версты, расстояние на 45–50 минут ходу, а между тем навряд ли потребовалось бы 20–25 минут пройти от восточного конца до станции. От улицы до жел. дороги (в средней части деревни) у Вас $^1/_2$ версты. Было не больше 150 шагов. Северный участок деревни, представлявший сравнительно длинную улицу, у Вас имеет одно измерение по всем направлениям. Этот участок деревни лежал у подножия сопки, у Вас они не вместе. Сопка показана много севернее, и такое положение сопки даёт неправильное представление о положении красных. Выходит, что III б[атальон] Амурского полка заскочил не в тыл, а только на фланг наших частей, находившихся в северн. части деревни. При этом положении сопки она получается почти в $1^1/_2$ верстах от моста. При таком расстоянии даже в очень светлую ночь красные не могли бы заметить всадников Вотк. кондива, нащупывавших красных у восточного конца деревни, и не могли бы их обстреливать. Между тем, ночь была не из очень светлых, луны не было, т. к., насколько вспоминаю, полная луна была около времени занятия Хабаровска.

Ну, что поделать, — раз не сохранилось настоящей схемы, составить её по памяти и по расспросам участников, у каждого из которых сохранились в памяти лишь отдельные местные предметы, очень трудно, и ошибки неизбежны. Моих же показаний Вы не придерживались.

Перехожу к вопросу о распространении книги. Интересно было бы знать, успешна ли была поездка Вашей супруги в Харбин. Там можно было бы найти наибольшее количество читателей, но как будто наша публика там наиболее бедная, больше чем

где-либо нуждается в самом насущном, и, наверное, не будет в состоянии покупать книгу в значительном количестве. Между тем, именно на Дальнем Востоке следует ожидать наибольшего интереса к книге.

В Вашем письме я вижу разочарование в ходе продвижения книги. Конечно, это не может не действовать расхолаживающим образом. При всём желании видеть Ваш труд о Хабаровском походе успешно законченным и при полном согласии помогать Вам по мере сил и возможности в его составлении, я не хочу, однако, вводить Вас в заблуждение и питать надеждами, что дело распространения книги может поправиться. Я и раньше этого не делал и считал, что Вы взяли на себя тяжёлый и неблагодарный труд — в условиях изгнания писать военные книги. Я считал, что Вы это делали главным образом из любви к делу, из любви к прошлому, из желания сохранить память о тяжёлых, но знаменательных событиях. О большом заработке, конечно, нечего было и думать, и каким-нибудь студенческим уроком, репетируя какого-нибудь остолопа, можно было бы с большим успехом и с гораздо меньшими усилиями заработать небольшую деньгу. Конечно, я не сомневался и в том, что, как бы Вы удачно ни устроились в смысле Вашего заработка, Вы не можете быть столь богаты, чтобы расходовать на издание книги большие деньги и не заботиться об их пополнении продажей книги.

Поэтому я, как, наверное, и многие, буду весьма опечален, если Вам придётся прекратить издание на полдороги. И очень будет жаль, если все Ваши труды и старания принесут Вам только огорчения и материальный ущерб. Раньше я придавал большое значение неудачному времени выхода книги, времени всеобщего застоя в делах и огромной безработицы. Но следует признать, что равнодушие к прошлому тоже очень велико. Сужу это по здешним походникам (участникам Хабаровского похода. — *Сост.*). Правда, их здесь очень немного, и, надеясь на Сан-Франциско, как на большой рынок для сбыта книги, Вы очень ошибаетесь. Здесь, правда, скопилось несколько человек командного состава, и потому может создаться впечатление, что есть немало участников похода вообще. Но это будет неверно: я и полк. фон Вах не встречали здесь ни одного Воткинца; я знаю о существовании одного Ижевца, встречал его редко, но он из таких, который книгами не интересуется, а тем более не будет их покупать. Года три тому назад ко мне приезжал один всадник

Вотк. кондива (Шорнин[136]) и спрашивал адрес Дробинина. С тех пор я его не видел и адреса не знаю, — живёт где-то в окрестностях Сан-Франциско. Вот и всё из Иж.-Вотк. бригады.

Когда мы праздновали 10-летие [Хабаровского] похода при Обществе Ветеранов и выискивали адреса участников похода, то нашли всего 19 человек. Им и послали повестки. Явилось только 9 человек. Остальные или не могли (полк. Вах болел — попал под автомобиль, полк. Мельников жил далеко от С.-Фр., подполк. Торопов занят в своей лавке), или отнеслись к моему докладу и встрече участников с полным равнодушием. Так что явилось больше посторонних (членов Об-ва не участников и со стороны), чем самих виновников торжества. Один из трёх моряков с «Дмитрия Донского», казалось, проявил интерес, обещал мне написать сведения о своём бронепоезде, но не только ничего не написал, но и совсем не пришёл, как и остальные моряки. По этому равнодушию к докладу и празднованию можно судить и о равнодушии к книге.

Наверняка кроме известных 19 человек, бывших в походе, есть здесь и другие, но в общем не так много и на большой разбор книг рассчитывать не приходится. Кроме участников похода, книгу могут покупать только единицы. В «Новинке» мне говорили, когда я сдавал туда Ваши книги, что наиболее известные, ходовые военные книги расходятся у них в количестве 3–4 экземпляров. Зато такие книги, как «Вопросы любви» или в этом роде раскупаются в количестве сотни, а то и двух.

Теперь я ещё меньше могу быть Вам полезен как распространитель книги, так как ушёл из Общества и редко кого вижу. Конечно, с удовольствием постараюсь всучить книгу тем, кто предварительно записывался на 1-й том, то есть 6 человекам (ген. Пучкову, Березину, Торопову, Шебеко[137], Седьмых и одну я брал сам для отсылки своему знакомому — ген. Шульце[138] — председателю Общества ветеранов в Детройте). Кроме того, желательна одна книга для отсылки в Нью-Йорк в книжный магазин. В «Новинке» я не бываю по причине событий, о которых вкратце Вам писал, или, проще говоря, избегаю встречаться лишний раз с полк. Вахом. Но моя жена заходила на днях, и я просил её узнать интересующие Вас сведения. Книг продано 6 штук. Должно остаться ещё 3, но почему-то жене сказали, что проданы все, а я им сдал 9 книг. Расписка у Вас, и при случае надо проверить. Или 3 книги где-нибудь запрятаны, или

ошиблись в подсчёте проданных книг. Кроме полученных через меня, «Новинка» других книг не выписывала и не получала. Заказ на 2-й том магазин пришлёт Вам непосредственно. Между прочим, из библиотеки при магазине была украдена Ваша книга. Кто-то захотел не только прочитать, но и иметь книгу, однако без расходов, по способу «покупить», как называли в походе приобретение без расплаты.

Буду рад по-прежнему помогать Вам в дальнейшем, но в ближайшей следующей книге, где Вы, наверное, поместите события до отхода из Хабаровска, моих материалов будет очень немного. В этот период я пребывал в бездействии в Хабаровске и часть времени проболел, а бригада по полкам выполняла всякие мелкие поручения (против Б[ойко]-Павлова, устройство укреплений, сторожевая служба и т. д.). В этих делах я непосредственного участия не принимал и, естественно, мало помню по рассказам других.

Хотя это меня мало касается и является Вашим личным делом, но хотелось бы знать, как идёт книга на Д[альнем] Вост[оке], исправно ли платят взявшие у Вас книгу в рассрочку, большие ли убытки?! Если дела заставят Вас прекратить издание, мне всё-таки хотелось бы надеяться, что Вы не бросите Вашей работы, в которой приобрели уже большой навык. Если невыгодно издавать книги, можно помещать свои исследования в таких изданиях, как «Русских архив» (или «Архив революции», — не помню названия) или «Белое дело». Конечно, это не то, что своя собственная книга, но всё же нечто.

Пока всего хорошего, будьте здоровы.

Уважающий Вас А. Ефимов

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

9 июля 1933 года
А. Г. Ефимову
2517 Калифорния Стр., Сан-Франциско

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Прежде всего, прошу меня простить и извинить за столь долгий перерыв в письмах. Из моей открытки, посланной из Японии, Вы уже знаете, что я был там. Сейчас уже две недели, как я вернулся в Шанхай и приступил к работе в конторе.

Я думаю, что лучше всего сделаю, если приступлю к постепенному изложению событий со времени моего последнего письма.

С ноября пр[ошлого] года по середину февраля с. г. я не имел абсолютно времени, отдавая конторе все свои вечера и даже первые дни Рождества Христова и Новый год. С февраля стало немного легче, но в это самое время моя вторая книга поступила в набор, а потому все вечера, всё свободное время я стал отдавать, и его всё же мне не хватало, проверке набора и сопряжённой с ней беготнёй в типографию и пр. и пр. Наконец, в конце марта месяца книга ВЫШЛА из печати, но тут говенье, затем Пасха, потом приготовления к отъезду в Японию и, наконец, два месяца волен.

Вы спрашиваете, была ли успешна поездка Тамары Семёновны в Харбин? Она выехала туда 25 февраля и вернулась 11 апреля. Продала до 200 книг, но до 80 рублей недополучила и оставила Харбин, дабы быть дома к Пасхе. Эти недобранные монеты плавают в Харбине и по сие время, и, несмотря на заверения покупателей, что они вышлют их (монету) в Шанхай, до сего дня ни один человек не выслал ни одной копейки. Те же деньги, что Тамара Семёновна собрала, все их она прожила и протратила на проезд. Таким образом, поездка не дала нам минуса, но не дала также и никакого плюса. Всё это, конечно, ничего, что нет плюса, но плохо в том отношении, что из-за этого отсутствия плюса нет уверенности, что следующая такая поездка при стечении некоторых неблагоприятных обстоятельств не принесёт известный минус. Тогда дело будет совсем плохо, ибо убьёт право на израсходование деньжат на издания следующих частей. В своём письме, кое я получил в Японии, Вы высказываете опасение, что я брошу свою работу. Нет, пока я не собираюсь её бросать, но опасаюсь, что кроме замедления темпа работы, коий я намеревался усилить, придётся, пожалуй, поставить под вопрос издание работ, т. е. приостановить распространение в массах данных и документов о ДНЯХ БОРЬБЫ.

Быть может, Вас удивило моё двухмесячное молчание? Почему, в самом деле, человек, имеющий всё своё время свободным, не утрудился написать ни одного более или менее толкового письма? Дело это объясняется просто. Когда мы собирались в Японию, то нас запугивали всякими «жупелами». Между прочим, не рекомендовали брать с собой пишущей машинки. Я её и не взял. А не взял — я и не писал писем, за исключением

коротких открыток, ибо за последние годы привык всю свою корреспонденцию вести исключительно на машинке. Такова была истинная причина моего двухмесячного молчания.

В Японию мы выехали 3 мая, а вернулся оттуда я 3 июля. За это время мы побывали в Нагасаки (с 4 по 11 мая), в Кобе (с 12 мая по 28-е) и вновь в районе Нагасаки (с 28 мая по 28 июня). Жена осталась там до осени, я же вернулся испекаться в пыльном и грязном Шанхае. Кроме того, Тамара Семёновна ездила из Кобе в Токио и Иокогаму. В Японию мы взяли по 25 экземпляров каждой книги, итого 50 экземпляров. Все их продали. Почти все в Кобе. Можно было бы взять больше и проехать дальше на север: в Хакодате, да и в Токио можно было продать большее число книг. Но мы взяли с собой минимум, дабы не таскать с собой лишнего груза.

Вас интересует, как живут русские в Японии? Скажу, что, по моему мнению, там они живут много лучше, чем в Шанхае и вообще в Китае. Я с женой лично чувствовали себя спокойными, защищёнными законом и независимыми. В Шанхае и вообще в Китае имеются китайцы, иностранцы и русские. Первые — хозяева, вторые — знатные бары, третьи — бесправные, коих кому не лень может оскорбить и обидеть. В Японии — закон, порядок, чистота, тишина. Если в Китае русские сбились в больших городах, где имеются концессии, и живут только на них, то в Японии русские раскидались между японцами и проживают по всем более или менее крупным городкам. В Токио живёт до 500 человек, в Кобе до 300, в Нагасаки 15 (включая младенцев и детей) и т. д., всего же в Японии до 5000 белых русских. В Нагасаки мы проживали у Сейфулина[139] (бывший Хабаровский кадет и личный адъютант Семёнова[140], ныне представитель Его Имп. Величества Гос. Импер. Кирилла Владимировича[141]). В Кобе имеется одна Ижевка — Братухина. На одной из больших станций проживает кап. Пальчиков. В Токио два наших офицера.

Всё же в Японии по культурному своему развитию русская публика стоит много ниже Шанхайской. Русские в Японии почти совсем не организованы. Каждый живёт сам по себе. Политикой не интересуются, прошлым также. Живут сегодняшним днём — брюхом и только. Газет русских в Японии не издаётся. Читают Харбинские газеты, но и то далеко не все, и многие по месяцам не видят русской печатной буквы

и не стремятся её видеть. Следует отметить, что несмотря на это 999 из 1000 сохранили свою русскость, между тем в Шанхае значительный процент развитых, «культурных» русских «обшанхаился», утратил или утрачивает свою русскость и совсем не стремится её сохранить, и это несмотря на обилие русской колонии, несмотря на наличие огромного духовного багажа. В Шанхае очень многие русские подделываются под иностранцев и усиленно впитывают в себя всю эту мразь, как то: «гудбай», «хало», «олрайт» и пр. и пр. Впитывают всю эту мерзость в русский язык и, между прочим, не говорят хорошо по-английски. В Японии, наоборот, подавляющее большинство владеет японским языком (простонародным), но свою родную речь не искажает добавлением иностранщины.

Получив от Вас письмо в Японии, я написал в Шанхай и просил своего человека выслать Вам. Он послал Вам 16 (?) экземпляров, кроме того, по своём возвращении в Шанхай я послал Вам два экземпляра (личные для Вас и ген. Молчанова). Посланные экземпляры прошу Вас продавать по 1.60 амер. дол. за 1 экз. Кроме того, лишние экземпляры передайте, пожалуйста, фон Ваху. К данному письму прикладываю квитанцию магазина «Новинка» в получении фон Вахом от Вас 9 книг по цене в 2.00 со скидкой в 40 %. Очень прошу Вас получить с него деньги за проданные книги. Кроме того, по получении денег очень просил бы Вас уплатить 1.20 в «Вестник ветеранов Великой войны» как подписную плату от меня за 1933 год. Теперь буду с нетерпением поджидать от Вас вестей: Вашей критики моей второй книги. Также меня интересует, что думает и говорит о ней ген. Молчанов. По просьбе «Часового» я выслал им на комиссию 20 книг 1-й части. Часть вторую я пока попридерживаю, т. к. должно спихнуть ещё первую. Поездка моей жены в Европу пока отложена на неопределённое время, т. к. ехать с двумя книгами бессмысленно — надо забрать с собою четыре. Тогда кое-что можно оправдать, а то и дорогу не покроешь. Если у Вас есть время и охота, то, быть может, Вы приступили бы к постепенному суммированию данных о боях под Спасском, Свиягино, Уссури, Монастырище. Об этом последнем походе у меня на руках полный отчёт о действиях частей ген. Смолина с 9 октября по разоружение в Пограничной. Очень сожалею, что в 1928 году погиб мой подробный дневник — описание действий группы ген. Бородина (в неё входила наша батарея), но кое-какие

записки об этом у меня остались. Пока кончаю. Благодарю Вас и ген. Молчанова за Вашу помощь, без которой книги мои были бы далеко не полны и не правильны, а также шлю свои самые лучшие пожелания Вашей семье, ген. Молчанову и Вам.

Всего наилучшего. Искр. уваж. Вас —

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

27/VII 1933.
Получено 19/8/33

A. Efimoff
1324 Scott Str.
San Francisco Calif.
USA

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

От всей души поздравляю Вас с появлением в свет Вашей второй книги. С книгой ещё как следует не ознакомился, но по первому взгляду она производит такое же прекрасное впечатление, как и первая.

Обе Ваши открытки из Японии я получил — благодарю за память. Очень был рад узнать, что Вы решили продолжать свою работу, хотя и собираетесь замедлить темп.

Вас, видимо, не останавливают и трудности в распространении книг. У Вас американская расчётливость и настойчивость. Они в своих более крупных делах не рассчитывают на достижение быстрого успеха, а как-то умеют засматривать вперёд. На «Русской реке», где я провёл свой отпуск (70 миль от Сан-Франциско), один американец построил ресторан и танцульку, затратил 10 000. Ресторан работает плохо. Он говорит: «Я это дело знаю. 3 года буду терпеть убыток, с 4-го будет прибыль».

Горячо желаю, чтобы и Ваши труды принесли Вам не только нравственное удовлетворение, но и материальную пользу. Сознаюсь, я завидую Вам, что Вы можете выпускать такие книги. У меня нет на это ни возможностей, ни средств.

От Вашего приятеля я получил 16 книг. Они недели 2 пролежали на почте. После приезда из отпуска менял квартиру и устраивался и потому не мог Вам своевременно написать о получении книг.

Одиннадцать книг (2 пачки: 6+5) передал «Новинке», квитанцию прилагаю. Пять передаю лицам, которые записывались на 1-ю книгу. Какую цену Вы назначаете для этих лиц? Думаю, чтобы им не было [бы] безразлично в будущем, где брать: непосредственно от Вас (через меня) или через магазин, желательно назначить цену на 20–30 коп. меньше. Это даст Вам небольшую экономию по сравнению с продажей через магазин.

Относительно распространения книги через Нью-Йоркский книжный магазин, с которым я вёл переписку, у меня появились сомнения. Берут 50 % и, боюсь, никакого толка не выйдет. Я задержал им посылку 1-й книги, после Вашего согласия на это, т. к. ждал 2-ю книгу и хотел направить их вместе. Но в новой газете «Россия» (полувоенного характера) появилось объявление о Вашей книге с моим адресом для приобретения. Кто поместил объявление — я не знаю. Думаю, что мой знакомый из Детройта (ген. Шульце, председ. Детройтск[ого] О-ва Ветеранов), которому я посылал Вашу книгу от себя в подарок и который знаком с редактором этой газеты полк. Н. П. Рыбаковым[142]. Но результатов от объявления нет никаких. Одно объявление не помогло, надо помещать больше, но это большой расход, который, безусловно, не окупится.

Что Вы скажете по поводу всего этого и каковы Ваши предположения?

Просит книгу Патриаршая библиотека в Сербии, конечно, бесплатно. Пересылаю на Ваше усмотрение, сообщаю им, что без ведома автора не считаю себя вправе посылать им книгу. Если найдёте нужным — вышлите сами. Возможно, что с этим серьёзным книгохранилищем связь будет не бесполезна и можно взамен попросить их библиографический журнал и наводить справки о книгах.

Относительно замедления темпа в работе должен сказать, что это, видимо, необходимо. В прочитанных страницах заметил большое количество грамматических ошибок. Этого даже в скороспелой 1-й книге не было. Не стоит стремиться выпускать хорошие книги на 2–3 месяца раньше, рискуя из-за этого их качеством.

Свои придирки и критику начну со следующего письма, — надо окончательно устроиться на новой квартире и начать внимательное чтение.

Ещё раз поздравляю Вас с завершением трудов по изданию 2-й книги и желаю успешного распространения обеих книг.

Рад, что Вам удалось получить хороший отпуск и отдохнуть. Я был в отпуску 4 недели, из них только за одну мне заплатили, остальные на свой счёт.

Всего, всего наилучшего.

Искренне Вас уважающий А. Ефимов

P. S. Читал в здешней газете, что красные купили 15 экз. Вашей книги, отправили в Москву. Верно ли? Я бы купил на их месте больше для участников с их стороны — для назидания и усвоения пройденного.

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

2 августа 1933 года

Господин полковник,

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Наконец-то собрался сесть и написать Вам письмо. Итак, после двухмесячного пребывания в Японии я вернулся назад в Шанхай. Отсюда я уже отправил Вам одно короткое письмо. Надеюсь в скором времени получить от Вас новую весть и услышать Вашу критику моей второй книги. Пока же перейду к делам Шанхайским и Харбинским.

На днях мне удалось получить от одного «Бессмертника» его дневник (точнее, краткую записку того времени) обоих походов с полк. Карловым. Так как данные сведения Вам, безусловно, небезынтересны, то я посылаю с данным письмом копию его записки на двух листках*

«Добровольческий союз», возглавляемый генералом Сахаровым в Шанхае. 4 мая ген. Сахаров устроил в большом местном, ныне закрытом, ресторане Ткаченко благотворительный вечер «Хабаровского похода». В этот день мы с женой были уже в Японии, а потому на вечере, конечно, не могли быть. Весь доход ген. Сахаров потратил на снятие и оборудование комнаты новообразованного Союза. Правление Союза составляют высшие войсковые начальники (точнее, командиры частей): полк. Доможиров, Сидамонидзе, Торопов, Дробинин, под председательством

* В архивном фонде упомянутая копия записки отсутствует. — *Прим. сост.*

Сахарова. Под союзное собрание ген. Сахаров снял комнату в здании клуба русского атлетического общества. Днём в этой комнате — детский сад некой м-м Быковой, а вечером — собрание «добровольцев». Т. к. днём это детская комната, то на стенках висят картинки ослов, свиней, коров, лошадей, ежей и пр. зверюг, а выше них, т. к. эта комната — в то же время собрание быв. бойцов за Россию, висят: национальные флаги, георгиевские ленты, портреты адмирала Колчака, Каппеля и пр.

В день Св. Владимира — память Каппеля и праздник Волжан — в собрании Волжане устроили праздник — чашку чая. Всего было 24 человека. Из посторонних — Дитерихс и Сидамонидзе. Был приглашён также Васильев (Камец), но по делам службы он задержался и не смог прибыть. Дам было три — быв. сестры милосердия (две) и супруга ген. Сахарова. Вечер прошёл по отзывам бывших там хорошо. Дитерихс против обыкновения задержался слишком даже долго — до 2 часов ночи. Теперь Сахаров и Доможиров носятся с проектом создания Общества взаимного капитала. При этом снаружи это общество как будто бы будет походить на существующее Общество взаимопомощи быв. чинов 1-й бригады в Шанхае, но по существу Сахаров ставит задачей не взаимопомощь, а накопление средств для активной противокоммунистической работы парт[изанских] отрядов в Приморье. Что из всего этого получится — один Господь Бог знает.

В день же Св. Владимира в казачьем доме был устроен вечер: доклад и концерт, посвящённые памяти Св. Владимира. Председательствовал местный архимандрит о. Макарий (он был в Чите, ранее того в Красноярске). Доклады сделали: он сам, о. Андреев, о. Бородин (кириловец), г-н Мусий-Мусиенко[143]. На этом заседании я был. Народа было очень немного. Бологов[144] (председатель Казачьего союза) носится последнее время с идеей создания отряда ПОТЕШНЫХ (казачат и «мужичат»), коих собирается нарядить в военную форму и вооружить деревянными шашками и винтовками. Бывший генерал Зайцев[145] (быв. нач. штаба Дутова), ездивший в СССР и вернувшийся оттуда (книга «Соловки»*), совместно с быв. эсером Малиновским создали в Шанхае новую партию «Роснаци» и уже отпечатали устав её. Этим дело, надо полагать, и ограничится.

---

* *Зайцев И. М.* Соловки: коммунистическая каторга, или место пыток и смерти. Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. Шанхай: Тип. издательства «Слово», 1931. — *Прим. сост.*

В ближайшее время думаю начать приводить в порядок следующую часть своей работы, а потому со следующим письмом верну Вам часть документов, любезно одолженных генералом Молчановым.

Что нового у Вас? Как обстоят дела с Союзом Ветеранов? Не изменились ли там настроения? Не получили ли какого-либо ответа из Нью-Йорка относительно моей первой книги?

Пока буду кончать. От души желаю Вам и Вашей семье всего самого лучшего в жизни. Привет генералу Молчанову, Левицкому и остальным, кто помнит меня.

Искр. уважающий Вас —

В одном из своих старых писем Вы спрашивали меня: не встречались ли мы с Вами, т. к. Вам показалось, что лицо моё Вам знакомо. Возможно, что Вы меня почему-либо запомнили: ходил я в Хаб. поход либо в очень пушистом полушубке, либо в кожаной куртке. При отступлении же в Анучине я по какому-то делу был у Вас в штабе и с Вами разговаривал.

О поездке жены в Харбин писал. Между прочим, там господствует мнение (насколько оно глубоко сидит в душах, сказать, конечно, трудно), что Аргунов был убит случайно. Мартынов везде принят в военных кругах, но... в настоящее время кто где не принят?..

Ваш —

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

28/VIII 1933 г.
Получено 21/9/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо от 9 июля. Получил я его месяц тому назад, но устройство на новой квартире и куча разных мелких дел не оставляли мне почти совсем свободного времени. Даже книгу ещё не успел прочитать как следует. За присланный мне экземпляр глубоко Вам благодарен. Экземпляр ген. Молчанова передал по принадлежности, он также Вас очень благодарит, собрался Вам написать и даже как будто начал. Но это ещё ничего не значит, и конец может затянуться на неопределённое время. Его мнение кратко выражается [так]:

Вы сделали большую и трудную работу. Он даже защищал Вас, когда я ругнул Вас за некоторые недочёты. Рад, что Вы хорошо отдохнули и освежились в Японии. И хорошо сделали, что не брали с собой пишущей машинки, — по временам надо обо всём забывать и только отдыхать. Если же во время отдыха Вам удавалось что-нибудь читать по военному делу и, в частности, по истории, это могло принести и большую пользу для проверки своих знаний, выводов и даже приёмов писания.

Ваше впечатление о Японии, об их порядке, тишине, законности, — меня не радует. Значит, их государственная база покоится на твёрдых основаниях, и армия может спокойно заниматься новыми приобретениями и перевариванием их. Так как в нашей несчастной России продолжаются дикие коммунистические эксперименты и защищить своё добро русский народ теперь не сможет, японцы легко смогут отобрать и Приморье, и, если захотят, и далее. Потеряли мы с этой проклятой революцией немало на Западе, легко можем потерять и на Дальнем Востоке. Всё это с величайшим ущербом для будущей России. Было бы много приятнее слышать, что в Японии тоже неспокойно, идёт брожение, действуют свои разлагатели, и тогда можно было бы быть спокойнее за свои земли.

Ну, что будет, то будет. Придёт время, когда и Россия вновь оправится и залечит свои раны; будет время, что и Япония, изнахалившись и зарвавшись, как Германия, получит щелчок по носу.

Довольно о постороннем. Попробую начать разбор 2-й книги. Общее впечатление очень благоприятное. Совсем нет «губеровских» и «дормидонтовских» планов, и это — важнейшее преимущество перед первой книгой. Конечно, в более главном ошибки и промахи менее простительны, в мелких же событиях точности всё равно не добьёшься. Таким образом, с этой стороны — надо признать полное благополучие. Недочёты среднего масштаба встречаются, из них главнейшие: 1) недостаточно хорошая обработка цифровых данных о силах обоих противников и 2) не вполне правильные кое-где выводы, а иногда и противоречащие описанию и фактам. Описание боёв и других событий, насколько успел познакомиться, — в общем, очень хорошо, часто увлекательно. Хотя всё мне более или менее известно, но некоторые страницы приковывают к себе и с трудом отрываешься от книги. Конечно, описание важнее, чем выводы, т. к. последние часто являются делом особого взгляда или даже личных вкусов. Но

если бы Вы имели больше времени или не так торопились, то и этих промахов можно было бы в значительной степени избежать. На указанных недочётах я остановлюсь подробнее при разборе соответствующих глав.

Большим преимуществом 2-й книги являются также схемы ко всем боям. Это очень важная вещь для военной исторической книги. Самое подробное и талантливое описание местности, движений войск, их взаимного расположения, охватов, обходов и т. д. не может сравниться с самой простой схемой. Взглянул — и всё становится сразу ясно: и кто где стоит и двигается, кто кому угрожает, кого положение выгоднее, легко оцениваются данные времени и пространства и т. д. Я терпеть не могу читать военные, в особенности истор[ические], тактическ[ие] и стратегические статьи и книги без схем, планов и карт. Схемы, конечно, важнее всего. Жаль, что к набегу Карлова приложена карта, а не схема. Лучше бы меньше подробностей местности (не нужны для зимнего похода болота, в особенности их названия, схематичнее можно было бы изобразить горы и т. д.), но показать его путь и числа, в которые он был в разных пунктах, а также примерное движение красных. Схемы к боям достаточно хороши и понятны. О мелочах в их исполнении я уже писал. Но не следует успокаиваться и на этом. Схемы — не только необходимость военной книги, но и её украшение. По ним можно судить до некоторой степени о достоинстве изложения данного события. Поэтому схемы следует делать по возможности совершеннее. Не в смысле тщательного вычерчивания малозначащих подробностей (наоборот, их следует помещать меньше, чтобы не затемняли главного), а в смысле простоты, ясности и наглядности. Ваши схемы более или менее удовлетворяют этим требованиям. Для достижения большей ясности и наглядности следует применять выработанные условные знаки, о чём я уже писал; а если вносить в них свои видоизменения, то одинаковые для всех схем. У Вас на схемах в боях Ольгохты белые изображены: на схеме № 7 — заштриховкой, на схеме № 8 — белыми квадратиками, на схемах Волочаевки № 11, 12, 13 и 14 — заштриховкой, на Инах № 3 и 15 — чёрными прямоугольниками, как в других местах этим цветом изображены красные. Желательно однообразие, чтобы привыкший к одной схеме глаз сразу же видел на следующей, что чёрным обозначены красные войска, а белым или заштриховкой — белые войска.

Ещё о масштабе. Это тоже очень важная с практической точки зрения вещь. Глаз русских офицеров наметался на 2-вёрстках, 5-вёрстках, 10-вёрстках, 25-вёрстках и т. д., то есть на масштабах, основанных на дюйме. Взглянул на карте на расстояние между нужными пунктами, прикинул, сколько дюймов (для точности измерил старой русской спичкой или циркулем), перемножил — и сразу получаются версты. Если масштаб иностранный, то тоже не так уж трудно к нему приспособиться. У Вас каждая карта и схема имеют свой собственный произвольный масштаб, не основанный на дюйме или какой-либо другой единице. Только карта № 2 имеет масштаб 100 вёрст в 1-м дюйме, но дюйм взят немного неправильно (крупнее). Карта № 1 и схемы 11—14 совсем без масштаба. К сожалению, я Вам об этом своевременно не написал. Если заметили, я сам всегда составлял свои схемы с масштабом в дюймах.

Кажется, [я] уже писал, что некоторые схемы очень мелки, скупы на место. Для сравнительно небольшого боя под Ольгохтой (схема № 8) Вы уделили целую страницу, а для более крупных боёв под обоими Инами поскупились. Также на обеих этих схемах нет обозначения противника.

О схемах пока довольно. Да это и всё главное, что хотел сказать об общем характере содержания книги. Не могу не упомянуть ещё об одном. Кое-где есть лишний сырой материал, не имеющий значительной исторической ценности. Его следует изгонять из книги. Говорю о мнениях различных лиц, главным образом Сахарова и моих собственных. Они не могут представлять большого интереса, а только сбивают с толку. Этот сырой материал был важен только для Вас, для отыскания истины. Раз вы на чём-нибудь остановились, все эти доказательства уже являются лишними, как бы интересно и ярко они ни были изложены. Кому какое дело, что ген. Сахаров считает, что ему было дано мало войск для взятия Ина, а Ефимов считает наоборот? Прежде всего факты говорят сами за себя. Затем, самого ген. Сахарова или его друзей, которые слепо стоят за его правоту, никакими фактами не убедишь. Наконец, читатель, разбирающийся как следует и любящий проанализировать события, не любит, чтобы ему навязывали свои мнения, и всё равно оценит действия войск и командиров по-своему. Только для среднего читателя желательно делать некоторые выводы, но это лучше делать самому автору, — лицу более беспристрастному и, как следует предполагать,

стремящемуся вскрыть истину. Вы на стр. 45 и 25 склоняетесь довольно определённо, что силы, данные ген. Сахарову, были достаточны. Это и следовало поместить, опустив все мнения Сахарова и Ефимова как лишний груз. Этот груз вносит в книгу полемический характер, а полемика не подходит к историческому изложению, которое требует спокойного, эпического тона. Правда, время ещё очень свежее и раны не зажили, и потому нужный тон бесстрастного судьи принять не так-то легко.

От мнений и взглядов, конечно, следует отличать факты. Противоречия в фактах, вызванных забывчивостью, умышленным или несознательным искажением, заблуждением и прочими причинами, встречаются сплошь и рядом. Если нельзя их решить с полной определённостью в сторону наибольшей достоверности, приходится часто помещать оба (или несколько) вариантов, противоречащих друг другу. Но и в этих случаях лучше избегать излишка сырого материала. В боях под Ольгохтой Вы склонились к моему мнению, что Добровольцы были разбиты во 2-м бою, и соответственно изложили события. Мои доводы Вам показались убедительными, показания Добровольцев — противоречивыми. Не стоило в этом случае помещать последней трети стр. 80 и почти всей стр. 81. Всё это излишний, сырой материал, зря засоряющий книгу. Если же оставались сомнения, можно было ограничиться кратким упоминанием, что некоторые чины Добровольческого полка показывают, что разгром произошёл в 1-м бою, а другие это не подтверждают.

Не сердитесь, что так нагло вмешиваюсь в то, что следует помещать и чего не следует. Стараюсь опять критиковать жестоко, ко всему придираясь. Ваше дело — принять это или отвергнуть.

Однако соловья баснями не кормят. Вам нужно работать над следующими книгами, и нужен материал. Поэтому я буду стараться в очередных письмах, кроме разбора 2-й книги, посылать материал для следующих частей. В очередных частях: 1) о партизанах и 2) февральские бои, — я Вам большой помощи оказать не могу. Участия непосредственного в них не принимал, часть времени пробыл в Хабаровске, а что и знал от других, — основательно забыл.

Разделения Вашего на части я не совсем понимаю. Многие важные события по борьбе с партизанами уже Вами описаны в 1-й части. По сравнению с походом на Анучино и преследования партизан 2-м отрядом, все остальные действия против них

сравнительно незначительны. Но и из этих действий некоторые связаны крепко с действиями на фронте (Шевчук и Бойко-Павл[ов]) и выделять их в особую книгу, как нечто, имеющее вполне самостоятельное значение, нет особого смысла. В особенности Вам трудно будет выделить действия Шевчука, который получал задачи, вполне согласованные с действиями на фронте. Видимо, желание сосредоточить действия партизан в особую книгу, привело Вас к исключению налёта Б[ойко]-Павлова на Хабаровск из 2-й книги.

Правда, я не имею представления, какое количество материалов собрано у Вас о партизанах. Может быть, очень много, и это заставляет Вас собрать их в одно место. Но тогда следует Шевчука «причислить» к фронту, как это Вы уже и сделали для боя 5/I.

Прилагаю Вам выписки из книги Какурина «Тактика»*. Здесь мне попались интересные места — примеры из Гражданской войны. К сожалению, я прочёл эту книгу поздно, а то можно было бы пополнить Вашу 1-ю главу 2-й книги сведениями о восстании в Самарской губ., куда, оказывается, большевикам пришлось направить значительные силы, возможно, и всю 27-ю дивизию (говорится неопределённо: «части 27 див.»), т. е. 9 полков — больше, чем против нас. Также выясняется довольно крупное восстание в Витебской губ.

Но более всего интересен для Вас последний отрывок с кратким, но достаточно полным изложением хода восстания в Тамбовской губ. Невольно напрашиваются сопоставления с тем, что происходило у нас.

Прежде всего, необходимо отметить, что Какурин совершенно правильно излагает приёмы, необходимые для уничтожения партизанского восстания. Именно: 1) постановку гарнизонов в жизненных центрах восставших («оккупационная система» по Какурину), 2) преследование партизанских отрядов быстро передвигающими отрядами («летучие колонны» по Какурину) и 3) необходима наряду с чисто военными мерами также энергичная политическая и административная работа среди населения, поддерживающего или укрывающего партизан.

К сожалению, нельзя судить, сколько войск было дано Тухачевскому, но, надо думать, не менее тройного количества

---

* Выписки А. Г. Ефимова из книги: Н. Е. Какурина «Современная тактика» (М., 1926) в настоящем издании не публикуются. — *Прим. сост.*

сил Антонова[146],. чтобы они могли быть достаточно сильны и в отдельных пунктах стоянок, и в преследующих отрядах. То есть не менее $1^1/_2$ дивизий пехоты для гарнизонов и, возможно, 18 сильных кавалерийских полков по числу полков Антонова. Имея в виду, что, когда приходит крайность, большевики ни на что не скупятся, можно предположить, что в эти 5 уездов Тамбов. губернии были двинуты 2–3 дивизии. То, что ликвидация заняла $3^1/_2$ месяца, указывает на упорный характер этой борьбы.

Конечно, в мерах, указанных Какуриным и применявшихся Тухачевским, нет ничего нового. Это обычные меры, применяемые, когда население «пошаливает», — будет ли это вновь завоёванная область или неспокойно внутри своей страны. Могу отметить необычайно продуманную и систематическую административную и политическую работу япошей в Маньчжурии. Их войска всюду шли рука об руку с вновь вводимой «привозной» администрацией, и теперь идёт работа по закреплению того, что было взято оружием. Проводятся новые дороги, вводится новый суд, и т. д. и т. д.

Немного отвлёкся. Перейду к Приморью. У нас тоже пытались бороться с партизанами постановкой гарнизонов (Сучан, Анучино, Вл[адимиро]-Александр[овское]; после Хабарского похода — Ольга и др. жизненные центры красных) и посылкой отрядов для преследования (Сахаров, Смолин — на Анучино и далее Аргунов, частично я). Но условия у нас были очень неблагоприятны. Сравнительная малочисленность войск (до Хабарского похода из-за крайне ограниченного числа винтовок) была недостаточна и для постановки сильных гарнизонов, и для преследований. Затем необычайно большая площадь, к тому же с дикими горами и трущобами. 5 уездов Тамбовской губернии навряд ли превышали 15 000 кв. вёрст, максимум 20 000. Тогда как лишь Уссурийский край, часть Приморской обл., по Вашим данным (8 стр. 1-й книги) занимал площадь в 201 000 кв. вёрст.

К этому надо прибавить, что политическая работа и администр. меры применялись в ничтожных размерах, да и то возлагались на войска. Я имел опыт в этом отношении на Сучане, и Вы, наверное, читали мою статью «Экспедиция на Сучан»*.

---

* *Ефимов А.* Экспедиция на Сучан // Вестник ОРВВВ, № 64–66, 68–69, 1931–1932. — *Прим. сост.*

Я с отрядом должен был представлять и гарнизон Сучана, и администрацию, и вести пропаганду. Во Владивостоке находились сотни лиц, готовых ораторствовать на «народных собраниях» и «несоциал[истических] сьездах» или занимать посты министров, а на Сучан, Анучино не находилось и единиц. Кажется, не лучше было дело и после Хабар. похода. Помнится, кто-то ездил «уполномоченным» в Ольгу, когда там был ген. Ястребцов с отрядом Волжан, но результатов работы не знаю, — кажется, «нуль».

Кончаю пока на этом и тороплюсь послать письмо. С лучшими пожеланиями

Искренне Ваш А. Ефимов

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

24 августа 1933 года
А. Г. Ефимову
1324 Скотт Стр.
Сан-Франциско, Калиф.
С. А. С. Ш.

Господин полковник,

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

На днях получил Ваше письмо от 27 июля. Большое спасибо за него. Теперь буду поджидать Вашу критику, надеюсь, что она прибудет недели через три. Между прочим, на Ваш старый адрес я отправил после своего возвращения в Шанхай два письма. Правда, оба эти письма Вы получите с японскими марками, так как их переотправит Вам жена — делаю это в целях экономии: из Китая в Японию цена такая же, как и по Китаю, а на нескольких письмах это всё же составляет кой-какую разницу. В одном из этих писем (последнем) — квитанция магазина «Новинка» на 9 книг «Белоповстанцы», книга 1. Эту квитанцию я послал Вам, как документ, подтверждающий сдачу Вами фон Ваху 9, а не 6 книг. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы поднажали на него и получили с него деньги за эти (проданные) книги 1-й части. Относительно Нью-Йорка предоставляю Вам действовать, как найдёте лучше. Книгу в Патриаршую библиотеку направлю сам. Удивляюсь, почему они не обратились прямо ко мне.

С данным письмом посылаю Вам часть документов, любезно одолженных генералом Молчановым. За одолжение этих документов премного ещё раз благодарю Вас и генерал Молчанова, коему от меня передайте, пожалуйста, сердечный привет. С возвращением с данным письмом приказов, у меня остаются сейчас только разведывательные сводки, часть коих я верну Вам месяца через два, а остальные буду просить разрешения на дальнейшее задержание их у меня, примерно до весны следующего, 1934 года. №№ посылаемых документов таковы: № 44–62, 62а, 63–81, итого ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ приказов.

Свою работу я не думаю останавливать, но темп придётся замедлить. Конечно, это очень жаль, ибо и так в год выходит по чайной ложке (по одной книге), но обстоятельства понуждают отказаться и от этого «удовольствия». Желающих прочитать вполне достаточно, но приобретающих очень немного. Между тем значительное число, если не все 90 % поклонников «шармака» выкидывают на газеты, кои на следующий день несут в известное место, по 2 рубля в месяц, итого 24 монеты в год, а тут ещё говорят: «Что же это, каждый год продолжаться будет?» (Это факт, и как ни печально, но сказано это было генералом Хрущёвым[147] полковнику Быкову, коий любезно распространяет между своими быв. однополчанами и соратниками обе мои книги.) Между прочим, в одном из своих писем Вы упомянули полк. Быкова, но, насколько я понял, то Вы, упоминая имя полк. Дмитрия Дмитриевича Быкова[148], быв. командира Московской дружины, имели в виду полк. БЫЧКОВА[149] — командира Атаманского полка. Не так ли?

Отклонился, вернусь опять к работе: Вы сами отлично знаете, что Хабаровский поход — это только один из многих эпизодов борьбы, а сколько таких эпизодов... И так можно было бы серьёзно заниматься этим делом, заниматься десятилетие и больше, заниматься с утра до вечера, но... Публика наша — уж такие «орлы», что и говорить дальше не хочется. Между тем, имеются всё же лица, интересующиеся и готовые сотрудничать и разрабатывать. Действительно, ко мне поступают материалы и по Уральскому фронту, и по Забайкалью, и по Земской Рати, ещё больше того предложений. Но, работая в конторе с 8 утра до 6.15 вечера и ещё час на проезд туда и назад, получаешь в результате совсем незначительный отрывок времени для работы и отдыха. Вот и сегодня: вернулся из конторы, сполоснулся в ванне,

наскоро поужинал, перепечатал последний приказ № 81 и сел за письмо к Вам... А сейчас уже 9.15... В общем-то, конечно, многие так живут, есть кто и меньше часов занят, но многие меньше и получают. Жена ещё не возвратилась из Японии, так что я пока на холостом положении.

Как Вы провели время на «Русской реке»? И что представляет собою этот край? Поездкой в Японию я, конечно, остался очень доволен, но можно было бы провести время и посмотреть край с большим толком, но, будучи там в первый раз и не имея (не встретив) лиц или лица, интересующегося и любящего край, мы порядочно поколесили, но многое проходили мимо, могли посмотреть, всё это прошло мимо, так как узнали об этом только здесь, в Шанхае, по возвращении домой. Видев Японию и сравнивая теперь жизнь в Китае с тамошней жизнью, поражаешься той колоссальной разнице во всём укладе, темпе и характере жизней этих двух миров. Приходишь невольно к убеждению, что жизнь в Европе и Америке должна бежать и бежит по иным колеям, нежели жизнь наших краёв. Не знаю, что за жизнь в Америке и Европе? Говорят, что на Дальнем Востоке русские живут лучше, чем где-либо, но, с другой стороны, перебравшиеся сюда из Европы говорят также, что жизнь европейскую, со всеми тамошними неудобствами и ограничениями, они не могут сравнить с узостью жизни Дальнего Востока (Шанхая). Вы говорите, что я имел хороший отпуск. Конечно, это отпуск хороший, но если принять во внимание, что этот отпуск я получил тогда, когда мне не только по словам, но и по документам полагался отпуск в Европу на шесть месяцев, то, я думаю, ценность его несколько преуменьшается.

Относительно объявлений и рецензий. Это дорогие удовольствия, особенно первые, и к тому же приносящие плоды только при следуемом за сим усиленном предложении агентов, иначе это пустая заметка, за кою выброшены деньги. Если бы Ваш знакомый в Детройте не отказался бы всучить кому-либо две-три книги, то ему всегда можно презентовать один личный экземпляр. Так я делаю здесь, так делают и другие в Шанхае.

Если бы у Вас было время и охота, то можно было бы приступить к подготовке сбора и разработки материалов по истории последних дней Приморья — «Земской Рати». У меня по этому поводу имеется весьма ценный материал, рисующий отход Сибгруппы (ген. Смолин). Был у меня очень подробный

и красочный дневник нашего сиденья в Ивановке, но, к сожалению, он погиб, и погиб в Шанхае в 1928 году...

Пока кончаю. Надо ложиться спать. Покойной ночи. Лучшие пожелания Вам, Вашей семье и генералу Молчанову.

Искренне уважающий Вас —

30 августа. За эти дни кое-что проработал, а потому с данным же письмом возвращаю Вам следующие разведывательные сводки: №№ 13, 14, 15, 18, 25, 27, 28, 30, 31, 32, итого десять сводок. В дальнейшем по ходу работы буду высылать следующие сводки.

20 августа Ижевцы и Воткинцы (местный союз) утром в архиерейской церкви отслужили панихиду, а вечером в одном из небольших русских ресторанчиков был молебен и обед. Всего было 36 чел. Среди гостей — Дитерихс, Смолин, Сахаров, Апрелев[150] (тот, что пишет в «Часовой»). Организаторы — председатель Дробинин, его помощник — Стеклов[151]. На обеде было также три Иж.-Вот. дамы, Александровский, Наумычев, Харьков, Топоров, Пикулев и др. Меня также пригласили, но под вечер я что-то сильно переутомился и почувствовал себя нехорошо. Поэтому и не пошёл, о чём сожалел, так как обед был очень удачный: пьяных никого. Блестящую речь сказал Смолин, Сахаров мямлил и был чем-то недоволен. Дитерихс ушёл после 12, остальные значительно позже.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

25 сентября 1933 г.
Получено 25/10/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Очень плохо у меня налаживается домашний распорядок времени и в зависимости от этого разбор Вашей второй книги. То домашние дела и болезни отвлекают, то события внешнего характера. Здесь сейчас какое-то тревожное настроение. Депрессия, безработица и борьба с ними привлекают общественное внимание. «NRA» (новая реконструктивная администрация индустрии), или по-русски «нюра», делают много шума, но дело подвигается слабо. Одни верят в успех, другие говорят о полном провале, одни уверены, что всё образуется, другие говорят о революции. Похоже на наш период «керенщины», когда Россия была на

перепутье: вправо или влево. И здесь пахнет большевизмом или фашизмом — конечно, и то, и другое на свой американский лад. Эта обстановка отвлекает внимание и мешает сосредоточиться. За это время получил Ваших 2 письма, одно из Японии от 2/VIII и другое от 24 августа с документами. Пришли оба почти одновременно. В первом Вы пишете, что вкладываете дневник «Бессмертника» о походах с Карловым, но этих листов там не было.

Напрасно Вы печалитесь, что Ваши труды выходят по «чайной ложке». По одной книге в год — это далеко не мало, особенно в таких тяжёлых изгнаннических условиях, и притом книги довольно увесистые по содержанию.

Перейду к книге. Начну с самого начала, с обложки. Рисунок очень подходит к содержанию книги — мёртвая хватка двух врагов. По своей выразительности рисунок этот, по-моему, должен привлекать внимание к книге на книжной выставке. Остаётся только пожелать, чтобы рисунок на Вашей 3-й книге был взят из самого Хабаровского похода, напр., проволочные сети, висящие на них трупы красноармейцев, вдали деревушка, сопка, бронепоезд, т. е. картина 2-го Волочаевского боя. Рисунков проволочных сетей с убитыми довольно много в разных журналах, и найдётся, наверное, свой художник, который переделает форму одежды и задний план.

Также желательно писать «Хабаровский поход» возможно крупнее. По-моему, Ваше заглавие «Белоповстанцы», которое Вы дали, видимо, незадолго до выхода 1-й книги (т. к. сначала хотели назвать книгу «Зимн[ий] Хабар[овский] поход»), не совсем удачно, и это сбивает — не является ли тут литературный рассказ, а не история. Может быть, это влияет и на сбыт книги, т. к. военная литература (беллетристика) всем надоела за годы войны, а историей ещё интересуются. Да и участники похода, готовые охотно прочесть книгу о своих делах, могут не узнать по заголовку, что дело идёт об их походах.

Стихи Пушкина на заглавной странице выбраны очень удачно и попадают «в точку» содержания 2-й книги. Здесь действительно к обеим сторонам подходили свежие ряды пополнения или целые части и вступали в бой.

В предисловии я прочёл малопонятную вещь — Вы хотите добавления и исправления выпустить отдельной книгой. Неужели их столько, что хватит на целую книгу? Мне кажется, их будет

всего на несколько страниц. И затем, невозможно предположить, чтобы кто-нибудь, за редкими исключениями, стал бы покупать и читать книгу, составленную из одних добавлений и исправлений. Как видите, и основной материал похода не так легко распродать.

В «Розыске» у Вас указано, что прапорщик Скибинский, 1-го Добр. полка, убит 24 декабря под Хабаровском. 24-го у нас боя не было, и мы без встречи с противником двигались из Покровки на Владимировку и Самарку. Видимо, он был убит 23-го у Покровки или раньше, а в приказе ошибочно проведено 24-го. Я, к сожалению, ничего не могу сообщить об убитом его матери. Могу лишь сказать, что в это время Добровольцы дрались необычайно доблестно и самоотверженно, выказывая выдающиеся примеры храбрости и самопожертвования, и если эта беззаветная служба Родине и смерть за неё могут послужить к некоторому уменьшению скорби матери павшего героя, то я прошу Вас передать ей об этом. Безусловно, её сын, как убитый в бою, был в первых рядах Добровольцев. В списках убитых по приказу Скибинский числится поручиком.

Глава I. Эта глава у Вас составлена, по-моему, удачно и не имеет серьёзных пробелов за исключением одного. Но сначала о мелочах.

Рассмотрение политического положения в Приморье у Вас базируется на сведениях от политических деятелей — Болдырева и Руднева[152]. Это, конечно, очень ценно. Нас, военных, обычно отстраняют от политики — «армия вне политики». Но во время гражданской войны не может быть армии вне политики, и армия своим оружием кладёт на весы политической борьбы самый тяжёлый груз. Надо вставать на ту или иную сторону, т. е. поддерживать ту или иную политическую силу. Оставаться нейтральным — не значит быть вне политики, и недаром большевики объявляли «кто не с нами, тот против нас». Нельзя им отказать в логике: когда всё бурлит и кипит, все остающиеся в стороне одним своим равнодушием как бы объявляют себя сторонниками противной стороны.

Однако, несмотря на весь вес и значение армии в гражданской войне, необходимо признать, что ведение политических дел, как в общих чертах, так и в частностях, армия должна предоставить политическим руководителям борьбы, политическим вождям,

но к числу таковых обычно относится и глава (или верхушка) армии. Плохо, если внутри армии много занимаются политикой. Большевики постарались быстро вывести заведённые ими же комитеты с их «постановляем», «требуем» и т. д. Отсюда вполне естественно, что, как бы остро и живо солдатская и офицерская масса ни переживали разные политические моменты, им всегда будут тыкать: «Вы в этом ничего не понимаете, а потому в эти дела и не суйтесь». Часто такое утверждение несправедливо, часто оно имеет тайную тенденцию под таким соусом гладко провести весьма не гладкую политическую меру, но всё же нам, военным, особенно не очень большого калибра, приходится считаться с таким взглядом и осторожно касаться политики и полит. деятелей.

И именно с этой стороны у Вас, как у писателя военного, специалиста в своей военной области, очень удачно политические дела обрисованы выдержками из сочинений политических же деятелей. В особенности удачна, по-моему, характеристика С. Меркулова словами Руднева. Она объясняет весьма убедительно, почему во главе с таким лицом, обладавшим выдающейся волей, в Приморье белые силы пошли вразброд, началось разложение. Эта характеристика особенно ценна потому, что дана ближайшим сотрудником С. Меркулова и притом относившимся к своему патрону без всякого недоброжелательства.

Жаль, что вы не поместили примеров пополнения нашей армии (брат Руднева, Левицкий и др.) или желания к ней присоединиться (Врангелевцы), о которых я Вам писал. Отсутствие этих примеров может послужить к предположению, что наш поход решительно ни в ком не возбудил добрых чувств и желания бороться за Родную Землю.

Перейду к более существенному пункту. Собственно, об этом я писал раньше, и это будет повторение пройденного. Но не могу не остановиться на этом вопросе вновь. Речь идёт о чехах, которым Вы всё-таки оказали большую честь и расцениваете их действия слишком высоко.

Я придаю этому важное значение. В первой книге у Вас была такая же тенденция повышать значение всякой иностранной рвани, главным образом, корейцев. Об этом я в своё время Вам не написал, т. к. знал, что у нас в армии было некоторое количество лиц, которые с каким-то особым трепетом относились ко всяким частям из иностранцев, даже если это были корейцы или

китайцы. Следовательно, не Вы сами повинны в этом, а лишь отразили взгляды этих «поклонников» всего иноземного. Я думал, что во второй части корейцы исчезнут, т. к. их и было-то всего одна рота, и потом о них ничего не было слышно. Но вместо корейцев теперь появились чехи, и мне невольно приходится распространяться на эту тему — об иностранщине. Простите за болтливость, но мне кажется, это не напрасно и в этом вопросе необходимо держаться более твёрдого курса. Мы, безусловно, сейчас переживаем упадок национального духа; мы вышли из Мировой войны в полной разрухе, в Гражданской войне национальные силы были разбиты. Естественно, что всё иностранное, даже паршивые чехи и корейцы, кажутся нам (по крайней мере тем, кто мало вдумывается в события, а переживает больше сердцем) чем-то более высшим, более сильным, чем мы, русские. Подумайте только, припомнив старое, отойдя назад, чтобы иметь некоторую историческую перспективу. Русские войска, гуляющие по Европе, бравшие и Париж, и Берлин, бившие и Наполеона, и Фридриха Великого и... преклонение перед чехами и корейцами.

С недоумением прочтёт какой-нибудь читатель через 10—15 лет, или когда национальное чувство и дух подымутся на должную высоту после этих годов упадка, что несколько тысяч чехов могли повернуть ход русской истории; что «белоповстанцы» — наиболее упорные, непримиримые из белых, их «последние могикане», преемники славной Русской Императорской армии с каким-то почтением относились к кому же... к корейцам.

Мне кажется, это должно задевать национальное чувство, и потому я вновь пишу об этом. И в этом отношении мы ставим себя в очень невыгодное положение по сравнению с красными. Те далеко не так преклонялись перед иностранщиной, фактически сопротивлялись им, иногда доходили до дерзости. Не особенно трусили не только перед чехами, но и перед лучшими армиями Европы, искушёнными опытом Великой войны. Немцы для оккупации Украины направили ни много ни мало, а 29 пехотных и 4 кавалерийских дивизии — наверное, около полумиллиона, против, собственно говоря, пустого места. И то их на Украине иногда больно пощипывали партизаны.

Ещё лучше с французами. Заняв Одессу, победители Мировой войны всё же помнили поход в Россию Наполеона и дальше

Жмеринки не распространялись. На помощь притянули греков, но воевали на фронте только русскими добров. отрядами. Когда же красные решили повести наступление и захватить Одессу, французы форменным образом «наложили в штаны». Они немедленно объявили эвакуацию и просили красных дать им 3 дня сроку и остановиться на нейтральной линии. Но фактически бежали на свои суда в одни сутки, побросав все свои склады, даже часть военного имущества. Например, братья моей жены нашли двуколку с пироксилином и спустили её вниз под откос, чтобы не досталась красным и ради забавы. Вся Одесса бросилась в порт грабить французские склады. И хотя многие склады во время грабежа сгорели, всё же добра было брошено столько (готовились к долгой оккупации), что Одесса несколько месяцев питалась французскими запасами, начиная от шоколада, консервов и кончая какими-то зёрнами, которыми греки кормили своих ослов.

От кого же бежала доблестная французская армия? Не от регулярных сов. войск, которые только ещё организовывались, а от распущенных банд Григорьева. Бежали, конечно, с предательством, прикрываясь русскими добровольцами, часть которых бросили на произвол судьбы. Но в шайках Григорьева французы видели не какое-то необыкновенное воинство, прилетевшее с Марса, а знакомых им по старой истории русских солдат, с русским мужеством, доблестью, стойкостью, настойчивостью и т. д.

В Сибири мы видели, как Жанен, другой представитель французского рыцарства, спасал свою шкуру, несмотря на присутствие целого корпуса чехов, с помощью предательства доверившегося ему адм. Колчака. И опять-таки не от сов. войск, а каких-то только что организовавшихся банд, которые при нашем приближении бросили Иркутск и подались к северу. Эти и прочие подобные факты следует расценить и взвесить. Вам, как историку, следует к этому вопросу подойти внимательнее, выработать определённый взгляд и проводить его в Ваших трудах. Здесь очень важно отрешиться от настроений и взглядов недавно прошедшего времени, чтобы случайно или поспешно высказанными мыслями не уронить достоинства русского национального чувства, в особенности военных качеств русского народа. Это может оказать своё влияние в будущем, и во всяком случае Вас не поблагодарят за эти промахи в будущем те

русские исследователи и историки, которые будут стоять на национальной точке зрения.

В самом деле, мы, националисты, белые, «белоповстанцы» и пр. действовали в исключительно трудных, запутанных, мало нам понятных условиях гражд. войны. Мы особенно замечали и с особой болью переживали поражения, измены, предательства, взаимные ссоры, грабежи, разбой, падение нравов и т. д. Внешний вид у нас был жалкий, бедный. Наряду с нами всё иностранное казалось блестящим, сильным, недосягаемым. На этом и играли все эти французы, англичане, японцы... Но ведь и красная армия сделана из того же русского теста, и пропитана теми же достоинствами и недостатками русского народа, которые были свойственны и армии Суворова и Скобелева, и нашей последней «белоповстанческой». И вот от этой красной, но русской по составу армии бегут без оглядки французы, побаиваются её и теперь и поляки, и румыны, и даже японцы... Последние, по крайней мере, очень взвешивают всё, чтобы не ошибиться. Значит, старая русская доблесть стоит чего-то даже и в красноармейце.

Учитывая всё это: и нашу историю, и качества русского народа, и силу русских армий в периоды государственного благополучия России, и будущее возрождение нашей Родины и восстановление её могущества, я хочу убедительно просить Вас не только прочесть эти строки, но вникнуть в них поглубже и правильнее учитывать, во имя русского самолюбия и национального чувства, значение в Гражданской войне всех этих чехов, латышей, корейцев и пр. Говорит во мне не слепое чувство патриотизма. Мне кажется, что самый холодный историк, лишённый всяких сантиментальных чувств к свое родине и оперирующий только фактами, должен признать ничтожное значение, как военной силы, и чехов, так и в особенности корейцев. Чехи начали воевать тогда, когда у красных ничего, кроме отрядов красной гвардии, да нескольких латышских полков, не было. Не мудрено, что чехи, представляя компактную массу, легко прокладывали себе дорогу или захватывали города (Казань с помощью Каппеля). Но как только красные начали организовывать свои регулярные части, то от этих ещё свежих, не обстрелянных частей, чехи поспешили удалиться в тыл, и в серьёзных боях с красными, начавшимися весной 1919 г., не участвовали. Прежняя их служба своей старой

родине — Австро-Венгрии — тоже не блестяща, — сдавались без боя при первом удобном случае. Может быть, теперь, когда они образовали своё собственное государство, им удастся организовать крепкую армию, которая будет стойко драться. Но у нас они дрались мало и плохо и предпочли спекуляцию в тылу («чехи сахаром торгуют, папиросы двадцать штук, деревянный в них мунштук» — дразнили их в Сибири) и предательство.

Про корейцев и говорить нечего. Это нация не воинственная, без особо сильного сопротивления покорилась японцам и, хотя и ненавидит, ведёт себя смирно. От них и нельзя ожидать других действий, кроме таких глупых, как под Ольгой и на Имане, с кучей корейских трупов. Под Иманом всякий другой, обнаружив беспечного врага, выставил бы свои пулемёты и накрошил бы. Они, дураки, повели наступление по площади, которую перебежать-то можно одним махом. И это-то несчастное воинство выделяется [Вами] из красной массы как нечто более сильное и страшное, чем красные русского поисхождения.

Мне кажется, корейцы или, вернее, китайцы, внушили [к] себе уважение среди части белых своими качествами палачей. Палачи они действительно отменные, пытают ужасно, но палач и солдат — понятия различные. Если этих господ и выделять из общего состава наших врагов, то не как сильнейших, а как слабейших, с которыми не тяжелее, а приятнее иметь дело. А братушек-чехов расценивать не как большую силу, которая могла бы спасти нас, если бы захотела, а как инородное тело, которое только вначале ускорило выступление белых сил, но в дальнейшем представляло явление глубоко отрицательное, разлагавшее наш тыл, мешавшее, а потом совершенно прекратившее жел.-дор. сообщение, помогавшее нашим врагам (оружие партизанам)...

Нам следует всегда рассчитывать лишь на себя и только на себя. И, с другой стороны, никого не бояться, т. к. при благоприятных условиях мы могли всех бить. Когда-то Святослав говорил: «Немного нас, но мы славяне. Не посрамим Земли Русской». Прочитавши про чехов, можно сказать: «Нас 150 миллионов, но мы посрамлены, — попросили 30 тысяч чехов спасти нас».

Кажется, французы говорят: «Кто потерял деньги — ничего не потерял, кто потерял здоровье — много потерял (или жизнь, не помню), а кто потерял честь — всё потерял». Правда, честь свою бедные французики порастеряли порядочно или понятие

о чести у них особенное, Жаненовское. Более практичные немцы устами, кажется, Гёте, сказали: «Потеряны деньги — нечто потеряно, потеряна честь — потеряно много, потеряно мужество — лучше бы тебе никогда не родиться». И не только это сказано, но в последнее время немцы доказывают, что мужество они не потеряли и начинают заставлять с собою считаться уже через 15 лет после поражения, а французы уже трепещут и строят беспрерывные ряды фортов. Нам следует не уступать в этом немцам и обрести вновь своё мужество. Только с ним мы сможем вновь появиться в России. Без него не стоит ничего предпринимать, «и лучше бы никогда не родиться».

Но обрести мужество мы не сможем, если на пьедесталах нашего почитания будут стоять чехи, корейцы и др. Всех их надо свергнуть и никого не почитать, кроме самих себя. Всё остальное только взвешивать и примеривать как врагов или союзников. У нас (эмигрантов) и до сих пор царит надежда, что кто-то придёт, свергнет для нас большевиков и с улыбкой передаст нам всё обратно: «Мы Вас так любим, что на всё готовы для Вас». Не дождёмся мы этого никогда, как не дождались ни от чехов, ни от французов, ни от японцев... Сами должны будем взять, сами должны будем к этому готовиться, должны воспитывать в себе мужество, уважение к себе, отбросить почитание всего иностранного как чего-то выше нас стоящего.

Конечно, всё это прежде всего касается и историка, особенно военного. Его задача — найти причины наших неудач, а не жаловаться, что нам кто-то не помог, а красным помогли непобедимые латыши и корейцы.

Может быть, как-нибудь я напишу Вам свои мысли о причинах наших неудач, как я их понимаю. Моё понимание, что они лежат не в чисто военной стороне нашей борьбы с большевиками, а в политической (хорошая политическая организация для гражд. войны у большевиков, и слабая, разбитая — у нас) и в некоторых других, но не военных качествах нашего народа, в том числе и у верхушек этого народа. Из этих качеств особый вред принесли нам:

1) Взаимное недоверие, междоусобица, приводившая к тому, что нигде не наблюдалось сплочённости вокруг своего русского, а подчинение скорее чужому (народ избивал офицеров и интеллигенцию и подчинялся евреям и пр. и теперь стонет от инородных комиссаров; в разных белых правительствах, армиях,

обществах — своя вражда и те же взоры в сторону чужого, как напр., ат[аман] Семёнов отворачивался от Колчака и склонялся перед японцами, в других местах перед французами, немцами и т. д.).

2) Излишняя фантазия наших мыслей, или легкомыслие, приводившее к тому, что нас будут спасать иностранцы, или к очень знаменательному факту, на который мало обращают внимания, что красная армия создана фактически старыми офицерами, мечтавшими превратить её в русскую. Я говорю, конечно, не о шкурниках, а о тех офицерах, которые не за страх, а за совесть работали по созданию красной армии и тайно думали с её помощью уничтожить большевиков. К числу таких принадлежала и большая группа офицеров Ген. штаба во главе с начальником штаба красной ставки (В.-Рев. Сов.) генер. Лебедевым (Павел Павлович)[153]. При политической отсталости нашего народа мечтать о том, чтобы надуть старую, опытную в демагогии партию большевиков, — было большой наивностью. Есть, конечно, немало и других причин. Останавливаюсь на этих, чтобы сделать окончательный вывод. Теперь, благодаря революции (нет худа без добра) русский народ получил хороший урок, тяжёлую встряску, которую долго не забудет. Политически он вырос, приобрёл огромный опыт, не будет теперь доверять всяким проходимцам и их учениям, не будет мечтать об утопиях, надо думать, сумеет изжить свою рознь. Ненависть к иностранному развили сами большевики, надо и Зарубежью кончить преклоняться и верить в разные дружбы. Но военные качества народа не могли измениться в худшую сторону, русские армии перекраивали карту Европы раньше, будут это делать и в будущем. Поэтому не следует поддаваться временному упадку национального духа и расценивать себя слишком низко.

На этом кончаю. Написал очень много, но безалаберно. Хотел написать коротко, без лишних слов, но для этого надо больше времени — обдумать, набросать, переписать и отделать. Времени же нет. Надеюсь, Вы поймёте без труда главнейшие мысли, и за мусор прошу прощения.

Немного о следующей Вашей книге. 5-я часть у Вас «Февральское сражение под Волочаевкой». К этой книге у меня своего материала нет. Кое-что, известное от ген. Молчанова, сообщу.

Заглавие, по-моему, неправильно. Оно не только не заключает в себе все события, которые протекли от 11 января (конец Вашей второй книги), но под вопросом и по отношению даже к боям 10–12 февраля. В этой части у Вас будут, наверное, помещены окончание набега полк. Карлова на жел. дорогу и его второй поход в тыл красных, а также более мелкие события (у Ольгохты, напр.). Они стоят вне объявленного заглавия.

Наконец, бои 10–12 февраля были не только под Волочаевкой, а под Нижне-Спасским и севернее Волочаевки. Так что и самые эти бои, может, лучше назвать «бои на линии Волочаевка–Нижне-Спасское» или, пожалуй, ещё лучше: «бои под Хабаровском 10–12 февраля».

Вы также называете это сражением. В доброе старое время это было бы, пожалуй, сражение. Теперь этот термин применяется главным образом к большим боям, в которых участвуют сотни тысяч и которые охватывают площадь на десятки и сотни вёрст. Лучше не вызывать придирок: «Вот там белоповстанцы с 3–4 тысячами целое сражение разыграли!» Даже Покус, который подчёркивает действия своей бригады в ущерб Читинской и называет эти бои «Волочаевскими», не применяет термина «сражение». Покуса Ваша книга должна будет разочаровать. Он приписывает своим частям захват Волочаевки. Но бои были решены у Нижне-Спасска и неудачей Волжской бригады. От Волочаевки наши части отступили по приказу ген. Молчанова. Атаки белых окопов и бронепоезд, врывающийся на ст. Волочаевка, относятся к преувеличениям. Или сам Покус усилил всё это, или его командиры, занимая пустые окопы, донесли, что захватили с боем. Из наших документов это подтверждается № 0436/л. Да, наверное, Вы это выяснили и из показаний. Интересно, так ли это? Что показал Аргунов? Это ещё более указывает на то, что назвать эти бои «Волочаевскими» сомнительно, не исчерпывает всего. Общее же заглавие этой части примерно должно быть: «Борьба на Амурской границе с 11 (или 13) января по 13 февраля» или «Продолжение борьбы на Амурской границе».

Пока всего хорошего. Посылаю чек «Новинки». Они продали 7 книг Вашей 1-й книги, две ещё в магазине, из них одна на выставке в окне. Сколько мне брать за 2-ю книгу с подписчиков? Ответьте, пожалуйста.

Желаю Вам дальнейших успехов.

Искренне Ваш А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

10/X 1933 г.
Получено 21/11/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Перехожу к рассмотрению 2-й главы. Здесь тоже заметна спешка. Первые два отрывка говорят о времени после захвата Хабаровска и кончается: «артиллерии они совершенно не имели». Следующий отрывок берёт время 20 декабря и указывает на наличие у белых 7 пушек. Путаница во времени.

Далее, на стр. 14 у Вас карта № 1 озаглавлена «план обороны ДВР». Но сама карта никакого плана не даёт. Если бы на этой карте Вы показали в самых общих чертах расположение сил красных, хотя бы только пех. полки — это был бы план. Если бы стрелками ещё добавили предполагаемые направления ударов белых — было бы ещё лучше. А так лучше бы было назвать «карта № 1 к плану обороны Д. В. Р.».

На стр. 13 Вы ДВР называете «молодой» республикой и на 15 стр. доказываете, что независимой ДВР не существовало. Конечно, это не «молодая», а «фальшивая» республика, и доказывать это теперь, как совершенно очевидное, нет смысла.

Самый существенный недочёт 2-й главы — это подсчёт сил белых. Подсчёт этот Вы подводите или упоминаете в нескольких местах (13 стр., 16, 22 и 23 стр.). Слишком разбросанно, происходят повторения одного и того же, но с несколько разной окраской.

Самые подсчёты ошибочны. Особенно это бросается в глаза на двух соседних страницах (22 и 23). Оба подсчёта к 25 декабря и с разными итогами. Здесь и ошибки от поспешности и ошибки, которые не могу объяснить. На 22 стр. пропущены 40 саб. у Ижевцев и в 3-й колонне вместо 215 указывается 205. В результате итог разнится на 50 (45) сабель. Орудий у 2-й колонны — 1 и 2 и итог 6 и 7. Подсчёты на 22 стр. округляются, на 23-й более точны, что также вносит ненужную путаницу. Более существенные ошибки, и для меня мало объяснимые, в: 1) подсчётах сил 2-й колонны и 2) путаницы с «базами».

Силы 2-й колонны явно преувеличены. В 1-й книге у Вас тот же итог 850 шт[ыков] и 200 саб. (на стр. 175), но там же говорится, что здесь «возможна наибольшая погрешность, так как сведения об этом отряде собраны наиболее скудные». Казалось

бы, более поздние сведения (письмо Аргунова, показания Торопова) приводят к необходимости исправить первоначальные данные. Но, видимо, Вы решили подогнать цифры к старым сведениям. Такой метод, безусловно, ошибочный, и рекомендовать его нельзя. Он приводит к новым недоразумениям и наводит сомнения на тщательность обработки Вами фактического материала. В самом деле, в письме Аргунова указано 620 штыков (до Хабаровска), у Вас 850. Куда же делись 230?

По-видимому, опять-таки для того, чтобы подогнать итоги во 2-м отряде, Вы в Воткинской батарее ставите 80 шт. и 40 саб. Эти цифры совсем не обыкновенны. Боевая сила артиллерии всегда измеряется только числом пушек, как сила пехоты* — штыками и кавалерии — саблями. Ручное оружие в артиллерии существует лишь для самообороны, и в бою никто не будет на артиллеристов возлагать пехотные и кавалер. задачи. Если же, вследствие большой численности Воткинской батареи, она выделяла своих стрелков и кавалеристов (напр., к конному отряду подполк. Торопова) на помощь стр[елковым] полкам или кавалерии, то такой состав Вотк. батареи следовало бы показать отдельно, как «стрелк.-кавал. часть (отряд, взводы...) Воткинской батареи». Мне лично кажется, что эти штыки и сабли никуда от батареи не отходили, служили ей только собственным прикрытием и являются до некоторой степени злоупотреблением, встречавшимся в организации частей в Гражданскую войну.

Также совсем не понятна вставка «баз» в боевой состав. Какие же боевые задачи на них возлагались?! Не только боевой, но даже караульной службы в г. Хабаровске они не несли. Внесение их в боевой состав — явное недоразумение. Вы и сами не решаетесь назвать их штыками, а называете «чел.», но на стр. 22 вставляете их в итог штыков, а на 23-й отдельно. Вы на стр. 23 пишете о поправке, вносимой мною. Я не помню, делал ли я такую поправку, но с содержанием её я вполне согласен. Вы о поправке этой ничего от себя лично не говорите, о составе «баз» и их «боевом» назначении также ни слова, а между тем в подсчёт вносите. Путаницу это вносит необычайную. Есть составы — боевые (штыки, сабли и пушки), есть составы частей строевые (все бойцы, включая строевых артиллеристов, строевые

* Также пулемётами, особенно в новой организации, где пулемёт считается основным оружием пехоты. — *Прим. автора.*

команды штабов и пр.) и есть полные составы частей, где даётся численность и строевых, и нестроевых, и лошадей. У Вас же к чисто боевому подсчёту наших сил попали обозы 2 разряда.

На 25 стр. ген. Сахаров приводит ещё одно «оправдание» своей неудачи под Ином: «красные приближаются к своей базе». С большой настойчивостью ген. Сахаров старается оправдаться в поражении под Ином, и все его оправдания больше ему вредят, чем что-либо доказывают. И всё это портит и ему самому, и Вашей книге, загромождая её ненужным хламом. Навряд ли «базы» что-либо объяснят рядовому белоповстанцу. Он или пропустит это мимо, или удивится, почему это «базы» до сих пор не мешали бить красных. Разбираясь же по существу, придётся эти «базы» отнести к области курьёзов или юмористики. Конечно, такому элементу не место в книге.

Сахаров берёт общее и хорошее известное положение, но во всякую отвлечённую форму надо вкладывать и какое-то содержание. Если бы мы потерпели поражение под Покровкой, а не под Ином, Сахаров мог бы сказать, что красные, очистив Хабаровск, сняв все караулы, охранные части и т. д., усилив ими свои поредевшие полки, стали сильнее. Здесь незначительное отступление от Хабаровска до Покровки могло ещё кое-как рассматриваться как явление, послужившее к усилению численности красных. И то это усиление навряд ли можно считать сколько-нибудь значительным фактором для перехода от ряда побед к поражению. Что же касается отхода красных от Покровки до Ина, то никакого усиления красных от приближения их к «базе» на 80 вёрст не произошло. Может быть, на ст. Волочаевка были 2–3 милиционера, и, отступая на Ин, красные забрали их и поставили в строй. Самый отход армии не усиливает, а приближение к базе имеет значение лишь тогда, когда армия усиливается. База красных была в Забайкалье, 2000 вёрст от места боёв, и приближение к ней на 80 вёрст имело такое же значение, как усиление армии красных на 3 милиционера. 80 вёрст — это 3 часа езды по жел. дороге, а красные части из Забайкалья двигались на фронт неделями. Нельзя оперировать микроскопическими величинами в практическом деле, нельзя приходить в лавку и, покупая фунтовую булку, упрекать продавца, что он обжуливает, что в булке не хватает одной десятой золотника. Сахаров делает это примерно в этой же пропорции, что, конечно, может только вносить комический элемент.

Но не могу не коснуться уже заодно и другой стороны дела — особого значения «баз» в гражданской войне. Эти сведения Вам могут пригодиться где-нибудь в другом месте, особенно если придётся встречаться с мнениями людей, которые, как ген. Сахаров, оперируют разными положениями, принципами и формулами, применяя их как громкие фразы, за которыми находишь лишь пустое место. «Базы» в гражданскую войну того типа, которая разыгралась у нас, где всё перемешалось, были совсем особого рода, чем во внешних войнах. Во внешних войнах базой служит всё государство, которое даёт людей в армию, продовольствует их, снабжает оружием, лошадьми, всем, чем нужно. Всё необходимое для войны подготовляется заранее или во время самой войны внутри страны или покупками за границей. Всё это значительно переворачивается во время войны гражданской. Где были базы большевиков, когда они выступили с оружием в руках для захвата власти? Откуда они взяли свои вооруж. силы, оружие и т. д.? От противника. Они постарались перетянуть на свою сторону вооружённые силы своего врага — старого правительства, а что не могли — разлагали, уничтожали. Начинать таким путём внешнюю войну невозможно, да и вообще людской материал противника во внешней войне, за редкими исключениями, для вооружённой борьбы не используется, а оружие, вследствие разницы в калибрах, используется лишь в незначительной степени, во второстепенных частях. В гражданскую войну и люди, и оружие у обоих противников из одного источника, из своей страны. Отсюда и «базы» лежат не где-то позади нашего фронта, а по обе стороны его. То, что принадлежит сегодня противнику, завтра может стать нашим, и наоборот. В Хабаровском походе нашей артиллерийской базой была Покровка (отчасти Розенгардовка, Владимировка), а не Владивосток. Так же и ружейные патроны мы получили главным образом в Покровке, и, наверное, Владивосток дал нам много меньше патронов, чем Покровка и по мелочам в других местах. Снаряды взяты в Хабаровске.

То же могло, хотя и не случалось в сколько-нибудь заметных размерах, быть и в боевом людском составе нашей или красной армии. Говорят, амурские казаки говорили Карлову во время его второго налёта в тыл красным в Амурской области: «Возьмите Ин, и тогда мы подымемся». Была ли это отговорка вообще, или казаки действительно хотели убедиться в наших силах и выступить в более лучших для себя условиях, — неизвестно, и в

данном случае не важно. Но самый разговор показывает, что и в Хабаровском походе были какие-то возможности (или намёки на это) нашего усиления при продвижении вперёд. Эти возможности и заставили послать отряд Карлова с запасом оружия к Амурским казакам. Об этом я ещё напишу Вам подробнее, когда буду подбирать материал для Вашей 5-й части.

Если подобного явления мы не наблюдали в Хабаровском походе, последнем походе, когда после 4-х лет Гражданской войны людские массы утряслись в известные рамки, то раньше было другое. Не раз в течение Гражд. войны полки, даже дивизии и разные партизанские отряды (в том числе знаменитый Махно) переходили из одного лагеря в другой. Переходы совершались всегда на ту сторону, которая берёт верх, наступает. Поэтому наступление сопровождалось часто нарастанием сил наступающей стороны; она не ослабевала, не удалялась от своей базы, а черпала себе пополнение из той базы, которая лежала по ту сторону фронта — в тылу у противника.

Общие условия сложились для нас очень неблагоприятно во время Хабаровского похода. И наш тыл, наша база — южное Приморье — не дали нам помощи людьми. Будь эти условия для нас удачными, мы могли бы рассчитывать, что, продвигаясь вперёд, мы продвигаемся к своим базам, к Забайкалью, к Сибири, к Уралу. Гражданская война — война преимущественно наступления, и обороной, даже удачной, ничего не добьёшься. Это средство временное, для выигрыша времени, для передышки... Это требование наступления, в широком стратегическом смысле, переходит даже само собой, психологически, на тактику. Сознание или у других инстинкт подсказывает: наступай и будешь прав. Поэтому прилагать понятие о «базах», как они понимаются в условиях для внешней войны, к условиям, которые сложились к 28/XII у Ина, вдвойне неправильно: 1) отход красных от Покровки до Ина мог усилить красных на ничтожное число людей, равное практически нулю и приблизить их к той базе, откуда они получали подкрепление, на 3 часа жел.-дор. пути, что также никакого практического значения не имело, 2) принимая во внимание особенность пополнения армии Гражд. войны, — расположение баз по обе стороны фронта, — утверждение ген. Сахарова страдает однобокостью.

Было бы много лучше и для самого Сахарова, и для истории Хаб. похода, если бы все эти планы, базы и прочие выдумки

и изобретения совершенно не появлялись в книге. От доли вины, которая падает на Сахарова, все эти штуки его не избавят. Книга же и поход от этого очень страдают.

На стр. 25 у Вас мелочная ошибка в описании местности, которую мне разъяснил сибиряк. Вы пишете о переходе по «тайге». По объяснению сибиряка, тайгой эту местность назвать нельзя, т. к. в сибирском значении этого слова «тайга» — дикий девственный лес, покрытый буреломом и потому труднопроходимый. От Хабаровска до Ина были лишь небольшие перелески и кусты на общем фоне замёрзшего болота.

На 27 странице у Вас красный бронепоезд стоит по северную сторону увала, надо — по западную.

Кроме всего перечисленного, остальное больших возражений не требует. О силах красных скажу позднее. Общее впечатление от этой главы — она немного запутана. Силы противников рассматриваются в разных местах вперемежку с боевыми действиями и сведениями из тыла. Было бы лучше всё это написать, сгруппировав однородное вместе:

1) о красных (стр. 14, 15, $^1/_2$ 19, $^1/_2$ 20, $^1/_3$ 24),
2) о белых на фронте (22 и 23 стр.),
3) о белых в тылу (16, 17, $^1/_3$ 18),
4) положение в Хабаровске (18, 19),
5) общие выводы о силах противника (13),
6) приказы и действия белых до продолжения наступления ($^1/_3$ 24, 25, 26) и наконец
7) боевые действия, т. е. $^1/_3$ 24 (середина) и 27, 28 стр.

Эту придирку делаю для будущего. Всегда желательно, если материал разнообразный, группировать его в известной последовательности. Необязательно, но чаще всего принято при описании боевых действий сначала излагать сведения о противнике, потом о своих и лишь после этого приступить к описанию событий, причём в последних — какие приказы отданы, какие задачи даны сначала, а потом уже самые боевые действия. Придерживаясь примерно такого плана, легче следить и читать.

Последние строки главы связаны с Ином, и я скажу о них после.

Пока перейду на другое. Сначала отвечу на Ваши письма. Как раз получил Ваше письмо от 21 сентября. Очень рад был прочесть, что Вы мои писания находите полезными и в них

бывают ценные указания. Мне иногда казалось, что я пишу чересчур много и зря. Лишь теряю время и отнимаю у Вас. Но, взявшись Вам помогать и проверять, я старался это делать возможно полнее, видел по книгам, что Вы очень многим из моих писаний воспользовались, но мне казалось, что я всё же своими придирками доставляю Вам много огорчений. Пробовал ограничить свою критику лишь самым необходимым и важным, но из этого ничего не вышло, хотелось, чтобы всё в Ваших книгах было гладко и без тех ошибок и промахов, которые можно устранить. Поэтому я с удовольствием узнал, что Вы мои письма перечитываете, на мои указания и придирки не обижаетесь.

Жаль, что Вам не помогает Колесников[154]. У него должен быть большой опыт в писании и издании книг. Правда, он пишет больше по политическим вопросам или по военным самого общего содержания. Углубляться в мелочи боевых действий, в тактику бригад и полков он не любит. И пишет так же едко и сногсшибательно, как и говорит. Правда, читал его книги я давно («Вторая война с Германией» или что-то в этом роде), и что и как он пишет теперь — я не знаю. Его журнал* мне совсем не известен, и здесь его в продаже, насколько мне известно, нет совсем. Если у Вас найдётся завалящий №, может быть, Вы не откажете прислать для ознакомления.

У Вас, видимо, с ним деловые отношения не наладились. Среди объявлений в конце Вашей книги объявления о журнале Колесникова не имеется. Значит, и он не помогает в своём журнале оповещать своих читателей о Вашей книге. В «Часовом» (№ 108–9) прочёл, что Колесников помогал находящемуся у Вас в Шанхае кап. 2 р. Апрелеву издавать его книгу «Нельзя забыть».

С Вашим мнением о Попове[155] я согласен. Он принадлежит к «очень» молодому Ген. штабу, а по характеру человек скоропалительный и углубляться во что-нибудь не будет. Когда я писал Вам о желательности проверки разных военных вопросов у офицеров Ген. штаба, я подразумевал не нас, молодых и недоучившихся, а прошедших полный курс Академии в мирное время и имеющих достаточный военно-научный багаж, чтобы разбираться в военных делах. Что касается «молодых», то двух-, трёхмесячные курсы во время войны давали очень мало. Что можно было усвоить в условиях большой спешки? В этом

---

* Армия и флот (Шанхай). — *Прим. сост.*

отношении следует выделять из молодых тех, которые ещё в мирное время готовились в Академию, должны были заниматься для выдержания вступительных экзаменов сначала при округах, потом в самой Академии и которым пришлось прочесть массу военных книг, рекомендованных для таких лиц специальными программами. Сужу по себе и могу с уверенностью сказать, что 3 года подготовки к экзаменам дали мне гораздо более знаний, чем скоротечные курсы военного времени. Должен прибавить, что перед Мировой войной у нас уже был достаточно переварен опыт Японской войны, армия реорганизовалась, в военной литературе горячо разбирались различные военные вопросы и невольно приходилось следить за различными течениями в областях устройства армии, стратегии, тактики и т. д. Кажется, Колесников тоже готовился в Академию, даже чуть ли не был в ней 1 год, а потом отчислился и готовился поступить вновь (может, путаю с кем-то другим). Во всяком случае, он человек очень начитанный и жаль, что увиливает от помощи. Не знаю, готовился ли в Академию Ловцевич[156], он 3-й очереди ускоренных выпусков, а в 3-ю и 4-ю очередь попадали главным образом из строя из желающих и иногда и против особого желания специальных знаний, а чтобы уехать в Петроград (4-я очередь — в Омск). Но во всяком случае у него очень мозговитая башка, и он мог бы помочь Вам. Из офицеров «полного» Ген. штаба у Вас в Шанхае есть ген. Дитерихс и Петров. Конечно, всё зависит от желания помочь. От иных ничего добиться нельзя, особенно если они сами в военных делах не участвовали и смотрят на Вас подозрительно как на человека, желающего причинить неприятность.

О Головине я не понял. Хотели ли Вы поступить на курсы[157] или же искали помощи и руководства в издании книги? Эти курсы проходит здесь фон Вах и ещё один или двое. Постановкой дела они довольны и занимаются (Вах по крайней мере) с увлечением. Правда, цена за учение тоже солидная. Это препятствие остановило и меня, да и времени очень мало. К тому же и старость приходит и навряд ли пригодится эта наука. Если скоро и перевернётся всё, — надо будет давать дорогу молодым.

Где была помещена заметка о Вашем отце?

О схемах и картах. Вы, безусловно, правы, помещая карты в тех случаях, когда они могут ещё пригодиться для следующих изданий, напр. для похода Карлова. Но некоторые карты в 1-й книге, наверное, уже не пригодятся, и их можно было

бы с успехом заменить схемами (напр., план г. Имана заменить схемой боя под этим пунктом) или совсем выбросить (план Сергеевки, например, ничего не поясняет, и боя там большого не было), план Анучино тоже совсем ни к чему. Ну, не буду распространяться на эту тему.

Вы пишете, что всех книг у Вас будет не менее семи. Признаюсь, теперь и я испугался. Вы можете не сомневаться, что я желаю Вам полного успеха и буду рад видеть все книги вышедшими в свет, и в возможно полном виде. Но, мне кажется, Вы потерпите экономич. крах. Это слишком фундаментальный труд и будет под силу только библиотекам и отдельным любителям собирания книг. Видите, ген. Хрущов недоволен уже расходом на 2-ю книгу. Я думаю, Вам придётся всё-таки стараться сокращать материал и умещать его в меньшее число книг.

Между прочим, Вы пишете, что не хотите, чтобы Вас упрекали в том, что Вы преподносите дело по-своему и для этого приводите мнения ответственных лиц, что эти мнения могли бы появиться в печати.

Но включение разных мнений в книгу, как Вы сами видите, не избавило Вас от того, что Вас ругают и критикуют, и лишь 5 % становятся на Вашу защиту. Помещение многих сведений, не избавляя Вас от «критиков», засоряют книгу, Вам приходится потом делать дополнительные исправления. Не только мнения и рассуждения, но и «факты» в некоторых случаях являются материалом, не нужным для книги. Вы также в этом убедились, так как ген. Сахаров отказался от «мешка», который сначала Вам сам навязал.

Я думаю, Ваша задача состоит главным образом в описании фактов, по возможности проверенных, и к этому никто не может придраться, если, конечно, такой человек привык считаться с фактами. Затем все факты, события должны получить свою оценку. Дело более трудное, и здесь возможно помещение различных противоречивых мнений, если разобраться окончательно, не представляется возможным. Но, я думаю, это делать следует лишь тогда, когда действительно вопрос запутан. У Вас, по-моему, часто эти мнения приведены, чтобы не обидеть кого-нибудь, или, как Вы пишете, «не хочу, чтобы кто-нибудь сказал...». Невыполнимая задача, всех не удовлетворишь, а ясность и определённость в описаниях исчезают, книга засоряется ненужным материалом.

Но не сразу всё, — постепенно у Вас дело будет налаживаться всё лучше. Вы сами увидите, что, стараясь написать всё, зафиксировать все мнения, можно только лишь запутать вопрос, затуманить главное.

Ещё на Ваше письмо. Перебрался я на новую квартиру вместе с ген. Молчановым, нашли лучшую квартиру за ту же цену. В Обществе (ОРВВВ. — *Сост.*) не бываю. Только захожу менять книги и очень редко на лекции. Что там делается — знаю мало. Из последнего «Вестника» узнаете, что ушёл и фон Вах*, но, кажется, выставленная причина — материальные затруднения — для вида, а на самом деле ушёл совсем. К «Вестнику» никакого отношения [я] теперь не имею, только получаю и читаю. Как прочтёте — Вашу книгу Общество послало в подарок бывшему библиотекарю Смольянинову[158]. Он был нач. артиллерии 2-го корпуса.

Получил сегодня последний «Инвалид» с рецензией о Вашей книге. Рецензия более основательная по существу, хотя и более сухая, чем была в «Часовом». Как видите, не я один пилю Вас за карты и схемы.

Выписывал ли у Вас книгу кто-нибудь из Австралии? Там есть кое-кто из нашей публики, кто, наверное, с удовольствием приобретёт книгу и, кроме того, будет Вам полезен для сбора сведений. Там живут Ростовцев, Зуев[159], Болонкин, кап. Иж[евского] п[олка] Смолин[160] и др. Адресов их не знаю, но думаю, что Болонкина можно поймать на «С. Р. О.[161]» в Brisbane (Брисбен. — *Сост.*). Там же и о. Антоньев[162], бывший военный священник и был священником в Спасске. Недавно читал, что он строит в Brisbane православную церковь, т. е. вокруг него группируются русские. Через него можно, наверное, связаться и с «белоповстанцами». Между прочим, о. Антоньев рассказывал мне когда-то историю образования партизанского отряда Сологуба. История, правда, неприятная для Вашей бригады. Кто-то приказал семинариста Сологуба выпороть, и после этого он удрал в сопки, организовал отряд и стал мстить.

В Вашей второй книге я предполагал найти в конце выписки из рецензий о Вашей 1-й книге. Эти выписки считаются легальной формой рекламы. Удачно подобранные, они могут

* В № 87–88 «Вестника ОРВВВ» (1933 г., с. 1) было напечатано сообщение: «Из состава Общества с 1 августа временно вышел по причине трудного материального положения Б. Э. фон Вах». — *Прим. сост.*

содействовать распространению книги. Из таких выписок и перечисления содержания книги можно было бы составить листовки (проспекты) для рассылки «белоповстанцам», адреса которых имеются, или в разные военные кружки и общества. Я слыхал, что при правильно организованной рассылке таких проспектов (т. е. лицам, которых книги эти интересуют) на каждые примерно 10 посланных проспектов получается 1 заказ на книгу. Отпечатка и рассылка (или раздача через знакомых) стоит много дешевле, чем реклама в газетах и журналах, и, кроме того, направлена более удачно в цель — к нужному лицу.

Напишу дальше про Волочаевку. В прошлом письме писал про заголовки. Теперь о более существенном. Раз новая книга или новая часть — придётся Вам начинать с общей обстановки. На этот раз Вы, наверное, не будете делать целой главы, имеющей характер общего обзора, как это было во 2-й части. События, собственно, продолжаются без резких перемен — идёт всё та же борьба на границе Амур. области, и обе стороны стремятся сломить волю своего противника. Наверное, общая обстановка поместится в 3–4 отрывках.

Новые данные, в моём представлении, следующие: 1) скорое прибытие к красным Читинской бригады, увеличивающее их силы примерно вдвое; 2) отказ белых от захвата Ина и решение дать отпор красным на линии Волочаевка–В[ерхне-] и Н[ижне]-Спасское; 3) перенос активности на тыл красных с попыткой поднять Амурское казачество.

По первому пункту много писать не буду. Основываясь на Ваших последних цифрах на стр. 90–91 2-й книги, у красных было после боя у Волочаевки 5/I около 2700 штыков и сабель (2360 + 650 = 3010 + караул. батал. 200 + 250 Амурского полка (до Ольгохты) — всего 3460, за вычетом потерь 750–800 (стр. 122) остаётся примерно 2700). После боя 11/I у красных осталось, наверное, 2500–2600 чел.*. Навряд ли их потери в бою были велики — они занимали хорошую позицию и не выставлялись под поражение нашего огня. Какие пополнения получены и какой численности Читинская бригада, — Вы уже, наверное, разработали. Думаю, что не ошибаюсь, что их силы

* Плюс Троицко-Савский полк в 550 саб., о котором забыл, значит, всего после 11/I в среднем 3100. — *Прим. автора.*

увеличились по сравнению с последними цифрами вдвое, а, может быть, и больше.

Затем очень желательно отметить основательность подготовки их к новой операции по занятии Хабаровска: назначение опытного командного состава в Сводн. бригаду, занятия, приезд Блюхера и пр. (стр. 52–53 Покуса).

2) В нашем лагере дело хуже. Ждать сколько-нибудь значительных пополнений из тыла было нельзя. Я не читал Болдырева и не имею под рукой Руднева. Может быть, Вы найдёте в этих книгах соответствующие строки, относящиеся ко второй половине января — началу февраля, которые бы указывали, что армия была предоставлена самой себе, о ней не думали, занимались своими сварами, продолжали разлагаться и ни о каком пополнении рядов армии, кроме разве выздоравливающих раненых и немногих оставшихся небольших частей, нечего было и думать.

Несмотря на неудачу под 2-м Ином и большие потери, численный перевес всё ещё оставался на стороне белых, но это могло продолжаться лишь недолго — несколько дней, так как начали прибывать первые эшелоны Чит[инской] бриг[ады] (по Покусу, она сосредоточилась 18 янв., т. е. первые эшелоны, наверное, приходили на неделю, а может и более, раньше). Желательно подвести итог наших сил к этому времени. Цифры, к сожалению, очень разнятся. У меня получается до 300 человек. Если основываться на Ваших данных на стр. 90 и для Волжан на стр. 23 минус потери под 1-м Ином, то получится: 1800 шт. + 690 саб. = 2490 бойцов + Волж., Камцы и Ширяев около 380 (480 + 50–150? потери) + Иж. разведка 40 + Сиб. казаки 200 — итого 3100 и исключая потери 5/I в 50 чел. — 3050. С прибытием пополнения в 1500 бойцов (стр. 118) наши силы доходят до 4550 шт. и саб. Складывая Ваши итоги на стр. 132 и 133, получаем 4200 + небольшой отряд Карлова. Желательно эти цифры как-то согласовать, конечно, без применения «баз». Особенно большое колебание цифр в 1-й стр. бригаде, трудно объяснимое одними потерями: на стр. 23 — 600 шт. и 100 саб., на стр. 90 — 370 шт. и 50 саб. (сабли ещё объясняются выделением к Карлову) и, наконец, на стр. 132 у Аргунова всего 950 шт. и саб. Так как своих у него около 780–790 (стр. 90.1 = 370 + 260 + 120 + 60 = 810 и потери под Волоч. 5/I: 20–30 чел., не больше, (да и то если были от мороза), то 1-я бригада насчитывает всего около 160–170.

После 2-го Ина, при потерях у Уфимцев 140, Пластунов — 111, у зелёных[163] — 40, у Камцев и других — ?, наши силы уменьшились на 300–350 чел., то есть были между 3850 и 4200, что ещё заметно превышало наличные силы Сводн. бригады красных с Троицко-Савским полком, не превышавшие 3100. Прибывшие первые эшелоны Чит. бригады в первое время ещё не могли сравнять численности противников. Во всяком случае, у нас была полная возможность выбить красных с Ина, если бы это дело велось под руководством самого ген. Молчанова. Конечно, надо было торопиться и не дать возможности красным сосредоточить все свои силы.

Но теперь другие данные заставили пересмотреть вопрос о захвате Ина. Выгоды захвата были выяснены раньше. Но для обороны плацдарма на линии Ина требовалось и больше войск. Теперь выяснилось окончательно, что тыл нам больше ничего не даст. В то же время новая операция может потребовать чувствительных жертв. Красные части значительно окрепли в боевом отношении, стали драться много лучше и не представляли из себя той панической массы, которая легко бежала во всех встречах с нами вплоть до 28/XII. Это неизбежное требование жертв для захвата Ина накануне прибытия к красным больших подкреплений могло ещё больше нарушить соотношение сил в пользу красных в предстоящем большом бою за Хабаровск. Необходимо было, наоборот, возможно ослабить силы красных до момента решительного удара. Это можно было сделать: 1) укрепившись на удобном рубеже и 2) оттянув часть сил противника в тыл. Линия Волочаевка–В.-Спасское (Н.-Спасское) представляла такой рубеж, дававший достаточное помещение для защиты от холода, короткий по сравнению с линией Ина фронт от жел. дороги до Амура в 12 вёрст и пустое место впереди, заставлявшее противника действовать или очень быстро, не считая потерь и разбиваясь на наших проволочных заграждениях, или же мёрзнуть и опять-таки нести потери в людях.

О § 3 (восстании Амур[ских] каз[аков]) в след. раз. Пришёл посетитель и помешал закончить. Посылаю: 1) старый приказ по армии, выясняющий полный состав армии, подчинённый ген. Вержб[ицкому] перед началом наших операций. К сожалению, достал поздно. Есть надежда достать списочный состав после похода; 2) счёт «Новинки», уплатившей пока за 7 книг; 3) ответ из Германии о книге Токаревского (достали ли Вы?)

и 4) рассказ о гибели Унгерновского отряда. Пишет какой-то Белов (псевдоним). Он много выдумывает и приукрашивает (иначе бы и не напечатали в амер. журнале) и не знаю, какая там доля правды. На всякий случай посылаю.

Всего лучшего.

Искренне Ваш А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

3 ноября 1933 г.
Получено 9/12/33

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

В прошлом письме я не успел Вам докончить о Волочаевке и потому начну с этого окончания. Наверное, материал этот Вам пригодится для помещения в 5-й части или для проверки своих собственных сведений и выводов.

Я остановился на третьей данной, характеризующей описываемый период — о нашей работе в тылу красных и попытке поднять казаков.

Попытка поднять Амурское казачество для действий совместно с нашей Армией по очищению Амурской обл. от красных делались с самого начала похода. Белые организации казаков существовали на этой (китайской) стороне р. Амур с момента прекращения борьбы в самой области. Я не знаю, в какой степени была налажена связь с этими организациями (с Сычёвым и др.). Думаю, в этом вопросе Вам может оказать большую помощь полк. Ловцевич. Он специально занимался этим делом. Знаю только, что сведения от разных лиц поступали, и сведения довольно противоречивые, но, в общем, не безнадёжные для белых. Эти лица сообщали, что казаков поднять можно, нужны лишь оружие и деньги. Деньги обыкновенно требовались в значительных (сравнительно) суммах, каковых в распоряжении Армии не было. Наверное, полк. Ловцевич может привести Вам кое-какие данные.

К середине января [1922 г.] с достаточной ясностью выяснилось, что в рядах нашей Армии имеется в лице полк. Карлова отличный партизанский начальник — смелый, энергичный, настойчивый, находчивый, не боящийся проникать глубоко в тыл к неприятелю и действовать там, не страшась значительно превосходящих сил красных, стремившихся его поймать.

Также выяснилось благоприятное для нас настроение ближайшего района Амурского казачества. Это повело к снаряжению нового налёта полк. Карлова на тыл красных, на этот раз с целью поднять казаков. Для этого отряд полк. Карлова значительно усиливался, в него включались имевшиеся в армии Амурские казаки (в том числе там был полк. Рубинов*, Амурского войска).

Я также знаю, что шёл вопрос о том, кого послать в качестве организатора восстания казаков. Нужен был человек энергичный, знающий местные условия, умеющий вести такого рода работу, умеющий убеждать, для чего должен был обладать даром слова... Пожалуй, наиболее подходящим для этого был полк. Ловцевич, и он соглашался на это дело. Но он нужен был на своей должности — нач. штаба, и его некем было заменить. Обо всём этом Вы могли бы точно узнать у самого полк. Ловцевича.

Был в армии, по-видимому, в отряде ген. Никитина член войскового Правительства Амурского войска Коренев[165] (Керенев?). Но он сам не пошёл, а послал одного казака, известного в войске. Отец этого казака, кажется, генерал, был хорошо известен и любим в войске. Фамилию не знаю, знаю только, что с большой чёрной бородой, видный и красивый молодец.

Пишу много подробностей; они, конечно, не нужны будут для первоначальных первых сведений общего обзора. В заключение этого обзора можно сказать, что из 2-х решений: 1) ещё раз атаковать Ин, взять его и в этом районе дать решительный бой; 2) укрепиться на линии Волочаевки и здесь, нанеся потери противнику обороняясь, затем перейти в атаку и отбросить его, — ген. Молчанов выбрал второе.

Первое решение приводило: к жертвам, которые мы не могли пополнить; к необходимости с ослабленными силами действовать на фронте около 30 вёрст (от жел. дороги до р. Амур, не считая охраны района к северу от жел. дороги); к потере нескольких дней для работ по укреплению позиции (время операции, исправление жел. дороги, подвоз проволоки и прочих материалов).

При этом возможность разбить отдельно наличные силы красных до подхода Читинской бригады, а тем более их уничтожить, была весьма проблематична, т. к. красные части были приведены

---

* Сначала предполагалось отправить его одного с Амурскими казаками, но такой маленький отряд навряд ли смог [бы] провезти оружие, да и по личным качествам Рубинову[164] было далеко до Карлова. — *Прим. автора.*

в порядок, стали устойчивы, даже упорны в боях, укрепились на Ине, вели интенсивную разведку и, без сомнения, не поставили бы себя в положение, допускавшее отдельное поражение.

Второе решение давало нам: сохранение наших сил до момента решительного боя; сокращение главного участка фронта до 12 вёрст (Волочаевка — р. Амур, но с необходимостью охраняться на север от Шевчука и усиленно наблюдать район к северу от жел. дороги от возможности обхода главными силами красных); возможность немедленно приступить к укреплению позиции и довести её силу до возможного предела.

Большим недостатком второго решения был ограниченный плацдарм для обороны Хабаровска, не дававший достаточной свободы для маневрирования и вынуждавший с потерей линии Волочаевка–Н.-Спасское отдавать немедленно Хабаровск.

Имея в виду потери от морозов, линия обороны у Волочаевки давала нам преимущества в смысле обогревания в тёплых помещениях значительной части наших солдат посменно, тогда как красные на пространстве в 50 вёрст почти не имели жилья.

Кроме укрепления позиции, важной мерой к моменту решительного боя являлось предположение оттянуть силы красных с фронта восстанием у Амурских казаков. Действия Карлова вообще заставили красных иметь в тылу солидную охрану жел. дороги и иметь особый отряд для поимки Карлова. В случае восстания казаков, даже незначительного, — красным пришлось бы оттянуть сразу большие силы, чтобы восстание не разрослось. Если бы восстание охватило значительный район, красные, наверное, были [бы] вынуждены бросить активные действия на фронте и, скорее всего, отступили бы от Ина.

О самом бое у Волочаевки Вы, наверное, собрали большой материал. Я знаю о нём главным образом по Покусу и кое-что от ген. Молчанова, главным образом сведения общего руководящего характера. Вы, наверное, большинство их знаете, поэтому постараюсь короче изложить отдельными пунктами, а если нужны будут подробности — запрашивайте.

Ген. Молчанов послал Вам письмо, написал его быстро и сказал, что ничего существенного о событиях он не писал. Поэтому я буду писать Вам всё, что знаю.

1) Характер предстоящих действий с нашей стороны виден из приказа ген. Молчанова № 572: «Стойкость, сидя за

проволокой, нанести противнику наибольшие потери, перейти в контратаку, продвинуться на 100 вёрст.

2) После отбития красных 10/II, причём, как и ожидалось, красные понесли значительные потери, ген. Молчанов приказал полк. Аргунову перейти в контратаку. Однако полк. Аргунов этот благоприятный момент упустил и донёс ген. Молчанову, что стрелки страшно устали и их невозможно поднять из окопов. Наверное, Вы запрашивали в своё время у полк. Аргунова об этом бое, и у Вас есть его объяснения. Надо думать, что полк. Аргунов, человек вообще очень осторожный и методичный, любивший всё основательно взвешивать и подозрительно относившийся к быстрым решениям, не оценил достаточно сложившейся обстановки. Отбитая атака давала уверенность в своих силах и в силе имевшихся укреплений, и казалось естественным продолжать оборону с прежней надеждой на успех. И если бы противник повторил свои атаки, то возможно, что полк. Агунов остался бы прав и атаки были бы отбиты вновь. Полк. Аргунов, очевидно, не учёл другие важные обстоятельства. Во-первых, что решение боя зависело не только от удачного отбития атак у Волочаевки, а и от удачи наших действий на левом фланге у В[ерхне-] и Н[ижне]-Спасского, где наших сил было меньше, и, во-вторых, что противник, убедившись в силе нашего фронта, будет искать решения в более уязвимых для нас пунктах.

Интересно, каковы объяснения полк. Аргунова, если он успел Вам дать их до своей смерти.

3) Вы запрашивали ген. Молчанова о причине выдвижения 12/II ночью на Н.-Спасское только что сменённой с позиции Поволжской бригады. Бригада была сменена у Волочаевки, чтобы дать ей отдых и возможность отогреться, но она продолжала оставаться единственным крупным резервом, и быстро развивавшиеся события не дали возможности дать ей сколько-нибудь продолжительный отдых. Оставление вечером 11/II Н.-Спасского заставило срочно поднять бригаду и послать её на выручку наших частей, отступивших из Н.-Спасского. При этом генералу Ястребцову указывалось, что красные, наверное, попытаются из района Н.-Спасского действовать во фланг и тыл Волочаевской группы, обходя левый фланг её позиции и что поэтому он должен быть особо осторожен, вести бдительное охранение походной колонны и производить тщательную разведку впереди, дабы не встретиться неожиданно с маневрирующими красными частями.

К сожалению, все эти указания (о них Вам может в точности сообщить полк. Ловцевич) оказались втуне, авангард ушёл вперёд, не поддерживая связи с главными силами, и Уфимский полк неожиданно нарезался на красных. Ещё один печальный пример беспорядочного походного движения.

4) Вы, наверное, заметили у Покуса своеобразное использование красными тяжёлого сибирского мороза. В числе выгод выбора рубежа у Волочаевки было отсутствие для наступающих красных помещений на протяжении 50 вёрст. Это заставило их идти на большие жертвы и штурмом взять Волоч. позиции 10/II. Не удалось. Минимальная забота о своих частях заставляла найти какие-либо способы для сохранения людей от замерзания. Но красные командиры решили мороз использовать как двигательную силу — заставить идти вперёд. «Или погибайте от холода, или берите приступом укрепления противника и получайте тёплые помещения» — такова была альтернатива для несчастных красноармейцев. Эту жестокость красных командиров Покус вскрывает в наивно замаскированных фразах на стр. 73: «Дух бойцов превзошёл все ожидания. Алчное желание победить, овладеть Волочаевкой с тем, чтобы погреться, достигло своего апогея. "[Если] ещё день не возьмём Волочаевки, то все замёрзнем" — рассуждали бойцы. Желание победить было так сильно, как никогда».

Необыкновенный способ «подымать» дух: чтобы погреться, чтобы не замёрзнуть. Наполеон тоже обещал тёплые квартиры в Москве, но всё же стыдился говорить только о животных чувствах и, кроме квартир, немало говорил о славе, долге и т. д. Это очень характерный случай, где красный командир «проговорился» и откровенно высказал, какого рода побуждения двигали вперёд их послушное стадо, забыв о принятом приличии поговорить о завоеваниях революции, свободах, мировом пролетариате и т. д.

5) В своих итогах Волочаевского боя Покус чрезвычайно увлекается и перехватывает через край: «С нашей стороны победа под Волочаевкой расценивается несравненно выше, чем какие бы то ни было операции красных войск на Вост. фронте за последние годы Гражд. войны». Что значит — «за последние годы»?! Если за 1920 и 21 годы, то, пожалуй, это был один из самых больших боёв. Что касается понимания «расценивается несравненно выше» в смысле качества ведения боя (в том числе и управления боем со стороны Блюхера и Покуса) — это

большой вопрос. Покус же упирает на это дальше: «... этот бой является исключительным примером вообще в истории Гражданской войны, как яркий образец согласованности действий..., охваченных к тому же неудержимым порывом добиться победы».

Начиная с конца, с «порыва добиться победы» следует помнить: «ещё день не возьмём Волочаевки, то все замёрзнем».

Также во многих местах описания Покуса видно, что никакого образца согласованности действий этот бой с красной стороны не представляет. Наоборот, было много ошибок и путаницы, недопустимых для боя не только образцового, но и просто хорошо разыгранного. Примеры:

«Таким образом, командование было двойное, что, конечно, приводило к ряду недоразумений» (стр. 66). «...Оказалось, что мост восточнее 3-й полуказармы был неисправен...» (стр. 67). Тут же о перевозочных средствах и эвакуации раненых.

«Забайк[альская] группа... должна была занять дер. Н.-Спасское 9 февраля, а затем...» — «9 февраля Заб. группе удалось дойти до ст. Улановки, где на ночлег». То есть не дошла около 25 вёрст и заняла Н.-Спасское вместо 9-го только 11-го.

«Тетерин потеряв связь с командиром Сводной бригады и со штабом фронта» (стр. 68).

«Подготовка к операции Св. бригады подвигалась медленно: не было подвод, обозы были слабы, мосты приводились в порядок, связь налаживалась» (68 стр.). «План действий Волочаевской группы был, откровенно говоря, навязан упомянутой группе и выполнялся ею в порядке приказа» (стр. 69).

Далее критика партизан: «Своей задачи не выполнили...» (стр. 69). «Неудачные действия т. Петрова-Тетерина нарушали основной план действий...» (стр. 69). «Завязавшийся по всему фронту бой обратился в сильно затяжной, нерешительный» (стр. 70). «Артиллерия... сильно отставала и... расположилась на далёком расстоянии...» (стр. 70). «4-й кав. полк действовать в конном строю не мог и, только спешившись...» (стр. 70).

«... ни ножниц, ни даже топоров у нас не было, несмотря на то, что в приказании штаба фронта от говорилось о создании штурмовых рот и о снабжении их ...» (стр. 71). «Оперативного приказа о возобновлении наступления на Петров-Тетерин не получил, а продолжал выполнение старого приказа» (стр. 71).

«Командование Вост. фронта не было поставлено в известность о происходившем утреннем бое т. к. донесения об этом

не посылалось. О взятии Н.-Спасского в 16 ч 11 февраля командир Св. стр. бриг. получил сведения лишь в 13 ч 12 февр.» (стр. 77–78).

Если ко всему этому прибавить, что штурма в том виде, в каком его описывает Покус, не было, то следует признать, что никакого «исключит. примера, как яркого образца согласованности действий всех частей» этот бой не представляет.

По моему мнению, этот бой вёлся плохо обеими сторонами. С нашей стороны упущен момент перехода в контратаку и печальный поход Поволжской бригады. С красной стороны целый ряд более второстепенных ошибок. Поэтому не следует характеризовать этот бой в том духе, в котором его охарактеризовал Покус.

Есть более верные характерные черты: 1) длительная подготовка обеих сторон; 2) напряжение сил, упорство; 3) введение в бой всех наличных сил.

Подготовка с красной стороны заключалась в сосредоточении сил, присылке командного состава, обучении и сколачивании частей, но при этом было упущено из виду, что придётся иметь дело с укреплённой позицией и, видимо, красные части не обучались преодолевать проволочные заграждения, и даже нужные для этого инструменты к моменту боя оказались глубоко в тылу. Результат отсутствия в гражд. войне достаточной практики в этом деле вследствие редкого применения фортификац. искусства.

С белой стороны подготовка заключалась главным образом в оборудовании укреплённой позиции, которая оказалась отлично оборудованной в районе Волочаевки и слабее в районе В.- и Н.-Спасского.

Напряжение боя и упорство видно из хода самого боя и больших потерь. Это был самый продолжительный бой за весь Хабаровский поход и с самыми большими потерями с обеих сторон.

Участие наибольшего количества сил также видно как из подготовки к бою, так и из его хода. Красные ввели в дело полностью 2 бригады, двойные силы по сравнению с прошлыми боями. Действия Карлова, к сожалению для белых, не отвлекли от фронта ни одного батальона их частей 1-й линии.

С нашей стороны к развязке боя было притянуто всё, что можно. Для охраны Хабаровска и его района, где раньше находилось не менее бригады, теперь был оставлен всего один полк — Воткинский, самый малочисленный из 3 полков Иж.-Вотк.

бригады, 200 с небольшим штыков, который усиливался ротой моряков* и несколькими мелкими частями, не могущими быть особенно полезными в бою. Как экстренная мера, вооружались даже нестроевые, и капитану Смолину приказано было сформировать из них роты. Это, между прочим, свидетельствует, что до сих пор эти нестроевые, «базы», никакой службы с оружием в руках не несли, и только крайность заставила привлечь их к охране города, и главным образом себя, чтобы освободить для фронта строевые части. Насколько помнится, эти роты не были сформированы, так как приказ был отдан накануне отступления.

На исход боя оказало большое влияние численное преимущество красных. К 12-му числу [февраля 1922. — *Сост.*] у Блюхера в его резерве был 3-й Читинский полк, совершенно свежий, даже ни разу не вводившийся в дело, а у нас в резерве ген. Молчанова относительно свежим был только Ижевский полк, около 340 штыков, то есть в $2–2^1/_2$ раза меньше, чем в 3-м Читинском (750–800 шт.). Кроме того, у к[оманди]ра Сводной бригады был свой резерв, 2 (два) батальона Амурского полка, также не вводившиеся в дело 10/II, остававшиеся свежими. Не знаю точно, но, по-видимому, у полк. Аргунова не было частей, которые не приняли бы участия в бою 10/II. Амурская группа красных, наверное, раза в два превышала нашу группу ген. Никитина. Ваши подсчёты это покажут.

В конечном результате, при не особенно удачных действиях обоих противников в тактическом отношении, численный перевес красных и оказал своё решающее значение. У белых был случай разбить красных, перейдя в контратаку после того, как атака красных 10/II была отбита. Красные боялись этой атаки, и Покус свидетельствует не только о больших потерях, но и о том, что «на левом фланге нашего фронта было заметно частичное моральное потрясение среди бойцов», что, конечно, сулило нам успех. Правда, это не было тогда нам известно, но вообще обстановка складывалась так, что только активной обороной можно было чего-нибудь добиться, и отбитая атака являлась наиболее удобным моментом для проявления этой активности. Таким образом, благоприятный случай был упущен и приходилось ждать следующего. Этого не случилось, так как центр тяжести боя

---

* Там были гардемарины и моряки. Предназначались для обслуживания захваченных судов. — *Прим. автора.*

перешёл на район Амура. Противник, не считаясь с потерями, в упорных боях овладел В.- и Н.-Спасским. Для восстановления положения была двинута из Дежнево Поволжская бригада, а из Хабаровска на усиление отступившего ген. Никитина — последний резерв — Ижевский полк. Поражение Поволжской бригады лишало нас возможности восстановить положение на Амуре и привело к общему отступлению.

Далеко не гладко эти события прошли и у красных. Они могли при представившихся обстоятельствах сделать многое лучше. В главнейшем: 1) они били в лоб, что привело к большим потерям и отбитию их атаки у Волочаевки 10/II, и 2) они очень слабо использовали или почти совсем не использовали своей победы. Относительно первого пункта: я очень мало знаю о том, что было на Амуре. Находящийся здесь участник этих боёв хорунжий Чайкин ничего толком объяснить не мог, видно было только, что дрались свирепо и обе стороны несли большие потери. Из описания Покуса, что наши (белые), перейдя в контратаку, овладели южной частью В.-Спасского, можно заключить, что дрались лоб в лоб без применения обходов. То же и под Волочаевкой 10/II. Покус, возможно, прав, что был против дальнего и глубокого обхода и предлагал обход неглубокий. Но этого не сделал. Его обходящий 5-й пех. полк с 4-м кав. колком, судя по описанию, не обошли, а «достигли проволочных заграждений» (70 стр.) и «части залегли у проволоки на протяжении всего фронта» (там же). То есть на всём протяжении атаки был удар в лоб укреплённой позиции. Так как части не были обучены преодолевать проволочные заграждения и не были снабжены соответств. инструментами, такие действия не должны вызывать того восхищения и той оценки, которые делает Покус в своих выводах.

Только 12-го красные посылают обходную колонну, но назначают в неё очень мало сил: «из частей 6-го пех. полка и Отдельн. кав. эскадр. Амурского полка» и 2 орудия. То есть даже не полный пех. полк и совсем мало кавалерии. Трудно, конечно, гадать, что было бы, если [бы] Поволжская бригада, двигавшаяся без разведки и охранения, не попала в столь скверную историю. Можно лишь предположить, что если бы Поволжская бригада оставалась в Дежнево, то эта слабая обходная колонна была бы жертвой той же Поволжской бригады, выдвинутой против обхода колонны красных, когда этот обход был бы нами обнаружен.

То же, наверное, произошло бы, если бы в этой случайной истории, когда противники направили свои части к одному, до этого пустому месту, Поволжская бригада шла в должном порядке. Наверное, и в этом случае победа оказалась бы на нашей стороне, красная обходная колонна вернулась бы ни с чем назад, а Поволжская бригада совместно с частями ген. Никитина взяли обратно Н.-Спасское.

Здесь красным повезло, весьма счастливая для них случайность, не больше. Сам манёвр частью полка при наличии в Волочаевской группе 4-х полков, не свидетельствует об оперативном искусстве красных командиров.

Так же и использование победы. Задачи себе красные поставили большие: «отрезать путь отступления... и уничтожить эту армию в районе г. Хабаровска». Такие задачи, как своего рода идеал, ставятся довольно часто, но достигаются в громадном большинстве случаев лишь частичные результаты. Красные не достигли почти никаких, — «пленных, за одиночным исключением, ни та, ни другая сторона не брали». Белая сторона, как начавшая отступление, и не могла их брать. У красных, если бы они преследовали, должно было бы что-нибудь быть. Не было у них и трофеев — ни пушек, ни пулемётов. Всё это говорит за то, что штурм позиции по Покусу не соответствует действительности, что мы отошли в порядке и что противник не мог или не посмел нас преследовать. Хотя от Волочаевки наши части начали отступление до полудня (Вы знаете лучше, видимо, часов в 10—11, т. к. № 0436/л от 11.30 говорит уже об отступлении без давления) и впереди было часов 6 светлого времени, противник дошёл лишь до Опытного поля. Так же и ночью красные не делали попыток нас атаковать, и Аргунов заночевал в Дежнево. Всё это не похоже на описание Покуса, что белые «пытались выйти из-под наших ударов», «противник, пройдя дер. Дежнево, поспешно выслал боковой арьергад...».

Уже далее Покус находит причины, почему «белопов. армия избежала того поражения, которое приготовлялось для неё...» Эти причины более или менее верно указывают на часть промахов красных командиров. Но не вскрывает всего. Преследование — дело главным образом кавалерии, но её красные использовали во время боя не по прямому назначению, зря измотали и для преследования она уже не годилась. «... 4-й кав. полк действовать в конном строю не мог и, только спешившись,

стал прикрывать левый фланг 5-го пех. полка». Ну и нужно было держать его в резерве.

Описывая бой с Поволжской бригадой 12/II, Покус пишет, что было порублено 300 чел., что авангард должен был спасаться от преследовавшего его Тр.-Савского полка. Это как-то не вяжется с указанием, что авангарду удалось соединиться с главными силами и что потом, после соединения, вся бригада, без соблюдения какого бы то ни было порядка, отошла на дер. Дежнево. При подобном отступлении у красных должны были бы быть и пленные, и трофеи.

Но если даже это описание и соответствует более или менее действительности, то только этот эпизод, да ещё поджог Амурским эскадроном моста, представляют из себя всё, что сделала красная кавалерия в эти дни. Очень и очень немного.

Покус пишет (на стр. 66), что, «несмотря на наличие у нас до 2000 чел. конницы, сведения о противнике были далеко не точны». К этому надо добавить, что и в боевом отношении кавалерия, как таковая, использована почти не была. Она всё жалась к своей пехоте, спешивалась и действовала, как пехота, никаких кавалерийских задач ей не ставили. Полная противоположность тому, что было у нас*. У нас с самого начала похода, с Уссури и Имана, конница направляется и действует по тылу красных, часто сводится вместе (у Имана 1-й Кав. полк и Вотк. дивиз[ион], далее Вотк. див. и Сиб. казаки), чтобы представлять более солидную массу для более внушительных ударов. У красных конница действует распылённо. О такой же деятельности конницы, как глубокие налёты в тыл противнику, как у нас Карлов и Сахаров, у красных и признаков нет. Имея 2000 сабель, красные могли бы сделать при наступлении большие дела. Нельзя всю конницу отнимать от бригад, она нужна для действия и с пехотой, для разведки, для охранения флангов, для использования частных успехов. Но по крайней мере половину (лучше ещё больше — 1000–1200 саб.) красные могли бы без ущерба для действий своих бригад свести в особый конный отряд для действий на тыл противника. Китайская территория, как показали действия Карлова, не служила препятствием для маневрирования конных отрядов. Ещё, пожалуй, благоприятнее была местность к северу от жел. дороги, где действовал отряд

---

* Тоже, конечно, не без промахов. — *Прим. автора.*

Шевчука. Здесь красная конница имела бы и достаточно тёплых помещений, и фураж, и большую свободу маневрирования, угрожая всему участку жел. дороги от Волочаевки до Хабаровска и самому Хабаровску. Здесь бы она двигалась по дорогам, а не изматывалась в глубоком снегу. Здесь конница могла бы, при инициативе действий у красной стороны, принести нам наибольший ущерб и отвлечь большие силы для борьбы с ней.

Покус чувствует, что красная конница действовала плохо и задачи ей ставились неправильно, и оправдывается на стр. 103 обильным снегом, малой населённостью и пр. Это не мешало белой коннице.

Чувствуя за командованием, в том числе и за собой, большой грех за отсутствие использования своей победы 12/II, Покус много говорит об этом на стр. 81–85 и 106–107, обвиняет больше 1-ю Чит[инскую] бригаду, но не касается или не хочет понять наиболее существенного промаха, — плохого руководства красной конницей и её плохой работы.

Вот все главнейшие мысли и некоторые сведения, которые я хотел Вам сообщить для Вашей 5-й части. Так как я базировался в своём представлении об этом бое главным образом на описании Покуса и немного на сведениях от ген. Молчанова и не знаю фактов белой стороны, то возможно, что некоторые факты переоцениваю или недооцениваю. Вы в этом разберётесь сами, но надеюсь, что написал всё это не зря и мои сведения пригодятся Вам для проверки Ваших суждений и выводов. На этом о Волочаевском бое кончаю. Отмечу только ещё о сведениях Покуса о потерях. Он пишет, что командный состав понёс убыль до 58 %, было убито 2 командира б[атальо]на, 6 ком. рот... Сколько раненых — не пишет, и потому цифра 58 % мало обоснованна, принимай её на веру. Но идея вообще заслуживает внимания. Сведения о потерях, по возможности полных, лучше всяких слов свидетельствуют и о доблести, и о самопожертвовании. Это будет особенно верно по отношению к нашей армии, где бойцов не гнали вперёд ни пулемётами Особой Амурской роты, ни использованием свирепых морозов.

Вот почему, я думаю, Вы хорошо сделаете, если к итогам Хабар. похода (к одному бою не стоит) соберёте такие сведения, может быть, сведёте их в таблицу по должностям и, если желаете, также по бригадам или даже полкам. Предлагаю примерный образец таблицы:

Потери командного состава в «Белоповстанческой» армии

Наименование должностей	Число должностей	Убито	Ранено	% убитых и раненых	Примечания
Командиры стрелковых бригад	5	–	3	60 %	
Ижевско-Воткин. бригада					
К-ры отдельн. стр. и кавал. частей	4	–	1(2)	25 %	
К-ры батальонов:					
Ижев. полк	3	–	2	67 %	
Вотк. полк	2	–	1	50 %	
Добр. полк	2	2		100 %	
В бригаде	7	2	3	72 %	
К-ры рот (эскадр., пулем. и развед. команд):					
Ижев. полк	11	?	?		
Вотк. полк	5	3	?(1)	80 %?	
Добр. полк	7	?	?		
Вотк. кон. див[изион]	4	?	?		
В бригаде	27				
Поволжская бригада					
К-ры отд. стр. и кав. частей	4	1	1	50 %	
1-я стр. бриг.					
К-ры отд. стр. и кав. частей	3	1	?		

Как видите, мои сведения крайне слабы, и если Вы будете их составлять, желательно заранее начать сбор. Безусловно, к ним необходимо добавить хотя бы приблизительные сведения о потерях в офицерском и рядовом составе. Число убитых офицеров в своей бригаде я Вам сообщил точно. Число раненых

офицеров, убитых и раненых солдат можно указать лишь с некоторой долей приближения.

Таблица такая, может быть, и не будет достаточно полна, всё же она будет ценна для характеристики наших потерь. В соответствующих местах можно будет оговорить, что «сведения, возможно, не полны» или «возможно, что потери были больше». Видимо, только старший команд. состав определится точно, а в потерях к[оманди]ров бат[альонов] и в особенности рот могут быть недочёты.

В предложенной таблице я Сотникова помещаю в число к-ров бригад, а Туркова в число к-ров отд. частей, т. е. в тех должностях, в которых они фактически состояли во время боя. Потери наносятся в бою, и такой порядок является вполне естественным. Это, пожалуй, следует оговорить в примечании.

Я помещаю только стрелк. и кавал. части, т. к. артил. части у нас были организованы позднее, а в начале похода действовали, как пехота. Кроме того, средний процент потерь в артиллерии меньше, чем в пехоте и в кавалерии, в особенности принимая во внимание условия Хабар. похода, в котором артиллерией очень дорожили и потому берегли от возможных потерь. Это тоже желательно отметить в примечании, где и указать, какие именно потери были у артиллеристов. Наверное, небольшие по сравнению с пехотой и кавалерией.

Также желательно отметить, что вследствие партизанщины потери были и в штабе командующего отрядами: Ловцевич, Ефимов (В. А.)[166] и вестовой. Из к-ров стр. бригад были ранены: Сотников, Вишневский[167] (14/II или 15/II) и я.

Число рот и равных им частей в Иж.-Вотк. бригаде:

Иж[евский] полк:	9 строев[ых] рот	1 конн. разведка	1 пулем. ком[анда]
Вотк[инский] полк:	4 стр. роты	нет	1 пулем. ком[анда]
Добр[овольческий] полк:	4 стр. роты + 1 офиц. р.	1 разв. эскадрон	1 пулем. ком[анда]
Вотк. кон. див[изион]	2 стр. эск.	1 учеб. эск.	1 пулем. эскадр.

Из командиров батальонов убиты у Добров[ольцев]: Шебалин и Злотов (или Соколов) — все подполковники, ранены: у Ижевцев — подполк. Багиянц и шт.-кап. Пороник, у Воткинцев — подполк. Быков. Вероятно, это полные сведения о командирах батал[ьонов] в Ижевско-Воткинской бригаде. Но желательно проверить и их. Возможно, что у Добров. были потом и раненые командиры батальонов (под Кукелево, Васильевским и др.) и процент потерь превышает число должностей.

О ротных командирах у меня совсем слабые сведения, основательно забыл, и их можно добыть лишь у командиров частей или других. Только о Воткинцах сведения больше — благодаря фон Ваху. Кто из числа убитых офицеров-Ижевцев был ротным командиром, я теперь не помню; из раненых помню лишь кап. Арханова (5/I), у Воткинцев убито 3 ротных командира: кап. Аликин, 1-й роты (у Лончаково), командир 2 роты — шт.-кап. Ощепков[168] I и командир 3-й роты шт.-кап. Бускин[169] (оба у Ольгохты) и ранен командир пулем[ётной] команды подполк. Александровский[170] (Ольгохта). Возможно, что это не все, страдали и их заместители.

У Добров[ольцев] убит командир Оф[ицерской] роты подполк. Соколов (Злотов) и, наверное, есть ещё убитые и, без сомнения, раненые ротные командиры, особенно из состава 2-го батальона, сильно опустошённого под Ольгохтой.

Я ещё поместил в числе командиров отдельных частей в скобках (2): ранен подполк. Дробинин, и лёгкая контузия (ожог) у полк. ф[он] Ваха. Последний не претендует на то, что пострадал. Но раз Вы о его ожоге писали, он уже может попасть в этот список познакомившихся со свинцом. Предоставляю это Вам, или спросите Воткинцев — как они считают?

Все фамилии и прочие данные я привёл здесь Вам для справок. Вы большей частью их знаете, помещать же их не стоит, т. к. Вы в ходе событий указываете обо всех убитых и раненых командирах. Хотя, с другой стороны, перечислить фамилии убитых и раненых командиров будет полезно для исправления пропусков.

О потерях других бригад я, конечно, знаю очень мало, почему и не буду писать. Турков, Зултан[171], Струве, Торопов (Афанасий) — ранение, Сидеманидзе (так в оригинале. — *Сост.*) — ранение, вот и все, которых помню.

Для 4-й части: ещё кусочек воспоминаний о мерах для обезвреживания Бойко-Павлова. Набег 12/I заставил принять необходимые меры для безопасности города (Хабаровска. — *Сост.*). Начальником обороны был назначен я, и, кроме частей бригады, находившихся в городе, мне подчинялись все остальные строевые части. Из таковых постоянно квартировала в городе рота морского состава под командой кап. I ранга Ильина[172].

Город я разбил на участки, и в каждом участке соответствующая строевая часть несла караулы и высылала патрули. Между мною и частями и у частей между собой была установлена телефонная и живая связь для быстрого извещения обо всём важном. Были разработаны места сборных пунктов, пути следования для помощи своим и окружения и уничтожения нападавших. Произведены и некоторые работы, главным образом защиты окон 1-го этажа от бросания ручных гранат. Штаб командующего, против входа которого партизаны 12/I поставили пулемёт, защитил свой вход, воздвигнув в саду поленницу из дров.

Главнейшая задача заключалась не в мерах внутри города, а в том, чтобы не допустить отряд Б[ойко]-Павлова в самый город. Так как в город с севера и востока вело несколько дорог, то постановка значительных сторож[евых] отрядов вызвала бы большой расход сил. Небольшие караулы были бы вырезаны, как 11–12/I.

Сначала было решено послать против Б.-Павлова отряд, попытаться вызвать его на бой и уничтожить. Был послан Иж[евский] полк, о чём Вам известно. Б.-Павлов, согласно тактике всех партизан уклоняться от открытого боя, ушёл вниз по Амуру. Тогда ген. Молчанов приказал поставить к югу от с. Вятское наблюдательный отряд. Сначала он был под команд. подполк. Багиянца, потом был сменён батальоном Вотк[инского] полка. Окончательно обсервационный отряд был помещён в дер. Князе-Волконское. Это размещение запирало путь от Вятского на Хабаровск через Кн.-Волконское и являлось угрожающим для Б.-Павлова, если бы он выбрал более северный путь. В последнем случае наблюдательный отряд выходил в тыл Б.-Павлову и отрезал его от с. Вятское. Б.-Павлов неожиданным налётом выбил один раз наш наблюдательный отряд из Кн.-Волконское, нанеся ему потери. Но на Хабаровск Б.-Павлов нападать уже не осмеливался. Таким образом, вследствие лёгкой уязвимости путей движения Б.-Павлова от своей базы

к Хабаровску и благодаря удачному размещению наблюдательного отряда, — действия Б.-Павлова парализованы незначительными силами, не превосходившими по численности половины состава партизанского красного отряда.

Кажется, на этот раз могу сказать, что весь материал, который собирался Вам послать для очередной книги, закончил. Буду ждать вопросов.

Перейду к разбору 2-й книги.

Глава III. Общее впечатление: 1-й бой под Ином изображён довольно ярко и достаточно полно, и оставляет весьма сильное впечатление своими трагическими последствиями. Есть некоторые шероховатости и невязки, в общем, не очень значительные. Оправдания ген. Сахарова несколько затемняют изложение, являются излишним балластом, но не достигают своей цели. Причины поражения, в том числе и вина самого Сахарова, выясняются весьма определённо, а все уловки ген. Сахарова, вместо оправдания его или смягчения вины, — только усугубляют или подчёркивают его неспособность вести бой сравнительно крупными единицами и даже выявляют новое качество — отсутствие мужества. Только мужественный человек смело сознаётся в своих ошибках, и это помогает ему разобраться в причинах и избегать повторения ошибок в будущем. Сахаров на это не способен. Кроме того, доводы в своё оправдание он приводит крайне неумело, и в большинстве сам себя сечёт своими выдумками. Своими упорными настояниями, что ему дали мало войск, он лишь доказывает, что военное искусство ему не знакомо, он может бить врага лишь числом. Но так как с числом тоже надо уметь справиться, то, как 1-й Ин, так и в особенности 2-й, доказывают, что предел способностей для Сахарова — полк, в крайности маленькая бригада гражданской войны. Опять выступает на помощь «база», на этот раз каждая верста приближения имеет какое-то магическое значение на усиление красных («всё больше и больше...»).

Односторонняя ссылка на Покуса. Покус говорит, что численность белых была вдвое меньше сил красных. Но Покус указывает и предполагаемую численность — 1000 чел. пехоты и 200 сабель. Этим он свою численность определяет в 2400 чел., что очень вероятно, имея в виду, что из 3500 бойцов, указанных Покусом раньше, как прибывших в беспорядке на ст. Ин, немало

было отправлено в тыл сразу же (все артиллеристы, раненые и обморож[енные], которых не могли эвакуировать своевременно и т. д.). Также эта цифра (2400) будет близка к истине, если к 4–5/I, после пополнений красные вывели в поле около 3000 шт[ыков] и саб[ель]. Таким образом, и численность 2-х противников, на чём Сахаров особенно играет, была не слишком различна. У Сахарова 2075 шт. и саб. (ст. 22 без Вотк[инского] конн[ого] дивиз[иона]), у красных около 2400 шт. и саб. Но дело, конечно, не в численности, и Сахаров навалился на неё с большим ущербом для себя.

Также ни при чём план. Он был бы весьма хорош именно ночью и при паническом настроении противника — стрельба со всех сторон, особенно в тылу (у сопки) должна была здорово подействовать на нервы красным. Важен был не план, а его исполнение.

Наконец, появилось новое оправдание — опоздание Ижевско-Воткинской бригады. На этом должен остановиться подробнее. Хотя это и факт большой важности, т. к. задержал 1-ю бригаду и связан с безопасностью артиллерии, но появился он только теперь, совсем для меня неожиданно. В Ваших черновиках его не было, не было его и в вопросах ко мне. «Факт», безусловно, свежий, и потому вопрос: откуда взялся? Позабыть о нём Сахаров не мог. Ясно, что это подтасовка, весьма непорядочная и к тому же грубая и неумная, которая опять-таки вредит самому Сахарову. Здорово, видно, он зол на меня за то, что ему не удаётся оправдывать свои грехи извращением событий и перекладыванием вины на других, если он дошёл до таких низких и жалких приёмов. Всё больше и больше терял к нему уважение, и теперь его уже совсем не осталось.

Вы, конечно, правильно сделали, что поместили это сведение под авторство сочинителей: Сахарова и Александрова[173]. Это вызовет у желающих разобраться невольное подозрение к неестественному связыванию между собой в странном сочетании фактов: задержки 1-й бригады, охраны артиллерии и опоздания Иж.-Вотк. бригады. Но всё-таки меня это не удовлетворяет. Я нахожусь далеко от Вас и Сахарова, и последний имеет большое преимущество — сказать последнее слово. При его злом умысле и Вашем попустительстве можно вместо истории написать что угодно. Я думаю, что Вы сделали бы совершенно правильно, если бы отказали Сахарову в помещении этого «факта» на том

основании, что теперь уже поздно, этот факт в черновик не попал, он затрагивает ту сторону, которая теперь своего показания сообщить не успеет и что Вы одностороннее показание помещать отказываетесь. Если это факт, то пусть попадёт в дополнение к книге, когда можно будет его осветить с двух сторон. Мне кажется, Вы должны были чувствовать, что здесь дело не чистое, что Сахаров не зря доставил Вам это сведение во время самого печатания, когда нельзя было его проверить. Когда я писал Вам разные сведения о других, я всегда Вас просил выяснить, проверить, убедиться... Вы же разрешаете по отношению ко мне всякие вольности: то биография за моей подписью выходит с поправками Сахарова*, то в описание событий, уже давно составленное и проверенное, Вы в последний момент разрешаете делать важные вставки, явно лживого содержания. Мне кажется, таким лицам, как Сахаров, можно предложить следующее: последний срок для Ваших сведений — такой-то; после этого или будут приниматься только мелочи, или факты крупного калибра, подтверждённые документами. Всё, что кого-либо обвиняет или задевает, должно быть сообщено заранее и подвергнуться проверке.

Перейду к самому «факту». То, что в пути у орудия сломалось дышло или ещё что-то, я не отрицаю. Не буду спорить и с тем, что ген. Сахаров волновался и посылал ординарцев. У него это было в порядке вещей. Не умея вовремя ничего предусмотреть, он отыгрывался на ординарцах и рассылал их, когда и куда надо и не надо. Далее идёт определённая ложь. За 1-й бригадой шла Поволжская, которая растянулась, и ни Сахаров, ни Александров не могли, очевидно, в этот момент знать, отстала ли Иж.-Вотк. бригада или идёт на хвосте Поволжской. Сахаров, очевидно, и не догадался, что своим показанием он ставит себя в глупую роль «ясновидца». Я не знаю настоящих причин, почему Сахаров, достигнув будки № 371, не поторопил Александрова, которому предстоял самый дальний обходной путь, и в то же время не

---

* Автор имеет в виду биографию В. М. Молчанова, помещённую на с. 59–63 в книге Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы», ч. 1 (Шанхай, 1932). Первоначальный её вариант был написан А. Г. Ефимовым, но при публикации без его ведома в текст были внесены изменения Н. П. Сахаровым. Первоначальный авторский вариант биографии опубликован (по сохранившейся рукописи) в приложении к книге: *Молчанов В. М.* Последний белый генерал. М.: Айрис-пресс, 2009, с. 299–305. — *Прим. сост.*

задержал отправление в обход Поволжской бригады до того, как она подтянулась. Но во всяком случае до ухода всей Поволжской бригады он не мог знать, где Иж.-Вотк. бригада — здесь уже или отстала. Поэтому полной нелепостью звучит его показание, что передовая 1-я стр. бригада согласовала свои движения, требовавшие не терять напрасно время, с Иж.-Вотк. бригадой, двигавшейся последней, и задача которой требовала наименьшего времени. Тут ещё раз сказывается невежество Сахарова — уравнивать движение по сзади идущей части, невежество, конечно, теоретическое, т. к. в действительности всего этого не было. Ещё бессмысленнее ссылка на артиллерию. Какое отношение Иж.-Вотк. бригада имела к прикрытию указанных у Сахарова трёх орудий?! Эти орудия по приказу входили в состав Поволжской бригады. Если бы опоздала Поволжская бригада, то тревога за 2 орудия 1-й бригады была бы понятна! Опоздание Иж.-Вотк. бригады никакого влияния на движение всех трёх орудий с Поволжской бригадой иметь не могло. И действительно, подойдя к району будки № 371, Иж.-Вотк. бригада ни орудий, ни каких-либо приказов или просьб прикрыть или обеспечить эти орудия не встретила. Вполне очевидно, что всё это выдумано позднее, перетасовано и подтасовано в самой бессмысленной форме.

Иж.-Вотк. бригада, двигаясь за хвостом Поволжской бригады, должна была часто останавливаться на 10—15 мин, чтобы идти в порядке, не перемешиваться с отставшими. Перед последней такой остановкой что-то сломалось у орудия, и я не счёл сколь-нибудь важным сделать очередную остановку на 5—10 минут дольше, пока не заменят сломанную часть, чтобы не нарушать порядка. Конечно, если бы починка требовала долгого времени, я оставил [бы] сломанное орудие с небольшим прикрытием, а бригаду двинул вперёд. Таким образом, если дело было недалеко от будки № 371, бригада отстала от Поволж. хвоста не более [чем на] 20—25 мин. Конечно, это не имело никакого значения для развития боя, не могло быть известно ген. Сахарову раньше, чем вся Поволжская бригада свернула к югу, и никакого отношения к задержке 1-й стр. бригады, терявшей своё время на обход начиная с 4 час, не имело. Чего же добился ген. Сахаров своей подтасовкой? Для себя немногого. До сих пор весьма большая доля ответственности за поражение падала на полк. Александрова. Он не выполнил приказа, истратил напрасно время на совещание и преждевременное развёртывание, побоялся идти

в глубокий обход. С точки зрения военной дисциплины его вина очень серьёзна. Сахаров, другие к-ры Поволжан хотели сделать, что требовалось, но не сумели, были неопытны, не понимали, — они не виноваты, что им пришлось руководить действиями, которые им были не по плечу. Вина же Александрова такого свойства, что при более строгих порядках влекла [бы] предание суду и, скорее всего, расстрел. Теперь, благодаря новому совместному показанию Сахарова и Александрова, оказывается (хотя и не было в действительности); что Александров задержался по приказу, с согласия или во всяком случае с ведома ген. Сахарова, и последний находит это правильным и указывает тому причины. Таким образом, тяжкая вина полк. Александрова значительно умеряется (опять-таки не в действительности, а по книге) и перекладывается на ген. Сахарова. Могу поздравить полк. Александрова, — он сделал ловкий ход, присоединившись к показанию ген. Сахарова. Мне, конечно, придётся опять попортить Вашу книгу и сделать поправку. Нельзя давать Сахарову делать такие гадости безнаказанно.

В связи с этой главной поправкой приобретают неправильный смысл и некоторые другие места главы. Более мелкими передёргиваниями ген. Сахаров и раньше старался накрутить, думая, видимо, помочь этим себе. Я не обращал на это большого внимания. Теперь отмечу. На стр. 36, с середины: «Когда неудача удара Поволжской бригады была уже налицо... полки Вотк[инский] и Добр[овольческий] вступили в сферу действ. руж. огня...» Неудача Поволжск. бригады (всей) выяснилась после восхода солнца, когда Сахаров заметил отходящие части, часов в 8, может, позднее — в 9. До этого мы провели с ним на полотне жел. дороги часа $1^1/_2$–2, т. е. полки Иж.-Вотк. бригады к этому времени (отходу Поволжан) столько же пролежали перед Ином. Полки прошли будку в полной темноте, и лишь при подходе к месту, где залегли, начало едва светать. Со временем, как всегда, недоразумения. Помню, меня заинтересовал столб, оказавшийся пограничным. Надо было подойти вплотную, чтобы прочитать — было так ещё темно. Если же верить указанной фразе, полки Иж.-Вотк. бригады подошли тогда, когда им уже не было времени и залегать, и связываться, и перестреливаться с 1-й бр., а прямо начать отступать.

Пока полчаса пишу, лёжа в постели, простудился и 3-й день не хожу на работу. От чтения и писания уже болят глаза.

В следующие разы, кроме разбора книги, постараюсь постепенно сообщить оставшиеся данные об отступлении и буду подбирать материал о делах «Земской Рати».

Вы спрашивали, что такое «Русская речка». Посылаю вырезку из газеты* о русском форте[174]. Когда-то кусочек Калифорнии принадлежал русской промышленной компании. Русская река вёрст на 15 ближе к Сан-Франциско, чем форт. На ней ряд курортов от дорогих до очень дешёвых: плавание, купание, катанье на лодках и пр. Место очень хорошее и посещаемое русскими как очень дешёвое.

Всего, всего лучшего и успехов в делах.

Искренне Ваш А. Ефимов

[Б. Б. Филимонов — В. М. Молчанову]**

11 ноября 1933 года

Его Превосходительству В. М. Молчанову
1324 Скотт стр., Сан-Франциско

Ваше Превосходительство,

Многоуважаемый Викторин Михайлович!

25 октября получил Ваше письмо, но, к сожалению, до сего времени не смог собраться и написать Вам. Прежде всего, большое спасибо за письмо. Кроме того, очень благодарю Вас за разрешение воспользоваться Вашим архивом, так как без этого моя работа была бы значительно менее полна и ошибок и неточностей в ней было бы ещё больше. Большое спасибо Вам также и за Ваши пожелания. Жена кланяется Вам и шлёт привет. Собственно говоря, когда это письмо придёт к Вам, то будет уже приближаться Рождество Христово, а потому разрешите принести Вам своё поздравление и пожелания всего самого доброго и светлого в жизни, в первую же голову полного здоровья и сил духовных.

Вас интересует, конечно, вопрос, как идёт дальнейшая моя работа? Материал для третьей книги полностью готов, но

---

* К письму приложена статья: *Волков Б.* Форт Росс // Русская жизнь. (Сан-Франциско), 1933, 23 июня. — *Прим. сост.*

** Письмо публикуется в составе переписки Ефимова и Филимонова, т. к. оно включает вопросы, ответы на которые содержатся в письме А. Г. Ефимова от 5 декабря 1933 г. — *Прим. сост.*

к перепечатке его набело я пока ещё не приступил, так как поджидаю ответа от одного местного книжного дела относительно книги Токаревского «Волочаевский бой». Хотелось бы также и от Вас получить некоторые указания, дабы не насадить новых «Дормидонтовских мешков». Буду надеяться, что Вы не откажетесь дать ответы на некоторые вопросы, кои у меня возникли и кои я прилагаю к данному письму. За это буду Вам чрезвычайно признателен.

Хотя в своём письме Вы и отмечаете, что «не привыкли обращать внимание на мелочи», тем не менее, я всё же был бы Вам чрезвычайно признателен, если б Вы лично, или же через полковника Ефимова, указали бы мне на ошибки по существу в мелочах. Техническую же сторону описания и выпуска книги основательно разбирает А. Г. [Ефимов], и по этой части не буду Вас беспокоить.

Сообщу кое-что о нашей Шанхайской жизни: постройка архиерейской церкви[175] идёт полным темпом, военная же церковь уже заканчивается, отделывается, и возможно, что Рождество будет встречаться уже там. Ктитором этой церкви состоит ген. Глебов, а начальником его канцелярии ген. Брзиловский (Бордзиловский[176]. — *Сост.*). Ген. Смолин после операции совершенно оправился, вышел из госпиталя, хотел взяться за дело: давать англичанам уроки русского языка, но из этого ничего, конечно, не получилось. 2 ноября ген. Сахаров давал в местном кафе-ресторане «Алказар» (бывшее кафе Ткаченко) второй «Добровольческий» бал, доход с которого пойдёт на нужды «Добровольческого объединения». В конце октября в помещении собрания быв. чинов 1-й бригады устраивался вечер для объединения грызущихся между собою Доможирова и Александрова. Объединения не последовало, т. к. Александров «заболел», на вечере присутствовал Доможиров, Эссен, Аксюта и пр., всего до 35 чел. Теперь Александров и Надеждин предполагают в начале декабря устроить новый вечер, на коем, естественно, Доможиров будет отсутствовать.

Вы просите сообщить адрес полк. Дробинина и фамилию старшего Ижевца. Дробинина я пока не видел (раньше он жил на Рут Сиес дом № 269), но вот уже с месяц, как он переехал. Если хотите, то можно послать письмо через меня, или же со следующим письмом я сообщу адрес. Дело в том, что он очень занят: служит счетоводом в большой булочной и пекарне, занят

с утра до вечера. Я так же. Так что трудно встретиться. Другие же знают дом и рассказать, где он живёт, могут, но № дома не знают. С Ижевцами же дело обстоит так (я разговаривал с полк. Стекловым — помощник председателя, Дробинина). Ижевцы входят в состав Ижевско-Воткинского Союза как члены, никакой группы или секции они не образуют, а потому официального старшего у них нет. По чинам же старшими в Шанхае являются: капитан Лукьянов[177] (но он не «чистый» Ижевец) и капитан Коновалов, затем имеется полк. Солдатов[178] (но он служит в Русском полку[179] и потому от Союза — на отлёте), равно как и шт.-кап. Коротеев и Поронник, кои также служат в Рус. полку.

7 ноября состоялись панихиды по погибшим в борьбе с большевиками. Церкви были переполнены. Советское консульство, недавно занятое вернувшимися в Шанхай красными, на сей раз разукрашено не было — свой праздник они справляли скромно (по крайней мере снаружи). Две каких-то русских барышни (белые) хотели проникнуть в совконсульство вечером этого дня, но не были допущены. Ночью (в ночь с 7-го на 8-е) кто-то удосужился наложить перед входом в консульство гниющие отбросы. Вот этим всё дело и ограничилось.

День перемирия, 11 ноября был великолепный, тёплый и ясный день. Как всегда, Союз военнослуживших[180] возложил венок к памятнику павших в Великую войну.

Вот и все наши новости.

Ещё раз благодарю Вас за содействие, кое Вы оказали мне, и желаю всего самого лучшего.

Уважающий Вас —

1. Чья была мысль и чья была редакция Приказа № 12 от 11 января (относительно объединения армии — моя книга II, стр. 154) — Ваша или Ловцевича?

2. Чья была мысль и чья была редакция приказа (воззвания) о вступлении в армию Добровольцев («наша награда — белый деревянный крест») — Ваша или Ловцевича?

3. Каким образом состоялось назначение ген. Никитина на пост начальника группы на Амурском направлении? Я понимаю, что при посылке ген. Никитина на это направление особого значения этому направлению не придавалось, а позднее, когда это направление стало приобретать более важное значение,

ген. Никитин уже занимал пост начальника группы, а потому новые части автоматически поступали под его начальство?

4. Как Вы оцениваете боевые качества ген. Никитина и Вишневского? Отдаёте ли Вы предпочтение второму перед первым?

5. Ген. Брзиловский мне говорил, что он предназначался на должность Начгара (начальник гарнизона. — *Сост.*) в Хабаровске, но, приехав туда, нашёл «обстановку неподходящей, а потому отказался от этой должности». Что тут было в действительности?

6. Из бумаг полк. Аргунова вижу, что он, видимо, даже в начале февраля считал вполне возможным разгром красных под Хабаровском и захват белыми всей Амурской области. Как Вы в то время оценивали обстановку?

7. Вы мне категорически указали, что Поволжская бригада в ночь с 11-го на 12 февраля находилась в резерве в Волочаевке, а потому эта бригада и была направлена на Нижне-Спасское. Между тем, чины Поволжской бригады все поголовно указывают, что бригада была снята с позиции только около 22–23 час 11-го и затем немедленно послана на Ниж.-Спасское. В чём неувязка? Полк. Попов (Борис Иванович) указывает, что он упорно противился движению бригады на Ниж.-Спасское и вёл переговоры по прямому проводу с полк. Ловцевичем, коий категорически приказал идти Поволжской бригаде.

8. Насколько я вижу из приказов, контратака Ниж.-Спасского поручалась Поволжской бригаде и Егерполку, ген. Никитин в этой контратаке не должен был принимать участия, но должен был явиться в Ниж.-Спасское позднее. Лежал ли в таком решении один мотив (усталость частей группы ген. Никитина) или были иные расчёты?

9. Нет ли у Вас в Сан-Франциско фотографии ген. Никитина? Очень был бы признателен за одолжение её.

10. Насколько я вижу, главные силы Амурской группы находились в Верхне-Спасском, а штаб группы и обозы — в Нижне-Спасском. Чем объясняется подобное распределение?

11. Почему ген. Никитин, не оказав почти никакого сопротивления, оставил Нижне-Спасское?

12. Отчего полк. Аргунов, выдвигая на Нижне-Спасское Поволжскую бригаду, не придал ей совершенно конницы (напр., Воткондив, подполк. Торопова или хотя бы тех же Сибказаков)? С Поволжской бригадой ходили только команды разведчиков, всего чел. 60.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

5/XII 33 г.
Получено 4/1/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Поздравляю Вас и Вашу супругу с праздниками Рождества Христова и Новым Годом, желаю здоровья, благополучия и успеха во всех Ваших делах. Желаю, чтобы Новый год увидел также третью книгу Вашего труда.

Не откажите передать мой привет и поздравления с Новым годом тем соратникам, которые помнят нашу совместную боевую жизнь и вспоминают меня без крепких ругательств. Сердечный привет прошу передать ген. Смолину. Наверное, не всегда плохо вспоминают меня мои бывшие подчинённые — Ижевцы, Воткинцы и Добровольцы; буду Вам очень благодарен, если передадите привет тем из них, кого встретите, особенно Дробинину, Коновалову, Пороннику и др. Сахарову лучше про меня не напоминать, — наверное, теперь моё имя его только раздражает. Привет соратникам [из] 1-й бригады: Доможирову, Александрову, Романовскому... Они не должны поминать меня слишком лихом, в походе особых неприятностей у нас не было, в воспоминаниях я старался зря никого не обижать и быть в своих оценках возможно [более] снисходительным, насколько это допускалось необходимостью изобразить всё правдиво. Скорее я могу иметь нечто против одного из них за «изобретение» в описании 1-го Ина. Одним словом, всем «белоповстанцам» желаю всего самого лучшего.

Болезнь выбила меня из колеи, и вместо того, чтобы воспользоваться большим количеством свободного времени и написать Вам побольше, пришлось всё забросить и просто ничего не делать, сначала валяться в постели, потом гулять и набираться сил.

Перечёл последнее письмо к Вам и хочу написать по поводу него. Моя критика действий красных в боях под Волочаевкой в феврале приняла вид спора с Покусом. Если Вам пригодятся мои выводы о действиях красных (неудачные лобовые удары и скверная работа конницы), то, конечно, Вам придётся их переработать в том смысле, чтобы не было полемики с красным автором. Лучше всего, по-моему, если у Вас будет такая система, что нужные факты Вы от Покуса берёте (они, конечно, и являются главною исторической ценностью), а все выводы

и заключения делайте самостоятельно, совершенно не трогая таковых у Покуса, как будто бы их и не существовало вовсе. И если Вы согласны со мною, то выводы Покуса об «образцовом» бое и «согласованности» действий являются чрезвычайно субъективными и имеют, видимо, целью самовосхваление и, с другой стороны, вольное или невольное закрывание глаз на свои ошибки. Конечно, такие выводы не имеют большой исторической или военной ценности и лучше всего пройти мимо них и делать свои собственные.

Затем хочу ещё поговорить немного о ген. Сахарове, вернее, о его «показаниях». Его последнее показание об Инском бое я не могу расценивать иначе, как личный выпад против меня. Несомненно, что Сахаров точит зуб против меня и даже, может быть, шибко зол на меня за то, что я помешал ему изобразить события так, как ему хотелось. Видимо, он решил найти во мне сообщника и совместно валить все промахи и ошибки на старшего начальника и штабы, как это было у нас в армии (и в Императорской, и в Белой) очень принято и, можно сказать, въелось в плоть и кровь военной массы. Конечно, во многом виноваты бывали и начальники, и штабы, иногда даже очень и очень. Но эти обвинения, правдивые и напрасные, имели скверную сторону, что критики чаще всего обвиняли только других, а себя считали святыми. Как-то так у них выходило, что «вот будь я во главе, — всё шло бы нельзя лучше». Это же сквозит во всём и у Сахарова.

Мне кажется, что как ген. Молчанов, так и его штаб почти не заслуживают упрёков, в особенности со стороны ген. Сахарова. Делалось всё, что возможно, больше, чем возможно. Мне кажется, редкий начальник мог проделать такой поход, какой проделал ген. Молчанов. С плохо вооружённой, скверно одетой армией, с винтовками против пушек и бронепоездов, — на такую неравную борьбу надо иметь особое мужество, обладать львиным сердцем. Стоит только представить себе, что было бы, если бы во главе был ген. Сахаров. Постоянные колебания, сомнения, созывы военных совещаний, жалобы на недостаток сил, указания на бóльшие силы противника, не говоря уже о страхе перед бронепоездами... Наверное, дальше Уссури мы не пошли бы. Ген. Молчанову всё время приходилось теми или иными способами подталкивать Сахарова, подсыпать ему перца, и как только это прекращалось — всякие порывы Сахарова исчезали.

И вместо благодарности за то, что ген. Молчанов многое прощал, был терпелив и даже особо благоволил к Сахарову, поручал ему ответственные дела и старался сделать из него порядочного командира, последний теперь все свои промахи и ошибки валит или старается свалить со своей больной головы на здоровую.

Из истории войны белых с красными теперь разгорелась другая «война» — Сахарова с Ефимовым. Это, конечно, печально, но это факт и скрывать его не следует, а наоборот, эту вторую войну приходится принять на учёт и по достоинству оценить, чтобы не страдала истина, относящаяся к первой войне. Я не скрываю, что теперь так же здорово зол на Сахарова. Ничего подобного не было в начале. Если помните, я не делал не только никаких выпадов против Сахарова вначале, но даже вообще не касался его действий. Даже когда мне пришлось писать первый раз про 1-й Ин, я указал Вам на разрозненность действий Поволжской бригады и невыполнение задачи Александровым. Про Сахарова не писал совсем, считая, что это он сделает сам. Я был в этом уверен и, желая помочь ему облегчить свой грех, написал Вам о «перемене боевого счастья» — объяснение весьма сомнительного качества с точки зрения исторического исследования. Но моё искреннее желание дать Сахарову самому всё объяснить — хороших плодов не дало. Может быть, даже моё молчание он объяснил как согласие или одобрение всех способов оправдываться и валить свою вину на других.

Начиная с черновика 1-й книги, я заметил неприятную тенденцию Сахарова изображать многие дела с заметным уклоном от истины в свою «пользу». В отношении меня он старался в изображении событий кое-что умолчать, недоговорить или переговорить в каждом случае, где нам приходилось вместе действовать. Я, однако, особенно на это не реагировал и исправил только фактическую сторону (напр., движение к Иману), а всякие недоговорённости и излишества в оценках оставил без внимания. Да и времени было мало вникать во все мелочи, т. к. даже Губеровск[ий] и Дормидонт[овский] планы не удалось разобрать как следует из-за спешки. В отношении ген. Молчанова я постарался сделать все необходимые исправления по причинам, которые Вам известны. Выход 1-й книги, в особенности странное вмешательство Сахарова в биографию ген. Молчанова, указали мне, что Сахаров в средствах не очень-то стесняется. Я стал менее деликатничать, и наша «война» стала разгораться.

При получении черновика 2-й книги, при описании Ина я ясно увидел, что Сахаров старается вовсю отвести свою долю вины за поражение опять-таки главным образом на ген. Молчанова (дал мало сил, задержал много в тылу). Я тут уже совершенно перестал стесняться и в полной мере изложил Вам всё, как было, откровенно высказал Вам своё мнение о Сахарове и его действиях, постарался всё подкрепить обоснованными данными и расчётами. Сахаров ответил на это явной клеветой. Всё это, конечно, печально. Вместо правдивой истории получается смесь с выдумками, враньём, ложными обвинениями... Что особенно обидно, — это то, что самый поход, в котором было столько красивого и яркого, столько хороших дел, подвигов, примеров самопожертвования, доходивших почти до какого-то радостного состояния отдать свою жизнь, — всё это в значительной степени очернено и затемнено всякими ненужными «разоблачениями». Иногда прямо писать больше не хочется, когда натыкаешься на детские оправдания Сахарова или его лживые показания.

И ведь ничего подобного не было во время самого похода. Все мы дружно, сообща делали своё дело, кто как умел. За промахи получали нагоняй, тот же Сахаров принимал это как должное, был очень скромен, никогда не оправдывался, а только в своей компании смущённо говорил, что вот, мол, от комкора попало, надо бы в следующий раз подтянуться, никогда и не пробовал валить вину или ругать своего начальника. И, право же, отношение всех к ген. Сахарову было, в общем, очень хорошее и никто его не упрекал, по крайней мере слишком открыто, за его дёргания, нелепые распоряжения, напрасное изматывание частей, тяжёлые и напрасные жертвы и т. д. Когда мне приходилось иметь с ним дело, я часто убеждал его делать то, то и то, он всегда с большой готовностью шёл навстречу, даже был рад, что не ему самому приходится решать, он всегда колебался принимать определённое решение. С ним сжились, и он был хорош уже тем, что был свой, его знали, как его хорошие качества, так и плохие. У меня воспоминания о нём остались неплохие, — не виноват он был, что наш генералитет разбежался, и ему пришлось нести обязанности, значительно превосходившие его способности и силы. И если бы он теперь не претендовал на роль начальника, который мог только побеждать, но ему постоянно мешали и не давали нужных средств, то и история похода была бы написана намного глаже и лучше. Лучше для

самого Сахарова прежде всего, так как факты остаются фактами, поражения и неудачи превратить в победы никак нельзя, и простое, чистосердечное сознание своих ошибок только бы искупало до известной степени вину и располагало в пользу такого человека.

Сахаров избрал дорогу глупых оправданий, лжи и клеветы. Навредил прежде всего себе и значительно испакостил описание похода. Конечно, равнодушно относиться к этому нельзя, и я боюсь, что иногда и сам, воюя с Сахаровым, могу впасть в крайность. Лгать я, конечно, не буду, но слишком резко писать о действиях Сахарова, возможно, невольно приходится. Поэтому-то я и хочу, чтобы Вы приняли на учёт нашу личную «войну» и, если заметите с моей стороны слишком резкие оценки, может быть, излишние придирки к мелочам, то делали бы свои поправки и смягчали мои выражения при писании о Сахарове. Прошу об этом не ради него самого, я потерял к нему теперь всякое уважение из-за его наклонности прибегать к явной лжи, а ради того, чтобы в описании похода не было резких столкновений мнений, излишней грызни, — это всегда производит скверное впечатление.

У меня Хабаровский поход оставил много светлых воспоминаний, — это была последняя серьёзная борьба с красными, к тому же ведённая с известным порывом, чистая от грабительских и террористических актов по отношению к населению, что бывало ранее... Эта борьба до некоторой степени легендарна и может стать темой легендарных описаний — как последние антибольшевики, несмотря на отсутствие оружия, вызвали на последний бой сильного, торжествующего врага, не раз били его и, только обессилев, никем не поддержанные, отступили. Никто не сдался, предложения о переговорах с заманчивыми обещаниями отвергались, лучше смерть в бою, изгнание на чужбине, но никаких компромиссов. Эту сторону похода нельзя отнять от него, всякого рода ошибки и промахи естественны, мы не боги и можем ошибаться, и потому в идейной стороне похода не могут играть роли. Сам Сахаров говорил, что надо писать в героическом тоне, но сам же первый стал лить дёготь в мёд. Лучшая сторона похода запачкана и замазана без всякой нужды; излишняя критика и противоречивые мнения, пререкания не помогают уяснению истины; оправдания и попрёки других в большинстве не обоснованны и иногда просто глупы; лживые подтасовки могут, конечно, вызывать только чувство

возмущения и брезгливости. Ген. Сахаров играл плачевную роль в походе, он был неудачник и был не подготовлен к выпавшей на его долю обязанности, и потому все самые чувствительные поражения числятся на его счету. Но строго его судить нельзя — он сделал, что мог. В истории похода опять тот же Сахаров играет роковую роль и испортил немало красивых страниц. Но теперь снисхождения он не заслуживает. Он всюду передёргивает, придумывает планы и отрекается, даёт ложные показания, клевещет на других, — такую деятельность оправдать нельзя, и ей надо всячески противодействовать. К сожалению, несмотря на достаточное число доказательств, Вы продолжаете доверчиво принимать от Сахарова все его показания, не подвергая их необходимой проверке и ставя их в один ряд с показаниями, как мне представляется, заслуживающими больше доверия.

Для следующих книг Хабаровского похода показаний Сахарова не будет. В этом некоторое облегчение. Перейду на разбор Вашей книги дальше.

«Восточный фронт после 1-го Ина» (Гл. IV. — *Сост.*). Здесь поправок немного. Не совсем гладко идут опять численные составы. Амурский полк на стр. 46 — 1200 шт. и по некоторым другим показаниям 900 шт., и тот же итог (900–1200) на стр. 49 в таблице. В дальнейшем (бои под Ольгохтой) Вы берёте среднюю цифру 1000 шт. Было бы поэтому хорошо указать на стр. 46, что «в среднем силу полка можно считать в 1000 шт.», а на стр. 49 в таблице поместить: 1000 (900–1200), и тогда было бы понятно в следующих главах, откуда взялась цифра 1000. Конечно, это мелочь, и я сам виноват, что своевременно не обратил на это внимания.

В таблице на 49 стр. Инженерный дивизион назван батальоном — ? Жаль, что в этой таблице (49–50 стр.) или в примечании после неё ничего не говорится о Надежд[инско]-Побережной группе красных. Первый раз о составе и численности этой группы говорится довольно поздно, на стр. 125, тогда как о наших частях, имевших дело с этой группой, — много раньше. И вообще они входят в расчёт наших сил, а красные нет. Это тоже сравнительная мелочь.

Большая ошибка у Вас в конце главы на 51 стр. Здесь Вы приводите приказ № 2/оп из книги Покуса, но содержание приказа не имеет ничего общего с тем, что написано у Покуса. Если ссылаться на какой-либо источник, то необходимо

приводить его слово в слово, это общее правило для каждого исследователя, в том числе и историка. Переделывать чужое содержание по-своему — вещь совершенно недопустимая. Покус говорит о движении всей бригады, а Вы разделяете её на главные силы отр. Артюховского и общий резерв. Вы могли сомневаться в сведениях Покуса, критиковать их, оспаривать их, приводя в доказательство их ошибочности свои сведения, как это Вы делаете, например, тут же о Тр.-Савском полке, но так просто, без какой-либо оговорки, сведения из другого источника пристегнуть к сведениям Покуса — делать невозможно. Представьте себе другого историка или исследователя, который будет пользоваться и Покусом, и Вашей книгой. Встретив такое место, он невольно возьмёт под подозрение все Ваши ссылки на документы и будет подозревать Вас в желании скрыть какую-либо истину.

Вы, без сомнения, приписали Покусу сведения из наших армейских развед. сводок. При этом взяли самые первые и наиболее ошибочные сведения. Об этом я подробнее напишу потом, при рассмотрении VII и VIII глав.

Глава V «Белоповстанцы после 1-го Ина». Здесь каких-либо особых погрешностей я не заметил. На стр. 56 у Вас указано, что по прямой линии от Хабар[овска] до Ина 90 вер., а по жел. дороге 120. Думаю, что разница гораздо меньше, дорога шла по ровному месту, очень мало крутила и не могла быть длиннее прямой линии на целую $^1/_3$. Я даже считаю, что именно по жел. дороге было 90 вёрст, а прямая немного короче. У Вас по прямой от Волоч[аевки] до Хабаровска 30 вер., далее уже как будто более известная величина, не раз упоминаемая и у Вас, и у Покуса: от Волоч[аевки] до Ина по жел. дороге 50 вёрст, т. е. всего 80 вёрст.

На стр. 61 партия больных была принята в 122-й санит[арный] поезд. Где он стоял? Наверное, в югу от взорванного моста.

Глава эта, к сожалению, смешанного характера: сведения и приказы чисто боевого характера вместе с делами административного порядка.

Прерву разбор. Ген. Молчанов получил Ваше письмо* Сначала хотел ответить сам, но это могло бы затянуться на много

---

* Письмо Б. Б. Филимонова В. М. Молчанову от 11 ноября 1933 г., в конце которого — 12 вопросов (см. выше). — *Прим. сост.*

дней, и сегодня он просил ответить меня. Ответы продиктованы очень кратко, так я и должен их Вам сообщить.

На первые два вопроса он не отвечает Вам ничего. Я также не понимаю смысла Ваших вопросов. О взаимоотношениях начальника и его помощников по штабной службе я Вам писал уже однажды, и в нормальных условиях не имеет никакого практического значения, кто подаёт мысли и идеи приказов (это обычно диктуется внешними объективными обстоятельствами), кто их разрабатывает, редактирует и т. д. При дружной работе — это есть общее совместное дело, но исходит это от имени того, кто подписал.

Вопрос 3. Ген. Никитин был назначен потому, что был старший генерал (по старшинству в чине старше ген. Молчанова), был офицером Ген. штаба и, следовательно, должен был обладать необходимыми военными качествами.

Вопрос 4. Ген. Молчанов не считает возможным помещать в книге его мнение о сравнении достоинств двух начальников, названных Вами.

Вопрос 5. Ген. Бордзиловский на должность нач. гарнизона г. Хабаровска не предназначался и в Хабаровск не приезжал. Если бы было необходимо, то и был бы назначен. Ген. Молчанов считает, что в таковой должности не было необходимости. У него был начальник тыла — ген. Мумжиев[181], который и устраивал жизнь в тылу, организовывал транспорт и т. д., и если бы армия пошла вперёд, в Хабаровске остался [бы] всем ведать ген. Мумжиев.

Вопрос 6. Ответ ген. Молчанова начался словами: «Суждены нам благие порывы...». Ген. Молчанов оценивал обстановку в это время так: без пополнения армии, без широкой помощи ей — сделать многого нельзя.

Вопрос 7. Ген. Молчанов считает, что Поволжская бригада должна была быть в это время в Дежнево в резерве. Установить в точности время её смены и движений он не может.

Вопрос 8. Ген. Молчанов сказал, что действия по обратному овладению Н.-Спасским должны были быть совместными и отряды должны были друг с другом связаться и оказывать взаимную помощь. Это, конечно, вполне естественно. Я лично думаю, что приказ о выдвижении Поволжской бригады, написанный рукой Ловцевича и не имеющий конца, чего-то не договаривает и путает. Предлагается сначала Поволжской бригаде

овладеть Н.-Спасским, а затем ген. Никитину «вернуться, хотя бы с боем». Видимо, в спешке, естественной в такое время, приказ был отредактирован неудачно и имел целью заставить обе группы действовать решительно, хотя бы даже пришлось действовать без поддержки другой группы. Возможно, это вызывалось желанием не терять время на установление взаимной связи и переговоры о том, как действовать. Быстрота ставилась на первый план. Но с ген. Никитиным была постоянная связь по прямому проводу, и кроме этого приказа он получал другие указания от ген. Молчанова.

Из приказов ген. Молчанова я не вижу, что Егерский полк был с Поволжской бригадой.

Вопрос 9. У ген. Молчанова нет. Кажется, нет и у меня. Но посмотрю: может быть, есть в какой-либо группе.

Вопрос 10. Обозы всегда следует держать отдельно от боевых частей, особенно во время боёв. Почему там был сам ген. Никитин — сказать трудно.

Вопрос 11. На этот вопрос ген. Молчанов определённого ответа дать не мог.

Вопрос 12. Ген. Молчанов считает, что конница не была особенно необходима для Поволжской бригады. Дальней разведки вести не было необходимости. Движение по одной известной дороге, разведка и охранение могли выполняться средствами пехоты и теми немногими всадниками, которые имелись в каждом полку. Местность открытая и ровная, и нужны были минимальные меры предосторожности, о которых ген. Ястребцов и предупреждался, чтобы вовремя обнаружить красных. О возможности встречи с последними было сказано вполне определённо.

Вы пишете, что с Поволжской бригадой ходили команды разведчиков, всего 60. Пеших команд у нас не было. Если это были конные, то, по-моему, для целей разведки при движении на 15 вёрст это более чем достаточно. Конечно, лучше иметь свою конную часть при себе. После боя под Ином я первые дни на Ольгохте тоже не имел конницы, кроме Красноуфимцев, а мне приходилось освещать местность вперёд по жел. дороге и по реке, охранять фланги и т. д., для чего и пришлось пользоваться больше пехотой.

Пока всего хорошего. Придётся по случаю праздников сделать перерыв. Письмо моё вышло не совсем праздничное, наговорил Вам неприятного из-за Сахарова. Прошу прощения.

Книга ген. Пучкова «8-я Камская...»* выпущена была в количестве не более 40 экз. и, кажется, вся разошлась. Наведу справки. Рад услышать, что 3-я книга у Вас уже подготовлена. Было бы, конечно, очень желательно познакомиться с книгой Токаревского. Я сам очень интересуюсь, что он написал, но достать книгу не удалось.

Будьте здоровы, желаю хороших праздников и благополучия в Новом году.

Искренне Вас уважающий А. Ефимов

За книгу буду собирать по 1.50.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

10 января 1934 г.
Получено 14/2/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Праздники прошли, и пора приниматься за дело, т. е. продолжать изводить Вас своими придирками. От Вас давно нет писем, последнее — от 21 сентября — получил в октябре. Писали ли Вы мне, — может быть, письма пропадали? Было письмо ген. Молчанову, на него я ответил Вам со слов ген. Молчанова**.

В этом письме у Вас есть вопрос, по которому хочу сказать несколько слов. Полк. Попов говорит, что он упорно противился движению Поволжской бригады на Н.-Спасское. Мне малопонятно это заявление. Видимо, полк. Попов хочет этим указать, что всё несчастье произошло от того, что усталую, нуждавшуюся в отдыхе бригаду послали в бой. Я вполне понимаю, что полк. Попов тогда, перед посылкой бригады, мог указывать на усталость бригады и отстаивать необходимость отдыха. Но теперь, когда полк. Попов знает, как прошли события, его указание, что он в своё время противился выдвижению бригады, не имеет какого-либо существенного значения. Был

---

* Первоначально воспоминания ген. Пучкова были опубликованы в журнале: *Пучков Ф. А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Вестник ОРВВВ. 1930–1931, №№ 46–58. Затем тот же текст был напечатан в виде отдельного издания (брошюры). — *Прим. сост.*

** В письмо А. Г. Ефимова от 5 декабря 1933 г. включены ответы ген. Молчанова на вопросы Б. Б. Филимонова (из его письма от 11 ноября 1933 г.). — *Прим. сост.*

решительный, критический момент событий и приходилось всё бросать в бой. Я не знаю, какое участие приняла Поволжская бригада в бою 10 февраля и какие усилия и лишения выпали на неё в этот день, на следующий и в предыдущие. Поэтому ничего не могу сказать относительно того, в какой степени она нуждалась в отдыхе. Видимо, нуждалась, и поэтому была отведена в резерв или только направлялась туда. Но никакого отдыха ей всё равно не суждено было иметь. Если бы она не была послана на Н.-Спасское, ей пришлось бы: 1) отступать вместе со всеми, т. к. занятие Н.-Спасского красными заставляло нас отходить на всём фронте или 2) если бы она стала на отдых в Дежневке, а ген. Никитин попытался бы овладеть Н.-Спасским с помощью одного подкрепления — подошедшего Ижевского полка (чего было, по всей видимости, недостаточно), то движение обходной колонны красных всё равно заставило бы срочно бросать Волжскую бригаду вперёд против обходной колонны. Если чины бригады указывают, что она была снята с позиции в 22–23 ч и, наверное, только через 3–4 часа дошла до Дежневки, через час разместилась на отдых, то на рассвете ей уже пришлось бы двигаться на красных. Теперь это вполне ясно, тогда — может быть, не вполне. Тогда полк. Попов мог и, может быть, должен был отстаивать отдых для бригады, а теперь это может звучать очень скверно: «Мы устали и не могли драться, и если перелом боя в нашу пользу зависел от наших последних усилий, мы всё же упорно противились последнему шансу выиграть бой; лучше отступить, чем попытаться вырвать победу».

Но, наверное, таких слов не хочет сказать полк. Попов. Теперь ему, должно быть, ясно, что полк. Ловцевич передавал категорический приказ не напрасно, что это был момент, решивший судьбу всего похода. Странно было бы слышать, что в этот критический час целая бригада, хотя бы и сильно истомлённая, бездействовала в резерве; что в такой момент командующий предпочёл дать ей несколько часов отдыха (до начала отступления), чем сделать попытку выиграть бой. Усталость бригады можно было бы принимать на учёт, если бы ей пришлось выдержать продолжительный бой, но не может служить оправданием к отсутствию необходимого охранения и разведки при походном движении и связи авангарда с остальными силами. Здесь виновата не усталость.

К сожалению, у нас часто не делали для достижения успеха всего возможного, а иногда невозможного. Война вообще, бой

Предположительно Владивосток, 1921 или 1922 г. Внизу слева направо: полк. А. Г. Ефимов, ген. М. В. Молчанов, Н. Д. Меркулов, полк. Л.Л. Ловцевич, полк. Г. К. Сидамонидзе, неизв. (Личный архив А. А. Ефимова)

Подпись к идентичной фотографии в книге Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы, кн. 1 (Шанхай, 1932):
«Группа чинов Ижевско-Воткинской и Поволжской бригад и два японских офицера, одетых в русскую форму, в дер. Екатериновке на Сучане, ноябрь 1921 г. [слева направо: 5 неизв.], яп. офицер, полк. фон Вах, яп. офицер, полк. Сотников, полк. Лебедев, ген. Сахаров, полк. Карлов, [полк. Белянушкин, неизв.]»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Командный состав белых войск с представителями японского командования. Приморье, ок.1921 г.
Сидят в первом ряду: 5-й слева – ген. И. С. Смолин, 4-й справа – ген. Г. А. Правохенский.
Второй ряд: 5-й справа – полк. А. Г. Аргунов
(Личный архив А. А. Ефимова, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев)

Надпись на обороте: «На обороте оригинала рукой Бориса Эммануиловича [фон Ваха] написано: День взятия Хабаровска, в кабинете генерала Молчанова, где был до времени взятия кабинет советского командарма Уборевича. Сидят [справа налево: полк. фон Вах,] ген. Молчанов, полк. Ефимов и наш друг доктор-бродяга». Декабрь 1921 г. (Личный архив Т. Иваницкой. То же: Личный архив семьи Молчановых)

Справа: солдатский Георгиевский крест 4-й степени, врученный Б. Э. фон Ваху солдатами в 1917 г. (Личный архив Т. Иваницкой, фото Л. Тремсиной)

На обороте: «На бронепоезде "Волжанин", Хабаровский поход, зима 1921–1922 гг. Шт.-кап. Шишко. Фото Е. Левитского»

На обороте: «Хабаровская экспедиция 1921–22. Бронепоезд "Дмитрий Донской" в действии»

На обороте: «Бронепоезд. Хаб[аровская] экспедиция»

(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Хабаровская экспедиция. Пулемет 1-го кав. полка 1921–22. Фот. Левитский»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Орудие в Приморье, 1922»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Фотография портрета ген. В. О. Каппеля.
В правом нижнем углу просматривается подпись:
«П. Сафонов, 5/X 21 г.»
(Личный архив А. А. Ефимова)

Слева направо: ген. Ястребцов, неизв., кап. Монгин, неизв.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Полковник А. Г. Ефимов. Приморье, ок. 1922 г.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Бинокль и шпоры
полк. Ефимова
(Личный архив
А. А. Ефимова)

Полковник Ефимов, ок. 1922 г. (Личный архив А. А. Ефимова)

Полк. А. Г. Ефимов и поручик Б. К. Шебеко. Приморье, ок. 1922 г. (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «На Влад[ивостокском] рейде корабли в день годовщины 26 мая 1922 г. разсветившись флагами. На первом плане "Лейт[енант] Дыдымов", погибший между Фузаном и Шанхаем, за ним "Батарея"»

На развороте – фотографии парада во Владивостоке в день годовщины установления власти Временного Приамурского правительства 26 мая 1922 г.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63, 5822)

Владивосток, ул. Светланская, Успенский кафедральный собор

Парад во Владивостоке 26 мая 1922 г., ул. Светланская

Парад во Владивостоке 26 мая 1922 г., ул. Светланская

Фото внизу: справа налево — ген. В. М. Молчанов, ген. Г. А. Вержбицкий, С. Д. Меркулов (Музей русской культуры в Сан-Франциско, коллекция фотографий, альбом № 381)

Ген. Дитерихс в Никольске-Уссурийском, лето 1922 г.
(Личный архив семьи Молчановых)

Ген. Дитерихс, ок. 1922 г.
(Личный архив
А. А. Ефимова)

На обороте: «Ген. Дитерихс,
г. Ник.-Уссурийский, лето 1922.
Стоит: адъютант кап. Коротаев.
Фот. Е. Левитский» (Музей русской
культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Лучшие стрелки Ижев. полка в состязании на призы. Казармы у ст. Евгеньевка, 1922 г. Приморье»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Встреча ген. Дитерихса на ст. Евгеньевка [ок. Спасска], 1922» (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Спасск», сентябрь 1922 г. Сидят в центре: Зоя фон Вах, ген. Молчанов, перед ним внизу полк. фон Вах. Слева — полк. Ефимов (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Ижевцы. Переправа через р. Лефу перед боем у Монастырище, [октябрь] 1922» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Лагерная церковь в лагере Тун-да-ин. Гирин, 1923 г.» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Ген. В. М. Молчанов, ок. 1923 г. (Личный архив семьи Молчановых)

Сидят слева направо: А. Е. Леонова, З. Е. фон Вах, Н. К. Молчанова, В. М. Молчанов с сыном Мишей. Стоят: полк. Ефимов, полк. фон Вах. Гирин, 1923 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «Группа в Гирине, 1923 г.». Слева направо, стоят: полк. Белянушкин, полк. Сидамонидзе, подп. Левитский, кап. Монгин, полк. Сотников, ген. Ястребцов, полк. Савчук, ген. Молчанов, ген. Хрущов, неизв., полк. Ефимов, пор. Шебеко, кап. Смолин, кап. Полунин; сидят: полк. Зуев, полк. Черкесс, полк. фон Вах, полк. Дробинин (Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Игры в лагере в дни Св. Пасхи 1923 г., г. Гирин, лагерь Тун-да-ин» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «5/IV 23 г.», [Гирин] (Личный архив А. А. Ефимова). Подпись к идентичной фотографии в книге Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы», кн. 2: «Полк. Ефимов с группой офицеров-Воткинцев: сидят (слева направо): подполк. Болонкин, полк. Ефимов, священник о. Георгий Чернявин, полк. фон Вах: стоят (слева направо): пор. Журавлев, подп. Быков, пор. Дробинин, подп. Коврижников, шт.-кап. Фролов»

Справа налево: полк. Ефимов, З. Е. фон Вах, ее сестра А. Е. Леонова (впоследствии вторая жена полк. фон Ваха), полк. фон Вах. Гирин, весна 1923 г.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Отъезд ген. Дитерихса из Гирина (у вагона поезда), май 1923 г.
На обороте: «Слева впереди: ген. Вержбицкий, полк. ф. Вах, ген. Дитерихс, ген. Молчанов, ген. Блохин (?), ген. Смирнов»
(Личный архив семьи Молчановых)

На обороте: «Воевода прощается. Гирин»
(Личный архив А. А. Ефимова)

Знак для беженцев,
не признающих
советскую власть. Ткань, кожа
(Личный архив А. А. Ефимова,
фото Л. Тремсиной).
На фотографиях знак виден
на груди у ген. Дитерихса
и других лиц

На пароходе по пути в Америку, август 1923 г.
Слева направо: неизв, полк. фон Вах, полк. Ефимов, неизв., пор.Шебеко
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Супруги Ефимовы, г. Хуарес
(Мексика), ок. 1925 г.
(Личный архив А. А. Ефимова)

А. Г. Ефимов с сыном Алёшей.
Сан-Франциско, ок. 1933 г.
(Личный архив А. А. Ефимова)

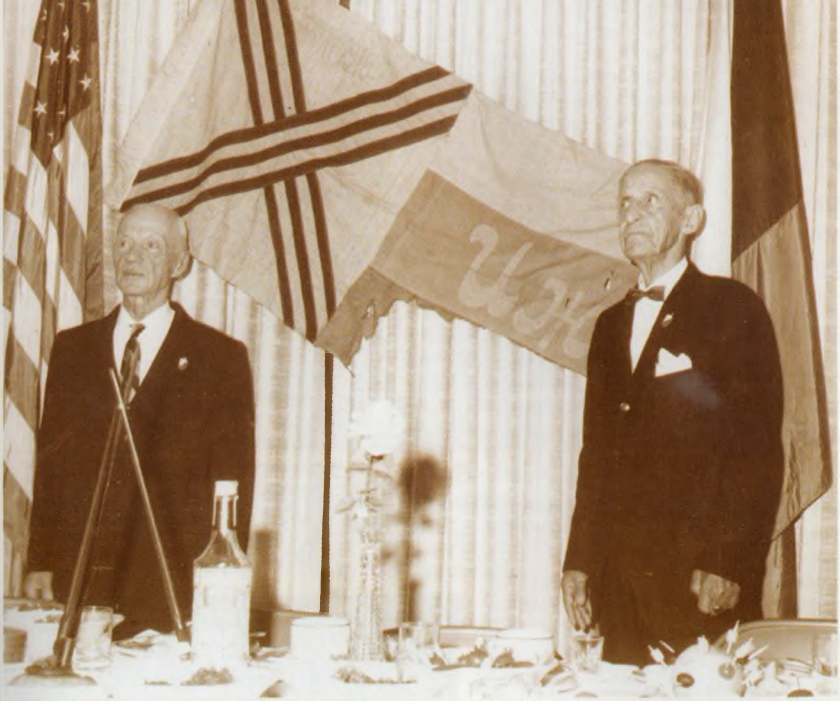
Форт Росс, Калифорния, 1936.
Справа – А. Г. Ефимов
(Личный архив А. А. Ефимова)

На обороте: «Глубокоуважаемому Авениру Геннадіевичу на добрую память от Т. С. и Б. Б. Филимоновых. Шанхай, 25.IV.34»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

На обороте: «1951 или 1952 г.». Слева направо: супруги Ефимовы, Ф. А. Пучков, Л. В. Молчанова, М. В. Молчанов
(Личный архив А. А. Ефимова)

На одном из годовых собраний Ижевцев и Воткинцев. Сан-Франциско, 1950-е гг. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

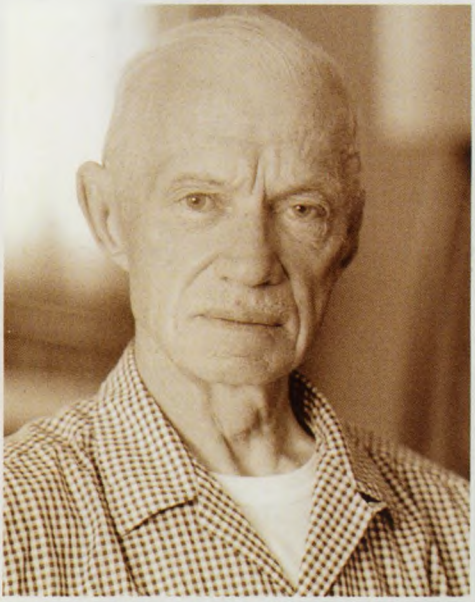
Дмитрий Иванович и Евгения Михайловна Федичкины.
Сан-Франциско, 1958
(Личный архив М. Б. Шереметевой)



50-летие Ижевско-Воткинского восстания. Русский центр Сан-Франциско, 29 сентября 1968 г. Ген. Молчанов и полк. Ефимов (Личный архив А. А. Ефимова)

50-летие Ижевско-Воткинского восстания, 29 сентября 1968 г. Справа: сидят В. М. Молчанов, А. Г. Ефимов, стоит Л. В. Молчанова (Личный архив А. А. Ефимова)

Супруги Ефимовы.
Сан-Франциско, ок. 1968 г.
(Личный архив А. А. Ефимова)



Одна из последних
фотографий А. Г. Ефимова,
ок. 1970 г.
(Личный архив А. А. Ефимова)

Могила А. Г. и Н. С. Ефимовых
на Сербском кладбище
в г. Колма близ Сан-Франциско
(фото Л. Тремсиной)

особенно требуют полного напряжения и отдельных бойцов, и частей войск, и начальников. Сделав кое-что, а не всё, что было нужно, — искали оправданий: усталость, недостаток того-то и того-то считались достаточными, чтобы уклониться от своих обязанностей. В бою часто обход небольшой частью фланга или появление в тылу небольшого отряда противника считались достаточным предлогом, чтобы бросить фронт.

К изложенному я должен добавить и ещё нечто не вполне определённое и недостаточно для меня ясное. Из некоторых слов ген. Молчанова я понял, что он не хотел посылать Поволж. бригаду под Н.-Спасское. Не хотел не потому, что этого не требовала обстановка, а потому, что предвидел, вернее, предчувствовал, что с бригадой случится какое-то недоразумение, что никакой пользы она не принесёт. Обстоятельства заставляли посылать, а какое-то внутреннее чувство говорило против. Так примерно я понял ген. Молчанова, и всё это было бы безуспешно объяснять какими-либо военными теориями или тактическими расчётами. Здесь область чего-то мало постигаемого.

Но это бывает и в жизни, и на войне. Отдельные лица заранее предчувствуют, что будут убиты. Такой случай у Вас зафиксирован в бою под Ольгохтой 4/I с подполк. Шебалиным: «Пусть мне руку отрубят...» — и был действительно убит. Иные начальники предчувствуют, что с их частями случится что-то особенное, что ни предвидеть, ни учесть, ни подсчитать вперёд невозможно. Как будто всё предусмотрено, приняты все необходимые меры, сделаны предупреждения и... какой-то неизбежный рок налагает на всё свою тяжёлую руку. В других случаях валит счастье.

Начальник должен руководствоваться своими знаниями и опытом. Но это не всё. Долгая военная жизнь вырабатывает у некоторых особый инстинкт, особое чутьё, может быть, дар предвидения. Вот этот-то инстинкт или дар предвидения иногда подсказывает то, что не получишь ни от обширнейших знаний, ни от богатейшего опыта.

Наверное, что-то подобное было и тут, когда ген. Молчанов не хотел посылать Пов[олжскую] бригаду. Но плохо то, что такие «подсознательные» явления, как, наверное, сказал бы психолог, не могут быть достаточно оценены и не всегда ими можно руководствоваться. Как узнать, что это такое: верное ли предчувствие того, что свершится, или обманчивое чувство, вызванное упадком или подъёмом настроения, или результат впечатлительности от успехов

или неудач. Можно ли тут довериться и действовать вслепую? Лучше в случае таких предчувствий в положительную сторону быть осторожнее, проверять себя, не зарваться. При скверных предчувствиях также надо насторожиться и бороться с излишним пессимизмом, иначе многие промахи можно оправдывать тем, что предчувствовал неудачу и потому уклонился от исполнения своего долга.

Возможно, и ген. Молчанов тайному голосу не поверил и решил послать Пов[олжскую] бригаду, так как должен был сделать это по требованию сложившейся обстановки. Ген. Молчанов всегда доводил дело до решительного конца и не останавливался на полдороги, на полумерах. Боролся и тут до конца и использовал всё возможное для удержания поля сражения за собой. Всё возможное было сделано, но судьба приготовила неудачу.

Возвращусь к полк. Попову. Указывая на усталость, он косвенно порицает себя или бригаду, как бы не желая причислить себя к тем, которые борются до конца. И, конечно, напрасно, так как усталость тут ни при чем, и неудача обусловлена другими причинами. О нежелании ген. Молчанова посылать бригаду я пишу лишь для Вас лично. Я не знаю, насколько правильно я понял и изложил краткие слова ген. Молчанова. Да, кроме того, это не действия, не факты, что описывает историк, а духовная работа, переживания начальника, трудно поддающиеся обработке. Я Вам написал это для того, чтобы уяснить полностью всю обстановку и все обстоятельства, заставившие двинуть на Н.-Спасское Поволж. бригаду. Боюсь, впрочем, что это мало что объяснило. Всё же это, может быть, поможет уяснить, что события произошли не так уж просто: сняли усталую бригаду с фронта и тут же, не дав отдохнуть, вновь послали вперёд, не считаясь [с тем], на что она способна.

Перейду на разбор 2-й книги. Дошёл до VI главы «Бои под Ольгохтой». На стр. 63 у Вас говорится о землянке на р. Ольгохта и через несколько строк о другой землянке, где жил старик-китаец. Не помню точно, но, по-моему, на р. Ольгохте была на запад одна землянка, где стояли конные Воткинцы. Пешие Воткинцы там, наверное, бывали до прихода конного дивизиона. Это, конечно, не очень важно.

Там же у Вас указано, что 2 января красные подошли со стороны реки Ольгохты. Неверно: и подошли, и отступили по жел. дороге.

На стр. 64, 4-я строка: пропущены слова «стали уходить».

Бой 2 января нашей пушки с бронепоездами у Вас изложен исключительно с моих слов. Неужели ни один из 5 артиллеристов Гайковича, дававших Вам показания, не мог добавить никакой подробности? Дело было чисто артиллерийское.

Бои под Ольгохтой описаны, в общем, правильно, и трудно было что-либо сделать больше из-за недостаточно определённых указаний показывавших. Я очень рад, что доводы о времени разгрома Добровольцев оказались для Вас достаточно убедительными, и Вы переделали это событие, поставив всё на своё место. Из наиболее крупных ошибок отмечу, наверное, движение Добровольцев во 2-м бою в наступление с будки (начало 74 стр.) Добровольцы влезли в вагоны к Ижевцам и вместе с ними подъехали на $1^1/_2$–2 вер. к Ольгохте. Если бы они начали наступление с будки, то были бы на 4 версты сзади и, при быстротечности этого боя, не приняли бы в нём никакого участия. Об этом и говорится с моих слов совершенно ясно на стр. 73 (8–11-я строчки снизу). Видимо, показания Добровольцев о разгроме в 1-м бою сбили Вас, и при переделке Вы это упустили из внимания, и получилось противоречие. Эти указания о движении Добр[овольцев] с будки опять повторяются дважды на стр. 75 (8 и 17 строчки снизу) с новым противоречием: Добр. полк получил задание идти уступом вперёд, т. е. должен был бы двинуться раньше Ижевцев, а он на 4 версты отставал.

Показание Добровольцев о том, что они бросились в ров, там стояли кони красных, всё перемешалось и т. д. носит несколько странный характер. Конечно, ни Вы, ни я не можем этому помочь, но если Вам удастся установить связь с полк. Черкесом, было бы желательно узнать у него, как протекал этот бой на участке Добровольцев.

Затем немного о силах красных. На стр. 67 сказано, что в ночь на 4 января главные силы красных были в движении на Ольгохту. Но какие именно полки — не указано. Вспоминая, что об этом уже где-то было, приходится искать, и на стр. 51 можно найти, что двигались Ос[обый] Амурский и 5-й полки. Имея это в виду, приходится расценивать все действия и тяжёлое положение белых перед превосходящими силами красных. Такую оценку даёте и Вы на стр. 71, указывая, что против 1500 шт. красных было 650 шт. белых. От изложения боя остаётся определённое впечатление и естественный вывод, что численность взяла верх.

Но вот подводятся Вами итоги, и на стр. 79 Вы говорите, что участие 5-го полка под сомнением. Получается весьма скверное впечатление, все действия уже представляются под другим углом зрения. Как будто хотели сначала прихвастнуть, а потом стало совестно и надо сознаваться. Конечно, такого изложения следует избегать. Это было бы легко сделать, если бы все сведения о красных были помещены: 1) в одном месте; 2) предпочтительно в начале главы; т. е. перед изложением самих действий. Тогда, читая про самый бой, можно было бы правильно расценивать усилия сторон, принимая во внимание, что у красных могло быть и 1000 штык[ов] (преимущество в $1^1/_2$ раза) и 1500 шт. (большое превосходство в $2^1/_2$ раза). Не приходилось бы в конце главы становиться в недоумении, сколько же было сил у красных, почему всех данных не было сообщено заранее и вместе?! Вот почему я как-то писал Вам, что сведения о силах сторон желательно ставить впереди и не разбрасывать их по разным местам. Относительно того, был ли 5-й полк под Ольгохтой, я ещё раз остановлюсь при разборе следующей главы.

Относительно моих доводов о разгроме Добр. полка во 2-м бою, а не в 1-м, я уже Вам писал — их помещать не следовало, как ненужный сырой материал. Раз Вы убедились в верности (или даже относительной верности) факта, — этого достаточно. Иначе книга будет заполнена противоречиями, доводами, ссылками на разных лиц и на разные источники, и читатель запутается. Если Вы, собирая, сортируя и исследуя разные материалы, не могли их соответственно расценить и преподносите целиком в сыром виде, то читатель и подавно в них не будет разбираться.

Перейду на дальнейшее. Главы VII и VIII о Волочаевке. Эти 2 главы, за исключением небольших и мелких промахов, написаны хорошо. Я очень рад, что описание самого боя Вы сделали по тому плану, который я предложил. Большое за это спасибо. Моя работа зря не пропала, а изложение боя получилось таково, что легко можно проследить его шаг за шагом. К сожалению, выводы мои Вы целиком не приняли, а в помещённых не всё правильно.

Отмечу замеченные промахи. На стр. 84 начало. В Забеловском отряд Карлова, несомненно, столкнулся с Артюховским. Это следовало бы отметить.

На 86 стр. у Вас 4 строчки стихов. Взяты ли они из стихотворения, посвящённого событиям Хабаровского похода или

это случайное совпадение? В первом случае я очень прошу Вас прислать мне это стихотворение. Поэты — народ чуткий и наблюдательный, и могут заметить то, что пропустит простой толстокожий смертный, и изобразят немногими словами столько, что другому понадобятся целые страницы описаний.

На стр. 88 у Вас описание и размеры деревни, мои и прап. Носкова. Казалось бы, при составлении плана деревни (стр. 87) масштаб должен быть взят средний между двумя показаниями. Но у Вас масштаб взят даже крупнее прап. Носкова, и деревня у него $^1/_2$–$^3/_4$ в., на плане $1^3/_4$, со станцией у меня 1 в., у Носкова $1^3/_4$–2 вер., на плане 3 вер., общее протяжение от станции до будки № 3 у меня $1^1/_2$, у Носкова $2^1/_2$–3, а на плане 4 вер. Разница значительная.

Описание деревни, как она видна с сопки, неверно. Если с сопки смотреть в сторону Ольгохты (на запад), то под сопкой — дома северной части деревни. При том очертании, которое у Вас приняла деревня, её части было бы проще назвать «северной» и «южной».

На стр. 90–91 у Вас таблица сил белых и красных. 2 мелкие ошибки — соотношение сил: «близки равным, но красные и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии превышали белых». По общему подсчёту конница белых имела на 40 коней больше. Но другая ошибка: пропуск в 6-м полку красных 50 сабель, что, может быть, и вызвало первую ошибку.

Об этой таблице скажу несколько слов в связи с дальнейшим описанием. В противоположность тому, что я сказал об Ольгохте, здесь перед боем даются сведения о силах обеих сторон. Это, конечно, значительно облегчает возможность следить за боем. И, так как это один из самых больших боёв похода, таблица даёт исчерпывающие данные в смысле полноты и ясности. Перечислены все части обоих противников, которые должны участвовать в бою, и указано, какие из них будут участвовать в решающем месте и какие в других местах. Чтобы не было сомнений, в примечаниях даны сведения, какие части и почему не могли быть в этом бою (Иж. конн[ая] разв[едка], бронепоезда красных). Наконец, таблица, стараясь всё учесть, в то же время не вводит в заблуждение, и отмечены сомнительные места (численность у части полков отмечена знаками вопроса; в примечании указывается, что в Добр. батарее было 1 орудие, но, может быть, 2). Для тех, кто знает о событиях по Покусу,

указывается о Троицко-Савском полку, чтобы не было сомнений, что Тр.-Сав. полк не взят на учёт по известной причине, а не вследствие пропуска или небрежности. Одним словом, к этой таблице нельзя ничего добавить, нельзя ничего выкинуть. Все данные, какие можно было собрать — помещены, все сомнительные места оговорены, представление о силах противников полное и ясное.

Но вот начинается описание самого боя, и с 6-м полком красных творится что-то неладное. На 99 стр. указывается на возможность нахождения этого полка (2-х бат.) на ст. Ин. На 108 стр. подозрение, не 6-й ли полк был подтянут против Торопова*. На 110 стр. 6-й полк не указан ни в числе оставшихся в деревне, ни в числе покинувших поле сражения. Возможно, что здесь у Вас просто пропуск, но заметный, т. к. перечисляется даже мелочь — Инженерный дивизион.

Наконец, на стр. 122 даются потери 6-го полка, указывающие, в противовес предыдущим сомнениям, на участие полка в бою. Кроме того, сведения на стр. 51 говорят о резерве на ст. Ин, внося сомнения задолго до подведения итогов в таблице.

Всё это, вместе взятое, говорит за то, что Вы сами для себя не решили определённо, участвовал 6-й полк в бою или нет, а это приводит к тому, что и читающий Вашу книгу будет в таком же сомнении. Также теряет свой смысл точно разработанная таблица. Если одно данное этой таблицы под сомнением, то почему не сомневаться и в остальных? Весь смысл составления такой таблицы сводится к нулю.

Вы должны согласиться, что я не без основания написал раньше, что Ваши данные о силах сторон разработаны недостаточно. Остаётся пожелать, чтобы в следующие разы такие подсчёты производились возможно основательнее и помещались целиком в одном месте, с указанием тут же всех сомнений и возможностей в неточности, а в тексте эти данные опорочиваться не должны. Было бы желательно такие сведения приложить к февральскому бою под Волочаевкой с подсчётом всех сил обеих сторон и распределением их по районам действий.

Теперь я хочу ответить на вопрос, имели ли Вы какие-нибудь основания сомневаться в участии 6-го полка в бою? По-моему,

---

* Как бы предчувствовал, что Вы ухватитесь за эту мысль и предупреждал Вас, чтобы Вы этого не делали. Торопов в бой с пехотой не ввязывался, а 6-й полк понес потери. — *Прим. автора.*

никаких. Покус определённо говорит, что наступала «Сводная бригада в составе 3-х полков», говорит дважды на стр. 50 и 51. Да и какой смысл оставлять 2 батальона 6-го полка для охраны небольшого сравнительно пункта? Для этого был караульный батальон в 200 штыков. О Карлове они ещё ничего не знали, да если бы и знали, наверное, охранялись бы одними бронепоездами и мелкими караульными командами. В феврале Карлов пошёл с более сильным отрядом, и красные знали к 10 февраля, что он уже в тылу и, тем не менее, все 6 полков были в боевой линии. У нас был Хабаровск, большой город, и то он отвлекал на свою охрану 2 наших небольших полка, всего 400–600 штыков. К тому же у красных в начале февраля было далеко не так много сил, чтобы оставлять без дела 400 штыков.

Данные противника, опубликованные после войны, когда все тайны военного времени перестают скрываться и опубликовываются, служат обычно самым надёжным источником для историка, как относительно численности, так и в особенности планов противника, которые не так легко раскрыть во время войны. И тут можно было бы ограничиться одним Покусом. Но, к сожалению, Покус, не делая тайн из действий красных, даёт так мало цифровых данных и так часто путает события, что приходится его самого проверять и сравнивать с другими источниками. Из них наши развед. сводки, как документы военного времени, особенно ценны. Когда были противоречия с Покусом, я предпочитал больше доверять нашим сводкам. Поэтому и Тр[оицко]-Сав[ский] полк исключил из таблицы, т. к. наши сводки говорят о его более позднем прибытии. Что же касается 6-го полка, то его участие в бою вне сомнения. Были взяты пленные, и это такое «вещественное доказательство», что все остальные (донесения агентов, показания пленных других частей или взятых раньше или позже, даже приказы — могли быть изменены и т. д.) по сравнению с захватом пленных являются ничтожными. Недаром, когда желают выяснить группировку противника (стоят старые части, ушли или пришли новые), — лучшим способом является захват «контрольных» пленных. Когда Вы писали эти главы и сомневались в 6-м полку, сводки были у Вас, и Вы легко могли разрешить сомнение, прочтя их. Но Вы их, наверное, просмотрели очень быстро и обратили больше внимания на противоречивые показания пленных, чем на самые факты. Опять могу Вам сделать упрёк в недостаточной обработке

документов. В 1-й книге это было с приказами ген. Молчанова, здесь с разв. сводками. Посылаю Вам вторично эти 2 сводки, чтобы Вы могли вывести окончательное заключение. Жалею, что в подсчётах итогов боя я не указал, что пленные были взяты от всех полков красных, — это моя ошибка или пропуск.

Мне остаётся выяснить, участвовал ли 5-й полк в атаке Ольгохты. Если в участии 6-го полка у Волочаевки не может быть никаких сомнений, то здесь дело обстоит не так ясно. Приходится взвешивать противоречивые данные.

В сводке от 7 января (более ранней) пленные Ос[обого] Амурского полка, взятые 4/I, указывают, что 5-й и 6-й полки располагались на ст. Ин и по будкам 371 и 377.

В сводке от 9 января (более поздней, и обычно более свежие сведения считаются заслуживающими более доверия, хотя и не всегда) пленные от того же Ос. Амур. полка (если судить по расположению материала) показывают другое: все перешли в наступление, но двумя эшелонами: в боевой линии Ос. Амур. полк и 5-й, и в резерве на ст. Ин (надо полагать, временно, до занятия Ольгохты передовыми полками) — 6-й полк. Здесь указание «в резерве» и «перешли в наступление» противоречат друг другу, — просто неудачная редакция составителя сводки. Но о 6-м полку дело разъяснилось захватом пленных.

Какому же из двух показаний о 5-м полку больше верить? В другом месте я высказывал Вам мысль (и она помещена в IX главе на стр. 130), что размещаться большим красным полкам по будкам, — значит, сознательно морозить людей. Правда, наши Ур[альский] и Егер[ский] полки размещались 4–5 января, но они много меньше, и затем была необходимость задерживать противника. Я думаю, что выгоднее было оставить излишние силы временно на ст. Ин, чем располагать по будкам и обмораживать. И так предстоял большой переход, ночи у костров, неизвестность относительно продолжительности действий. Вот почему в этом отношении первое показание более сомнительно. Но был ли смысл красным посылать на Ольгохту 2 полка, где также очень мало помещений? Здесь приходится принимать во внимание боевые условия, а не расположение по квартирам. Когда красные до 4/I посылали слабые силы (2 бат., — полк), то белые их легко отбивали от Ольгохты. Это соображение могло заставить послать достаточные силы, то есть 2 полка. Возможно, 5-й полк не принял участия в более горячих местах боя,

по-видимому, от него не было пленных, возможно даже, что он понёс очень небольшие потери по сравнению с Амур. полком, а, может быть, и совсем обошёлся без потерь, демонстрируя на фланге, и благодаря этому наши сводки об этом участии ничего не говорят. Это соображения одного рода. Кроме того, у меня есть свои. Было 2 боя, и во 2-м с нашей стороны участвовал свежий Ижевский полк. Амурцы дрались хорошо, но, по-моему, они два боя не выдержали бы. 5/I у них 2 батальона удрали, значит, не такие уж они крепкие. Всё это привело меня к заключению, что 5-й полк тоже принимал участие, и показание красных в сводке 9 января заслуживает большего доверия. Поэтому я и считал, что под Ольгохтой дрались 2 красных полка. Вы имеете тут основание сомневаться, но всё, что нужно было сделать, — Ваше сомнение поместить в соответствующем месте, а не в конце.

Забыл ещё о 6-м полке и Торопове. Торопов не ввязывался в бой с красной пехотой и отошёл к своей бригаде, когда обнаружил, что против появилась пехота. Он, конечно, не мог нанести этой пехоте сколько-нибудь заметных потерь (и сам ушёл без потерь), а тем более не мог взять пленных. Следовательно, потери 6-му полку (в том числе пленными) были нанесены где-то у самой Волочаевки, и нет оснований предполагать, что отсутствие сведений о 6-м полку является следствием того, что оба эти батальона действовали только против Торопова.

Я, наверное, надоел Вам со всеми этими подробностями. Но делаю это по двум причинам. Во-первых, изучению сил противника всегда уделяется очень большое внимание. Ещё в мирное время стараются изучить во всех деталях армии возможных противников: их организацию, численность, резервы, обучение, вооружение, уставы и т. д. Во время войны эта же работа ведётся самым интенсивным образом в разведыв. отделениях штабов, где стараются особенно выяснить группировку сил противника и его намерения. Наконец, и после войны, как Вы можете заметить в военно-исторических книгах, силам противных сторон уделяется самое серьёзное внимание, и естественно, почему: если войны ведутся государствами или народами в целом, то важнейшие акты войны — боевые действия — ведутся почти исключительно армиями (и флотом), и войны решаются главным образом на полях сражений (иногда измором, блокадой, истощением средств, внутренними волнениями, угрозами других держав и т. д.). Это значение армии на войне заставляет обращать особое внимание

на её изучение, особенно в исследованиях чисто военного характера. Небрежное отношение к этому вопросу значительно ослабляет ценность военного труда.

Второе, на что я хотел обратить Ваше внимание и показать на этом примере, — это на возможность и желательность большей систематичности в Вашей работе. Разделение Вашего труда на главы, в общем, хорошо. Описание событий следует в должном порядке и в соответствующих, вообще довольно удачных местах, прерываются главами различного разъяснительного характера (общей обстановки, «борющ. армии накануне...», «после 2-го Ина», «некотор. подсчёты» и т. д.). Но по возможности такой же систематичности следует держаться и внутри каждой главы, собирая и группируя сведения по их характеру и стараясь избегать их разбрасывать и перемешивать, что легко приводит к путанице. Легко кажется, что изложенное выше о 5-м полку, и в особенности о 6-м, наглядно показывает необходимость возможной систематичности в каждой главе. Точно так же Вы приняли план изложения Волочаевского боя с разделением на периоды, с подсчётом итогов для каждого периода, несомненно, потому, что от такого порядка изложения (вместо прежнего — мало систематизированного) всё описание боя сделалось много понятнее и интереснее.

Конечно, всё даётся опытом, и я буду очень рад, если своей пространной критикой помогу Вам выпускать Ваши книги всё совершеннее и совершеннее.

Перейду к дальнейшему. Не хотел отмечать, так как это несущественно, но как раз для иллюстрации только что сказанного. На стр. 93 следовало бы первые два отрывка (действия нашего бронепоезда у Дежневки) поместить после третьего, так как в этом отрывке ген. Молчанов разговаривает со мной из Покровки, а потом уже идут события у Дежневки.

На стр. 96 у Вас сделано неверное исправление. «Полковник Ефимов остался без резерва. Вследствие этого ему пришлось изменить и план боя». Ничего подобного. Резерв для того и существует, чтобы парировать разные непредвиденные случайности, не меняя в главных чертах основного плана боя. Он и расходится на это дело — всяких случайностей. Дальше видно, почему я менял план боя: «Наступление с обоих флангов могло привести ночью...» Раньше в этой соединительной фразе стояло: «также пришлось изменить...». «Усовершенствование» наспех оказалось к худшему.

В главе VIII «Волочаевский бой» крупных недочётов нет. Про мелочи всё же упомяну. На стр. 107 Багиянц с пленными пришёл в Дежневку. Кончается непонятными словами: «Оттуда, где не было белых частей». Я Вам об этом писал, но нашёл в старой редакции. Старался понять, в чём тут дело, но так это место и остаётся для меня шарадой.

На стр. 109 рассказывается, как отходили Воткинцы: «По склону сопки, одни (красные) поднимаются вверх, идут к вершине сопки, другие спускаются». Это подтверждает моё сведение (и схему), что сев. часть деревни находилась под сопкой. Даже Воткинцы, располагавшиеся южнее Ижевцев, отходили по склону сопки. Посмотрите Ваши схемы (№ 11, 12, 13), и Вы увидите, что сопка расположена так далеко к северу, что не только Воткинцы, но [и] Ижевцы должны были отступить, не касаясь сопки. Это главнейшая ошибка Ваших схем, делающая непонятными некоторые действия обеих сторон, если за ними следить по схеме.

Вообще схемы составлены просто и понятно. Я очень Вам признателен, что Вы поместили все схемы, о которых я просил, и в то же время прошу прощения, что ввёл Вас в излишний расход. Я не принял эту сторону дела во внимание, иначе можно было бы обойтись двумя, даже одной схемой.

Кончу о схемах. В смысле расположения частей схемы правильны, но движение Багиянца на схеме № 14 (путь отхода) следовало бы поместить на схему № 13, т. к. ко времени сосредоточения 3-го отряда к будке и наступления Аргунова Багиянц был далеко от поля боя. Из подписей под схемами обращает на себя [внимание] несоответствие подзаголовков: «Действия частей обеих сторон в первую половину боя» и —"— — во вторую половину боя» — с разделением описания боя на 4 периода. Лучше было бы: «Действия частей обеих сторон в период главной атаки красных» и —"— — в период контрнаступления белых».

На стр. 111 Вы говорите, что «в случае появления красных на флангах этой группы... группа полк. Ефимова, не имея несомненно, подалась бы дальше на восток». Это, конечно, верно, и ни один Ижевец или Воткинец не станет уверять, что мы бы задержались или отбили красных при всех обстоятельствах. И тем не менее, это замечание производит неблагоприятное впечатление излишней критики или придирки. В самом деле, если основываться только на самом факте упорного задерживания

у будки и желания добиться успеха, то следует только похвалить Ижевцев и Воткинцев и их начальников за стойкость, выдержку и упорство. Сколько для других, более слабых, было предлогов отступить дальше в Дежневку!!! И большие силы противника; исчезновение соседей; усталость; поражения накануне; расход патронов; появление противника в тылу; потеря со всеми связи... Иной и от одного из этих предлогов отступил бы. За примерами ходить недалеко: полк. Березин ушёл в Самарку без всякого боя только потому, что узнал, что двигаются большие силы красных, ушёл, как оказалось, напрасно... Но если не стоит хвалить, то не стоило бы и делать предположений: не отступили, так могли бы отступить, если... Такое предположение затемняет самый факт, как бы умаляет его ценность. И если это делать всюду, то можно самые выдающиеся примеры стойкости, доблести и т. д. свести на нет. Безусловно, такие факты, и их не так уж много, не следует обесценивать предположениями.

На стр. 114 у Вас передача с моих слов о похождении двух Омцев, которую я просил Вас выкинуть, т. к. есть рассказы самих чинов 2-й бригады. Вы нашли нужным поместить. Но уже дальше Вы совсем напрасно поместили, с одной стороны, моё сомнение об этой версии, и с другой, «тем не менее... мою досаду... Вы мне приписываете слова, которые я говорил при оценке совсем другой обстановки. Может быть, помните, что я неверно предполагал, что вся масса красных, кроме 3-го бат. Ос[обого] Ам[урского] полка, подверглась панике и спешно отступила на юго-запад. При таких условиях можно было досадовать. Но так как в действительности: 1) значительные силы красных оставались в деревне; 2) Аргунов действовал не так, как я предполагал, и после проведения своих частей в порядок направил их в наступление отдельными группами, потерявшими связь друг с другом (я думал, он вёл всю бригаду вместе), то моя досада является чисто платонической, застать красных спящими мы не могли бы, опоздали бы.

Теперь о выводах. Тут могу отметить два пункта: 1) общий характер выводов; 2) неправильность выводов в стратегической части.

Общий характер или, вернее, тон Ваших выводов — стремление доказать. Особенно когда вопрос идёт об активности белых: «Красные как бы признают, что причиной их неудачи была атака

белых, т. е. части последних были активны» (стр. 121). «С их стороны была проявлена не только активность в бою, но ещё больше упорство» (стр. 120), и др. Это — примерно фразы из моих доказательств Вам, когда мне приходилось спорить с Вами, почему были отбиты красные. Вы считали — вследствие надрыва красных, а действия белых оставались как бы ни при чём. Естественно, для своих доказательств мне приходилось принимать убеждающий, доказывающий характер, я как бы спорил с Вами. Вы мои доказательства приняли, и желательно было бы переделать их полемический тон на более спокойный, повествовательный тон историка. Иначе получается, что Вы как будто заранее предполагаете, что читатель будет Вам возражать, с Вами не соглашаться, и Вы его в этом предупреждаете и доказываете, что он не прав. По-моему, надо стремиться излагать факты так, чтобы они сами за себя говорили, и не навязывать читателю своих выводов, когда дело и так ясно из хода событий.

На стр. 121 Вы также несколько неправильно оцениваете наш план: «В разновременных и несогласованных ударах... красные... увидели искусно проводимый в жизнь план». В такой формулировке получается, что белые ничего подобного не хотели сделать, и красные только «увидели». Но план был, и проведён он также в конце концов был, хотя и с разными осложнениями и задержками. Здесь свободно можно было сказать: «Словами Покуса красные довольно верно определили то, что белые собирались с ними сделать и что с некоторыми изменениями случилось в действительности».

На стр. 122 у Вас потери белых с Ольгохтой указаны 275 чел. Но под Ольгохтой было до 200, у Волочаевки 50, всего 250.

Теперь о стратегических выводах. Здесь прежде всего Вы делаете ошибку в логическом построении, делая два противоположных вывода из одних и тех же фактов. Вывод — почти определённое, и нельзя делать 2 разных вывода из суммы одних событий. Если факты очень противоречивы, можно делать 2 (или больше) предположения, которые указывают, что к определённому заключению, к выводу, прийти нельзя.

Переходя к существу дела, я должен сказать, что Ваше второе предположение весьма неосновательно. Вы предполагаете, что красные наметили новую операцию по овладению Хабаровском на основании приказа от 10 янв. за № 647/оп. Но приказ этот говорит исключительно о захвате раз. Ольгохта, а не об операции

по овладению Хабаровском. Мотивировку же и события 4–5 янв., и 10–11 янв. Покус определённо перепутал.

Могли ли красные, потеряв в своей пехоте 700–800 чел. и потерпев неудачу, через 5 дней опять думать о таком же большом наступлении? Это, конечно, невероятно. Надо тогда предположить, что они играли в руку белых и думали примерно так: «Мы были недостаточно сильны, чтобы переходить в наступление, а теперь ещё стали слабее; скоро к нам подойдут большие подкрепления; нам надо торопиться и не ждать подкреплений, чтобы ещё раз потерпеть поражение». Как видно по Покусу, 2-я бригада их подошла к 18 янв. (стр. 52), и то они очень осторожно и основательно стали готовиться к новому переходу в наступление и лишь 5 февраля атаковали Ольгохту.

Приказ № 647/оп следует понимать в буквальном смысле — захватить только Ольгохту. Это само по себе имеет большое значение. Как позиция или пункт для размещения, Ольгохта значения не имела. Но раз противникам приходилось находиться на Волочаевке и на Ине, — Ольгохта, как раз посередине, имела большое значение как для охранения, так и для разведки, давая большие преимущества той стороне, которая держит этот пункт. В смысле охранения она давала спокойствие и отдых, т. к. пока в своих руках — можно было не беспокоиться о неожиданном наступлении противника и не быть в большой боевой готовности. Это обозначало, что противник не только за Ольгохтой, но ещё дальше, примерно на полпути от Ольгохты, на 35–40 вёрст, тогда как для другой стороны это обозначало, что ближайшие части (охранение) противника — в 10–15 верстах.

То же и с разведкой. Одна разведка имеет возможность находиться постоянно в этих 10–15 верстах от своего противника и проникать ближе к главным силам противника, другая имеет такую возможность лишь по отношению к передовому отряду на Ольгохте, а главные силы врага очень далеко. При захвате пленных, пленный со стороны, владеющей Ольгохтой, может показать лишь то, что делается на Ольгохте и очень мало о главных силах, а пленный с другой стороны может дать сведения о главных силах. И действительно, наши развед. сводки систематически (31/XII, 2/I) отмечают захват пленных и их подробные показания о том, что делается на Ине, а Покус жалуется, что «приток живых сил произведён был белыми настолько скрытно...» (стр. 50). Впрочем, тут следует отметить и более удачные

действия нашей разведки, которая периодически захватывала пленных, а красные не могли.

Наверное, красные понимали это значение Ольгохты. А если вначале и нет, то после 5/I, владея Ольгохтой 3 дня, они увидели, насколько спокойнее можно себя чувствовать на Ине, если Ольгохта в своих руках и противник не в 10–15 верстах, а где-то за Ольгохтой.

Естественно, что они решили вновь захватить её, как только потеряли 9 января (или 8-го?). Для этой задачи ком. Свод[ной] бриг[ады] послал Тр[оицко]-Савский полк — или чтобы воспользоваться его свежими силами и познакомиться с его боевыми качествами, или это должно свидетельствовать о том, что пехота ещё не оправилась от боёв. Вообще говоря, посылать конницу ночью и для захвата пункта, к тому же несколько укреплённого, — не особенно разумно.

Конечно, окончательно этот вопрос о приказе № 647/оп от 10 янв. можно будет вполне ясно решить, рассмотрев и события 11 января. Был ли Тр[оицко]-Савский полк авангардом всех сил красных в новом наступлении на Хабаровск, или его задача была только занять Ольгохту, а главные силы оставались на Ине, — покажет рассмотрение следующей главы.

Об этом в следующий раз, а пока о Вашем письме, полученном мною вчера. Тороплюсь, и потому очень кратко. Книгу о Китае ещё не получил, но очень благодарен за любезность. Большое спасибо также за вырезки о Мартынове. Ну и мерзавец же оказался!

Статью Белова вышлю отдельно, но об Унгерне там уже ничего нет. Или какая-то галиматья о разговоре с духом Унгерна в таинственной монгольской пещере.

Очень Вы меня заинтересовали Вашей 3-й книгой и озадачили. Удивлён и содержанием книги, и её необычным заглавием. Как будто она относится и к Хабаров. походу и в то же время является сборником из другого материала. Видали ли Вы ген. Вержбицкого и не удалось ли Вам переговорить с ним и что-нибудь из него вытянуть для истории похода?

Пересылка писем не составляет значительного бремени моему бюджету, да кроме того я добровольно увеличил этот расход, посылая заказными письмами и никак не могу ставить это в Ваш счёт. Посылаю так из боязни потери и нежелания из-за такой возможности переписывать вновь, чего очень не люблю. Кроме

того, я сильно сомневаюсь, что Ваша книга может оправдать себя, и думаю, что Вы терпите убытки ради пользы для русской истории и любви к прошлому. Поэтому я отказываюсь от возмещения моих ничтожных расходов.

О прочем в следующий раз.

Желаю всего самого лучшего.

Искренне Вас уважающий А. Ефимов

Вы, наверное, читали, что красные на Дал. Востоке отменили подати крестьянам, увеличили плату рабочим и жалованье армии. Боятся войны. И эти меры — аналогичные «денежной дымовой завесе» — показывают опять, что красные быстро соображают, как укрепить своё положение в критический момент.

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

21 января 1934 года
А. Г. Ефимову
1324 Скотт Стрит
Сан-Франциско, С. А. С. Ш.

Господин полковник,

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Ваше письмо от 5 декабря получил 4 января. Вам последний раз писал 12 декабря. Ещё раз приношу Вам свои извинения из-за необдуманного помещения недостаточно проверенного показания ген. Сахарова и полк. Александрова в главе о первом Ине. Из Ваших двух последних писем вижу, что данному показанию Вы придаёте очень большое значение, да это, конечно, и понятно. Во всяком случае, прошу верить, что поместил я это показание не из-за желания причинить Вам неприятность, но, как писал Вам в предыдущем своём письме, явилось оно в результате напора со стороны трёх лиц: ген. Сахарова (главным образом), полк. Попова и полк. Александрова. Как раздумал я потом, так, пожалуй, главным зачинщиком, хотя бы и тайным, является Александров. Конечно, он не имел в виду причинять Вам неприятность, но хотел самообелиться. Он воспользовался легкомыслием ген. Сахарова, и последний, не разобравши брода, сунулся в воду. Относительно Вашей заметки о стр. 36 я должен сказать, что написана она без влияния ген. Сахарова — моё впечатление и впечатление моих однобатарейцев, ОДНАКО, без напора на

опоздание и указания на появление Иж[евско]-Вот[кинской] бригады уже по полном откате Поволжской бригады, на полном свету. Здесь — исключительно мой недосмотр в составлении первой фразы, коя не была исправлена ни Вами, ни ген. Сахаровым, ни иными лицами, хотя я сам лично и некоторые из лиц определённо имели мнение о подходе Иж.-Вот. бригады к Ину в полумраке (такие показания я, например, получил от Топорова, Наумычева, Сажина). Но, повторяю, при написании первой фразы этого отрывка, обратив внимание читателя на разновременность наступлений белых частей, я упустил оборотную сторону — точное указание подхода Иж.-Вот. бригады. В следующей книге с большим удовольствием помещу Вашу заметку об этом в Вашей редакции.

Буду ждать от Вас дальнейшего разбора моей книги, но прошу верить, что своею задачей я ставлю не опоганивание кого-либо, а восстановление и запечатление былого, имея безусловную симпатию к этому ушедшему. Буду надеяться, что допущенные мною ошибки укажут мне более правильные пути в изложении иных материалов, и при помощи Ваших советов и поправок события будут излагаться достаточно правдиво и гладко. Относительно Сахарова скажу, что он, безусловно, имел и имеет тенденцию выставления себя на первое место. Вначале он не имел в виду лить грязь на ген. Молчанова и Вас, а хотел бы, чтобы я в своём писании бесконечно слал бы ему комплименты, затушёвывая ген. Молчанова и всех остальных. Очень жаль, что о докладе ген. Сахарова в Сан-Франциско Вы написали мне только после выхода первой книги, ибо этот доклад и впечатления от него я невольно положил в основу первой книги, тем паче, что по словам Сахарова доклад этот был прочитан в Обществе с безусловного ведома ген. Молчанова. В действительности дело оказалось не совсем так. Теперь, конечно, влияние Сахарова на дальнейшее будет очень слабо, или его совсем не будет, но, конечно, жаль, что две книги имеют некоторый отпечаток рук Сахарова.

Ваше поздравление я передал Вашим подчинённым и сотрудникам через газеты. Жена же и я сердечно благодарим за Ваше поздравление.

О книге Апрелева: книга ерундовская. По существу — альбом избитых и всем известных фотографий Царской Семьи. Писание же Апрелева слишком скудно и малоговоряще. Шум вокруг неё — издана она Алтадуковым (хозяин газеты «Слово»),

автор — сотрудник «Часового». В Шанхае она разошлась очень слабо, в Европе, говорят, также слабовато, ибо никто не хочет покупать имеющиеся у них фотографии за три рубля. Теперь Алтадуков выпустил следующую книгу Апрелева за полтора рубля. Книга эта называется что-то вроде «Нашей смене» и состоит опять из всем известных фотографий да Апрелевской писанины — сладкой, до некоторой степени высокопарной и совсем малоговорящей. Его писания мне совершенно не нравятся. Получили ли Вы посланную Вам из Харбина книгу Арнольдова «Китай, как он есть»*?

С данным письмом посылаю Вам первую часть следующей моей книги — «Борьба на Урале»** (или «Молодая армия» — какое наименование Вы посоветуете?), а также две главы третьей части. Две остальные главы третьей части пошлю Вам через месяца полтора совместно со второй частью. Для Вашего осведомления прилагаю: оглавление третьей главы III части и набросок оглавления II и IV частей. Хотя Вы и не были в это время на Урале, но я надеюсь, что Вы не откажете дать поправки, кои Вы сочтёте необходимыми и желательными.

Третью книгу «Белоповстанцев» я полагаю выпустить после выхода данной первой книги о борьбе на Урале по той причине, что хотелось бы использовать Токаревского, коего мне всё время обещают достать, но коего пока что я не получил.

Так как теперь, с просмотром «Борьбы на Урале» в Ваших письмах будет трактоваться о двух материях, то я просил бы Вас, если то, конечно, Вас не затруднит, нумеровать страницы не в каждом письме с № 1, а как то было у Вас в самом начале: в общем порядке, всё возрастающем, при этом имея две параллельные нумерации: одна для «Белоповстанцев», другая для «Борьбы на Урале». Кроме того, дабы легче мне можно было бы использовать Ваши письма, не можете ли Вы оставлять с одного конца (внутреннего) полосу в полтора пальца шириной: письма Ваши я помещаю в папку, но так как текст начинается с самого края, то при чтении приходится каждый раз раскупоривать папку.

---

* *Арнольдов Л. В.* Китай, как он есть: быт и политика. Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Русская типография «График», 1933. — *Прим. сост.*

** Книга была издана осенью того же года под названием: *Филимонов Б. Б.* На путях к Уралу: поход степных полков, лето 1918 г. Шанхай: Изд-во Т. С. Филимоновой, 1934. — *Прим. сост.*

Ещё о третьей книге «Белоповстанцев» — как бы там ни было, но перепечатку составленного текста этой книги я полагаю начать в самом ближайшем будущем.

У меня возникла некоторое время тому [назад] мысль: не следует ли некоторые отрывки из моих двух книг «Белоповстанцы» перевести на английский язык и пустить одной небольшой книгой? Каково по сему предмету Ваше мнение? Могла бы такая книга иметь успех в Америке? Какой формат, какое количество страниц и какая продажная стоимость существуют в Америке для подобного рода книг? Конечно, ввиду сравнительно дешёвых условий издания такой книги в Азии её лучше будет издать здесь, но кто мог бы распространять её в Америке? Нет ли у Вас связей с тамошними книжными издательствами, книж. торговлями? Быть может, из этого может получиться какой-либо прок и английским изданием окупить русские издания?

Чем Вы болели? Как сейчас Ваше здоровье? Как провели праздники? Относительно денег за вторую книгу я полагаю, что они должны пойти на покрытие Ваших расходов в связи с содействием мне по выпуску книг, но я просил бы Вас, если то не выйдет из рамок Ваших расчётов, уплатить «Вестнику» подписную плату, дабы они направили мне все номера, начиная с того, коим они остановили присылку.

Привет генералу Молчанову, Вашей семье. Кончаю, так как нужно ещё написать два письма. Сегодня воскресенье — сижу дома. В будни же в этом году работаю в конторе до $7–7^1/_2$ вечера — с каждым годом всё увеличивают накладку. Будьте здоровы. Всего самого лучшего.

Искренне уважающий Вас —

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

25 февраля 1934 года
А. Г. Ефимову
1324 Скотт стр.
Сан-Франциско.

Господин полковник,
Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Большое спасибо за Ваше письмо от 10 января, кое я получил 14 февраля. Вам я отправил последнее письмо 21 января,

когда послал также черновик моей третьей книги: «На путях к Уралу». Получили ли Вы этот материал? Сейчас пишу кратко. У Вас будет, конечно, вопрос: что я делал и что сделал за этот месяц. К сожалению, ничего утешительного сообщить не могу: дело моё почти не подвинулось вперёд, хотя собак я и не гонял. Ниже я пишу об этом, и Вы сами увидите, что бесцельная, глупая переписка с парой прохвостов поглотила массу времени, и по сие время дело стоит на мёртвой и неопределённой точке. Если б Вы могли мне посодействовать своим протестом, то я был бы Вам чрезвычайно признателен. Перехожу к делам.

«На путях к Уралу» — материал, посланный Вам 21 января. Собственно говоря, это НЕ черновик, а только наскоро сколоченный сырой материал. Просматривая внимательнее, я вижу, что там попадается масса противоречий, нескладностей и пр. Всё это я буду обрабатывать и о своей разработке буду ставить Вас в известность посылкой копий переработанных мест. Из наиболее грубых расхождений укажу на совершенно ЛОЖНУЮ оценку положения и задач на конец июля и начало августа, почерпнутых мною из записок Смолина. Теперь: произведя приблизительный учёт материала, я увидел, что первая книга о борьбе на Урале может только охватить действия отряда ген. Вержбицкого: июль–сентябрь 1918 г. Действия под Екатеринбургом (в том числе посланная Вам глава «Восстание в Красноуфим[ском] уезде») не могут войти в первую книгу из-за отсутствия достаточного места в этой книге. Во всяком случае, просматривайте написанное мною и давайте Ваши советы, но ряд противоречий не затрагивайте, т. к. я их буду сглаживать.

«Белоповстанцы»: большой бой под Волочаевкой. До сих пор не получил книги Токаревского. Как только будут у меня свободные минуты, так начну приведение в общий порядок глав этой книги и по главам буду пересылать Вам для тщательной разработки и пересмотра. Книгу о борьбе на Урале я полагаю сделать более лёгкой, но Хабаровский поход разработать серьёзно.

Английский перевод. Я Вам писал и просил, если возможно, что-либо узнать по сему предмету, т. к. хотелось бы перевести отрывки из «Белоповстанцев» на анг. язык. Этим, я думаю, будет возможно до известной степени перекрыть бесприбыльность русского издания. И. И. Серебренников[182], быв. министр Сиб[ирского] правительства, сообщил мне, что

он продал в Америку свой труд за 400 ам. дол. (его труд — воспоминания 1917–22 гг.). Постарайтесь завязать связи с америк. книж. делами.

Ваша собственная работа. Вы мне очень многим помогаете. Я полагаю, что Вас мог бы отблагодарить тем, чтоб ИЗДАТЬ Вашу собственную работу, в которой Вы изложили бы то, что сами желаете и как желаете. Вы пишете и хорошо пишете, в значительной степени оказываете влияние на мою работу, ибо из Ваших писаний я беру целые отрывки, приклеивая своё имя, но, с другой стороны, некоторые и существенные места я всё же делаю на свой собственный лад. Вот поэтому-то я считаю, что Вы ДОЛЖНЫ выпустить свою собственную книгу. Конечно, в Америке сделать это невозможно. Сделаем тогда сообща. Ваши мысли, воспоминания, оценки — мысли, воспоминания оценки КОМАНДИРА ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ, безусловно, представят большой интерес. Вы спросите — что ж замышляет Филимонов? Я скажу: одна, две книги — кустарное дело. Две первые книги почти покрыли себя, но Европа свободна. Туда можно двинуть, но книжные торговцы — мошенники, и, увы, мошенник и В. В. Орехов — редактор-издатель «Часового». Контора ограбила меня в отношении отпуска, но я хочу проехать в Европу, и потому я должен что-то сделать. Я полагаю, что, выпустив шесть–восемь книг и провезя их в Европу, можно будет покрыть проезд туда и назад по дешёвому классу, получить связи с Европой и кое-что подработать. Такова идея. Стоимость (расходы по изданию), я полагаю, Дальний Восток может окупить. Поживём-посмотрим. С Вашей книги известный процент чистой прибыли, безусловно, пойдёт Вам. Пишите, что об этом думаете.

Скандал с первой книгой «Белоповстанцы». Из прилагаемых к данному письму копий моих писем Зайцеву и Орехову Вы видите сами, что сии господа, выманив у меня мою книгу (первый 50 экз., второй 24 экз.), распоряжаются ею как своею собственностью и разбазаривают за полцены. Орехов, видимо, намеревается расплатиться со мною не деньгами, а объявлениями. Почему я так определённо пишу — да потому, что подобный номер Зайцев, «Петрополис» и Дидковский выкинули с ген. Зайцевым («Соловки»), Кочаровским («Отравленный рай»). На днях я хочу обратиться к Литерихсу за содействием, а также написать и Бурцеву. Буду биться с негодяями. Но унывать не собираюсь.

Пять книг в Ваш адрес. Через Нагасаки направил Вам пять книг: «Чёрный год» (Унгерн и русские в Монголии) Носкова, «Диктатор» I и II части Колесникова, «Святая Русь» часть II Колесникова и «Кунст-Альберс на Московской выставке». По прочтении этих книг, если они Вам не понадобятся самому, если Вы не захотите все их или некоторые из них удержать у себя, то благоволите переслать их моему однобатарейцу, проживающему в глуши Бразилии: Дмитрию Ионновичу Решетникову[183] по адресу: Бразилия, Гойаз Капитол. Это хоть и главный город провинции того же названия, но проживает в нём только 3000 жителей, и Решетников там всем известен, а потому улицы писать не надо.

Посылаю также книгу Вреде «Иван Петрович». В дальнейшем пошлю ещё партию книг. Получили ли Вы из Харбина книгу Арнольдова? Я не имею до сих пор оттуда сообщения о том, что они Вам выслали.

Местные новости. Ген. Смолин устроился с месяц тому назад управляющим одним небоскрёбом (7 этажей) на место брата ген. Глебова. Тот оказался непригодным. У Смолина после этого я ещё не был, но собираюсь. Живёт он хорошо — три комнаты. Слава Богу, а то здорово мучился.

Дробинина до сих пор не встречал — нет времени ни у него, ни у меня. В прошлое воскресенье на блинах у меня был корнет Василий Иванович Пикулев[184] — он мне основательно помогает в распространении книг.

Я писал Вам, кажется, что прапорщик Носков (нашей батареи) принялся мне помогать — стал картографом. Он уже вычертил (переснял и увеличил) карту Урала, район Екатеринбург–Челябинск–Уфа–Пермь–Ирбит. Сейчас он то же проделывает с Западной Сибирью.

Число японских магазинов растёт не по дням, а по часам. Говорят, что Япония соглашается на отмену экстратерриториальн[ости]..., если Китай признает Манчжу-го.

Реклама. Камкин[185] (книж. дело в Шанхае) собирается выпускать журнал, посвящённый исключительно критике и рекламе новых книг. Просит дать материал о моих работах. Хочу запросить Вас: как я должен говорить о Вас и Вашей помощи мне? Прошу Вас самого разработать текст и прислать мне. Уклонения не должно быть.

Привет ген. Молчанову и Вашей семье. Всего самого доброго.

Искр. уваж. Вас —

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

[1/III 1934 г.]
Получено 27/3/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

В последнем письме наскоро ответил Вам на Ваше последнее письмо от 12–20 декабря. Отвечу на то, на что ещё не успел.

Вы здорово крепко охарактеризовали Воеводу (ген. М. К. Дитерихс. — *Сост.*). Не могу не согласиться с Вашей критикой, но, к сожалению, ничего не поделаешь. Люди военные очень часто оказываются никуда не годными политиками. Воевода же вообще человек очень неудачливый, ему, кажется, нигде и никогда не везло. Будем надеяться, что в тяжёлую минуту найдутся другие люди, которые будут более счастливыми, а пока приходится группироваться вокруг старых вождей и начальников. Какое-то объединяющее начало должно существовать. Про арест Михайлова я ничего не слыхал. Кто, за что и выпущен ли он теперь? Если у Вас будут какие-либо новости, касающиеся разных событий с нашими военными группировками или отдельными чинами, я буду Вам очень обязан, если Вы будете об этом сообщать самым кратким образом или присылать вырезки из ненужных газет.

За последние сведения (о Дитерихсе, приезде Вержб[ицкого] и др.) и вырезки о Мартынове я Вам очень благодарен.

О Вашей книге. Вы говорите, что её можно назвать «Витязи Белого Приморья». И в ней будет «шатание ген. Сахарова» и разбор разных других ошибок. К такому содержанию это торжественное название «витязи» совершенно не подходит и звучит насмешливо.

Первой главой Вы помещаете «Ген. Молчанов как военачальник». Некоторая характеристика ген. Молчанова помещена в его биографии. Если Вы хотите охарактеризовать его подробнее на основании его действий в Хаб. походе, то это следует сделать в последней книге. В серёдке получается ни то ни сё. Я лично думаю, что достаточно полную и яркую характеристику ген. Молчанова на основании одного Хаб. похода составить довольно трудно. Лично я за это не взялся бы, а я знаю ген. Молчанова, возможно, как очень немногие. Затем Вы посвящаете целые главы отдельным поправкам. Неужели стоит так подробно писать об исправлениях, иногда совсем незначительных? По-моему, из всех

перечисленных Вами поправок не наберётся и одной хорошей главы, если, конечно, не вдаваться в излишние мелочи.

Затем Вы хотите поместить точку зрения на Хаб. поход ген. Глебова. О различных «мнениях» и «точках зрения» я Вам писал не раз, но, видимо, напрасно. Но не сомневаюсь, что со временем Вы придёте к выводу, что все «точки зрения» являются почти всегда субъективными, освещают одну сторону вопроса и годятся лишь как сырой материал для сравнения с другими «точками зрения» и производства из них суммы некоторого более правильного и беспристрастного вывода. В частности, ради этого беспристрастия, которое необходимо для историка, Вы должны будете помещать и другие мнения и точки зрения, что уже совсем обратит Вашу книгу в сборник различных противоречивых материалов и мнений.

Кто желает выразить своё мнение, имеет полную возможность это сделать через газеты или журналы, а при большом желании и издать собственную книгу. По-моему, это и следует, ради справедливости к другим, предложить сделать ген. Глебову, направив его в «Часовой» или другой печатный орган. Если же он написал это специально для Вас, то его материал должен подвергнуться такой же переработке, проверке и исправлению, как и всякий другой. Помещать его целой главой под его именем будет, конечно, неправильным. Кроме того, я не сомневаюсь, что ген. Глебов, как лицо, препятствовавшее выходу в поход подчинённых ему частей и поэтому отстранённое от дел, напишет мнение отрицательное. Наверное, это будет на тему: «Хабаровский поход не имел смысла, и потому я в нём не участвовал и другим не советовал». Помещать такое или подобное мнение — это портить свой собственный труд.

Последней главой Вы намечаете «События в 1-й стр. бригаде перед походом». Это, безусловно, интересная глава, но непосредственно к походу не относится. Её можно было бы поместить в первой Вашей части, т. к. это относится к прошлому белых частей. Но так как теперь поздно, то, по-моему, лучше её поместить как приложение к какой-либо следующей книге. Возможно, и о других частях у Вас есть какие-либо сведения, дополняющие то, что было в первой части. К ним можно отнести хотя бы простое перечисление всех тыловых учреждений, поименованных в приказе № 234/а. О них у Вас, кажется, нигде не говорится, к армии они, собственно, не принадлежали

и достались по наследству от прежних правительств, большей частью как неотъемлемая собственность Владивостокской крепости. Так же они перешли и дальше к красным. Интересный пример живучести тыловых учреждений среди разрухи Гражданской войны, в которой рождались, вырастали и уничтожались целые армии, а санитарные поезда, инженерные дистанции и вещевые склады благополучно переходили из рук в руки почти без изменений в личном составе. Это была своего рода «материальная» часть армии, в которой нуждались обе стороны. Даже названия и номера учреждений этого рода пережили все правительства и остались, по-видимому, неизменными, какими они были во время Императорского Правительства.

Интересно, откуда Покус взял, что авангард Поволжской бригады оторвался? Кто же тогда атаковал Н.-Спасское?

Относительно «сражения» и «боя» я Вам написал уже все свои соображения. Ген. Молчанов по этому поводу мне ничего не говорил и не придаёт этому значения. Всё, что я писал о названии III книги, — мои собственные соображения. Ещё только скажу, что новое Ваше предположение «Большой Волочаевский бой» тоже, по-моему, не подходит. Все важнейшие исторические бои носят обычно краткое название по местности: «Полтава», «Бородино», «Мукден», «Галицийская битва» и т. д. Иногда второе название, реже применяемое: «Лейпциг» — «битва народов»... Если Вы хотите оттенить этот бой как важнейший бой похода, то лучше и сделать подзаголовок или второе название, примерно: «Февральский бой под Волочаевкой», «Решающий бой похода» или «Решение судьбы похода». Название «сражение» я считаю не тенденциозным, а нежелательным по мотивам некоторой рекламности.

Вы пишете, что под Волочаевкой решилась до некоторой степени судьба похода, а окончательное решение считаете за боем под Васильевским. Это неверно. Конечно, окончательное решение было у Волочаевки. В этом не приходится сомневаться. У Васильевки (вернее, у Бикина–Васильевки) было намерение ген. Молчанова вырвать победу у красных и вновь двинуться вперёд. Эта попытка так и осталась попыткой и не изменила того хода событий, который начался нашим отступлением 12/II.

Если бы бой под Васильевским был удачен, — он был бы решающим боем для нового периода похода. Но только если бы он повёл к очень решительным сокрушающим результатам,

к новому захвату Хабаровска и глубокому продвижению в Амурскую область, его можно было бы поставить впереди Волочаевки 10–12/II. Важны результаты боя, а не те предположения, которые ставились как цель, но не осуществились. По цели, которая преследовалась, очень многие бои могут быть названы решающими, но бой кончался не так, как предполагалось, и приходилось начинать вновь, или внешние обстоятельства заставляли искать иного выхода.

Поправку свою к 1-му Ину я немного обмозгую, чтобы не было излишне резко, и сообщу потом.

Стих «О поле, поле...», по-моему, очень подходящ для III книги.

Книги красных авторов «История Гражд. войны» я не видал. Как общий очерк войны, дающий довольно полную картину всей Гражд. войны (кроме Забайкалья и Приморья), особенно в смысле стратегич. обзора, интересна книга Н. Какурина «Как сражалась революция»*. К этой книге (2 тома) есть отдельно пакет со схемами, очень ясными, отпечатанными в несколько красок. Труд, конечно, с красным духом, но может служить хорошим пособием как справочник.

Полный состав ни в коем случае не стоит принимать за боевой. Всё равно, как бы эти нестроевые ни были годны для строя, — управлять лошадьми, варить кашу, лечить и т. д. кому-то надо, и все эти люди в бою не участвуют, и причисление их к боевому составу даёт неверное сведение о наших силах. Кроме того, в некоторых частях (напр., Иж.-Вотк. бриг.) я всегда давал цифры действительно боевого состава, в других иначе — всё это приводит к путанице.

Вы стали задавать довольно щекотливые вопросы. В этом письме о Вержбицком и Смолине. Отвечу, однако, на них откровенно — конечно, лично для Вас.

О деятельности Вержбицкого во Владивостоке я судить не могу, не имея на то достаточно данных. Действительно, как будто в тылу скопилось много «окопавшихся», и их не жали. Однако этот тип «военных» людей не был особенно желателен на фронте по своим деморализующим качествам. Надо было иметь другие общие условия как на фронте, так и особенно в тылу, чтобы

---

* *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М.–Л.: Гос. изд-во, 1925–1926. — *Прим. сост.*

этот элемент прибрать к рукам, скрутить, дисциплинировать и получить от него какую-либо пользу. Все лучшие начальники были в походе или в экспедициях против партизан, а для такого элемента как раз и нужны начальники и достаточно авторитетные, и весьма крепкие по характеру. И на войну, и на большой сравнительно с армией тыл не хватало нужных людей. Затем, по-видимому, ген. Вержбицкому не хватало времени заниматься этими вопросами. По своему положению военного министра ему приходилось вариться в сложной политической обстановке среди раздробленных русских групп, японцев и т. д. От всех надо было вырвать что-то для армии, чтобы не дать ей голодать, обуть, одеть, где-то раздобыть оружие и огнеприпасы. Всё это, особенно добыча денежных средств, требовало огромных усилий и не мудрено, если «чистка» тыла отодвигалась на второй план. Не воспользовались ли [Вы] присутствием ген. Вержбицкого в Шанхае, чтобы лично переговорить с ним о важнейших делах, и не удалось ли Вам достать у него приказы, сводки и т. п.?!

Со Смолиным я знаком не очень хорошо. Видел его немного в Забайкалье, затем во время Анучинского похода и под Васильевским. Недостаточно, чтобы судить о нём как о боевом начальнике. Впечатление неровное. Как будто иногда он действовал довольно энергично и хорошо, но в другие разы очень слабо. Под Васильевским мне его действия не понравились. Вначале всё было хорошо. Он вовремя выдвинул меня против обходной колонны красных, и по началу можно было судить, что мы под его руководством разобьём красных и имели к тому все данные. И вдруг неожиданное отступление. Я всё-таки не думаю, что ген. Смолин сделал это умышленно, чтобы напортить Молчанову. Как раз бригада 3-го корпуса и сделала своё дело отлично, и очередь была не только за ген. Смолиным, но и за его коренной частью — Омской бригадой. Отступая умышленно, он портил прежде всего и себе, и своему корпусу, что ставило его в особо невыгодное положение по сравнению с 3-м корпусом. Навряд ли можно проделать это умышленно?!

Но в то же время трудно подыскать достаточное объяснение и быстрому отступлению. Существующие объяснения: обход красных по китайской территории и атака во время смены — весьма слабы. Против обхода (глубокого) в Ново-Покровском находилась целая 1-я стр[елковая] бригада, бывшая в общем (ген. Молчанова) резерве, но которую ген. Смолин всегда мог

получить в своё распоряжение. Она и была расположена на Уссури, а не на жел. дороге, чтобы ещё больше усилить устойчивость Уссур[ийской] группы. Во время смены в окопах находится двойное количество бойцов, и если смена происходит мало-мальски по правилам и с минимальными предосторожностями, то самый момент смены не является опасным. Наконец, оборона базировалась на контратаках резервов. Нельзя очищать всю позицию, если противник выбил из окопов роту или даже целый полк. У ген. Смолина было в подчинении три бригады, а с 1-й так и целых четыре, а фактически все боевые действия ограничились лишь участком Иж.-Вотк. бригады.

Ген. Молчанов был также поражён неожиданным и быстрым отступлением от Васильевского. За несколько минут до отступления он разговаривал с ген. Смолиным по телефону, и последний доложил, что всё идёт отлично. Ген. Молчанов донёс о полной устойчивости на фронте во Владивосток генералу Вержбицкому. И не прошло и часа, как ген. Смолин доносит об отступлении в Ново-Покровское, причём из этого последнего пункта по телефону на раз[ъезд] 485, где была телефонная станция.

Таким образом, отступление носило весьма поспешный характер, и ген. Смолин не успел даже об этом донести из Васильевского. Я, помню, получил приказ направить срочно в Васильевский один полк на помощь. Я назначил Ижевцев, находившихся в резерве. Но не успели Ижевцы построиться, как я получил новый приказ — отходить кратчайшим путём на Ново-Покровский.

Настоящие причины отхода, и притом весьма поспешного, остались для меня неизвестными. Возможно, что тут причина лежит в полк. Аргунове и его бригаде. Может быть, произошло что-нибудь подобное, что было ночью 5/I под Волочаевкой, но не удалось справиться с паникой. Наверное, Вы имеете объяснения полк. Аргунова, а также можете кое-что разузнать у ген. Смолина, ведь должен же он дать объяснение случившемуся. Однако дело до Васильевского и периода отступления дойдёт не скоро, поэтому не буду больше входить в подробности.

Клаузевица читал только в выдержках. Мнение моё о нём примерно такое, какое может иметь букашка о слоне, сравнивая свои и слоновьи размеры. Слон и думает иначе, и потому постичь его требуется порядочное время; как роман — не прочтёшь!

Конечно, советую прочесть и по возможности вникнуть в сущность дела. Личный боевой опыт и впечатления и работа Ваша над Хаб. походом, который дал много примеров наступательных действий и явился в целом примером стратегического наступления, помогут Вам в усвоении этой премудрости, и обратно: выкладки военного мудреца помогут разобраться и оценить практический опыт. Надо только всё время помнить об особом масштабе и условиях Гражданской войны.

Перехожу на главы IX, X и XI Вашей книги. Это главы о Втором Ине, из области событий, в которых я не принимал участия, так сказать, — чужое хозяйство. Я старался в это хозяйство по возможности не вмешиваться, дабы участники могли изобразить дело, как они помнили, а Вы бы могли дать свою оценку без моего придирчивого вмешательства.

Теперь же я считаю желательным хотя бы для Вашего личного сведения сделать свою оценку и внести свои поправки. Пожелаете ли Вы вносить некоторые из этих исправлений и оценок как дополнения к этим главам в отделе прочих исправлений, — это целиком Ваше дело.

В главе IX лишь сравнительные пустяки. На стр. 125 у Вас: «К частям своей бригады (3-й отряд) полк. Макаренко присоединился...» Вернее, отряд его, т. к. сам полк. Макаренко никогда в бригаде не числился и даже временно никогда не прикомандировывался.

На стр. 130 есть фраза из разведки Упр. Генкв. о пленном, взятом 8 января в районе Ольгохты. Перед этим: что головная застава красных оттянулась на будку в 12 в. от Волочаевки. 9-го подполк. Торопов взял Ольгохту (стр. 131). Видимо, указание, что пленный взят в районе Ольгохты 8 января, неверно. Или же Торопов захватил Ольгохту 8-го?!

Случай на стр. 132 — нападение красных на Волочаевку в ночь 9–10 января — по моему, очень сомнительный. Не перестрелялись ли Пластуны с кем-нибудь из своих? На этой же странице у Вас очень странное указание об «отсутствии письменных или словесных показаний старших белых начальников, проводивших эту операцию». Неужели все они (Сах[аров], Аргун[ов], Александр[ов]) отказались дать свои показания? Это говорит не в их пользу. При победах изобилие живописных красок, «гром победы, раздавайся», а при неудачах — даже объяснений к обстановке нет.

Впрочем, дальше есть попытка взаимного обвинения в замечаниях Сахарова и в письме Аргунова. Они заслуживают большого внимания для характеристики действующих лиц как командного состава, и я на них остановлюсь подробнее позднее. Это поможет решить и некоторые более тёмные места прошлых событий. Да и вообще качества командующих лиц имеют большое значение, и к этому следует относиться внимательнее.

На этой же странице (стр. 132) Вы называете план движения на Ин полковника Аргунова (1-й отряд к югу от жел. дороги) — рациональным. К югу от жел. дороги местность была всюду открытая и никакой необходимости двигаться или наступать по такой местности не было. Двигаться вообще следовало по одной дороге. Сбивать передовые части противника лучше всего было охватами и угрозами, глубоким обходом отрезать от тыла и развёртывать части к югу от жел. дороги не было смысла. Под самым Ином, конечно, желательно было привлечь внимание противника к фронту, и здесь было бы лучше всего наступать по обе стороны жел. дороги и на возможно [более] широком фронте. Но ведь до Ина дело не дошло!

На стр. 138 Вы пишете, что местность к югу от полотна была открытая и не допускала маневрирования. Открытая местность может и не допускать маневрирования, но может свободно допускать (ровное поле, особенно удобное для кавалерии), но неблагоприятна для скрытого маневрирования и, следовательно, ведёт к большим потерям.

X глава у Вас начинается весьма существенным вопросом и очень интересным: что представлял [собой] 2-й Инский бой. Вопрос этот Вы отказались разрешить. Но данных вполне достаточно, чтобы дать вполне определённый ответ.

Конечно, предположение о встречном бое главных сил противников приходится отбросить. Я уже писал, что приказ № 647/оп следует понимать в самом буквальном смысле — захвата Ольгохты ввиду важного значения этого пункта для охранения и разведки. Сильно обессиленные красные (большие потери в пехоте, которые не вознаграждались прибытием 500–600 сабель Троицко-Сав. полка, или даже по Покусу и полной тысячи) не могли начать через 5 дней после поражения нового большого наступления. Дальнейшие события показывают, с какой осторожностью и тщательной подготовкой красные стали готовиться к февральскому наступлению.

Наконец, и описание боя участниками даёт очень много указаний на то, что этот бой совершенно не похож на встречу с главными силами красных. Прежде всего, следует отметить полное отсутствие у красных полевой артиллерии. Могли ли красные, чувствуя себя достаточно сильными для нового наступления, отказаться от содействия своей артиллерии? Бой шёл целый день, а артиллерия красных не успела стать на позицию и открыть стрельбу?! Ясно, что она и не двигалась с Ина. Красные нанесли потери белым своими пулемётами, очень хорошо прикрытыми: «За тремя бугорками, находившимися против левого фланга Пластунов, белоповстанцы обнаружили следы пулемётов. Их было пять» (стр. 146). Это также говорит ясно, что красные пулемёты били фланговым огнём, наиболее уничтожающим. Уфимцы также говорят (стр. 142) о перекрёстном огне 3 пулемётов «два... били слева,... а третий бил справа (с севера)».

Знаменательно также указание Пластунов, занявших позицию красных, о «небольших снежных окопчиках, вырытых наспех во время самого боя».

Полное отсутствие артиллерии красных, небольшое количество пулемётов, но действовавших очень искусно, наспех вырытые окопы — говорят определённо, что здесь был лишь небольшой отряд красных. На этом, видимо, сходится и «весь белый лагерь» (стр. 151). Безусловно, следует согласиться с Вашим первым предположением на стр. 139, что это была «атака превосходящими силами случайной позиции передового (?) отряда противника». Остаётся разгадать, почему красные вели здесь бой и почему проявили такое упорство.

Из описания боя видно, что они едва держались, и, когда какую-то поставленную им задачу выполнили, они поспешно отступили, не подобрав не только убитых, но даже тяжелораненых (стр. 146). Видимо, задача эта была очень важна и поставлена была слишком определённо, что небольшой красный отряд держался так долго и упорно.

Подозревать о каких-то событиях в тылу (напр., эвакуация Ина) у нас нет никаких оснований. События же в районе столкновения приводят к единственному выводу, что красные спасали свой бронепоезд, и пока сожжённый мост не был восстановлен — они упорно сдерживали натиск превосходящих сил белых.

В этом упорстве нет ничего необыкновенного. Красные до Хабаровска отступали весьма поспешно и не особенно стеснялись

отдавать нам деревни, станции, целые районы, наконец, Хабаровск... Но они проявили необычайную энергию под Дормидонтовкой, чтобы выручить свои застрявшие бронепоезда и составы, рискуя большими неприятностями от наступавших с фронта главных сил белых и от проникшего в тыл конного отряда. Ту же картину — спасти свои поезда — мы видим и у Покровки, на сей раз очень печально для красных окончившуюся.

Легко отдавая пространство, красные упорно отстаивали своё боевое имущество. Особенно, видимо, они берегли свои бронепоезда. На них и коммунистический состав был усиленным. И не поздоровилось бы командиру пехотной части, если бы он легко, после нескольких выстрелов, отступил и сдал противнику застрявший бронепоезд. Таким образом, вместо захвата красного бронепоезда, бывшего, собственно говоря, уже в наших руках, мы понесли огромные потери, повлиявшие вместе с другими причинами на отказ от дальнейших активных действий. Невольно вспомнишь фразу Юлия Цезаря: «Лучше стадо баранов, предводительствуемых львом, чем стадо львов под предводительством барана». Доблесть и порыв наших свежих подкреплений, использованные самым преступным способом, привели к непоправимому ущербу.

У красных наоборот — небольшой отряд, судя по числу пулемётов не превосходивший полка, мог блестяще выполнить свою задачу, т. к. не боялся быть отрезанным. Мне кажется, что если теперь красные прочтут Вашу книгу, они задним числом наградят этого командира отряда орденом красного знамени. Тогда они не могли знать, что силы белых превосходили их во много раз.

Переходя опять к Покусу, становится малопонятным, почему такой интересный и продолжительный бой проскользнул у него между пальцев. Однако следует признать, что было бы ещё более непонятным, если бы Покус пропустил второе большое наступление всех сил красных. Это второе наступление не могло бы произойти без соответствующих приказов и, следовательно, оставило [бы] тот или иной след в архивах. А случайный для красной стороны бой 11 января, разыгравшийся для спасения бронепоезда, мог не оставить документов, и о нём командир бронепоезда и начальник пехотного отряда доложили устно. Этим можно объяснить, что бой 11 января в своём настоящем виде ускользнул от Покуса и перемешался с боем 5/I. Тут же можно найти некоторое объяснение

словам Покуса об учитывании удачных действий Ос. Амур. полка, которому удалось будто бы захватить Ольгохту, но он был выбит подошедшими подкреплениями белых. Надо думать, это был не Ос. Амур. полк, а Троицко-Савский, действительно выбитый или отбитый от Ольгохты вечером 10/I. Особый же Амур. полк или часть его были выброшены вперёд для спасения бронепоезда, как более надёжная часть. О том, что это был не передовой отряд, действовавший с бронепоездом, а выброшенный срочно с Ина, когда это потребовалось для спасения бронепоезда, мне говорил полк. Лебедев.

Я у него расспрашивал о бое 11/I для своего доклада по поводу 10-летия похода. Узнав, что «Второй Ин» был не под Ином, а всего верстах в 10 от Ольгохты, я сразу же спросил: «Откуда же взялись красные?» — «Приехали в эшелоне», — положительно ответил Лебедев. Я опять усомнился такому необыкновенному способу со стороны красных. Лебедев удовлетворительно мне объяснить не мог и предполагал, что тут у красных была очень хорошая позиция. Но, конечно, красные не могли выбирать для себя позицию ближе к противнику (Ольгохте), чем к себе. Позиция оказалась случайной, и появление пехоты можно объяснить только срочным требованием бронепоезда о помощи. О сравнительно позднем появлении пехоты свидетельствует показание Зелёных: «Одновременно было установлено, что по восточной опушке дальнего леса рассыпается красная пехота» (стр. 138).

Во многих показаниях белых есть кое-какие противоречия, вернее, странности, особенно у Камцев, которые погнались за какой-то «цепочкой красных конных» (конница в конном строю имеет рассыпной строй и лаву, а цепь — только в смешанном), и «цепочка» куда-то исчезла. Но всё же я не нашёл ни одного места, в котором был бы намёк, что здесь были значительные силы красных. Также нет никакого намёка, что красные пробовали сами перейти в наступление, что было бы вполне естественно, если бы это было встречное наступление главных сил противников, естественное особенно после того, как белые были отбиты с большими потерями. Наоборот, красные преследовали исключительно оборонительные задачи. Кроме отличного действия пулемётов, следует отметить также большую дисциплину и выдержку при открытии огня. По показаниям Уфимцев красные открывали огонь, подпуская их на 200 шагов, по Пластунам — 300 шагов, Камцев обстреляли с 500, когда они повернули.

Однако, несмотря на весьма искусные и успешные действия, им приходилось туго, и они поспешно отступили, как только получили на это разрешение, и это совпало с атакой Пластунов. Я считаю, что всех указанных данных более чем достаточно, чтобы установить, что со стороны красных действовали не все их силы, а лишь небольшая часть, и что это было не новое наступление на Хабаровск, также не оборона передового отряда на заранее выбранной передовой позиции, а оборона отряда, срочно выдвинутого для спасения бронепоезда на случайной позиции.

Обида берёт, когда читаешь описание этого боя. Большие силы белых, из которых значительная часть была свежих и рвалась в бой, не могли справиться с небольшим отрядом красных и выпустили случай захватить их бронепоезд.

Впечатлительный и нервный ген. Сахаров отказался даже от того более почётного завершения этого начального дня, которое предлагали ему неожиданно красные, отступив в конце боя. Если бы позиция красных была бы занята целиком, занята была бы будка № 2, убраны все убитые и вывезены раненые красные, что можно было бы сделать постепенно, то можно было бы считать, что красные были в конце концов опрокинуты, а мы не отступили, а отошли на ночлег после тяжёлого боя и невозможности ночевать в поле из-за холода. Сахаров не воспользовался этим почётным выходом, и лишь одним Пластунам принадлежит (хотя и слабо утешительная) честь позднего захвата вражеской позиции.

Из мелочей в X главе отмечу: на стр. 142 у Вас командир 1-й роты убит, а потом опять 1-й же роты, но другой, ранен. На стр. 143 у Вас белая колонна была вытянута вдоль дороги, и красный бронепоезд обстрелял её, взяв «в вилку». Если не ошибаюсь, в артилл. терминах «в вилку» стараются поймать неглубокую цель, а колонна подверглась продольному обстрелу.

В XI главе у Вас подводятся итоги этого печального боя. О причине неудачи говорить не приходится, она совершенно ясно указывается самими участниками, причём документы того времени — донесение и письмо Аргунова и донесение Ктиторова — показывают, что важнейшая ошибка ясно сознавалась тогда же. Это — исключительно удары в лоб и отсутствие флангового удара, т. к. небольшой Камский полк всерьёз идти не может. Но одно — знать, другое — уметь знание применить к делу. Немало знающих людей теряют в жизни оттого, что знают очень много, но своих знаний провести в жизнь не умеют, они им бесполезны.

То же случилось и с Аргуновым. Он первый начал уводить свои части с фронта, сменив Зелёных. Сахаров это допустил, а потом и сам последовал тому же негодному способу действий, послав главные силы не в обход, а на место 1-й бригады.

Конечно, следовало 1-ю бригаду развернуть на правом фланге Зелёных, а главные силы — Пластунов и Уфимцев послать ещё дальше в обход. Это, так сказать, самый нормальный, шаблонный путь в такой обстановке одержать верный успех, и при нашем превосходстве в силах этот успех был обеспечен. Можно было произвести и более смелый и решительный манёвр. На фронте не оставлять ничего или минимум, а все силы бросить в обход. Наверное, один такой манёвр заставил бы красных бросить позицию и отказаться от спасения броневика. Не думайте, что это пустое рассуждение или хвастовство и измывательство над чужим несчастьем. Я такие манёвры применял при более неблагоприятных обстоятельствах в смысле соотношения сил и обстановки. При втором бое под Ольгохтой я Ижевцев и Добровольцев послал целиком к югу от жел. дороги, с фронта не наступал совсем, и лишь Вотк. полк оставался на жел. дороге, но далеко позади. Дело не вышло, т. к. красные были в превосходящих силах, имели моральный подъём и сами в этот день ставили себе активные задачи, успешно для них начавшиеся захватом Ольгохты. Другой пример под Розенгардовкой. Не зная ничего о Сахарове и считая, что, согласно задаче, он обходит на Розенгардовку, я решил помочь ему (и связаться) конницей, а своими главными силами сделать обход с другой стороны на Розенгардовку. На фронте не оставил ничего. Покус ясно говорит о решающем значении этого манёвра, только считает, что он сделан конницей. На этом примере очень хорошо видно значение лобового удара и манёвра. Сахарову пришлось отражать красных и потом наступать на них, произошла схватка лоб в лоб. Благодаря преимуществу в силах и моральному подъёму ему удалось одержать верх и захватить много пленных. Но, несмотря на победу, Сахаров остановился (другой пример военного невежества — отсутствие использования победы энергичным преследованием даже на самом поле сражения). Эта остановка могла обратиться для нас в поражение, и 1-й или 2-й Ин. В самом деле, задача Сахарова была захватить на плечах красных Розенгардовку, а моя — только теснить или следовать за бронепоездом, с которым не могли бороться без артиллерии. Остановка Сахарова естественно влекла и мою

остановку перед броневиком и пехотой красных, затем приведение красных себя в порядок и, наконец, нажим на Сахарова, уже потерявшего порыв, свежими силами красных с жел. дороги. 1-й Ин произошёл бы много раньше: я стоял бы перед броневиком (такую задачу дал мне Сахаров под 1-м Ином, не желая предоставить встречу с броневиком своим Волжанам и по знакомству Александрову, и ещё по одним обстоятельствам), а Сахаров после неразумной остановки наверняка покатился бы назад. Решительный манёвр Иж.-Вотк. бригады спас положение. За Сахаровым внешний эффект: бой, пленные, пулемёты красных... (пушки без Блохина мы, конечно, не захватили бы), а за мной — фактическое решение результата боя и исполнение задачи, поставленной Сахарову. Таковы сила и значение удачного манёвра. То, что Сахаров не мог достать удачным боем, было легко решено мною одним манёвром. Обычно бой, конечно, связан с манёвром — обходом или охватом одного или двух флангов, окружением. Но иногда приходится при некоторых обстоятельствах более полагаться на силу фронтального удара, на быстроту и натиск, так как охваты или обходы невыгодны: или ведут к потере времени, или не могут быть произведены так, чтобы противник не мог к ним подготовиться и их парировать. Под р. Хор и Покровкой, например, я предпочитал бить стремительным ударом вперёд, нельзя было терять время. Обычное и лучшее решение — сочетать эти способы.

Я вспомнил это старое и мало мной разобранное, чтобы лучше выяснить причины неудачи 2-го Ина. Здесь, безусловно, без манёвра нельзя было обойтись. Красный бронепоезд отчаянно защищался, также и красная пехота, что выяснилось из первого же столкновения с Зелёными. Сахаров должен был это сразу же оценить и немедленно перейти на манёвр. Дело было бы решено в 2–3 часа, не больше.

Здесь опять выступает неспособность или незнание Сахаровым своих обязанностей как старшего начальника. При наступлении старший начальник должен быть в голове колонны главных сил, при столкновении с противником выезжать вперёд и лично ориентироваться. При быстром развитии боевых действий в гражд. войну ещё лучше, если старш. нач. будет при авангарде. Я часто двигался с головной заставой (у Вас это отмечено под Корфовской). Сахаров же применил свой излюбленный способ — гонку ординарцев. Видимо, он считает это не только

нормальным способом управления при всех случаях, но даже оправданием для себя и теперь: «Сделал всё, что мог, гнал к Аргунову одного ординарца за другим...» Но, увы, это не способ управления и не оправдание. Надо было лично выехать вперёд и убедиться, почему Аргунов двигается медленно. Там же, на месте, выяснив обстановку, убедившись в излишней осторожности Аргунова и ненужности тщательных разведок, дать авторитетный совет, в крайности категорический приказ действовать так-то, а не оставаться где-то сзади, ругаться, браниться и размахивать руками. Последний способ так же мало помогает в управлении, как и рассылка ординарцев. Этот способ вреден, так как нервирует и дёргает подчинённых. Опытному начальнику, знающему, чего он хочет, не приходится изображать из себя истеричную женщину. В самой тяжёлой обстановке, в самую трагическую, решающую минуту он отдаст или продиктует приказ спокойным, уверенным тоном, который не возбудит в подчинённых ни тревоги, ни нервности.

Если Аргунов действительно двигался очень медленно вначале, что вполне на него похоже, то уже вблизи будки № 2 он действительно встретил сильное сопротивление. Тут уже не только не могли помочь ординарцы и руготня, но и доблесть Пластунов и Уфимцев, неразумно направленных в лоб. Если бы Сахаров хотя бы в этот момент выехал вперёд вместо того, чтобы раздражаться и гонять ординарцев, он увидел бы, что на этот раз полк. Аргунов оказался прав и, может быть, принял правильное решение. Излишняя нервность, неумение правильно управлять, раздражительность заставили его не поверить Аргунову и вместо правильного решения послать другие части на смену медлительному Аргунову. Раздражение — дурной советник, и на этот раз это был особенно трагический советник.

Вы совершенно правильно указали в I части про Сахарова о неполноте изучения (пожалуй, полного незнания) вождения войск. На это Сахаров отвечал Вам в своей статье* в газете обидчивым тоном, что он участвовал в Персидском походе и др. войнах. Увы, персидские походы — одно, а умение командовать — совсем другое, и могут быть совершенно не связаны друг с другом. Видимо, такого сорта претензии на умение

---

* *Сахаров Н. П.* Белоповстанцы: о книге поручика Б. Филимонова // Слово (Шанхай), № 1091–1093, 12–14 апреля 1932 г. — *Прим. сост.*

командовать существовали давно, и Фридрих Великий однажды отрезал: «Мул Морица Саксонского участвовал в 20 походах, но военному делу не научился».

Интересно мнение Сахарова и Аргунова друг о друге. Сахаров считает Аргунова очень медлительным («другая бригада — одна медлительность»). Аргунов пишет: «Он годен как начальник для удара, а не для управления». Оба в достаточной мере правы. Аргунов действительно был чересчур осторожен, осмотрителен и медлителен. Старый кадровый офицер, прошедший школу военного дела ещё в мирное время, он не понимал духа Гражд. войны с её быстротечными боями. Он хотел действовать, как его учили, начиная от печки; необходимости наносить быстрые удары не учитывал. Близорукость (а близорукие, говорят, недоверчивые люди) заставляла его действовать самого и требовать от других с бóльшей осторожностью, чем было нужно. Терялось время, упускались благоприятные случаи (напр., 5/I у Волочаевки). С ним было трудно, особенно такому нетерпеливому и нетерпимому к другим, как Сахарову. Аргунов так привык вести действия по тому способу, которому его учили, что не признаёт особенностей гражданской войны и считает их чем-то ненормальным. «Самоё ведение боя здесь происходит крайне своеобразно, примитивно, скоротечно», — пишет он. И дальше: «Вообще, что рекомендует военная наука, — почти не соблюдается во многих частях». Но зачем же растягивать бой, если его можно решить «скоротечно», и как можно вести бой не примитивно, если наши добровольцы в большинстве никакой военной подготовки в казармах и лагерях не получили, а вооружение и снаряжение было ограничено одними винтовками? Не могли, например, наши солдаты вести правильного наступления с перебежками и самоокапыванием, так как не были этому обучены и не имели шанцевого инструмента. А плохая стрельба обеих сторон и не требовала этих сложных приёмов. Что касается военной науки, то дело было действительно слабо, и мы её указаниями пользовались. Но Аргунов первый же и нарушал требования науки, стараясь вести действия сложными приёмами, когда в этом не было надобности, первый указал пример ненужной смены в скоротечном бою и т. д.

Аргунов считает Сахарова способным лишь на удар, но не для управления. В этом он, безусловно прав. Только надо правильнее отредактировать его фразу. Управление в наступлении и состоит в том, чтоб нанести противнику один или несколько

ударов. Правильнее сказать: «Сахаров способен на управление коротким, несложным боем, состоящим из одного удара, но не способен на управление в более сложной обстановке, в бою, требующем времени на своё правильное развитие, правильного учёта всех данных и выражающемся в конце концов в ряде ударов, иногда в комбинации с отходами, пассивной обороной, демонстрациями и т. д.». В этом случае Сахаров сразу же теряется, путается и считает, что дело проиграно, когда оно находится ещё в фазе своего развития, иногда перед моментом начала успеха. Даже плохо ведённый, несуразный 2-й Ин кончался кое-каким успехом — отступлением красных, когда Сахаров уже признал себя побеждённым.

Сахаров не умеет: 1) подводить войска к полю боя (о его походных движениях без всякого порядка, без расчёта и даже мер охранения я уже писал достаточно); 2) не умеет начинать бой, не оценивая обстановки лично, а гоняя ординарцев и требуя от передовой части то, что, может быть, совершенно не соответствует обстановке; 3) не умеет правильно развивать бой, так как способен лишь провести короткий бой в том виде, в каком он себе его заранее представил; 4) способен остановить бой, когда он ещё не окончился (Розенгардовка; отчасти, пожалуй, 2-й Ин); 5) не ведёт преследование после удачного боя на поле сражения (тактическое преследование) — та же Розенгардовка, Васильевский («дальнейшее преследование отходивших ген. Сахаров счёл излишним» — стр. 144, I ч.) и 6) не учитывает моральной силы побед для преследования на театре войны (стратегическое преследование), чему отрицательным примером служат действия ген. Сахарова после боя Владимировка—Покровка, приведшего к тяжёлому поражению Первого Ина, когда вся обстановка в целом складывалась в нашу пользу. Преследовать противника, хотя накоротке, следует даже после ночного боя и большого дневного перехода. Если не для использования победы, то это нужно для уверенности, что противник действительно отступил и не нападёт на нас неожиданно ночью*.

Кажется, единственный раз, когда Сахаров повёл энергичное преследование, было после боя под Владимировкой. В самом бою ген. Сахаров не участвовал, проблуждав в кустах, его

---

* Красные поплатились за отсутствие короткого преследования после ночного боя у Лончакова при нашем отступлении. — *Прим. автора.*

энергия сохранилась, и он бросился в преследование. Вообще же его энергия очень быстро расходовалась, боевые впечатления он переживал очень сильно и напряжённо, скоро уставал, и наступала апатия. Вместе с плохим знанием военного дела это быстрое исчерпывание волевых начал, столь необходимых для начальника, приводили к тому, что ген. Сахаров не был способен вести боёв, продолжавшихся несколько часов. По своему характеру и качествам он весьма соответствовал, в противоположность Аргунову, духу Гражданской войны и её коротким боям, но только на должностях маленьких начальников. Небольшие части — полки, максимум бригады, нашего состава, были пределом его командных способностей. Бой полка протекал скоро и просто, и энергии нервного и впечатлительного Сахарова хватало на такой бой. Лучший его бой, по-моему, — Казакевичево, где он умело расправился с коммунист. отрядом. Но уже весь конный набег оказался ему не по силам. В первой части он очень определённо говорит о своём участии в создании конного отряда, чуть ли не новую Америку открыл. Во всяком случае его разговоры об этом дали ген. Молчанову повод попробовать его на роли конного начальника, когда не удалось получить настоящих кавалерийских начальников. Опыт оказался неудачен, и ген. Сахаров провалил дело, когда оно только что должно было принести огромные плоды. Вышла вся энергия, израсходовались духовные силы. И это у Сахарова везде, где на выполнение задачи требовалось продолжительное время. Так он кончил и поход, израсходовавшись раньше всех и бросив своих соратников в тяжёлую минуту.

Интересно провести параллель между ним и Аргуновым — двумя совершенно различного типа начальниками. Кто из них более был пригоден для своих должностей? Порывистый, нервный и раздражительный Сахаров, способный весьма энергично действовать, но только короткое время и очень часто весьма неумело из-за отсутствия должной подготовки? Или спокойный, хладнокровный, выдержанный Аргунов, привыкший действовать очень осторожно, но своей излишней основательностью и методизмом также и терявший немало драгоценного в быстрых боях времени? Каждому придётся отдать должное и предпочесть на своём месте. Наверное, в 1-м Ине у Аргунова не было бы того беспорядка, как в Поволжской бригаде, но также более чем вероятно, что он и не дошёл бы до станции. Под Волочаевкой 5/I

Сахаров, если бы был на месте Аргунова, наверное, не выдержал бы долгого ожидания до вечера и, изнервничавшись, наделал бы глупостей. Но если бы дотерпел до нужного момента, то, наверное, атаковал бы красных хорошо и удачно. Если бы у него случилась паника, как у Добровольцев, он наверняка не смог бы успокоить и направить части вновь в атаку, как это сделал Аргунов, а первым был бы подавлен и поспешил [бы] отступить на Н.-Спасское, а может быть, и дальше.

При Втором Ине Сахарову следовало бы сначала пустить вперёд свою бригаду, которая и двигалась бы быстрее; Аргунова оставить для развития действий на фронте, может быть, и для охвата красных, а Пластунов и Уфимцев пустить в обход в тыл. Конечно, это легко говорить теперь, и я не хочу винить Сахарова в неправильном распределении в этом бою сил. Я сам бы иначе поставил части 5/I, если бы знал лучше Аргунова.

Но крайности сходятся. И можно наблюдать, где быстроходкий Сахаров пасует в быстроте перед медлительным Аргуновым. Дело опять в преследовании, которое столь не удавалось Сахарову. В самом начале действий, в районе Анучино–Сучан, действия этих двух начальников как раз обратны их характерам. Сахаров остановился в бездействии в районе Сергеевки и Молчановки, не решившись преследовать разбитых партизан на север, где они могли попасть под удары частей ген. Смолина, а Аргунов после захвата Анучина развивает весьма большую энергию по преследованию партизан и уничтожает всё, что возможно. На самостоятельных должностях, где требовалось больше энергии и настойчивости, где не приходилось ждать указаний от старшего начальника, нужна была инициатива, там Аргунов, лучше понимавший военное дело, превзошёл Сахарова даже быстротой. Сходятся они и ещё в одном — отсутствии решительности перед более серьёзным противником. У Сахарова это происходило потому, что он умел легко и быстро справляться с небольшими силами противника, а более значительные силы приводили его в смущение, и ему всё казалось, что у него своих сил недостаточно. Это особенно ясно сказалось перед 1-м Ином.

Аргунов нерешителен по-иному. Он всё хочет сделать слишком основательно с уверенностью на успех, обеспечив себя со всех сторон и во всех отношениях. Его письма свидетельствуют об этом. Тут и расчёт сил, и одежда, чтобы можно было две ночи провести на морозе, и продовольствие не забыто,

и партизаны должны быть уничтожены... В бою он разведывает, как будто красные могут выскакивать целыми ротами из каждого куста. Чересчур большая предусмотрительность, слишком большое стремление действовать наверняка! Между тем военное дело требует риска, — везде быть обеспеченным, неуязвимым, всегда и во всём готовым — невозможно. Противник может быть в худших условиях, чем мы, а, теряя время на излишние предосторожности, подготовку, разведку и пр., мы выясняем ему свои намерения, даём ему оглядеться, часто выручаем его, предоставляя нужное ему время.

Было бы очень хорошо, если бы в своё время, вместо взаимной неприязни, эти начальники поучились друг у друга. Сахаров — выдержке, хладнокровию, в должной мере предусмотрительности и осторожности, а Аргунов — более решительным и энергичным действиям, укоротив время на излишние предосторожности и ненужные приёмы методических действий. Обоим следовало бы уметь лучше учитывать обстановку и силы противника, быть более уверенными в себе и своих частях, действовать смелее не только с малыми силами противника, но всегда и всюду.

Я занялся Сахаровым и Аргуновым как двумя главными действующими лицами в этом бою.

Роль Александрова мне не ясна. Сахаров назвал 1-й отряд как «сплошное ловчение». Александров, видимо, не повёл бригаду в атаку, но совершенно не видно, чтобы он просил его сменить. Потери бригады не указаны. Словчил ли тут Александров или видел, что атака поведёт лишь к уничтожению бригады, — сказать трудно. Тяжёлые потери сменивших его Пластунов и Уфимцев во всяком случае указывают, что он был прав, — не атаковать нужно было, а искать другого решения. Если он решил лежать на месте, смены не просил, ожидал, что другие части пойдут правее его в обход, то, по-моему, он совершенно прав. В данном случае Сахаров не прав своим термином «сплошное ловчение». Если это и ловчение, то основанное на правильном учёте обстановки, что весь бой и подтвердил.

Коснусь ещё одного пункта. В этом бою дрались Зелёные, Пластуны и Уфимцы, они понесли и потери. Остальные, собственно, присутствовали только и ничего не сделали. Большое преимущество в силах использовано не было. Здесь можно подойти и к вопросу о Первом Ине: действительно ли

там у Сахарова было мало войск, как он это усиленно пытался доказать. Второй Ин даёт точный ответ на это: Сахаров справиться с большой группой войск не может, использовать преимущество в силах он не сумел. Если в этом Сахаров и не сознаётся, то во всяком случае он тут не решается говорить, что ему дали мало сил. Умелое использование сил — вопрос вообще не такой уж простой, и даже, пожалуй, больной вопрос в нашей Армии, что особенно выяснилось в Японскую войну. Вы тоже не всегда освещаете его с правильной точки зрения, и я коснусь его по возможности короче. О бое под Владимировкой Вы писали: «[Хотя] в нанесении решительного удара принимало [участие] всего до 250 штыков из общего числа 1300 шт. и 200 сабель, всё же эти 250 человек знали, что за ними идёт более тысячи» (стр. 227). Не помню сейчас, но где-то и ещё Вы объясняли успех тем, что действовавшие части чувствовали себя увереннее, так как вблизи были другие части. Это верно и понятно. Но это столь естественно, что об этом почти никогда не упоминают. Иначе пришлось бы о каждой роте, о каждом полку говорить, что справа, слева, сзади были другие роты и полки и потому наши полки и роты чувствовали себя лучше. Только когда в критический момент боя прибывает неожиданная помощь и подымает дух сражающихся — это желательно всегда отмечать. Здесь Вы не отметили другого, более важного и интересного обстоятельства, что полк. Александров решился атаковать красных до подхода остальных. Он совершенно правильно послал поторопить свои полки, находившиеся сзади, но, с другой стороны, он не терял время и развернул в боевой порядок то, что у него было. Его подтолкнул вперёд Сахаров, но силы его не увеличил и красных атаковали всего 200–250 чел. Все остальные силы присутствовали недалеко сзади или далеко за деревней. Использовано было очень мало сил, но не было потеряно время. Правда, всё произошло благодаря ряду случайностей. Но главное, что Александров подготовил к действиям то, что было под рукой, [и это] сыграло важную роль. Могло бы быть и иначе. Полк. Александров, получив сведения о красных, стал бы ждать ген. Сахарова, последний — подхода всех частей, затем разведка по Аргуновскому методу, наконец, правильное наступление на обнаруженного и предупреждённого встречей с разведчиками противника, если бы он вообще не ушёл. Произошёл бы бой по всем правилам, красные, наверное,

отступили бы, но увезя пушки и не оставив много пленных. И придраться было бы нельзя, так как тактика требует бить врага сосредоточенными силами, а не врозь.

Произошло же всё гораздо лучше и, по-Вашему, «всё то, чего требует военная наука, в бою под Владимировкой нарушалось белыми и тем самым увеличивало успех их». Но, конечно, это не так. Произошло лучше не вопреки военной науке, а как раз так она рекомендует. Может быть, в мелочах у белых и были погрешности, но в главнейшем всё шло правильно. Военная наука рекомендует на противника, застигнутого врасплох, нападать неожиданно, не дожидаясь сосредоточения всех сил и не ведя той подготовки, которая необходима для нападения на противника, приготовившегося к бою. То, что белый прапорщик узнал красных раньше, по-моему, значения не имеет. Если бы кто-либо из красных узнал белых первым и крикнул: «Это белые!», то паника должна была бы всё же быть у красных, т. к. появление врага было для них совершенно неожиданно, они к этому появлению не были подготовлены психологически, они были на походе для дальнейшего отступления. Белые же были развёрнуты, они искали врага, они готовы были для встречи и к тому, чтобы начать бой.

Этот пример — опять-таки из 1-й книги («Белоповстанцы», ч. 1. — *Сост.*), мало мной разобранной, — я привёл к тому, что использование всех сил далеко не обязательно, иногда важнее использовать подвернувшуюся благоприятную обстановку. И здесь Александров поступил совершенно верно (или отчасти так это вышло), что с небольшими силами напал на застигнутого врасплох врага.

Если бой принимает тяжёлые, затяжные формы, то необходимо использовать все силы, иногда с полным их напряжением, и, конечно, в возможно лучших условиях, а не подставляя их по очереди под расстрел.

Я упомянул о Японской войне. Там наш плохо подготовленный командный состав (не все, конечно) очень плохо справлялся с подчинёнными ему войсками. Очень распространённая ошибка была — просить без надобности подкреплений. Иногда ещё и бой не успел разгореться, как просили подкрепления: «На всякий случай, пока у старшего начальника ещё есть резервы, а в хорошем хозяйстве всё пригодится» или «Зачем я буду со своими надрываться, когда в тылу резервы бездействуют, пусть

и они подерутся». Просьба, конечно, сопровождалась соответствующими причитаниями о больших силах врага и разных трудностях. Твёрдые старшие начальники отказывали: «Дерись с тем, что у тебя есть, и дерись как следует, а резервы я использую в нужный момент на решительном пункте». У других, более мягких начальников, резервы расходились на просьбы и намеченные решительные удары отменялись из-за отсутствия сил. Бои велись с неразумным расходованием сил, без должного напряжения в отдельных частях, разброской резервов по мелочам на подмогу, путаницей и перемешиванием частей. Этот неправильный расход резервов вызвал после войны стремление провести меры, которые бы уничтожили это зло. Внушалась необходимость инициативы, активности и т. д., шли тактические занятия... и, наконец, чтобы отучить от этого распыления резервов, ввели искусственное разделение его на 2 части: «манёвренный резерв» — большая часть, для нанесения решительного удара и потому его нельзя расходовать раньше времени, и «общий резерв» (полка, дивизии, корпуса, армии) для парирования случайностей — меньшая часть. Разделение совсем не нужное и часто вредное при хорошо подготовленном командном составе. Если надо, отчего в критическую минуту не использовать «манёвр. резерв» для парирования опасного удара, и если всё идёт хорошо, то «оба» резерва можно послать для хорошего удара.

В Германскую войну это разделение, кажется, исчезло, резерв остался один, а «манёвренный резерв» перешёл в разряд «манёвр. группы», то есть стал не резервом, а боевым участком, на который возлагалась, иногда с самого начала боя, наиболее активная задача.

Такие примерно стадии превращения или развития пережил «резерв» в Русской Армии. Но эта эволюция понятий и действий не могла изменить всех начальников и изменить коренным образом. Всегда можно встретить начальников, которые, одни по незнанию и неопытности, другие из-за робкого характера, третьи из-за ловчильных наклонностей, просят и будут просить больше, чем нужно. Тут и мотивы «в хорошем хозяйстве всё пригодится» (с такой, по-моему, хозяйской точки зрения Аргунов выпросил у меня пулемёт под Лончаково; уж очень он был хозяйственный мужик и прибирал к рукам всё, что удавалось приобрести...), здесь и почитание принципа превосходства сил, чем особенно страдал Сахаров, здесь и желание свалить работу

на других*, половчиться, в чём Сахаров упрекает Александрова. Разные мотивы, но результаты одни — общие интересы страдают, и вместо дружных усилий, напряжённой (если надо) боевой работы всех — разрозненные и неодинаковые усилия отдельных частей и отдельных лиц. Результат — недоверие, попрёки одних другими, неудачи, поражения. Во 2-м Ине Сахаров виноват в том, что: 1) не направил главного удара в нужном направлении, а бил в лоб и 2) в том, что не использовал своих сил — заставил драться одних, позволил уйти из боя другим, заниматься прогулками третьим (Камцы).

Здесь можно найти и ответ на вопрос, было ли у Сахарова мало войск под 1-м Ином. Под Владимировкой дрались немногие, а остальные «присутствовали», но это вызывалось необходимостью — быстротой действий. В Японскую войну часто от войск не требовалось полного напряжения, резервы расходовались напрасно, для решительных ударов не оставалось нужных сил, и японцы наносили нам поражения с меньшими силами, но ведя бой интенсивно, напрягая усилия всех и каждого. У Сахарова и под 1-м, и под 2-м Инами благоприятные обстоятельства и достаточные силы (под 2-м Ином превосходные в несколько раз) не были использованы, т. к. он не умел направлять части на правильные места и не умел потребовать от них должной работы, позволял ловчиться (Алекс[андров] под 1-м Ином), делал смены в коротком бою... Сторонник количественного превосходства (вещь неплохая сама по себе), он не видел «качественной» стороны военного дела. «Бьют не числом, а уменьем», — говорил Суворов. Уменья у Сахарова не было, и ему бесполезно было давать большие силы. Его надо было использовать лишь как командира своей бригады (подучивая его в умении требовать порядок и прежде всего самодисциплинировать себя) и иметь под рукой постоянно: 1) направляя его на должный путь и 2) подбадривая его быстро выдыхающийся дух.

Я слишком здорово «нажал» на Сахарова, и мне невольно хочется подкрепить своё многословие какими-либо, самими за себя говорящими фактами и данными. Попробую это сделать,

---

* В государственном масштабе у нас, русских, также ловчильная повадка сваливать на других: «Зачем бороться с большевиками, когда добрые иностранцы — французы, японцы, чехи и пр. — могут побить большевиков и спасти нас». Сколько надежд было в своё время на иностранцев!!.. — *Прим. автора.*

хотя мне это очень не хочется, так приходится делать сравнения с собственными действиями. Я избегаю это делать, так как оценивать себя, конечно, труднее и трудно избежать пристрастия. Но факты остаются фактами, и сделаю это на этот раз, конечно, лично для Вас и прошу не увидеть здесь желания прихвастнуть или «поддеть» своего «соперника» Сахарова.

Если говорить о способностях к командованию более крупными единицами, то придётся и взять более крупные бои, например те, где со стороны красных участвовало не меньше полка. Я должен исключить Иман, где, собственно, Сахаров не командовал, а его пришлось убедить исполнить приказ. Тут виноваты и моя настойчивость, и приказ ген. Молчанова сдать командование мне, и, может быть, «совещание», но сам Сахаров ни при чём. Не буду засчитывать я этот бой и за собой, это было в смысле командования «общее дело». Далее остаётся только один бой, Лончаково, где Сахарову удалось разбить красный полк, да и то, если основываться на Покусе, там был только один батальон. В остальных боях, где были разбиты красные полки или более крупные силы, Сахаров не участвовал. Под Ново-Троицким Ос. Амур. полк был разбит под руководством Сотникова (бой был напряжённый и долгий, и Сахаров, наверное, его не выдержал бы), под Владимировкой красный полк был разбит Александровым; под Розенгардовкой, на р. Хор, под Корфовской, под Покровкой и, наконец, под Волочаевкой 5/I — красный полк (Розенг[ардовка]) и красная бригада были биты под моим руководством. Эти данные приобретают ещё более выпуклый характер, если принять во внимание соотношение сил. Красный полк (возможно, батальон) был слабее сил Сахарова, что-то примерно 700–800, максимум 1000 красных, против 1460 (стр. 233) — 1830 шт[ыков] и сабель у Сахарова. Последние цифры из боёв под Иманом на Ваших стр. 121–122–123, 130, 137. Это преимущество имело большое значение при том неправильном походном движении и постепенном вводе в бой сил по полкам, которое произвёл Сахаров. Александров под Владимировкой разбил двойные силы красных. Сотников под Ново-Троицким разбил также бóльшие силы, и к тому же свежие. Под Хором, Корфовской, Покровкой против меня были также двойные силы. Эти факты, своего рода статистика, весьма не в пользу командных способностей Сахарова. Но это всё же статистика, голые цифры, материальная часть. Военное же

дело — по мнению Наполеона, на $^3/_4$ дело духа, а не материи. Это учесть уже много труднее. Но можно сказать, что здесь взвешивание пойдёт опять не в пользу Сахарова. Вспомним, что не только грубый подсчёт штыков и сабель, но и другие факторы, материальные с одной стороны, но сильно влиявшие на дух, действовали против меня, а не Сахарова. С бронепоездом во всех боях, вплоть до Покровки, пришлось иметь дело мне; ночь под Корфовской, Волочаевкой сопутствовала мне, а Сахаров чуть ли не считал, что ночью действия невозможны; трудность атаки на р. Хор и т. д. и т. д. Также моральная сила побед и поражений. Сахаров терпел поражения в больших боях, имея перед этим преимущество выигранных нами боёв и подъём духа. Так было под обоими Инами. Мне пришлось расплачиваться за 1-й Ин поражениями под Ольгохтой, где были не только более значительные силы красных, но и большой подъём их духа от подаренной им Сахаровым победы. Этот дух удалось сломить под Волочаевкой, но это не помогло Сахарову под 2-м Ином.

По необходимости мне пришлось здесь сделать это неделикатное сравнение Сахарова с собой, выйти из рамок беспристрастия и незаинтересованности, но я не мог найти другого способа доказать свои критические мысли о Сахарове более объективными данными. А что же лучше всего может характеризовать способности начальника, как [не] некая сумма важнейших побед и поражений, в которых он являлся руководителем! Как бы Вы ни отнеслись к моему итогу этих мыслей, я прошу Вас оставить их между нами. Не говорите о них Сахарову (он и сам их, наверное, подсчитал, но не сознаётся), и пусть он утешается тем, что самый важный бой в походе был под Лончаково, и там он разбил два полка красных. Кстати, замечу, что он приписал белому командованию то, что выдумал сам, и никто, кроме него, не считает, что красные сначала хотели разбить Уссур[ийскую] группу, а потом железнодорожную. Он и для красных придумал своего рода Дормидонт[овский] или Губеровский план, и лишь для того, чтобы разбить вместо одного полка (или, по Покусу, батальона) оба полка красных.

Хотел этим письмом закончить разбор всей книги, но не успел. Торопился вовсю, но чересчур отвлёкся и заболтался. Кроме того, был занят более обыкновенного последние две недели

Получил Ваше новое письмо и черновик действий Сибирской Армии. Ещё не успел познакомиться. Поэтому об этом д

следующего раза. Удивляюсь Вашей энергии. Откуда Вы только время берёте при работе в конторе до позднего времени? Наверное, не ходите ни в кино, ни в театры, ни на собрания русских организаций. Конечно, будет очень хорошо, если Вам удастся достать Токаревского и тщательнее обработать III книгу.

Ну, пока всего, всего лучшего.

Искренне Ваш *А. Ефимов*

1/III 1934 г.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

30/III 34 г.

Получено 25/4/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Как ни торопился написать Вам хотя [бы] немного, — не успел. Много времени отняла таблица, которую мне удалось выцарапать на некоторое время, и я торопился её переписать и проверить. Ввиду ценности, придаваемой владельцем, он не разрешил мне послать её Вам, и пришлось переписывать. Посылаю Вам эту проклятую таблицу* и не имею времени ответить на Ваши последние письма. Главы о борьбе на Урале получил, последнее письмо от 25 февраля — только что. Ну и мерзавцы все эти книгопродавцы. Но об этом после. Книг не получил, так же и Арнольдова ещё нет. Большое спасибо за их высылку, когда-нибудь дойдут.

«Борьбу на Урале» начал читать, но прочитал ещё очень мало. Очень интересные сведения. И приятно было встретить знакомые имена и узнать, как они начинали борьбу. Но об этом также потом.

Вы спрашиваете об англ. переводе «Белоповстанцев». Конечно, определённого ничего не могу сказать, надо знать американского читателя и их книжный рынок, а это для меня полный туман. Знаю, что американцы вообще интересуются всем русским, а сейчас в особенности Д[альним] Востоком, но, судя по газетным и журнальным статьям, — главным образом политическими вопросами, возможностями в случае войны с Японией, и особенно экономическими делами из-за желания поправить

* Упомянутая таблица в архивном фонде отсутствует. — *Прим. сост.*

дела своей промышленности. История стоит на втором плане. Читал жалобу, что широко рекламированная книга Троцкого об истории революции почти не расходится. Думаю, что издавать «Белоповстанцев» на англ. языке — ещё бо́льший риск, чем на русском. Наверное, Вам об этом могут что-нибудь сказать и в Шанхае книгопродавцы англ. книг. Через Шанхай едут почти все путешественники, исследователи, профессора, корреспонденты и т. д., которые стремятся ознакомиться с Дальневосточными делами, и, наверное, в Шанхае запасаются источниками для своих познаний.

В «Рекламе» говорите больше о своей книге и её содержании, и поменьше об источниках. Если это нужно для «веса», то не только я, а и другие дали Вам много материала. Примерно можно: «Действия Иж.-Вот. бригады описаны по показаниям “ ” чинов этой бригады. Значительная часть сведений об этой бригаде дана к-ром бригады полк. Ефимовым и во многом основывается на сохранившихся у него документах и личных записях». Если хотите, добавьте: «Также п. Еф[имов] дал много сведений об общем ходе Хаб. похода, имея возможность получить их от ген. Молчанова и из сохранившихся у него документов».

Пока всего лучшего. Поздно уже, но поздравляю со Светлым Праздником и прошу передать поздравление Вашей супруге.

Искренне Ваш А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

27/IV — 1934 г.
Получено 23/5/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Прежде всего, несколько замечаний о посланной Вам таблице*. Таблица эта, за неимением более точных, даёт наиболее полное, из имеющихся материалов и документов, представление о численном составе Армии Приамурского правительства и потому, конечно, заслуживает особого внимания. Таблица, видимо, составлялась очень срочно, и потому сведения не полны и не

* Как следует из письма от 30 марта 1934 г., упомянутая автором таблица численного состава Армии Приамурского правительства (на 1 апреля 1922 г.) была отправлена Ефимовым Б. Б. Филимонову, однако в архивном фонде она отсутствует. — *Прим. сост.*

единообразны. К сожалению, нет сведений о Вашей бригаде и Сиб. кав. полке. Иж[евско]-Вот[кинская] бригада была 1/IV ещё на походе из района Лубянка–Ширяевка к своему постоянному местоквартированию и никаких сведений, наверное, не давала, и потому эти сведения не точны. Я оставил все цифры так, как они были в таблице, но где нашёл ошибки — подчеркнул красным карандашом, некоторые итоги неверны. В некоторых местах таблицы стоят пометки карандашом «?» и «№ 3»; это у частей без цифровых данных (1-я стр. бриг. и Св.-Сиб. кав. полк и итог 2-го корпуса), затем у пех. уч. и кадет. корпусов, т. к., видимо, они неправильно попали (корпуса) в строевые части; стоит маленький «?» у Отд. Уральск. каз. сотни в составе жел.-дор. бригады — видимо, попала не туда.

Из итогов отмечу: в итоге II-6 показано «15» и слагаемые: 3 + 1 + 1. Ошибка, видимо, в одном из слагаемых, т. к. общий итог у нач. снабжения верен при цифре 15 у «II-6».

Общий итог по тыловым учреждениям (после «XI») меньше на 7 генералов, 3 шт[аб-]оф[ицеров], 2 оф[ицеров], 8 чиновн[иков] и 33 вольнонаёмн[ых], т. е. на цифры, близкие к составу Военной академии («V»), но окончательный итог этой ошибки не имеет. Похоже на то, что Академия были вставлена после составления черновика этой таблицы, и частный итог (по «тылов. учрежд.») не был исправлен, а общий итог исправлен.

В итоге Св.-Каз. бригады (XII-4) у меня получилось 278 унт[ер]-офиц[еров] вместо 288, и цифры нестроевых где-то неверны: итог 82 вместо 43.

В итоге Забайк. каз. дивизии у меня выходит 202 об[ер]-оф[ицеров] вместо 192.

В итоге I Св.-Каз. корпуса у меня подсчитано чиновников 58 вместо 63 и врачей 8 вместо 9.

В Поволжской стр. бригаде строевых показано 916, у меня выходит 1086, в Иж.-Вотк. бригаде строевых показано 1195, у меня вышло 1095. Эти крупные ошибки (−170 и +100) меняют итог для корпуса на −70, т. е. показано 2526 вместо 2596.

В итоге Военно-учебн. зав. не показан итог строевых лошадей (25).

В жел.-дор. бригаде итог унтер-офицеров 406, у меня вышло 396.

Итог в частях, не вошедших в состав корпусов, тот же, пропуск 25 строев. лошадей.

Окончательный итог, считая частные итоги в таблице такими, какими они там помещены, также с ошибками: первые 5 итогов верны, если вставить Академию; врачей показано 103, у меня вышло 105; фельдшеров 164 и 161, строевых 6360 и 6285, нестроевых 2379 и 2383, вольнонаёмных 1649 и 1615 (с Академией 1648).

Вот, кажется, все ошибки в подсчётах. Нельзя сказать, чтобы бухгалтеры хорошо знали арифметику. А вернее, их торопили со сведениями, как это часто бывает, и некогда было проверять.

Точно так же с однообразием сведений — обработка в различных частях различная. В некоторых частях (3-я стрел. бриг. и все части 3-го корпуса) унт.-офицеры показаны вместе со строевыми, а в некоторых частях 3-го корпуса (Св[одно]-Арт[иллерийский] дивизион, Инжен[ерный] див[изион] и Иж.-Вотк. стр. бригада) штаб-офицеры показаны вместе с обер-офицерами, и нестроевые включены в общее число унт.-оф. и строевых. В Иж.-Вотк. бригаде чиновник в числе офицеров.

В госпиталях также генералы, штаб-оф. и об.-офицеры показаны вместе в графе об.-офицеров, а унт.-оф., строевые, нестроевые и вольнонаёмные — все вместе в графе строевых.

Все эти недочёты и ошибки не дают таблице той наглядности и точности в подразделении армии по разрядам, к которым составители стремились. Поэтому число шт.-офицеров и чиновников в итогах будет меньше, чем было в действительности, а число об.-офицеров в таблице больше, чем в действительности. Также число унт.-оф. и нестроевых в таблице (в итогах) показано меньше, а строевых больше. Общее же число всех чинов, пренебрегая ошибками, должно быть около $16^1/_2$ тыс. + 1-я бриг. и Св.-Сиб. кав. полк. Численность Вашей бригады Вам, наверное, известна; численность Св.-Сиб. полка, наверное, знает ген. Смолин. Видимо, общая численность Армии близка к $17^1/_2$ тыс.

Для сравнения привожу сохранившуюся таблицу Иж.-Вотк. бригады к 15 мая 1922 г. Сведения другого характера, но помогут уяснить главную таблицу.

Эта таблица, хотя по времени на $1^1/_2$ месяца составлена позднее, мало чем отличается от сведений к 1 апреля. Число офицеров + чиновников даже случайно сходится. Из общего числа наличных чинов около $^4/_5$ приходится на боевой состав (997) и $^1/_5$ (262) — на нестроевых и часть чиновников (часть была в строю бойцами, как на то указывают примечания) и некоторое количество офицеров, занимавших хозяйств. и администр.

Ижевско-Воткинская бригада к 15 мая 1922 г.

	По списку		Налицо				Для боя	Винтов.	Пулем.	Лошадей	Повозок	Семей / пайков	Примеч.
	Офиц./чин.	солд.	офиц.	чин.	стр.	нестр.							
Шт[аб] бриг[ады]	9/1	19	10	2	14	8	21	21	—	12	2	3 / 3½	
Ижев. п[олк]	63/11	448	43	8	318	55	341	308	5	101	20	28 / 39	все офиц. на ком. должностях
Вотк. п[олк]	66/17	265	52	12	179	57	228	225	2	52	18	37 / 54	33 оф. и чиновников-бойцов
Добр. п[олк]	111/27	288	51	7	147	20	194	180	5	89	5	47 / 72½	18 " – " – "
Вотк. кон. див.	37/4	185	31	2	131	29	159	180	6	140	5	24 / 32	12 " – " – "
Батарея	16/3	90	11	1	43	28	54	79	1	45	5	8 / 12½	4 " – " – "
Итого	302/63	1295	198	32	832	197	997	993	19	439	55	147 / 213½	

1660 1259 278

(Расход: 1660 – 1259 = 401)

офиц.	179
стрелк.	531
пулем.	86
сабель	201
	997

Расход:

в госпит.:	216
в командир.:	69
в отпуску:	28
в бегах:	81
под арестом	8
	402 (? 1)

должности. Примерно эта пропорция должна была быть и в остальных бригадах и строевых частях корпусов, и тогда боевой состав армии, частей, находившихся в корпусах, должен быть около $^4/_5$ (вернее, немного меньше, т. к. в корпусах были интендантства и лазареты) общего состава корпусов. Из общего состава корпусов по таблице (3460 + 3380 + 3650) – 10490 (без 1-й стр. бр. и Сиб. кав. п.) надо считать около 8000 были для боя и около 2500 на нестроевых должностях ($^1/_5$ или 2100 в бригадах и около 400 в корпусн[ых]. интендант[ствах] и лазаретах). Прибавив к этому итогу сведения о 1-й стр. бригаде и Сиб. кав. полку (наверное, 600 – 700 + 150), получим численность боевой части Армии для боя в поле около 8700–8800 бойцов, максимум до 9000, а с жел.-дор. бригадой и Воен. училищем — до 10 000.

Подсчитывая итог офицеров, унт.-офицеров и строевых, мы получим несколько бóльшую цифру (2867 + 2423 + 6360 + 1-я стр. бриг. и Сиб. кав. полк = около $12^1/_2$ тысяч), но большое число этих чинов состояло в учреждениях и управлениях, не принимавших участия в боях.

Я не буду больше рассматривать эту таблицу, т. к. Вы, может быть, подойдёте к подсчётам с другой стороны, и мы успеем обменяться мнениями. Таблица эта относится ко времени окончания Хаб. похода и должна будет появиться в последней части Вашего труда. Но я её поторопился отправить Вам для справок, т. к. она даёт отправные данные, чтобы судить о приблизительной численности частей и во время Хабар. похода.

Отмечу ещё только, что в лошадином составе также большой произвол, и каждая часть помещала строев[ых], арт[иллерийских] и обозных лошадей по своему вкусу. В подсчёте лошадей в 3-м корпусе показано на 100 обозных лошадей меньше (498 вместо 598).

Затем, по моему мнению, в Воткинском полку дана преувеличенная цифра солдат (280), т. к. даже по списку у них было к 15/V всего 265, а налицо только 236. Здесь очевидная ошибка. Также был удивлён, что Иж.-Вотк. батарея называлась «конной». Видимо, Ваши сведения были правильные или, во всяком случае, не без оснований, хотя в действительности батарея никогда конной не была и прислуга разгуливала пешком.

Относительно «Вестника»*. Редактор «В[естника]» М. М. Попруженко[186] сообщил мне, что журнал Вам высылался всё время,

* «Вестник ОРВВВ». — *Прим. сост.*

без перерыва. Если какие-либо №№ не дошли, Попруженко просит Вас сообщить ему, и он Вам немедленно вышлет пропавшие №№. Надо иметь в виду, что номера выходят с большим опозданием, и за текущий год вышел пока только один номер — январский (№ 92), и сейчас собираются выпускать следующий. Я к журналу никакого отношения не имею, только получаю и читаю. Попруженко предлагал мне сотрудничать, но я отказался. Как-никак это орган Общества Ветеранов, из которого я ушёл не без причин и сотрудничать в их журнале не намерен, да и времени нет. Ваш протест навряд ли они поместят, места у них не так много, да и этот протест имеет слишком узкий интерес для Вас и для книгопродавцов. Широкому кругу читателей навряд ли интересны внутренние трения между авторами, издателями и продавцами, и, мне кажется, другие газеты также могут отказать напечатать Ваш протест, если им не выгодно будет ссориться с продавцами. Кроме того, мне представляется, что на Ваш протест, составленный в резко обвинительном тоне, Ваш противник может ответить в таком же тоне, придумав разные оправдания для себя и наклепав на Вас. Получится взаимная газетная руготня, а таких типов Вы этим не прошибёте. Если есть возможность и налицо все доказательства нарушения обязательств, то лучше действительно обратиться к взысканию убытков по суду. Это может подействовать. А что толку, если протест появится в «Вестнике», читатели которого никакого книгопродавца Зайцева не знают и дел с ним не имеют. Вот только вопрос: возможны ли в китайском хаосе судебные иски?!

Вы мне предлагаете выпустить собственную книгу и обещаете помощь. Большое Вам спасибо за это предложение. Вы меня очень этим тронули. Конечно, я с большим удовольствием выпустил бы книгой свои воспоминания о Гражданской войне. Даже чувствую себя обязанным это сделать, т. к. пришлось быть в рядах наиболее интересных и заслуженных частей этой войны — Ижевских, а в конце войны — их остатков совместно с другими. Пришлось многое видеть и вникать в то, что было известно немногим. Но, к сожалению, мои отдельные записи носят случайный характер, более подробные дневники и документы первой части пропали под Красноярском, а привести в порядок то, что ещё сидит в голове, — нет времени. И становится его всё меньше и меньше: подрастает сын, в минувшем году уже пошёл в школу, и надо ему помогать осиливать премудрости школьных

наук, а затем донимает американская работа и приближающаяся старость. Здесь с работой тяжело, плату уменьшают, работать заставляют больше и лучше, и надо держаться — иначе выкинут, и тогда голодай вместе с семьёй. Приходится рассчитывать свои силы и беречь себя от излишних напряжений. Если раньше не доспишь нескольких часов — проходило незаметно, сил было достаточно. Если не доспишь теперь 1–2 часов, сразу чувствуешь это на работе. Поневоле приходится откладывать в область благих пожеланий многие хорошие намерения. Не знаю, когда и как удастся мне привести в порядок свои воспоминания. Но если и удастся это сделать — я не думаю, что выпущу их отдельной книгой. Вижу по Вашим усилиям, что это требует больших затрат сил и энергии. Но Вы намерены выпустить ряд книг, и с каждой новой книгой Вам, наверное, будет легче и легче. Ради одной книги трепать себя не стоит, и легче отдать в какой-нибудь сборник или журнал. Но всё это, конечно, дело отдалённого будущего, а пока ещё раз благодарю Вас за Ваше внимание и любезное предложение.

Наводил кое-какие справки об английском издании. Один знакомый рассказал мне, что был здесь (а, может быть, и сейчас где-нибудь здесь) поручик Коробейников — руководитель восстания в Якутской области. Он написал свои воспоминания и перевёл их на английский язык. Показал своему хозяину — америк. немцу. Тот пришёл в восторг и говорит ему, что книгу стоит отпечатать и что она пойдёт, т. к. американцы любят такого сорта необыкновенные приключения. Посмотрел [он] на неё не с точки зрения исторической ценности, а именно как ряд необыкновенных приключений и эпизодов, по-видимому, в стиле “Still Alive” (название журнала: *англ.* «Ещё жив». — *Сост.*). Коробейников пошёл в ряд издательств, но те предложили ему такие условия, что он плюнул и бросил. Если удастся — постараюсь узнать подробности. Как вижу по биографическим приложениям к воскресным газетам, для сбыта книги нужна большая реклама, нужно большое имя автора и т. д. И то, как я уже писал про Троцкого, — книга может не пойти. Чтобы книга получила распространение — нужно её печатать здесь, и тогда связанные с издательствами газеты и журналы будут помещать о ней отзывы. На днях пришлю Вам образцы газетных реклам.

Получили ли Вы “Still Alive”? Там пропущено несколько страниц из одного №, который я не успел достать, и он был

разобран на стендах (*англ.* newsstand, газетный киоск. — *Прим. сост.*). Также вынул для себя страницы о разгроме Унгерна, т. к. они у Вас уже есть.

Встретил на днях участника похода, Амурского казака Саватеева (он состоит в Об-ве Ветеранов). Он мне сказал, что в Ваших книгах нашёл неправильности. Я ему посоветовал обо всём замеченном написать Вам, также просил [его] написать о 3-м походе Карлова. Он обещал. У него хорошая память, он помнит даже №№ пулемётов, бывших в его части. Но кроме обещания, нужны толчки, и если Вам нужен материал о походе Карлова и действиях Амурского дивизиона, задайте ему ряд вопросов. Адрес — на Об-во Ветеранов.

Получил 5 Ваших книг из Шанхая. Большое за них спасибо. Арнольдова ещё не получил. Книга Носкова меня заинтересовала. Я не знал, что Бакич[187] дрался с красными так поздно, почти с началом Хабар. похода, а Кайгородов[188] дрался и ещё целый год. Жаль, что эти сведения не попали в начало Вашей 2-й книги. Вообще столь недавние события ещё обработаны так мало, что предстоит немало труда, чтобы историкам представить полностью всю картину этой эпохи. В частности, кто и где дрался после гибели главных фронтов. Оказывается, в 1921–22 гг. было немало разных мелких «фронтов» внутри России и по её границам. Всё это подлежит учёту и суммированию.

Прочёл также «Святая Русь»* Колесникова. Пишет он легко и интересно, на манер Краснова. И оказалось много знакомого. Нач[альник] Казанского воен[ного] уч[илища] Кедрин[189] изображён им с натуры, хотя и с излишней хлёсткостью. Я отлично знал этого «физического красавца», т. к. наш сапёрный батальон стоял рядом с воен. училищем. Донской — это, видимо, автобиография самого автора, по крайней мере в некоторых случаях (подозреваю, при описании поступления в Академию и о Муравьёве).

«Диктатора»** только начал читать. Интересно, но уж слишком фантастично.

Посылаю чек на 5 дол. 10 сент. за проданные мною 5 книг (7 д. 50 с.) за вычетом подписки на «Вестник» за 1933 год и 1934 год по 1 д. 20 сен. в год.

---

* *Колесников Н. В.* Святая Русь. Шанхай: Россия, 1927. — *Прим. сост.*

** *Колесников Н. В.* Диктатор. Шанхай: Россия, 1930. — *Прим. сост.*

Хотел дождаться денег от «Новинки», чтобы послать вместе, но так и не дождался. У них там семейное несчастье: жена полк. Ваха, которая вела конторскую работу магазина, тяжело заболела месяца 2 тому назад и ей делали операцию. Не работает ещё и теперь, дела запущены и нельзя добиться, сколько продано книг, и получить за них деньги. Придётся подождать окончательного выздоровления болевшей.

Перейду на разбор книги. Осталось немного, пора уже кончить. Главы о 2-м Ине почти разобрал, но скажу немного о конце XI главы, об отъезде Сахарова и приказе ген. Молчанова № 12.

Первый отрывок производит очень курьёзное впечатление. Сначала мне показалось, что Вы решили посмеяться над Сахаровым. Вы отдаёте ему полную монополию на энергию и порыв, не оставляя ни кусочка для других, и это после того, как обвиняли его в промедлении под Покровкой и потере времени при преследовании разбитого врага. Факты и оценка фактов в соответствующих местах находятся в полном противоречии с характеристикой Сахарова, и поневоле это производит впечатление скрытой иронии.

Не скрою также личного неприятного чувства в Ваших сравнениях Сахарова с двумя другими начальниками. Всё, для чего мы с Аргуновым пригодились, — это служить тёмным фоном для светлого образа ген. Сахарова. Но сделано это в самый неблагоприятный для того же Сахарова момент — натворил скверных дел и в тяжёлый момент покидает своих соратников. Тут надо или осудить, или промолчать, а Вы восхваляете.

Вполне уверен в том, что Вы не хотели ни иронизировать над Сахаровым, ни доставлять кому-либо неприятностей, и всё это является результатом спешки. Только излишней поспешностью можно объяснить ряд противоречий в этой заметке. Помимо неправильной оценки упомянутых в ней начальников, она оставляет какое-то убогое впечатление обо всей Армии. И стоит ли писать о такой Армии несколько книг, если в ней нашёлся всего лишь один начальник с энергией и порывом, два других по сравнению с первым являются негодными, а об остальных не стоит и упоминать.

Безусловно, в характеристиках начальников у Вас заметный пробел, и я скажу несколько слов о Ваших промахах. О характеристиках в I книге я в своё время писал лишь о биографии ген. Молчанова, да и то не по существу, а по поводу вставок

в составленную мною биографию ген. Молчанова различных добавлений. О других не писал. Важнейшим Вашим промахом является то, что Вы даёте не «военные» характеристики, а стараетесь в нескольких кратких словах дать полную характеристику данного лица. Это, конечно, невозможно. Когда про Суворова пишут целые тома исследований, то, вполне понятно, освещают его личность со всех сторон, упоминают про всех его родственников, про все его привычки как в боевой жизни, так и в частной и общественной жизни... И мы знаем, что он любил свою дочь и называл её «Суворочкой», любил звонить на колокольне и читать псалтирь, обливаться холодной водой, петь петухом и т. д. и т. д. Но невозможно всё это писать про начальников, которым можно уделить всего несколько строк. Естественно, что они должны быть охарактеризованы самыми краткими чертами, касающимися их военной жизни и даже главным образом боевой, и затем желательно знать краткое прохождение ими военной службы. Места для их частной, семейной, общественной жизни не остаётся, и добродетелей и пороков их в этих сферах жизни указывать не приходится, да и навряд ли это кого-либо интересует. Мы с этой стороны ничего не знаем, или почти ничего, о таких фигурах, как Колчак, Деникин, Врангель, Корнилов, Каппель, но довольно хорошо знаем, где и как они действовали, какое влияние оказали на те или иные события, как закончили свою деятельность, знаем, какими качествами, военными и государственными, они обладали... Ещё меньше приходится писать про более младших начальников. Конечно, трудно протестовать, что Вы к биографии Молчанова добавили выдержки из книги Биркина «Осиное гнездо»*. Они довольно характерны и помогают составить впечатление о главном действующем лице Хабар. похода. Но зато странное впечатление производят в кратких заметках о других начальниках такие сведения, как об улыбке, которая всех чаровала, о скромности, воспитанности и т. д. Может быть, всё это совершенно верно, но все эти определения больше подходят к характеристике светской дамы, окончившей институт, чем к военачальникам. Также и многие другие способности весьма мало характерны и малопригодны для военных чинов. В этом отношении очень неудачно составлена фраза: «...на войне успех не всегда зависит

* *Биркин В. Н.* Осиное гнездо. Берлин: Град Китеж, 1930. — *Прим. сост.*

от разума, логики, методичности, расчёта, даже доблести, но также и от обаяния начальника».

Выходит так, что в данном случае ради Сахарова Вы обаяние начальника ставите на первое место, а всё остальное отодвигаете на второе место. Но прежде всего, несмотря на такое значение обаяния, Сахаров как раз и не имеет успеха, а терпит крупные поражения. Во-вторых, трудно себе представить, чтобы начальник пользовался в боевой обстановке обаянием, не обладая доблестью, и к тому же никто не отрицает, что Сахаров личной доблестью обладал, и отнять этого Вы от него не можете. Наконец — разум, логика как-то сами собой входят необходимой составной частью в умственные качества военного начальника, но не в том широком понятии, как это понимается в общем смысле, а в применении к особенностям военного дела: способности охватывать и оценивать обстановку (способности от разума), способности проникать в возможный ход событий, предвидеть (т. е. способности логически мыслить), способности применить эту мозговую работу к делу (т. е. способности волевые: решительность, энергия, настойчивость, твёрдость...). Но все эти умственные и волевые способности в военном деле веками и тысячелетиями приняли свои особые формы и оттенки, а потому и специальные названия. Надо научиться говорить этим специальным военным языком. Может быть, учёный, политик, философ проделывают одну и ту же умственную работу, желая решить какую-либо задачу, как и военачальник, т. е. делая сопоставления, производя в мозгу выкладки и приходя к какому-то выводу. Но для долгой, неторопливой, спокойной кабинетной работы учёного это будет процесс логического мышления, а для того же порядка работы в мозгу военачальника, проделанной быстро в нервной боевой обстановке, этот процесс примет специальное название «глазомер», «способность ориентирования» и т. д. Было бы печально, если бы в таком огромном и сложном деле, как военное, существовали узкие шаблоны. Поэтому, конечно, не может быть каких-либо шаблонов и для характеристики начальников. Мне не хотелось бы, чтобы Вы меня поняли так, как будто я хочу, чтобы Вы писали по каким-то образцам. Моя цель — чтобы Вы обратили внимание и на это слабое место в Ваших писаниях. Этот отрывок про Сахарова своими противоречиями, неудачным составлением фраз, нежелательными сравнениями вредит не только самому Сахарову, другим лицам, не только производит

невыгодное впечатление об Армии, но и ударяет по Вас как историку. Вы даёте характеристику, не подтверждаемую фактами; Вы не то пристрастны в пользу Сахарова, не то скрыто иронизируете над ним; самые качества Вы подбираете не объективно, а так, чтобы они были выгодны для данного лица, или усиливали иронию, и эти качества, довольно распространённые среди начальников, Вы приписываете исключительно одному; наконец, у Вас нет ещё навыка в военной терминологии и есть желание не только охарактеризовать начальника, но дать весь портрет полностью, несмотря на краткость.

Мне кажется, что самое лучшее было бы, если бы Вы об отъезде Сахарова написали только самый факт или добавили ещё о его усталости и подавленности от неудач. Превозносить после этих неудач его порыв и энергию, говорить о победах с помощью обаяния — Вы выбрали самое неудачное время, и поэтому невольно возникает мысль об иронии.

Историк должен оперировать фактами и давать им правильное объяснение, а не затушёвывать их, не переделывать чёрное на белое или наоборот. Вам следовало бы проявить твёрдость беспристрастного учёного и осудить Сахарова именно за отсутствие энергии и порыва. Вы могли бы, имея в виду, что участники событий ещё живы и болезненно относятся к содеянному, сделать снисхождение и умолчать об ошибках и недостатках начальника, предоставив вынести беспристрастный приговор людям следующих поколений. Вы не должны были прикрывать и обелять за промахи виновного в этих прегрешениях, умалять других, обесцвечивать всю Армию (вспомните дела Торопова, Карлова, Багиянца и др.) и этим вносить путаницу и наталкивать на ложные заключения. Но как раз это-то у Вас — конечно, невольно, из-за излишней спешки — и произошло.

Про приказ № 12 я хочу только сказать, что он попал очень не к месту в главу XI, которая целиком посвящена выяснению причин неудач 2-го Ина и их последствий. К этому приказ № 12 никакого отношения не имеет, и лучше было бы его поместить в главу V, которая имеет смешанный характер. С самим разбором приказа я не совсем согласен, но не буду об этом писать. В общем же Вы хорошо сделали, что написали не слишком много и не обостряли и без того острые углы.

В конце главы Вы пишете о 600 эвакуированных красноармейцах, сомневаясь, когда они выбыли из строя. Вас, видно,

смутило, что я считал их всех выбывшими в боях 4–6 января. Я не имел представления о бое 11 января и как-то упустил в своё время этот бой из виду. Не может быть сомнения, что эти эвакуированные принадлежали к выбывшим из строя и в тех, и в других боях.

Последняя, XII глава у Вас составлена наспех и не особенно удачно. В начале Вы перечисляете операции. Это не имеет большого смысла делать в таком виде. Поздно, и не особенно уясняет дело. Я в своё время перечислил Вам это разделение похода на операции, но с той целью, чтобы Вы в соответствующих местах указывали, что с исполнением такого-то приказа или такими-то действиями началась такая-то новая операция, имевшая целью то, то и то... Это помогло бы и правильнее разбить события на главы.

В том виде, как это помещено у Вас, в конце изложения всех событий, это обычно не делается. Это похоже на то, как если бы Вы съели в ресторане обед, а после этого попросили меню. Пишу это для будущего: оповещайте читателя о началах операций в своём месте и подводите им соответствующий итог. Это, собственно, у Вас везде и сделано, но без тех ясности и отчётливости, которые могут получиться, если этот план разбивки событий на операции будет произведён заранее. При чтении военных сочинений обратите внимание на эту отрасль классификации событий.

В середине стр. 157 Вы говорите о втором периоде похода и между прочим характеризуете его числом дней, когда гремели орудия. Думаю, что это не очень характерно. Орудия иногда стреляют в самые спокойные дни для пристрелки, и потому стрельба орудий не может характеризовать сама по себе напряжённости боевых действий. С другой стороны, продолжительный ночной бой под Волочаевкой прошёл почти без орудийной стрельбы. В смысле силы и напряжённости этого периода, характеристики упорства обоих противников, было бы лучше указать на число боёв за Ольгохту. За этот период Ольгохта 3 раза переходила из рук в руки: 26 дек. к белым, 4 янв. к красным и 9-го опять в руки белых. Кроме того, была сделана попытка овладеть Ольгохтой — но неудачно — со стороны красных 4 (три между 28/XII, 4/I и 10/I) и со стороны белых одна (второй бой 4/I). Итого за обладание Ольгохтой велось 8 боёв. Это уже кое-что указывает. Но если Вы не сделали это теперь, то приведите это в следующей книге. О значении владения Ольгохтой для разведки

и отдыха главных сил я Вам уже писал. Там у Вас прибавятся к 8 боям за Ольгохту ещё, кажется, 2 (захват красными и, по Покусу, неудачная попытка белых 5?/II), а может быть, и больше. При этом не лишне будет указать, что преимущество было на стороне искусства белых, и за период борьбы на Амурской границе между Волочаевкой и Ином, с 24/XII/21 г. до 12/II/22 г. (время захвата и отдачи Волочаевки) белые владели этим важным промежуточным пунктом в течение 38 дней, а красные — 13 дней. День захвата я при этом причисляю к захватившим (24/XII белым, 4/I красным, 9/I белым, 5/II красным).

При перечислении трофеев на стр. 158 Вы делаете нехорошую ошибку, ставя на первое место мешки с серебром. Надо ставить трофеи в порядке их «почётности» — крупное оружие, старшие начальники, знамёна, пленные, ручное оружие, потом уже лошади, повозки, деньги, продовольствие и т. д.

На той же странице Вы выражаете желание сохранить в памяти имена тех, кто отдал свою жизнь за благо Отечества, а дальше идёт список этих имён, в который втесались конь Пуля, конь Мишка...

Ну, вот и кончил. 2-ю книгу мне удалось разобрать гораздо подробнее, касаясь всяких мелочей, придираясь ко всем пустякам, и, может быть, Вы подумаете, что она написана хуже 1-й. Это будет не совсем так. 1-ю книгу я не разбирал так тщательно, и, по-моему, она имеет больше недостатков. В своё время я Вам написал, что важное преимущество 2-й книги — отсутствие особо крупных ошибок — разных Губеров[ских] и Дормидонт[овских] планов. Во 2-й книге (как и в 1-й) есть ошибки и недочёты среднего масштаба, которых, возможно, будет ещё меньше в 3-й книге. Мелочи, конечно, неизбежны. Заканчивая этот разбор, горячо желаю Вам, чтобы в Вашей 3-й книге недочётов было возможно меньше. С этой целью я и нападал так на Вас. Может быть, эти нападки не всегда верны и не всегда справедливы. Но надеюсь, Вы мне это простите, а польза от этого всё же будет — критика нужна и необходима для совершенствования последующих трудов.

В следующий раз напишу об Уральских событиях. Здесь, конечно, я Вам не могу помочь в той мере, как в Хабар. походе. События мне совершенно не знакомы, и лишь поправки «технического» характера и кое-что об общем фоне могут принести пользу Вам с моей стороны.

Посылаю маленькую амер. статейку — из событий во Владивостоке 1918–20 гг.

Желаю всего, всего лучшего.

Искренне Ваш А. Ефимов

27/IV — 1934 г.

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

1 апреля 1934 года

А. Г. Ефимову

1324 Скотт Стрит

Сан-Франциско, С. А. С. Ш.

Господин полковник,

Глубокоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Ваше обширное письмо от 1 марта получил несколько дней тому назад. Большое спасибо за него.

Полк. Александров и ген. Сахаров под Владимировкой. В оценке действий этих начальников в означенном бою Вы, безусловно, делаете огромную ошибку, приписывая успех Александрову. Безусловно, дело здесь выгорело исключительно благодаря Сахарову, ибо Александров не пошёл бы никогда сам со своей бригадой в деревню и не атаковал бы противника. Здесь Александров был не столь «подтолкнут», сколь «вытащен за ухо в середину деревни». Обратите внимание на начало нового отрывка (под звёздочками) на стр. 215 моей первой книги, а также на конец первого отрывка на стр. 214. Александров вовсе не изъявлял особой готовности двигаться вперёд, и только грубый окрик ген. Сахарова, приказавшего без замедления подняться и идти вперёд, вынудил Александрова исполнить приказ. Имейте в виду, что Сахаров въехал в цепь артил. дивизиона, и весь этот разговор произошёл на глазах у чинов артил. дивизиона, а также головы Волжан. Красные были сбиты частями 1-й бригады, без помощи частей Поволжской, но и только. Следует, безусловно, указать, что руководство ударом во Владимировке принадлежало Сахарову, а не Александрову. Александров себя «блестяще» выявил — середина стр. 219 и всё это, вместе взятое, плюс 1-й Ин, плюс 2-й Ин, безусловно (по моему мнению) рисуют Александрова как первостатейного ловчилу: пусть другие влипают, а моя хата с краю. Хочу знать

Ваше мнение об Александрове, т. к. Вам приходилось с ним встречаться, сталкиваться, имея дела в равной плоскости, а то и будучи его начальником; я же наблюдал его только снизу вверх. Во всём остальном содержании Вашего письма — всё согласуется с моим мнением. Есть некоторые мелочи о втором Ине, но об этом позднее.

Операция Вержбицкому. Два дня тому назад в газете была заметка, что в Харбине доктором Голубевым в его лечебнице была произведена операция ген. Вержбицкому в полости желудка, длившаяся 1 час 15 минут. Прошла она благополучно, и генерал чувствует себя лучше. Об этом я говорил вчера с ген. Смолиным — для него моё сообщение явилось большой новостью.

Смолин. В своём последнем письме я писал, что ген. Смолин устроился управляющим одним большим апартмент-хаузом (англ. apartment house — многоквартирный дом. — *Сост.*) — 7 этажей. Я у него был два раза. Он получает маленькое жалованье — 120 рублей, но на всём готовом, а потому должно считать, что устроился он прилично вполне. Его квартира — три комнаты плюс кухня, ванная, прихожая, горячее отопление, свет, обстановка. Работа не изнурительная, но к месту он, конечно, привязан. Пожалуй, лучше было бы иметь одну комнату, да больше жалованья, но, конечно, и так неплохо. Ген. Смолин просматривает мою книгу «На путях к Уралу». Делает кое-какие помарки. Теперь я поджидаю от Вас и затем в начале мая хочу слать в набор, дабы к осени выпустить две книги.

«Вестник ветеранов Великой войны». Большое спасибо, что Вы уплатили за меня. Ко мне уже пришли №№ 91, 92, но у меня нет № 87–90. Был бы поэтому Вам очень благодарен, если бы Вы попросили эти номера выслать мне.

«Ещё жив». Вчера получил от Вас эти вырезки (из журнала "Still Alive" — «Ещё жив». — *Прим. сост.*). Большое спасибо. Ещё, конечно, не читал — только перелистал.

«Китай, как он есть». Вчера получил письмо от ген. Вишневского, из коего понял, что данная книга Вам как будто бы ещё не выслана. Сейчас пишу ему и прошу выслать Вам.

27 мая.

Прошло почти полных два месяца, как начал я это письмо. Время бежит так быстро, что только поражаешься. Что сделал и в течение этих двух месяцев — ничего или почти ничего.

Для Вашего большего ознакомления со мною, точнее с нами, т. е. женою моею и мною, посылаю в данном письме свежую нашу фотографию — для паспорта. На днях получил Ваше письмо от 27/IV со вложением чека на 5. Большое спасибо и за то, и за другое, но я указывал уже Вам и просил ОСТАВИТЬ ЭТУ СУММУ на покрытие Ваших расходов по переписке. Сейчас я опять повторяю и самым убедительным образом прошу вычесть из платежа от фон Ваха свои расходы: я полагаю, что Вам пойдёт вся сумма. Это должно быть, ибо книга должна себя окупать, то есть покрывать все сопряжённые с её написанием расходы. Надеюсь, что эту мою просьбу мне не придётся повторять.

Относительно КНИГИ ВАШИХ СОБСТВЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ я считаю, что дело это также должно быть решено, и не отдельные статьи и отрывки в различных журналах должны Вы помещать, но выпустить целую свою книгу, которую я издам. Книгу в 150–200 страниц Вы всегда и быстро напишете, а потому я буду поджидать от Вас не отрицательного ответа, но положительного и присылки Вашей рукописи к месяцу ноябрю сего года. Положение, Вы видите, таково, что, работая в единичном порядке (при поддержке других лиц), я смогу выпускать в год по чайной ложке, между тем история нашей армии так богата интересными, назидательными страницами, что на этой ниве должны работать по крайней мере несколько человек. Т. к. Вы имеете записки, так как Вы пишете более чем хорошо и основательно, то я не вижу причин, почему Вы стали бы отказываться. Конечно, не следует переутомлять себя, не следует корпеть всё время над бумагой, но когда у Вас имеется часок и желание, то пишите. Вы пишете так много мне, так подробно и основательно разбираете мою работу, что я считаю, что Вы во всяком случае должны не столько помогать, сколь работать самостоятельно и дать ценную вещь. Я хочу надеяться, что дело это решённое. Таким путём я надеюсь отблагодарить Вас частично за все Ваши указания, советы и пр. и пр.

Третью книгу я всё ещё не сдал в набор, хотя и подписал уже контракт.

Жена уехала 7 мая в Японию. Там она сняла дачу и будет сдавать комнаты со столом. В этом году допуск русских эмигрантов в Японию сильно увеличен, а потому надо надеяться, что будет много желающих поселиться.

Большое спасибо за полный разбор 2-й книги, за высылку «Вестника». Как поживает ген. Молчанов? Привет ему от меня.

Не тревожатся ли Торопов и другие за свои фотографические карточки? Пусть не беспокоятся — всё верну.

С Зайцевым и Ореховым к настоящему времени я всё уладил. Между прочим, в конце концов выяснилось, что виновен больше Орехов, которого я совсем не понимаю. Мне не хочется сказать, что Орехов минимум непорядочен, но, кажется, это приходится признать (это между нами). И если это так, то как грустно, что у нашего «белого» дела стоят такие люди.

Получили ли Вы теперь книгу Арнольдова?? Простите, что краток, подробнее напишу позднее. Сейчас уйма пустой работы.

Будьте здоровы. Всего самого лучшего Вашей семье и ген. Молчанову. Ещё раз большое спасибо за содействие и критику, которую я очень ценю и ничуть не обижаюсь, но я был очень удивлён и огорчён услышать от Вас, что Вы с Аргуновым «пригодились только как фон для доблестного Сахарова». Этого я никак не хотел сказать, и по выполнению операции я считал его ниже Вас и Аргунова. Говоря про Вас, что Вы «скромны и воспитаны», я тем самым ничуть не хотел Вас обидеть, но именно подчеркнуть Ваше благородство, о чём свидетельствуют поголовно Ваши бывшие подчинённые — Добровольцы, Воткинцы, Ижевцы (я ставлю более чужих вперёд).

Привет. Уважающий Вас —

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

Получено 21/6/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Добрался до Вашего нового труда. При разборе его, к сожалению, я не смогу Вам дать той помощи, какую старался оказать при «Белоповстанцах». События почти совсем мне не известны и потому фактического материала я не могу касаться совершенно и должен принимать его таким, какой он есть. Оценки событий с военной стороны для меня сильно затруднены отсутствием карт — без представления местности лучше за это дело не браться. Остаётся чисто внешняя обработка текста, технические поправки и кое-какие места общего характера.

Из двух предполагаемых Вами названий — «Борьба на Урале» или «Молодая армия», — безусловно, следует предпочесть первое. «Мол. армия» ничего не говорит, и, кроме того, многие считают «белые» армии преемницами заветов и традиций старой Императорской Армии, что в некоторых случаях имеет основание (уставы, примерно форма одежды, в Уральском полку хранились старые знамёна; некоторые основы дисциплины и многое другое). «Молодая» армия не является совершенно молодой, вновь родившейся, а, скорее, возродившейся и разросшейся из кадров старой Армии. У Вас даже указывается на большое значение старой 11-й Сиб. дивизии в событиях в Западной Сибири. Из её кадров вышли вожди и командиры новых полков «молодой» армии. И без этой старой закваски новая армия не могла бы столь быстро создаться. Это, безусловно, в некоторых отношениях «возрождение» старого, а не создание совершенно нового. Может быть, лучше назвать «Борьба с большевиками на Урале», — определённее.

В Вашем предисловии Вы, по-моему, совершенно правильно указываете, что данная книга будет больше «очерками». За отсутствием документов и, наверное, с пропуском многих событий, такое предупреждение будет весьма кстати. Напрасно дальше говорите о «ряде ничтожных мелочей». В истории некоторые мелочи очень характерны и очень необходимы, и лучше: «ряда сравнительных (относительных и пр.) мелочей».

В самом начале у Вас неверно, что «в это время с востока, из таинственно-дикой Сибири...» В это время (начало лета 1918 г.) были уже и армии на Волге и Каме.

Начальные строки первой главы у Вас совершенно неправильны, и это — единственный пока пункт, о котором я должен сказать Вам довольно много. Это опять несчастные чехи. Почему Вы перед ними так раскланиваетесь? Во 2-м томе «Белоповстанцев» Вы допустили обидную для русского человека мысль, что 30 000 чехов могли бы, если [бы] захотели, спасти всю Россию.

Здесь у Вас чехи — начало всех начал: «Начало вооружённой борьбы... в широком масштабе общеизвестно: самооборона чехослов[аков], к которым стало присоединяться... офицерство...»

Значит, не выступи чехи, офицерству не к кому было бы присоединиться и никакой вооружённой борьбы не произошло бы?! Можно ли так необдуманно излагать события, умаляя всё своё и возвеличивая иностранщину!! Но Вы это делаете, явно

противореча самому себе на следующей же странице. Здесь Вы говорите о Гришине-Алмазове[190] и Павле Михайлове[191], организовывавших офицерство ещё при большевиках. Но шла не только организация, были и восстания, первое время разрозненные и неудачные. О восстании в Иркутске 12 июня [1918 г.], за месяц до того, как Иркутск был занят Пепеляевым и чехами (12 июля), рассказывает Долгово-Сабуров[192] в № 52 «Вестника»* Было много восстаний и в других местах Сибири безо всякой помощи чехов и даже до их выступления. Дутов, принадлежавший также к Восточному фронту Белой борьбы, начал свою борьбу ещё в 1917 году. Совершенно нельзя сказать, что было бы, если бы чехо-словаки не выступили, — как бы потекли события... Но борьба была бы, и организация к ней шла полным ходом согласно Ваших же данных. Можно предполагать, что постепенно антибольшевистское движение разрасталось бы всё больше и больше, может быть, вспыхивали [бы] восстания, вначале неудачные, но постепенно приобретался бы опыт, сплочённость, объединение и т. д., и возможно, что борьба с большевиками приняла бы совсем другие формы. Возможно, что она была бы менее напряжённой, но более продолжительной. Также возможно, что она не кончалась бы решительной победой большевиков, а, постоянно вспыхивая изнутри, заставила бы их идти на уступки вроде НЭПа...

Неожиданное вмешательство чехов, и на других фронтах — других иностранцев (французов, англичан на юге, немцев на Украине, японцев и т. д.), принесло некоторую пользу, но принесло и немало вреда, и последнего, по-моему, гораздо больше. Чтобы правильно судить об этом и решить, к чему привело это вмешательство иностранцев, необходимо подробнее проследить их роль в борьбе большевиков с русскими национальными силами. Теперь гораздо легче подвести этому итоги, чем тогда, во время самих событий, когда казалось (и когда большинство надеялось), что иностранцы пришли нас спасать и что они такие добрые, что готовы нам от всей души и бескорыстно помогать, не жалея для нас, несчастных, ни денег, ни жертв кровью. Теперь можно определённо утверждать, что все иностранцы: 1) большевиков уничтожать не собирались, а преследовали свои цели и выгоды

---

* *Д.-С.* Теперь и тогда // Вестник ОРВВВ. № 52–53, 1930, с. 23–32. — *Прим. сост.*

(сначала восстановить фронт против Германии, потом отхватить куски от России или, как чехи, скорее выбраться к себе); 2) поддерживали белых исключительно для исполнения намеченных своих личных целей и, когда видели, что их достижение затруднено или неисполнимо, бросали белых на произвол судьбы, прекращали помощь, предавали и ещё старались смотаться домой под прикрытием тех же брошенных белых; 3) после этого обменивались дипломатическими представителями с большевиками, заключали торговые договоры и даже готовы заключить с СССР союзы. Из этого вытекает основная разница между действиями нашими и иностранцами всех сортов. Для нас это был вопрос жизни и смерти, вопрос существования Родной Земли, а для иностранцев — удобный момент для разных политических махинаций и экономических захватов. Исходя из этой основной разницы, которая теперь-то уже достаточно ясна для каждого, не следует слишком возносить всех иностранцев и приписывать им то, чего они и не помышляли делать. Вы всё ещё живёте впечатлениями того момента, и их считаете за действительность. Но холодный анализ историка должен решительно покончить с этими внешними впечатлениями, как бы ярки они ни были. Выступление чехов было слишком неожиданно для всех — и большевиков, и антибольшевиков. При том хаотическом состоянии, в котором находились вооружённые силы красных, и зачаточности в подполье сил их противников, выступление 30 000 организованной массы чехов было действительно весьма крупным событием для того, и только того момента. Это событие было использовано антибольшевиками для открытия выступлений, и об этом выступлении чехов кричалось и раздувалось вовсю с определённой целью: повысить настроение среди антибольшевистского лагеря, привлечь в свои ряды возможно больше народа, воздействовать морально на большевиков. Но когда, почти сейчас же, начались разные трения между русскими и чехами, об этом усиленно скрывалось, чтобы не повредить успеху борьбы. Точно так же, когда, повоевав месяца 2, чехи отказались дальше держать фронт и потекли в тыл, это затушевывали, скрывали, говорили, что чехи до того утомились, что нуждаются в отдыхе, что после отдыха они опять будут сражаться и т. д. Для руководителей Белой борьбы цена чехов была ясна сразу, но необходимость использовать их выступление и по возможности силы, заставляла кричать об их выдающейся роли, об их подвигах и т. д. и замалчивать об их

безобразиях, грабежах, трусости, отказе повиноваться приказам, самовольных уходах с фронта до смены и т. д.

Теперь-то истины скрывать не приходится, и следует всё поставить на своё место. В первую очередь историку следует отличать борьбу с большевиками русских сил, имевших глубоко идейную задачу спасения Родины, от действий различных иностранцев, имевших исключительно корыстную цель. В этом отношении следует держаться как раз обратного тому, что говорят, пишут и вдалбливают во все головы большевики. Они сознательно соединяют русские белые силы с иностранцами: «русская и иностранная буржуазия, домашняя и заграничная контрреволюция», «в дружественном единении старались раздавить русскую революцию, закабалить вновь русск. крестьянина и рабочего», «русские капиталисты, помещики и генералы в трогательном единомыслии со своими иностран. собратьями залили кровью крестьян и рабочих...». Для них это имеет не только программный смысл их учения, по которому все народы делятся на угнетателей и угнетённых, но ещё гораздо больший практический смысл, противоречащий их программе: выставить себя защитниками пролетарского отечества (для широких масс звучавшего «матушкой-Россией» в красном сарафане).

В противоположность большевикам, каждому русскому национальному историку или писателю следует резко отделять белую борьбу от вмешательства иностранцев и их случайной или нарочитой, корыстной помощи.

Это тем более следует делать, что сами иностранцы, в своих опять-таки целях, для самооправдания, прикрывая свои грехи, стараются все события изобразить так, что они делали всё очень хорошо, помогали как могли, а русские сами себе портили, сами виноваты, что их разбили большевики. Помню, мне пришлось читать про Архангельский фронт воспоминания какого-то американца. Даже в чисто военном отношении он старается изобразить дело так, что русские отряды никуда не годились, бегали с фронта, а по-настоящему дрались только они да англичане. Он указывает и факты, против которых, собственно, возразить очень трудно. Но важны тут не голые факты, а также их всестороннее и беспристрастное освещение. Иностранцы имели правильно организованные воинские части, имевшие вдоволь снаряжения, вооружения, боевых припасов, продовольствия и транспортов на случай бегства. Русские отряды состояли из разных элементов от

стойких антибольшевиков до тайных сообщников большевиков и с большой массой неустойчивого элемента, ожидающего времени «чья возьмёт». Эти отряды не имели иногда ни достаточного оружия, снаряжения и продовольствия, очень часто оставались без огнеприпасов и уже, конечно, не располагали транспортами, которые могли бы отвезти их в случае неудачи в какое-то новое отечество. Они осуждались на гибель или на случайное спасение, если удастся перейти границу (румыны не пускали) или уплыть морем, если будут пароходы. Всё это тоже надо учесть, — разница в условиях борьбы для иностранцев и русских была несоизмеримая. Наконец, когда дело было плохо и своевременно бежать не удавалось, иностранцы стремились удрать под прикрытием тех же русских отрядов, которые они так слабо расценивают теперь в своих воспоминаниях, и, наконец, не останавливались перед самым гнусным предательством. Интересно отметить, что на всех фронтах «союзнички» сматывались первыми, предоставляя русским белым отрядам, которым они будто бы хотели помочь в борьбе с большевиками, защищать их бегство и гибнуть. О том, как французы бежали из Одессы, я уже Вам писал. Могущественная японская армия и из Забайкалья, и из Приморья уходила под прикрытием белых. Честный воин и союзник должен был бы сказать: «Мы уходим, а Вы слабы и не сможете удержаться. Приготовьтесь к уходу и отступайте вместе с нами или раньше нас». Ничего подобного не было, а считающаяся (после уничтожения германской) лучшей армией в мире Императорская японская армия старалась улизнуть из областей России под прикрытием обессиленных, измотанных русских белых отрядов. В Приморье это целиком не удалось, и, говорят, японцы, оставшиеся последними во Владивостоке, страшно нервничали и боялись, что будут уничтожены большевиками.

Когда мы, отступая по Сибири, опередили чешские эшелоны, чехи поступили просто. Они не открыли вновь фронта, а договорились с большевиками и за разрешение двигаться дальше предали адмирала Колчака; отдали русское золото и т. д. Если бы могли, то предали бы и нас, заперев где-нибудь проход между Красноярском и Байкалом, да трусили.

Только один раз мне пришлось слышать, что союзнички оказались «благородными» и пропустили вперёд маленький русский отряд, а сами остались в арьергарде. Это было где-то на персидской границе с отрядами русских и англичан, отступавших

с Кавказа. Отряд англичан был сравнительно большой и хорошо вооружённый, имел сильную артиллерию (кажется, 16 пушек). Они остались сзади, но большевики их как-то обошли, и они бросились бежать, оставив на месте пушки. Части эти были оштрафованы каким-то особым английским порядком.

Других примеров пропускания вперёд русских белых мне слышать не приходилось. Наоборот, всяческих затруднений с эвакуацией и желанием отделаться от хлопот и бросить русских на произвол судьбы — сколько угодно. Даже эвакуация из Одессы (вторая, в 1920 г.) — пункта, находящегося «на глазах всей Европы», откуда неудобно было удирать чересчур предательски, была совершена с большими помехами и какими-то непонятными обманами со стороны англичан. Требовали защищать Одессу, когда это стратегически было невыгодно, обещали пропуск на Румынию, что не выполнено, а возможно, — с целью развязаться от этого тяжёлого русского груза, требующего в несчастье минимальной поддержки и приблизительного исполнения «союзнических» обязательств. Об этом Вы, наверное, читали в № 121 и 125 «Часового» в статьях ген. Шиллинга и Промтова. Пишут осторожно, вежливо, как будто боятся чересчур задеть англичан. Когда нужно было быть с ними любезными (от этого зависела их помощь), — сдержанность была вполне понятна. Теперь, по-моему, следует открыто писать обо всех их махинациях, обманах и истинных намерениях. Тем более нечего скрывать предательства и грабежи чехов и вместо этого приписывать им благородные порывы в спасении России.

Для правильного представления о действиях иностранцев необходимо разобраться, какую пользу и какой вред принесли они русским национальным силам. Польза главным образом в доставке разной материальной помощи, приходившей с большим опозданием или прекращавшейся тогда, когда было особенно нужно. Вспомним японцев, которые охотно подбивали нас к драке с красными, а патронов из наших же складов не давали, Хабаровский поход мы кончали с огромной нуждой в патронах, вагонов из Приморья почти не выпускали или под строгим учётом и требованием возвращения и т. д. Про боевые силы говорить не приходится, их на фронтах, кроме чехов в течение короткого времени, не было. В тылу производили экзекуции, и это был № 1 из ряда вредных сторон деятельности иностранщины. Этот пункт большевики очень искусно использовали для своей пропаганды

и получили большую прибыль. Выходило действительно так, что они являются защитниками русского народа против нашествия иноплеменников, а мы, белые, — изменниками. Мы принимали помощь от иностранцев, в тылу у нас безобразничали иностранные войска, для представителей иностранцев у нас отводились лучшие помещения, гостиницы, казармы, отдавались лучшие вагоны, да и вообще жел. дорога больше служила для иностранцев, чем для нас (в Сибири особенно, где дело кончилось тем, что чехи отступали по жел. дороге, а мы трепались пешком и даже раненых не могли эвакуировать — вагоны с ними застревали, и раненые замерзали). Вся эта картина сама собой говорила не в нашу пользу, а в пользу большевиков. И у большевиков были свои иностранцы — латыши, мадьяры, китайцы и т. д. Но какая разница! Эти части находились в полном подчинении большевиков, сражались на фронте и ни в малейшей степени не изображали из себя «союзников», не предъявляли и не могли предъявлять никаких особых требований и привилегий.

В общем результате одна эта причина — господство иностранщины в белом лагере — принесла белому движению, по моему мнению, гораздо более вреда, чем пользы. Это первое зло.

Второе зло исходит из географических условий. Иностранцы могли помогать с моря, со стороны портов. Это заставляло белые армии на всех фронтах тянуться к портам в надежде получить большую помощь от иностранцев. Невольно всё базирование антибольшевиков приноравливалось в направлении портов, расчёты велись на внешнюю помощь, а не на внутренние ресурсы России (помните, по вопросу о «базах» я Вам писал, что в гражданской войне того типа, которой была наша, базы находятся не в тылу, а по обе стороны фронта). Это привело к тому, что к белым армиям на окраины стекалось всё энергичное и стойкое из центра России, пробираясь через фронт. Это, конечно, главным образом офицерство и молодёжь. На окраинах был переизбыток офицерства (особенно на Юге), офицеры сражались, как рядовые, а в центре России некому было волновать недовольных и подымать восстания. Вспомним, что в первое время, когда этого перемещения не было, в центральной России был ряд сильных восстаний. Перхуров поднял восстание в Ярославле и дрался более 2 недель. Около этого же времени были восстания в Рыбинске и Муроме. Ижевское восстание можно отнести также к этому разряду внутренних восстаний,

т. к. оно вспыхнуло самостоятельно, в тылу красного фронта. Все эти восстания могли первое время подавляться, часть энергичных вождей уничтожаться, но это не прекратило бы их совсем. Слухи (даже определ. сведения) о недавних восстаниях на Кубани и др. местах об этом свидетельствуют. Образование фронтов в направлении к границам (к морям) очистило для большевиков центр от наиболее опасного для них элемента. Такие железные люди, как Перхуров, такие отличные бойцы, как Ижевские и Воткинские рабочие, бросили свои места и потянулись на фронты. В центре оставалось немало «бродильного» элемента, но всё наиболее энергичное, в том числе и способное руководить и двигать, ушло, и некому было расшатывать большевиков частыми и сильными восстаниями.

Это второе значительное зло, в котором иностранцы сами по себе неповинны, но которое они причинили тем, что притянули антибольшевистские силы к морям в надежде на скорую и обильную помощь.

Третье зло вытекает из второго, является его продолжением. Окончание борьбы с большевиками по местности относится как раз ко всем этим портам и пограничным пунктам, на которые белые смотрели как на базы, дающие им возможности к усилению борьбы, питающие эту борьбу и подготавливающие победы. Но через эти базы ещё во время хода борьбы стал утекать за границу более слабый и трусливый состав белых армий, а затем там же искали своего спасения и разбитые остатки белых армий. Это положило довольно резкую грань в борьбе и чрезвычайно подняло большевиков и в своих собственных глазах, и в глазах русского народа, и среди других наций.

Окончательно борьба не заглохла. Новые восстания в Кронштадте, Антонова в Тамб[овской] губ., в Самарк[андской], Витеб[ской] губ., о чем я посылал Вам выписки, опять-таки говорят сами за себя. Тут-то и возникает вопрос, что было бы с большевиками, если бы русская революция происходила без всякого вмешательства иностранцев. Не было бы, наверное, фронтов, не было бы несбыточных надежд и упований на спасителей-иностранцев, не тянулись бы все люди с волей и энергией в образовавшиеся белые армии. Россия бы бурлила значительно дольше, Антоновских восстаний было бы много больше и какой-то результат это имело бы. Около 2 000 000 русских эмигрантов, сейчас на разные лады кричащих

о своём патриотизме и изобретающих сотни способов спасения России, сидели бы все в России. Может быть, половина их примирилась бы с большевиками и тянула свою жизненную лямку, как тянут сейчас за границей; может, немалая часть обратилась бы и в настоящих большевиков. Но несомненно, что очень значительная часть нынешней эмиграции, в числе которых немало выдающихся людей в самых различных областях деятельности, теми или иными путями — недовольством, критикой, восстаниями, моральным и умственным давлением на коммунистов — сделали бы гораздо больше на месте, чем теперь издалека.

На четвёртое место следует поставить то значение, которое имело появление иностранщины для образования красной армии. Без этого появления большевики не создали бы столь быстро столь сильную и, главное, весьма надёжную армию. Появление иностранцев всегда вызывает подозрение в захватнических намерениях, оскорбляет национальное чувство, вызывает подъём патриотизма и пламенное желание дать в шею пришельцам. Большевики это использовали, превратились в патриотов и под страхом гибели от интервенции стали энергично и спешно формировать регулярную армию вместо тех отрядов красной гвардии, которую полагалось у них иметь согласно их воззрений (регулярная армия должна быть уничтожена, допускается только милиционная армия). Привлекли для этого немало старых офицеров, которые часто работали не только за страх, но и за совесть, так как на Россию шли иноземные силы. Этого двойственного положения не было бы, если бы иностранцы не появлялись, красные вооружённые силы не были бы созданы в столь мощном виде и не были [бы] столь надёжны. Многочисленные случаи отказа красных частей от усмирения крестьянских восстаний, при весьма добросовестном исполнении своих обязанностей против белых фронтов, необходимость для внутренней службы создания особо надёжных войск ГПУ и ЧОНа указывают, что если бы Россия была предоставлена самой себе, красная армия была [бы] чем-то совсем другим по силе и надёжности, чем это случилось в действительности. Я не хочу этим доказывать весьма гадательную проблему — были бы большевики свергнуты рядом внутренних восстаний? Но, во всяком случае, определённо и твёрдо теперь можно сказать, что ставка антибольшевиков на иностранцев

бита и бита самым решительным образом. И было бы очень хорошо, если бы у нас никогда не возрождалось желание расправиться с большевиками с помощью иностранных сил, никогда бы им больше не доверяли и не ждали от них помощи. Надо надеяться и рассчитывать только на себя, собственными руками ковать своё благополучие и благоденствие своей Родины. Взоры на иностранцев до добра не доведут. Решительная помощь от них будет стоить России очень дорого, лишением части земель и экономической кабалой, а на мелкие приманки лучше и не кидаться, — продадут и обманут, как в 1920 г. Мне кажется, из всех держав наиболее искренно желает уничтожения большевиков Япония. Коммунизм пришёлся по душе азиатским народам, а историей они подготовлены к коммунальному сожительству, а не к широкому развитию западного индивидуализма. Япония боится распространения коммунизма в Китае, потом в Корее и у себя. Но не думаю, чтобы они стремились уничтожить коммунизм в России вообще. Национальная Россия им тоже не по душе. Наверное, самое желательное для них — «освобождение» от большевизма нашего Д. Востока, и, так как прикарманить его неудобно, и так озлобили весь мир, то «освободят» его под видом какой-нибудь новой империи типа Манчугоу[193], под главенством «атамана Пу-и», для чего и держится в консервированном виде Семёнов, как держался в плену и Пу-и.

Может быть, наша Дальневосточная эмиграция делает много в смысле борьбы с большевиками, может быть, она вынуждена идти рядом с японцами, и, может быть, другого выхода нет, но спасения всей России от большевиков в этом не будет.

Если в реальной политике такие отступления в сторону возможны и вынуждены обстановкой, то нельзя согласиться, чтобы духовная подготовка и закаливание характера будущих бойцов сходила с прямого пути чистого национализма, веры в свои собственные силы, отрицания иностранцев как наших спасителей.

В этом отношении и роман Колесникова «Диктатор» создаёт скверное впечатление. Его вождь серебряных рыцарей спасает Россию с помощью прекрасной американки и капиталов её отца. Даже в мечтах наши патриоты не могут обойтись без иностранцев — слишком мы мало уверены в себе и слишком привыкли преклоняться перед всем чужим. В этом отношении такой же

фантастический роман Краснова «За чертополохом»* стоит значительно выше — там русский народ спасается от большевизма исключительно только своими силами.

Так же и в Ваших книгах (и пора уже перейти к ним, а то [я] опять здорово разболтался) Вы допускаете усиленную переоценку всего иностранного, главным образом чехов, и этим умаляете своё. В этом отношении желательно выработать совершенно твёрдый и определённый взгляд: «Боролись и продолжают бороться с большевиками русские и только русские, а все без исключения иностранцы где помогали, а где мешали не ради спасения нас от большевиков, не ради их уничтожения, а лишь имея в виду свои эгоистические цели».

Чем больше читаешь книг и статей по Гражданской войне, тем больше в этом убеждаешься. Да иначе и быть не может, каждое государство руководствуется только своими собственными интересами. Поэтому и историческая справедливость, и воспитательное значение исторических книг требуют всех действующих лиц поставить на свои собственные места и перестать стесняться причинить «друзьям», «союзникам» и «спасителям» неприятности. Они и сами постоят за себя и высоко оценят все свои действия. Но неприятно для русских будет читать ссылки на своих же русских, которыми, несомненно, воспользуются иностранцы: «Мы освободили от большевиков огромную территорию России от Волги до Владивостока. Русский военный исследователь Гражданской войны Б. Филимонов подтверждает, что начало вооружённой борьбы положено нами, и лишь после нашего выступления к нам начали присоединяться русские офицеры, до того времени пребывавшие в бездействии. Значение нашего выступления было огромно, и вся судьба большевиков зависела от нас. Тот же военный исследователь русских во 2-м томе «Белоповстанцев» свидетельствует, что восстания внутри России были подавлены, т. к. мы не могли подать своевременной помощи. Освободив большую часть России, мы, конечно, справились бы с большевиками и в остальной части России, но мы не хотели терять в этом деле драгоценные жизни наших доблестных солдат». Такие хвастливые слова вполне могут появиться у чешских писателей. В своё время они помещали в американских газетах

---

* *Краснов П. Н.* За чертополохом. Берлин: изд-во О. Дьяковой, 1922. — *Прим. сост.*

(наверное, и в других) карты России, где огромная Сибирь была заштрихована, и внизу объяснение, что заштрихованная часть России освобождена доблестью чешского оружия. Пусть хвастаются, но сами, а не с нашей же неосторожной помощью. Это будет иметь совсем другую цену.

Мои первые два выпада против Вашего благоволения к иностранцам остались без ответа с Вашей стороны. Я не знаю, разделяете ли Вы моё мнение или нет. По-видимому, нет, т. к., по-Вашему, чехи могли спасти Россию, если бы поддержали восстания в Ярославле и Муроме (?? — ужасно нелепая мысль с точки зрения стратегии и общей обстановки: от Ярославля до среднего Поволжья 800–1000 вёрст по прямому расстоянию, восстание произошло 2 июля [1918 г.] и продолжалось две с лишним недели, а в это время не был в руках Каппеля и чехов даже Симбирск, не только Казань, захваченная лишь 6 августа, — откуда же можно было поддержать??). Может быть, и тут Вы пожелаете выдвигать и восхвалять чехов и отодвигать в тень русское офицерство и русское белое движение? Буду страшно огорчён.

Но если мне удалось что-либо доказать Вам и убедить в несколько ином отношении ко всей иностранщине, то желательно сделать следующие изменения в начале Вашей книги. Напишу, конечно, в общих чертах:

1) На первом месте, забыв совершенно о чехах, поставить общую политическую обстановку (недовольство, брожение) и, как результат этого, — деятельность офицерских организаций, полки 11-й Сиб. дивизии, Гришин-Алмазов и пр., то есть то, что у Вас на 2-й странице.

2) В противоположность подчёркиванию значения чехов, следует упомянуть о борьбе с большевиками Добровольческой армии Корнилова и про Дутова, действовавших уже с конца 1917 года, а отзвуки этой борьбы, несомненно, докатывались до Сибири.

3) Указать на трудность могущей вспыхнуть борьбы: большие пространства — трудность связи и установления единства действий, возможность разрозненности действий по отдельным очагам восстания и вследствие этого возможность неудач и разгрома по частям в первое время. Потом — накопление опыта, отбор наиболее непримиримых, отход колеблющихся (обычная история во всех революционных, народных и др. движениях, продолжающихся десятками и сотнями лет, — революции в государствах Западной Европы и национальные движения там

же: объединение Италии Гарибальди, объединение Германии, современный фашизм и пр.), долгая глухая борьба в подполье, прерываемая волнениями и мятежами, вероятность успеха при восстании в благоприятный момент.

4) Затем происходит чисто случайный и внешний эпизод — выступление чехо-словаков (для Сибири и Вост. России). Две стороны этого выступления для русских: возможность быстрого установления связи друг с другом, взаимной помощи, установление единства действий и возглавляющих организаций (Уфимск[ое] совещ[ание], установление Директории, потом Прав[ительство] Колчака), т. к. чехи растянулись от Волги до Владивостока и на этом пространстве прервали связь и парализовали действия у большевиков. С другой стороны: преждевременность начала борьбы, т. к. белые силы не успели окристаллизоваться, окрепнуть духовно и морально, что вызвало сразу борьбу в большом масштабе и с сильным напряжением, но силами, слабыми по качеству — примазалось много колеблющегося элемента, внутри белых сил оказались трудно вылавливаемые большевистские элементы, разлагавшие остальных, и т. д. Всего этого не было бы, если бы борьба с большевиками приняла, если можно так выразиться, «нормальное» развитие постепенного наращения и внутреннего укрепления антибольшевистских сил, выработки наиболее удачных методов действий... К этой же обратной стороне относится поведение самих чехо-словаков, быстро бросивших фронт, вносивших разврат и дезорганизацию в наш тыл карательными отрядами, поддержкой партизан, захватом жел. дороги и нарушением почти полностью нашего движения грузов, даже прямыми вооружёнными восстаниями (Гайды во Владивостоке[194]). Всю эту отрицательную картину, конечно, по времени придётся разбить и отнести к соответствующим местам. Но уже в самом начале надо иметь это в виду, чтобы не слишком преувеличивать значение первоначального выступления и быть последовательным в дальнейшем.

Придерживаясь примерно такой схемы описания, Вы придадите событиям их действительную окраску и правильную оценку, а не то внешнее впечатление, от которого не так легко освободиться, но от которого Вы обязаны освободиться как историк. Исследуйте факты во всей их широте и глубине, а не одни внешние эффекты.

Пока об этом довольно. Перейду на мелочи.

На 3-й странице (отмечено Вами карандашом, собственно на 1-й изложения), у Вас в начале отрывка: «Сибирской и армии Комуча». Этот «Комуч» многими ненавиделся и презирался, и потому Вы доставите большое неудовольствие многим лицам, назвав Народную Армию армией Комуча. Желательно избежать.

Там же, в третьем отрывке в первый период борьбы отряды белых состояли не только из высококвалиф. элементов (офицеров и унт.-оф.), но и из учащейся молодёжи; совсем неопытной в военном деле, но крепкой духом.

На 4-й странице, 4-й отрывок: «бело-зелёное знамя (!) гордо взвилось». Это кивок в сторону сепаратизма и областничества. Следует ли это подчёркивать в такой восторженной форме? В этом же отрывке: «обывательности» — вернее будет: «обывательщины».

К сожалению, должен кончить. Продолжение последует. Посылаю чек «Новинки» за 8 проданных книг. Почему они продавали по 1 д. 60 с. — я не знаю. Всего, всего лучшего.

Уважающий Вас А. Ефимов

25/V 1934 г.

Вы писали, что упомянете кратко об Ижев[ском] восстании. Посылаю сведения*, составлявшиеся для ген. Головина. Они Вам могут послужить для проверки, [но] пользоваться без изменений нельзя, т. к. [они] использованы ген. Головиным.

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

Получено 4/7/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Продолжаю разбор Вашей новой книги. На вставной странице (начин. «стала известна...») Вы приводите слова Гинца[195]: «Так было положено начало зависимости гражданской власти от военной» и с этими словами соглашаетесь.

Это не так или не всегда так. Должности управл[яющего] военными делами и командующего армией были, например, совмещены в Приморье в лице ген. Вержбицкого, но не думаю, чтобы это умаляло гражданскую власть. Всё зависит от

* Упомянутые автором сведения об Ижевском восстании в архивном фонде отсутствуют. — *Прим. сост.*

обстоятельств и от действующих личностей. Представители «гражданских» интересов всегда боятся сильной военной власти, сосредоточенной в лице властного военного начальника, и потому стараются эту власть рассредоточить в нескольких руках, причём часто на должности управляющих воен. делами (министров) ставят штатских. В республиках это считается даже нормальным. Вам, как представителю военной среды, соглашаться с Гинцем не следует. Чрезвычайные обстоятельства требуют и чрезвычайных мер, и нормальные порядки перестают удовлетворять своему назначению. Войны и революции прекращают действие конституционных законов (гарантий) в самых «демократических» странах, где армия всегда в тени, и заставляют сосредотачивать власть в руках немногих лиц, из числа которых силой обстоятельств выносятся наверх наиболее твёрдые характеры (Ллойд Джордж в Англии, Клемансо во Франции во время Великой войны). Отсутствие таких лиц с диктаторскими характерами (не замашками только, а действительно великанов ума, прозорливости и воли) всегда ослабляет борющуюся сторону, заставляет всяких Гинцов растаскивать власть и повторять крыловских «Лебедь, рак и щука». У нас, к сожалению, не было ни во время Великой войны, ни во время Гражданской людей типа Петра Великого, Александра III или даже Столыпина. Был разброд партий, групп и всяких течений, руководимых политическими честолюбцами. У наших противников был Ленин, который действительно был выдающимся человеком и держал всё в своих руках и направлял в нужную сторону. Не будучи военным, он все силы направлял на вооружённую борьбу и создал «военный коммунизм»; не командуя армиями, он держал все нити военного управления и тыкал нос Троцкого и других туда, куда нужно было. Против Ленина у нас был ряд довольно хороших, честных и знающих военачальников (Колчак, Деникин, Юденич и др.), но ни один из них не смог выдвинуться в действительные диктаторы — руководители и военной, и политической (гражданской) борьбы с большевиками. Если бы такое лицо было, то безразлично было бы, кто управлял непосредственно военными делами — один или два-три человека, т. к. такое лицо все интересы сосредоточило бы на военной победе в первую голову и не измеряло бы степень зависимости «гражданского» от «военного».

Претензии Гинцов на доминирующее значение «гражданского» элемента в период страшного потрясения показывают

только, что политика целиком заела наших «демократов» и «либералов».

В этом месте следует не безразлично согласиться с Гинцем и тем как бы одобрить его мнение, а высказать сожаление, что в белом лагере не нашлось действительного диктатора, который сумел бы все усилия всех групп и партий, всех «гражданских» и «военных» властей направить на организацию и одержание победы. Гришин-Алмазов был прав, требуя совмещения. Жаль, что у правильной идеи не получилось больших результатов.

На этой же странице — о Пепеляеве. «Не гнушался располагаться с солдатами...» — это качество было, по-моему, нормальным для огромного большинства русского офицерства, и война прошла в самых «братских» отношениях между офицерством и солдатами. Только революция подняла и развила рознь. Такая фраза совершенно непонятна для начала Великой войны, к которой Вы её относите.

Дальше Вы противопоставляете суворовские принципы революционно-эсеровским. Но нельзя сравнивать несоизмеримое — военное с политическим. Если же Вы имеете в виду воспитательные стремления Суворова сделать солдата религиозным и преданным своей Матушке-Царице (или потом Государю), то, по-видимому, и здесь у Вас ошибка: насколько я знаю, Пепеляев на религиозность не упирал и монархическими убеждениями не славился. Видимо, здесь можно говорить только о суворовской тактике.

На стр. 5 о Вержбицком: «Продолжая выявлять свои качества ума, выдержки, он добился за Великую войну ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия». Совершенно невозможно. Для получения Георгия и Георг. оружия нужно было или совершить подвиг или (для старших начальников) одержать победу. Статут был очень строгий, подвиг разбирался в «Георгиевской Думе», состоявшей из Георгиевских кавалеров, и никакие качества ума и выдержки не могли повести к награждению. Если бывали злоупотребления, то лишь от недобросовестного описания подвига и трудности проверки его, случаи довольно редкие после переработки Статута по окончании Японской войны. Таким изложением Вы не только наносите оскорбление Вержбицкому и, наверное, незаслуженно, но и умаляете значение Георгиевских наград, а эти награды очень высоко расценивались в старой Армии.

В № 92 «Вестника»* Вы прочтёте о злоупотреблениях с Георгиевскими наградами, проделанными Ренненкампфом[196]. Но в 1901 году Статут был другой, награждения делались часто без строгой проверки, а в смысле «реляций» такие типы, как Ренненкампфы, действительно не знали границ. Однако надо иметь в виду и имя автора. Будберг отличается исключительной способностью замечать всё отрицательное и тёмное. И не только замечать, но и собирать все слухи и сплетни и выдавать их за факты. Поэтому его воспоминания являются порою ушатами грязи на разных начальников, которые ему не нравились, и на Русскую армию, в которой его «критический» талант видел только ряд промахов, злоупотреблений, недочётов... При чтении так и сквозит: «Все дураки, негодяи, жулики, — один я умный, знающий, дельный и честный».

Вопреки Будбергу — бой под Гирином, или где-то поблизости, был. Я часто гулял по Гиринскому кладбищу, где помню могилу адъютанта батальона, шт.-капитана (фамилию не помню) и нескольких стрелков, убитых при взятии Гирина. Так что и здесь о злоупотреблении в награждении Георгиями Ренненкампфа следует судить не в той мере, как изображено Будбергом.

О «кумовстве» в штабах (стр. 6) Вы говорите в общем смысле. Наверное, были и исклю... *(Окончание письма отсутствует. — Прим. сост.)*

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

25 окт. 1934 г.
Получено 14/11/34

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Получил Вашу открытку из Кацучи. Спасибо за память. Поджидаю Вашу новую книгу. Насколько понял Ваши планы из предыдущих писем, — это будет «Борьба на Урале»**. Не ожидал, что она у Вас будет готова так скоро. Буду очень рад читать ещё один Ваш труд. Написал ли Вам что-нибудь Торопов? Я передал

---

* Автор имеет в виду фрагмент публикации: *Будберг А. П.* Сибирские воспоминания // Вестник ОРВВВ (Сан-Франциско), №№ 54–75, 77, 80–83, 85–99, 1930–1934. — *Прим. сост.*

** Автор имеет в виду книгу Б. Б. Филимонова «На путях к Уралу: поход степных полков, лето 1918 г.». — *Прим. сост.*

ему Ваши черновики, но уже месяцев 5 не видал его. И кажется, через Вас легче узнать об этом, чем живя здесь в одном городе.

Вам не писал целую вечность. Так привык это делать регулярно, что чувствую себя злостным забастовщиком. Не писал, во-первых, потому что не имел от Вас никакой срочной работы. Вторая неприятная причина — болят глаза. После приезда с летнего отдыха почувствовал что-то неладное в глазах и пошёл к доктору. Получил очки, но это помогает отчасти. Должен теперь меньше читать, а это в теперешнее время моё любимое занятие. Наверное, испортил свои глаза (главным образом левый) вследствие 5-летней работы по ночам при электричестве. Да и возраст подошёл, когда обычно глаза слабеют. Таким образом, после своего летнего отдыха пришлось ещё давать отдых своим глазам. Однако на днях думаю возобновить свои писания. Надоело бездельничать. Для 3-й книги «Белоповстанцев» я нового материала не имею. Поэтому напишу кое-какие данные, относящиеся к отступлению нашему в Приморье: организация порядка отступления, переполох на ст. Вяземская после боя у Кукелево и т. д.

От Вашего приятеля из Бразилии Решетникова получил письмо, он благодарит за присланные книги. Видимо, он человек энергичный и упорно куёт себе лучшее существование.

Желаю всего самого лучшего и успехов во всём. Привет Вашей супруге.

Искренне Вас уважающий А. Ефимов

[Б. Б. Филимонов — А. Г. Ефимову]

25 ноября 1934 года

С Рождеством Христовым!

Многоуважаемый Авенир Геннадьевич!

Поздравляю Вас и Вашу семью с праздником и шлю наилучшие свои пожелания к приближающемуся Новому 1935 году. Генералу Молчанову, пожалуйста, передайте мои поздравления, но ему я буду писать, конечно, также и отдельно. Большое спасибо за Ваше письмо — его я получил через день после отправки моей открытки. Сейчас пишу коротко — надо писать ряд поздравительных писем.

Надеюсь, что ЧЕТЫРЕ пакета книг (всего 16 штук) Вы получили в полной исправности. Две из них — одна для ген. Молчанова,

другая — для Вас. Остальные по возможности распространите лично и через фон Ваха. Как понравилась книга? Цену я Вам указывал в открытке. Жду от Вас сообщения и отзыва. Быть может, будет возможность тиснуть отзыв в «Вестник ветеранов»?

Хочу Вас просить о следующем: я Вам давно писал, что «Вестник» доходит до меня весьма неаккуратно, поэтому был бы очень благодарен, если бы они передавали для отправки мне журнал сначала Вам (с наклеенными марками, конечно), а Вы бы переотправляли мне, ибо от Вас и от Орехова я всё имею в порядке, а от них приходит что и когда захочет. Сейчас я нарочно проверил все номера и окончательно установил, что у меня не было получено №№ 77, 87, 88, 89, 90, 95, 96, итого у меня нет семи номеров (последний на руках № 98–99). Мне врать нет смысла, никому этих №№ я не раздавал и пропасть они не могли. Поэтому я предъявляю свой протест «Вестнику» за недосылку мне этих №№. Быть может, Вы сможете их получить у них в редакции, если же они откажутся их выдать бесплатно, то не откажите в любезности приобрести их за мой счёт, но в будущем ни в коем случае они пусть не посылают прямо мне, но только через Вас. Буду надеяться, что Вы сможете уладить это дело (в своей 3-й книге я рекламирую их «Вестник», могли бы и они порекламировать мои книги на своих страницах).

Сейчас приступаю к печатанью книги полк. Хартлинга*[197], о чём Вы уже знаете из предыдущих моих писем (двух общих). Относительно этого способа писать «общие» письма — имеете ли Вы что-либо против? Имеет ли что-либо против этого ген. Молчанов? Пожалуйста, сообщите. Я так поступил из желания всем и каждому дать наиболее подробные и полные вести о себе и нашей общей работе.

Очень сожалею, что у Вас болят глаза. Глаза — один из наиболее важных органов человека, а потому не переутомляйте их, они всегда пригодятся. Если я не ошибаюсь, то у Вас имеется только один сын? Сколько ему лет?

Как отнёсся ген. Молчанов к помещению отрывков из его письма ко мне в книге «На путях к Уралу»? Я не испросил его разрешения из-за недостатка времени — постоянной спешки, в которой живу и работаю. Надеюсь, что ген. Молчанов извинит

---

* *Хартлинг К. Н.* На страже Родины. События во Владивостоке, кон. 1919 г. — нач. 1920 г. Шанхай: Изд-во Т. С. Филимоновой, 1935. — *Прим. сост.*

и простит меня. В следующей книге хочу поместить отрывки (критику) из Ваших писем о моих книгах. Разрешите ли Вы это?

Сейчас, когда Вы видите, что я выпускаю книгу полковника Хартлинга, с которым до января сего 1934 года не был знаком даже по письмам, я полагаю, что МОЁ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВАМ написать какую-либо книгу СОВЕРШЕННО СЕРЬЁЗНО и вполне возможно для проведения его в действ. жизнь. Поэтому я ещё раз самым убедительным образом убеждаю Вас приступить к составлению Вами самим самостоятельной книги на ту тему, кою Вы сами выберете. По моему мнению Вы, как ближайший помощник ген. Молчанова и как командир Ижевцев и Воткинцев, могли бы и должны были [бы] написать весьма ценную книгу о ген. Молчанове, Ижевцах и Воткинцах. Уверяю себя, что Вы приступите к составлению такой книги теперь же. Мысли, которые Вы высказываете в ряде писем ко мне, Ваше изложение стоит на такой высоте, что нет и не может быть никакого сомнения в том, что книга, вышедшая из-под Вашего пера, не будет ценной. Наконец, как последний довод я приведу тот печальный факт, что сам я, как о том указал в предисловии к 1-й книге, приступил к изложению событий на Восточном фронте потому, что такого изложения нет, что его не написали старшие, более опытные, более посвящённые в дела и операции. Теперь, когда на протяжении ряда лет Вы оказываете постоянную помощь мне, когда Вами написаны целые тетради, посвящённые разбору походов, я считаю, что я обязан издать Ваш труд, а Вы не имеете никакого права от этого отказываться. Поэтому я буду ждать от Вас согласия и постепенной высылки Ваших рукописей, дабы я их перепечатывал на машинке, так как набор производится здесь исключительно по печатному.

О прапорщике Носкове я Вам писал, и его работы (схемы в 3-й книге) Вы видели (сегодня прап. Носков сказал мне, что он заметил ошибку в двух схемах — на одной Омутинская севернее жел. дороги, на другой — южнее её). По Вашему требованию Вам будут высланы схемы, вычерченные им, любого района — конечно, они будут базироваться на том материале, что имеется у меня в архиве).

Ну, пока кончаю. Простите за мой напор на Вас, но я думаю, что так нужно и так лучше будет.

Ещё раз желаю всем Вам всего самого доброго и хорошего.

Искренне уважающий Вас —

ПИСЬМА ИЗ АРХИВА ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА (1941, 1951 гг.)*

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

17/VII 1941 г.

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Вернувшись 10 дней назад из отпуска, нашёл Ваши три заказных письма: 1) от 5 июня, 2) от 8–9/VI с «Борьб[ой] в Заур[алье]; 3) VI и VII главы «Белого Приморья». Марки дошли благополучно; передал их одному любителю для ликвидации за $^1/_2$ цены. К перекупщикам не суюсь. Дел с ними не имею, но слыхал, что они у крупных оптовиков покупают хорошие марки за 20–40 % цены по каталогу, а сами если и купят, то редко и за очень хорошие экземпляры (мало заштемпелеванные, не повреждённые зубчики, рисунок в центре и т. д., причём смотрят в увелич. стекло и придираются к каждому пустяку) дают 10 %, редко больше. Ходовые марки совсем не берут или на вес. С книгами сравнить нельзя, — марки такой товар, что если не будет спросу, то лежат годами и не приносят процентов. Вот почему торговцы не любят покупать кроме как у оптовиков (с особыми условиями) или дают гроши. О результатах сообщу. Каталог у меня есть, но местный американский, по нему Ваши № 1, 3, 4, 10, 11 стоят на сенты 2, 2(3), 2, 3 и 5. Другие — не знаю, т. к. мой каталог 1927 года.

Ваш адрес знаю отлично, ошибку дал, т. к. голова кругом шла, "Box-38" — это адрес, куда ездил в отпуск.

Отпуск провёл непродуктивно. Неделю отдыхал полностью, потом стал переписывать про Ижевцев, а последние две недели Совет[ско]-Герм[анская] война выбила совершенно из колеи. Сидел у радио, читал газеты и вёл беседы, а писать уже почти и не пришлось. Написал две главы III и IV, которые и посылаю Вам. Сохраните, пожалуйста, и если будет случай и требование на воспоминание об Ижевцах (например, в Харбине собирались издать сборник о Сибирском походе, просили написать, но потом ничего не вышло), то предоставляю [Вам] право распорядиться по Вашему усмотрению. Надеюсь, что понемногу смогу привести в порядок и остальное.

---

* Архив Гуверовского института, фонд 86026 «Русский католический центр», кор. 7, д. 5 (материалы А. Г. Ефимова). — *Прим. сост.*

Очень сожалею, что юбилей Сереб[ренникова] прошёл столь слабо в материальном смысле. Жаль, что старик не получил подмоги. 3 доллара «за книги» — это моё пожертвование. Я так и понял, что Вы послали книги в подарок, но ввиду положения юбиляра хотел отплатить за подарок подарком, но неясно выразился. Прошу извинения.

Спасибо за карточку Решетникова, кажется, я его видел или похожего на него.

Хорошо, что сообщили Ваш план работ, постáраюсь доставить соответствующий материал. Но пока ничего не посылаю, кроме разговора между ген. Петр[овым] и ген. Молч[ановым]. О главе IX: не думаю, что Озолина[198] следует считать руководителем операции, и даже ставить рядом с Воеводой (ген. Дитерихс — *Сост.*) и Петровым. Он — лицо второстепенное. Его мало знаю, но он не считался у нас сколько-нибудь выдающимся, просто исполнитель чужой воли, хотя иногда и энергичный.

Подробнее позднее. Завтра идёт пароход и тороплюсь отправить это. Наилучшие пожелания. Искренне Ваш А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

18 апреля 1951.

Христос Воскресе!

Дорогой Борис Борисович! Поздравляю Вас и Тамару Семёновну с Ярославом со Светлым Праздником и шлю одно единственное пожелание — получить визу в С. Ш. Не хочется думать, что это дело не удастся, но оно так затянулось, что начинаешь бояться, что ничего не выйдет... Но куда же Вы тогда поедете?! Ваша судьба часто не даёт мне покоя, и я не знаю, когда и как это всё кончится.

Рад только, что Вы не падаете духом и продолжаете своё дело. Вашу тетрадь с переписью источников о борьбе в Сибири я получил в субботу 14 апреля. В воскресенье ко мне заходил ген. Пучков, увидел Вашу работу и очень заинтересовался. Нашёл её весьма ценной и перечисление огромного количества книг и статей (427) считает полезной и нужной классификацией для справок. Он подробно просмотрел некоторых авторов и, между прочим, сказал, что статья ген. Флуга[199] в «Архиве р[усской] р[еволюции]» о его «путешествии в Сибирь в 1918 г.» разыскивалась здесь разными лицами и не могла быть найдена. Нет её

и у самого ген. Флуга. В Об-ве Ветеранов книга «А. Р. Р.» не полностью. Ваша новая работа, конечно, страдает большими пропусками, но и то удивительно, что Вы могли её выполнить. Наверное, часть материала у Вас была подготовлена. В частности, из моих писаний Вы даёте место двум: 1) оценке Вашей первой книги «Белоповстанцы», 4 стр.* и 2) «Захват Владивостока», кажется, около 6–8 стр. У меня были, и, я думаю, посылал Вам их все, статьи в «Вестнике [ОРВВВ]»: «Экспедиция на Сучан» — около 10–12 стр.; «Смерть генерала Круглевского» (бой у Даурии) — около 4 стр. В газете «[Новая] Заря»: «Волочаевский бой» в четырёх номерах, всего 2 газ. страницы; «Красный маршал Блюхер» (большая часть статьи относится к его сибирским, и на Урале, делам), тоже около 2 газетных страниц. Всё это где-то заложено, и я не могу Вам дать точных указаний о страницах. Последнюю статью я для Вас сохранил, думал передать здесь. Вышлю, когда выяснится Ваша новая квартира. Важнейшая моя работа об Ижевцах (две главы посылал Вам) — на «точке замерзания». Жаль, что Ваши усилия, столь нужные для закрепления минувшей истории в книгах и статьях, остановились как раз тогда, когда [Вы] приобрели опыт и накопили много материалов.

Вы уже, наверное, получили ответ пароходной компании о ящиках Ваших и Кисовских. М-me Кисовская писала мне два раза и просила помочь. Я без Вашего согласия не считаю это возможным. Но организация, помогающая им, может потребовать ящики через суд. Очень прошу Вас списаться с Кис[овскими] и уладить дело. Если дойдёт до суда, на мою помощь не рассчитывайте — у меня нет ни данных, ни доказательств, кто кому должен.

Пока всего, всего лучшего. Ваш А. Ефимов

[А. Г. Ефимов — Б. Б. Филимонову]

20 нояб. 1951.

Дорогой Борис Борисович!

В воскресенье (18-го) бросил Вам письмо, и после этого зашёл ко мне ген. Пучков с Вашим письмом, которое я переслал ему по почте. Он спрашивал, как посылать «Вестник» Харжевскому[200],

* Все перечисленные в этом письме статьи А. Г. Ефимова см. в настоящем сборнике, в т. ч. библиографические ссылки на авторские публикации. — *Прим. сост.*

адрес Вы не указали. Я не счёл возможным обременять его рассылкой «Вестника» и взял это на себя. Но также не знаю адреса Харжевского — сообщите в ближайшем письме. К этому времени, наверное, выйдет и следующий «Вестник». Относительно печатания других Ваших статей ген. Пучков собирается Вам написать лично. Мне он сказал, что средства (т. е. не бумага, а работа — печатание, размножение, брошюровка и т. д.) у них ограничены, на всё это не хватает достаточно рук и времени.

Как уже написал, события у Шавли, Муча и Янишки отпечатаны, но будут разбиты на 2 номера. Всего получилось 13 страниц*

За редакцию сокращённых событий ответственен я, т. к. я выбирал, что считал желательным и интересным для читателя. Руководствовался: 1) самое главное — описание боевых действий, и 2) общая обстановка, которая давала фон, смысл и направление для боевых действий. В этом последнем большое значение имело, как ген. Апухтин[201] оценивал события и к каким решениям приходил. Я никогда о нём раньше не слыхал, узнал только из Вашего труда и не могу понять, почему Вы хотите изобразить его трусом, сбежавшим из Шавли. Из его поведения с более сильными мира сего видно, что [он] не боялся начальства и был человек большого мужества. Этим у нас не обладали многие, которые были храбры в бою. Его ошибка, что выбрал неудачный момент отъезда в Митаву для доклада Алекс[ееву] и дал повод говорить о бегстве. Он виновен в другом, обратном, — слишком близко держался к фронту главного направления. Он должен был с самого начала выбрать своим командным пунктом Шавли или Митаву (при фронте от Либавы до Юрбурга в 150 в. с лишним), разбить этот огром. фронт на участки, назначить полк. Фил[имонова], дав ему долж[ность] к-ра бригады, начальн[иком] главн. участка, обеспечить связь с участками и с отдельн. отрядами и т. д.

Тогда не было бы того, что случилось — полное неведение, что творится на этом большом фронте и где многочисл. отряды. Ген. Апухтин оказался только нач. своей $^1/_2$ дивизии, а не нач. Риго-Шав[ельского] отряда.

Лучшие пожелания — Ваш А. Ефимов

---

* Автор имеет в виду отрывки из неизданной книги Б. Б. Филимонова «Новоржевцы» (об истории 269-го пехотного Новоржевского полка), которые были опубликованы Ефимовым в «Вестнике ОРВВВ» (№№ 185–187, 1951–1952). — *Прим. сост.*

ПИСЬМА ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ В САН-ФРАНЦИСКО[202]

[А. Г. Ефимов — Г. К. Бологову]*

Председателю Правления Русского Центра [Сан-Франциско]
Полковнику Григорию Кирилловичу Бологову

Глубокоуважаемый Григорий Кириллович!

Ижевцы и Воткинцы сердечно благодарят Вас за участие в праздновании 40-летия восстания, за полученные от Вас красиво исполненные памятки с поздравлением от Русского Центра и с песнями Ижевцев и Воткинцев и за приветствие в Вашей блестящей речи.

Просим также передать нашу благодарность Вашему сотруднику Анатолию Владимировичу Скрипкину за посещение нашего юбилея.

Примите наше пожелание успехов во всех Ваших делах.

Представитель группы Ижевцев и Воткинцев А. Ефимов
17/VIII — 1958 г.
г. Сан-Франциско

[А. Г. Ефимов — Г. Н. Блинову[203]]**

Дорогой Геннадий Николаевич!

В этом году Ижевцы и Воткинцы Сан-Франциско и окрестностей захотели отметить день восстания более оживлённо, на манер 1958 года, когда было 40-летие. После молебна и литии в Храме Воскресения Христова (106 Six Ave., около Lake Str.) 13 августа будет слёт на чашку крепкого чая. Место ещё не выбрано, т. к. встретились затруднения из-за отъезда прежней устроительницы. Выяснится 30 июля. На расходы решено собрать по $7.00 с брата и 6.00 с сестры.

---

* Рукопись, МРКСФ, фонд 3409 «Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско», кор. 1, д. 7.— *Прим. сост.*

** Там же.

Было бы очень желательно видеть опять Вас и Ольгу Васильевну. Не откажите сообщить о Вашем решении. От жены и меня просим Вас обоих принять наши лучшие пожелания.

Ваш А. Ефимов

25/VII 1961,

г. Сан-Франциско.

В случае согласия не откажите сообщить по возможности не позднее 8 августа по адресу: Mr. V. P. Sapegin, 472 Funston Ave., S. F. 18, или Викторину Михайловичу.

E.

[А. Г. Ефимов — Н. Е. Старцеву[204]]*

Дорогой Николай Ефимович!

Не откажите в любезности размножить прилагаемое Извещение для рассылки всем членам Объединения, семейным можно одно на мужа и жену. Несколько штук лишних для посылки в дальние страны — может быть, пришлют что-нибудь для брошюры. Мне, пожалуйста, лишних 3 (для Болонкина, Михайлова и Пороника).

Если что написано непонятно, — исправьте или сообщите мне по телефону. Всего лучшего. Привет супруге.

Ваш А. Ефимов

15/X 67 г.

Объединение Ижевцев и Воткинцев [в г. Сан-Франциско]
(такому-то)

Извещение

Правление Объединения 4 октября сего года рассматривало следующие дела:

1) Ежегодное собрание, которое предполагалось в этом году созвать в сентябре, после окончания летних отпусков, устроить по разным причинам не удалось. Решено в этом году, за поздним временем, собрания не устраивать.

---

* Рукопись, МРКСФ, фонд 3409 «Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско», кор. 1, д. 7.— *Прим. сост.*

2) В следующем, 1968 году наступит 50-летняя годовщина восстания Ижевского и Воткинского заводов против большевицкого произвола и гнёта. Это восстание было началом ожесточённой борьбы с большевиками, которая продолжалась с августа 1918 г. до ноября 1922 г. Все мы, состоящие в Объединении, принимали то или другое участие или были свидетелями разных событий этого тревожного времени. Ижевцы и Воткинцы и в дальнейшем не покорились игу большевиков и, кто имел возможность, ушли в другие страны, рассеявшись по всему миру.

Борьба восставших с большевиками полна многими подвигами, тяжёлыми жертвами и примерами самопожертвования. Всё это входит в историю Гражданской войны яркими страницами.

Правление постановило подготовиться к предстоящему 50-летию восстания и отметить годовщину:

а) Как и в прежние годы, отслужить молебен о здравствующих с поминовением павших на поле брани, умученных большевиками и умерших в изгнании.

б) После церковной службы собраться на дружеский завтрак.

в) На молебен и завтрак пригласить представителей от воинских частей, с которыми нам вместе пришлось бороться с большевиками, и

г) Составить памятную брошюру с описанием наиболее важных и интересных воспоминаний из жизни на заводах, о начале восстания, о боях с красными в родных местах, об уходе за Каму, о переформированиях, о весеннем наступлении, об освобождении заводов весной 1919 г., о новом уходе из заводов, о делах на Урале, в Сибири, в Забайкалье, в Приморье, о походе на Хабаровск, об отступлении в Китай...

3) Правление обращается ко всем членам Объединения [с просьбой] дать свои воспоминания о том, что в своё время казалось необыкновенным, обращало [на себя] внимание и служило предметом разговоров и обсуждений. Необходимо всё это записать и сохранить.

Председатель Объединения [А. Г. Ефимов]
Секретарь [Н. Е. Старцев]

P. S. Просьба материалы для памятной брошюры присылать председателю Объединения.

[А. Г. Ефимов — Г. Н. Блинову]*

8/XI 68

Дорогой Геннадий Николаевич!

Дорогую Ольгу Васильевну и Вас сердечно благодарю за поздравление меня с днём рождения, хотя, по-моему, следует выражать в таких случаях сожаление. В самом деле, дожил до 80 лет, старик, без конца всё забываю, глаза слабеют, артрит... — что в этом хорошего. Ну, не буду скулить.

Большое спасибо за карточку. Из нас троих я вышел хорошо. Наш флаг тоже, а генерал что-то мрачно. Как будто перед ним тоже стояли штыки, и он их проглотил, а я ещё не успел. О флагах американском и русском не упоминаю, они не развёрнуты и потому не бросаются в глаза.

Александр Фёдорович Долгополов[205] один из первых начал борьбу с большевиками на Дону, был в казачьих партизанских отрядах, потом служил в Корниловском Ударном полку. Живёт около Los Angeles, собирает книги и всякие вещи, относящиеся к Гражд. войне, издаёт журнал «Родные дали», очень хорошо относится к Ижевцам и Воткинцам, помещая о них статейки в своём журнале. Безусловно, ему следует дать просимые снимки. Я ему уже дал несколько книг и журналов.

Адрес Голеевского: N. N. Goleyevsky, 1946 Clement St., SF 94121.

Значок 25-летнего юбилея Иж. и Вотк. был в своё время сделан в Шанахе. Теперь этот значок остался у немногих, другие растеряли. Кажется, хотят попробовать его сделать опять.

В воскресенье 17 ноября в 1 ч дня у меня состоится маленький завтрак — пирог и рюмка водки. Были бы рады видеть Вас обоих у нас. Приезжайте.

Шлём наши сердечные пожелания здоровья и всякого благополучия Вам обоим.

Искренне Ваши Н. и А. Ефимовы

---

* Рукопись, личный архив А. А. Ефимова (материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев). — *Прим. сост.*

ПИСЬМА КНИГОИЗДАТЕЛЮ В. П. КАМКИНУ*

[А. Г. Ефимов — В. П. Камкину]

A. Efimoff
45 Lake St.
San Francisco, CA 94118
Dec. 11, 1967

Глубокоуважаемый господин Камкин!

Посылаю указанные Вами 2 книги «Белоповстанцы» Б. Филимонова. Стоимость: I том — 4 дол., II том — 3 дол. Если I том не нужен, не откажите вернуть.

В свою очередь, обращаюсь к Вам с большой просьбой. Не найдутся ли у Вас на складе, или сданные на продажу, книги:

1) С. П. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. В 4 частях, Белград, 1931 г., отпечатана в Германии.

2) Александр Котомкин. О Чехословацких легионерах в Сибири 1918–1920 гг. Издано в Париже в 1930 г.

Эти книги были мною взяты из библиотеки Общества Ветеранов и сильно пострадали во время бывшего у меня пожара. Должен их вернуть, но пока поиски оказались безрезультатны. Готов заплатить хорошую сумму, конечно, не очень чрезмерную. Из 4-х частей «Трагедии адм. Колчака» особенно нужны III и IV части, т. к. первые две части не пострадали. Если случайно найдутся как раз эти III и IV части, то буду рад приобрести их. Не откажите ответить.

Из Вашей батареи здесь есть поручик Е. А. Леонтьев[206], который помнит Вас и захват Вами пушки во Владимировке**

С пожеланиями всего лучшего.

Уважающий Вас А. Ефимов

---

* Рукопись, копия. Личный архив семьи Молчановых. — *Прим. сост.*

** Этот эпизод был упомянут Камкиным в его письме Ефимову от 18 ноября 1967 г., ответом на которое является данное письмо. Из письма Камкина: «Я был в Глудкинской бригаде и участник Хабаровского похода и взятия селения Владимировка, где мы захватили два орудия в полной упряжке. Одно орудие я вывел из рукопашного боя с одним татарином, и мы сразу же начали из него стрелять. Я стрелял из этого орудия по бронепоезду, когда кап. Суханов приказал поставить орудие прямо на рельсы, и если бы мы не попали в него, то всё же он должен был бы остановиться. <...> Поручик Филимонов был офицером нашей батареи, которой командовал полковник Романовский» (Личный архив семьи Молчановых). — *Прим. сост.*

[А. Г. Ефимов — В. П. Камкину]

5/X 1970

Глубокоуважаемый Виктор Петрович!

Получил Ваше письмо от 21 сент. и стал ждать посланные Вами книги. Думал, что получу их через 2–3 дня, но получил только сегодня, через 2 недели. Отвратительно работает теперь почта. Недавно посылал одному знакомому книгу для прочтения, здесь же в Сан-Франциско. Получил на 6-й день. Перепечатанный у Вас свой материал ещё не получил. Я очень рад, что у Вас есть грамотная секретарша. Я теперь на грамотность не претендую: по новой орфографии не учился и её правил не знаю, но чтение новых книг заставляет забывать и старые навыки.

Книга Кондратьева «Маршал Блюхер»* у меня есть. С книгой Гарана слегка ознакомился. В обеих книгах много разговоров, авторы хотят быть Львами Толстыми. Однако претендуют на исторические документы и подлинность явно выдуманных событий.

Луцкова[207] я знал, был большой прохвост, и ему не доверяли. Но умел приспособиться к обстоятельствам и не брезговал средствами. Всё-таки удивительно, как он быстро вошёл в доверие к Блюхеру. Были сведения, что его извилистость не помогла, и он был расстрелян.

Фотографии подбираю. К сожалению, этим делом в походе не было возможности заниматься, и кроме отдельных портретов и групп, да и то больше за последний год Гражд. войны или после ухода в Китай, других снимков нет.

Схемы придётся, наверное, чертить самому. Чертёжников знакомых не имею, и указывать, как на карте следует расположить <*пропуск*>, — довольно трудное дело. Постараюсь сделать схемы как можно лучше, некоторые у меня получались довольно хорошо.

Относительно сравнения двух больших боёв — «Перекопа» и «Волочаевки», — я вполне согласен с Вами. Мы, «восточники», как-то недооцениваем своих дел. Приходится обращаться к оценке красных. Известно ли Вам, что они выпустили к юбилею (кажется, 50-летию) медаль, где перечислены их главные победы? На лицевой стороне — звезда и перечисление десяти

---

* *Кондратьев Н. Д.* Маршал Блюхер. М.: Воен. изд-во, 1965. — *Прим. сост.*

побед: на Вост. фронте — 2, на Южном — 4, на Сев.-Зап. — 2 и по одному — Кавказ и Туркестан. На Восточном фронте удостоились красной похвалы победы: Уфа и Волочаевка, на Южном: Перекоп, Каховка, Царицын и Сиваш. Как видите, недаром дали им жару у Волочаевки.

Желаю всего наилучшего и успеха в Ваших делах.

Искренне уважающий Вас —

ПРИЛОЖЕНИЯ

П А М Я Т К А № 1

о борьбѣ Ижевцевъ и Воткинцевъ съ большевиками въ 1918 - 1922 годахъ.

Вмѣсто П Р Е Д И С Л О В І Я.

700 лѣтъ тому назадъ Русская Земля подверглась нашествію татаръ. Было разрушено много русскихъ городовъ и перебито русскихъ людей. Земля наша была разорена и обезлюдина. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ оставалось не болѣе десятой части жителей, скрывавшихся въ лѣсахъ, а отъ жилищъ ничего не оставалось кромѣ пепла.

Русскіе люди защищались съ большимъ мужествомъ, но многочисленные татарскіе полчища одерживали верхъ и уничтожали сопротивлявшихся до конца.

Вспомнимъ городъ Козельскъ. Орды Батыя подошли къ этому небольшому городу и осадили его. Князь Козельскій былъ еще ребенокъ. Его дружина и горожане рѣшили защищаться до послѣдняго. "Нашъ князь еще младенецъ, - говорили они, - но мы должны за него стоять, и умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія!"

Семь недѣль осаждалъ Батый гор. Козельскъ, и семь недѣль защитники отбивали всѣ его приступы. Когда же храбрые Козельцы увидѣли, что спасенія нѣтъ, то отвергли всѣ посулы и угрозы завоевателя, бросились въ послѣдній бой на монгольское полчище, 4-е тысячи изрубили на мѣстѣ и самилегли до единого. Батый велѣлъ истребить все населеніе, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, и прозвалъ Козельскъ "злымъ городомъ". Желаніе Козельцевъ исполнилось - память о нихъ навѣки осталась въ лѣтописяхъ Руси.

--- Х ---

Прошли столѣтія и много враждебныхъ завоевателей видѣла Россія. Пришлось отбиваться отъ многочисленныхъ кочевниковъ, отъ поляковъ и шведовъ, упорно драться съ двунадесятыми полчищами Наполеона, воевать съ турками, германцами и другими врагами. Если въ древніе времена, когда противникъ появлялся неожиданно, приходилось отбиваться за городскими стѣнами, то позднѣе сильныя арміи русскаго государства не только выгоняли непрошенныхъ гостей изъ предѣловъ Россіи, но и сами отправлялись къ нимъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Побывали и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, въ далекомъ Парижѣ и другихъ мѣстахъ Европы.

Должны мы были оказаться въ числѣ побѣдителей и въ I-ю Мировую войну, въ которой русскія арміи нанесли тяжелые удары австро-германцамъ.

Но къ концу войны возникла въ Россіи смута, вызванная своими предателями и германскими агентами и золотомъ. Наша Родина лишилась заслуженныхъ лавровъ побѣдителей и началась внутренняя братоубійственная война. Русскій народъ распался на враждебные группы. Одни стояли за большевиковъ, захватившихъ власть, другіе начали съ захватчиками вооруженную борьбу, третьи пробовали держаться въ сторонѣ и выжидать "чья возметъ". Въ столицахъ, въ городахъ, въ деревняхъ среди русскихъ людей началась скрытая или явная вражда, убійства, терроръ красныхъ властителей. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ дѣти шли противъ отцовъ, братья противъ братьевъ. Такого окаянства не было и во времена татарскаго ига.

Если революціонная смута посѣяла всюду розни и вражду, то были примѣры и дружнаго отпора ожесточеннымъ бандамъ большевиковъ, гонимыхъ въ бой озлобленными комиссарами. Эти примѣры, по своему геройству и самопожертвованію напоминаютъ сопротивленіе врагамъ нашихъ славныхъ далекихъ прародѣловъ. Къ этимъ дѣламъ надо отнести возстаніе противъ красной власти рабочихъ Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Здѣсь

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

БРОШЮРЫ-ПАМЯТКИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ В САН-ФРАНЦИСКО*

ПАМЯТКА № 1
О БОРЬБЕ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1918–1922 ГОДАХ**

Вместо предисловия

700 лет тому назад Русская земля подверглась нашествию татар. Было разрушено много русских городов и перебито [много] русских людей. Земля наша была разорена и обезлюдена. В некоторых княжествах оставалось не более десятой части жителей, скрывавшихся в лесах, а от жилищ ничего не оставалось, кроме пепла. Русские люди защищались с большим мужеством, но многочисленные татарские полчища одерживали верх и уничтожали сопротивлявшихся до конца.

Вспомним город Козельск. Орды Батыя подошли к этому небольшому городу и осадили его. Князь Козельский был ещё ребёнок. Его дружина и горожане решили защищаться до последнего. «Наш князь ещё младенец, — говорили они, — но мы должны за него стоять и умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия!» Семь недель осаждал Батый город Козельск, и семь недель защитники отбивали все его приступы. Когда же храбрые козельцы увидели, что спасения нет, то отвергли все посулы и угрозы завоевателя, бросились в последний бой на монгольское полчище, четыре тысячи изрубили на месте и сами легли до единого. Батый велел истребить всё население, не

* Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 3409 «Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско», кор. 1, д. 2. Обе памятки были подготовлены к публикации Правлением Объединения (под руководством председателя полк. А. Г. Ефимова) и размножены на ротаторе. — *Прим. сост.*

** Сан-Франциско, 1965. — *Прим. сост.*

щадя ни женщин, ни детей, и прозвал Козельск «злым городом». Желание козельцев исполнилось — память о них навеки осталась в летописях Руси.

Прошли столетия, и много враждебных завоевателей видела Россия. Пришлось отбиваться от многочисленных кочевников, от поляков и шведов, упорно драться с двунадесятыми полчищами Наполеона, воевать с турками, германцами и другими врагами. Если в древние времена, когда противник появлялся неожиданно, приходилось отбиваться за городскими стенами, то позднее сильные армии русского государства не только выгоняли непрошеных гостей из пределов России, но и сами отправлялись к ним с ответным визитом. Побывали и в Берлине, и в Вене, в далёком Париже и других местах Европы.

Должны мы были оказаться в числе победителей и в 1-ю Мировую войну, в которой русские армии нанесли тяжёлые удары австро-германцам. Но к концу войны возникла в России смута, вызванная своими предателями и германскими агентами и золотом. Наша Родина лишилась заслуженных лавров победителей, и началась внутренняя братоубийственная война. Русский народ распался на враждебные группы. Одни стояли за большевиков, захвативших власть, другие начали с захватчиками вооружённую борьбу, третьи пробовали держаться в стороне и выжидать, «чья возьмёт». В столицах, в городах, в деревнях среди русских людей началась скрытая или явная вражда, убийства, террор красных властителей. В некоторых семьях дети шли против отцов, братья против братьев. Такого окаянства не было и во времена татарского ига.

Если революционная смута посеяла всюду рознь и вражду, то были примеры и дружного отпора ожесточённым бандам большевиков, гонимых в бой озлобленными комиссарами. Эти примеры по своему геройству и самопожертвованию напоминают сопротивление врагам наших славных далёких прапрадедов. К этим делам надо отнести восстание против красной власти рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Здесь большевики получили такой сильный отпор, что на подавление восстания им пришлось отправить огромные силы, и военный комиссар красных тов. Троцкий в листовках с аэроплана грозил восставшим жестокой расправой и обещал не оставить «камня на камне» от их заводов.

Больше трёх месяцев отражали восставшие полчища красных, а после оставления заводов ещё четыре года боролись с большевиками за Камой, в Приуралье, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Хроника событий

Вспомним кратко, как всё это началось. 26 февраля ст. ст[иля] 1917 г. в Петрограде вспыхнули хлебные беспорядки. Гос. Дума, давно стремившаяся усилить свою власть, выступает против Правительства. Смута растёт. 2 марта Император Николай II отрёкся за себя и сына от Престола в пользу своего брата. Великий князь Михаил отказывается занять Престол до созыва Учредительного собрания. Власть переходит к Гос. Думе, организующей Временное правительство.

Март–октябрь. Временное правительство оказалось бессильным наладить порядок, и власть постепенно захватывается левыми партиями. Армия разрушается и расходится по домам. 25 октября в Петрограде и Москве выступают большевики и объявляют власть Временного Правительства свергнутой.

18 января нов. ст. 1918 г. открылось Учредительное собрание и было в тот же день разогнано большевиками. По всей России распространилась красная власть, начались грабежи, аресты и расстрелы. Немцы воспользовались отсутствием сопротивления и в феврале перешли в наступление — заняли Ригу, Псков, Полоцк, Могилёв, всю Украину, Крым и часть Донской области.

Власть красных бежала из Петрограда в Москву и 3 марта заключила позорный Брест-Литовский мир, названный Лениным «похабным». Отданы врагу огромные пространства Русской земли, и дано согласие платить непомерную контрибуцию. Против предательской работы большевиков и их зверств начинаются многочисленные, но разрозненные восстания.

С разложением армии начинают возвращаться домой призванные на военную службу Ижевцы. Здесь они встретили много пришлого элемента, стоявшего за совдепы, которые пытались забрать всю власть и всем распоряжаться. Для защиты своих прав вернувшиеся организовали «Союз фронтовиков».

Началась глухая, упорная борьба рабочих против захватчиков власти. В Ижевске два раза выбирали «совет», и большевики оба раза разгоняли его, как нежелательного. Начался террор неугодных лиц. Были убиты: мастер Алексей Круговых, токарь

Константин Сосулин, инспектор всех училищ проф. Морозов, пошли аресты и обыски, отнимали золото и серебро, перерывали весь домашний скарб и даже выворачивали половицы. Для устрашения населения также арестовали нескольких торговцев, требуя с них большие суммы денег, и ночью они были увезены на пристань Гольяны, погружены на баржи, и часть из них была расстреляна. В начале августа произошло первое столкновение с большевиками на базаре. Красная милиция попробовала разогнать торговок хлебом. Торговки стащили милицейских с коней и избили их безменами.

На Волге с красными шли бои, и 6 августа захватили Казань полк. Каппель и чехи. Красные заставили Ижевский комитет мобилизовать рабочих. Союз фронтовиков через своего председателя С. И. Солдатова заявил, что мы пойдём, но предъявил совдепу ряд требований. Первое: призвать всех от 18 до 30 лет. Второе: вооружить и обмундировать здесь, дома. Третье: обеспечить семьи. Четвёртое: плотину охранять надёжными рабочими. Пятое: учредить квартальную охрану Ижевска. За эти требования ночью Солдатов был арестован.

7 августа днём совдеп объявил митинг на Заводском дворе. Они снова потребовали подчиниться приказу и отказали выдать на месте оружие, обмундирование и т. д. Также отказались освободить арестованного Солдатова. Рабочие возмутились и стали кричать: «Долой Советы!» и начали бросать в советчиков камни. Совдепщики поспешили удрать с митинга, смяв своими лошадьми несколько рабочих. Послышались массовые крики: «В приёмный цех». Там ежедневно находились для отправки в арсенал готовые винтовки, и там же были патроны для пристрелки. Этим цехом заведовал полк. П. Н. Сорочинский[208].

Рабочие захватили винтовки и патроны, двинулись по плотине к совдепу, а другие — в обход через «Долгий мост», чтобы перейти речку Иж и атаковать совдеп. К полуночи с 7-го на 8 августа завод был очищен от большевиков, и Солдатов был спасён рабочими.

По некоторым сведениям, у советчиков были значительные силы: около 700 вооружённых — рота красноармейцев, две батареи, 100 пеших и 20 конных милиционеров и несколько «продовольственных» отрядов для выколачивания хлеба от крестьян.

Так началась знаменательная упорная борьба рабочих против «рабоче-крестьянской» власти.

Большевики спешили немедленно задавить восстание. Фронтовики с рабочими также приготовились к отпору. Был выбран штаб обороны из трёх лиц: кап. Цыганов, георгиевский кавалер Солдатов и поручик Я. Зебзеев (Зебзиев. — *Сост.*). Командование было поручено полк. Д. И. Федичкину[209], бывшему боевому офицеру 13-го стр. Туркестанского полка, георгиевскому кавалеру, начавшему свою военную службу ещё в Японскую войну. 9 августа был первый бой. Утром с линии Казанской жел. дороги предупредили о движении отряда красных. Полк. Федичкин с отрядом фронтовиков встретил противника в пяти верстах от завода. Ижевцы охватили поезд с обеих сторон. Первые красные пали под пулями, остальные — около 360 чел. — сдались.

14 августа красные повели атаку с двух сторон — со стороны Казани и от пристани Гальяны (правильно: Гольяны. — *Сост.*). Первый отряд большой численности в двух поездах встретил небольшой отряд «фронтовиков» в 300 чел., которые и обстреляли красных, не обнаруживая свои слабые силы. Красные подняли белые флаги и сдались. 40 человек из них бросились бежать. Их переловили и отдельно от других пленных отправили в Ижевск. Это были члены большевицкого комитета, которые руководили террором на Заводе перед восстанием во главе с коммунистом И. Пастуховым.

Со стороны Гальян наступал отряд в 200 пеших и 50 конных с четырьмя пулемётами. Рота артиллер. техников обратила их в бегство.

17 августа красные вторично повели наступление с двух сторон. На этот раз большие силы противника, собранные из частей 2-й армии, под командой большевика Антонова двинулись из Сарапула через Гальяны на Ижевск. У Антонова насчитывалось около 6000 бойцов с 10 орудиями и 32 пулемётами.

Антонов осторожно подходил к Ижевску, задерживаемый отрядом артиллер. техников, под командой Н. Куракина. Под мостом через речку Позимь, в болотистом месте, в 8 верстах от Ижевска, отряд Куракина заложил большой подрывной заряд, который был взорван двумя техниками, когда колонна противника начала переход через мост. На воздух взлетело 200 красных, и этот взрыв посеял у противника панику. К сожалению, погибли и оба подрывника, имя одного Владимир Аксёнов. Они были обнаружены красными и расстреляны разрывными пулями. Пуля, попавшая в глаз Аксёнову, снесла ему весь затылок.

Заводской гудок беспрерывно гудел и собирал всё новые силы рабочих. На шоссе у выхода из завода стоял полковник Федичкин и направлял вновь формируемые роты на три направления — навстречу противнику и в обход его с обоих флангов.

На рассвете противник, окружённый со всех сторон, был атакован Ижевцами и разбит. Антонову удалось убежать с небольшими остатками своего отряда. Вся артиллерия, пулемёты и обозы достались Ижевцам. Отряд красных, наступавший со стороны Казани, также был разбит. Ижевцы выбрали хорошую и скрытую позицию, пропустили мимо разведчиков и, когда красные близко подошли к позиции, открыли сильный огонь. Противник бежал, бросая оружие и снаряжение, и его преследовали 6 вёрст.

Разгром большевиков на двух фронтах вызвал большое ликование у всех жителей Ижевска. Победителей встречали колокольным звоном и крёстным ходом с пением Соборного хора.

В тот же самый день 17 августа произошло восстание Воткинского завода. Там создалось с приходом советской власти такое же невыносимое положение, как в Ижевске: обыски, грабежи и убийства мирных людей озверелыми комиссарами. Накапливалась ненависть к новой власти и подготавливалось восстание. С помощью Ижевцев, приславших винтовки и патроны и одну роту, Воткинцы быстро расправились с большевиками и начали организовывать свою армию.

Ижевцам и Воткинцам не было известно, что поражение красных вызвало в их рядах полное разложение и огромную панику. Только много позднее можно было узнать из красных источников, что их разложившиеся банды захватили в гор. Сарапуле все пароходы и, грабя по дороге деревни и сёла, поспешно удирали вниз по Каме до устья реки Вятка. Затем стали подниматься по Вятке вверх, сея всюду страх среди большевиков и невероятный беспорядок среди их отрядов, потерявших всякую дисциплину.

Только срочно присланные из центра новые комиссары и командиры, с большим количеством карательных отрядов, начали восстанавливать порядок в частях разгромленной 2-й красной армии.

Было ясно, что красные поторопятся подавить восставших против них Ижевцев и Воткинцев, т. к. [они] боялись распространения этого восстания на другие районы. Поэтому в обоих

заводах началась усиленная работа по подготовке к отражению красных.

В Ижевске по указаниям полк. Федичкина организовались роты, число которых дошло до 50, силою в 100—150 и иногда более штыков. Конница имела два эскадрона, около 300 всадников. В артиллерийском дивизионе, которым командовал талантливый офицер поручик Кузнецов, было две батареи по четыре 3-дюймовых орудия и одна батарея 48-лин[ейных] гаубиц.

У Воткинцев

В первые дни восстания кап. Г. И. Мудрынин[210] организовал первый отряд, впоследствии ставший 1-м Воткинским (позднее 57-м) Заводским 17-го авг[уста] полком: три батальона по 4 роты, около 250 штыков в роте. Один из фронтовиков, М. И. Агафонов, кавалерист, при бегстве большевиков спешил конного милиционера и стал тут же собирать бывших солдат кавалерии в конный отряд, впоследствии развёрнутый в дивизион. Этот доблестный воин погиб в бою при защите завода.

Из захваченных орудий Воткинцы организовали свою артиллерию, постепенно развернувшуюся в дивизион под командой кап. Курбановского. Он был убит в бою под Гольянами, и его заменил поручик Алмазов. Всю свою артиллерию Воткинцы сохранили впоследствии во время беспримерного по тяжестям Сибирского похода и довезли её до Забайкалья.

Пополнив свою растрёпанную 2-ю армию новыми частями и богато снабдив их пушками, пулемётами и боевыми припасами, красные уже не бросали эти силы в бой, как раньше, а начали постепенно, осторожно, но с большим упорством окружать восставших и отжимать их с их далеко продвинувшихся позиций к заводам.

Начались ожесточённые бои, продолжавшиеся, считая от начала восстания 7 августа, более трёх месяцев. Вначале восставшие сильно били красных и при этом забирали у них много снарядов и ружейных патронов. Красные гнали всё новые и новые пополнения, всегда богато снабжённые огнестрельными запасами.

А тем временем у защитников заводов истощались патроны. Пытались исправлять стреляные гильзы и изготовлять пули, и это не затрудняло Ижевцев, а главное — отсутствовали порох и капсюли.

Кольцо врагов всё теснее сжималось вокруг заводов, ожидаемая помощь от других армий, боровшихся с красными, не приходила. Надо было подумать о неизбежности уйти за Каму и там решить, что делать дальше.

Необходимость сообщить в «Памятке» все события возможно кратко не позволяет останавливаться на многих интересных подробностях героической борьбы Ижевцев и Воткинцев с красными тиранами. Приходится упоминать только важнейшие события.

Отсутствие огнеприпасов и большой нажим на защитников многочисленных полчищ противника заставили командующего армией полк. Федичкина предусмотрительно позаботиться о своевременном выводе из заводов за Каму раненых, семей и ценного имущества. На совещании с гражданской властью, представленной членами «Комуча» (комитета Учредительного собрания), это предложение было отвергнуто. Председатель местного отдела «комуча» Евсеев заявил, что оставить заводы невозможно, и предложение командующего принять меры к эвакуации назвал трусостью.

Полк. Федичкин подал в отставку, а Евсеев, боясь ареста, скрылся со своими подручными. Полк. Федичкин уехал с завода, а вместо него вступил в командование кап. Юрьев — начальник Воткинцев.

Ему также стало ясно, что удержать заводы без помощи извне было невозможно, и в конце октября он приказал начать работу по постройке моста через Каму.

Место для моста было выбрано в двух верстах выше дер. Устъ-Речка к востоку от Воткинска. Плавучий мост на баржах имел длину 482 сажени и строился под руководством кап. 1-го ранга Вологдина[211]. Несмотря на отсутствие многих нужных материалов и инструментов, мост был построен быстро — начат 26 октября и закончен 4 ноября.

Бои у Ижевска и Воткинска принимали всё более и более ожесточённый характер. Красные вели атаки, не считаясь с потерями, защитники заводов переходили в контратаки и отгоняли врага. По дошедшим потом сведениям противник потерял до 30 тыс. убитыми и ранеными.

Обессиленные защитники должны были оставить родные места. Ночью 7 ноября Ижевцы покинули завод и со своими семьями направились к переправе. Красные не посмели войти

в завод в эту ночь, но послали в Москву телеграмму, что завод взят 7 ноября — в годовщину захвата власти большевиками.

Воткинцы продолжали сопротивляться арьергардами и постепенно отходили к мосту. Последним днём переправы было 14 ноября, 100-й день с начала борьбы. После пропуска через мост последних отрядов он был сожжён.

За Каму ушло большое количество рабочих. Ижевцев ушло 30 000 и даже больше. Воткинцы считают, что ушло за Каму 15 000 вооружённых и столько же гражданского населения и семей. Ижевцы вывезли несколько тысяч винтовок. Воткинцы вместе с госпиталями эвакуировали управление завода и увезли некоторые электр. машины, что сделало завод неработоспособным.

С переходом за Каму окончилось крупнейшее по количеству участников и упорнейшее по силе сопротивления восстание рабочих и присоединившихся к ним крестьян против власти, которая называла себя «защитницей всех трудящихся».

Ранней весной 1919 г. армии адмирала Колчака перешли в наступление на красных. В этом наступлении Воткинцы, переформировавшиеся в 4-полковую дивизию, приняли участие в рядах Сибирской армии. Они вновь вернулись в родной завод, освобождённый от красных 16-м Ишимским полком под командой полк. Метелева незадолго до Пасхи.

Ижевцы составили двухполковую бригаду и вошли в состав Западной армии. В весеннем наступлении они отличились в боях под Уфой под командой нового командира полк. Молчанова. Под самой Уфой 1-й Ижевский полк под командой поручика Д. Михайлова разбил у дер. Подымалово сильный 229-й полк противника, взяв 1280 пленных, 16 пулемётов и весь обоз этого полка. Через две недели, когда противник перешёл в наступление и угрожал захватить обратно Уфу, Ижевцы были срочно брошены на выручку, разбили 30 и 31 марта в упорных боях и отбросили их от Уфы. Было взято несколько сот пленных от 12-ти красных полков. Отличалась Ижевская гимназистка Лидия Попова, работавшая сестрой милосердия и ходившая в атаку с цепями Ижевцев. Цепи наступали с песнями и под звуки гармошки.

После поражения под Уфой красные бежали в беспорядке к Волге. Ижевцы их неотступно преследовали.

Получив сведения об освобождении завода, Ижевцы 29 апреля отправились домой. На заводе Ижевцы встретили потрясающие

следы красных расправ. Палачи не знали пощады, безжалостно расстреливали женщин и детей, которые остались на заводе. Перепись по кварталам дала цифру 7983 чел. жертв красной мстительности. Также несколько тысяч растрелянных было и в Воткинском заводе, но здесь не было точной переписи.

В мае на Восточном фронте начались неудачи, красные перешли в наступление. В первой половине июня Ижевск и Воткинск опять были захвачены большевистской властью, и рабочие вторично оставили свои дома и ушли на восток, чтобы больше никогда не возвращаться, а красным не покоряться.

В июне полки Ижевцев и Воткинцев дрались с красными на Урале. 10 и 11 июля Ижевцы упорно отстаивали на восточных отрогах Урала Кусинский завод и задержали обходную колонну девяти красных полков от выхода к Златоусту, и тем спасли наши части, ещё не вышедшие из гор. От 17-го до 30 июля Ижевцы дрались у Челябинска. В августе происходило общее отступление на восток. 22 августа Верховный правитель адмирал Колчак произвёл смотр Ижевцам в с. Арлагульское и благодарил бригаду за отличную службу на полях битв.

28 августа в боях у М. Приютное и Богатое был ранен храбрый из храбрых командир 3-го батальона 1-го полка Ложкин.

Сентябрь прошёл в тяжёлых боях при наступлении на Тобол. В конце сентября красная армия была отброшена за Тобол. 9 сентября адмирал Колчак сделал смотр Ижевской дивизии и даровал ей Георгиевское знамя. В приказе было указано, что Ижевская дивизия отличалась стремительностью в наступлениях, двигалась всегда впереди, при обороне упорно удерживала позиции, отходила последней при отступлении и не знала поражений. За блестящее руководство дивизией ген. Молчанов [был] награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

На правом фланге из 1-й Сибирской армии подошли к Тоболу части Тобольской группы, в которую входила Воткинская дивизия. Воткинцам пришлось встретиться с сильным противником — 51-й красной дивизией под командой известного красного полководца Блюхера. Во время одного ночного боя Воткинцы нанесли Блюхеру сильное поражение и едва не захватили его самого. От плена он скрылся в лес.

В октябре красные перешли в наступление и потеснили сильно поредевшие армии адмирала Колчака. 14 ноября был оставлен врагу Омск, а через месяц, 14 декабря — Новониколаевск.

В тылу начались измены в частях 1-й армии. В конце декабря пришлось проходить через почти бездорожную тайгу, где погибло много частей, обозов и беженцев.

Перед самым Рождеством (7 января 1920 г. по новому стилю) при подходе к Красноярску дальнейший путь был закрыт взбунтовавшимся гарнизоном и красными партизанами. Пробившиеся отряды и части к 7 февраля подошли к Иркутску. Перед нашим приходом там был расстрелян адм. Колчак, преданный чехами и ген. Жаненом.

10 февраля начался переход через Байкал. Впереди шли Ижевцы. В марте прибыли в район Читы. В Забайкалье было совершено несколько походов против партизан, а 21 ноября остатки армии перешли границу и расположились на ст. Маньчжурия.

В декабре — перевозка через Маньчжурию на ст. Пограничная и оттуда походным порядком частям 3-го корпуса — в пос. Раздольное, 2-му корпусу — в г. Никольск-Уссурийский.

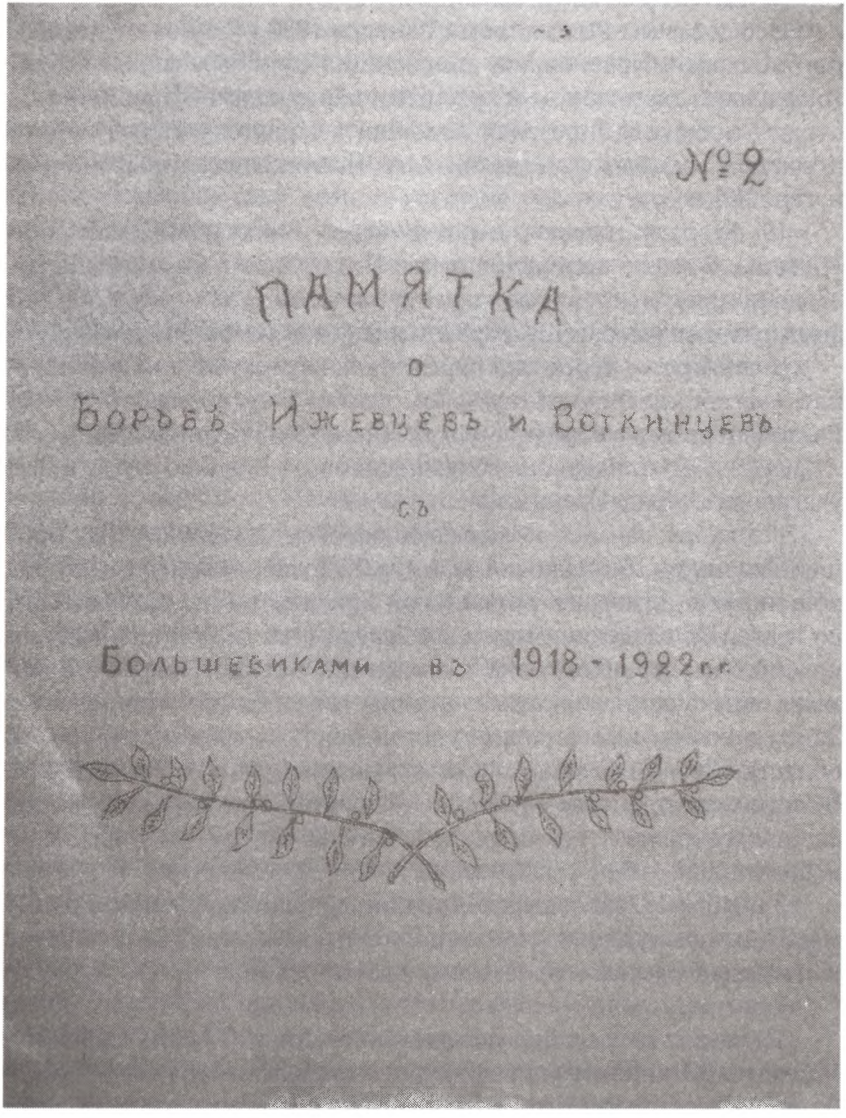
26/5–1921 г.: изгнание большевиков из Владивостока, в чём участвовал отряд Ижевцев.

1 декабря начался поход на Хабаровск. Хабаровск был брошен красными, бежавшими за Амур 22 декабря. Вечером в город вошли части Ижевско-Воткинской бригады с ген. Молчановым во главе. На следующий день, за Амуром части бригады выбили красных из дер. Покровка и захватили богатую добычу. Были захвачены пушки, снаряды, патроны и разное обмундирование. Затем почти два месяца шли упорные бои на границе Амурской области. 10–12 февраля 1922 г. начались бои у Волочаевки. В конце марта — возвращение в южное Приморье. В конце августа — начало военных действий к северу от Спасска. 8 и 9 октября — бои у г. Спасска.

2 ноября 1922 г. — переход границы в Китай. Дорогую Родину мы были принуждены оставить в когтях жестоких коммунистов и из Китая рассеяться по всему свету.

Памятка составлена по постановлению Общего собрания Ижевско-Воткинского объединения в прошлом, 1964 году. Просьба ко всем, кто заметит ошибки в описании событий, сообщить в Правление. Также усиленная просьба дать свои воспоминания о всех событиях борьбы с красной властью и сведения о подвигах, жизни и судьбе отдельных Ижевцев и Воткинцев.

Правление



Обложка Памятки № 2

ПАМЯТКА № 2
О БОРЬБЕ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1918–1922 ГОДАХ*

Памятка № 1 дала краткий обзор обстоятельств, при которых возникло восстание Ижевских и Воткинского заводов против гнёта большевицкой власти и путь борьбы, проделанный восставшими за четыре года боёв и походов в родных Прикамских краях, на Урале, в Сибири, в Забайкалье и в Приморье до ухода из Родной страны.

Тесная сплочённость в рядах Ижевцев и Воткинцев дала им возможность проявить в боях и походах необыкновенную устойчивость и высокие воинские качества. Каждый солдат в их частях был самоотверженным и доблестным воином. И многие из них отдали свои жизни.

В своё время, когда Россия сбросит с себя кандалы коммунизма, Ижевцы и Воткинцы получат за свою службу заслуженное признание. Мы же, кого судьба наградила долгой жизнью, должны не забывать наших друзей, ушедших в другой мир. Эта «Памятка № 2» посвящена главным образом тем, кто не с нами, кто отдал свою жизнь за благо Родины.

На первых страницах вспомним о начальнике Ижевских Оружейного и Сталелитейного заводов генерале Дубницком[212], прослужившем в Ижевске около 23 лет и погибшем в самом начале революции.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР А. Г. ДУБНИЦКИЙ

Памяти мучеников

(журнал «Часовой» № 194 от 5 августа 1937 г.)

1(14) марта с. г. (1937 г. — *Сост.*) исполнилось двадцать лет со дня безвременной кончины директора Путиловского завода и начальника Ижевских оружейного и сталелитейного заводов ген.-майора Александра Григорьевича Дубницкого и помощника

---

* Сан-Франциско, 1968 г. Памятка № 2 была подготовлена Правлением Объединения Ижевцев и Воткинцев к 50-летию восстания на Ижевском и Воткинском заводах. Один экземпляр поступил в архив Музея русской культуры в Сан-Франциско 8 октября 1968 г. — *Прим. сост.*

директора Путиловского завода ген.-майора Сергея Евгеньевича Бордель фон Борделиус[213], мученически погибших на своём посту в дни Февральской революции.

Генерал Дубницкий, являвшийся одним из выдающихся металлургов (знатоком в обработке металлов) не только в России, но и за границей, происходил из потомственных дворян Херсонской губернии. По окончании Полоцкого Кадетского Корпуса в 1884 году и Михайловского артиллерийского училища он был произведён в подпоручики 40-й арт. бригады. Окончив Михайловскую артиллерийскую академию, он начал свою техническую деятельность на Ижевских заводах с 1892 года.

В 1898 году в чине капитана перешёл в строй в 22-ю арт. бригаду и затем окончил Офицерскую артиллерийскую школу. В 1900 году был назначен командиром 1-й батареи Сибирского рез[ервного] арт. дивизиона, с которой и выступил в Китайский поход, после которого вернулся на Ижевские заводы на должность штаб-офицера по технической части. Изучив в совершенстве постановку металлургического дела в России путём поездок по различным заводам, покойный в 1907 г. получил заграничную командировку на металлургические заводы Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Италии, Англии и Америки, по возвращении из которой под его непосредственным руководством на Ижевском заводе была установлена выработка быстрорежущей стали «Ижевск-рапид», превосходящей своими качествами и дешевизной соответствующие сорта заграничной стали. Его опыты по разгоранию пулемётных стволов и со щитовой сталью принесли неоценимую пользу артиллерийскому делу. В сентябре 1909 г. А. Г. Дубницкий был назначен помощником начальника Ижевских заводов и в апреле 1913 г. произведён в ген.-майоры. В январе 1915 г., в разгар Великой войны генерал Дубницкий был назначен начальником Ижевских заводов, которые под его руководством дали максимум своей производительности. Генерал пользовался необычайным авторитетом и уважением среди администрации и рабочих, и за время его управления заводами на них не было ни одной забастовки, ни одного политического выступления.

После секвестра Путиловского завода и перехода его в военное ведомство, в мае 1916 г. ген. Дубницкий был назначен на ответственный пост директора этого завода. Вскоре работа беспокойного Путиловского завода была введена в должное

русло, а его производительность поставлена на должную высоту. Одновременно с этим атмосфера постоянного брожения, доминирующая на заводе, была решительно оздоровлена. Ежедневные обходы ряда мастерских ген. Дубницким, во время которых он входил в непосредственное общение с рабочими, показало последним, что новый начальник доступен, справедлив и знаток своего дела. Последовавшее вскоре улучшение материального положения рабочих и служащих и обеспечение их и их семейств продовольствием от военного ведомства, в котором в то время в Петрограде уже ощущался недостаток, подтвердили им, что «царские генералы» пекутся о благополучии своих подчинённых. Решительные же меры, принятые в отношении наводнявших завод агитаторов и введение особого положения на заводе, по которому все рабочие были причислены к разряду военнообязанных, убедило их в том, что одновременно с заботой о них новая администрация не потерпит каких бы то ни было выступлений, вредящих работе одного из важнейших в деле государственной обороны заводов, и все виновные в них будут наказаны по всей строгости военного времени.

Ближайшим сотрудником ген. Дубницкого в его ответственной и тяжёлой работе по управлению Путиловским заводом являлся благороднейший ген.-майор С. Е. Бордель фон Борделиус. К глубокому сожалению, пишущий эти строки не располагает биографическими данными этого рыцаря долга и чести, который добровольно разделил участь А. Г. Дубницкого, не пожелав оставить его одного в минуты смертельной опасности.

В тревожные дни Февральской революции все помыслы обоих генералов были направлены к сохранению в целости завода. Совершенно не заботясь о своей личной безопасности, оба они всё время находились в правлении завода, и после необычайных усилий им удалось добиться, чтобы важнейшие пункты завода были под охраной, для чего на завод был командирован офицерский караул под командой одного из слушателей ускоренных курсов Николаевской Военной Академии.

1 марта [1917 г.] из города на завод прибыла группа революционных солдат и матросов, которые после неудачной попытки ограбить заводскую кассу заявили, что должны отвезти в Государственную Думу директора завода. Присутствующий при этом ген. Борделиус заявил, что он не оставит ген. Дубницкого одного и поедет с ним. Несмотря на категорическую просьбу

ген. Дубницкого не сопровождать его и не подвергать себя опасности, ген. Борделиус, как передавали свидетели этой сцены из служащих Правления, ответил: «Я вместе с Вами служил, и если придётся, то вместе погибну».

Оба генерала были посажены в закрытый автомобиль и вывезены из завода. У Нарвских ворот они были окружены революционной чернью и высажены из автомобиля. Израненные, подталкиваемые штыками, они свершили свой крестный путь до Балтийского вокзала, где были окончательно замучены и брошены в Обводный канал. Тела их, имевшие каждое около двадцати колотых, рубленых и огнестрельных ран, были найдены лишь через два месяца и были погребены с отданием надлежащих воинских почестей 12 мая 1917 г., совершив свой последний земной путь из Сергиевского Всей Артиллерии Собора на лафетах Михайловского артиллерийского училища.

Ижевец

К этому краткому описанию жизни и деятельности начальника Ижевских заводов и директора Путиловского завода генерала А. Г. Дубницкого, от его сына Павла Александровича Дубницкого[214] получено значительное количество дополнительных сведений. За ограниченностью места здесь приводятся лишь некоторые выдержки, характеризующие жизнь верного сына своей Родины.

После первой упомянутой командировки в разные страны в 1907 г. А. Г. Дубницкий получил вторую командировку в 1909 г. и побывал вторично в Соединённых Штатах. Он привлёк своими выдающимися знаниями по металлургии внимание американцев, и ему предложили работу в стальной промышленности с огромным, по сравнению с Россией, жалованьем — около 45 тысяч в год. Он это предложенье не принял.

Вернувшись в Ижевск, он прежде всего позаботился о семьях рабочих, убитых или искалеченных на работе, которые, потеряв своих кормильцев, оставались без ничего. Были сделаны шаги, чтобы эти семьи были обеспечены страховками.

На завод, туда и обратно, начальник завода ходил пешком. Каждое утро, когда он шёл на завод, по дороге стояли просители, ожидавшие его со всевозможными просьбами. Он внимательно

выслушивал и записывал всё в книжку. Приходили и на дом. Один крестьянин пришёл однажды просить дать ему работу. Начальник завода подробно опросил его — что он может делать, какая у него семья и т. д. Сказал ему, что теперь ничего не может дать, но через месяц может поставить на работу. Узнав, что денег у просителя нет, он вынул свой бумажник, но там было немного. Послал сына к матери и добавил ещё: «Тут тебе хватит до тех пор, пока не встанешь на работу и до первой получки. Если пропьёшь, то я узнаю и тогда на работу не попадёшь. Помни это».

Во время войны, когда в Ижевске был устроен госпиталь для раненых в женской гимназии, А. Г. Дубницкий взял на себя все расходы за одного раненого. Получив прибавку, он сообщил семье, что будет платить за второго раненого, хотя прибавка была меньше, чем расход на раненого.

Во время Первой мировой войны начальник Главного арт. управления ген.-лейт. Маниковский[215] предложил ген. Дубницкому, сначала неофициально, пост директора Путиловского завода с окладом жалованья в 60 тысяч в год. Ген. Дубницкий отказался: «Достаточно работы на Ижевских заводах».

Через некоторое время пришёл приказ: «Принять Путиловский завод». Ген. Дубницкий, приехав в столицу, высказал своё неудовольствие, а на указание, что он будет получать большое жалованье, дал такой ответ: «От 60 тысяч я отказываюсь, так как считаю, что во время войны никто не имеет права получать такое большое жалованье. За Ижевские заводы я получаю такую-то сумму, количество рабочих такое-то; на Путиловском заводе количество рабочих такое-то (около 65 тысяч в 1916 г.). Таким образом (сделав подсчёт), Вы мне за все заводы (т. е. Ижевские и Путиловский) должны платить такую-то сумму, но не больше».

Приняв Путиловский завод, ген. Дубницкий настоял, чтобы для рабочих были устроены кооперативы, где они могли бы получать, не стоя в очередях по лавкам, продукты для себя и семьи. Были устроены столовые для бессемейных.

После того, как директор Путиловского завода и его помощник были убиты, к вдове А. Г. Дубницкого пришла делегация от рабочих и сообщила: «Мы раньше слышали, что у нас есть директор завода, но мы никогда его не видали. Первый директор, которого мы когда-либо видели, был Ваш муж. Он расспрашивал нас о наших нуждах, сделал для нас то-то и то-то. Что будет потом — мы не знаем, но сейчас мы имеем власть

и пришли Вам сказать, чтобы [Вы] продолжали жить в этом доме, сколько Вы хотите».

После убийства обоих генералов преступники ограбили их, забрав кошельки, часы и кольца, а также сняв с них сапоги. Главарями этой шайки были выпущенные из тюрьмы преступники — один Ванька Бык, а другой — Васька Овсянников. Оба были известны в Петербурге как уголовные преступники. После убийства они напились, и, идя по улице, один из них, нёсший в руках сапоги ген. Дубницкого, которые не смог надеть на свои ноги, кричал: «Вот сапоги директора Путиловского завода!»

Случайно в это время проходили рабочие этого завода; услышав пьяные крики и позвав на помощь других рабочих, забрали убийц. Рабочими завода был собран митинг, на котором постановили этих убийц казнить. Они были расстреляны в парке деревни Волынкино (часть города, прилегавшая к Путиловскому заводу).

В то время, когда А. Г. Дубницкий был ещё на должности помощника начальника Ижевских заводов, он показывал жене научный английский журнал по металлургии: «Посмотри, что пишут скупые на похвалы англичане. Лучший инженер в России по металлургии — ген. Дубницкий, он на правительственной службе».

Ген. Дубницкий оставил много трудов по своей специальности с описанием опытов, с чертежами и фотографиями, имевшими большую ценность. Часть этих документов находилась в беспорядке, и вдова ген. Дубницкого попросила ген. Каневского[216], исп[олняющего] должность начальника Ижевских заводов, привести их в порядок.

Познакомившись с этими документами, ген. Каневский сказал г-же Дубницкой: «Коли Вы решите продать всё это, то свободно можете получить до 75 тысяч от европейских стран. Если же решите продать в Америке, то более ста тысяч». Бумаги проданы не были и остались в Ижевском доме Дубницких. Как потом передавали, при захвате завода красными сразу прибыли какие-то люди, искавшие очень важные бумаги. «Они должны у вас быть» — было сказано прибывшими. Ценное научное наследство ген. Дубницкого попало в руки красных, а, может быть, через них — к германцам. Бесчестный враг — германцы — в 1915 г. не могли разбить русские армии в открытом бою и сделали это подлым путём, прислав Ленина с его шайкой преступных убийц и разлагателей тыла.

Кроме ген. Дубницкого и ген. Борделиуса, были убиты другие знатоки артил. дела — профессор ген. Н. А. Забудский[217] (тело его не было найдено) и начальник С.-Пб. орудийного завода ген. Матафонов[218]. Был взорван Казанский пороховой завод. Революция, не считаясь со средствами, работала на врага.

Многие Ижевцы помнят своего начальника завода — погибшего генерала Александра Григорьевича Дубницкого и должны чтить его память как выдающегося учёного по металлургии, как доброго, чуткого человека, который заботился о нуждах своих рабочих, и как преданного своему делу и своей Родине русского патриота.

ПОЛКОВНИК Д. И. ФЕДИЧКИН
Командующий войсками Прикамского края

Дмитрий Иванович Федичкин доблестно и самоотверженно служил своей Родине, защищая её в трёх войнах. Родился 9 февраля 1885 г. в г. Моршанске Тамбовской губ. Он был сыном унтер-офицера Лейб-гвардии Кирасирского полка. Окончил Оренбургское реальное училище в 1902 г. и в следующем, 1903 году поступил вольноопределяющимся в 241-й Орский резервный батальон. В походе против Японии с 3 августа 1904 г. Участвовал в боях на р. Шахэ, при Сандепу, Мамыкай и под Мукденом. За отличие в боях получил Георгиевские кресты 4-й и 3-й степеней и 1 января 1905 г. произведён в прапорщики за боевые отличия. Был ранен в боях у Сандепу, Мамыкай и под Мукденом. В бою под Мукденом 25 февраля он был тяжело ранен в правую лопатку навылет и захвачен в плен.

По возвращении из плена 13 марта 1906 г. был прикомандирован 1 сентября к Казанскому юнкерскому училищу для прохождения курса. 9 мая 1909 г. произведён в подпоручики, 12 июня 1913 г. в поручики.

Выступил в поход в составе 13-го Туркестанского стр. полка против Турции на Кавказском фронте 18 июля 1914 г. Произведён в шт.-кап. 27 января 1916 г. и назначен командиром 3-го батальона. 19 июля 1916 г. произведён за боевые отличия в капитаны; в подполковники 3 августа 1917 г., представлен к производству в полковники со старшинством 23 августа 1917 г.

В войне с турками участвовал в сражении под Сарыкамышем, при атаке крепости Эрзерум и в других боях. За геройскую

и успешную атаку укреплённой позиции на высотах у сел[ения] Выхых-Капу в ночь с 14 на 15 января 1916 г. получил орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. Кроме того, имеет 5 других боевых орденов, а также несколько медалей.

Уволен в двухмесячный отпуск в Ижевский завод 29 окт. 1917 г. Вследствие беспорядков в России, разложения армии и преследования офицеров, продолжал оставаться в отпуску до 13 апреля 1918 г. В этот день должен был явиться Казанскому уездному воинскому начальнику, от которого получил увольнение со службы по демобилизации. Поступил в офицерскую противобольшевицкую организацию в Казани.

Из Казани Д. И. в начале августа поехал отдохнуть от войны и революционных беспорядков к своей семье в Ижевск. Но отдыха не получил, — война как бы подстерегала его приезд. 7 августа началось восстание в Ижевском заводе против гнёта и зверств большевиков. Восставшим нужен был опытный руководитель военных действий, и полк. Федичкин был выбран на должность командующего. 17 августа к Ижевцам присоединились Воткинцы. Полк. Федичкин с большими успехами руководил геройскими рабочими. Большевики приняли исключительные меры, чтобы скорее задавить восстание. После первых неудач они собрали около 6000 бойцов из своей 2-й армии в г. Сарапуле и повели наступление на Ижевск.

Под блестящим руководством полк. Федичкина Ижевцы уничтожили этот отряд, захватив все десять действующих орудий и сорок пулемётов (некоторые участники показывают, что этим боем руководил полковник жандармского корпуса Власов, а полк. Федичкин находился рядом и давал ему указания). Если Д. И. вспомнил в это время «Сарыкамыш», где турки были разбиты наголову и потеряли всю артиллерию, то он мог бы этот бой под Ижевском назвать «Вторым Сарыкамышем», хотя и меньшего масштаба.

Восстание распространилось среди крестьян на соседние районы и разрезало фронт красных на две части. Большевики набросились на восставших превосходными (превосходящими. — *Ред.*) силами. Борьба длилась три месяца. К концу октября огнестрельные припасы у Ижевцев и Воткинцев иссякли. Ни помощи войсками, ни получения снарядов и патронов ожидать было нельзя.

Полковник Федичкин на собрании старших начальников и гражданских властей указал на необходимость приготовить

средства для переправы через Каму, чтобы своевременно отправить раненых, больных и семьи, и затем для отступления на Восток на соединение с Сибирскими частями.

Представитель гражд[анских] властей, бывший член Учред. собрания Евсеев назвал это предложение «трусостью». Полковник Федичкин отказался от командования и уехал в Уфу вместе со своей семьёй.

23 октября был объявлен приказ о его увольнении от должности командующего «вследствие болезненного состояния». Его отъезд заставил оставшихся руководителей восстания ближе ознакомиться с положением и признать, что Д. И. был прав. 26 октября началась поспешная постройка моста.

Из штаба Верх. Главнокомандующего полк. Федичкин был командирован в штаб Западно-Сибирского военного округа и 3 декабря назначен комендантом г. Томска. 15 мая 1919 г. был командирован в освобождённый Ижевск для ликвидации дел Прикамской Армии. 1 июня был назначен пом. нач. Ижевской стрелковой дивизии и отправлен в г. Томск, где организовал сбор выздоравливающих Ижевцев и отправку их в дивизию.

При отступлении армии из Сибири Д. И. со своей семьёй — женой, её матерью и с тремя маленькими дочками проделал самостоятельно тяжёлый поход до Забайкалья. Оттуда выехал в Маньчжурию и потом в Америку.

На эмигрантском положении тяжело работал в разных местах. Он жил скромно в Сан-Франциско, часто болел, особенно в последние годы. Редко говорил о своём военном прошлом и изредка, только в торжественных случаях, надевал на свой костюм заветный Белый Крестик. Этот знак военной доблести заставлял его друзей вспоминать прошлые времена полустолетней давности и отдавать Д. И. дань глубокого уважения за его жизнь и службу на пользу и славу Родной страны. Скончался 24 октября 1966 г. Вечная ему память.

И. В.

ПОЛКОВНИК Г. Н. ЮРЬЕВ
Командующий Воткинской армией

В первые дни восстаний во главе Воткинской народной армии стоял лётчик капитан Нилов. Начальником штаба был назначен кап. Юрьев. Эти два офицера были единственными

кадровыми офицерами старой Императорской армии, проживавшими в Воткинске.

Капитан Нилов не проявлял достаточной энергии в организации борьбы с большевиками и занимался больше политикой в духе углубления революции по рецептам Керенского. На общем собрании командного состава и представителей от гражданских организаций на пост командующего вооружёнными силами Воткинцев был выбран кап. Юрьев.

Георгий Николаевич Юрьев ещё до Мировой войны окончил Михайловское арт. училище и вышел в 5-ю Сибирскую артиллерийскую бригаду, но по личному желанию ушёл в запас. С началом войны был вновь призван на военную службу. На войне дослужился до чина капитана. При развале армии во время революции сначала оставался в Петрограде, а потом, из-за голода в столице, с женой и детьми уехал на Волгу, откуда перебрался в Воткинск. На заводе он попал на должность секретаря правления, находившегося в руках большевиков. Он поддерживал связь с союзом инженеров и секретно передавал им все постановления главарей.

Выбранный командующим армией, кап. Юрьев с большой энергией принялся за организацию отрядов восставших. Обладая талантом хорошего оратора, он умел привлекать всех к дружной работе, подбадривать при неудачах и во время тяжёлых боёв вселял в ряды Воткинцев уверенность в успехе. У Воткинцев он пользовался большим доверием и любовью.

После отъезда полк. Федичкина из Ижевска он оказался во главе всей «Прикамской армии». Подробностей о его деятельности собрать не удалось, есть только отрывочные данные. В январе 1919 г. он был отозван по неизвестной причине.

Явившись к Верховному Главнокомандующему адм. Колчаку, он за руководство восстанием был произведён в полковники и награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. В марте или апреле он вернулся в Воткинскую дивизию и вступил в командование ею. В этой должности пробыл до боёв на р. Ишим (октябрь 1919 г.), когда был отстранён, по дошедшим сведениям, за то, что отказался отступать дальше на восток.

По записям казначея 59-го полка А. Залтана, полк. Юрьев был назначен помощником начальника дивизии Морских стрелков и во время отступления по Сибири погиб у станции Кемчуг, когда морские стрелки сдались красным. Подтверждения этому сообщению не было.

От Правления Объединения Ижевцев и Воткинцев. Просьба ко всем членам Объединения сообщать обо всех полученных сведениях о жизни, службе и судьбе полк. Юрьева. Также желательно собрать всё, что возможно, о полк. Мудрынине, полк. Дробинине и обо всех служивших в Ижевских и Воткинских частях. Ожидаются сведения от каждого члена Объединения о себе: место и время рождения, время вступления в ряды восставших и краткое описание участия в боях и походах.

О ВОТКИНЦАХ

В августе 1918 года в штабе Воткинской народной армии регистрацией вступавших добровольцев ведал мобилизационный отдел под руководством штабс-капитана Коврижникова. Работа была несложной.

В августе месяце было ещё тепло, стояла хорошая погода, и капитан Коврижников с утра сидел за своим письменным столом, прямо во дворе штаба, записывая прибывавших в список очередной маршевой роты. При этом каждому на руки выдавалась личная карточка, похожая по форме на маленькую визитную карточку. Записавшиеся уходили в здание Технического училища, где им было отведено место для постоя, и ждали, пока список их маршевой роты будет заполнен. После этого назначался командир роты, производилась выдача оружия и патронов, и новая рота следовала на тот или иной боевой участок фронта, смотря по надобности. Уходившую роту обычно провожал от штаба один из адъютантов — или поручик Петров, или поручик Курбановский.

Формирование конных частей было значительно сложнее: требовались лошади, сёдла, шашки и прочее. Поэтому формирование конницы осуществлялось не штабом армии, а самостоятельно на отдельных боевых участках, по инициативе того или иного участника борьбы. Такие конные отряды обычно не превышали по численности эскадрон конницы в 150–200 сабель, при одном или двух пулемётах.

Самым значительным по численности и боеспособности был отряд имени партизана Дениса Давыдова, сформированный на Бабкинском боевом участке по инициативе подпрапорщика 15-го драгунского Переяславского полка Рябкова, произведённого в прапорщики и назначенного командиром этого отряда.

В основном отряд состоял из добровольцев — односельчан командира, жителей завода Ножёвки (Ножовки. — *Сост.*), в отряд вошли также добровольцы из села Бабки и из окрестных селений. Все вступали в отряд со своими конями. Большую помощь отряду оказали кожевенные заводы Ножёвки: начался срочный ремонт крестьянских сёдел, по образцу русского кавалерийского седла начали изготовлять новые сёдла, изготовлялись уздечки, подпруги, перемётные сумы и патронташи. В короткий срок отряд был хорошо экипирован и достиг численности 220–240 сабель. Вскоре весь отряд был на русских кавалерийских или на канадских сёдлах, которые захватывались в боях у красных.

Вторым значительным конным отрядом был эскадрон конницы, сформированный на Кельчинском боевом участке по инициативе прапорщика конной артиллерии Вдовина. Этому отряду было присвоено имя партизана Дорохова. Но в жизни эти наименования не привились, они числились лишь на бумаге, а в обычной боевой обстановке оба отряда были известны по именам их командиров: Рябковский эскадрон и Вдовинский эскадрон. Численность Вдовинского эскадрона достигала 180–200 сабель, отряд показал отличные боевые качества. Здесь надо заметить, что, видимо, в силу тяготения по роду оружия командира, в отряде Вдовина было много артиллеристов, в то время как в отряде Рябкова их почти не было совершенно.

Третий конный отряд был сформирован при Мишкинском боевом участке. Формирование отряда проходило в Воткинском заводе из добровольцев-рабочих и жителей окрестных селений. Этому отряду было присвоено имя партизана Фигнера, но опять оно числилось лишь на бумаге, а в жизни отряд назывался просто — Агафоновский эскадрон. Формирование отряда было начато по инициативе поручика М. Агафонова, коренного жителя Воткинского завода. М. Агафонов был сыном регента И. Агафонова, управлявшего церковным хором в одном из храмов Воткинского завода. Поручик Агафонов действительную военную службу отбывал вольноопределяющимся в 6-м уланском Волынском полку. Отряд был хорошо снабжён и вооружён и под начальством своего славного командира показал отличные боевые качества. Весной 1919 года, участвуя в составе 2-й бригады Воткинской стрелковой дивизии в бою с красными у села Кекоран, поручик Агафонов пал смертью храбрых.

Вместе с М. Агафоновым в 6-м уланском Волынском полку отбывал действительную военную службу вольноопределяющийся В. Дробинин. Дробинин происходил из культурной крестьянской семьи села Петропавловского Сарапульского уезда. Дядя В. Дробинина — Кирилл М. Дробинин был гласным Вятского губернского земства, а поручик Василий А. Дробинин[219], юрист по образованию, занимал пост заведующего военно-судной частью штаба Воткинской стр. дивизии.

Летом 1914 года вспыхнула Первая мировая война, и вольноопределяющийся Дробинин в составе 6-го уланского Волынского полка участвовал в боях с немцами в Восточной Пруссии. Оттуда он был направлен для прохождения курса в Елисаветградское кавалерийское училище. Но в то время, в самом начале войны в училище был большой наплыв кандидатов, и для вольноопределяющегося Дробинина не хватило свободной вакансии, вследствие чего он был направлен в Ораниенбаумскую стрелковую школу прапорщиков. Так кавалерист с трёхлетним стажем службы в одном из лучших уланских полков Царской армии стал пехотным прапорщиком. По окончании школы прапорщик Дробинин был назначен начальником команды траншейных орудий в 75-й Севастопольский полк, в котором и пробыл до конца войны. Позднее прапорщик Дробинин был произведён в поручики и последовательно занимал должность командира роты и командира батальона.

Начался развал фронта, и поручик Дробинин вернулся домой, в село Петропавловское. Летом 1918 года Дробинины, как состоятельные люди, подверглись страшному ограблению со стороны большевиков, а поручик Дробинин должен был скрываться от преследования в окрестных полях и лесах.

Как только весть о восстании в Воткинском заводе дошла до села Петропавловского, поручик Дробинин немедленно прибыл в село Мишкино, которое было уже в руках повстанцев. Здесь следует заметить, что село Мишкино расположено всего в 17 верстах от Воткинского завода, и Мишкинский боевой участок, в течение всей борьбы около заводов, был самым угрожаемым боевым участком фронта. Красные подвозили подкрепления по железной дороге на станцию Чепца и почти беспрерывно вели атаки на позиции Воткинцев у села Мишкино, стремясь прорваться к заводу. Здесь поручик Дробинин вступил в командование 10-й ротой, а позднее, сдав роту прапорщику Мельникову, был

назначен начальником Кельчинского боевого участка. На этом посту он оставался вплоть до перехода повстанцев на левый берег Камы. Воткинская народная армия была сведена в Воткинскую стр. дивизию, и поручик Дробинин был назначен старшим адъютантом штаба 1-й бригады, которой командовал в то время капитан Мудрынин. Позднее поручик Дробинин был произведён в штабс-капитаны и вступил в командование 4-м Воткинским имени Учредительного собрания полком. В это время стали прибывать офицеры, назначаемые в дивизию из ставки в Омске. Первым прибыл на должность командира 1-го стр. Воткинского заводского 17 августа полка подполковник Вольский[220], сменивший на этом посту прапорщика Ощепкова. Вместе с подполковником Вольским на должность полкового адъютанта прибыл поручик Орёл. В феврале 1919 года вместо капитана 2-го ранга Вологдина на должность начальника штаба дивизии прибыл Генштаба ротмистр фон Вах. Вслед за ним на должность командира 4-го полка прибыл полковник Отмарштейн[221]. Штабс-капитан Дробинин, сдав командование 4-м полком полковнику Отмарштейну, был зачислен в резерв чинов при штабе Воткинской стр. дивизии.

В начале февраля 1919 года Воткинская стр. дивизия занимала фронт от станции Чернушка (на новой линии жел. дороги Казань—Екатеринбург) до села Бедряж. На этом участке дивизию сменила Красноуфимская бригада поручика Рычагова, а Воткинцы были переброшены вправо по фронту, к городу Осе. В это время дивизии был присвоен 15-й номер, и она была включена в состав 8-го корпуса. Вторая дивизия корпуса — 16-я Сарапульская — находилась тогда ещё в стадии формирования. Одновременно был объявлен приказ за № 32, в котором командир корпуса ген.-лейт. Панов[222] призывал Воткинцев напрячь свои силы и освободить от красных Ижевский и Воткинский заводы и свои родные села, и тогда Воткинцам будет предоставлен заслуженный отдых. Для того чтобы Воткинцы напрягли свои силы в борьбе с красными, совсем не было надобности напоминать им об этом, тем более под Осой, когда они и сами рвались вперёд, к своим домам.

После месяца упорных боёв под Осой фронт красных был сломлен, красные части начали беспорядочное отступление и наблюдалась массовая сдача пленных. Воткинцы преследовали отступавших красных по правому берегу Камы, и пока они покрыли 110 вёрст от г. Осы до Воткинского завода, в это

время 16-й Ишимский полк прорезал фронт красных вдоль реки Сивы и с тыла ворвался в Воткинский завод. Завод был занят Ишимцами в день Благовещения — 7 апреля 1919 года н. ст.

Части Воткинской стр. дивизии проследовали через Воткинский завод и село Мишкино и на время весеннего бездорожья остановились в населённых пунктах, расположенных в 20—40 верстах от Воткинского завода, в районе сёл Светлой, Сосновки и Якшур-Бодьи. Штаб дивизии находился в Воткинском заводе.

Как только дороги подсохли и стали проходимыми, дивизии была дана директива выдвинуться дальше на северо-запад от места стоянок, на рубеж реки Вала. Видимо, командир корпуса считал, что двухнедельная стоянка во время весенней распутицы и будет обещанным «заслуженным отдыхом», о котором было объявлено в приказе за № 32. Этот неудачный приказ внёс страшное разложение в ряды Воткинцев. Воткинцы остановились на месте и стали требовать отпустить их домой для весеннего сева. В некоторых частях дивизии имели место открытые митинги, носившие характер уже явного неповиновения командованию.

На таких митингах крикуны доказывали, что теперь идти вперёд следует сибирякам, а им надо дать время для посева, что иначе семьи на зиму будут без хлеба. Более здравомыслящие доказывали, что враг стоит ещё у самых заводов, что посеять хлеб крикуны, может быть, и успеют, но едва ли успеют его собрать. Так и случилось: вскоре красные оправились после весеннего разгрома, перешли в наступление, и фронт покатился обратно, на восток, а посеянный хлеб был оставлен в полях.

Воткинская дивизия два или три дня топталась на одном месте, создалось очень напряжённое положение. Прорыв на фронте был закрыт редкой цепочкой из частей подошедшей Оренбургской казачьей бригады, а Воткинская дивизия была отведена в тыл, в село Черновское на реке Сиве, верстах в 70 на север от Воткинского завода, для демобилизации, которая и была закончена к концу мая месяца.

После демобилизации дивизии остались на местах часть командного состава, штабы и управления, вооружение, снаряжение и хозяйство частей. Намечался снова набор добровольцев и формирование дивизии, на этот раз по штатам, выработанным и утверждённым в Омске.

Для формирования Воткинской дивизии потребовалось бы, вероятно, очень много времени, если бы не события на фронте.

Дело в том, что красные перешли в наступление и быстро приближались к Воткинскому заводу, последний ими был занят около 15 июня (по красным данным 11-го). Воткинцы ещё раз вынуждены были покидать свои родные места. Группами и в одиночку они спешили в село Черновское и возвращались в свои части. Только пожилые и старики, многие с семьями, бросали дома и хозяйство и уходили от красных в бесконечных беженских обозах.

Приказ о формировании Воткинского конного дивизиона был издан штабом дивизии в селе Черновском 25 мая 1919 года. Командиром дивизиона был назначен штабс-капитан Дробинин, а местом стоянки для формирования было указано село Бердышево, в 20 верстах от с. Черновского. На формирование дивизиона было передано 30–35 лошадей с сёдлами, оставшихся от демобилизации конных отрядов.

На укомплектование командного состава дивизиона были назначены прибывшие из Омска: поручик Маев, подпоручик Чивилёв, прапорщик Пастухов и хорунжий Пуцилло[223]. Кроме того, штабом дивизии были направлены в дивизион сто человек новобранцев-башкир, прибывших в село Черновское прямо от Шадринского воинского начальника. Молодые башкиры прибыли совершенно не обмундированными, а по-домашнему: в тюбетеях и полосатых халатах под опояску. Из них был сформирован пеший эскадрон под начальством прапорщика Пастухова. Поручик Маев был назначен адъютантом дивизиона, подпоручик Чивилёв принимал всё, что предназначалось для 1-го эскадрона, а хорунжий Пуцилло — для второго.

После 15 июня, когда стало известно о сдаче Воткинского завода, в дивизион прибыла значительная часть всадников быв. Рябковского и Вдовинского отрядов, во главе с их командирами: поручиком Рябковым и поручиком Вдовиным. Поручик Рябков вступил в командование 1-м эскадроном, куда вошли и всадники его отряда, а поручик Вдовин вступил в командование 2-м эскадроном, собирал в эскадрон своих людей.

Отряд поручика Агафонова был демобилизован одновременно со всеми частями дивизии. Так как поручик Агафонов погиб в бою перед демобилизацией, то обратно собрать людей его отряда было уже некому и всадники распылились по полковым конным разведкам и по другим частям дивизии. Возможно, что в конный дивизион попало лишь несколько одиночных всадников.

При штабе дивизии в селе Черновском не было распределительного пункта, который направлял бы прибывавших Воткинцев по частям, и каждый выбирал себе направление по собственному желанию: родственники или односельчане стремились быть вместе, в одной части. Обстановка на фронте подгоняла события, все спешили. Не было времени, чтобы разобраться и привести в порядок дезорганизацию и неурядицу в частях дивизии. То, что не успели сделать в отношении формирования на месте, пришлось доделывать в пути, на походе, так как 20 июня дивизии был дан приказ выступить в село Казанку — пристань на Каме, верстах в 20 ниже города Оханска. В Казанке была организована переправа войск на баржах на левый берег Камы.

После переправы части дивизии были сосредоточены в районе города Осы. Отсюда дивизия двинулась на линию железной дороги Кунгур—Екатеринбург, в район станции Шамары. Во время переходов удалось до некоторой степени привести части дивизии в порядок и придать им боеспособное состояние. На ходу из состава пехотных полков дивизии был выделен Егерский батальон. Такое формирование допускалось новыми штатами, и этим воспользовался капитан Мудрынин, не получивший назначения при новом формировании. Он был назначен командиром Егерского батальона, в который вошли главным образом стрелки 1-го батальона 1-го стр. Воткинского заводского 17 августа полка (роты Бабкинского боевого участка, начальником которого в своё время был капитан Мудрынин).

Фронт быстро приближался к Уралу и, не доходя до станции Шамары, под Молебским заводом, 15-й стр. Воткинской дивизии пришлось принять участие в боевых действиях против наседавших красных, при этом были потери во 2-й бригаде Воткинской дивизии, а Воткинский конный дивизион потерял свой пеший эскадрон, который был отрезан красными и остался у них, хотя прапорщику Пастухову и удалось избежать красного плена.

16-я Сарапульская дивизия (вторая дивизия, входившая в состав 8-го корпуса) прибыла на фронт и была выгружена из пароходов в Бабке и в Ножёвке, как раз в то время, когда был оставлен Воткинский завод. С этого времени дивизия не выходила из боя и понесла такой урон, что остатки её было решено влить в части 15-й стр. Воткинской дивизии. Это слияние было проведено на станции Шамары. После слияния был сделан смотр Воткинской стр. дивизии командовавшим в то время армией

Гайдой, появившимся перед фронтом дивизии в русской генеральской форме, верхом на коне и в окружении блестящей свиты.

Полкам Воткинской стр. дивизии при слиянии была присвоена новая нумерация и новые наименования: 57-й стр. Воткинский заводской 17 августа полк — командир полковник Родзевич[224], 58-й Казанский полк — командир полковник Иванов, 59-й Лаишевский полк — командир полковник Заалов[225] и 60-й Чистопольский полк — командир полковник Отмарштейн. Были некоторые перемещения и среди низшего командного состава.

Со станции Шамары Воткинцы двинулись на Урал, в район Верхне-Тагильского и Невьянского заводов. Не сохранились в памяти названия населённых пунктов, через которые пролегал путь Воткинцев к Уралу. Была самая середина лета, и конный дивизион часто останавливался для отдыха или ночлега на привалах, на лугах у речек, а не в посёлках. Интересно было наблюдать подъём на перевал через Уральский хребет у Верхнего Тагила. Западный склон гор здесь очень пологий. Выступив рано утром с последнего привала, Воткинцы медленно двигались на подъём, поросший густым хвойным лесом. Казалось, что пройденная местность вся покрыта тёмно-зелёным ковром. Перевалило уже далеко за полдень, когда этот подъём вдруг прекратился. Впереди на дороге была как будто прорезанная руками человека выемка, по бокам которой возвышались скалистые щёки, а на дороге появилось много крупного серого камня, по которому трудно было двигаться лошадям и застревали колёса повозок. Каменистая дорога на хребте протянулась не больше, чем сажен на сто. Вдруг перед глазами открылся восточный склон Урала. Дорога круто свернула влево, камня под ногами не стало, начался довольно крутой спуск в долину. Прошло не больше получаса времени, как Воткинцы были уже в долине.

У Верхне-Тагильского завода шедший головным второй эскадрон конного дивизиона имел столкновение с красными. Во время перестрелки с разведкой красных был тяжело ранен командир 2-го эскадрона поручик Вдовин, и в командование эскадроном вступил старший офицер хорунжий Пуцилло. После днёвки в В.-Тагильском заводе, минуя Невьянский завод, Воткинский конный дивизион двинулся в сторону станции Егоршино.

Не доходя до станции Егоршино, Воткинцам пришлось снова вступить в бой с наседавшими красными. Здесь, в 60-м Чистопольском полку, красными был отрезан батальон под

командой поручика Булыгина. Когда командир батальона убедился, что он отрезан и не может пробиться к своему полку, он собрал батальон и приказал всем снять погоны, а потом повёл стрелков по лесам, стараясь не выходить на дороги и к населённым пунктам. Так, после нескольких дней блуждания по лесам, батальон вышел к городу Камышлову, который был ещё в руках белых. Отсюда батальон был направлен в Тюмень, где и присоединился к своему полку.

Со станции Егоршино Воткинский конный дивизион походным порядком двинулся на Ирбит и далее на Тюмень. Хотя части Воткинской стр. дивизии и принимали участие в боях, но организационная неурядица в полках не была устранена полностью. К этому прибавилась ещё проблема питания и перевозки семей военнослужащих, следовавших при частях дивизии, а в добавление ко всему прибавилась ещё одна, совершенно новая, «беженская» проблема. Чем дальше беженцы уходили от своих мест, тем теснее они жались друг к другу и тем ближе старались быть к частям дивизии, в которых находились или их родственники, или односельчане. Постепенно перед беженцами возникала забота о питании, так как не все располагали материальными средствами, а домашние запасы давно были съедены. Правда, население Приуралья было весьма зажиточным и принимало беженцев благожелательно, но нельзя было бесконечно надеяться на доброту населения. Кроме того, в беженских обозах было некоторое число добровольцев, которым следовало бы находиться в строю, а не при обозе.

Поэтому Воткинская стр. дивизия из Тюмени была направлена по тракту на Тобольск и поставлена на месячный отдых в село Бачалино, расположенное на правом берегу Тобола, как раз у переправы, где тракт переходит на правый берег реки.

Как только дивизия расположилась по местам стоянки, в районе села Бачалино, была начата спешная организационная работа. На хозяйственные должности и работы были привлечены пожилые люди из беженцев. Из них же набирались ездовые и хозяйственные обозы, куда беженцы охотно вступали, предоставляя своих лошадей и повозки. Все освобождённые таким образом от хозяйственных занятий и пригодные для строевой службы были перечислены в строевые части.

Быстро летело время, и незаметно наступил день 17 августа, день первой годовщины восстания в Воткинском заводе. Этот

день был отмечен парадом всей дивизии, который в то же время являлся смотром частей после реорганизации. В день годовщины было объявлено о наградах и производствах. Все офицеры получили производство в следующий чин. Командир Воткинского конного дивизиона штабс-капитан Дробинин получил производство в чин ротмистра, а хорунжий Пуцилло, командовавший 2-м эскадроном, был перечислен к производству по кавалерии и произведён в чин штабс-ротмистра.

Воткинский конный дивизион в Бачалино был приведён в отличное боевое состояние и насчитывал в своих рядах до 450 сабель. Во всех частях дивизии осталась неразрешённой лишь проблема присутствия при частях семей военнослужащих, являвшихся большой помехой при переходах. Позднее, по распоряжению из Омска, для семей были предоставлены средства речного транспорта, и семьи были эвакуированы в Омск. После эвакуации Омска семьи Воткинского конного дивизиона присоединились к своей части в пути около Мариинска.

После месячной стоянки в Бачалино начались тяжёлые бои с красными на Тоболе. В боях на Тоболе и на Иртыше совместно с 7-й Тобольской дивизией Воткинцы провели свыше двух месяцев. От Тобольска Воткинцы отходили вверх по Иртышу до города Тары, а Тобольская дивизия отступала вниз по Иртышу. От Тобольска до Тары пятьсот вёрст, и по этой дороге Воткинцам пришлось пройти три раза. Они не только ознакомились с местностью и селениями, но даже познакомились с жителями настолько, что узнавали друг друга при встрече, как старые знакомые.

В боях под Тобольском и на Иртыше Воткинцам пришлось встретиться с начальником дивизии красных, впоследствии известным их маршалом Блюхером. Когда Воткинцы перешли в наступление от Тары вниз по Иртышу, Блюхер со своими частями попал в окружение между Воткинской и Тобольской дивизиями и едва унёс свои ноги. Красные понесли при этом большие потери и отступили вверх по Тоболу, за село Карачинское.

После незначительных боевых столкновений у села Карачинского, в связи с общим положением на Восточном фронте, части белых начали отходить к городу Таре. После поражения на Иртыше Блюхер держался на почтительном расстоянии и не преследовал уходящих Воткинцев.

Воткинцы пришли в Тару в первых числах ноября. Выпал снег, начались морозы, наступила зима. Навигация на Иртыше

закончилась, и река покрылась прочным слоем льда. С наступлением зимы среди Воткинцев сразу же началась эпидемия тифа, и число больных увеличивалось с каждым днём.

Из Тары Воткинцы выступили 10 ноября [1919 г.], двинувшись в далёкий Сибирский ледяной поход. Вначале части шли вверх по Иртышу, в сторону Омска, но примерно на полпути круто повернули на восток и двигались параллельно главной железнодорожной магистрали, в направлении на Колывань. Продолжая путь на восток, Воткинцы пересекли Обь и остановились на днёвку в большом сибирском селе, название которого не сохранилось в памяти. После днёвки двинулись на юг, вверх по течению реки Обь и вышли на главную линию железной дороги у станции Сокур, первой железнодорожной станции на восток от Новониколаевска.

Когда Воткинцы подошли к станции, перед их глазами предстала ужасная картина беспорядочного отступления. На двухколейном пути железнодорожной линии, в две неподвижные полосы стояли эшелоны товарных вагонов, а рядом по дороге двигались в несколько рядов обозы всевозможных повозок и саней, рядом с которыми шагали усталые люди. В ряд с лентой обозов, подымая снежную пыль, шли конные Сибирские казачьи части. Воткинский конный дивизион вытянулоя вслед за казачьими частями и двинулся на восток, в сторону станции Ояш.

В товарных вагонах неподвижных эшелонов были нагружены главным образом различные запасы интендантских складов армии, и теперь всё это было оставлено в добычу красным. Иногда в ленте эшелонов попадали теплушки с беженцами или служащими различных учреждений, эвакуированными из Омска на восток. Люди с испугом выглядывали из вагонов, и некоторые из них, видя своё безвыходное положение, бросали всё и вливались в поток отступающих, чтобы не попасть в руки красным, а другие терпеливо покорились судьбе и с грустью наблюдали за движением проходящих.

Перед станцией Ояш, когда Воткинский конный дивизион проходил возле стоявшего эшелона, командир дивизиона приказал открыть несколько вагонов. Из вагонов было взято армейское бельё, шерстяные английские носки и несколько тюков солдатских одеял. Из продуктов питания было взято несколько мешков муки-сеянки и сибирское сливочное масло в бочонках.

Утром на следующий день Воткинский конный дивизион выступил со станции Ояш. Перейдя на южную сторону железнодорожной магистрали, дивизион прошёл фланговым маршем по ряду населённых пунктов и с юга втянулся на станцию Болотная. Незадолго до прихода дивизиона у станции Болотная произошёл бой Воткинцев с красными. Заняв Новониколаевск, красные бросили для преследования уходящих какие-то части, надо полагать, это были конные части, которые и атаковали шедших в арьергарде Воткинцев. Части 1-й бригады и Егерский батальон Воткинской стр. дивизии дали такой жестокий отпор красным, после которого они больше не пытались преследовать белых в продолжение всего похода через Сибирь. Наоборот, в дальнейшем пути до Байкала красные во многих местах пытались преградить путь отступления частям белых. Приходилось или обходить такие места, или прокладывать себе путь с оружием в руках. Путь по Сибири, от станции Тайга до Иркутска Воткинцы прошли всё время совместно с Иркутской стр. дивизией, занимая поочерёдно место в авангарде группы войск генерала Вержбицкого.

Зимний поход частей Восточного фронта от Омска до Байкала в истории Белой борьбы принято называть «Ледяной поход». Ледяной... Это слово напоминает о холоде, о сибирских морозах, но оно ни в какой мере не отражает ужасных мучений и страданий, испытанных участниками похода и не даёт представления о тех неисчислимых жертвах, которые понесла отступающая армия.

Больше всего люди болели сыпным или возвратным тифом. Количество больных стало быстро увеличиваться на переходах после станции Тайга, когда усилились морозы, а части, отступавшие вдоль железнодорожной линии, шли по одной дороге. На остановках не хватало места, чтобы разместить людей в жилых помещениях. Здоровые ещё как-то приспосабливались: грелись у костров или в домах, по очереди, а больные оставались в санях на морозе под открытым небом. В Воткинском конном дивизионе в таких случаях весьма пригодились одеяла, взятые из интендантского эшелона на ст. Ояш. Одеял хватило с избытком по 3–5 штук на каждого больного, а больных обычно размещали по два человека на каждые обозные сани, таким образом больные, хорошо укрытые одеялами, могли свободно провести ночь на морозе без ущерба для здоровья. Так, благодаря

предусмотрительному распоряжению командира дивизиона о запасе одеял, безусловно были спасены жизни многих Воткинцев.

О медицинской помощи больным в походных условиях говорить не приходится, так как части ежедневно были в движении, а кроме того, и лица врачебного персонала болели сами наравне со всеми. Не было и медикаментов. Больные в изобилии пользовались лишь чистым морозным воздухом, облегчавшим общее состояние больного при высокой температуре тела. Незаменимым «медикаментом» являлась отварная вода, заправленная клюквой, благо мороженая клюква в Сибири была в изобилии почти в каждом селении. На остановках в пути каждый больной старался запасти отварную воду во флягу, предварительно положив туда 20–30 ягод клюквы. Такая вода хорошо утоляла жажду и очищала рот больного. Обязательным правилом было стричь больных под машинку, это предохраняло от выпадения волос после тифа и облегчало борьбу с насекомыми — главными рассадниками тифозной заразы.

Был в первом эскадроне Воткинского конного дивизиона всадник Лобашев Игнатий. В Первую мировую войну он был в русской бригаде во Франции. Вернулся домой и после восстания в Ножёвке вступил в отряд прапорщика Рябкова, а позднее оказался в конном дивизионе. Человек этот обладал большой физической силой. Иногда, на досуге он показывал свои упражнения с тяжестями, и двухпудовая гиря в его руках казалась игрушечным мячом. Казалось, что этому богатырю не страшен никакой тиф, но заболел тифом и Лобашев. Его, как и прочих больных, укладывали в обозные сани, укрывали одеялами и так следовали переходы от одного ночлега до следующего.

Где-то в пути после Ачинска больной Лобашев сбил с себя одеяла, а ездовой, один на две подводы, будучи на передних санях, не заметил этого. Видимо, у Лобашева наступил кризис, который обычно сопровождается упадком сердечной деятельности и сильным падением температуры тела. Когда дивизион прибыл на место ночлега в какое-то сибирское село, Лобашев был уже мёртв. Его сняли с саней и положили к забору, в просторном дворе благоустроенного крестьянского дома.

В этом селе на долю Воткинского конного дивизиона для ночлега досталось всего 3–4 дома, поэтому человек тридцать больных пришлось поместить на ночлег в бане, при том же благоустроенном доме. В бане было тепло, видимо, ей пользовались

для постоя ранее проходившие части. Больных положили рядами на полу, и ночью некоторые из них стонали, бредили в беспамятстве и метались в жару, а другие, у которых наступил кризис, лежали тихо, едва проявляя признаки жизни.

Наутро надо было выступать дальше, и когда больных стали укладывать обратно в сани, оказалось, что за ночь четверо тихо скончались. Их вынесли на двор и положили рядом с умершим накануне Лобашевым. Был вызван сельский староста, которому была вручена некоторая сумма сибирских денег для изготовления гробов и было поручено похоронить умерших. Такие печальные события случались почти ежедневно на ночлегах в пути.

При наличии значительных транспортных возможностей Воткинский конный дивизион всегда оказывал помощь больным, оказавшимся в бедственном положении, без средств передвижения. Такая помощь оказывалась не только своим Воткинцам, но и больным из других частей армии. Многие из приставших к дивизиону в пути, придя в Забайкалье, так и остались в конном дивизионе, а другие вернулись в свои части.

После Нижнеудинска, сделав несколько переходов, Воткинцы пришли в село Тулун, где им была предоставлена днёвка. Большое торговое село Тулун по своему виду больше походило на город, чем Нижнеудинск. Во время днёвки в Тулуне было предложено опросить в частях Воткинской стр. дивизии тяжелобольных и тех, кто пожелает, поместить в Тулунскую больницу. Среди тяжелобольных было несколько человек с отмороженными руками или ногами, некоторым из них необходимо было срочно сделать ампутацию, иначе создавалась угроза для жизни от гангрены. Пожелавших остаться на излечении в больнице набралось около 80 человек, из Воткинского конного дивизиона нашлось 2–3 человека из числа приставших к дивизиону в пути.

Были ли люди, которые совсем не болели тифом во время Ледяного похода? Да, были, но таких было очень немного. Не болели главным образом те, которые когда-то до этого перенесли тиф. Не болели участники Первой мировой войны, бывшие в 1917 году на Румынском фронте, где тогда уже были заболевания тифом. Вот у таких людей сохранился иммунитет сопротивления организма против заражения, и они не болели.

11 февраля 1920 года, пройдя от Тары на Иртыше до Байкала около 2500 вёрст, Воткинцы пришли на берег Байкала в село Лиственичное. Во время днёвки 11 февраля в Лиственичном

Воткинцы были всецело заняты подготовкой к переходу через Байкал. В Воткинском конном дивизионе весь день шла усиленная ковка лошадей.

Воткинский конный дивизион выступил из Лиственичного рано утром 12 февраля и после непродолжительного привала в селе Голоустном, на берегу Байкала, около 4 ч дня выступил в поход через Байкал, имея направление на станцию Мысовая, куда и прибыли около полуночи, в ночь на 13 февраля. Переход прошёл благополучно, если не считать около десятка лошадей, оставленных на гладком льду озера. Оставлены были лошади всадниками или ездовыми, которые понадеялись на старую ковку и не перековали коней в Лиственичном.

Со станции Мысовая Воткинцы двинулись походным порядком вдоль линии железной дороги, в район города Читы. Переходы до Читы были уже значительно легче, так как в пути от Мысовой до Верхнеудинска отступавшую армию встречали санитарные поезда и освобождали обозы частей, забирая раненых и больных. По прибытии в район Читы Воткинский конный дивизион был размещён в селе Кенон, вблизи города.

Во время Сибирского ледяного похода части Воткинской стр. дивизии понесли большие потери, вследствие чего в Забайкалье дивизия была сведена в полк — Воткинский стрелковый полк. Эта реорганизация не коснулась Воткинского артиллерийского дивизиона, сохранившего достаточный личный состав и двенадцать орудий из четырнадцати. Реорганизация не коснулась и Воткинского конного дивизиона, который в составе двух эскадронов и пулемётной команды сохранил в своих рядах до 250 сабель. Вместе с Воткинским полком Воткинский конный дивизион вошёл в состав Иркутской стр. дивизии. Лето 1920 года Воткинцы провели в борьбе с красными партизанами Забайкалья, после чего перешли в 3-й корпус генерала Молчанова. Здесь, в составе Ижевско-Воткинской бригады Воткинцы приняли участие в походе на Хабаровск.

Воткинский артиллерийский дивизион в Забайкалье и в Приморье оставался в составе 2-го корпуса генерала Смолина и осенью 1922 года, вместе с прочими частями корпуса, перешёл границу Китая у станции Пограничной.

Части 3-го корпуса осенью 1922 года уходили из Приморья в Китай через Ново-Киевск. Воткинский конный дивизион прикрывал отход частей из Никольск-Уссурийска по дороге через

Красный Яр на Нежино, Барабаш. Когда конный дивизион остановился на привал в селе Красный Яр, то здесь Воткинцам пришлось столкнуться с подошедшей красной конницей. В перестрелке с красными был убит всадник учебной команды Воткинского конного дивизиона ст. унт.-оф. Константин Рогов. Смерть Рогова была последней жертвой Воткинцев в борьбе с красными.

*Воткинец**

ИЗ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ПОХОДОВ ВОТКИНЦЕВ
(Гибель прапорщика Татаурова)

Ранней весной 1920 года Воткинский стрелковый полк и Воткинский конный дивизион, после непродолжительного отдыха в селе Кенон, около Читы, были переброшены в район Нерчинска для борьбы с красными партизанами Забайкалья.

Хозяйство частей с обозами второго разряда и семьи были выгружены из эшелонов на станции Приисковой для следования в город Нерчинск, а строевые части были продвинуты до станции Бянкино, откуда Воткинский полк походным порядком двинулся в станицу Житкинскую, а Воткинский конный дивизион — в посёлок Колобово, расположенные на реке Унде, в четырёх верстах друг от друга.

Разъезды конного дивизиона вели разведку и наблюдение за передвижениями партизан, которые в этом районе группировались около станицы Шивьинской, находившейся верстах в двадцати от Житкинской в сторону Сретенска. Видимо, красные были очень недовольны приходом Воткинцев на Унду, и через несколько дней после их прибытия партизаны предприняли ночной налёт на станицу Житкинскую, направив для этого отряды, сосредоточенные в станице Шивьинской. После этой партизанской вылазки последовал приказ Воткинскому полку и конному дивизиону провести рейд на станицу Шивьинскую, занять последнюю и вытеснить красных из этого района. Для упомянутой операции Воткинцы были сосредоточены в станице Житкинской, их отряд пехоты и конницы был усилен тремя пушками: двумя трёхдюймовыми орудиями Воткинской конной

* В 1960-е гг. под этим псевдонимом писал статьи секретарь Объединения Ижевцев и Воткинцев Н. Е. Старцев. — *Прим. сост.*

батареи и одной пушкой старого образца от Забайкальского артиллерийского дивизиона, под начальством хорунжего К.

Отряд выступил из Житкинской около полуночи, с расчётом, чтобы иа рассвете подойти и ударить по красным в станице Шивьинской. В голове колонны шёл конный дивизион, за ним двигалась пехота, а замыкала колонну артиллерия с надлежащим пехотным прикрытием. Без всяких препятствий и приключений, точно в намеченное время Воткинцы подошли к станице Шивьинской. Начался рассвет, но была ещё плохая видимость на расстоянии. Ночью ударил мороз, и дорога сильно подмёрзла, это облегчало движение для пехоты, но лужи на дороге покрылись льдом, который с треском ломался под копытами лошадей, создавая нежелательный шорох и шум.

Примерно в версте от станицы части начали развёртываться в боевой порядок. От этого места, вплоть до станицы Шивьинской, с левой стороны от дороги тянулся невысокий редкий кустарник, который до некоторой степени мог быть хорошей маскировкой для пехоты и конницы. Конный дивизион, спешившись, сошёл влево с дороги в этот кустарник, предоставив возможность пехоте выдвинуться вперёд. Вскоре красные обнаружили движение Воткинцев, цепи которых быстро приближались к станице, и на окраине села началась ожесточённая перестрелка. В это время пушка Забайкальцев, шедшая в голове артиллерийской колонны, поравнялась с конным дивизионом и остановилась на дороге.

С правой стороны от дороги, примерно на расстоянии 1200–1500 шагов, ближе к станице, на утреннем посветлевшем небе чётко обрисовалась вершина сопки. Склоны сопки к дороге были пологими и покрыты полосами пашен. Оказывается, на гребне сопки красными были вырыты окопы, которые были незаметны в предрассветной мгле. Возможно, что у красных там была застава с пулемётом, или они спешно выдвинули пулемёт на сопку после начала боя, во всяком случае из окопа с сопки были под хорошим обстрелом и дорога, и подступ к станице с нашего правого фланга. Безусловно, красные не замедлили воспользоваться этой сильной позицией и открыли пулемётный огонь по Воткинскому конному дивизиону. Всё это случилось так неожиданно, что Воткинцы вначале шарахнулись ещё левее от дороги, а потом замерли на месте. Но счастье на этот раз было на их стороне: красный пулемётчик взял слишком высокий прицел, давал перелёт, но не мог заметить в утреннем тумане

своей ошибки. Зато сам он с пулемётом чётко обрисовался на бруствере окопа, особенно хорошо были видны на фоне посветлевшего неба вспышки из пулемётного ствола.

Вот этим обстоятельством и воспользовался хорунжий К. По его команде артиллеристы моментально сняли пушку с передка, а хорунжий что-то поколдовал на пальцах руки, вытянутой в сторону стрелявшего пулемёта. Раздался выстрел, и все притихли, прошло несколько секунд напряжённого ожидания, и по рядам Воткинцев пронёсся гул одобрения. Пущенная граната попала точно в цель, в бруствер окопа, под ствол пулемёта. Взрывом снаряда пулемёт был подброшен вверх, он как будто подпрыгнул на месте и завалился в окоп.

Больше с сопки никто не стрелял, а Воткинцы и артиллеристы через полчаса втягивались в станицу Шивьинскую. Красные, отступив в беспорядке из станицы, начали собираться в пади за околицей. Вот тогда на этой сопке был установлен артиллерийский наблюдательный пункт, и наши три пушки провожали огнём уходивших красных.

После непродолжительного привала в станице Шивьинской Воткинцы выступили для преследования отступивших партизан и кружным путём возвратились в станицу Житкинскую.

А борьба с красными партизанами в Ундинском районе продолжалась и принимала всё более упорный характер. В дело вступали свежие части 2-го корпуса, расположенные в районе Нерчинска. Воткинский отряд в составе Воткинского полка, Воткинского конного дивизиона и конной батареи, после боевых действий в районе станиц Житкинской и Шивьинской, был переброшен вниз по течению реки Унды, в посёлок при Казаковском прииске. После ухода Воткинцев станица Житкинская и ряд соседних посёлков были заняты пришедшими туда частями Омской стрелковой дивизии. Одновременно и Воткинский отряд, в посёлке у Казаковского прииска, был усилен Сибирским казачьим полком, под начальством полковника Глебова.

Казаковский прииск и посёлок при нём находятся в долине реки Унды, недалеко от станицы Ундинской. Как прииск, так и посёлок расположены у подножья высокого горного хребта, покрытого лесом. В долинах и низменных местах было уже тепло, наступившая весна всё больше вступала в свои права, но горный хребет был так высок, что на перевале и на склонах в лесу местами всё ещё держался снег.

Первое боевое столкновение у Казаковского прииска произошло по почину красных. Получив сведения о занятии прииска Воткинцами, красные решили разведать силы противника и обстреляли белых в посёлке с горного перевала. Этот налёт красных был легко отбит, и никаких потерь у Воткинцев и Сибирских казаков не было.

Стоянка отряда в посёлке у Казаковского прииска продолжалась. Воткинский конный дивизион, как обычно, вёл разведку и наблюдение за дорогами, высылая разъезды в сторону Бочкарево и в сторону станицы Житкинской. Дороги в указанных направлениях из посёлка уходили сразу по лесистому склону хребта и подымались на перевал. Так в спокойной обстановке прошло два или три дня, и после первого боевого столкновения никаких активных действий красные не предпринимали. В это время из штаба 2-го корпуса были получены два пакета с оперативными приказами: один для Воткинского отряда, а второй для пересылки в штаб Омской стрелковой дивизии, находившийся в одном из посёлков около станицы Житкинской. Для выполнения указанного задания был назначен разъезд от 2-го взвода 2-го эскадрона Воткинского конного дивизиона в составе подпрапорщика Уварова, ст. унт.-оф. Дерябина и всадника Вахрушева, под командой прапорщика Татаурова.

Разъезд выступил из посёлка, поднялся по дороге на перевал и продолжал свой путь по назначению. Но красные, в свою очередь, также вели разведку и наблюдение за дорогами, и на этот раз случилось так, что красные первыми обнаружили движение разъезда прапорщика Татаурова. Они спешились, засели в кустах у дороги и, подпустив Воткинцев на близкую дистанцию, в упор открыли по ним огонь. Прапорщик Татауров, ст. ун.-оф. Дерябин и всадник Вахрушев были убиты на месте, а подпрапорщик Уваров был ранен в ногу и упал с коня, но нашёл ещё достаточно сил, уполз в кусты и ушёл от красных по лесу. Когда он заметил, что красные потеряли его и не преследуют, он перевязал рану и добрался до станицы Ундинской, откуда и был доставлен в Казаковский прииск.

Как только стало известно о гибели разъезда прапорщика Татаурова, к месту катастрофы немедленно выступил 2-й эскадрон. На месте встречи разъезда с красными были подобраны полураздетые тела погибших Воткинцев, а при тщательном осмотре места столкновения примерно в двух шагах от тела прапорщика

Татаурова, в снегу был обнаружен и пакет с оперативным приказом. Очевидно, прапорщик Татауров был смертельно ранен, но сознание ответственности и воинского долга не покидало его до последней минуты. Он нашёл ещё силы, извлёк пакет из папахи, потянулся в сторону и спрятал конверт в снегу.

Доблестный подвиг прапорщика Татаурова, его гибель и смерть всадников разъезда были отмечены командиром дивизиона подполковником Дробининым в специальном приказе по Воткинскому конному дивизиону, а подпрапорщик Уваров был представлен к производству и произведён в чин прапорщика.

Отмечая пятидесятилетие Ижевского и Воткинского восстаний, вспомним наших доблестных соратников-Воткинцев, погибших в борьбе с большевиками.

ВЕЧНАЯ ИМ СЛАВА И ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Воткинец

От Правления: к 50-летию восстания против большевиков получены поздравления Объединению и пожелания всякого благополучия соратникам:

Из Аргентины: от командира 1-го Ижевского полка полковника Д. М. Михайлова, от сестры милосердия 1-го Ижевского полка В. М. Михайловой[226].

Из Австралии: от помощника к-ра Воткинского полка полк. А. Л. Болонкина, от капитана Ижевского полка П. К. Пороника.

От П. А. Дубницкого и полковника Г. К. Сидамонидзе.

ШТАБС-КАПИТАН НИКОЛАЙ ЛОЖКИН
Командир 3-го батальона 1-го Ижевского полка

Шт.-капитан Ложкин, в начале восстания прапорщик, отличался необыкновенным бесстрашием. Его батальон был известен тем, что во главе со своим командиром ходил на схватку с врагом, закинув винтовки за плечо и вынув из голенищ сапог большие ножи. На противника это производило большое впечатление, они обычно не принимали удара и разбегались при одном виде солдат, идущих на них с ножами.

История этого исключительного воина начинается тогда, когда красные звери пришли в дом его семьи и всех уничтожили на его глазах. Палачи по очереди убивали его отца, мать и братьев и бросали их тела в колодец. Когда подходила его очередь,

он бросился бежать. Красные пробовали его поймать, но ему удалось спастись. Жестокая расправа с его семьёй отразилась на поведении его в течение, по-видимому, короткой жизни. Он своей жизнью не дорожил и неоднократно повторял фразу: «Для вас не знаю как, а для меня жизнь — копейка». Ложкин был фаталистом. Он верил: что ему предназначено судьбой, то и будет, а от судьбы не уйдёшь. Он всегда говорил: «Где и как я умру — не знаю, но пуля красных меня не убьёт».

В полку был известен необыкновенный случай, произошедший с ним. К нему пришёл подвыпивший офицер пулемётной команды подпор. Никулин. Пришедший стал вести себя очень непринуждённо. Ложкин предложил ему покинуть помещение. Никулин вскипел и начал кричать: «А, так меня оскорбляют!» Вынул револьвер и наставил в упор на Ложкина. Последний стоял перед ним, расставив ноги и заложив руки в карманы. Никулин три раза спустил курок. Выстрелов не последовало. Ложкин взял его за шиворот, отобрал револьвер, арестовал и отправил в штаб полка.

Там Никулин с жаром стал рассказывать, как его оскорбил Ложкин. Командир полка приказал ему отправиться в свою команду и оттуда не выходить. Затем ком. полка вызвал к себе Ложкина и хотел проверить, не выпил ли лишнего он сам. Ложкин спокойно рассказал всё, как было, и, когда дошёл до случая с револьвером, с возмущением заговорил: «И вот этот Никулин вздумал меня застрелить. В меня без конца стреляют красные и не могут убить, а он вздумал стрелять в меня из какой-то финтифлюшки». Командир полка спросил: «Ну как же он стрелял?». «Три раза его финтифлюшка дала осечку. Тогда я его арестовал и отправил в штаб».

После этого револьвер был проверен. Все патроны, давшие осечки, выстрелили. Командир полка, рассказывая этот случай, вспомнил Лермонтовского «Фаталиста» («Герой нашего времени») и добавил: «Наш Коля превзошёл Лермонтовского героя».

Батальон Ложкина отличался своими атаками во всех боях, в которых ему приходилось участвовать: при наступлении к Уфе, после Уфы, когда красные пробовали вернуть этот город, навалившись на Ижевскую бригаду силами, состоявшими из 12-ти или более полков, при преследовании красных к Волге — везде Ложкин подпускал красных на самое близкое расстояние или, при наступлении, сам старался дойти до противника вплотную и тогда бросался «в ножи».

Это являлось «обыденным» явлением и никого в бригаде не удивляло. Все знали, что где наступает Ложкин или держит позицию, — там красным будет жарко. Как бы установилась «ложкинская тактика», проверенная и одобренная временем. Реже были дни, когда можно было отдохнуть и отвести душу от трескотни пулемётов, свиста пуль, работы ножом под крики «Ура!» и стоны раненых.

Один такой случай рассказывали в бригаде. Ложкин получил отпуск в Омск. Для компании взял одного из офицеров своего батальона. Его спрашивали: «Откуда у тебя, Коля, столько денег? Ведь в Омске жизнь дорогая». Он отвечал: «Получаю пособие от красных во время боя». Сам он никогда не брал ни от пленных, ни от убитых, — ему приносили рядовые Ижевцы, считавшие своим долгом делиться с командиром взятыми «трофеями».

Приехав в Омск, Ложкин решил развлечься в первоклассном ресторане. По пути он останавливал всех встречных солдат и приказывал следовать за ним. С ним оказалось 70 солдат разных частей. Он угостил всех чаркой водки и отпустил на все четыре стороны.

В ресторане он встретил много офицеров в разных чинах, включая штаб-офицеров и генералов. Все были в формах мирного времени с золотыми или серебряными погонами. От них фронтом и не пахло. Только два Ижевца появились в шинелях защитного цвета с погонами, нарисованными химическим карандашом. Они словно только что вылезли из окопов. Заказали отдельный столик на двоих. Выпив столько, сколько полагалось для души, Ложкин встал и предложил выпить за здоровье Верховного Правителя адмирала Колчака. Видно было, как неохотно вставали высокие чины. Однако пришлось встать и прокричать «Ура».

На этом дело не кончилось. Ложкин второй раз провозгласил здравицу за адмирала Колчака. Тут уже высокие чины стали возмущаться. Позвонили в комендантское управление и попросили убрать двух офицеров, выпивших лишнее и нарушающих общественный порядок.

Очень быстро появился комендантский адъютант с пятью солдатами и предложил Ложкину выйти из ресторана. Ложкин встал, вынул два револьвера и, обратившись к адъютанту, громко и внушительно заявил: «Не знаю как для вас, но для меня жизнь — копейка. Если вы со своим конвоем сейчас же не уйдёте, я эти револьверы разряжу во всех вас». Сказано было так веско, что сомневаться в исполнении сказанного было

невозможно. Офицер с конвоем быстро ретировался. В зале последовало движение, все стали выходить.

В ресторане осталось два Ижевца. Они запели любимую песню:

«Порваны цепи кровавого гнёта,
Гневно врага уничтожил народ.
И закипела лихая работа,
Ожил рабочий и ожил завод...»*

Ложкин со своим компаньоном щедро расплатился с рестораном. Администрация осталась довольна и с благодарностью проводила необыкновенных посетителей. Вернувшись в полк, Ложкин рассказал, как он провёл отпуск в Омске, и его рассказ понравился всем. Командир полка записал его для памяти, [так] как старался сохранить все боевые и небоевые дела своих славных подчинённых.

28 августа 1919 г. Ижевская бригада встретила красных в районе посёлков Кладбинский и Богатый. Произошло несколько боёв. Ложкин, подпустив на своём участке красных на близкое расстояние, атаковал их со своим батальоном и обратил в поспешное бегство. Сев на коня, он бросился в преследование. Атакующая кавалерия состояла из 5 всадников — он сам, его ординарец Мерзляков[227] и трое конных для связи. Его конь был ранен в ногу, вскинулся на дыбы, вывихнул ногу и упал. Ложкин соскочил и пересел на другую лошадь. Но в тот же момент снаряд красных разорвался под лошадью. Взрывом вырвало у лошади внутренности, и она упала, придавив ногу седоку. Нога была сломана в двух местах, а осколками снаряда Ложкин получил несколько ранений в спину. Он был вынесен из боя в бессознательном состоянии и потом отправлен в госпиталь в Иркутск. Больше его никто не видел.

При проходе мимо Иркутска через полгода, Ижевцы старались разыскать его, но без успеха. Умер ли он от полученных ран или был убит красными — осталось неизвестным. «Жизнь для меня — копейка» — может быть, повторил он ещё раз, но для его соратников, для 3-го батальона и для всего полка, его жизнь не измерить никакими пудами копеек и рублей.

Д. М. Михайлов и другие однополчане Ложкина

---

* Первый куплет «Марша Ижевцев». Полный текст см.: *Ефимов А. Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008, с. 315. — *Прим. сост.*

ЛИДИЯ ПОПОВА
Гимназистка Ижевской женской гимназии

В борьбе с красными палачами восставшим рабочим помогали их жёны, сёстры, дочери... И не только замещали их на работе в мастерских, на рытье окопов, в приготовлении пищи, но нередко брали винтовки и сражались с ними бок о бок.

Любимицей Ижевцев была гимназистка Лидия Попова, работавшая сестрой милосердия. Её привлекала жуткая музыка боя, и она всегда рвалась в передовую линию бойцов, где и делала раненым первые перевязки. Часто с винтовкой в руках ходила на разведку. О ней ходили рассказы и слагались легенды. Здесь приводятся достоверные сведения о её делах.

В один из последних дней защиты Ижевска она работала у татарского кладбища, где шёл ожесточённый бой. Участок защищал полковник Власов с наскоро собранным отрядом. На кладбище и левее накапливался противник. Полк. Власов решает помешать сосредоточению красных сил и отдаёт приказ об атаке. Сам Власов со знамёнщиком первыми выскочили для атаки. Левее бросился вперёд доброволец М. Т. с пятью бойцами. Красные открыли пулемётный огонь и перебили всех выскочивших. Это заставило остальных поднявшихся для атаки укрыться снова в окоп. Полк. Власов был тяжело ранен, и его с трудом вытащили из-под обстрела. У добровольца М. Т. перебита нога, и он ползёт к окопу. Выскочила Лидия Попова и хочет сделать ему перевязку. Получает рану в голову, лицо заливается кровью. Доброволец приказывает ей бежать зигзагами в окоп. Сам он дополз до окопа, и там ему сделали перевязку.

Поправившись от ранения, Лидия Попова вернулась к Ижевцам, уже организованным в бригаду. Опять она появляется в передовых линиях. Во время наступления к Уфе отряд Ижевцев попал под сильный обстрел. Получен приказ ждать результата обхода. Ижевцы залегли в снегу. В цепи появляется Лидия Попова. Подходит к первой группе: «Есть раненые?» — «Нет». Подбегает к другим: «Есть раненые?» — «Нет». У третьей группы — тот же вопрос и тот же ответ. «Так чего же вы лежите? За мной!» — и она бросается к деревне, занятой противником. Ближайшая группа — за ней. «Паника наизнанку» распространяется дальше. Весь батальон бежит к деревне. Деревня взята. Потери небольшие. Попова ранена в ногу.

План командира нарушен, но «победителя не судят». Лидия Попова получила Георгиевский крест 3-й степени, крест 4-й степени у неё уже был.

Смелая гимназистка отличалась не только своей лихостью. Также привлекала своей миловидностью, была всегда весёлая и бойкая и, как полагается, имела много поклонников. Они, однако, её не интересовали. Юнкер Булычёв — «отвергнутый» — стрелялся. Чтобы охладить горячие сердца суровых воинов, Попова была переведена из перевязочного пункта 1-го полка во 2-й полк. При наступлении 2-го полка на красных, приближавшихся к Уфе, Ижевцы шли в атаку с песнями и гармошками. Лидия Попова выскочила вперёд и начала танцевать.

Мрачный бог войны не любит большого веселья в бою. Пулемёт красных перебил ей обе ноги, и она надолго вышла из строя. По непроверенным сведениям, Лидия Попова умерла от сыпняка в Забайкалье или в Харбине.

Составлено по показаниям участников

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТ 1*

НЕКРОЛОГ

Генерального Штаба полковник

Авенир Геннадиевич Е Ф И М О В.

Полковник Ефимов родился 19 октября 1888 года. Православного вероисповедания. Образование получил в 1-м Симбирском кадетском корпусе, а затем в Николаевском Инженерном училище.

В 1910 году произведен в чин подпоручика с назначением в 16-й Самарский батальон.

1-го октября 1912 года произведен в чин поручика.

14-го июля 1914 года назначен начальником кабельного отделения 16-го Саперного батальона.

1-го июля 1915 года назначен командующим телеграфной ротой.

20-го августа 1915 года произведен в чин штабс-капитана.

9-го октября 1916 года командирован в штаб 120-й пехотной дивизии для подготовки к службе в Генеральном штабе.

27-го октября 1916 года командирован на подготовительные курсы Императорской Николаевской Военной Академии.

28-го января 1917 года назначен старшим адъютантом по службе Генерального штаба в штаб 37-го армейского корпуса.

14-го августа 1917 года переведен в штаб 14-го армейского корпуса.

В сентябре 1917 года произведен в чин капитана со старшинством с 10-го декабря 1916 года. Находился в действующей армии до 25-го февраля 1918 г.

25-го февраля 1918 года, при развале армии, уволен со службы.

11-го июля 1916 года был контужен на Якокульском предмостном укреплении.

Во время 1-й войны награжден: орденом Св. Станислава 3-й степени.

Медалью в память юбилея Дома Романовых.

Медалью в память юбилея Отечественной войны.

Мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени.

Орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Орденом Св. Анны 4-й степени с надписью "за храбрость" и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

7-го августа 1918 года вступил в ряды Народной Армии в должности помощника начальника Разведывательного отделения штаба войск Северной группы.

16-го октября переведен на должность помощника начальника службы связи.

15-го января 1919 года принял должность старшего адъютанта Оперативного отдела штаба 2-го Уфимского корпуса.

24-го февраля 1919 года назначен на должность Начальника штаба Ижевской стрелковой бригады, впоследствии-дивизии.

11-го декабря 1919 года вступил в должность командира Ижевского Конного полка. В дальнейшем последовательно занимал должности:

С 12-го марта 1920 года помощника Начальника 1-й Сводной дивизии.

С 26-го мая 1921 года командира Отдельного отряда.

* Машинопись, Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

С 25-го августа 1921 года - Начальника Ижевско-Воткинской бригады.
С 11-го декабря 1921 года - Начальника 3-го Белоповстанческого отряда, командира Прикамского полка, состоявшего из трех родов оружия, образованного из свернутой бригады.

2-го ноября 1922 года в рядах армии перешел границу Китая.

23-го января 1920 года за боевые заслуги произведен в чин полковника.

Был награжден:

Орденом Св.Анны 2-й степени с мечами.
Орденом Св.Владимира с мечами и бантом.
Георгиевским оружием.
Орденом за Великий Сибирский поход 1-й степени.

Был ранен:

20-го ноября 1920 года в бою у ст.Даурия, Забайкальской области.
27-го февраля 1922 года в бою у поселка Васильевского на реке Иссури, в Приморской области.
14-го октября 1922 года в бою у села Монастырище, Приморской области.

По прибытии в Сан-Франциско вступил в число действительных членов О-ва Русских Ветеранов Великой войны. Впоследствии, по собственному желанию, перешел в число постоянных гостей О-ва. По постановлению Общего собрания членов О-ва был удостоен звания почетного гостя Общества.

Выполнял обязанности помощника редактора и отдал много лет работе по изданию "Вестника Ветеранов" О-ва.

Скончался 25 апреля 1972 года в Сан-Франциско, погребен на Сербском кладбище.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ доблестному Русскому Воину, боровшемуся за честь своей Родины.

НЕКРОЛОГ
Генерального Штаба полковник
Авенир Геннадиевич ЕФИМОВ

Полковник Ефимов родился 19 октября 1888 года, православного вероисповедания. Образование получил в 1-м Симбирском кадетском корпусе, а затем в Николаевском Инженерном училище.

В 1910 году произведен в чин подпоручика с назначением в 16-й Саперный батальон.

1 октября 1912 года произведен в чин поручика.

14 июля 1914 года назначен начальником кабельного отделения 16-го Саперного батальона.

1 июля 1915 года назначен командующим телеграфной ротой.

20 августа 1915 года произведен в чин штабс-капитана.

9 октября 1916 года командирован в штаб 120-й пехотной дивизии для подготовки к службе в Генеральном штабе.

27 октября 1916 года командирован на подготовительные курсы Императорской Николаевской военной академии.

28 января 1917 года назначен старшим адъютантом по службе Генерального штаба в штаб 37-го армейского корпуса.

14 августа 1917 года переведен в штаб 14-го армейского корпуса.

В сентябре 1917 года произведен в чин капитана со старшинством с 10 декабря 1916 года. Находился в действующей армии до 25 февраля 1918 г.

25 февраля 1918 года, при развале армии уволен со службы.

11 июля 1916 года был контужен на Икскульском предмостном укреплении.

Во время 1-й [мировой] войны награжден: орденом Св. Станислава 3-й степени, медалью в память юбилея Дома Романовых, медалью в память юбилея Отечественной войны, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

7 августа 1918 года вступил в ряды Народной Армии в должности помощника начальника разведывательного отделения штаба войск Северной группы.

18 октября переведен на должность помощника начальника службы связи.

15 января 1919 года принял должность старшего адъютанта Оперативного отдела штаба 2-го Уфимского корпуса.

24 февраля 1919 года назначен на должность начальника штаба Ижевской стрелковой бригады, впоследствии дивизии.

11 декабря 1919 года вступил в должность командира Ижевского конного полка. В дальнейшем последовательно занимал должности:

С 12 марта 1920 года — помощника начальника 1-й Сводной дивизии, с 26 мая 1921 года — командира Отдельного отряда, с 25 августа 1921 года — начальника Ижевско-Воткинской бригады, с 11 декабря 1921 года — начальника 3-го Белоповстанческого отряда, командира Прикамского полка, состоявшего из трех родов оружия, образованного из свернутой бригады.

2 ноября 1922 года в рядах армии перешел границу Китая.

23 января 1920 года за боевые заслуги произведен в чин полковника.

Был награжден:

орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, орденом Св. Владимира с мечами и бантом, Георгиевским оружием, орденом за Великий Сибирский поход 1-й степени.

Был ранен:

20 ноября 1920 года в бою у ст. Даурия Забайкальской области; 27 февраля 1922 года в бою у поселка Васильевского на реке Уссури в Приморской области; 14 октября 1922 года в бою у села Монастырище Приморской области.

По прибытии в Сан-Франциско вступил в число действительных членов Общества русских ветеранов Великой войны. Впоследствии по собственному желанию перешел в число постоянных гостей О-ва. По постановлению Общего собрания членов О-ва был удостоен звания почетного гостя Общества.

Выполнял обязанности помощника редактора и отдал много лет работе по изданию «Вестника Ветеранов» О-ва.

Скончался 25 апреля 1972 года в Сан-Франциско, погребен на Сербском кладбище.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ доблестному Русскому Воину, боровшемуся за честь своей Родины.

ДОКУМЕНТ 2*

ПАМЯТИ СОРАТНИКА А. Г. ЕФИМОВА

(К СОРОКОВОМУ ДНЮ)

25 апреля скоропостижно скончался полковник Авенир Геннадиевич Ефимов. Он родился 19 октября 1889 года. Окончил Симбирский кадетский корпус и Николаевское Инженерное училище и был произведен в офицеры 6 августа 1910 года. Гражданскую войну начал при взятии подполковником Каппелем города Казани, где служил и в мирное время.

По окончании ускоренного курса Академии Генерального Штаба, в чине капитана, был назначен на должность Начальника Штаба Ижевской стрелковой бригады 24 февраля 1919 года.

Мне выпало счастье быть командиром Ижевцев и иметь начальником штаба сначала бригады, а позднее Ижевской дивизии А. Г. Ефимова. С первых дней марта 1919 года я был с ним до конца гражданской войны, когда мы вместе 2 ноября 1922 года ушли с родной земли в Китай.

Все это время он был моим верным помощником — начальником штаба, а позднее вступил в командование Ижевским конным полком. В Чите Авенир Геннадиевич принял командование остатками дивизии, сведенными в Ижевский стрелковый полк. В Приморье Авенир Геннадиевич вступил в командование Ижевско-Воткинской стрелковой бригадой, в которую входил и Добровольческий полк.

Первоначально, когда полковник Ефимов прибыл в Ижевскую бригаду, я относился к нему довольно скептически. Мы оба саперы и Авенир Геннадиевич производил на меня впечатление слишком мрачного и необщительного офицера. В дальнейшем, когда я увидел его работу по управлению штабом, он оказался прекрасным работником, а в боевой обстановке показал себя храбрым офицером, преданным Родине и военному делу. За время Первой мировой и гражданской войн мне приходилось встречаться с многими офицерами и я могу смело сказать, что Авенир Геннадиевич был одним из лучших храбрых и распорядительных офицеров и являлся моим другом до конца его жизни, наша дружба была основана на взаимном доверии, понимании и уважении. Все, кто его знали и с ним сталкивались, всегда относились к нему с уважением и любовью.

Вечная память дорогому другу и соратнику от всех Ижевцев и Воткинцев.

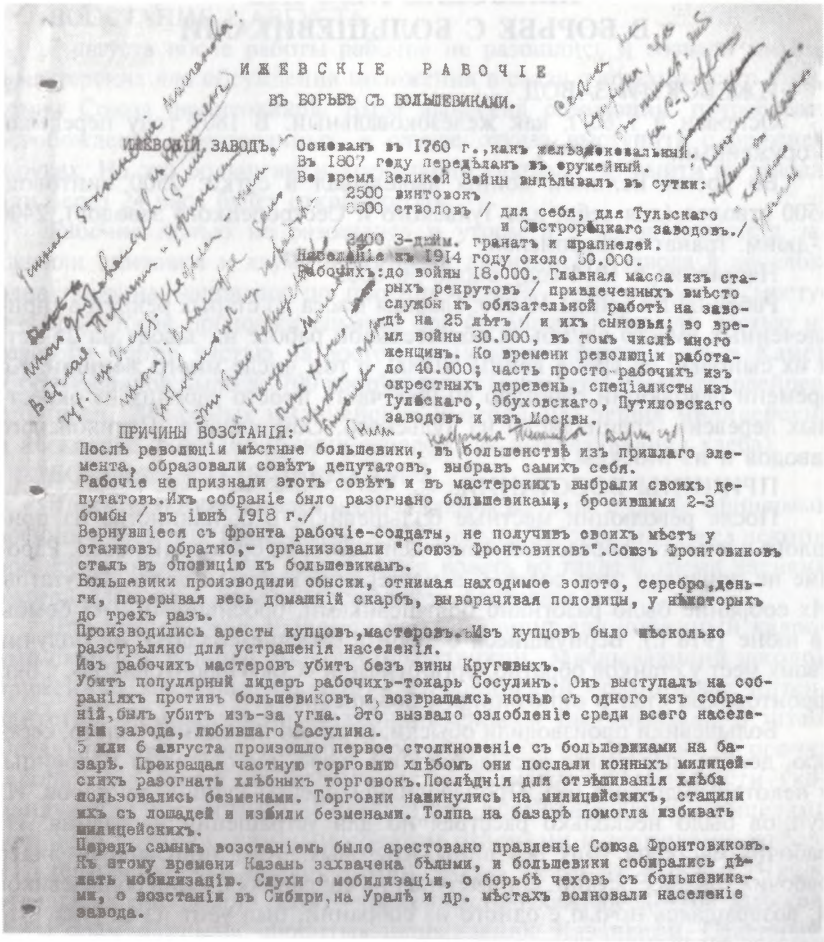
В. Молчанов.

Газета "Русская жизнь" 6-3-1972

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), 3 июня 1972 г. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 3*



ИЖЕВСКІЕ РАБОЧІЕ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ.

ИЖЕВСКІЙ ЗАВОДЪ. Основанъ въ 1760 г., какъ желѣзодѣлательный.
Въ 1807 году передѣланъ въ оружейный.
Во время Великой Войны выдѣлывалъ въ сутки:
2500 винтовокъ
3500 стволовъ / для себя, для Тульскаго и Сестрорѣцкаго заводовъ./
2400 3-дюйм. гранатъ и шрапнелей.
Населеніе къ 1914 году около 50.000.
Рабочихъ: до войны 18.000. Главная масса изъ старыхъ рекрутовъ / привлеченныхъ вмѣсто службы къ обязательной работѣ на заводѣ на 25 лѣтъ / и ихъ сыновья; во время войны 30.000, въ томъ числѣ много женщинъ. Ко времени революціи работало 40.000; часть просто-рабочихъ изъ окрестныхъ деревень, спеціалисты изъ Тульскаго, Обуховскаго, Путиловскаго заводовъ и изъ Москвы.

ПРИЧИНЫ ВОЗСТАНІЯ:

Послѣ революціи мѣстные большевики, въ большинствѣ изъ пришлаго элемента, образовали совѣтъ депутатовъ, выбравъ самихъ себя.
Рабочіе не признали этотъ совѣтъ и въ мастерскихъ выбрали своихъ депутатовъ. Ихъ собраніе было разогнано большевиками, бросившими 2-3 бомбы / въ іюнѣ 1918 г./
Вернувшіеся съ фронта рабочіе-солдаты, не получивъ своихъ мѣстъ у станковъ обратно,- организовали "Союзъ Фронтовиковъ". Союзъ Фронтовиковъ сталъ въ оппозицію къ большевикамъ.
Большевики производили обыски, отнимая находимое золото, серебро, деньги, перерывая весь домашній скарбъ, вывораживая половицы, у нѣкоторыхъ до трехъ разъ.
Производились аресты купцовъ, мастеровъ. Изъ купцовъ было нѣсколько разстрѣляно для устрашенія населенія.
Изъ рабочихъ мастеровъ убитъ безъ вины Кругавыхъ.
Убитъ популярный лидеръ рабочихъ-токарь Сосулинъ. Онъ выступалъ на собраніяхъ противъ большевиковъ и, возвращаясь ночью съ одного изъ собраній, былъ убитъ изъ-за угла. Это вызвало озлобленіе среди всего населенія завода, любившаго Сосулина.
5 или 6 августа произошло первое столкновеніе съ большевиками на базарѣ. Прекращая частную торговлю хлѣбомъ они послали конныхъ милицейскихъ разогнать хлѣбныхъ торговокъ. Послѣднія для отбиванія хлѣба пользовались безменами. Торговки напинулись на милицейскихъ, стащили ихъ съ лошадей и избили безменами. Толпа на базарѣ помогла избивать милицейскихъ.
Передъ самымъ возстаніемъ было арестовано правленіе Союза Фронтовиковъ.
Къ этому времени Казань захвачена бѣлыми, и большевики собирались дѣлать мобилизацію. Слухи о мобилизаціи, о борьбѣ чеховъ съ большевиками, о возстаніи въ Сибири, на Уралѣ и др. мѣстахъ волновали населеніе завода.

Первая страница документа 3

---

* Машинопись, Архив Гуверовского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 15, д. 1. Вероятно, именно эту заметку, составленную для ген. Головина, имел в виду А. Г. Ефимов в письме Б. Б. Филимонову от 25 мая 1934 г. (см. выше). На первой странице приписано рукой Н. Н. Головина: «Устное дополнение Молчанова: много добровольцев из крестьян дали Вятская, Пермская и Уфимская губ. (из госуд. крестьян — там их много). Поволжье дало добровольцев из городов — это были офицерство и учащаяся молодежь, очень хорошо (антибольшев.) были настроены татары (Вятская губ.). Ссылка на Куприна, где он пишет, что на С.-З. фронте Вятский полк перешел от красных и хорошо дрался». — *Прим. сост.*

В. М. Молчанов
ИЖЕВСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

ИЖЕВСКИЙ ЗАВОД.

Основан в 1760 г. как железоковальный. В 1807 году переделан в оружейный.

Во время Великой войны выделывал в сутки: 2500 винтовок, 6500 стволов (для себя, для Тульского и Сестрорецкого заводов), 2400 3-дюйм. гранат и шрапнелей.

Население к 1914 году около 50 000.

Рабочих: до войны 18 000. Главная масса из старых рекрутов (привлеченных вместо службы к обязательной работе на заводе на 25 лет) и их сыновья; во время войны 30 000, в том числе много женщин. Ко времени революции работало 40 000; часть просто рабочих из окрестных деревень, специалисты из Тульского, Обуховского, Путиловского заводов и из Москвы.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ.

После революции местные большевики, в большинстве из пришлого элемента, образовали совет депутатов, выбрав самих себя. Рабочие не признали этот совет, и в мастерских выбрали своих депутатов. Их собрание было разогнано большевиками, бросившими 2–3 бомбы (в июне 1918 г.). Вернувшиеся с фронта рабочие-солдаты, не получив своих мест у станков обратно, организовали «Союз фронтовиков». Союз фронтовиков стал в оппозицию к большевикам.

Большевики производили обыски, отнимая находимое золото, серебро, деньги, перерывая весь домашний скарб, выворачивая половицы, у некоторых до трех раз. Производились аресты купцов, мастеров. Из купцов было несколько расстреляно для устрашения населения. Из рабочих-мастеров убит без вины Круговых. Убит популярный лидер рабочих токарь Сосулин. Он выступал на собраниях против большевиков и, возвращаясь ночью с одного из собраний, был убит из-за угла. Это вызвало озлобление среди всего населения завода, любившего Сосулина.

5 или 6 августа произошло первое столкновение с большевиками на базаре. Прекращая частную торговлю хлебом, они послали конных милицейских разогнать хлебных торговок. Последние для отвешивания хлеба пользовались безменами. Торговки накинулись на милицейских, стащили их с лошадей и избили безменами. Толпа на базаре помогла избивать милицейских.

Перед самым восстанием было арестовано правление Союза фронтовиков. К этому времени Казань захвачена белыми, и большевики собирались делать мобилизацию. Слухи о мобилизации, о борьбе

чехов с большевиками, о восстании в Сибири, на Урале и др. местах волновали население завода.

ВОССТАНИЕ 8 АВГУСТА.

7 августа после работы рабочие не разошлись и созвали митинг в мастерских для обсуждения положения в связи с арестом всего правления Союза фронтовиков. Была вынесена резолюция: потребовать освобождения арестованных, в случае отказа выступить с оружием в руках. На это большевики предъявили ультиматум: выйти из завода, или через 24 часа будет открыт огонь.

Рабочие ночью не разошлись и утром в 5 часов 8 августа захватили винтовки и двумя колоннами двинулись с завода в поселок, одна колонна напрямик по плотине, другая — по «Долгому мосту» в обход. После продолжительного боя большевики бежали частью на север на Чепцу, частью на восток на Гальяны (пристань на р. Каме). У большевиков было до 700 вооруженных (одна рота красногвардейцев, 2 батареи, 20 конных милицейских и около 100 пеших милицейских и несколько экспедиционных отрядов для выколачивания хлеба).

БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ.

8 августа организовался штаб обороны во главе с тремя офицерами военного времени: Цыгановым, Солдатовым, Зебзиевым. Через некоторое время образовалась гражданская власть во главе с тремя членами Учредительного собрания: Бузановым, Евсеевым и ?

Для руководства обороной был выдвинут единственный кадровый строевой офицер полковник Федичкин. Заведывающий школой оружейных мастеров полковник Сорочинский организовал интендантство. Жандармский полковник Власов был призван в штаб. Остальные офицеры мирного времени (арт. технический персонал завода) уклонился от деятельности. Командные должности (командующие «фронтами» и командиры рот) занимались офицерами военного времени (главным образом рабочими и техниками завода) и унтер-офицерами старой Армии, также из тех же рабочих. Число отдельных рот дошло до 47, численностью каждая 50–100 штыков. Роты посылались на «фронты»-направления: Казанский, Северный, Гальянский и т. д.

В спокойное время роты по очереди несли службу охранения, в тревожное по гудку собирались все. Командиры пользовались своей властью во время боя, после — власть их прекращалась. Дисциплина была слабая, но выручка и поддержка друг друга стояла на большой высоте. Пример: из 1500 защитников «фронта» 300 подчинялись необходимости провести ночь в окопах, а остальные самовольно уходили ночевать домой, а утром являлись. 18 августа большевистский отряд в $2^1/_2$ тысячи под командой Антонова, с 8 пушками и 18–20 пулеметами, повел наступление на завод от пристани Гальяны. Отряд подошел почти к Ижевску, где завязался бой. На взрыве минированного моста погибло

около 200 красных (и рабочий, взрывавший заряды). Взрыв вызвал панику, и красные бежали, оставив все пушки и пулеметы Ижевцам.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОССТАНИЯ.

Во второй половине августа 15-я рота Ижевцев двинулась на Воткинск. После боя большевики бежали, и Воткинский завод присоединился к восстанию. Население Воткинска также [было] около 50 000, но рабочих было до 8000.

Кроме этих двух заводов, на Восточном фронте Гражданской войны были следующие восстания рабочих:

в Красноуфимске (между Сарапулем и Екатеринбургом) — дали бригаду, отлично дравшуюся;

в Михайловском заводе (на реке Каме выше Сарапуля) — дали 1 полк, отлично дравшийся (потом 15-й Михайловский полк 4-й Уфимской дивизии);

в Саткинском заводе (в предгорьях Урала по Самаро-Златоуст[овской] ж. д.) — дали один полк.

ОТХОД ЗА КАМУ.

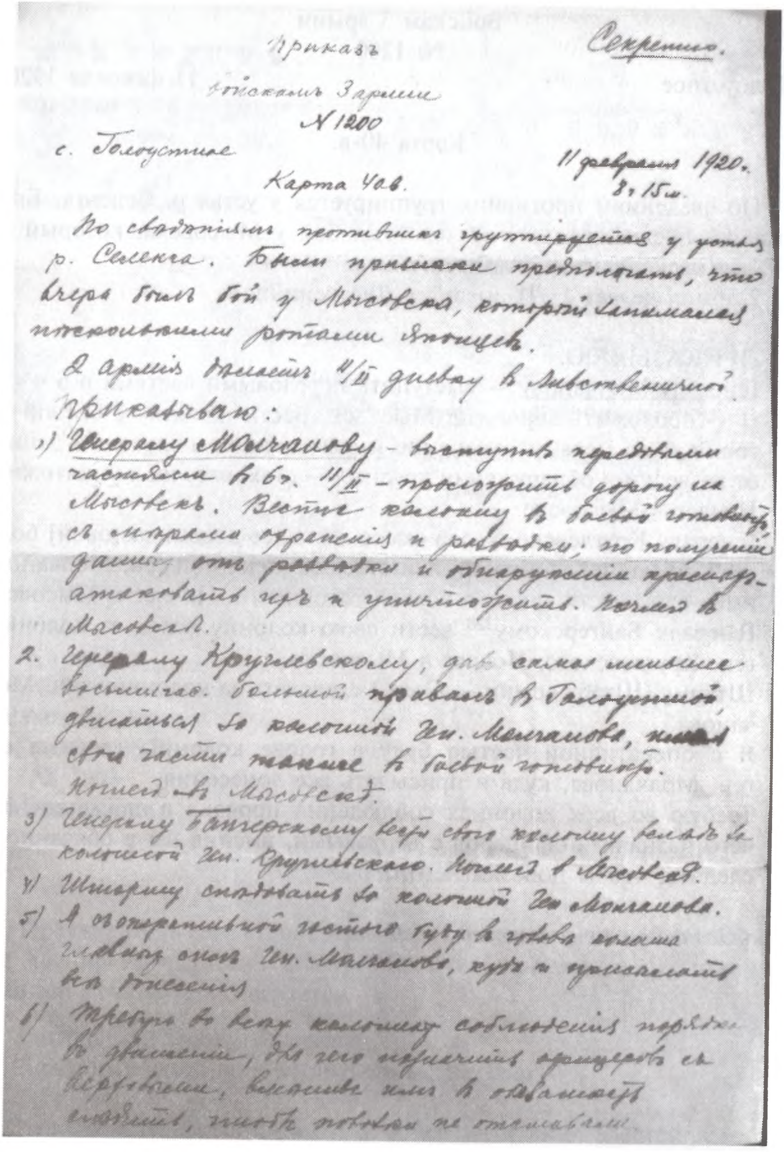
После отстаивания завода в течение 3 месяцев Ижевские и Воткинские рабочие отступили за реку Каму. Из Ижевска отступило около 16 000, из них 10 000 боеспособных мужчин. Часть из них (2500), главным образом ушедшие с семьями, разошлись по Сибири. $7\,^1/_2$ тысяч образовали Ижевскую бригаду. Во время мартовского наступления на Уфу бригада показала выдающиеся боевые качества.

В апреле Ижевск был освобожден, и Ижевцы вернулись на завод. Произведенная ими регистрация выяснила, что большевики расстреляли из оставшихся 7983 человека. В числе расстрелянных были и женщины. Сообщают случай: жена видит, что ведут арестованного мужа. «Куда его взяли?» — «Идем с нами, узнаешь». Оба были расстреляны.

С новым отходом наших армий Ижевцы в большинстве покинули завод, вернувшись частью в свою прежнюю бригаду, развернутую в дивизию. При дальнейшем продолжении гражданской войны вплоть до ноября 1922 года офицерский состав Ижевской дивизии (потом полка) был главным образом из числа произведенных отличившихся солдат-рабочих. Дисциплина сохранила своеобразные оттенки. Солдаты-Ижевцы не признавали «чужих» начальников: «У нас есть свой генерал». Попадавшие в дивизию кадровые и военного времени офицеры должны были мириться, что их называли часто на «ты», вне боя нередко оспаривали приказания. В бою — всегда полное повиновение. При пленении солдаты никогда не выдавали офицеров, помогали им скрыть свой чин и содействовали побегу.

Генерал-майор
б. начальник Ижевской стр. бригады и дивизии *Молчанов*

ДОКУМЕНТ 4*



Приказъ

войскамъ 3 армии

№ 1200

Секретно.

с. Голоустное

11 февраля 1920.
8 ч. 15 м.

Карта 40 в.

По сведениям противник группируется у устья р. Селенга. Были признаки предполагать, что вчера был бой у Мысовска, который занимался немногими ротами японцев.

2 армия выступит 11/II днёвку в Лиственичном

Приказываю:

1) Генералу Молчанову — выступить передними частями в 6 ч. 11/II — проследовать дорогу на Мысовскъ. Вести колонну в боевой готовности с сильным охранением и разведкой, по получении данных от разведки и обнаружении противника — атаковать его и уничтожить. Ночлег в Мысовске.

2. Генералу Круглевскому, дав сильно меньше времени, больной привал в Голоустном двигаться за колонной Ген. Молчанова, имея свои части также в боевой готовности. Ночлег в Мысовске.

3) Генералу Бангерскому вести свою колонну вслед за колонной Ген. Круглевского. Ночлег в Мысовске.

4) Штабу следовать за колонной Ген. Молчанова.

5) Я с оперативной частью буду в голове колонны [illegible] около Ген. Молчанова, куда и присылать все донесения.

6) Требую во всех колоннах соблюдения порядка в движении, для чего назначить офицеров с верховыми, вменив им в обязанность следить, чтобы повозки не отставали.

---

* Рукопись, Личный архив семьи Молчановых. Вероятно, приказ Главнокомандующего Восточным фронтом ген. Войцеховского, по поводу порядка перехода через оз. Байкал. Имеется в наличии только первая страница документа, окончание отсутствует. — *Прим. сост.*

Секретно

ПРИКАЗ
Войскам 3 армии
№ 1200

с. Голоустное 11 февраля 1920 г.
8 ч 15 м

Карта 40-в.

По сведениям противник группируется у устья р. Селенга. Были признаки предполагать, что вчера был бой у Мысовска, который занимался несколькими ротами японцев.

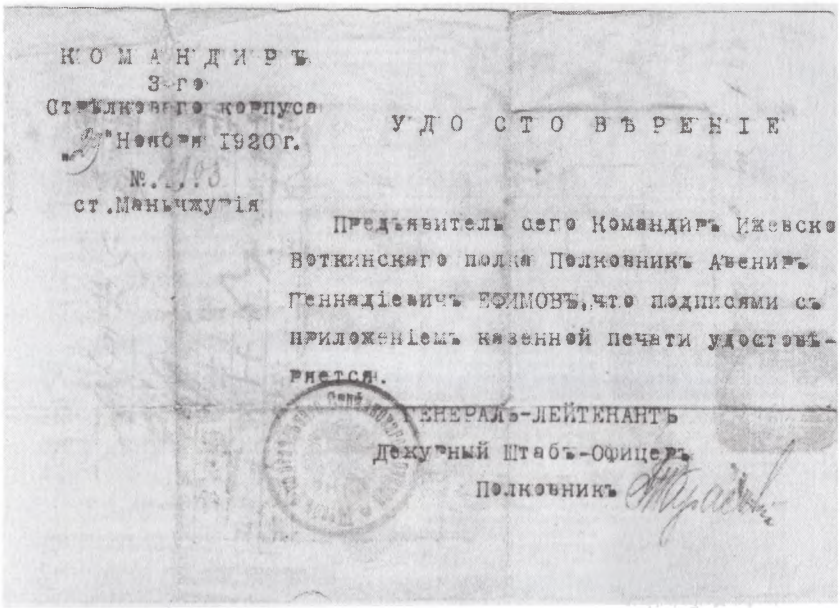
2 армия делает 11/II дневку в Лиственичной.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Генералу Молчанову — выступить передовыми частями в 6 ч 11/II — проложить дорогу на Мысовск. Вести колонну в боевой готовности, с мерами охранения и разведки; по получении данных от разведки и обнаружении красных — атаковать их и уничтожить. Ночлег в Мысовске.
2) Генералу Круглевскому, дав самое меньшее восьмичас[овой] большой привал в Голоустной, двигаться за колонной ген. Молчанова, имея свои части также в боевой готовности. Ночлег в Мысовске.
3) Генералу Бангерскому[228] вести свою колонну вслед за колонной ген. Круглевского. Ночлег в Мысовске.
4) Штарму (Штабу армии — *Сост.*) следовать за колонной ген. Молчанова.
5) Я с оперативной частью буду в голове колонны главных сил ген. Молчанова, куда и присылать все донесения.
6) Требую во всех колоннах соблюдения порядка в движении, для чего назначить офицеров с верховыми, вменив им в обязанность следить, чтобы повозки не отставали.

<Окончание отсутствует. — Сост.>

ДОКУМЕНТ 5*



КОМАНДИРЪ
3-го
Стрѣлковаго корпуса
"29" Ноября 1920 г.
№ 2903
ст. Маньчжурія

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего Командиръ Ижевско Воткинскаго полка Полковникъ Авениръ Геннадіевичъ ЕФИМОВЪ, что подписями съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
Дежурный Штабъ-Офицеръ
Полковникъ

Командир
3-го
стрелкового корпуса
«29» ноября 1920 г.
№ 2903
ст. Маньчжурия

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего командир Ижевско-Воткинского полка полковник Авенир Геннадиевич ЕФИМОВ, что подписями с приложением казенной печати удостоверяется.

Генерал-лейтенант *Молчанов*
Дежурный штаб-офицер полковник <*подпись*>

[На обороте: фотография и отметки китайских властей. См. с. 7 вклейки. — *Сост.*]

---

* Машинопись, Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 6*

Бѣлый ПОВСТАНЕЦЪ

№ 4. Четвергъ 15 Декабря 1921 года. № 4.

Долой гражданскую войну!

Послѣднее пораженіе.

Всѣ замыслы большевиковъ въ ихъ попыткахъ экономическаго переустройства Россіи оказались несостоятельными. Большевики, теперь не отрицаютъ своего полнаго пораженія „на экономическомъ фронтѣ". Не имѣя плана для выхода изъ хозяйственной разрухи страны, ими созданной, большевики ежедневно мѣняютъ свои планы въ дѣлѣ экономическихъ и финансовыхъ реформъ.

Государство и власть не могутъ существовать при наличіи того хозяйственнаго развала, въ которомъ находится Совѣт. Россія.

Но большевики провалились и въ своихъ расчетахъ на міровую революцію. Взамѣнъ надеждъ на побѣдоносное шествіе соціальной революціи, коммунисты видятъ, послѣ 4-лѣтнихъ усилій, всеобщую политическую реакцію и враждебность къ себѣ не только правительствъ, но и рабочихъ массъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Провалились планы большевиковъ и во внутренней политикѣ совѣтской власти. Власть большевиковъ, именующая себя рабоче-крестьянской, боится рабочихъ и крестьянъ, боится даже такихъ организацій, какъ земство, кооперація, комитеты помощи голодающимъ.

Власть большевиковъ держится только штыками.

Но и послѣдняя опора власти большевиковъ рушится. Красная армія равнодушна къ участи большевиковъ и пассивна къ врагамъ совѣтской власти, что видно на Д. Востокѣ, на югѣ Россіи, въ Олонецкой губ. и т. д.

У большевиковъ нѣтъ надежды побѣдить, т. к. нѣтъ силъ для этого.

„Но у нихъ была надежда силами партіи и вождей ея, еще, нѣсколько, продержаться у власти.

Развалъ идетъ и въ партіи. Прежде всего партія коммунистовъ таетъ. Изъ прежняго количества 600 тыс. (на 150 милл. населенія Россіи) осталось меньше половины. Кромѣ того партія разбилась на нѣсколько группъ, страстно враждующихъ другъ съ другомъ. Могло казаться, что волей вождей партія можетъ быть снова сильной. Но теперь очевидно послѣднее пораженіе коммунистовъ. У вождей партіи нѣтъ уже вѣры въ себя, въ партію, въ свое дѣло.

Гибель коммунистовъ рисуетъ М. Горькій. Еще болѣе мрачны взгляды Ленина въ его письмѣ къ своему другу.

„Если мы деремся, пишетъ Ленинъ, то только исключительно усиліями партіи, которая даетъ всѣ свои живыя силы для сохраненія власти.

Но я чувствую, что силы партій изо-дня въ день выдыхаются и что внутреннія тренія и мелкое самолюбіе отдѣльныхъ лицъ, ставящихъ частные интересы выше чѣмъ общіе—разъѣдаютъ партію.

Послѣ борьбы на всѣхъ различныхъ фронтахъ отъ нея останутся лишь остатки".

Такъ можетъ говорить только человѣкъ, который потерялъ полностью всякую надежду, не только на успѣхъ своего дѣла, но и на возможность продержаться у власти.

Большевики испытали послѣднее пораженіе послѣ того, какъ ихъ руководитель Ленинъ призналъ свой полный провалъ.

У большевиковъ нѣтъ, нынѣ, ни силъ, ни вѣры въ свое дѣло и въ себя.

Большевизмъ держится только, пока не объединились усилія національныхъ группъ Россіи.

Англія и Франція противъ большевиковъ.

ЛОНДОНЪ, 4. (Руссприессъ). „Дейли Геральдъ" сообщаетъ, что лордъ Керзонъ частнымъ образомъ и конфиденціально написалъ главѣ французскаго правительства Бріану, совѣтуя Франціи не вступать ни въ какія сношенія съ Россіей.

Въ своемъ письмѣ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ предвидитъ въ близкомъ будущемъ возможность совмѣстныхъ дѣйствій для того, чтобы свергнуть совѣтское правительство.

Движеніе развивается.

ИМАНЪ, 9 XII (Націоналпрессъ).

Получено подтвержденіе о развитіи бѣлопоставческаго движенія, которое перекинулось въ Хабаровскій раіонъ.

Растерянность читинскихъ властей.

ХАЙЛАРЪ, 6 XII (Янта) Красная власть въ Читѣ обнаруживаетъ растерянность въ виду все растущаго бѣлаго движенія.

Войска, направляемыя противъ бѣлыхъ не обнаруживаютъ особаго желанія сражаться.

Населеніе находится въ выжидательномъ положеніи, чтобы при удобномъ случаѣ присоединиться къ активнымъ бѣлымъ отрядамъ. По его мнѣнію, власть ДВР недолговѣчна.

ВЪ ЧИТѢ ЖДУТЪ БѢЛОПОВСТАНЦЕВЪ.

Въ Читу прибыли первые эвакуаціонные поѣзда изъ Хабаровска. Среди населенія ходитъ упорный слухъ о томъ, что Хабаровскъ уже занятъ, и что бѣлые повстанцы двигаются по желѣзной дорогѣ въ Читу.

Настроенія партизанъ.

Среди партизанъ усиленно обсуждаются послѣднія событія въ Приморьѣ. Большая часть ихъ высказывается противъ борьбы съ бѣлопоставцами и тѣмъ болѣе, что въ рядахъ послѣднихъ находятся однодеревенцы и даже родственники красныхъ партизанъ. Всѣ разсужденія партизанъ сводятся къ мысли, что они „оказались въ глупомъ положеніи, изъ котораго нужно спѣшить выйти".

За послѣднее время красное командованіе старается располагать красныхъ партизанъ такъ, чтобы вблизи нихъ были надежныя красныя, коммунистическія части. Очень часто, подъ видомъ пополненій, въ партизанскія части вливаютъ корейцевъ, что вызываетъ вполнѣ понятное недовольство.

Партизаны разбѣгаются.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, за послѣднее время численность всѣхъ красныхъ отрядовъ быстро уменьшается.

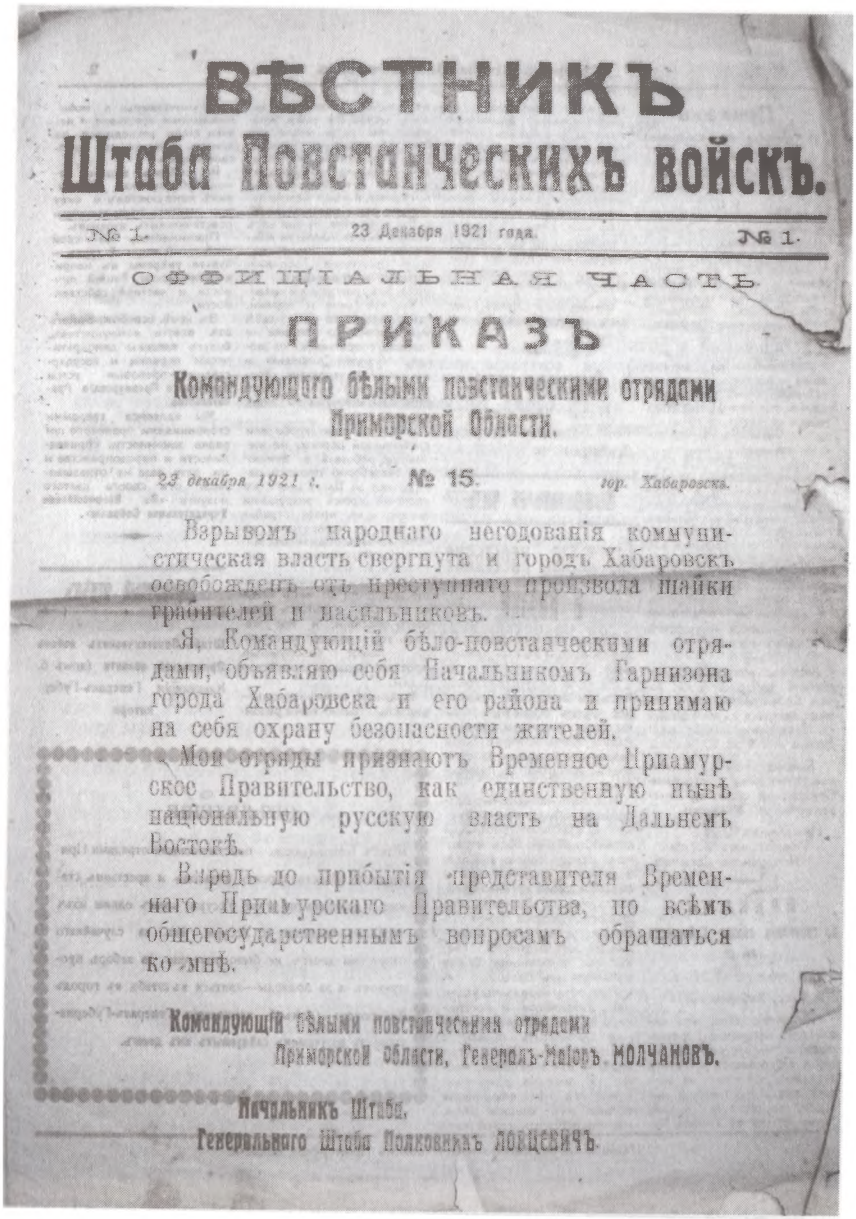
ВОЙНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНѢ!

Газета «Белый повстанец», № 4, 15 декабря 1921 г.

---

* Документы 6–10: Архив Гуверовского института, фонд 86026 «Русский католический центр», кор. 16, д. 6–7 (материалы А. Г. Ефимова). — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 7



ВѢСТНИКЪ
Штаба Повстанческихъ войскъ.

№ 1. 23 Декабря 1921 года. № 1.

ОФФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ПРИКАЗЪ

Командующаго бѣлыми повстанческими отрядами Приморской Области.

23 декабря 1921 г. № 15. гор. Хабаровска.

Взрывомъ народнаго негодованія коммунистическая власть свергнута и городъ Хабаровскъ освобожденъ отъ преступнаго произвола шайки грабителей и насильниковъ.

Я, Командующій бѣло-повстанческими отрядами, объявляю себя Начальникомъ Гарнизона города Хабаровска и его района и принимаю на себя охрану безопасности жителей.

Мои отряды признаютъ Временное Приамурское Правительство, какъ единственную нынѣ національную русскую власть на Дальнемъ Востокѣ.

Впредь до прибытія представителя Временнаго Приамурскаго Правительства, по всѣмъ общегосударственнымъ вопросамъ обращаться ко мнѣ.

Командующій бѣлыми повстанческими отрядами Приморской области, Генералъ-Маіоръ МОЛЧАНОВЪ.

Начальникъ Штаба, Генеральнаго Штаба Полковникъ ЛОВЦЕВИЧЪ.

«Вестник штаба Повстанческих войск» (Хабаровск), № 1, 23 декабря 1921 г.

ДОКУМЕНТ 8

Обращеніе къ офицерамъ и солдатамъ Русской Арміи.

Кровавый пожаръ сумасшествія и разбоя, называемый „всемірной пролетарской революціей", уничтожилъ нашу Родную Землю и продолжаетъ еще дожигать ее.

Милліоны нашего несчастнаго, обманутаго народа умираютъ съ голода.

Углубленіе революціи достигло такихъ размѣровъ, что сами дьволы-поджигатели испугались. Испугались, конечно, только за себя, боясь гнѣва народнаго.

А народъ давно клокочетъ въ своихъ нѣдрахъ. Онъ,—нѣкогда Великій и Могучій,—не хочетъ быть сожженнымъ до конца въ дикомъ пламени интернаціонала. Онъ хочетъ жить, и его волны то тутъ, то тамъ заливаютъ кровавый красный пожаръ.

Многочисленныя возстанія противъ „рабоче крестьянской" власти говорятъ намъ это.

И здѣсь, на Руссомъ Дальнемъ Востокѣ, волна народнаго гнѣва смыла большевистскую власть, и русскіе люди устраиваютъ свою жизнь безъ гнета мадьярскихъ и корейскихъ штыковъ, группируясь вокругъ Національнаго Правительства и Народнаго Собранія.

Эта русская народная власть не хочетъ въ настоящее время заставлять истомленный народъ служить въ арміи по мобилизаціи.

Для защиты освобожденнаго края есть небольшая, но сплоченная армія повстанцевъ.

Армія эта все время пополняется добровольцами изъ крестьянъ и ваваковъ.

Армію эту съ радостью встрѣчаютъ тамъ, гдѣ узнали коммунистическій «рай».

Армія эта поставила себѣ цѣлью изгнать коммунистовъ изъ родной страны или умереть

И тотъ, въ комъ горитъ любовь къ Родинѣ, кто не можетъ жить безъ мысли о существованіи Единой Великой Россіи,—тотъ придетъ въ ряды арміи, придетъ къ намъ.

Мы никакой награды за служеніе Родинѣ не предлагаемъ и сами не ждемъ.

Наша награда—деревянный крестъ. Мы—смертники.

Мы не хотимъ жить безъ Россіи, умираемъ за нее и будемъ умирать, пока Она, Многострадальная, не воскреснетъ.

И тотъ, кто имѣетъ въ себѣ мужество умереть за счастье Родины, съ радостью будетъ принятъ въ наши ряды смертниковъ.

Мы ждемъ, что русскіе офицеры, унтеръ-офицеры и старые солдаты поступятъ въ наши отряды.

Пусть шкурники спекулируютъ или томятся подъ гнетомъ разбойниковъ коммунистовъ!

Вы, воины Русской Арміи, должны быть съ нами!

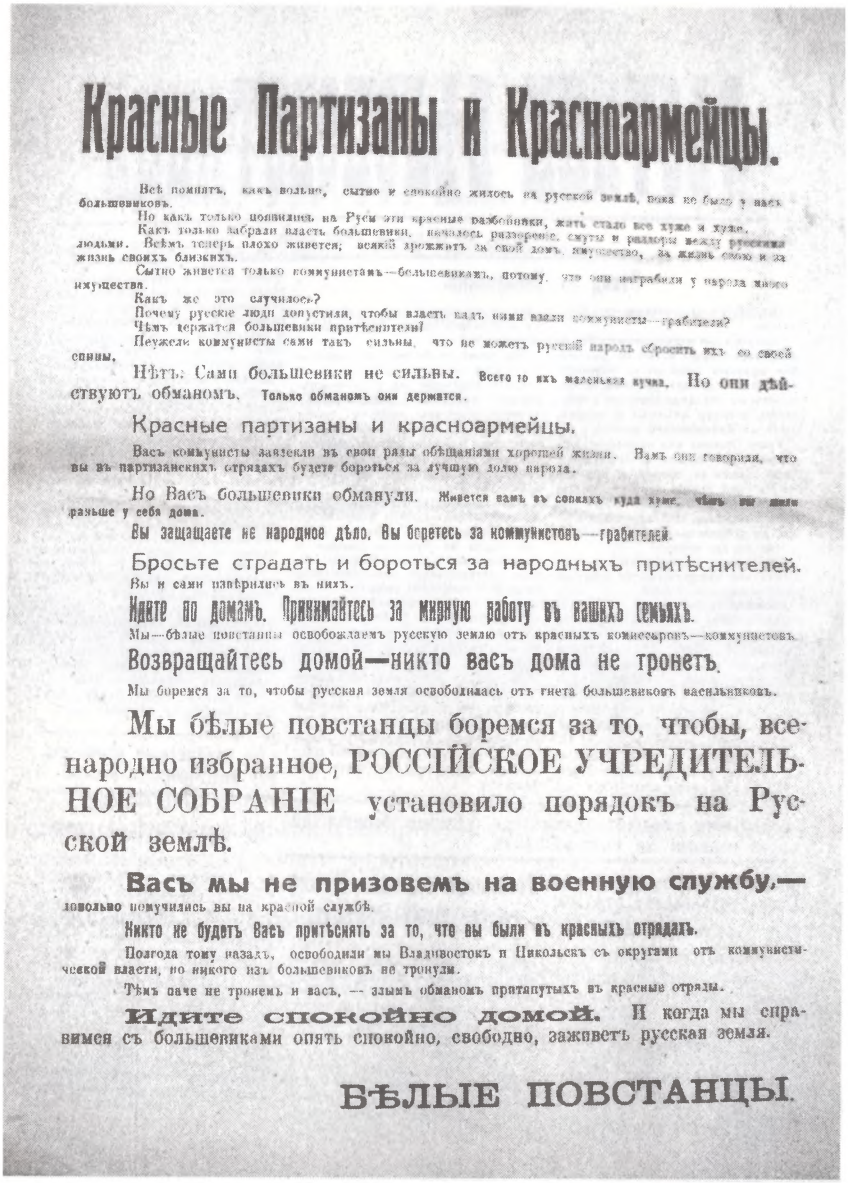
Слава Россіи! Слава борцамъ за Нее!

Командующій бѣлыми повстанческими отрядами
Генералъ-Майоръ **Молчановъ.**

Гор. Хабаровскъ.
12-го января 1922 г.

Листовка-обращение командующего белыми повстанческими отрядами ген. Молчанова к офицерам и солдатам Русской Армии, г. Хабаровск, 12 января 1922 г.

ДОКУМЕНТ 9



Красные Партизаны и Красноармейцы.

Всѣ помнятъ, какъ вольно, сытно и спокойно жилось на русской землѣ, пока не было у насъ большевиковъ.

Но какъ только появились на Руси эти красные разбойники, жить стало все хуже и хуже.

Какъ только забрали власть большевики, началось разорение, смуты и раздоры между русскими людьми. Всѣмъ теперь плохо живется; всякій дрожитъ за свой домъ, имущество, за жизнь свою и за жизнь своихъ близкихъ.

Сытно живется только коммунистамъ—большевикамъ, потому, что они награбили у народа много имущества.

Какъ же это случилось?

Почему русские люди допустили, чтобы власть надъ ними взяли коммунисты—грабители?

Чѣмъ держатся большевики притѣснители?

Неужели коммунисты сами такъ сильны, что не можетъ русскій народъ сбросить ихъ со своей спины.

Нѣтъ. Сами большевики не сильны. Всего то ихъ маленькая кучка. Но они дѣйствуютъ обманомъ. Только обманомъ они держатся.

Красные партизаны и красноармейцы.

Васъ коммунисты завлекли въ свои ряды обѣщаніями хорошей жизни. Вамъ они говорили, что вы въ партизанскихъ отрядахъ будете бороться за лучшую долю народа.

Но Васъ большевики обманули. Живется вамъ въ отрядахъ куда хуже, чѣмъ вы жили раньше у себя дома.

Вы защищаете не народное дѣло. Вы деретесь за коммунистовъ—грабителей.

Бросьте страдать и бороться за народныхъ притѣснителей.

Вы и сами озвѣрились въ нихъ.

Идите по домамъ. Принимайтесь за мирную работу въ вашихъ семьяхъ.

Мы—бѣлые повстанцы освобождаемъ русскую землю отъ красныхъ комиссаровъ—коммунистовъ.

Возвращайтесь домой—никто васъ дома не тронетъ.

Мы боремся за то, чтобы русская земля освободилась отъ гнета большевиковъ насильниковъ.

Мы бѣлые повстанцы боремся за то, чтобы, всенародно избранное, РОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ установило порядокъ на Русской землѣ.

Васъ мы не призовемъ на военную службу,— довольно помучились вы на красной службѣ.

Никто не будетъ Васъ притѣснять за то, что вы были въ красныхъ отрядахъ.

Полгода тому назадъ, освободили мы Владивостокъ и Никольскъ съ округами отъ коммунистической власти, но никого изъ большевиковъ не тронули.

Тѣмъ паче не тронемъ и васъ, — злымъ обманомъ притащутыхъ въ красные отряды.

Идите спокойно домой. И когда мы справимся съ большевиками опять спокойно, свободно, заживетъ русская земля.

БѢЛЫЕ ПОВСТАНЦЫ.

Листовка-обращение белых повстанцев к красным партизанам и красноармейцам, зима 1921–1922 гг.

ДОКУМЕНТ 10

ВѢСТНИК БѢЛОПОВСТАНЦА

№ 1. Четверг, 23 февраля 1922 года № 1.

Отход от Хабаровска.

Бѣлоповстанцы отошли от Хабаровска.

Измученные непрерывными боями с превосходящим во много раз числом красных наемников: латышей, мадьяр и корейцев, бѣлоповстанцы, ничего не оставляя красным комиссарам, забирая плѣнных и пушки, ушли из Хабаровского района.

Ушли, потому что населеніе добровольно не пошло в порѣдѣвшіе ряды борцов за правду и порядок на Русской землѣ.

Населеніе с радостью встрѣтило бѣлоповстанцев, просило мобилизаціи, но добровольно итти боялось.

Что же это значит?

Это значит, что населеніе еще недостаточно натерпѣлось от красных разбойников-комиссаров.

Бѣлоповстанцы ушли, оставаясь побѣдителями. Каждый бѣлоповстанец твердо вѣрит в правоту своего дѣла и побѣдить бѣлоповстанца нельзя, его можно только убить.

Бѣлоповстанцы не желают гражданской войны и борятся против нея. Когда комиссары и их наемники пулеметами погнали на убой мобилизованное русское населеніе, бѣлоповстанцы, не желая убивать своих братьев, ушли со своих позицій.

Они ушли, чтобы дать время населенію одуматься, наконец рѣшиться и обратить оружіе против своих угнетателей.

Но время не терпит, бѣлоповстанцы скоро вернутся обратно и, с твердой надеждой на полную поддержку населенія, вновь погонят коммунистическую сволочь, чтобы имѣть возможность скорѣе протянуть руку помощи нашим дорогим братьям, гибнущим от голода, созданнаго большевицким ярмом там, в далекой Россіи.

Час пробил! Надо дѣйствовать, а не колебаться.

Лучше погибнуть славной смертью борца за будущее счастье и спасеніе нашей дорогой Родины, чѣм быть растерзанным красными палачами или медленно умирать от голода, который ежедневно уносит тысячи сынов когда то Великой Россіи и грозит скоро захватить в свои костлявыя руки и нас, поля еще сытых и неизвѣдавших всѣх ужасов коммунистическаго интернаціонала.

За спасеніе Родины, за правду и свободу, за Всероссійское Учредительное Собраніе—всѣ в ряды бѣлоповстанцев, тогда борьба будет легкой и Русскій національный флаг быстро взовьется над Матушкой-Москвой.

Поступайте в ряды бѣлоповстанцев, которые борятся за мир и порядок на Русской землѣ.

Оперативная Сводка Штаба Бѣлоповстанческих отрядов.

За 20-ое февраля.

На фронтѣ спокойно. Происходит перегруппировка частей. Мелкія стычки развѣдывательных партій.

За 21 февраля.

В раіонѣ станціи Розенгартовка — арріергардные бои.

Резолюція граждан Имана по текущему моменту.

В Иманѣ 10 февраля состоялось собраніе граждан города с прибывшей делегаціей національных группировок Владивостока. Был сдѣлан доклад о текущем политическим моментѣ. Единогласно, при отсутствіи воздержавшихся, принята слѣдующая резолюція:

„соединенное собраніе граждан города Имана, состоявшееся 10 февраля, выслушав доклад по текущему политическому моменту, единодушно признало, что вся общественность должна тѣсно сплотиться вокруг національной власти и должна помогать ея работѣ, направленной к укрѣпленію и развитію Приамурской государственности. Собраніе, далѣе считает, что современная обстановка повелительно диктует, как власти, так и органу народнаго представительства – Народному Собранію обратить все свое вниманіе на дѣловую государственную работу, прежде всего в области экономических мѣропріятій, которая только одна может укрѣпить нашу молодую государственность. Кромѣ того, собраніе на основаніи тяжелых четырехлѣтних опытов считает долгом предостеречь общество от возможности повторенія политической борьбы, которая, как и прежде, может оказаться роковой для нашего національнаго движенія".

Отрадно нам, бойцам за Великую Россію, за Всероссійское Учредительное Собраніе, слышать, как граждане Имана правильно поняли обстоятельства и выявили рѣшеніе поддержать національное дѣло.

Чѣм больше будет таких граждан—тѣм скорѣе наступит мир.

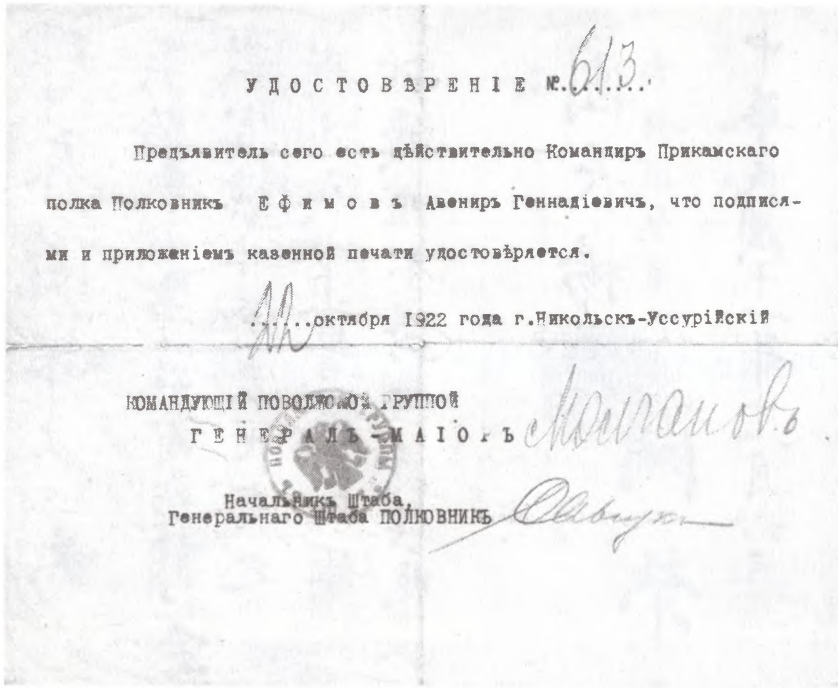
Да здравствует національная крестьянская Россія!

Не хочет быть в „раю".

Один из «товарищей», начитавшись о райском житьѣ в Совѣтской Россіи, так поельстился описанным в красных газетах Америки этим житьем, что поѣхал в «рай». И удостовѣрился. Вот что пишет этот рабочій: „Дорогіе товарищи! Я, дѣдушка Кондратій Максимов Озарчук, уѣхавшій 16-го марта 1921 г. на пароходѣ „Эстонія" в Совѣтскую Россію, нахожусь сейчас в Гродненской губерніи, деревня Меленково и очень голодаю, не имѣя никаких средств к жизни. Я хотѣл бы уѣхать обратно в Америку. Товарищи! Сжальтесь и помогите моему горю: сложитесь и пришлите мнѣ билет

Газета «Вестник белоповстанца», № 1, 23 февраля 1922 г.

ДОКУМЕНТ 11*



УДОСТОВѢРЕНІЕ №.613.

Предъявитель сего есть дѣйствительно Командиръ Прикамскаго полка Полковникъ Ефимовъ Авенир Геннадіевичъ, что подписями и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

22 октября 1922 года г.Никольскъ-Уссурійскій

КОМАНДУЮЩІЙ ПОВОЛЖСКОЮ ГРУППОЙ
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ Молчановъ.

Начальникъ Штаба,
Генеральнаго Штаба ПОЛКОВНИКЪ Савчукъ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 613

Предъявитель сего есть действительно командир Прикамского полка полковник Ефимов Авенир Геннадиевич, что подписями и приложением казенной печати удостоверяется.

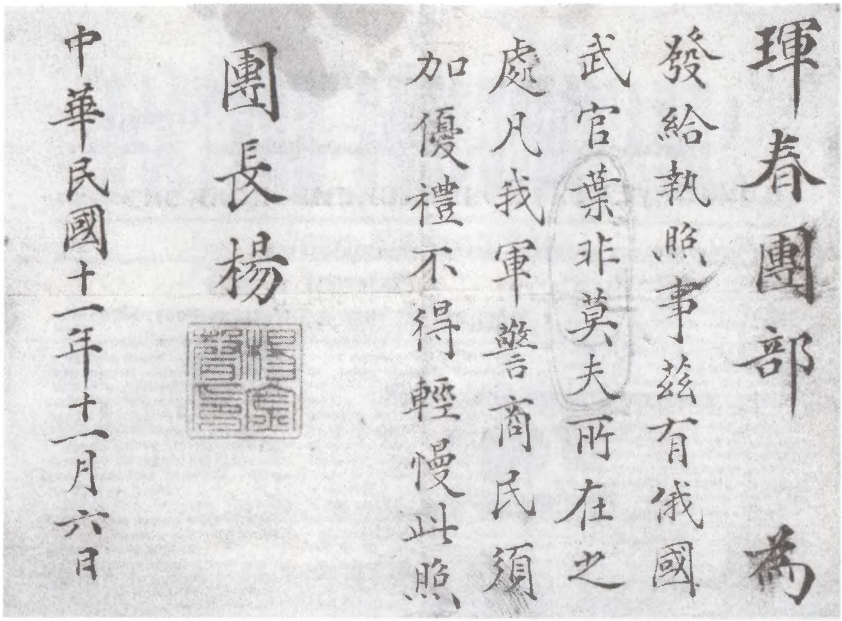
22 октября 1922 года, г. Никольск-Уссурийский

Командующий Поволжской группой
Генерал-майор *Молчанов*

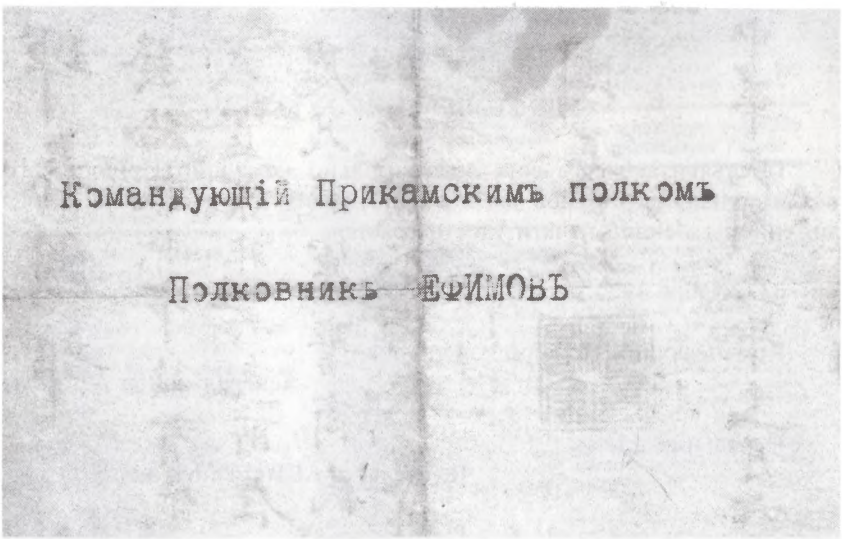
Начальник штаба,
Генерального Штаба полковник *Савчук*

* Машинопись, Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 12*



琿春團部 爲
發給執照事茲有俄國
武官葉非莫夫所在之
處凡我軍警商民須
加優禮不得輕慢此照
團長楊
中華民國十一年十一月六日



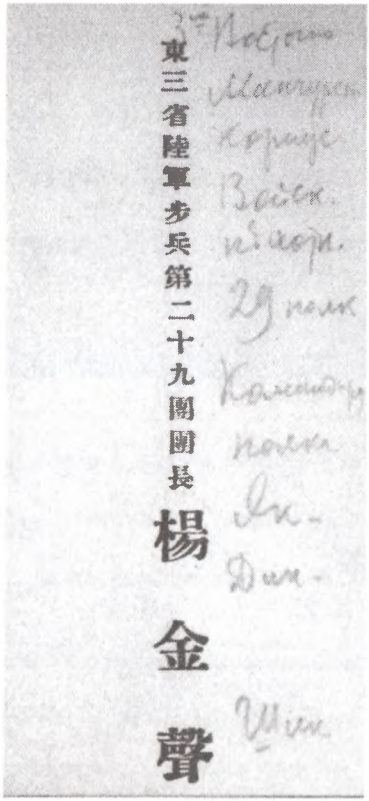
Командующій Прикамскимъ полкомъ

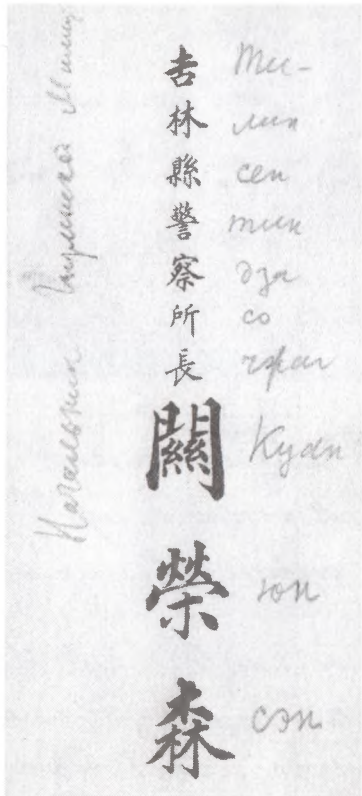
Полковникъ ЕФИМОВЪ

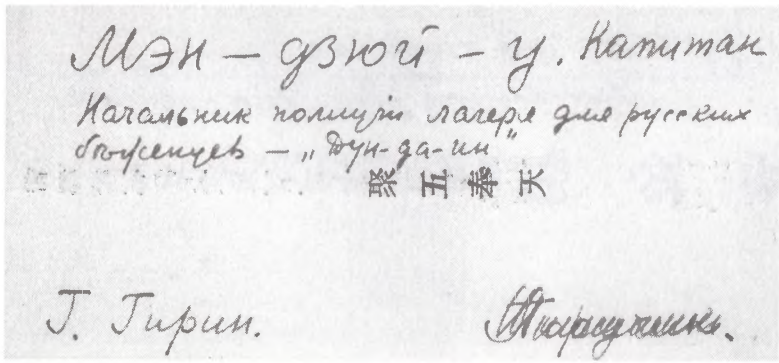
---

* Удостоверение полк. А. Г. Ефимова, выданное китайскими властями, ок. 1922 (лицевая и оборотная стороны). Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТЫ 13–15*


東三省陸軍步兵第二十九團團長
楊金聲

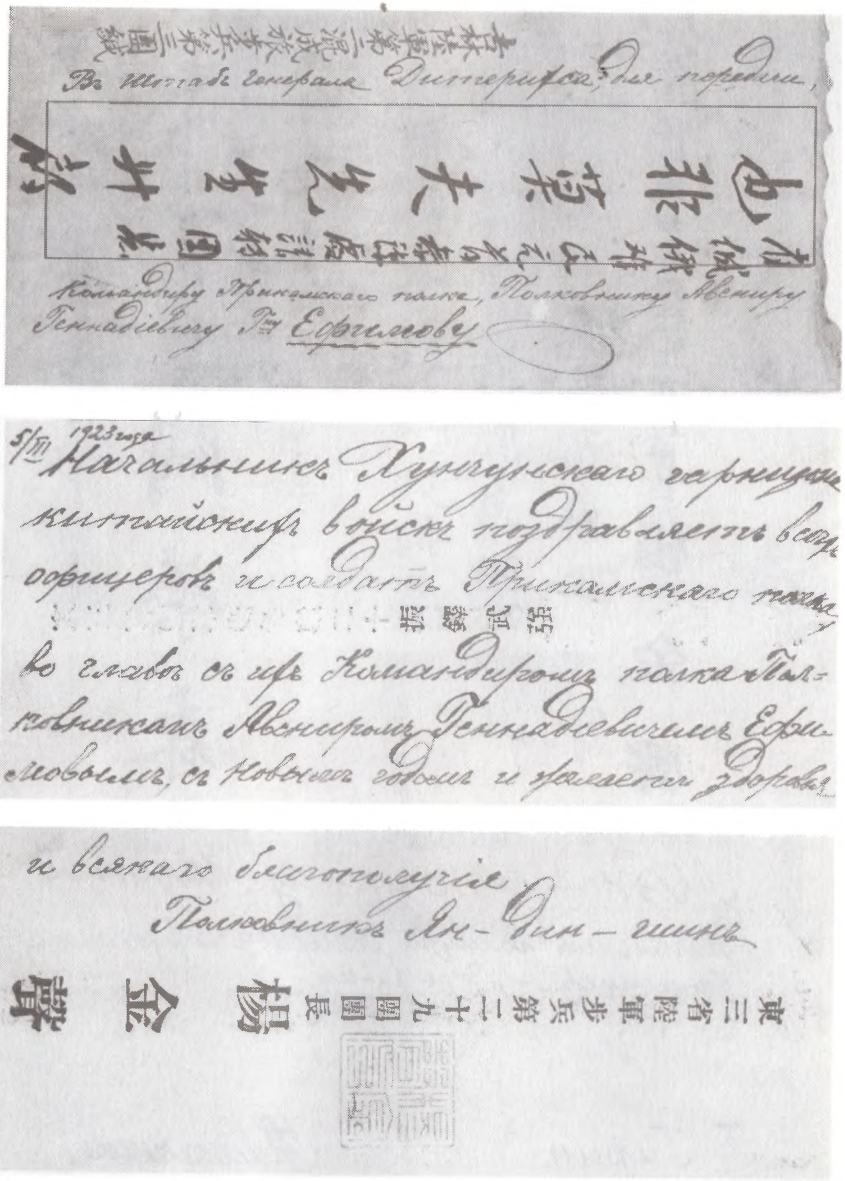

吉林縣警察所長
關榮森


Мэн-дзюй-у. Капитан
Начальник полиции лагеря для русских
беженцев — „Дун-да-ин"
Г. Гирин.

---

* Визитные карточки китайских офицеров, конец 1922 — нач. 1923 г. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 16*



* Поздравление полк. Ефимову, офицерам и солдатам Прикамского полка от начальника Хунчунского гарнизона полк. Ян-Дин-Шина. 5 марта 1923 г. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 17*

Лицевая сторона документа 17

---

* Временный вид на право жительства в Особом районе Восточных провинций Китайской республики, выданный А. Г. Ефимову 1 мая 1923 г. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ВРЕМЕННЫЙ ВИД НА ПРАВО ЖИТЕЛЬСТВА
на 3 м[еся]ца
№ 1631

2-е Отделение Главного полицейского управления Особого района Восточных провинций

Дан сей *Российск.* граждан*ину Авениру Геннадьевичу Ефимову,* прибывшему из *России* в Особый район Восточных провинций на временное жительство с целью *службы.*

Срок сего времен. вида действителен по *1 августа 12* года* Китайской республики, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

Начальник 2-го Отделения Главного полицейского управления Особого района Восточных провинций *<подпись>*

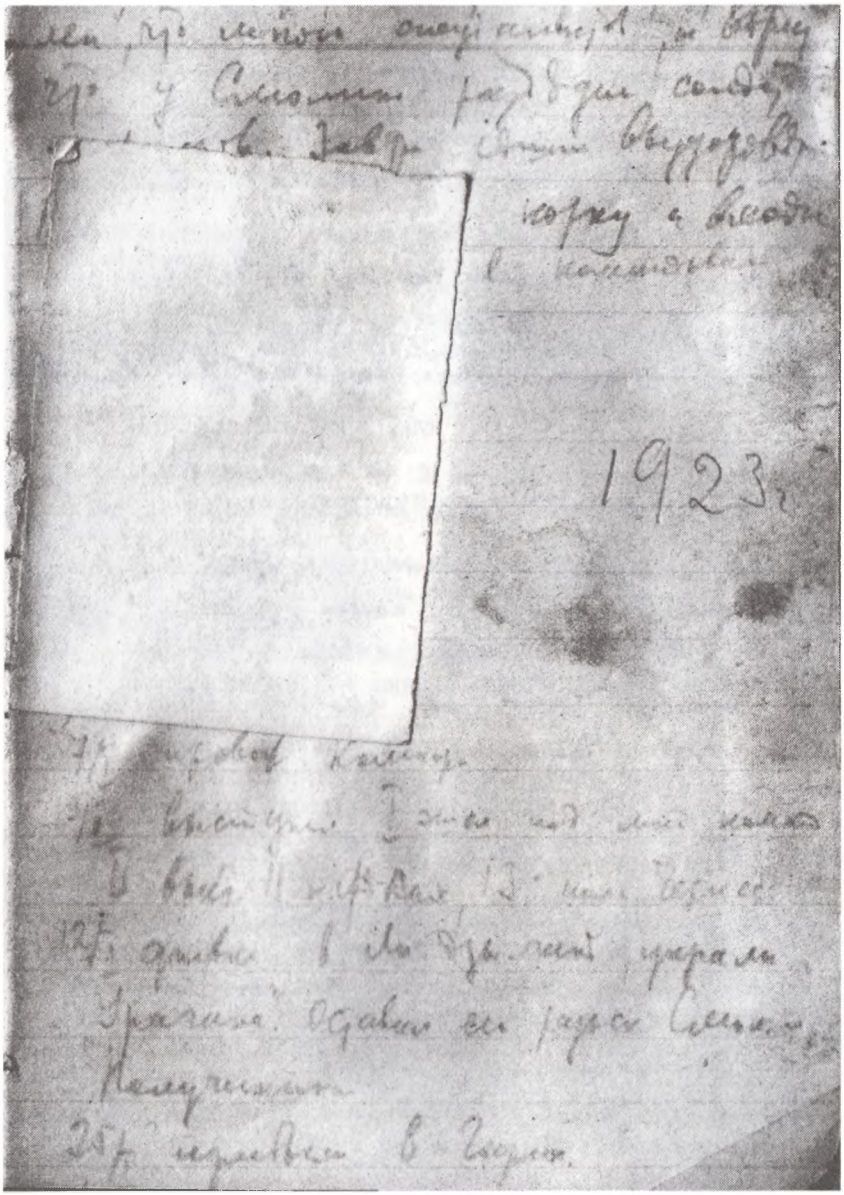
1 мая 12 года Китайской республики

[Печать: 2-е Отдел. Главн. полиц. управл. Особ. района Вост. пров., ст. Яомынь]

Имя, отчество и фамилия	*Авенир Геннадьевич Ефимов*
Лета	*35 л.*
Национальность	*Русский*
Вероисповедание	*Правосл.*
Род занятий	*Служащ.*
Откуда и когда прибыл в Особ. район Вост. пров. и куда отправл.	*6 апр. 1923 г.*

* Год Китайской республики отсчитывался от 1911 г., когда в Китае произошла революция. Таким образом, речь идет о 1923 г. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 18*



* Фрагменты из записной книжки А. Г. Ефимова. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. Г. ЕФИМОВА (конец 1922–1923 гг.)

[1922 г.]

2/XI Перешли гран[ицу] Китая, сдали оружие в кит. казармах вост. 4 в. Хунчун и безоружн[ыми] пришли в Хунчун.

2–10/XI Ожидание Дина*. Слухи о Смолине, что офиц[еры] отделены и сидят в лагере в Цицикаре, солд[аты] отправл[ены] в Манчж[урию].

Сегодня приех[ал] Дин, улицы были разукрашены флагами.

<утраченный фрагмент>

Сахар[ов] заявил, что уйдет и освобожд. от команд[ования] полком, вступил Ястребцов. Про Дина говорят, что он симпат. челов[ек] и сочувствует нам, поможет найти работы, доволен, что много специалистов <...>.

1923 г.

7/I провож. комкора.

9/I выступил I эшел. под моей команд[ой], II выст. 11 ф[он]-Вах, 13 — полк. Черкесс.

12/I дневка в Ян-дзы-гане, украли «Урагана». Оставил его разыск[ивать] Смол. и Получинина (Возможно, кап. Полунин. — *Сост.*).

25/I прибыли в Гирин.

<...> Воткинцы, 30 прибыли Добр[овольцы] и кондив.

9/II части перешли в 4 двор. лагеря Тун-да-ин. 10/II переехал в лагерь.

15/II Первое письмо от Наташи.

7/III Бафтал[овский] сообщил ф[он] Ваху, что Глебов пишет Дитерихсу, считает Лебедева авантюристом, просит принять его. Провокации или выведывание стремлений нашего лагеря!

В 6 ч в казармах «ура» — электричество стало светить, а не тлеть, как потухш. спичка.

20/III выбрали председ. Р. Ком. помощи вместо докт. Сажина, а 21/III Ком. распущен. Китайцы решили, что он не нужен, тут скрывается интрига америк., стремящихся разрушить нашу организацию.

25/III прощался с 28 стрел. 3 рот. Ижевцев уехавш. в Сов. Р[оссию]. Просил не забывать, любить Россию, тогда русский народ будет сам хозяин в своей стране. Солдаты плакали, расставаясь с полков[ой] семьей. Почти все из Бол[ьше]-Усинской вол[ости] Осинск[ого] уезда.

27/III опять обвалилось 2 барака <...> убило 3 лошади Уфимцев, и обвал стены у Воткинцев (боковая примык. к <...>), это с 20-го 6-й обвал.

---

* Возможно, имеется в виду полковник Ян-Дин-Шин, начальник Хунчунского гарнизона (см. документ 16) — *Прим. сост.*

9/IV На состязании были Дит[ерихс] и Комкор. Перед этим Комкор христосовался и говорил с солдатами. Из его речи: «Как ни тяжело мне, как ни больно, но я должен вам сказать, что впереди ничего не видно и что будет с нами — не знаю. Вести вас и давать вам возможность жить за счет крови других кого-нибудь из Вас же, — я не могу. Кто получает из С[оветской] Рос[сии] утешительные письма, тот может ехать, если не боится» (запис. кап. Фролов). В жел.-дор. полку и Приволж[ском] комкор не мог докончить своей речи, слезы наверн[улись] у него на глазах, и, махнув рукой, он уходил. Речь его многими (Уфимцами) была истолкована как призыв ехать в Сов. Росс[ию].

9/V Уехал ген. Дитерихс, на вокзале провожало много чинов, накануне он прощался.

12/[V] Прощание Молчан[ова] с полками. Поднесли порт-сигар.

13/V Провож[али] ген. Молчан[ова], на станции многие плакали, до Чанчуня поехали я, Вах, Зуев, Черк[есс], Смол[ин], Ястр[ебцов], Белян[ушкин], Сотник[ов]. В Чанчуне встречали артил[леристы] и поднесли подстаканник. Здесь проводы были более спокойны. Мне казалось, что мы скоро встретимся вновь. После пошли в рест[оран] и кутнули.

14/V вернул. в Гирин. Вчера вечером напились доктора Сонт. и Поликр., и им набили морду. Заявили, что никого кроме д-ра Грейга не призн., которому решили жаловаться.

15/V Сегодня американцы [?] опечатали аптеку и заявили, что закроют ее. Кажется, эта сволочь хочет распоряжаться, как у себя дома.

18/V Ушедш[ие] на раз[ъезд] (12 в.) Ижевцы прислали с собакой письма «надырше», который ее кормит. Пишут, что нач. раз.-японец дал не только билеты, но некоторым и деньги. Веч[ером] обед и получ[ил] подарок от полка — часы.

19/V У ген. Ястр[ебцова] украли чемод. с деньгами. Русский сошел с ума: считает себя самым старшим, издает приказы.

22/V проводили Дробинина.

24/V утром остались без окон, всё сломал дождь и град. Ночью гром гремел беспрерывно.

25/V проводили в 11.40 ген. Вержбицкого, которого кит[айцы] выселили, не дав ему дождаться возвращения жены. На вокзале насчитал еще 10 генералов (Ястр[ебцов], См[олин], Хрущ[ов], Шелав[ин], Наум[ов], Мельн[иков], Блох[ин], Потан[ин], сибирск. каз., Русский), да не было Зощенко.

28/V веч[ером] прощалась группа Иж[евцев] 23 ч[ел]., с Широковым во главе. На дворе устроили банкет, потом перенесли под дерево. Пели песни, рассказ[ывали] анекдоты. Уходили все хорошие, дружные ребята, и это чувствовалось, приятно было быть среди них (Широков — старш., Иванов с черн. ус[ами] был в Гензане, Едомин — стрелок из Иж. вышел 15 лет имеет все Георг. кресты, Мальцев — виноградн. [?], кругл. физ., весельч.; Ситников — 1-й приз за стрельбу).

1/VI с Бор[исом] Эм[мануиловичем фон Вах] устроили прощальн[ую] чашку чая.

7/VI только сегодня получили пропуск.

8/VI выехали в Чан-Чунь.

17/VI выех[али] из Ч.-Чуня, 18/VI из Дайр[ена], 21/VI Шанхай.

22/VI переех. к Ив[анову]-Мум[жиеву]; 23/VI у Дит[ерихса], посл[ал] тел[еграмму] М[олчанову].

25/VI были в оф[ицерском] союзе и [у] Гроссе, начали хлоп. паспорт.

17/VIII вых. в 3 ч дня на пар[оходе] «Pres[ident] Jackson».

23/VIII выех. из Иоког[амы] в 3 ч. Вчера были в Токио, у Подтягина, осматр[ивали] город.

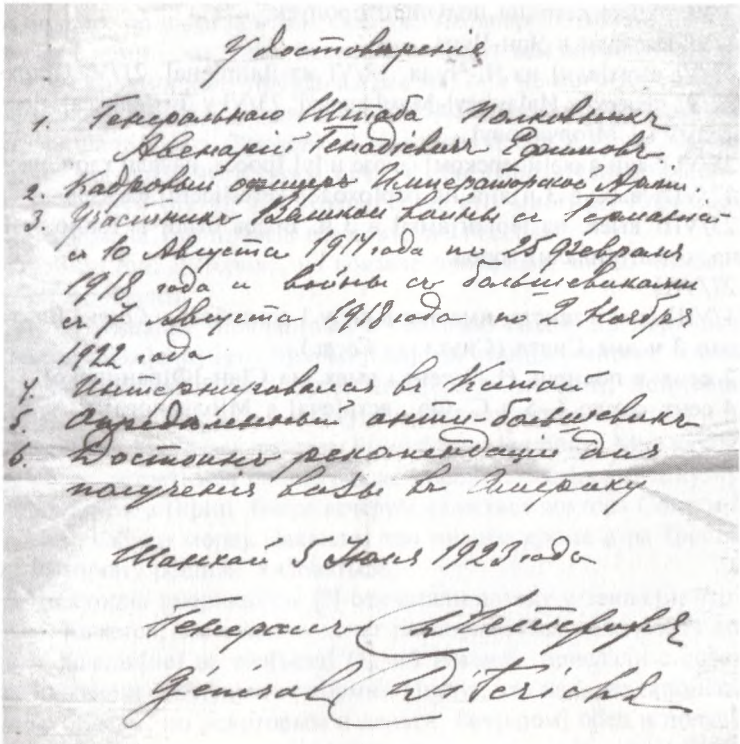
27/VIII

1/VIII (так в тексте, имеется в виду 1 сентября — *Сост.*) Виктория и около 3 ч дня Сиатл (Сиэтл. — *Сост.*).

2 сент. в полночь (1–2/сент.) выех. на С[ан-]Ф[ранциско]

4 сент. около 4–5 ч С.-Фр., встр[еча] г. М[олчанова] и А. Е.

ДОКУМЕНТ 19*


Удостоверение

1. Генерального Штаба Полковник Авенарий Геннадиевич Ефимов.
2. Кадровый офицер Императорской Армии.
3. Участник Великой войны с Германией с 10 Августа 1914 года по 25 февраля 1918 года и войны с большевиками с 7 Августа 1918 года по 2 Ноября 1922 года
4. Интернировался в Китай
5. Определенный анти-большевик
6. Достоин рекомендации для получения визы в Америку

Шанхай 5 Июля 1923 года

Генерал Дитерихс

Général Diterichs

УДОСТОВЕРЕНИЕ

1. Генерального Штаба полковник Авенарий (так в тексте — *Сост.*) Геннадиевич Ефимов.

2. Кадровый офицер Императорской Армии.

3. Участник Великой войны с Германией с 10 августа 1914 года по 25 февраля 1918 года и войны с большевиками с 7 августа 1918 года по 2 ноября 1922 года.

4. Интернировался в Китай.

5. Определенный анти-большевик.

6. Достоин рекомендации для получения визы в Америку.

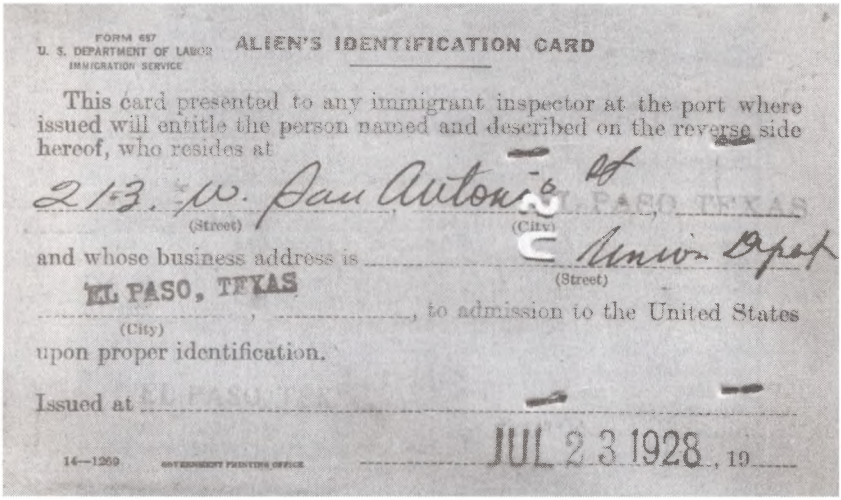
Шанхай, 5 июля 1923 года

Генерал Дитерихс General Diterichs

---

* Рукопись, Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63, оп. 2. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 20*



FORM 657
U. S. DEPARTMENT OF LABOR
IMMIGRATION SERVICE

ALIEN'S IDENTIFICATION CARD

This card presented to any immigrant inspector at the port where issued will entitle the person named and described on the reverse side hereof, who resides at

213 W. San Antonio St (Street) EL PASO, TEXAS (City)

and whose business address is Union Depot (Street)

EL PASO, TEXAS (City), to admission to the United States upon proper identification.

Issued at EL PASO, TEXAS

14—1269 GOVERNMENT PRINTING OFFICE JUL 23 1928, 19

DESCRIPTION

Name Efimoff, Avenir G. Age 40

Occupation Coach Cleaner

Complexion Fair Hair Brn

Eyes Blue Height 5'7"

Marks: Seattle 9/1/23

PERMANENT ADMISSION DATE

MAN. No. VISA No.

VACCINATED SEP 7 - 1928

No. 5455

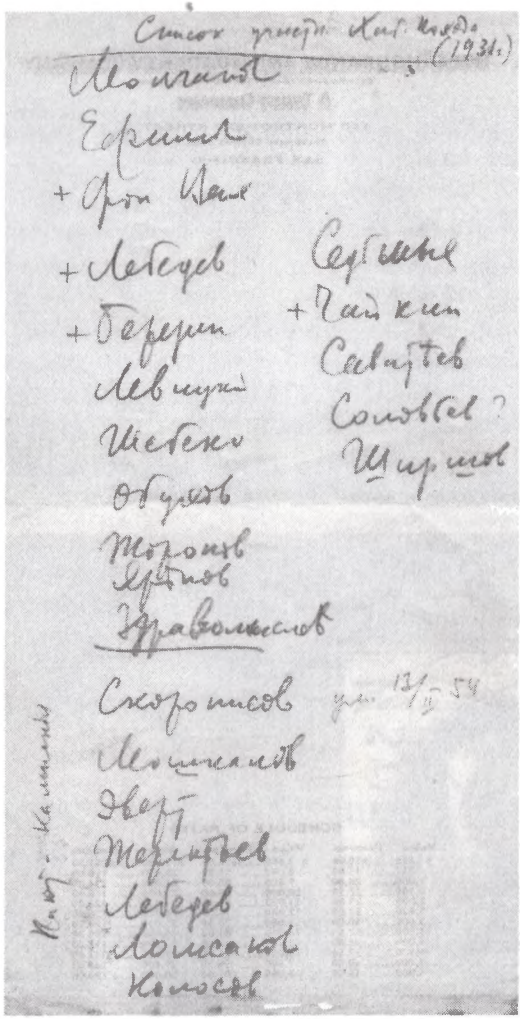
James E. Haynes

14—1269 Inspector in Charge

---

* Удостоверение иностранца на имя А. Г. Ефимова. Личный архив А. А. Ефимова. Выдано в г. Эль-Пасо (штат Техас) 23 июля 1928 г. Отметка о въезде в США: Сиэтл, 1 сентября 1923. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 21*



Список участников Хабаровского похода, 1931 г.

Молчанов, Ефимов, фон Вах, Лебедев, Березин, Левицкий, Шебеко, Обухов, Торопов, Хренов, Здравомыслов, Седьмых, Чайкин, Саватеев, Соловьев, Ширшов. Кают-компания: Скорописов (ум. 13/II 54), Мошканов, Эверт, Терентьев, Лебедев, Ломсаков, Колосов.

* Список участников Хабаровского похода, живущих в Сан-Франциско и его окрестностях, составлен А. Г. Ефимовым к 10-летию Хабаровского похода в 1931 г. Личный архив А. А. Ефимова. — *Прим. сост.*

ДОКУМЕНТ 22*

СУББОТА 28 ИЮНЯ 1958 Г.

КОНЧИНА БОРИСА Э. ФОН-ВАХА.

26 июня в 5 часов утра скоропостижно скончался Борис Эммануилович Фон-Вах, 70 лет. Скончался он в Сидорвилле, Калифорния.

25 июня он уехал на вакации в горы со своими друзьями В. А. Кольчугиным и его супругой.

26 июня В. А. Кольчугин позвонил жене, что Б. Э. Фон-Вах скоропостижно скончался у себя в палатке.

В. А. Кольчугин заподозрел неладное, когда Б. Э. Фон-Вах до 12 часов не вышел к завтраку. Он пошел в палатку и увидел, что он мертв. В 5 часов утра он слышал, как Б. Э. Фон-Вах вздохнул глубоко два раза. Вероятно, в это время он и умер.

Б. Э. Фон-Вах прибыл в Америку в 1923 году и все 35 лет прожил в Сан-Франциско.

Здесь он работал в Карбон к-о, Белл Брук и последние 19 лет в Марин-Делл. 19 апреля прошлого года он вышел на пенсию и уже больше не работал.

Б. Э. Фон-Вах происходил из богатой дворянской петербургской семьи. Его отец был генералом, а мать была черногорского происхождения. В Петербурге у Вахов были свои дома.

По окончании средней школы и Статистического института в Петербурге, Б. Э. Фон-Вах поступил в Елизаветградское кавалерийское училище, которое блестяще окончил вахмистром своего выпуска в 1914 году. После короткой службы в одном из гусарских полков, поступает в 1-ый Лейб-Драгунский полк, в рядах которого участвует в боевых действиях на фронте в Восточной Пруссии и других местах.

За боевые действия против немцев Б. Э. Фон-Вах награждается всеми боевыми наградами, вплоть до ордена Св. Владимира с мечами и бантом. Потом проходит ускоренные курсы генерального штаба и заканчивает великую войну в чине ротмистра. После революции 1917 года солдаты ему подносят солдатский Георгиевский крест 4-ой степени за храбрость.

После недолгой службы на штабной должности в Красной армии по призыву офицеров, Б. Э. Фон-Вах попадает в плен к белым войскам и принимается на штабную должность при штабе верховного правителя адмирала Колчака. Потом, тяготясь штабной бездеятельностью, просится добровольцем на фронт и назначается начальником Воткинской дивизии, с которою совершил весь переход через Сибирь до Приморья.

После краха белого движения в Приморьи, Б. Э. Фон-Вах уезжает в Шанхай, откуда переселяется в США на постоянное жительство. Здесь, работая тяжелым трудом — кочегаром в молочной фирме, он живо интересуется военными и политическими вопросами и собирает богатую коллекцию военно-исторических книг, создав большую библиотеку в своем доме.

Будучи большим военным специалистом, Б. Э. Фон-Вах во время последней войны иногда выступал с лекциями по поводу боевых операций против немцев на Восточном (советском) фронте.

Обладая прекрасной памятью, он отлично знал русскую военную историю, историю полков русской армии и общую политическую историю Русского государства до самых последних дней.

Окончил гражданскую войну Б. Э. Фон-Вах в чине полковника генерального штаба.

---

* Русская жизнь (Сан-Франциско), 28 июня 1958 г. Личный архив Т. Иваницкой. — *Прим. сост.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ А. Г. ЕФИМОВА*

1. Смерть генерала Круглевского // Вестник ОРВВВ, 1930, № 52–53, с. 34–36.
2. Действия отряда Ижевцев при захвате Владивостока в 1921 году (воспоминания участника) // Вестник ОРВВВ, 1931, № 59–60, с. 18–22. *Второй вариант той же статьи*: Военный переворот во Владивостоке в 1921 году (к 40-летию захвата Владивостока белыми бойцами 26–27 мая 1921 года) // РЖ, № 4852, 25 мая 1961; КП, № 410, с. 2.
3. Экспедиция на Сучан (к 10-летию борьбы с большевиками в Приморье) // Вестник ОРВВВ, 1931, № 64, с. 10–12; № 65–66, с. 20–22, 31; 1932, № 68–69, с. 24–27.
4. Хабаровский поход (по книге Б. Филимонова «Белоповстанцы») // Вестник ОРВВВ, 1932, № 71–72, с. 8–11.
5. Волочаевский бой // НЗ, № 2116, 2121, 2126, 2130; 13, 20, 27 мая, 3 июня 1937 (везде — с. 4).
6. Через Сибирь // НЗ, № 2773, 23 декабря 1939, с. 11, 15. *Второй вариант той же статьи:* Сибирский зимний поход // Часовой (Брюссель), № 401, сентябрь 1959, с. 10–12.
7. Наступление и оборона. О поражении французов // НЗ, № 3000, 25 декабря 1940, с. 10, 31.
8. Последний поход // РЖ, № 237, 15 декабря 1951, с. 3–4.
9. Памяти Б. Б. Филимонова // РЖ, № 148, 8 августа 1952, с. 3.
10. Конец Белой борьбы в Приморье // РЖ, № 222, 22. XI. 1952, с. 3–4.
11. На службе Родине. Памяти генерала Ф. А. Пучкова // Вестник ОРВВВ, 1953, № 196, с. 10–18.
12. «Против вас» (к сорокалетию восстания Ижевцев и Воткинцев) // РЖ № 4166, 13 августа 1958, с. 2.
13. «История революции» Керенского // Вестник ОРВВВ, 1961, № 220.
14. К сорокалетию Хабаровского похода // РЖ, № 4978, 30 ноября 1961 г.; КП, № 436, с. 1.
15. К 40-летию Хабаровского похода. Бои у ста́нции Ин и станции Волочаевка // РЖ, № 5031, 15 февраля 1962; КП, № 446, с. 1.
16. К 40-летию Хабаровского похода. Волочаевка // РЖ, № 5052, 17 марта 1962, с. 5.
17. Ижевцы и Воткинцы в рядах Восточного фронта // Часовой (Брюссель), 1962, № 431, с. 11–12; № 432, с. 20–21; № 434, с. 17–18.

---

* Составитель — Л. Ю. Тремсина. Сокращения: ОРВВВ — Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско; НЗ — газета «Новая заря» (Сан-Франциско); РЖ — газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско), КП — приложение «Крестовый поход во имя правды».

18. Социалисты-революционеры в борьбе с правительством адмирала Колчака // Златоцвет (Бурлингейм, США), 1963, вып. 13, с. 7–13.
19. Памяти адмирала Колчака // Военная быль (Париж), 1964, № 66.
20. «Роковые годы. 1914–1920» [О книге П. П. Петрова] // Вестник ОРВВВ, 1967, № 231, с. 21–26.
21. Как произошло начало революции // Вестник ОРВВВ, 1967, № 235.
22. Воспоминания о 1917 г. // Вестник первопоходника (Лос-Анджелес), 1967, № 75, с. 12–14.
23. *А. Е.* 50 лет со дня восстания Ижевцев и Воткинцев // РЖ, № 6645, 11 октября 1968, с. 5.

Публикации, переизданные после смерти автора в виде книги*

1. Ижевцы в борьбе за Россию // РЖ, 25 декабря 1950, с. 4–6.
2. Ижевцы и Воткинцы // Вестник ОРВВВ, 1954, № 198, с. 20–25; № 199, с. 5–10; № 200, с. 20–25. 1955, № 201, с. 19–22; № 202, с. 12–19. 1956, № 203, с. 31–38; № 204, с. 27–30; № 205, с. 25–32. 1957, № 206, с. 30–32; № 207, с. 15–20; № 208, с. 28–31. 1958, № 211, с. 25–27, 33–34; № 212, с. 28–32. 1959, № 213, с. 19–30; № 215, с. 17–27. 1960, № 216, с. 26–28; № 217, с. 24–30. 1961, № 219, с. 5–18; № 220, с. 22–28; № 221, с. 29–34. 1962, № 222, с. 19–25; № 223, с. 23–30; № 225, с. 25–32. 1963, № 226, с. 28–32; № 227, с. 23–30. 1964, № 228, с. 24–30; № 229, с. 25–30. 1965, № 230, с. 25–31. 1966, № 232, с. 25–30; № 233, с. 10–13; № 234, с. 11–18. 1967, № 236, с. 27–30. 1968, № 237, с. 28–30; № 239, с. 29–30.
   То же: Ижевцы и Воткинцы // Вестник первопоходника (Лос-Анджелес), 1966, № 59/60, с. 15–24; № 61/62, с. 3–18; № 63/64, с. 3–18. 1967, № 65/66, с. 42–54; № 67/68, с. 23–38; № 69/70, с. 9–27; № 71/72, с. 7–26; № 73/74, с. 47–64; № 75, с. 31–37. 1968, № 82/83, с. 21–24. 1969, № 88, с. 18–30; № 89/90, с. 17–21. 1970, № 91, с. 32–37; № 92, с. 35–42; № 93, с. 45–58.
3. Восстание Ижевцев и Воткинцев // Часовой (Брюссель), 1961, № 416–423.

Статьи без подписи**

1. Десятилетний юбилей перехода через озеро Байкал. 11 февраля 1920 — 11 февраля 1930 // Вестник ОРВВВ, 1930, № 44–45, с. 7–10.
2. Н. К. Молчанова (некролог) // Вестник ОРВВВ, 1931, № 56, с. 8–9.

---

* *Ефимов А. Г.* «Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1922 гг.» (Конкорд, Калифорния, 1975, 323 с.). Статьи 1. и 3. повторяют начальные главы публикации 2. — *Прим. сост.*

** Были опубликованы от имени редакции в тот период, когда редактором журнала был А. Г. Ефимов. — *Прим. сост.*

АВЕНИР И НАТАЛИЯ*

Личная жизнь полковника Ефимова, как и большинства его современников, переживших Русскую Смуту первой четверти XX века, складывалась драматично.

Авенир Геннадьевич Ефимов родился в 1888 г. в Нижнем Новгороде в семье офицера. Как свидетельствуют семейные фотографии, он был в семье старшим ребенком, у него было четыре младших брата и сестра. После окончания Симбирского кадетского корпуса Авенир проходил курс обучения в Николаевском инженерном училище в Петербурге, а три его младших брата учились в том же Симбирском кадетском корпусе.

Будущая жена А. Г. Ефимова, Наталия Степановна Гусева, родилась в 1892 г. в семье военного врача, в г. Ковно (ныне г. Каунас в Литве), где в то время служил ее отец. К началу 1910-х гг. семья жила в Одессе. Наталия тоже была старшим ребенком в семье, у нее было три младших брата.

Возможно, знакомство Авенира и Наталии состоялось в Петербурге, где Авенир учился в Николаевском инженерном училище в период 1908–1910 гг., однако точных сведений об этом пока нет. Обвенчались они 21 апреля 1913 г. в Одессе, в Свято-Николаевской («Ботанической») церкви. Затем Наталия Степановна уезжает с мужем в Казань, где был расквартирован его 16-й саперный батальон. Но счастье молодоженов было недолгим: после начала Мировой войны в 1914 г. Авенир уезжает на фронт, а Наталия возвращается к родителям в Одессу. В одном из писем она, однако, упоминает о том, что ездила к мужу в Парчувек (Польша).

В начале 1917 г. у супругов родился сын Георгий (Жоржик). В июле 1917 г. Авенир приезжает в Одессу повидать семью — это была их последняя встреча перед долгой разлукой...

Во время Гражданской войны, когда Авенир прошел с Белой армией путь от своего родного Поволжья до берегов Тихого океана, связь между ними полностью прервалась. В течение пяти лет Наталия не знала, жив ли ее муж, — вплоть до первой его открытки из Владивостока, которую она получила в июле 1922 г. В ответ она пишет ему обо всём, что было пережито с 1917 г., но письмо это Авенир получил лишь спустя 7 месяцев, 15 февраля 1923 г., уже находясь в беженском лагере Тун-да-ин (в других источниках встречается иная транскрипция: Ду(н)-да-ин) в г. Гирине (Китай). Наталия написала, что их сын умер в Одессе 14 сентября 1918 г. «от дизентерии и воспаления мозга». В январе 1919 г. скончался от тифа и ее отец. После установления советской власти семью Гусевых выгнали из их квартиры, отобрали

---

* Подготовлено по материалам из личного архива А. А. Ефимова (в их числе — письма Н. С. Ефимовой мужу за период 1922–1924 гг., дневниковые записи 1920-х гг. и др.). — *Прим. сост.*

имущество, и они жили впятером в одной комнате. «Сидеть без хлеба на похлёбке, жить в комнате при температуре ниже нуля — всё это уже не страшно», — писала она мужу. По «официальной» версии для большевистских властей Наталия Степановна считалась вдовой офицера, якобы погибшего во время войны. После смерти сына она много работала: «служила секретарем в конторе» и давала уроки.

Получив первое письмо от жены в феврале 1923 г., Авенир через своих знакомых в Харбине, С. М. Горчаковского и доктора В. П. Данилова отправляет ей деньги, а также посылки с мукой и другими продуктами (через Харбинский общественный комитет помощи голодающим в России). Через них же он вёл переписку с Наталией вплоть до своего отъезда в Америку летом 1923 г.

В 1922 г. во Владивостоке, впервые после долгого перерыва Авенир Геннадьевич получил весточку от сестры Ангелины и брата Виктора, живших в г. Алатыре Симбирской губернии (в 1919 г. Виктор вернулся из германского плена, где находился с 1915 г.). Ангелина была замужем за П. М. Кириллиным, отец которого до революции был владельцем «Заведения фруктовых вод и номеров "Франция"» в Алатыре. 15 июля 1921 г. она писала брату: «Мы живы, здоровы, но голодаем, продаем всё, что можно». В своих письмах ни Ангелина, ни Виктор Ефимовы не упоминали ни родителей, ни своих младших братьев — вероятно, в то время их уже не было в живых... Позднее, в 1928 г. Авенир запишет в дневнике сына Алексея: «Полный список родственников следующий: со стороны мамы — бабушка и 3 дяди (Николай, Алексей и Владимир), со стороны папы — дядя Витя и тетя Ангелина».

Восстановив после окончания Гражданской войны связь с Наталией Степановной, Ангелина и Виктор в 1923 г. решают переехать вместе со своими семьями к родственникам в Одессу (можно предположить, что они покинули свой родной город, чтобы легче было скрывать свое происхождение и родство с белым офицером).

В июне 1923 г. Авенир уезжает из Гирина в Шанхай, где, заручившись рекомендациями ген. Дитерихса и Союза служивших в Российских армии и флоте, получает в американском консульстве визу на въезд в Соединенные Штаты. 17 августа на пароходе «Президент Джексон» он отправляется из Шанхая в Иокогаму и затем в Америку. Вместе с ним на пароходе следовали полковник Б. Э. фон Вах с супругой Зоей Евгеньевной и поручик Б. К. Шебеко. Они прибыли в г. Сиэтл 1 сентября 1923 г., а 4 сентября — в Сан-Франциско, где их встретил генерал Молчанов, приехавший туда на месяц раньше.

В первые месяцы на американском континенте Авенир Геннадьевич жил в г. Беркли близ Сан-Франциско (из его знакомых первым в этом городе поселился летом 1923 г. ген. Н. П. Сахаров, затем ген. Молчанов). Вместе со своими бывшими соратниками он зарабатывает на жизнь физическим трудом — устраивается грузчиком, затем уборщиком

железнодорожных вагонов. Он строит планы воссоединения с женой, обращается в пароходную компанию «Кунард Лайн» (Cunard Line) и покупает для Наталии шифс-карту (билет на пароход, действовавший в течение года).

Однако Наталия Степановна в течение нескольких месяцев не могла получить заграничный паспорт и разрешение на выезд из Советской России. Когда после долгих мытарств документы были получены (по свидетельству сына, с помощью взяток), оказалось, что в 1924 г. в США вступил в силу новый иммиграционный закон (Закон Джонсона–Рида), который устанавливал жесткое ограничение (квоту) на въезд иммигрантов.

Поскольку в то время не существовало особых препятствий для въезда советских граждан в Мексику, Наталия Степановна решает ехать туда, чтобы встретиться с мужем и затем попытаться перебраться из Мексики в Америку. Летом 1924 г. он посылает ей короткую телеграмму: "Start Mexico", после чего Наталия отправляется в путь. Она покинула Россию в начале сентября, а 16 сентября 1924 г. на борту парохода «Эдам» отбыла из Роттердама в направлении мексиканского порта Веракрус (Veracruz). В Мексике состоялась долгожданная встреча Наталии и Авенира, не видевшихся 7 лет...

В соответствии с новым иммиграционным законом Наталия должна была ждать выдачи американской визы, а Авенир, как недавний иммигрант, не имел права надолго уезжать из Америки. Поэтому они поселились в двух соседних приграничных городах: она — в мексиканском городе Хуарес (Ciudad Juárez), он — в американском Эль-Пасо (штат Техас), разделенных пограничной рекой Рио-Гранде. Авенир устроился работать уборщиком железнодорожных вагонов и почти каждый день навещал жену, поскольку мог беспрепятственно пересекать границу. Наталия работала швеёй на фабрике, со временем научилась неплохо говорить по-испански. Кроме Ефимовых, в Хуаресе жила всего одна русская семья, Гаценко, и эмигранты старались поддерживать друг друга. Хранили православную веру, отмечали Рождество и Пасху. Наталия писала знакомой в 1925 г.: «Авенир сделал мне уголочек, из стакана смастерил лампадку, и теперь у меня горит лампадочка, по-русски».

В феврале 1928 г. у Ефимовых родился сын Алексей, роды принимала в их маленькой квартирке акушерка-мексиканка... Поскольку Православной церкви нигде поблизости не было, крестины пришлось отложить до будущего переезда в Сан-Франциско, где уже сложилась большая «русская колония».

Как писал Авенир Геннадьевич из Мексики своему другу ген. Молчанову, его семье пришлось испытать «удовольствия их бесчисленных революций». В письме от 10 марта 1929 г. он красочно описал один из таких эпизодов, когда во время очередного военного мятежа в Хуаресе ему пришлось устраивать в квартире заслоны от шальных пуль.

В те годы Ефимовы продолжали переписку с родственниками, оставшимися в Одессе, — с матерью Наталии, Екатериной Гусевой, и с «ефимятами» Виктором и Ангелиной.

В октябре 1929 г. Авенир Геннадьевич получает американское гражданство, и лишь после этого его жена и сын наконец получают разрешение на въезд в США. 20 ноября Ефимовы выехали на поезде из Хуареса в Лос-Анджелес и затем в Сан-Франциско, куда прибыли 22 ноября 1929 г. Их встречал генерал В. М. Молчанов со своей семьей, и Наталия Степановна впервые познакомилась с друзьями и соратниками своего мужа. Сначала Авенир Геннадьевич устроился уборщиком в высотном здании по адресу Саттер-стрит, 111, где работал администратором В. М. Молчанов (в последующие годы А. Г. работал электриком, затем инженером на фабрике).

29 марта 1930 г. состоялись крестины Алексея Ефимова в Свято-Троицком соборе в Сан-Франциско, его крёстным стал ген. Молчанов. В июне 1930 г. Ефимовы поселились в одной квартире с Молчановыми по адресу Калифорния-стрит, 2517. (До этого у Молчановых жила вдова Мария Ефимовна Веникова с дочерью Тамарой, но затем она вышла замуж за ген. А. Е. Мартынова.)

В январе 1931 г. скончалась супруга генерала Молчанова, Наталия Константиновна, и после этого на плечи Наталии Степановны Ефимовой легли все хозяйственные заботы их большой семьи. В летнее время Ефимовы и Молчановы часто вместе проводили отпуск на «Русской речке» (Russian River) к северу от Сан-Франциско, посещали находившийся неподалеку Форт-Росс. Летом 1933 г. они переехали на новую квартиру по адресу Скотт-стрит, 1324, где продолжали жить вместе вплоть до женитьбы ген. Молчанова в 1941 г. После этого супруги Ефимовы приобрели дом по адресу Лейк-стрит, 45, где прожили до конца своих дней.

С момента своего прибытия в Сан-Франциско в 1929 г. Авенир Геннадьевич участвовал в общественной жизни русской колонии, в том числе в деятельности Общества русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ). В 1930–1932 гг. он был редактором «Вестника ОРВВВ»*, а Наталия Степановна помогала ему печатать материалы на машинке. В декабре 1931 г. он выступил с докладом** на собрании Общества в честь 10-летия Хабаровского похода и 23 марта 1932 г. продолжил свой доклад, «рассказав о тяжелых боях у раз. Ольгохта и у Волочаевки в начале января 1922 г.»*** Однако в сентябре 1932 г. полк. Ефимов вслед за ген. Молчановым вышел из состава ОРВВВ****.

---

* Вестник ОРВВВ, № 200, 1954, с. 1.

** Вестник ОРВВВ, № 67, 1931, с. 3.

*** Вестник ОРВВВ, № 70, 1932, с. 4.

**** Вестник ОРВВВ, № 75, 1932, с. 3.

С 1930-х гг. полк. Ефимов начинает писать воспоминания о Гражданской войне, публикует статьи в «Вестнике Общества ветеранов» и русских газетах Сан-Франциско («Русская жизнь», «Новая заря»), а впоследствии и в русских журналах, выходивших в Европе («Часовой», «Военная быль»). В 1950-е гг., когда Общество ветеранов возглавляли по очереди его соратники и друзья ген. Ф. А. Пучков и ген. П. П. Петров, он вновь начинает сотрудничать в «Вестнике ОРВВВ». В 1954–1968 гг. пишет и публикует в этом журнале свои воспоминания «Ижевцы и Воткинцы» (те же воспоминания в 1966–1970 гг. были повторно напечатаны и в «Вестнике первопоходника» в Лос-Анджелесе), затем в течение ряда лет работает редактором. После смерти полк. Ефимова в 1972 г. журнал не издавался вплоть до 1982 г.*.

Переписку с родственниками в России Авенир Геннадьевич вынужден был прервать в начале 1930-х гг. В январе 1933 г. он писал Б. Б. Филимонову: «Я очень мало пишу писем. В Россию боюсь — подведешь родственников». Однако Наталия Степановна продолжала писать матери в Одессу вплоть до 1939 г., отправляла ей посылки и даже лекарство от глаукомы (пилокарпин), которое помогло ей сохранить зрение.

В первые годы в Сан-Франциско Ефимовы были прихожанами Свято-Троицкого собора, который в то время являлся центром «русской колонии» в этом городе. Позднее, поселившись на Лейк-стрит и не имея автомобиля, они чаще ходили в небольшую церковь Воскресения Христова, расположенную в нескольких кварталах от их дома.

В 1950-е гг., после прибытия в Сан-Франциско из Китая многих Ижевцев и Воткинцев, возникает традиция проведения ежегодных собраний в честь очередных годовщин Ижевско-Воткинского восстания в августе 1918 г. Супруги Ефимовы всегда принимали в них участие. 13 августа 1961 г., после молебна и панихиды в храме Воскресения Христова состоялось очередное собрание, на котором по инициативе ген. Молчанова было создано Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, а его председателем избран полковник Ефимов**.

В течение ряда лет Наталия Степановна работала воспитательницей в русском детском саду. Она скончалась 15 сентября 1969 г. и была похоронена на Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско.

---

* В редакционной статье в «Вестнике ОРВВВ». № 244 в 1982 г. отмечалось: «Со смертью полковника Ефимова, последнего редактора «Вестника», журнал фактически прекратил свое существование, если не считать выхода в свет (1974) специального юбилейного номера, посвященного 50-летию со дня основания Общества. Настоящим изданием предпринимается попытка возвобновления его в качестве повременного издания».

** Подробнее об Объединении см.: *Тремсина Л. Ю.* Ижевцы и Воткинцы в Сан-Франциско // *Ефимов А. Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008, с. 394–407.

В последние годы жизни Авенир Геннадьевич вел переписку с издателем В. П. Камкиным, участвовал в подготовке посмертного издания книги Б. Б. Филимонова «Конец Белого Приморья» (Роквилль: Издательство В. Камкина, 1971). Вел переговоры об издании своей книги «Ижевцы и Воткинцы», но осуществить это не успел. Книга была издана посмертно, в 1975 г., Объединением Ижевцев и Воткинцев.

Полковник Ефимов скоропостижно скончался 25 апреля 1972 г. Отпевание состоялось в храме Христа Спасителя в Сан-Франциско, похоронен он был рядом с женой на Сербском кладбище.

Л. Ю. Тремсина

О ПОЛКОВНИКЕ А. Г. ЕФИМОВЕ*

Моя первая встреча с полковником Ефимовым состоялась в июне 1947 года, когда мы с моим младшим братом Никитой приехали в Америку из Японии. Ефимовы подготовили для нас комнату в своем доме на Лейк-стрит в Сан-Франциско, где мы жили в течение месяца, перед тем как поступили в Калифорнийский университет и переехали в г. Беркли. Наталия Степановна окружила нас заботой, как своих родных детей, а Авенир Геннадьевич помог нам освоиться в Сан-Франциско и его окрестностях. После нескольких лет лишений и отчаяния во время войны нам было очень приятно оказаться, хотя бы и временно, в спокойной и уютной домашней обстановке. Мы безмерно благодарны Ефимовым за их теплоту и гостеприимство.

В то время Наталия Степановна работала воспитательницей в русском детскому саду, где начинали свое образование и учились русскому языку многие дети белых эмигрантов. Она лично знала буквально всех юношей и девушек в русской колонии Сан-Франциско.

Ефимовы были давними друзьями моих родителей, а полковник Ефимов, как и мой отец, во время Гражданской войны был старшим офицером в Белой армии. Авенир Геннадьевич закончил Военную академию во время войны, в 1918 г. присоединился к Белому движению на Востоке Европейской части России, а в 1919 г. служил начальником штаба прославленной Ижевской дивизии, которой командовал генерал Викторин Михайлович Молчанов, один из самых выдающихся боевых командиров Белой армии. Ижевская дивизия была уникальна тем, что состояла из рабочих Ижевского и Воткинского заводов, а также крестьян окрестных деревень, и стала одним из лучших боевых соединений Белой армии на Восточном фронте.

---

* Перевод с английского Л. Ю. Тремсиной.

Будучи непримиримым антибольшевиком, Авенир Геннадьевич принял активное участие в последнем этапе Гражданской войны в Приморье, во время Хабаровского похода зимой 1921–1922 гг. он командовал Ижевско-Воткинской бригадой.

Авенир Геннадьевич был выдающимся офицером, генерал Молчанов называл его «лучшим из лучших». Мой отец, генерал-майор Павел Петрович Петров, который видел их обоих в боевой обстановке, часто говорил, что Молчанов и Ефимов взаимно дополняли друг друга: один был прямолинейным и бесстрашным боевым командиром, а другой — блестящим организатором и администратором, который обеспечивал безукоризненное обеспечение транспортом, обмундированием и военными припасами. Во многом благодаря этому «симбиозу» Ижевская дивизия была одним из самых боеспособных соединений в армии Колчака.

Внешне очень скромный и немногословный, Авенир Геннадьевич был человеком большого интеллекта и тонкой души. Ему была свойственна такая преданность, какую редко встретишь в наше время. В ноябре 1922 г. он пересек российско-китайскую границу вместе с последними частями Белой армии, а его жена осталась в России. Эмигрировав вместе с некоторыми своими соратниками в Америку в 1923 г., Ефимов вскоре обнаружил, что супруге приехать к нему будет очень сложно. Дело в том, что под давлением консервативных сил Конгресс США принял закон, резко ограничивающий с 1924 г. въезд иммигрантов. Для Наталии Степановны оставалась единственная возможность — ехать в Мексику и ожидать получения визы там. Она обосновалась в городе Хуарес, соседнем с американским Эль-Пасо (Техас), где поселился Авенир, так что они могли часто видеться. Там и родился их сын Алексей. В те годы в Мексике Ефимовым довелось наблюдать и бурные революционные события. «Мексиканские приключения» полковника Ефимова были трогательным и романтическим периодом, когда проявилась его исключительная верность своей жене после долгих лет разлуки во время революции и Гражданской войны.

Авенир Геннадьевич был также очень предан своему командиру и близкому другу, генералу Молчанову. В начале 1930-х гг. в Обществе русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско возник конфликт между его председателем, генералом бароном А. П. Будбергом, и вице-председателем генералом В. М. Молчановым. Подробности этого конфликта теперь уже трудно выяснить, но в свое время он привлек к себе внимание русской колонии Сан-Франциско. Стороны разделились, и в знак протеста генерал Молчанов покинул Общество ветеранов. Полковник Ефимов поддержал своего бывшего командира и в 1932 г. ушел из Общества вместе с ним. Его уход не прошел для Общества бесследно, поскольку Ефимов был редактором «Вестника ОРВВВ». Лишь в 1950-е гг., когда после смерти барона Будберга Общество ветеранов возглавлял друг Авенира Геннадьевича, генерал Пучков,

а затем мой отец, генерал Петров*, полковник Ефимов вновь стал сотрудничать в «Вестникѣ» — в течение ряда лет публиковал в нем свои воспоминания «Ижевцы и Воткинцы», работал в редакции. Он был избран «почетным гостем» Общества ветеранов.

До конца жизни Авенир Геннадьевич продолжал играть важную роль в русской общественной жизни Сан-Франциско и его окрестностей. Он возглавлял Объединение Ижевцев и Воткинцев с момента его образования в 1961 г. и до своей кончины в 1972 г. Публиковал статьи в русских газетах и журналах, выходивших не только в Калифорнии, но и в Европе. Мне запомнился один эпизод, связанный с его деятельностью. В тот месяц, когда мы с Никитой жили у Ефимовых, я однажды случайно открыл дверь в маленькую комнату, служившую ему кабинетом. На столе, на полках, на полу — буквально везде — лежали стопки старых газет и журналов, газетных вырезок, рукописных и машинописных материалов... Это был просто клад ценной информации и первоисточников для исследователя истории Гражданской войны в России. То, что я увидел в его кабинете, было для меня подтверждением того факта, что полковник Ефимов составлял подробную хронику, летопись Белого движения. Его книга «Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 гг.» (Конкорд, Калифорния, 1975), изданная посмертно, является значительным вкладом в историю Гражданской войны. Работая над своей книгой «Упущенные возможности. Гражданская война в Восточно-Европейской части России и в Сибири» (М., 2006), я много раз обращался к воспоминаниям А. Г. Ефимова, а также к его материалам в архиве Гуверовского института при Стенфордском университете.

Это была для меня большая честь — быть лично знакомым с полковником Ефимовым. Вечная тебе память, Авенир!

Сергей Павлович Петров
Лос-Гатос, Калифорния, ноябрь 2012 г.

---

* Ген. Ф. А. Пучков был председателем ОРВВВ в 1946–1953 гг., ген. П. П. Петров — в 1953–1962 гг. — *Прим. сост.*

КОММЕНТАРИИ

Составитель д. и. н. С. В. Волков,
отдельные комментарии подготовлены Л. Ю. Тремсиной
(с пометкой <Л. Т.>)

Сокращения: АВУ — Александровское военное училище, АГШ — Николаевская академия Генерального штаба, ВГ — военная гимназия, ВГК — Верховный Главнокомандующий, ВО — военный округ, ВУ — военное училище, КАУ — Константиновское артиллерийское училище, КВУ — Константиновское военное училище, КК — кадетский корпус, КЮУ — казачье юнкерское училище, МАА — Михайловская артиллерийская академия, МАУ — Михайловское артиллерийское училище, НИА — Николаевская инженерная академия, НИУ — Николаевское инженерное училище, НКУ — Николаевское кавалерийское училище, ПК — Пажеский корпус, ПЮУ — пехотное юнкерское училище, ШП — Школа прапорщиков. ОРВВВ — Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, ССРАФ — Союз служивших в Российских Армии и Флоте (Шанхай), ПРЭ — Представительство Русской эмиграции (США).

[1] **Общество русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ)** было образовано в Сан-Франциско в мае 1924 г. на основе созданного в начале того же года Кружка артиллеристов. В 1924–1945 гг. председателем Общества был генерал барон А. П. Будберг. Журнал «Вестник Общества русских ветеранов Великой войны» издавался с мая 1926 г.

[2] **Рузский Николай Владимирович**, р. 6 мар. 1854. Обр.: 1-я Санкт-Петербургская ВГ 1870, КВУ 1872, АГШ 1881. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1882, полковник с 1885, генерал-майор с 1896, генерал-лейтенант с 1903, генерал от инфантерии с 1909. С 1887 нач. штаба 11-й кав. дивизии, с 1891 нач. штаба 32-й пехотной дивизии, с 1896 командир 151-го пех. полка, с дек. 1896 ген.-кварт. Киевского ВО, с 1904 нач. штаба Виленского ВО, затем нач. штаба 2-й Маньчжурской армии, с 1909 командир 21-го арм. корпуса, с 1910 член Военного Совета, с 1912 пом. командующего войсками Киевского ВО, с 19 июля 1914 командующий 3-й армией, с 3 сен. 1914 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 13 мар. 1915 член Гос. Совета (с 20 мая — также Военного Совета), с 30 июня 1915 командующий 6-й армией, с 18 авг. по 6 дек. 1915 и с 1 авг. 1916 по 25 апр. 1917 главнокомандующий армиями Северного фронта, затем в отставке. Генерал-адъютант (1914). Убит большевиками 18–19 окт. 1918 в Пятигорске.

[3] Самокат — устаревшее название велосипеда.

[4] **Балкашин Иван Николаевич.** Офицер л.-гв. Измайловского полка. Полковник (с 1917), командир Запасного самокатного батальона. Убит во время Февральской революции 1917 в Петрограде.

[5] **Левитский (Левицкий) Евгений Львович,** р. 4 фев. 1897. Обр.: Уфимская гимназия, Ташкентское ВУ 1915, офицерские кавалерийские курсы. С мая 1915 в распоряж. штаба Иркутского ВО. Нач. команды конных разведчиков 35-го Сибирского стр. полка, затем мл. офицер самокатных частей. В 1917 штабс-капитан. Уволен в мар. 1918. С авг. 1918 в Народной Армии, мл. офицер 1-го эскадрона 4-го Уфимского кав. полка. Подполковник (апр. 1920), в 1922 командир отд. кон. дивизиона. В эмиграции в США. Член ОРВВВ. Ум. 30 мар. 1975.

[6] **Сулькевич Матвей (Сулейман) Александрович,** р. 20 июля 1865. Обр.: Воронежский КК 1883, МАУ 1886, АГШ 1894. Офицер 6-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1894, подполковник с 1899, полковник с 1903, генерал-майор с 1910, генерал-лейтенант с 1917. С 1903 нач. штаба 15-й пех. дивизии, с 1905 командир 57-го пех. полка, с 1910 штаб-офицер для поручений при начальнике Генерального штаба, с окт. 1910 ген.-кварт. Иркутского ВО, с 1912 нач. штаба 7-го, а с 1914 — 11-го арм. корпуса, с 26 фев. 1915 начальник 33-й пех. дивизии, с 27 фев. 1917 командир 37-го арм. корпуса, с 20 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Двинского ВО, с 7 окт. 1917 на прежней должности. В июне–нояб. 1918 премьер и министр внутренних дел Крымского краевого правительства. В июле–авг. 1919 в азербайджанской армии. Расстрелян большевиками 1920 в Баку.

[7] **Колянковский Эдуард Аркадьевич**, р. 13 окт. 1856. Обр.: 1-я Московская ВГ 1874, АВУ 1876, НИУ 1877, АГШ. Офицер 3-го рез. сапёрного батальона. Капитан с 1884, подполковник с 1893, полковник с 1897, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1914. С 1896 штаб-офицер для поручений при инженерном управлении Санкт-Петербургского ВО, с 1905 пом. инспектора инженеров 3-й Маньчжурской армии, с 1906 командир 1-й бригады 17-й пех. дивизии, с 1 янв. 1916 начальник 120-й пех. дивизии. Мобилизован большевиками.

[8] Один из высших российских орденов, введённый в наградную систему в 1831 г. (до 1815 давался только уроженцам Польши). Знак ордена представлял собой красный крест с белой каймой и раздвоёнными концами и белым орлом, наложенным на двуглавого российского гербового орла с большой императорской короной наверху. Носился на ленте синего цвета. Степеней не имел. По значению следовал после ордена Александра Невского. Орден статута не имел и жаловался по усмотрению монарха.

[9] **Беловский Алексей Петрович**, р. 14 фев. 1874. Обр.: Костромское реальное училище 1893, Виленское ПЮУ (офицером с 1897), АГШ 1906. Офицер 103-го пех. полка. Полковник, начальник штаба 14-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 25 сен. 1918 начальник штаба Приамурского ВО, с 1 июля 1919 начальник канцелярии и помощник управляющего военным министерством, с 26 окт. 1919 и. д. генерала для поручений при начальнике штаба Восточного фронта. Генерал-майор (с 13 июля 1919). Взят в плен. В конце 1921 на особом учёте в Западно-Сибирском ВО.

[10] **Барон Будберг Алексей Павлович**, р. 21 мая 1869 в Лифляндской губ. Из дворян той же губ. Обр.: Орловский КК 1886, МАУ 1889, АГШ 1895. Офицер л.-гв. 3-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1895, подполковник с 1899, полковник с 1904, генерал-майор с 1910, генерал-лейтенант с 1916. Участник китайской кампании 1900–1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1902 нач. штаба Владивостокской крепости, с 1913 ген.-кварт. штаба Приамурского ВО, с 15 авг. 1914 генерал-квартирмейстер, а с 23 дек. — нач. штаба 10-й армии, с 13 фев. 1915 генерал для поручений при командующем 1-й армией, с 19 авг. 1915 начальник 40-й, а с 21 окт. 1915 — 70-й пех. дивизии, с 22 апр. 1917 командир 14-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта в распоряжении начальника штаба ВГК, с 3 мая 1919 главный начальник снабжений и инспекций при ВГК, с 23 мая 1919 помощник начальника штаба ВГК и военного министра с правами военного министра по управлению военным министерством, с 27 авг. 1919 и. д. военного министра, с 5 окт. 1919 в распоряжении ВГК, с 19 нояб. 1919 начальник штаба Приамурского ВО. В эмиграции с 1921 в Сан-Франциско, начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель ОРВВВ. Автор воспоминаний. Ум. 14 дек. 1945 в Сан-Франциско.

[11] **Авксентьев Николай Дмитриевич**, р. 29 нояб. 1878 в Пензе. Из дворян. Обр.: Московский университет (не окончил). Эсер, член ЦК партии. 1917 член Исполкома Петроградского Совета, с 24 июля 1917 министр внутренних дел Временного правительства. Осенью 1918 член Уфимской директории (до 2 сентября). 1918–1919 член «Союза возрождения». В эмиграции 1920–21 член Земгора (Российского земско-городского комитета помощи беженцам). В эмиграции во Франции, с 1940 в США. Ум. 4 мар. 1943 в Нью-Йорке.

[12] **Зензинов Владимир Михайлович**, р. 29 нояб. 1880 в Москве. Эсер, член ЦК партии. 1917 член Исполкома Петроградского Совета, в июне 1917 — член ВЦИК от партии эсеров, в сен. 1917 избран членом Предпарламента. Член Учредительного Собрания. 1918 член Комуча и Уфимской директории. В эмиграции в США. Ум. 20 окт. 1953 в Нью-Йорке.

[13] **Чернов Виктор Михайлович**, р. 19 нояб. 1873 в Камышине. Из дворян. Обр.: гимназия, Московский университет 1894. Лидер партии эсеров. С 5 мая по 26 авг. 1917 министр земледелия Временного правительства. В окт. 1917 организатор Комитета спасения Родины и Революции. Председатель Учредительного Собрания. С сен. 1918 член Комуча. В эмиграции в США. Ум. 15 апр. 1952 в Нью-Йорке.

[14] **Вольский Владимир Казимирович**, р. 23 июня 1877 в Тамбове. Из дворян, сын присяжного поверенного. Обр.: Тамбовская гимназия 1895, Московский университет (не окончил). С 1903 член партии эсеров. 1917 председатель Тверского губернского комитета партии, с июля — председатель губернской земской управы. 1918 председатель президиума Комуча. В фев. 1919 во главе уфимской делегации партии заключил соглашение с большевиками. За призыв к поддержке большевиков исключён из

партии. Остался в СССР. 1922 подвергнут заключению на 3 года, в 1925 выслан в Кировский край. Расстрелян 4 окт. 1937.

[15] **Фон Гинденбург Пауль**, р. 2 окт. 1847. Фельдмаршал, в годы Первой мировой войны командовал 8-й и 9-й армиями, затем главнокомандующий на Восточном фронте, с 1916 начальник Полевого Генерального штаба. 1925–1934 президент Германии. Ум. 2 авг. 1934.

[16] **Сыровы (Сыровой) Ян**, р. 24 янв. 1888 в Тршебиче, Моравия. Сын ремесленника. Офицер австрийской армии (с 1906). Поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 командир Северо-Западной группы, полковник, с 29 авг. 1918 командир Чехословацкого корпуса, с 2 окт. 1918 до 4 фев. 1919 командующий войсками Западного фронта. Генерал-майор (с 29 авг. 1918). В Чехословакии 1920–1924 командующий военным округом, с 1924 заместитель, а с 1925 по 1933 начальник Генерального штаба, 1933–1938 генеральный инспектор армии, с 22 сен. по 1 дек. 1938 премьер-министр. Арестован 1945, 1947 осуждён к 20 годам заключения (освобождён 1960). Ум. 17 окт. 1970 в Праге.

[17] Ныне г. Новосибирск (с 1926).

[18] **Пепеляев Виктор Николаевич**, р. 1884 в Томске. Обр.: Томский университет 1909. Преподаватель гимназии. Член Государственной Думы (кадет), 1917 комиссар в Кронштадте. 1917–1918 в Национальном центре в Москве и Петрограде. В белых войсках Восточного фронта с авг. 1918; с лета 1918 в Сибири, организатор переворота 18 нояб. 1918, директор департамента милиции, товарищ министра и министр внутренних дел правительства Колчака, с 23 нояб. 1919 премьер-министр. Расстрелян 7 фев. 1920 в Иркутске.

[19] **Юрьев Георгий Николаевич**. Из дворян Киевской губ. Обр.: МАУ. Штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; один из руководителей Воткинского восстания, авг. 1918 командир Воткинского отряда, затем командующий Сводной Воткинской дивизией, с 2 сен. 1918 начальник штаба частей Народной Армии Воткинского района, с 23 окт. 1918 командующий армиями Прикамского района, с 3 до 11 янв. 1919 и с мар. до окт. 1919 начальник 15-й Воткинской стрелковой дивизии, затем помощник начальника дивизии Морских стрелков. Орден Св. Георгия 4-й ст. Полковник (с янв. 1919). Взят в плен в конце 1919 в районе ст. Кемчуг. Расстрелян большевиками ок. 12 июня 1920 в Ачинске.

[20] **Молчанов Викторин Михайлович**, р. 23 янв. 1886 в Чистополе. Сын чиновника. Обр.: Елабужское реальное училище, Алексеевское ВУ 1906. Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в авг. 1918 руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооружённых повстанцев), позже переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С 20 янв. 1919 полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник

Ижевской дивизии, с мар. 1920 командир 3-го стрелкового корпуса, с авг. 1922 командир Поволжской группы. Генерал-майор (с мар.–апр. 1919). С 1923 в эмиграции в США. Ум. 10 янв. 1975 в Сан-Франциско.

[21] **Ханжин Михаил Васильевич**, р. 17 окт. 1871 в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. МТАУ 1893, МАА, Офицерская артиллерийская школа 1903. Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. В белых войсках Восточного фронта; 1918 участник восстания на Урале. 8 июля — 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, 24 дек. 1918 — 20 июня 1919 командующий Западной армией, 6 окт. 1919 — янв. 1920 военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апр. 1919). В эмиграции в Китае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», в 1928–1930 начальник Дальневосточного отдела РОВС. Член Общества офицеров-артиллеристов. В 1945 арестован и вывезен в СССР, до 1956 в лагерях. Ум. 30 дек. 1961 в Джамбуле.

[22] **Каппель Владимир Оскарович**, р. 16 апр. 1883 в Белёве. Из дворян, сын офицера. Обр.: 2-й КК 1901, НКУ 1903, АГШ 1913. Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пех. дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 во главе отряда особого назначения Народной Армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), с 25 июля 1918 командир Стрелковой бригады особого назначения, полковник, с 20 авг. 1918 возглавлял объединённые Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 24 сен. 1918 командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 17 мар. 1919 — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 — Волжской группы 3-й армии, с 4 нояб. 1919 командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 11 дек. 1919 Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант (с 4 нояб. 1919). Ум. 26 янв. 1920 у раз. Утай.

[23] **Редько Михаил Ефимович**, р. 14 мар. 1872 в Томской губ. Сын коллежского асессора. Обр.: Сибирский КК 1889, КВУ 1891, НИА 1901. Офицер 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона. Военный инженер. Полковник, командир бригады 117-й пех. дивизии. В белых войсках Восточного фронта; янв. 1919 инспектор инженерной части Приамурского ВО, с 23 апр. 1919 генерал для поручений Главного инженерного управления, в июле 1919 командир отряда Северной группы 2-й армии, с 28 июля 1919 генерал для поручений при ВГК, с 23 авг. 1919 начальник резерва главнокомандующего Восточным фронтом, с 15 сен. 1919 командующий Тобольской группой войск. Генерал-майор (21 янв. 1919). Участник Сибирского Ледяного похода; с 6 нояб. 1920 в резерве чинов при штабе сухопутных и морских сил Временного правительства Дальнего Востока, на 6 июля 1921 генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства.

[24] **Блюхер Василий Константинович** (р. 1890; впоследствии маршал Советского Союза, расстрелян 1938) командовал 51-й стрелковой дивизией

с августа 1919 по май 1921 г. До назначения на эту должность был (с фев. 1919) помощником командующего 3-й армией и начальником Вятского укреплённого района.

[25] Сведения об обстоятельствах гибели полк. Г. Н. Юрьева были выявлены коллегами из Ижевска С. А. Жилиным и Е. И. Кудрик. Ими обнаружена заметка «Смерть негодяям» из газеты «Дело революции» (Новониколаевск) № 116 от 12 июня 1920 г.: *«Согласно постановления Губчека в Ачинске расстреляны колчаковцы: <...> бывш. полковник Юрьев Георг. Ник. за то, что он, состоя начальником воинской* (так в тексте. — *Сост.*) *дивизии, проявлял жестокость и расстреливал арестованных сторонников Советской власти; по его приказу было расстреляно несколько сот арестованных, содержащихся на баржах на Каме при отступлении белых банд из Воткинска»*. Впервые информация об этой находке была опубликована в статье: *Жилин С. А.* Дивизии уходят всё дальше на восток... // Удмуртская правда, 16 ноября 2007 г. *<Л. Т.>*

[26] Ныне г. Кемерово (с 1932).

[27] **Кригер Ян Янович**. Обр.: Чугуевское ВУ 1905. Офицер 90-го пех. полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; дек. 1919 командир запасного батальона Воткинской дивизии. Убит 25 дек. 1919 у д. Дмитриевка.

[28] **Зиневич Бронислав Михайлович**, р. 6 апр. 1874 в Оренбурге. Из мещан Оренбургской губ. В службе с 1891, офицером с 1896. Казанское ПЮУ, АГШ. Офицер Балашовского резервного батальона. Полковник, командир 534-го пех. полка. В белых войсках Восточного фронта; с 20 июня 1918 командир 1-го Енисейского стрелкового полка, с 26 июля 1918 начальник 2-й Сводной стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса, с 26 авг. 1918 — 1-й Сибирской стр. дивизии, 1919 в Иркутском военном училище, с 28 апр. 1919 начальник штаба, а с 14 июля 1919 командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса. Генерал-майор (31 окт. 1918). В дек. 1919 возглавил мятеж в Красноярске и перешёл к красным. Весной 1921 в Омском ГВК. Расстрелян красными.

[29] **Михайлов Дмитрий Михайлович**, р. 1888 в Мариямполе Сувалкской губ. Обр.: Виленское ВУ 1914. Поручик, командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; участник Ижевского восстания, янв. 1919 — июль 1920 командир 1-го Ижевского стрелкового полка в Сибирской армии, авг.–окт. 1919 капитан. Полковник (1920). В эмиграции в Китае (Харбин), 1928 в китайской армии, после 1963 в Аргентине, после 1974 в Бразилии. Ум. 8 мая 1979 в Сан-Паулу (Бразилия).

[30] **Круглевский Александр Владимирович**, р. 10 апр. 1891 в Воронеже. Из дворян. Обр.: Воронежский КК 1908, Павловское ВУ 1910. Капитан, начальник команды конных разведчиков л.-гв. 2-го стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; 1918 руководил арестом членов Учредительного Собрания, формировал 1-й Уральский кадровый стрелковый полк

(затем 41-й Уральский стр. полк), с окт. 1918 и на 27 апр. 1919 полковник, командир того же полка; летом–осенью 1919 начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой 2-й армии (вывел остатки дивизии из-под Красноярска в Читу); фев.–мар. 1920 начальник Уральской дивизии, с мар. 1920 начальник 1-й сводной стрелковой дивизии. Генерал-майор (18 мая 1919). Убит 23 окт. 1920 на ст. Даурия.

[31] **Барышников Семён Нилович**, р. 12 фев. 1880 в с. Сокур Саратовского уезда. Из крестьян. Обр.: Казанское ПЮУ 1905, АГШ 1914. Офицер 111-го пех. полка. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; окт. 1918 начальник штаба отряда Каппеля, в начале 1919 начальник штаба Волжского корпуса, с 22 июля 1919 начальник штаба Волжской группы войск. Участник Сибирского Ледяного похода, с 4 нояб. 1919 начальник штаба 3-й армии, дек. 1919 врио командующего 3-й армией, с фев. по июнь 1920 в Забайкалье начальник штаба 3-го корпуса. Генерал-майор (с 7 июля 1919). В эмиграции в Китае. Ум. ок. 4 окт. 1933 в Харбине.

[32] **Вержбицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 янв. 1875. Из мещан г. Летичева. Обр.: Каменец-Подольская гимназия (не окончил) 1892, Одесское ПЮУ 1897. Офицер 30-го пех. полка. Подполковник, командир бригады 134-й пех. дивизии. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пех. дивизии, был приговорён за неповиновение к смертной казни, но, спасённый солдатами, уехал в Омск 8 дек. 1917 года. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 генерал-майор, затем начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. По очищении района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобождённых районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом, с 12 янв. 1919 командующий 3-м Степным Сибирским армейским корпусом, с 10 апр., на 26 июня 1919 командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода: начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с янв. 1920 командующий 2-й армией, с 25 мар. 1920 командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 авг. 1920 командующий Дальневосточной армией, командующий Вооружёнными силами Приморской области, с 31 мая 1921 командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 окт. 1921 одновременно управляющий Военным и Морским ведомством, в дек. 1921 — июне 1922 Главнокомандующий Дальневосточной армией, с 8 авг. 1922 помощник воеводы Земской рати. Генерал-лейтенант (с 31 янв. 1919). В эмиграции в Китае; с 1930 помощник нач. Дальневосточного отдела РОВС, 1932 нач. отделения РОВС в Харбине, с 1936 — Тяньцзинского отделения РОВС. Ум. 20 дек. 1942 в Тяньцзине.

[33] **Макри Иван Георгиевич**, р. 10 июля 1884 в Измаиле. Обр.: Аккерманская гимназия 1903, Тверское кавалерийское училище 1906. Офицер 11-го драгунского полка. Ротмистр Отдельного корпуса жандармов. До дек. 1918 в Южной Армии, затем в Греции. В белых войсках Восточного фронта; 1919 начальник политического розыска (с 1918 подполковник, с 1919 полковник), командир частей особого назначения 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 начальник отряда, выделенного для взятия Красноярска. Генерал-майор (с 8 дек. 1919). В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 19 мар. 1927 в Париже.

[34] **Филимонов Борис Борисович**, р. 15 янв. 1901 в Иркутске. Сын генерал-майора. Обр.: Псковский КК 1918. В белых войсках Восточного фронта; с авг. 1918 доброволец Казанского артиллерийского дивизиона, участник защиты Казани, затем унтер-офицер 1-го артиллерийского технического училища. 1919 юнкер 1-го артиллерийского училища во Владивостоке, 1920 в Гродековской группе войск в Приморье и в батарее 1-й стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Поручик. В эмиграции в Китае (Шанхай), к 1 сен. 1928 член артиллерийской секции ССРАФ в Шанхае, к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов. Покончил самоубийством 12 июля 1952 на о. Тубабао (Филиппины). Автор капитальных трудов по истории белой борьбы на Востоке России.

[35] **Попков**. Поручик. Участник Ижевского восстания. В белых войсках Восточного фронта; авг. 1918 адъютант командира Ижевской армии, к нояб. 1919 в Ижевской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. 1920 в составе Ижевского полка 1-й Сводной дивизии. Подполковник. Убит 20 нояб. 1920 у ст. Даурия.

[36] Автор статьи, полк. А. Г. Ефимов.

[37] Ген. Круглевский был похоронен у стены Свято-Богородицкой Иверской («Офицерской») церкви в Харбине. *<Л. Т.>*

[38] **Дальневосточная республика** была создана большевиками 6 апр. 1920 г. как буферное образование с целью избежать невыгодного для них открытого конфликта с Японией. Правительство ДВР возглавил коммунист А. М. Краснощёков. 14 мая ДВР была официально признана РСФСР. Власть её формально распространялась на территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей (столица – Чита), однако образованное в Приморье правительство **Приморской областной земской управы** (контролировавшее, кроме Приморья, Сахалинскую, Камчатскую, часть Амурской области и территорию КВЖД), не признавало власти ДВР, пока в декабре 1920 г. не было сменено **Приморским областным управлением** во главе с коммунистом В. Г. Антоновым.

[39] **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 1883. Из дворян Саратовской губ. Обр.: Сибирский КК 1900, МАУ 1903, АГШ 1911. Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с дек. 1917, на 30 дек. 1917 нач. штаба 1-го отряда армии. В фев. 1918 направлен в Сибирь (в янв. 1918 через Москву или в марте 1918 с отрядом через степи

на Волгу), с 1 июля 1918 в Сибирском центре (утв. 2 фев. 1919 в резерв армии). В белых войсках Восточного фронта; с 21 нояб. 1918 нач. штаба ВГК, с 6 янв. 1919 генерал-майор, 23 мая — 12 авг. 1919 также и военный министр. 9 авг. — 16 нояб. 1919 командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. В окт. 1922 нач. вооружённых сил Владивостока, до эвакуации Приморья в составе Урало-Егерского отряда. В дек. 1922 — весной 1923 при Управлении по устройству беженцев, русский представитель в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, к 1928 в Шанхае, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», на 1 сен. 1928 член секции Генерального штаба ССРАФ в Шанхае, основатель газеты «Русская Мысль». Ум. 6 мар. 1928 в Шанхае.

[40] Ныне г. Уссурийск (с 1957) в Приморском крае.

[41] Ныне пос. Пограничный (с 1958) в Приморском крае.

[42] Имеется в виду совокупность различных Владивостокских политических организаций правого и центристского толка, на которые в дальнейшем опиралось правительство Меркуловых.

[43] **Глудкин Пётр Ефимович**. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 формировал в Омске Егерский батальон охраны Ставки, 1919–20 командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник Егерской дивизии, с мар. 1920 командир Егерского полка, с весны до осени 1921 командир 1-й стрелковой бригады. Перешёл из 3-го корпуса в Гродековскую группу, затем командир Отдельной стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 в Никольске-Уссурийском.

[44] Семья Янковских принадлежала к числу первых русских поселенцев Приморья. **М. И. Янковским** (1842–1912) был создан на полуострове Сидеми (Сидими) близ Владивостока небольшой посёлок, до революции служивший базой для охотничьих экспедиций.

[45] **Смолин Иннокентий Семёнович**, р. 1 янв. 1881 в Якутске. Из мещан Якутской обл. Обр.: Иркутское ВУ 1905. Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стр. полка, помощник командира 3-го Финляндского стр. полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 возглавлял подпольную организацию в районе Туриинска, с 20 июня 1918 командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 полковник, с 31 июля командир 15-го Курганского стр. полка, особой колонны из нескольких полков, с 6 янв. 1919 начальник 4-й Степной Сибирской стр. дивизии, с мая 1919 также командир 3-го Степного армейского корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода, с 27 янв. 1920 генерал-майор, командующий Южной группой войск, на 16 июня 1920 начальник Омской стр. бригады, с 23 авг. 1920 командир 2-го стр. корпуса Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 также начальник гарнизона Никольск-Уссурийского, с авг. 1922 командир Сибирской группы. Генерал-лейтенант (с 23 авг. 1920). В эмиграции в Китае, 1930–1932 в Циндао, к 1933 в Шанхае. К 1940 на Таити. Ум. 23 мар. 1973 в Папеэте (Таити).

[46] Имеется в виду атака 3-го батальона 1-го Ижевского полка во главе с прапорщиком (затем поручиком) Н. Ложкиным.

[47] **Меркулов Николай Дионисьевич** (1869–1945). В 1921–1922 военный министр Временного Приамурского правительства, с авг. 1922 министр иностранных дел. В эмиграции в Китае, советник маршала Чжан Цзунчана; к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича».

[48] **Ростовцев Борис Петрович**. Произведён в офицеры за боевое отличие 1914. Офицер 319-го пех. полка. Поручик. В июне 1918 мобилизован большевиками в Уральском военном округе. В белых войсках Восточного фронта; командир бронепоездного дивизиона, капитан. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 сен. 1920 в дивизии броневых Атамана Семёнова поездов; с 13 июня 1921 начальник военных сообщений войск Временного Приамурского правительства, с 25 мар. 1922 командир Отдельной железнодорожной бригады, к нояб. 1922 командир железнодорожного полка. Полковник. В эмиграции с 1922 в Китае, с 1923 в Австралии.

[49] **Буйвид Владимир В.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 14 нояб. 1918 командир роты Читинского военного училища, с конца 1920 командир Отдельной Маньчжурской дивизии, летом 1921 командир Отдельной стрелковой бригады в Гродеково, Сводно-стрелковой бригады, 1921 семёновец, командир конной бригады Гродековской группы, дек. 1921 отстранён, с июня 1922 снова в армии, авг. 1922 командир Пластунской дружины (б. 1-й Пластунский полк). Убит 13 окт. 1922 у с. Монастырище.

[50] **Соловьёв Алексей Васильевич**, р. 1884. Морской корпус 1906 (офицером с 1907). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; 5 нояб. 1918 — авг. 1919 на Амурской флотилии; получил назначение по Сибирской флотилии после 4–5 апр. 1920; на 20 июля 1920 командир эскадренного миноносца «Точный», в мае 1921 капитан 2-го ранга, начальник десантного отряда, взявшего Владивосток, затем до 18 июня 1921 командующий Сибирской флотилией, затем начальник 3-го дивизиона Сибирской флотилии. Капитан 1-го ранга. При эвакуации командир того же дивизиона в походе от Гензана до Шанхая — на вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов». Погиб на том же корабле 4 дек. 1922 в Восточно-Китайском море.

[51] В результате переворота во Владивостоке 26 мая 1921 г. была установлена власть Временного Приамурского правительства во главе с С. Д. Меркуловым.

[52] Ныне г. Партизанск (с 1972) в Приморском крае.

[53] Ныне г. Спасск-Дальний (с 1929) в Приморском крае.

[54] Устройство для печати литературы небольшими тиражами.

[55] **Баев Василий**. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; до фев. 1919 начальник штаба Ижевской бригады, авг. 1922 начальник штаба Ижевско-Воткинской бригады. Полковник. В эмиграции в Китае.

[56] Речь идёт о взятии в начале 1920 г. красным партизанским отрядом Тряпицына Николаевска-на-Амуре, после чего город был подвергнут

разгрому и значительная часть его населения уничтожена. Эти события подробно освещены в выпущенной вскоре книге: *Эч В.* Исчезнувший город (трагедия Николаевска-на-Амуре). Владивосток, 1920.

[57] Имеется в виду так называемое Приморское областное управление, сменившее в декабре 1920 г. Временное правительство Приморской областной земской управы. Во главе его был В. Г. Антонов.

[58] **Цветков Алексей Петрович**, р. 9 сен. 1896 в Костроме. Обр.: Костромское реальное училище, КАУ 1915. Офицер 24-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта с янв. 1918 в батарее на ст. Эхо; окончил академию Генштаба в Томске, затем старший адъютант и начальник штаба Ижевской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с 1920 помощник начальника оперативного отдела штаба Дальневосточной армии. Полковник. В эмиграции в Китае, с 1923 в США. Инженер. Член ОРВВВ. Ум. 18 авг. 1937 в Нью-Йорке.

[59] Имеются в виду чины бывшего 1-го Волжского армейского корпуса В. О. Каппеля. По приходе в Забайкалье остатки корпуса были сведены в Отдельную Волжскую бригаду, которая в Приморье свернулась в 1-й Волжский стрелковый имени генерала Каппеля полк.

[60] **Фон Вах Борис Эммануилович**, р. 10 мая 1888 в Петергофе. Обр.: Елисаветградское кавалерийское училище 1914. Офицер 3-го гусарского полка. Ротмистр 1-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта (перешёл от красных); с февраля 1919 в Воткинской дивизии, на 9 мая 1919 начальник штаба 15-й Воткинской стрелковой дивизии, летом 1919 начальник той же дивизии (янв. 1920 подполковник). Участник Сибирского Ледяного похода, провёл дивизию через Сибирь, и в Чите командовал ею, по переформировании её в «Воткинский стрелковый отряд», затем командир Воткинского полка в Дальневосточной армии до осени 1922. Полковник. В эмиграции в Китае (в Гирине), с 1923 в США (Сан-Франциско). В 1930–1932 член Объединения офицеров Генерального штаба в Сан-Франциско. До 1933 член ОРВВВ. Ум. 26 июня 1958 в Сидарвилле (Калифорния).

[61] **Болдырев Василий Георгиевич**, р. 5 апр.1875 в Сызрани. Из крестьян. Обр.: Военно-топографическое училище 1895, АГШ 1903. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. В дек. 1917 — мае 1918 в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 4 сен. по 21 нояб. 1918 верховный главнокомандующий войсками Уфимской Директории, затем командирован в Японию, весной 1920 вернулся во Владивосток, с 23 мар. 1920 председатель комиссии при военном совете по разработке военных и военно-морских законопроектов сухопутных и морских сил временного правительства Приморской областной земской управы, член правительства ДВР, 7 апр. — 12 дек. 1920 командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, на 7 окт. 1921 экстраординарный профессор академии Генштаба. Остался во Владивостоке, окт. 1922 арестован, летом 1923 освобождён и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 авг. 1933.

[62] Имеется в виду **В. А. Виноградов**, член ЦК Партии Народной Свободы (кадетов).

[63] Чины Камского стрелкового полка, сформированного в составе Дальневосточной армии весной 1920 в Чите из 8-й Камской стр. дивизии.

[64] Чины Уфимского стр. полка, сформированного в составе Дальневосточной армии весной 1920 в Чите из 4-й Уфимской стрелковой дивизии.

[65] Чины Уральского стр. полка, сформированного весной 1920 в Забайкалье из остатков 11-й Уральской стрелковой дивизии. В Приморье полк вместе с Егерским полком входил в 1-ю стрелковую бригаду в составе Гродековской группы войск.

[66] Чины Егерского полка, сформированного летом 1919 в Омске подполк. П. Е. Глудкиным как Егерский батальон охраны Ставки ВГК. В Приморье полк вместе с Уральским полком входил в 1-ю стрелковую бригаду в составе Гродековской группы войск.

[67] **Сахаров Николай Павлович**, р. 18 авг. 1893 в Муроме. Из дворян Владимирской губ. Обр.: Муромское реальное училище 1911. Прапорщик запаса 1912, студент Московского сельскохозяйственного института. Подполковник 9-го пех. полка. Член Союза защиты Родины и Свободы. Летом 1918 командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии (Муром). Руководитель восстания в Муроме 8–9 июля 1918. В белых войсках Восточного фронта; начальник Арского боевого участка Казани, с лета 1918 полковник, затем командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стр. полка, затем начальник Волжской дивизии; в начале 1919 начальник Симбирской стрелковой дивизии, с сен. 1919 пом. начальника 1-й Самарской стр. дивизии, с 6 нояб. 1919 начальник той же дивизии, с дек. 1919 командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с мар. 1920 командир Отдельной Волжской бригады, 1920 генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, затем в прикомандировании к штабу войск Временного Приамурского правительства, с 1 по 13 июня 1921 начальник гарнизона Владивостока, с 29 июня 1921 генерал для поручений при командующем войсками того же правительства, с 25 авг. 1921 командир Поволжской бригады. Участник Хабаровского похода, дек. 1921 начальник колонны (5-го повстанческого отряда), с авг. 1922 снова командир Поволжской бригады, сен.–нояб. 1922 командир Приволжского стрелкового полка. Генерал-майор (10 нояб. 1919). В эмиграции: в 1923–1924 в США, затем в Китае (к 1932 в Шанхае), после 1949 в США. Ум. 30 авг. 1951 в Сан-Франциско.

[68] Братья Меркуловы после переворота 26 мая 1921 г. возглавили Временное Приамурское пр-во во Владивостоке. Спиридон Дионисьевич Меркулов (1874–1957, Сан-Франциско) был главой пр-ва, а Николай Дионисьевич — военный министром (с авг. 1922 — министром ин. дел).

[69] Имеется в виду нижегородский купец Козьма Минин, сыгравший во время Смуты начала XVII в. выдающуюся роль в организации Нижегородского ополчения, освободившего Москву от поляков.

[70] Ныне г. Дальнереченск (с 1972) в Приморском крае.

[71] Имеется в виду Корейская война 1950–1953 гг., возникшая в результате попытки северокорейского коммунистического режима объединить страну под своей властью. На стороне Северной Кореи сражались войска коммунистического Китая, на стороне Южной — американские, английские, австралийские, турецкие части, а также небольшие контингенты других стран, которые выступали под флагом войск ООН (которой было принято решение о противодействии северокорейской агрессии).

[72] **Калмыков Иван Михайлович**. Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20–31 янв. 1918 атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 мар. 1919 командир Уссурийского особого отряда, с 29 авг. 1919 начальник Уссурийской отдельной своего имени бригады, с 1 янв. 1920 — Уссурийской отд. сводной дивизии, с 30 янв. 1920 начальник Уссурийской группы войск (с правами командующего отд. армией). Генерал-майор (1919). Убит ок. 8 сен. 1920 в Китае.

[73] **Блохин Пётр Иванович**, р. 23 сен. 1884 в Омске. Сын чиновника. Иркутское ПЮУ. Войсковой старшина 5-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; член тайной организации и участник восстания в Петропавловске, с 31 мая 1918 начальник штаба Петропавловского военного района, с июня 1918 командир дивизиона, а с 14 июня 1919 помощник командира 2-го Сибирского каз. полка, в мае-июне 1919 командующий тем же полком, с 22 сен. 1918 полковник, затем командир бригады 1-й Сибирской каз. дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. С лета 1921 командир пешего дивизиона Сибирского каз. полка, с 28 июня 1921 командир того же полка, с 23 окт. 1921 начальник Сводноказачьей бригады, зам. атамана Сибирского казачьего войска, летом-осенью 1922 командир Сводной бригады Сибирской каз. группы, на нояб. 1922 командир Сибиро-Енисейско-Забайкальского полка. Генерал-майор (к лету 1921). В эмиграции в Китае, директор русской школы в Хайларе. Арестован 14 сен. 1945, 20 июня 1946 осуждён на 10 лет ИТЛ.

[74] **Карлов Дмитрий Филиппович**. В белых войсках Восточного фронта; командовал батальоном во 2-м Самарском стрелковом полку, в мае 1921 помощник командира 1-го Волжского стрелкового полка; дек. 1921 командир конного отряда. Полковник. В эмиграции в Китае, 1925–1928 начальник штаба Русской дивизии в армии Чжан Цзолина.

[75] **Торопов Афанасий Иванович**. Обр.: Казанское ВУ 1917. Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; с 6 авг. 1918 (на сен. 1919) в 16-м Ишимском Сибирском стрелковом полку, с 28 мар. 1919 нач. команды конных разведчиков; дек. 1921 капитан, командир эскадрона Омского полка, янв. 1922 командир конного партизанского отряда Дальневосточной армии. Подполковник (с 19 дек. 1921). К 1931 в эмиграции в США. Ум. в 1975.

[76] Речь идёт о расправе красных партизан (из которых фактически состояли вооружённые силы «розового» правительства — Приморской областной земской управы) с чинами бывших белых формирований,

которые после падения белой власти в Приморье были арестованы и содержались в тюрьмах. Основная часть жертв была вывезена в Хабаровск из Никольск-Уссурийского, убита была также и партия арестованных, взятая в г. Имане. Часть их перебили 9 апреля 1920 г. на станции Верино, а другую часть привели на мост через реку Хор, где уничтожили 9 и 20 апреля 1920 г. Помимо чинов Конно-Егерского полка под команд. полк. Враштиля, там погибли солдаты и офицеры 3-го Забайкальского казачьего полка, гаубичной батареи, 2-й батареи, 33-го и 34-го Сибирских стрелковых полков и инженерного батальона (всего более 130 чел.).

Враштиль (Враштель) Виктор Владимирович, р. 30 окт. 1885. Обр.: Виленское ПЮУ 1907. Ротмистр 2-го Заамурского пограничного конного полка. В белых войсках Восточного фронта; 20 дек. 1917 приступил к формированию эскадронов в Харбине, с 4 мар. 1918 командир дивизиона пехотных войск, с 4 июля 1918, к 17 фев. 1919 командир Конно-Егерского полка в Приморье (в Никольск-Уссурийском), с 25 сен. 1918 подполковник. Полковник (с 18 окт. 1918). Взят в плен 28 янв. 1920 у ст. Полтавки; после переворота 31 янв. 1920 вывезен из Никольск-Уссурийского и убит 9–20 апр. 1920 на мосту р. Хор под Хабаровском.

[77] **Головин Николай Николаевич**, р. 22 фев. 1875 в Москве. Обр.: ПК 1894, АГШ 1900. Офицер л.-гв. Конной артиллерии, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1905, полк. с 1909, ген.-майор с 1915, ген.-лейтенант с 1917. С 1908 профессор АГШ, с 1914 командир 20-го драгунского полка, с 25 июля 1914 — л.-гв. Гродненского гусарского полка, с 3 нояб. 1914 ген.-кварт. 9-й армии, с 24 окт. 1915 нач. штаба 7-й армии, с 17 апр. 1917 и. д. нач. штаба Румынского фронта, с 15 окт. 1917 в расп. ВГК. Автор ряда трудов по тактике. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем в белых войсках Восточного фронта (1918–1920). В эмиграции во Франции. Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже. Военный теоретик и историк. Ум. 10 янв. 1944 в Париже.

В летние месяцы 1930 и 1931 гг. Н. Н. Головин работал в Гуверовской библиотеке войны при Стенфордском университете (США), в это время выступал с докладами в ОРВВВ в Сан-Франциско.

[78] **Сотников Валериан Евгеньевич**. Офицер с 1904–1905. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 сторож отдела Лиги благоустройства Владивостока, 1919 приехал с Дальнего Востока и назначен командиром 29-го Бирского стр. полка, осенью 1920 командир 8-го Камского стр. полка, с лета 1921 командир Камского полка в Дальневосточной армии, с 13 июня 1921 дежурный генерал штаба войск Временного Приамурского правительства, 20 июня 1921 в распоряжении командира 3-го стр. корпуса. Участник Хабаровского похода; дек. 1921 командир Поволжской бригады, авг. 1922 командир Камского полка, сен. 1922 — Камского батальона. В эмиграции в Китае, 1923 в Гирине.

[79] **Турков**. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 31 дек. 1918 заместитель командира Прикамского полка (из трёх Елабужских от-

рядов), 1919 командир 32-го Прикамского стр. полка, мар. 1921 помощник командира Камского стр. полка, дек. 1921 командир 8-го Камского стр. полка. Полковник. Убит 28 дек. 1921 у ст. Ин.

[80] Япония приступила к захвату Маньчжурии в сентябре 1931 г. 9 марта 1932 г. на её территории японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

[81] **Бойко-Павлов (Бойко) Демьян Иванович** (1892–1964), один из руководителей красного партизанского движения на Дальнем Востоке, председ. Военного совета Приамурского ВО (1920).

[82] Имеется в виду образованное в декабре 1920 г. так называемое **Приморское областное управление** во главе с В. Г. Антоновым, которое было ликвидировано в результате переворота во Владивостоке 26 мая 1921 г.

[83] Имеется в виду правительство Гоминьдана во главе с Чан Кайши, столицей которого с 18 апреля 1927 г. был Нанкин.

[84] Имеется в виду **Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД)**, проходившая по территории Маньчжурии (Северо-Вост. Китай) и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 гг.; КВЖД и т. наз. «полоса отчуждения» вдоль неё принадлежали России.

[85] **Аргунов Афиноген Гаврилович**, р. 1886 в Енисейской губ. Обр.: Иркутское ВУ 1908, АГШ. Офицер 100-го пех. полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 начальник штаба 4-й Сибирской стр. дивизии, затем Южной группы, с мар. 1920 нач. Омской стр. дивизии, с весны 1921, по сведении частей 2-го корпуса в бригаду, — командир Сибирской стр. бригады, в дек. 1921 командир 2-го повстанческого отряда (Приморского отряда и колонны) сен. 1922 командир Западно-Сибирского стр. полка (б. 4-го Омского). В эмиграции в Китае. Сотрудник газеты «Время» (в Харбине). Убит 4 окт. 1932 в Харбине.

[86] **Никитин Иван Никитич**, р. 3 янв. 1878 в Твери. Обр.: 1-й КК 1898, Московское ВУ 1900, Офицерская стрелковая школа 1908, АГШ 1914. Капитан, старший адъютант штаба 73-й пех. дивизии. В белых войсках Восточного фронта; 15 июня — 16 авг. 1919 и. д. начальника 5-й Оренбургской стр. дивизии (подполковник, затем полковник), затем — 2-й Сызранской стр. дивизии; с 2 окт. 1919 генерал-майор. С 2 июля 1921 генерал для поручений при войсках Временного Приамурского правительства, в окт. 1921 начальник Отдельного Амурского стр. отряда, с 1 мая 1922 помощник командира 3-го стр. корпуса, сен. 1922 1-й заместитель командующего Поволжской группой. Генерал-лейтенант (с 1922). В эмиграции в Китае, начальник штаба Союза военных. Ум. 19 мар. 1945 в Харбине.

[87] **Черкесс Евгений Владимирович**. Обр.: 2-я Иркутская ШП 1915. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 командир Тарского повстанческого отряда, 1919 в Ижевско-Воткинских частях, затем командир батальона 1-го Добровольческого полка. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале командир 1-го полка Добровольческой бригады, с лета 1920, в дек. 1921 командир 1-го Добровольческого

полка Дальневосточной армии, сен. 1922 командир Пермского батальона (бывшего Сводно-Добровольческого полка). Подполковник (к 9 нояб. 1920). В эмиграции в Китае, в 1923 в Гирине. Член КИАФ и РМО. Затем в Австралии. Ум. 27 янв. 1969 в Сиднее.

[88] **Доможиров Анатолий Григорьевич**, р. 21 нояб. 1887 в Пермской губ. Сын чиновника. В службе с 1903. Обр.: гимназия, Казанское ВУ 1911. Штабс-капитан, адъютант 43-го Сибирского стр. полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 помощник командира 1-го Степного Сибирского стр. полка, на 16 нояб. 1918 пом. командира 13-го Омского Сибирского стр. полка, с мар. 1920 командир Уральского стр. полка. Участник Сибирского Ледяного похода, затем заместитель и нач. штаба Отдельной стр. бригады. Участник выступления 30–31 мар. и 25–26 мая 1921 во Владивостоке и Хабаровского похода, 1921 командир 2-го Уральского стр. полка, с весны, дек. 1921 нач. штаба отряда 1-й стр. бригады, с весны до 2 июня 1922 командир 2-го Уральского стр. полка, с авг. 1922 командир Урало-Егерского полка, затем командир отряда 1-й стр. бригады Земской Рати. Полковник. В дек. 1922 — весной 1923 в составе Урало-Егерского отряда и при Управлении по устройству беженцев в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае (Шанхай), служил в Шанхайском Русском полку (лейтенант). Затем в Австралии. Ум. 20 дек. 1955 в Брисбене.

[89] **Бурмистров Семён Куприянович**, р. 1890. Произведён в офицеры за боевое отличие 1915. Офицер 20-го Туркестанского стрелкового полка. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; на 19 янв. 1919 командир 7-й роты 48-го Туринского стр. полка, затем командир 2-го батальона того же полка, с нояб. 1919 командир 47-го Тагильского стр. полка. Участник Сибирского Ледяного похода, вывел полк в Читу. Капитан. В нояб. 1921 врид командира Уральского стр. полка, дек. 1921 во 2-м Уральском стр. полку. Подполковник. В эмиграции в США. Полковник. Ум. 1985 в Калифорнии.

[90] **Ястребцов (Ястребцев) Михаил Фёдорович**, р. 13 июля 1886 в Москве. Обр.: Алексеевское ВУ 1906. Офицер 42-го пех. полка. В белых войсках Восточного фронта с авг. 1918; командир 40-го Верхнеуслонского Сибирского стр. полка, с 31 июля 1919 помощник начальника 8-й Сибирской стр. дивизии, с 13 сен. 1919 в резерве чинов при штабе Иркутского ВО, с 3 нояб. 1919 в распоряжении начальника штаба Московской группы. Генерал-майор (с 31 июля 1919). Участник Сибирского Ледяного похода, 1920 командир 1-го Волжского стр. полка отдельной Волжской имени ген. Каппеля бригады, с 4 июля 1921 начальник школьно-просветительного отделения Особого отдела штаба войск Приамурского правительства, с 20 янв. 1922 генерал для поручений при управляющем военно-морским ведомством, с 29 янв. 1922 командующий 5-м белоповстанческим отрядом, с 1 апр. 1922 помощник командира Поволжской отдельной стр. бригады. В эмиграции в Китае, к 1923 в Гирине. Ум. 7 июня 1924 в Чаньчуне.

[91] **Сидоманидзе (Сидамонидзе) Георгий (Юрий) Константинович**, р. 26 дек. 1896 в Гори. 1-я Тифлисская ШП 1915. Штабс-капитан 299-го пех.

полка. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 в 1-м Народном полку в Уфе, затем фельдфебель в офицерской роте 13-го Уфимского стр. полка, с 31 авг. 1918 капитан, с 13 авг. 1919 подполковник, с 15 дек. 1919 командир 13-го Уфимского стр. полка. Участник Сибирского Ледяного похода; с 18 мар. 1920 командир 4-го Уфимского стр. полка, с 15 нояб. 1920 начальник 2-й Уфимской дивизии, с которой отошёл в Приморье; в мар. 1921 командир Уфимского стр. полка. Участник Хабаровского похода, в янв. 1922 командир 4-го Уфимского полка, с 12 авг. 1922 командир Уфимской пешей дружины (сен. 1922 Уфимский батальон). Полковник (с 12 мар. 1920). Дважды ранен. 2 нояб. 1922 перешёл с армией в Китай. В эмиграции в Китае, к 1923 в Гирине, командир Русской бригады в частях маршала Чжан Цзолина (ген. Си-Да-Ма), к 1 сен. 1928 член пехотной секции ССРАФ в Шанхае. Ум. 1971 в Сан-Франциско.

[92] **Иличев**. Обр.: КАУ 1915. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1921 командир 3-й Волжской батареи, янв. 1922 командир Волжской батареи, сен. 1922 командир Приволжской батареи. Подполковник.

[93] **Долов Сергей Иванович**. Обр.: 2-я Омская ШП 1917. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; 1919–1920 начальник пулемётной команды Уфимского полка. Капитан. В эмиграции в Китае (в Харбине).

[94] Имеется в виду Временное Приамурское правительство, возглавленное С. Д. Меркуловым.

[95] **Пучков Фёдор Абрамович**, р. 31 мая 1886 в Бузулуке. Обр.: Виленское ПЮУ 1906, АГШ 1914. Подполковник, старший адъютант штаба 57-й пех. дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 начальник штаба войск Народной Армии Уфимской губ., с сен. 1918 начальник штаба 1-й Уфимской стр. дивизии, 4 окт. — 5 дек. 1918, 18 янв. — 1 июля 1919 начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), с 2 июля 1919 начальник 8-й Камской стр. дивизии, участник Сибирского Ледяного похода. К 27 мая 1920 генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 по 18 июня 1921 нач. штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 по 10 авг. 1922 нач. штаба войск Временного Приамурского правительства, Земской рати, с дек. 1921 по 2 янв. 1922 одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (с 14 авг. 1919). В эмиграции в США. Член ОРВВВ, с 1946 его председатель. Ум. 2 фев. 1953 в Сан-Франциско.

[96] **Гампер Владимир Владимирович**, р. в Бердянском у. Обр.: Казанское ВУ 1913. Офицер 44-го Сибирского стр. полка. В белых войсках Восточного фронта; до окт. 1918 командир 1-го батальона 13-го Омского Сибирского стр. полка. В дек. 1921 командир 2-го Уральского стр. полка, с весны 1922 помощник командира того же полка. Полковник. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 в Никольск-Уссурийском.

[97] **Дитерихс Михаил Константинович**, р. 5 апр. 1874. Из дворян, сын офицера. ПК 1894, АГШ 1900. Генерал-лейтенант, с 3 нояб. 1917 начальник штаба ВГК; 8 нояб. 1917 уехал на Украину, где стал начальником

штаба Чехословацкого корпуса (до янв. 1919), с которым начал белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; на 4 июля 1918 командующий вооружёнными сухопутными и морскими силами Приморской области и командир Чехословацкого корпуса, с 8 янв. 1919 определён в русскую службу, с янв. 1919 начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня — 4 нояб. 1919 Главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 также и командующий Сибирской армией, 9 авг. — 27 авг. 1919 также начальник штаба ВГК и военный министр в правительстве адм. Колчака. С 4 нояб. 1919 в распоряжении адм. Колчака, с 8 мая по 1 июля 1920 председатель Военного Совещания при главнокомандующем всеми воор. силами Российской Восточной окраины. С 11 июня 1922 командующий войсками Временного Приамурского правительства, 6 авг. 1922 избран Земским собором во Владивостоке Верховным правителем (с 8 авг. по 3 нояб. 1922 воевода Земской рати). В эмиграции с 1923 в Шанхае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», с 1930 начальник Дальневосточного отдела РОВС. Ум. 8 окт. 1937 в Шанхае.

[98] **Бородин Василий Аристархович**, р. 28 янв. 1883 в Оренбургской губ. Обр.: Оренбургский Неплюевский КК 1901, Оренбургское КЮУ 1903 (офицером с 1907). Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 командир 3-го отряда Оренбургского казачьего войска в Верхнеуральске, мар. 1918 командир 2-го партизанского отряда, с авг. 1918 командир 2-го Оренбургского каз. полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В Дальневосточной армии на 1920 командир 1-го Оренбургского каз. полка отдельной Оренбургской казачьей бригады, с 2 мая 1921 командир Отдельной Оренбургской каз. бригады, с 23 окт. 1921, на 17 июля 1922 командующий 1-м Сводно-казачьим корпусом, с 8 авг. 1922 командующий Сибирской казачьей группой. Генерал-майор (с 9 сен. 1919). В эмиграции в Китае, летом 1925 член Харбинского офицерского союза, на 24 мар. 1926 член Казачьего союза в Шанхае. Ум. до 1952.

[99] **Глебов Фаддей (Фёдор) Львович**. р. 25 июня 1887 (21 авг. 1988) в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведён в офицеры из вахмистров 1916. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 есаул, пом. командира полка, с 6 авг. 1919 командир 10-го Сибирского каз. полка (с 9 сен. 1919 — войсковой старшина), с нояб. 1919 полковник, командир Сибирской каз. бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны на 21 сен. 1920 командир Сибирского каз. полка, с осени 1920 генерал-майор, с весны 1921 командир Сводной каз. бригады, затем начальник Сводной каз. дивизии, 22 авг. 1921 исключён из службы; 1 сен. — 6 дек. 1921 командующий Гродековской группой войск. 20 нояб. (факт. 9 дек.) 1921 отстранён и арестован (20 мар. 1922 осуждён к заключению в крепости на срок 1 год и 4 месяца), с 15 июня 1922 в распоряжении командующего войсками и флотом Приамурского

Временного правительства, 1–18 июня 1922 командир Особой группы частей армии Временного Приамурского правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля (8 авг.) 1922 командующий Дальневосточной казачьей группой. Генерал-лейтенант (с сен. 1921). В дек. 1922 — весной 1923 в Гензане (Корея) при группе управления. В эмиграции в Китае (Шанхай). С 29 июня 1925 зам. атамана Сибирского каз. войска, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». 1942–1944 председатель Российского эмигрантского комитета. Ум. 23 окт. 1945 в Шанхае.

[100] **Дутов Александр Ильич**, р. 5 авг. 1879 в Казалинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский КК 1897, НКУ 1899, АГШ 1908. Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Пояковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 окт. 1917), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) дек. 1917 командующий войсками Оренбургского ВО, с 25 июля 1918 генерал-майор, с 17 окт. 1918 командующий Юго-Западной армией (с 28 дек. 1918 Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 генерал-инспектор кавалерии (до 18 сен. 1919) и одновременно походный атаман всех казачьих войск (до 16 окт. 1919), 18 сен. — 16 окт. 1919 командующий Оренбургской отдельной армией, с 6 янв. 1920 начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 окт. 1918). 2 апр. 1920 отступил в Китай. Смертельно ранен при попытке похищения и скончался 7 фев. 1921 в Суйдине.

[101] **Модестов Николай Иванович**, р. 1895. Обр.: Оренбургский КК 1913, АВУ 1914. В белых войсках Восточного фронта. На сент. 1918 командир 1-го батальона 13-го Уфимского стр. полка, капитан. В августе 1919 врид командира 16-го Уфимского стр. полка, подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. На июль 1920 полковник. В сент. 1920 штаб-офицер для поручений при начальнике снабжений Дальневосточной армии. Состоял в комиссии при Читинском казначействе по распределению средств на нужды Дальневосточной армии. К 1925 в Харбине. В 1950 на Тубабао (Филиппины), затем в США. Ум. 13 окт. 1964 в Сан-Франциско.

[102] **Слащёв Яков Александрович**, р. 29 дек. 1885 в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Обр.: Реальное училище в Санкт-Петербурге 1903, Павловское ВУ 1905, АГШ 1911. Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 янв. 1918, в июне 1918 начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 командир Кубанской пластунской бригады, с 15 нояб. 1918 начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апр. 1919 генерал-майор, начальник 5-й пех. дивизии, с 2 авг. 1919 начальник 4-й пехотной дивизии, с нояб. 1919 командир 3-го армейского корпуса, с мар. 1920 командир 2-го армейского корпуса, с 19 авг. 1920 в распоряжении главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с мар. 1920). В эмиграции, с 21 дек. 1920 в отставке. 3 нояб. 1921 вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 янв. 1929 в Москве.

[103] Имеется в виду Дальневосточная республика (см. 38).

[104] Дайренская конференция, на которой велись переговоры между ДВР и Японией, проходила с 26 авг. 1921 по 16 апр. 1922 в Дайрене (ныне Далянь).

[105] **Филимонов Борис Петрович**, р. 24 июля 1862. Сын офицера. Обр.: Санкт-Петербургская военная прогимназия 1878, Санкт-Петербургское ПЮУ 1881, Офицерская стрелковая школа. Офицер 94-го пех. полка. Генерал-майор, командующий 23-й пех. дивизией. В белых войсках Восточного фронта; к 13 нояб. 1918 на учёте при управлении начальника гарнизона Омска, к 4 фев. 1919 в резерве чинов при штабе Восточно-Сибирского ВО, с 19 мая 1919 врид уполномоченного по охране госуд. порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии, затем генерал для поручений при штабе ВГК, с 8 сен. 1919 генерал для поручений при инспекторе пополнений. Взят в плен 6 янв. 1920 под Красноярском.

[106] **Люпов Сергей Николаевич**, р. 7 окт. 1870 в Казани. Сын подполковника. Обр.: Нижегородский КК 1889, МАУ 1892, АГШ 1899. Генерал-лейтенант, командир 25-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в самом начале Белого движения возглавлял «Штаб вооружения Народной Армии Уфимской губернии», с 7 авг. 1918 начальник 3-й стр. дивизии Народной Армии, начальник 4-й Уфимской стр. дивизии, 30 сен. 1918 — 6 янв. 1919 командир Уфимского (потом 2-го Уфимского) армейского корпуса, затем в распоряжении ВГК, с 19 июля 1919 командир Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. В эмиграции в Китае (в Харбине), председатель Дальневосточного общества ревнителей военных знаний. Арестован 31 окт. 1945 и вывезен в СССР. Ум. 19 нояб. 1945 в эвакогоспитале в Уссурийске.

[107] **Голицын Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1878 в Житомире. Из дворян Рязанской губ., сын капитана. Обр.: Полоцкий КК 1895, АВУ 1897. Офицер л.-гв. Санкт-Петербургского полка и Отдельного корпуса пограничной стражи (с 1902 штабс-ротмистр). Полковник, командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. Генерал-майор (по отставке 1917). Содействовал освобождению ген. Корнилова из Быховской тюрьмы. В Добровольческой армии с нояб. 1917 по 5 мая 1918; до 31 мар. 1918 генерал для поручений при ген. Корнилове, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии, затем начальник военно-политического центра Нижней Волги, в апр. 1918 в Москве, затем с 30 июля 1918 в белых войсках Восточного фронта; с 4 авг. приступил к формированию штаба и полков 2-й Уральской дивизии горных стрелков, начальник этой (позже 7-й Уральской горных стрелков) дивизии, с 11 окт. 1918 уполномоченный по охране государственного и общественного спокойствия в пределах освобождённой части Пермской губернии, с 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса, с 22 июня 1919 в распоряжении ВГК, с июля 1919 командующий Уральской группой, с 28 авг. и на 26 нояб.

1919 начальник всех добровольческих формирований (дружин Св. Креста, беженцев и проч.) в Новониколаевске. Генерал-лейтенант (с 3 янв. 1919).

[108] Пермь была взята частями Сибирской армии Восточного фронта.

[109] **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 окт. 1883 в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын офицера. Великолуцкое реальное училище 1902, КАУ 1904, АГШ 1912. Офицер 20-й артиллерийской бригады. Подполковник, начальник штаба 176-й, 126-й пех. дивизий, Чешско-Словацкой стр. бригады. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня врид начальника штаба Чехословацкого корпуса с оставлением на должности командира 3-го Чехословацкого стр. полка и начальника Челябинской группы (с 11 июня 1918 полковник), с 17 окт. 1918 командующий Самарской группой войск, командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 6 янв. по 18 авг. 1919 командующий 2-м Уфимским армейским корпусом (с 17 окт. 1918 генерал-майор; с 8 мар. 1919 на русской службе), 29 авг. — 1 окт. 1919 командующий Уфимской группой, с 12 сен. 1919 командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 янв. 1920 Главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 фев. 1920 командующий войсками Российской Восточной окраины (Дальневосточной армии), 27 апр. 1920 откомандирован для связи с армией Деникина. В эмиграции в Чехословакии, член Общества офицеров-артиллеристов, военный министр, генерал армии (с 1938 в отставке). Арестован 11 мая 1945 в Праге. Отбывал заключение в лагерях ГУЛАГа. Ум. 7 апр. 1951 в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

[110] **Перхуров Александр Петрович**, р. 1 янв. 1876 в с. Шерепово Тверской губ. Обр.: 2-й Московский КК 1893, АВУ 1895, АГШ 1903. Полковник, командир 186-го отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона. С мар. 1918 начальник штаба Союза защиты Родины и свободы. Руководитель Ярославского восстания, затем в белых войсках Восточного фронта; с 13 сен. 1918 начальник 1-й Казанской стр. дивизии Народной Армии, с фев. 1919 командир Казанской стр. бригады и 13-й Казанской стр. дивизии, с 15 июля 1919 начальник партизанских отрядов 3-й армии. Генерал-майор (с 17 июня 1919). Взят в плен 11 мар. 1920 в с. Подымахинское у Лены; с янв. 1921 служил в РККА. Арестован 20 мая 1921. Расстрелян 21 июля 1922 в Ярославле.

[111] **Казагранди Николай Николаевич**, р. 28 нояб. 1886. Сын итальянского подданного. Обр.: Казанский университет, Владимирское ВУ 1916. Офицер 55-го запасного пех. полка. Штабс-капитан, младший офицер Владимирского ВУ. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 организатор и командир 1-го партизанского офицерского отряда в Омске, в июне 1918 командир боевой колонны 1-й Степной Сибирской стр. дивизии (с 18 сен. 1918 капитан, затем подполковник); на 9 мая 1919 командир 16-го Ишимского Сибирского стр. полка, с 26 мар. (22 апр. — 22 июля) 1919 начальник 18-й Сибирской стр. дивизии. Затем командир отряда во 2-й армии, в начале 1920 — отряда в Северной группе. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник (1919). С мая 1921 начальник

офицерского отряда (бывш. Корюхина) в Монголии. Генерал-майор (?). Арестован и расстрелян в июле 1921 на хребте Эгин-Дабан.

[112] **Петров Павел Петрович**, р. 14 янв. 1882 в дер. Солпеково Псковской губ. В службе с 1903. Обр.: Санкт-Петербургское ПЮУ 1906, АГШ 1913. Офицер 3-го Финляндского стр. полка. Подполковник штаба 1-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 нач. оперативного отдела штаба Народной Армии, затем ком. 3-го Самарского стр. полка, с 31 дек. 1918 начальник штаба 6-го Уральского стр. корпуса, с июня 1919 дежурный генерал штаба Западной армии, с 18 сен. 1919 нач. 4-й Уфимской стр. дивизии, с 14 дек. 1919 командующий 3-й армией, с мар. 1920 нач. снабжений Дальневосточной армии, с 1 июня 1922 врид нач. штаба войск Временного Приамурского правительства, 10 авг. — 3 нояб. 1922 — нач. штаба Земской рати. Генерал-майор (с 14 дек. 1919). В эмиграции в Китае, нач. штаба Дальневосточного отдела РОВС. Редактор журнала «Голос России». С 1933 в Японии. С 1947 в США, с 1953 предс. ОРВВВ. Ум. 24 июля 1967 в Сан-Франциско.

[113] Имеются в виду события бурной политической жизни Мексики, где после революции 1910–1917 гг. сохранялось крайне напряженное положение. Правящей Национально-революционной партии пришлось столкнуться с целым рядом поднятых против нее восстаний. Обстановка еще более обострилась после убийства летом 1928 г. президента А. Обрегона. В письме речь идет об одном из мятежей этого периода.

[114] **Князев Алексей Николаевич**, р. 1909 на ст. Цицикар в Китае. В эмиграции в Китае, в 1935 окончил Харбинский Политехнический институт. Хорунжий Забайкальского казачьего войска. С 1949 на о. Тубабао (Филиппины), с 1951 в США. Член ОРВВВ, редактор «Вестника ОРВВВ». Ум. 11 мая 1993 в Сан-Франциско.

[115] **Романовский Владимир Яковлевич**. Обр.: МАУ 1904. Подполковник Кронштадтской и Владивостокской крепостной артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; на 15 авг. 1918 командир Уфимского стрелкового артиллерийского дивизиона Народной Армии, 1919 начальник артиллерии 4-й Уфимской стр. дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода; с мар. 1920 командир 2-го Уфимского стр. арт. дивизиона, с мар. 1921, в дек. 1921 командир 1-го стрелкового арт. дивизиона, с мая 1922 командир 1-й отдельной батареи, сен. 1922 командир Восточно-Сибирского арт. дивизиона. Полковник. В эмиграции в Китае, к 1936 член Офицерского собрания в Шанхае, к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов.

[116] **Дробинин Владимир Никанорович**, р. 1890. Из крестьян Вятской губ. Обр.: реальное училище в Сарапуле 1913, Ораниенбаумская ШП 1916. Поручик, командир батальона 75-го пех. полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; авг. 1918 участник Воткинского восстания, начальник Кельчинского боевого участка, в начале сен. 1918 командир 3-го батальона 1-го Воткинского Заводского 17-го Августа стр. полка Воткинской Народно-Революционной армии, нояб. 1918 командир 2-го батальона Воткинского полка, адъютант штаба Воткинской дивизии, с 1 янв. 1919

врио командира 4-го Воткинского полка, штабс-капитан, начальник гарнизона Воткинска, с мая 1919 командир Воткинского конного дивизиона, янв. 1920 ротмистр, с 1920 подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. Участник Хабаровского похода; мар.–дек.1921 командир Воткинского кон. дивизиона (сен. 1922 — Прикамского кон. дивизиона). В эмиграции в Китае, 1923 в Гирине, затем в Харбине, на 1930 предс. Воткинского землячества в Харбине. К 1933 в Шанхае, предс. Союза Ижевцев и Воткинцев. Полковник. Ум. 7 мар. 1950 в русском беженском лагере на о. Тубабао (Филиппины).

[117] Для Марии Александровны Спиридоновой (1884–1941), застрелившей 16 янв. 1906 жандармского полковника Г. Н. Луженовского и приговорённой 12 марта 1906 к повешению, казнь была заменена каторгой.

[118] Имеется в виду переворот 26 мая 1921 во Владивостоке, приведший к ликвидации власти правительства во главе с коммунистом В. Г. Антоновым и образованию правительства братьев Меркуловых (см. 68).

[119] Имеется в виду **Серышев Степан Михайлович** (1889–1928), командовавший в апр. 1920 Хабаровским, в авг. — нояб.1920 Амурским партизанскими фронтами красных, в нояб.1920 — марте 1921 — 2-й Амурской армией, в июле — дек.1921 бывший членом Военного совета Народно-революционной армии ДВР, а затем до марта 1922 командовавший Восточным фронтом ДВР.

[120] **Зе́бзиев Яков Иванович**, р. 24 июня 1894 в Ижевске. Обр.: 1-е Санкт-Петербургские политехнические курсы. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; член штаба обороны Ижевского восстания, начальник отряда Ижевской армии, начальник штаба частей Народной Армии Ижевского района. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник. В эмиграции в США. Ум. 1939 в Сан-Франциско.

[121] **Поронник Прокофий Кириллович**, р. 1890. Подпрапорщик л.-гв. Московского полка. В белых войсках Восточного фронта с 8 авг. 1918 в Мамадыше в Чистопольском отряде, Мамадышском, 32-м Прикамском стрелковом полку. Ранен в руку, осенью 1919 года прикомандирован к 1-му полку Морских стрелков, с которым совершил Сибирский Ледяной поход. В янв. 1922 штабс-капитан, командир батальона Ижевского полка. Капитан. В конце 1922 — начале 1923 в составе Смешанной береговой группы в Гензане (Корея). В эмиграции в Шанхае, с 1927 в Шанхайском Русском полку (капитан, командир 4-й роты), к 1941 член Офицерского собрания в Шанхае. Затем в Австралии. Ум. после 1964.

[122] **Торопов Андрей Эрастович**. Алексеевское ВУ 1909. Офицер Сибирского казачьего войска. Войсковой старшина. В белых войсках Восточного фронта. Участник Хабаровского похода, в янв. 1922 командир пластунской сотни.

[123] **Багиянц Яков Богданович**. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; янв.-мар. 1919 командир эскадрона Ижевского дивизиона, с весны 1919 командир Ижевского конного дивизиона, в дек. 1919 поручик.

Участник Сибирского Ледяного похода. В янв. 1922 командир батальона Ижевского полка. Полковник. В эмиграции в Китае. Убит хунхузами 9 мар. 1936 в Сан-Сине (Шитоухецзы) на р. Сунгари.

[124] **Мохов**. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 18 окт. 1918 (на сен. 1919) в 16-м Ишимском Сибирском стр. полку, с 15 мая 1919 пом. командира полка. Осенью и в дек. 1921 пом. командира 4-го Омского стр. полка. Полковник.

[125] **Березин Иван Николаевич**, р. 13 мая 1882 в Сенгилее. Из мещан. Самарская гимназия, Юрьевский ветеринарный институт (не окончил). В службе с 1903. Корнет, адъютант 12-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; на 7 мар. и 6 мая 1919 адъютант Уфимского гусарского полка. Георгиевское оружие (1919). С лета 1921 командир 1-го кав. полка (подполковник). Участник Хабаровского похода, ком. полка; сен. 1922 командир Приволжского кон. дивизиона. Полковник. Трижды ранен. В эмиграции в Китае, с 1923 в США. Член ОРВВВ, 1930–1949 председатель ревизионной комиссии общества. Ум. 2 мая 1964 в Сан-Франциско.

[126] **Болонкин Андрей Лаврентьевич**, р. 30 сен. 1893 в Вятской губ. Из рабочих Воткинского завода. Поручик. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, авг. 1918 командир батальона, начальник Мишкинского боевого участка, в конце сен. — октябре назначен командовать Шарканским фронтом Воткинской народно-революционной армии; с нояб. 1918 штабс-капитан, нояб. 1918 до 1 янв. 1919 командир 4-го Воткинского полка, с июня 1919 командир батальона Воткинской дивизии. Тяжело ранен, остался за линией фронта и через год присоединился к своей части в Забайкалье, янв. 1922 помощник командира Воткинского полка. Подполковник. В эмиграции с 1922 в Китае (1923 в Гирине), с 1923 в Австралии (Брисбен, с 1929 Сидней). Участник монархического движения. Ум. 9 окт. 1970 в Сиднее (Австралия).

[127] Автор имеет в виду **книжный магазин «Новинка»** в Сан-Франциско, совладельцами которого в 1930-е гг. были Б. Э. фон Вах и его жена А. Е. фон Вах. Находился по адресу: Саттер стрит, 2092.

Первой женой полковника Б. Э. фон Ваха была **Зоя Евгеньевна Мартынова,** дочь генерал-майора Уральского казачьего войска Евгения Денисовича Мартынова. Род. 16 апреля 1893 г. в г. Уральске, окончила Уральскую войсковую женскую гимназию (1910). Вышла замуж за Б. Э. фон Ваха 6 окт. 1918 в Уральске. В 1922 была вместе с ним в Приморье, затем в 1923 в беженском лагере в Китае (Гирин). 12 июня 1923 г. супруги фон Вах вместе с полк. А. Г. Ефимовым прибыли в Шанхай, где 29 июля 1923 получили американскую визу (при этом их поручителем, проживавшим к тому времени в Сан-Франциско, был ген. Н. П. Сахаров). В августе на пароходе «Президент Джексон» отбыли в Америку (через Японию). Прибыли в Сиэтл 1 сентября 1923 г., затем в Сан-Франциско. Сначала жили в г. Беркли, затем в Сан-Франциско. Однако брак распался и был расторгнут 21 октября 1926 г. З. Е. Мартынова умерла 11 мая 1987 в Сан-Франциско.

Второй женой полковника Б. Э. фон Ваха стала её сестра **Александра Евгеньевна Леонова** (урожд. Мартынова). Род. 17 января 1892 г. в г. Уральске, окончила Уральскую войсковую женскую гимназию (1909). На 24 мая 1914 г. — жена старшего адъютанта штаба 5-й кавалерийской дивизии, ген. штаба капитана Леонова. Проживала по месту службы мужа в Самаре. Во время Первой мировой войны — сестра милосердия: на март 1915 во 2-м Варшавском сводном госпитале (вместе с сестрой Лидией), затем в 288-м полевом запасном госпитале (г. Гомель). В дек. 1915 награждена серебряной шейной медалью на Владимирской ленте с надписью «За усердие». С осени 1916 училась в Петроградском женском медицинском институте, откуда выбыла 14 марта 1918 для перевода в Саратовский университет. Затем с белыми войсками на Восточном фронте. На 31 января 1921 в пос. Раздольное в Приморье, жена генерал-майора Леонова. На 14 августа 1922 — вдова (по другим данным ген. Г. В. Леонов попал в плен). Весной 1923 вместе с сестрой Зоей и её мужем полк. фон Вахом находилась в беженском лагере в Гирине. В мае 1923 г. выехала в Японию вместе с семьёй генерала В. М. Молчанова в качестве помощницы и няни их сына Миши (в проездных документах записано: «Цель поездки: сопровождать больную Молчанову»). Затем в Иокогаме; 29 июня 1923 получила визу для выезда в Америку. Вместе с Молчановыми на пароходе «Президент Мэдисон» прибыла в Сиэтл, допущена в страну 13 августа 1923. Затем в Сан-Франциско, вышла замуж за Б. Э. фон Ваха 23 ноября 1926 г. Ум. 14 февраля 1987 в Сан-Франциско.

К 1925 г. в Сан-Франциско обосновался и брат Зои и Александры — ген. А. Е. Мартынов (1887–1963), живший после 1920 г. в эмиграции в Англии. В 1925 г. он основал русский книжный магазин и библиотеку «Новинка». На 1930 г. совладельцами магазина были обе его сестры А. Е. фон Вах и З. Е. Мартынова, а также Б. Э. фон Вах. В июне 1931 г. Мартынов вышел из совместного дела, и управляющей магазином стала Александра фон Вах. (*Ист.:* материалы семьи фон Вах из личного архива Т. Иваницкой). <*Л. Т.*>

[128] Вероятно, **Лебедев Герман Димитриевич,** р. 21 апр. 1894 в Казанской губ. Павловское ВУ 1916. Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир 2-го батальона 1-го Казанского полка Народной Армии, на 5 мая 1919 в составе 3-го Казанского стр. полка; в начале 1920 Подполковник. В эмиграции в США. Член ОРВВВ. Ум. в 1961.

[129] Вероятно, Игумнов Григорий П. (1888–1972).

[130] В. М. Молчанов был вице-председателем ОРВВВ в 1929–1932 гг., а также в 1930–1931 гг. возглавлял Распорядительный (хозяйственный) комитет ОРВВВ. <Л.Т.>

[131] **Правоховенский Генрих Антонович**, р. 20 июня 1878 в Чердыни. Из дворян Витебской губ. Обр.: Пермская гимназия 1895, Казанское ПЮУ 1899. Офицер 102-го пех. полка и Отдельного корпуса пограничной стражи. Капитан 742-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; с янв. по 28 апр. 1919 командир 64-го Соликамского Сибирского

стр. полка; подполковник. В июне 1919 в Сводной Маньчжурской стр. дивизии, с 18 июня 1919 полковник, до 30 авг. 1920 командир 1-го конного атамана Семёнова полка, полковник; с 19 янв. 1921 комендант Южно-Уссурийского военного района и нач. гарнизона Гродеково, осенью 1921 зам. командующего Гродековской группой, с дек. 1921 командир 3-й Отдельной стр. бригады, 6–27 дек. 1921 также командующий Гродековской группой войск; участник Хабаровского похода, с 23 мар. 1922 генерал для поручений при управляющем военно-морским ведомством, с 15 мая 1922 пом. командира 1-й стр. бригады. Генерал-майор (с 1920). В эмиграции в Китае. Ум. 5 июня 1932 в Харбине.

[132] **Кториров.** Капитан. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. На 9 нояб. 1920 в 1-м Добровольческом стрелковом полку, дек. 1921 — янв. 1922 командир 1-го пластунского полка. Подполковник. Участник Хабаровского похода; окт. 1922 командир роты Красноярской дружины.

[133] **Гайкович Георгий**. Обр.: Сибирский КК 1916, МАУ 1917. Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 в 1-й Степной Сибирской батарее. Участник Сибирского Ледяного похода, в мар. 1920 командир Добровольческого арт. дивизиона; летом — дек. 1921 командир Добровольческой батареи Дальневосточной армии, сен. 1922 командир Прикамской (бывш. Ижевско-Воткинско-Добровольческая) батареи. Подполковник. В эмиграции в Китае, командир бронепоезда «Шаньдунь» в русском отряде армии Чжан Цзолина. Убит 4 дек. 1925 под ст. Таян-Фу.

[134] Речь идёт о публикации второй части книги Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы».

[135] **Филимонова Тамара Семёновна**, супруга Б. Б. Филимонова (с 1928). В эмиграции в Шанхае, издатель. С 1949 на о. Тубабао. после смерти мужа (июль 1952) вместе с сыном Ярославом (р. 1935) выехала в Южную Америку. К апрелю 1954 в Асунсьоне (Парагвай), откуда писала А. Г. Ефимову. *<Л. Т.>*

[136] **Шорнин Афанасий Филиппович**. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. Мл. унтер-оф. В эмиграции в США. Член Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Ум. 8 нояб. 1984 в Сан-Франциско.

[137] **Шебеко Борис Константинович**. р. 1900. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; 1921 в составе Поволжской бригады, дек. 1921 — янв. 1922 в составе партизанского отряда полк. Карлова под Хабаровском. В эмиграции с 1923 в США. Ум. нояб. 1975 в Сан-Франциско.

[138] **Шульце Карл-Теофил-Михаил-Николай Карлович**, р. 21 апр. 1854. Обр.: Воронежский КК 1871, Павловское ВУ 1873, АГШ. Офицер 14-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант в отставке. Арестовывался 1917. В 1918 мобилизован большевиками, до 1923 в РККА, затем бежал за границу. В эмиграции в США, 1930–1932 в Детройте, почётный председатель Общества Ветеранов в Детройте. Ум. 14 июля 1935 там же.

[139] **Сейфулин (Сейфуллин) Леонид Владимирович**, р. 19 нояб. 1893. Обр.: Хабаровский КК 1913, АВУ 1914. Георгиевский кавалер. Подпоручик 6-го Сибирского стр. полка. В белых войсках Восточного фронта в Особом стр. полку, затем воспитатель Хабаровского КК, с лета 1921 ком. роты из кадет Сибирского и Хабаровского КК — личной охраны атамана Семёнова. Подполковник. В эмиграции в Китае, 1923 воспитатель Хабаровского КК в Мукдене, к 1 сен. 1928 член пехотной секции ССРАФ в Шанхае, 1931–1943 редактор ж. «Друг инвалида» в Шанхае, 1939–1944 редактор ж. «Кстати» там же, член Офицерского собрания в Шанхае. Сотрудник ж. «Военная Быль». Затем в Австралии. Ум. 30 окт. 1986 в Сиднее.

[140] **Семёнов Григорий Михайлович**, р. 13 сен. 1890 в Забайкальской обл. Оренбургское КЮУ 1911. Офицер 1-го Верхнеудинского полка. Есаул Забайкальского каз. войска, комиссар Врем. пр-ва в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 19 нояб. 1917 в боях с большевиками в Верхнеудинске, нач. Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 окт. 1918 командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 дек. 1918 команд. Вост.-Сиб. отд. армией, с 25 мая 1919 по 3 авг. 1919 командир 6-го Вост.-Сиб. арм. корпуса, с 18 июля 1919 ген.-майор, с 11 нояб. 1919 команд. войсками Читинского (с 5 дек. Забайкальского) ВО, с 24 дек. 1919 главнокоманд. всеми вооружёнными силами Д. Востока и Иркутского ВО, с 10 фев. 1920 главнокоманд. войсками Российской Восточной окраины. С 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского каз. войска, с 30 апр. 1920 походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной окраины, с 28 апр. 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейт. (1919). В эмиграции в Китае. Арестован 22 авг. 1945 в своём доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве.

[141] **Кирилл Владимирович**, Великий князь, р. 30 сен. 1876 в Царском Селе. Сын Вел. кн. Владимира Александровича. Обр.: Морской корпус 1896, Морская академия. Контр-адмирал, командир Гвардейского Экипажа. В эмиграции во Франции. С 8 авг. 1922 местоблюститель Российского престола, с 13 сен. 1924 император. Ум. 12 сен. 1938 в Нейи близ Парижа.

[142] **Рыбаков Николай Павлович**, р. 1 мая 1890 в Феодосии. Обр.: Санкт-Петербургский Политехнический институт (не окончил), Владимирское ВУ 1914. В белых войсках Восточного фронта; окончил ускоренные курсы АГШ. Участник Сибирского Ледяного похода. Подполковник. В эмиграции в Китае, затем в США, 1930–1932 в Детройте, секретарь Общества Ветеранов, в 1932 основал газету «Россия». В 1960 член правления ПРЭ в США, редактор газеты «Россия». Полковник. Ум. 8 апр. 1963 в Нью-Йорке.

[143] **Мусиенко (Мусий-Мусиенко) Иоанн Власьевич**, р. 1880 в Херсонской губ. Обр.: Одесское ПЮУ 1902, Новороссийский ун-т 1911. Капитан

военно-судебного ведомства. В Вооружённых силах Юга России; на 10 апр. 1920 в составе Особого отделения части Ген. штаба Военного управления. Полк. (к апр. 1920). В эмиграции в Китае. Ум. 20 июня 1940 в Шанхае.

[144] **Бологов Григорий Кириллович**. Сотник Енисейского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 командир отряда при подавлении Минусинского восстания, начальник отряда енисейских казаков, действующего против партизан в Енисейской губ., весной 1921 командир Енисейского каз. полка в Гродеково, дек. 1921 — Сводно-Конного полка, дек. 1921 — янв. 1922 — Енисейско-Сибирского казачьего отряда, в мае 1922 командир Отдельного Енисейского каз. полка, сен. 1922 — Сводного Сибирско-Енисейского каз. полка и Енисейской каз. дружины. Руководитель белой борьбы в районе Никольска-Уссурийского после 1922. Войсковой старшина. В эмиграции в Шанхае, член Дальневосточного казачьего союза, атаман Енисейского казачьего войска; с 1927 в Шанхайском Русском полку, 1929–1949 председатель Казачьего союза в Шанхае. После 1949 — организатор эвакуации на о. Тубабао. Затем в США (Сан-Франциско), руководитель Общеказачьего союза, председатель Русского центра СФ. В 1960 член правления ПРЭ. Войсковой старшина. Ум. 3 мар. 1976 в Сан-Франциско (США).

[145] **Зайцев Иван Матвеевич**, р. 9 сен. 1877 в Оренбурге. Из казаков ст. Карагайской Оренбургской губ. Оренбургское КЮУ 1898 (офицером с 1900), АГШ 1908. Офицер 2-го Оренбургского каз. полка. Полковник, пом. командира 1-го Оренбургского каз. полка, в составе русского экспедиционного отряда в Персии. Участник боёв с большевиками весной 1918, нач. штаба «Туркестанской военной организации». В белых войсках Восточного фронта; весной 1919 прибыл к Дутову, апр. 1920 нач. штаба Оренбургской армии. Генерал-майор (с 20 сен. 1919). В эмиграции в Китае, состоял в отряде ген. Бакича, в июне 1920 убыл из отряда на Дальний Восток, жил в Харбине, Пекине и Шанхае. В мае 1924 вернулся в СССР, арестован, с 1925 в Соловецком лагере, с 1928 в ссылке в устье Печоры. Бежал, в 1929 прибыл в Шанхай. Участвовал в работе антикоммунистической лиги. Покончил самоубийством 22 нояб. 1934 в Шанхае.

[146] Речь идёт о члене партии эсеров, руководителе антибольшевистского крестьянского восстания в Тамбовской губернии **Александре Степановиче Антонове** (1888–1922).

[147] **Хрущов (Хрущёв) Александр Михайлович**, р. 31 окт. 1885 в Радзивилове Волынской губ. Обр.: Ярославский КК 1904, Елисаветградское кав. училище 1906. Подполк. 11-го драгунского полка. В белых войсках Северного фронта; до 17 июня 1919 при штабе Главнокоманд. войсками Северной области. В белых войсках Восточного фронта в Уфимской стр. дивизии и 1-й кав. дивизии, ком. Томского гусарского полка, 2-й бригады Маньчжурской кон. дивизии, Сводно-Конной бригады, осенью 1921 ком. Сводно-Конного полка, летом 1922 ком. 1-го кавалерийского полка, сен. 1922 командир Московского конного полка. Ген.-майор (с 1922).

В эмиграции в Шанхае, к 1 сен. 1928 член кавалерийской секции ССРАФ в Шанхае, служил в муниципальной полиции, учредитель Шанхайского офицерского собрания, затем в США. Ум. 13 июня 1976 в Сан-Франциско.

[148] **Быков Дмитрий Дмитриевич**. Арт. офицер. В белых войсках Вост. фронта; 1921 ком. арт. дивизиона. Подполк. В эмиграции в Китае, 1935 в Дайрене.

[149] **Бычков.** Из казаков Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 командир 1-го конного Атамана Семёнова полка, с окт. 1921 — конного Атамана Семёнова полка (сен. 1922 казачья конная дружина). Полковник.

[150] **Апрелев Борис Петрович**, р. 1888. Обр.: Морской корпус 1907. Ст. лейтенант, офицер связи с командованием союзными морскими силами в Средиземном море. После февральской революции 1917 во франц. флоте, пом. морского агента в Японии (1918/1919). Нагр. орденом Почётного Легиона. В белых войсках Вост. фронта; с 1919 морской агент адм. Колчака в Италии и Югославии. Капитан 2-го ранга (1919). К лету 1921 в Белграде, в 1925(1929) в Париже, член Кают-компании. В эмиграции в Китае: 1929–1931 в Харбине, 1931–1943 в Шанхае, во франц. полиции; возглавлял в Шанхае группу РОВСа, член Кают-компании (1936, в 1939 член Комитета старшин), 1944(1946) в Циндао директор русской гимназии, затем снова в Шанхае, с янв. 1949 в Сан-Франциско. Скончался при невыясненных обстоятельствах 5 мар. 1951 в Сан-Франциско. Автор книг «Нельзя забыть» (1933), «Нашей смене» (1934) и др.

[151] **Стеклов Константин Алексеевич**. Обр.: Иркутское ВУ 1915. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, служил в войсках Чжан Цзолина; на 20 авг. 1926 ст. инструктор 165-й бригады. Полк. (с 1 нояб. 1925), до 1930 у Чжан Цзунчана, ком. 105-го пех. полка.

[152] **Руднев Сергей Петрович**, р. 28 янв. 1872 в с. Курмыша Симбирской губ. Из дворян той же губ. Обр.: Московский университет. Юрист, общественный деятель. В белых войсках Восточного фронта; член белых правительств. В эмиграции с 1922 в Китае. Ум. 7 янв. 1934 в Харбине.

[153] Генерал-майор **Павел Павлович Лебедев** (1872–1933), поступивший в РККА в 1918 г., до марта 1919 начальник Мобилизационного отдела Всероглавштаба, летом 1919 — нач. штаба и врид командующего войсками Восточного фронта, а с июля 1919 — нач. Полевого штаба РВС Республики.

[154] **Колесников Николай Владимирович**, р. 1882 в Московской губ. Обр.: РУ, Алексеевское ВУ 1904, АГШ 1917. Капитан, нач. штаба 2-й гв. пех. дивизии. В Добр. армии и ВСЮР с 1917. Ротмистр. Эвакуирован из Новороссийска. В белых войсках Вост. фронта с 1920 во 2-й кав. див., нач. осведомительного отд. в Чите и редактор газеты «Русская армия»; организатор в 1920 кружка воен. самообразования во Владивостоке. Полк. В эмиграции в Шанхае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», редактор ж. «Армия и Флот» и газ. «Россия». Организатор и предс. Русского военно-науч. об-ва (1924). Ум. 29–30 янв. 1937 в Шанхае.

[155] **Попов Борис Иванович**, р. 13 мая 1894. Из дворян Московской губ., сын генерала (в 1918 главы офицерской организации в Казани). Одесский КК 1912, АВУ 1914, АГШ (ускор.) 1916. Офицер 1-го Кронштадтского крепостного арт. полка. Штабс-капитан, командир 2-й батареи 8-го тяжёлого арт. дивизиона. Член подпольной антибольшевистской организации в Казани, арестован 4–5 мая 1918, бежал 11–12 июля. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 в 1-м Казанском стр. полку, с 9 авг. 1918 ком. офицерской батареи, с 20 мар. 1919 капитан, с 21 мая 1919 подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода, ст. адъютант штаба Северной группы войск, на апр. и к 15 сен. 1920 нач. штаба Волжской бригады. Полковник. Ранен 1920. В нояб. — дек. 1921 начальник штаба Поволжской бригады, нач. штаба 5-го повстанческого отряда. В эмиграции в Китае, к 1 сен. 1928 член секции Генерального штаба ССРАФ в Шанхае, служил в армии Чжан Цзолина (нач. штаба дивизии бронепоездов); 1928–1943 во франц. полиции в Шанхае, к 1932 член Офицерского собрания в Шанхае. После 1949 в США. Член и 1964–1970 предс. ОРВВВ, с 1967 в редакции журнала «Вестник ОРВВВ». Ум. 8 мая 1970 в Сан-Франциско.

[156] **Ловцевич Леопольд Леопольдович**. Обр.: Казанское ВУ 1911, АГШ 1917. Офицер артиллерии. Капитан. В белых войсках Вост. фронта; с 20 авг. 1918 нач. штаба Симбирской гр. войск Народной Армии, янв. 1920 подполк. штаба 3-й армии, дек. 1920 прибыл из Забайкалья во Владивосток с частями армии, с дек. 1921 до 1 июня 1922 нач. штаба 3-го стр. корп. Полк. В нояб. 1922 вёл переговоры в Мукдене. В эмиграции в Китае (Дайрен), член Об-ва офицеров-артиллеристов. 1945 арестован и вывезен в СССР.

[157] Высшие военно-научные курсы открыты ген. Н. Н. Головиным в Париже, готовили офицеров-эмигрантов по программе АГШ.

[158] **Смольянинов (Смолянинов) Степан Сергеевич**, р. 1891. Из дворян Рязанской губ. Обр.: Орловский КК 1909, КАУ 1911. Офицер 2-го Сиб. мортирного арт. дивизиона. Штабс-капитан, ком. батареи того же дивизиона. В белых войсках Вост. фронта; с июля 1918 и в начале 1919 в 3-м лёгком Сиб. (Иркутском) артдивизионе. Участник Сибирского Ледяного похода, затем в Дальневосточной армии; в мае 1922 командир 2-го арт дивизиона, сен. 1922 — Сибирского артдивизиона. Полк. (с 10 мар. 1920; ств. 12 фев. 1920). В эмиграции в США, 1931–1939 в Эстонии, затем снова в США, к 1940 член Об-ва офицеров-артиллеристов. Член ОРВВВ. Ум. 2 янв. 1957.

[159] **Зуев Павел Петрович**. Штабс-капитан. В белых войсках Вост. фронта; нач. Сев. фронта Ижевской армии, с нояб. 1918 до фев. 1919 ком. Ижевской бригады, сен. 1919 ком. 3-го Ижевского полка, 1920 — мар.– дек. 1921 ком. Ижевского полка (1922 батальона) в Дальневост. армии. Полк. (с 1919). В эмиграции в Китае, в 1923 в Гирине. К 1933 в Австралии.

[160] **Смолин**. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; янв. 1919 командир Ижевского зап. батальона, затем в составе Ижевского полка, 1921 — Ижевско-Воткинской бригады, окт. 1922 — Ижевского батальона. Капитан (с 1919). В эмиграции в Китае, 1923 в Гирине, к 1933 в Австралии.

[161] Вероятно, Союз русских офицеров.

[162] **Протопресвитер Валентин Антоньев**, р. 4 мар. 1878 в Екатеринославе в семье священника. Обр.: Мариупольское духовное училище (1898), Ардонская духовная семинария (1905). В 1908 рукоположен во священника. Принят в Военное духовное ведомство, в 1913 назначен священником в Спасский гарнизон Приморской обл. В 1914 отбыл на фронт, благочинный 1-й Сибирской стр. дивизии. Ранен во время Луцкого прорыва, награждён орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами, орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами, наперсным Крестом на Георгиевской ленте. В 1918 служил в г. Спасске Приморского края, затем благочинный 3-го Степного корпуса и глав. священник 2-й Сибирской армии. В 1922 покинул Владивосток на канонерской лодке «Батарея», прибыл в Шанхай. С ноября 1923 в Австралии, семья присоединилась к нему в декабре 1925. В первые годы зарабатывал тяжёлым физическим трудом. 22 июля 1932 назначен настоятелем Свято-Николаевского прихода в г. Брисбен. Организовал строительство первого русского православного храма в Австралии — Свято-Николаевского храма в Брисбене, освящённого 4 окт. 1936 (с 1946 Кафедральный собор). В 1939 уральскими казаками во главе с атаманом В. С. Толстовым были переданы на временное хранение в Свято-Николаевский храм знамёна Уральского казачьего войска. Ум. 26 авг. 1962. (*Ист.*: Памяти протопресвитера о. В. Антоньева // Единение (Мельбурн), 7 сент. 1962, № 36; *Ларкина Л.* Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен: Австралийская лампада, 2011). *<Л. Т.>*

[163] Имеется в виду 4-й Омский стрелковый полк. Во время Хабаровского похода в целях маскировки «белоповстанческие» части именовались по присвоенным им условным цветам.

[164] **Рубинов Виктор**. Обр.: Сибирский КК 1899, НКУ 1901. Подъесаул Амурского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта и Дальневосточной армии; на сен. 1919 в АГШ. С 26 дек. 1921 по 18 июля 1922 командир Амурского отдельного казачьего дивизиона. Полковник (с 1921).

[165] **Коренев Иван**. Произведён в офицеры за боевое отличие 1915. Сотник Амурского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; на сен. 1919 представитель при Главном управлении казачьих войск.

[166] **Ефимов Валентин Александрович**, р. 29 июля 1894. 2-й КК 1911, Павловское ВУ 1913. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; на 21 дек. 1918 помощник командира 9-го Ставропольского стр. полка Народной Армии. Полковник. Участник Хабаровского похода. В эмиграции в Китае, на 10 фев. 1924 член Комитета ССРАФ в Шанхае.

[167] **Вишневский Евгений Кондратьевич**, р. 1 нояб. 1876 в Полтаве. Из дворян Гродненской губ. Обр.: Брест-Литовская прогимназия 1894, Одесское ПЮУ 1898. Полковник 25-го Сибирского стр. запасного полка. Весной 1918 член офицерской организации в Томске. В белых войсках Восточного фронта; с 1 янв. 1918 нач. Томского отряда офицеров (конспиративная организация), с 1 июня 1918 ком. 2-го Томского (позже 6-го Мариинского) полка, с 23 июня 1918 нач. 1-й Томской Средне-Сибирской (затем 2-й

Сибирской) стр. дивизии, с 15 окт. 1918 пом. ком. 1-го стр. Сибирского корпуса, с 27 окт. 1918 нач. корпусного округа, с 11 дек. 1918 гл. нач. Самаро-Уфимского края, с 15 апр. 1919 и. д. нач. Военно-адм. управления района Западной армии, с 17 авг. 1919 нач. 7-й Сибирской стр. дивизии, с 10 окт. 1921 команд. Сибирским стр. полком, затем ком. 1-го отд. Сибирского стр. полка, с 23 мар. 1922 ком. 3-й отд. стр. бригады, с 15 мая 1922 командир 1-й стр. бригады. Участник Хабаровского похода и рейда в Якутию в 1922–1923. Ген.-майор (с 13 авг. 1918). В эмиграции в Китае. Ум. после 1945.

[168] **Ощепков Степан**. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. Поручик. В Дальневосточной армии старший офицер во 2-й роте Воткинского полка. Штабс-капитан. Убит 4 янв. 1922 под Ольгохтой.

[169] **Бускин Иван**. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; нояб. 1918 командир 2-го батальона 4-го Воткинского полка. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. В Дальневосточной армии командир 3-й роты Воткинского полка. Штабс-капитан. Убит 4 янв. 1922 под Ольгохтой.

[170] **Александровский Владимир Сергеевич**. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; с окт. 1918 в Воткинской Нар.-Рев. Армии (перешёл от красных), затем в Воткинской див. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. Подполк. В янв. 1922 нач. пулемётной команды Воткинского полка. В эмиграции 1923 в Китае.

[171] **Зултан Христофор**. Обр.: Псковская ШП 1916. Прапорщик. В белых войсках Вост. фронта; с весны 1921 пом. командира, а в дек. 1921 ком. 1-го Егерского полка. Подполк. Убит мар.–апр. 1922 в с. Ново-Гордеевка.

[172] **Ильин Борис Павлович**, р. 18 июля 1880. Морской корпус 1900. Капитан 1-го ранга. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии, 1922 временный губернатор Камчатки. При эвакуации командир корабля «Магнит» Сиб. флотилии в походе от Шанхая до Олонгапо (Филиппины). Остался в Маниле, где открыл механическую мастерскую. Покончил самоубийством 17 окт. 1936 в Новой Пахове (Югославия).

[173] **Александров Николай Антонович.** АВУ 1912. Офицер 161-го пех. полка. В белых войсках Восточного фронта; 1918 в Отдельном батальоне при Ставке ВГК, с окт. командир роты, авг. 1919 пом. командира Егерского полка, участник Сибирского Ледяного похода, с конца 1920 командир полка, с весны 1921 командир Егерского полка, нояб. 1921 командир бригады. Полковник (к дек. 1921). Участник Хабаровского похода, командир 1-й стр. бригады, с весны до 2 июня 1922 командир 3-го Егерского полка, окт. 1922 пом. команд. сухопутными силами Приморья. В эмиграции в Китае, к 1 сен. 1928 член пехотной секции ССРАФ в Шанхае, на нояб. 1938 предс. Союза служивших в Егерском полку, к 1941 в Шанхайской муниципальной полиции. После 1949 в Австралии. Ум. 21 янв. 1960 в Сиднее.

[174] **Форт Росс** (Fort Ross) — бывшая русская крепость Росс, принадлежавшая в 1812–1841 гг. Российско-Американской компании. Находится

на побережье Северной Калифорнии, примерно в 130 км севернее г. Сан-Франциско. Была основана в 1812 г. как укреплённое поселение для ведения сельского хозяйства и снабжения Аляски продуктами питания, а также для пушного промысла. В 15 км южнее крепости в Тихий океан впадает река, которая была названа русскими поселенцами Славянкой (впоследствии получила английское название Russian River, «Русская река»). С 1920-х гг. её живописные окрестности стали излюбленным местом летнего отдыха многочисленных русских эмигрантов, обосновавшихся в Сан-Франциско. <*Л. Т.*>

[175] Имеется в виду **Собор в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» в Шанхае.** Заложен в мае 1933 г., построен в 1935 г. под руководством епископа Иоанна Шанхайского (Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский). До 1965 г. кафедральный собор Шанхайской епархии.

[176] **Бордзиловский Антон Викентьевич**, р. 3 нояб. 1876 в Камышлове. Из дворян Могилевской губ. Обр.: Сибирский КК 1895, КАУ 1897. Подполковник (с 1914). В белых войсках Восточного фронта; с 24 июня 1918 нач. формируемого в Тобольске отряда, с 28 июня нач. хоз. части и пом. командира 6-го Степного Сибирского стр. полка, с 16 сен. 1918 команд. тем же полком, с 18 фев. 1919 команд. 18-м (с 3 мар. 1919 25-м) Тобольским Сибирским стр. полком, с 8 мар. 1919 полковник, с 12 мар. и на 9 мая 1919 ком. того же полка, в июле 1919 ком. отряда в 1-й армии, 3 сен. — 17 окт. 1919 нач. 7-й Тобольской Сибирской стр. дивизии, затем пом. командира 2-го корпуса, дек. 1919 во 2-й армии, янв. 1920 команд. отд. Тобольской группой, на 30 авг., окт. 1920 нач. Иркутской стр. дивизии в Дальневосточной армии, 1921 нач. гарнизона Спасска, нояб. 1921 командир 1-й стр. бригады, с 11 мая 1922 пом. командира 2-го стр. корпуса. Генерал-майор (с 17 окт. 1919). Генерал-лейт. (с 1921). В эмиграции в Китае, 1930 возглавлял Офицерский Союз в Харбине, предс. отделения РОВС и кадетского объед. в Харбине, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», к 1940 почётный предс. Общества взаимопомощи бывших кадет 1-го Сибирского КК в Харбине, до 1945 председатель объединения Сибирского КК в Шанхае, член Общества офицеров-артиллеристов. После 1945 в США, нач. отдела РОВС. Ум. 30 мая 1962 в Принстоне (США).

[177] **Лукьянов Семён Михайлович**, р. в Казани. Обр.: РУ 1913, Томский Политехнический ин-т (не окончил), Казанское ВУ 1915. Офицер 20-го Сибирского стр. полка. Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; 1918 ком. батальона 1-го Ижевского полка. Капитан. В эмиграции в Китае, нач. штаба НОРР в Шанхае. С 1949 в США. Ум. 7 мар. 1976 в Лейквуде.

[178] **Солдатов Семён И.** Капитан. В белых войсках Вост. фронта; предс. Союза фронтовиков в Ижевске, один из рук. Ижевско-Воткинского восстания, член Штаба Обороны, затем дек. 1921 в Ижевском полку. Полк. В эмигр. в Шанхае, с 1927 в Шанхайском Русском полку. Ум. после 1943.

[179] **Шанхайский Русский полк.** Сформирован 16 янв. 1927 из русских эмигрантов (участников белой борьбы на Восточном фронте) как русский отряд из 2 рот (250 чел.; до 50 % чинов его составляли офицеры) в составе

Шанхайского волонтёрского корпуса, охранявшего европейское население Шанхая. Подчинялся муницип. совету международного сеттлмента Шанхая, его военнослужащие имели чины английской службы. Две роты (по 125 шт.) находились на постоянной службе, получая жалованье, 3-я — волонтёрская, призывалась на сборы. 16 фев. 1932 развёрнут в полк (4 роты, в т. ч. 1 волонтёрская). 16 янв. 1941 преобразован в Отд. русский отряд (Русский вспомог. отряд) Шанхайской муницип. полиции, с 17 дек. 1943 — 4-й отряд Общеполицейского корпуса. Просуществовал до конца 1947. Командиры: кап. 1-го ранга Н. Ю. Фомин (16 янв.–19 апр. 1927), полк. Г. Г. Тиме (19 апр. 1927 — 9 фев. 1933), полк. С. Д. Иванов (9 фев. 1933–1947). Пом. командира: полк. бар. Л. Л. Жирар де Сукантон, полк. Н. М. Степанищев. Командиры рот: полк. С. Д. Иванов, полк. М. И. Мархинин, полк. К. П. Савелов, кап. П. К. Поронник, полк. И. С. Лобанов, ротм. П. И. Гапанович. Адъютант — сотн. Васильев, врач — проф. Бари.

[180] Имеется в виду **Союз служивших в Российских Армии и Флоте** (ССРАФ). Основан в Шанхае 3 июля 1920 г. как Союз военнослужащих в Шанхае, 9 января 1922 г. преобразован в Союз служивших в Российских Армии и Флоте. Председатель — ген.-лейт. К. Ф. Вальтер.

[181] **Иванов-Мумжиев Пётр Михайлович**, р. 1874 в Бессарабской губ. Из крестьян. Обр.: Житомирская гимназия 1892, ПЮУ (офицером с 1897), Восточный институт 1910. Полковник, команд. 1-й бригадой 20-й Сибирской стр. дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 11 июля до 27 авг. 1918 ком. 1-й бригады 1-й Сибирской стр. дивизии, затем ком. 1-й бригады 9-й Сибирской стр. дивизии, с 23 дек. 1918 также нач. гарнизона пос. Раздольное, с 30 апр. 1919 в резерве чинов при штабе Приамурского ВО, с 7 окт. 1919 генерал для поручений при нач. штаба ВГК, с 17 окт. 1919 предс. комиссии по разрешению всех вопросов по расквартированию в Омске и по производству реквизиции, затем представитель нач. военных сообщений ДВ района на ст. Пограничная, с 20 июля 1921 генерал для поручений при войсках Врем. Приамурского прав-ва, на 4 сен. 1921 представитель команд. войсками Врем. Приамурского прав-ва на ст. Пограничная, с авг. 1922 нач. Камчатской обл. Генерал-майор (с 18 окт. 1918). 2 нояб. 1922 эвакуировался на пароходе «Сишан» в Японию и Китай. Ум. 5 дек. 1927 в Шанхае.

[182] **Серебренников Иван Иннокентьевич**, р. 14 июля 1882 в Знаменском Верхоленского у. Обр.: гимназия, Военно-мед. академия (не окончил) 1902. Секретарь Иркутской городской думы. В белых войсках Восточного фронта; министр снабжения Сибирского врем. правительства и правительства адм. Колчака. В эмиграции в Китае (Тяньцзинь). Ум. ок. 14 июля 1953.

[183] **Решетников (Решетников-Байкальский) Дмитрий Ионович**. Сын офицера. Техник. Поручик. В белых войсках Вост. фронта; летом 1919 в Красноуфимском арт. див. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 в 1-м стр. арт. див., дек. 1921 ком. стр. роты арт. дивизиона 1-й стр. бригады, в сен. 1922 в Глудкинской батарее Вост.-Сиб. арт. див. Штабс-

капитан. В эмиграции в Китае, служил в армии Чжан Цзунчана (майор), к 1940 в Шанхае. К 1934 в Бразилии (Гойаз Капитол), после 1949 в США.

[184] **Пикулев Василий Иванович**, р. 27 дек. 1896. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку; нояб. 1921 — янв. 1922 в Воткинском конном дивизионе. Корнет. В эмиграции в Китае, затем в США. Член Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Ум. 13 окт. 1980.

[185] **Камкин Виктор Петрович,** р. 1902. В белых войсках Восточного фронта; 1921 рядовой батареи 1-й стр. бригады, в сен. 1922 в Восточно-Сибирском арт. дивизионе. Младший фейерверкер. В эмиграции в Китае (Харбин), к 1930 в Шанхае, владелец книж. магазина, библиотеки и издательства. Затем в США, к 1970 владелец изд-ва. Ум. 1974 в Вашингтоне.

[186] **Попруженко Михаил Михайлович**, р. 28 окт. 1892. Киевский КК 1911, КАУ 1914. Штабс-капитан 44-й артиллерийской бригады. Осенью 1918 в русской дружине ген. Кирпичёва в Киеве. Эвакуирован в Германию. В белых войсках Восточного фронта с 24 окт. 1919 (из Англии) в прикомандировании к управлению инспектора артиллерии, затем в кадровом дивизионе 2-й армии в Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае (Харбин, затем Мукден), с 1923 в США, член Общества офицеров-артиллеристов. Член ОРВВВ, в 1930–31 секретарь, в 1932–1941 редактор «Вестника ОРВВВ». Капитан. Ум. 30 окт. 1961 в Сан-Франциско.

[187] **Бакич Андрей (Андро) Степанович**, р. 31 дек. 1878 в Черногории. 3-я Белградская гимназия 1900, Одесское ПЮУ 1902. Офицер 60-го пех. полка. Полковник, ком. 55-го Сибирского стр. полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командовал Сызранской гр. Народной Армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), с 24 июля 1918 начальник 2-й Сызранской стр. дивизии; с 19 фев. 1919 ком. 4-го Оренбургского арм. корпуса, с 5 апр. 1919 генерал-майор. С 6 янв. 1920 нач. отряда атамана Дутова (Оренбургская армия). Генерал-лейтенант (с июля 1920). В эмиграции с 27 мар. 1920 в Китае. Возглавил поход остатков Оренбургской армии в Монголию. 17 дек. 1921 взят в плен и расстрелян 17 июня 1922 в Новониколаевске.

[188] **Кайгородов Александр Петрович**, р. 1887 в с. Абай на Алтае, алтаец. Обр.: Тифлисская ШП 1917. Прапорщик. В белых войсках Вост. фронта в конвое адм. Колчака, в 1919 разжалован, с конца 1919 в войсках Горного Алтая. В начале 1920 восстановлен в чине и повышен до штабс-капитана, затем член Алтайского пр-ва, переименован в подъесаулы. Команд. войсками Горно-Алтайской обл. В начале 1920 в Монголии, с янв. 1921 команд. белыми войсками на Алтае, нач. Сводного русско-инородческого партизанского отряда войск Горно-Алтайской обл. в Монголии. Совершил поход на Алтай. Есаул. Застрелился в окружении на Алтае ок. 1921–1922.

[189] **Кедрин Владимир Иванович**, р. 12 июля 1866. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 5-я Санкт-Петербургская гимназия 1885, Санкт-Петербургское ПЮУ (офицером с 1888), АГШ 1894. Офицер л.-гв. Кексгольмского полка. Генерал-майор, нач. Казанского ВУ. В белых войсках

Вост. фронта; с 4 сен. 1918 нач. отдела военно-учебных заведений при Гл. управлении Ген. штаба, с 30 сен. 1918 — при штабе ВГК, с 7 нояб. 1918 нач. управления ВУ заведений, с 28 фев. 1919 генерал для поручений при воен. министре. Генерал-лейт. (с 3 авг. 1919). Взят в плен, весной 1921 в УВУЗ Сибири, затем преподаватель Киевской военной школы и ин-та нар. хозяйства. В 1931 осуждён на 5 лет ссылки в Казахстане по делу «Весна» (Киев).

[190] **Гришин (Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич**, р. 24 нояб. 1981 в Кирсановском уезде. Из дворян. Тамбовской губ. Воронежский КК 1899, МАУ 1902. Офицер 8-й Сибирской стр. арт. бригады. Полковник. По заданию ген. М. В. Алексеева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918. 28 мая — 12 июня команд. войсками Омского ВО, с 13 июня до 5 сен. 1918 команд. Сиб. армией. В сен. 1918 отбыл в Екатеринодар, с 29 нояб. 1918 в Одессе, с 4 дек. 1918 воен. губернатор Одессы и (до 15 янв. 1919) команд. войсками Добр. армии Одесского р-на, с 24 фев. по 23 апр. 1919 врид команд. Войсками Юго-Западного края. В апр. 1919 послан в Омск во главе делегации к адм. Колчаку. Генерал-майор (с 11 июля 1918). Застрелился под угрозой плена 22 апр. (5 мая) 1919 в Каспийском море.

[191] **Михайлов Павел Яковлевич**. Член Учредительного Собрания. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 уполномоченный Временного Сибирского правительства.

[192] **Долгово-Сабуров Борис Авдиевич**, р. 1890. Из дворян Ярославской губ. Обр.: 3-й Московский КК 1908, МАУ 1911. Офицер Сибирской стрелковой арт. бригады. Подполковник 61-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; участник восстания в Иркутске летом 1918; янв. 1920 командир 11-го Нижнеудинского полка. Полковник (с 13 сен. 1918). В эмиграции в Китае, член Общества офицеров-артиллеристов. С 1924 в США. Член ОРВВВ, основатель музея Об-ва, в 1945 врид предс. ОРВВВ. Ум. 11 июля 1952 в Сан-Франциско.

[193] Имеется в виду Маньчжоу-Го — марионеточное гос-во, созданное японцами в 1932 г. на тер. Маньчжурии, во главе которого был поставлен Пу И — представитель прав. в Китае до 1911 г. маньчжурской дин.- Цин.

[194] **Гайда Радола (Радион) Иванович (Гейдль Рудольф)**, р. 14 фев. 1892 в Катаре (Далмация). Гимназия в Катаре, артиллерийское ВУ 1910. Капитан австрийской, затем Черногорской и Сербской службы. На русской службе с 1915. Капитан. 8 мар. 1918 поступил на чешскую службу, с 28 мар. 1918 ком. 7-го Чешского полка. В белых войсках Восточного фронта со дня выступления чехословаков в Сибири 25 апр. 1918; с 2 июля 1918 полковник, с 2 сен. 1918 генерал-майор, с 26 сен. 1918 нач. 2-й Чехо-Словацкой дивизии, с 12 окт. 1918 команд. Северо-Уральским фронтом (Екатеринбургской группой войск), с 24 дек. 1918 — отдельной Сибирской армией. 8 янв. 1919 определён на русскую службу с утверждением в чине генерал-майора и с зачислением по арм. пехоте, с 7-го июля 1919 в отпуске по болезни. Генерал-лейтенант. 17–18 нояб. 1919 поднял во Владивостоке мятеж против адм. Колчака, после

подавления которого убыл в Чехословакию. 16 дек. 1927 лишён чина и заключён в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 в Праге. Ум. после заключения 15 апр. 1948 там же.

[195] **Гинс Георгий Константинович**, р. 15 апр. 1887 в Новогеоргиевске. Обр.: 2-я Кишинёвская гимназия, СПбУ 1909. Чиновник Мин-ва продовольствия. Проф. Омского политехнического ин-та. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 упр. делами Западно-Сибирского комиссариата, зам. министра нар. просвещения Врем. Сибирского правительства, затем товарищ управляющего Мин-вом ин. дел прав-ва адм. Колчака. В эмиграции в Китае (в Харбине), с 1941 в США, профессор-историк, публицист. Ум. 23 сен. 1971 в Редвуд-Сити, Калифорния.

[196] **фон Ренненкампф Павел-Георг Карлович-Эдгарович**, р. 17 апр. 1854 в замке Панкуль под Ревелем. Обр.: Гельсингфорсское ПЮУ 1873, АГШ 1882. Офицер 5-го уланского полка, по окончании академии — на должностях Ген. штаба. Майор с 1882, подполк. с 1886, полк. с 1890, генерал-майор с 1900, генерал-лейт. с 1904, генерал от кав. с 1910. С 1890 нач. штаба Осовецкой крепости, с 1891 нач. штаба 14-й кав. дивизии, с 1895 ком. 36-го драгунского полка, с 1899 нач. штаба войск Забайкальской обл., с 1901 нач. 1-й отдельной кав. бригады, с 1904 нач. Забайкальской каз. дивизии, с 1905 ком. 7-го Сибирского арм. корпуса, с 1906 командир 3 арм. корпуса, с 1913 команд. войсками Виленского ВО, с 19 июля 1914 команд. 1-й армией, с 18 нояб. 1914 в расп. военного министра, с 6 окт. 1915 в отставке. Генерал-адъютант (1912). Расстрелян большевиками 1 апр. 1918 в Таганроге.

[197] **Хартлинг Кирилл (Карл) Николаевич**. Обр.: 1-й КК 1899, НИУ 1902. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 глава сторожевого отдела Лиги благоустройства во Владивостоке, начальник инженерных войск на Гродековском антибольшевистском фронте, с июня 1919 командир роты и командир батальона в Военно-учебно-инструкторской школе (школа Нокса) во Владивостоке. Полковник. В эмиграции. Ум. 9 апр. 1937 в Батавии (Ява).

[198] **Озол (Озолин) Вольдемар-Оскар Анжеевич (Петрович)**. Обр.: Виленское ПЮУ 1907, АГШ 1914. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; и. д. нач. штаба флотилии особого назначения, с 17 мар. 1919 подполковник, затем нач. штаба дивизии Морских стрелков. Участник Сибирского Ледяного похода, в сен. — окт. 1920 нач. опер. отделения штаба Дальневосточной армии, сен. 1922 ген.-кварт. Земской Рати. Полковник.

[199] **Флуг Василий Егорович**, р. 19 мар. 1860. 2-я Санкт-Петербургская ВГ 1877, МАУ 1880, АГШ 1890. Генерал от инфантерии, командующий 10-й армией, командир 2-го арм. корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с нояб. 1917. В начале 1918 командирован в Сибирь для работы в тылу большевиков. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 член пр-ва ген. Хорвата, с 21 нояб. 1918 помощник по военной части верховного уполномоченного на Дальнем Востоке, 1—14 дек. 1918 командующий войсками Приамурского ВО, с 13 дек. 1918 помощник

верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по гражданской части. С конца 1918 в Ставке адм. Колчака, с начала 1919 в Вооружённых силах Юга России; с сен. 1919 пом. по военной части командующего войсками Киевской области, с 8 дек. 1919 в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 мар. 1920 не прибыл). В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, служил в военном министерстве, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, предс. Общества офицеров Ген. штаба в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 — в Германии, затем в США, член ОРВВВ. Ум. 3 дек. 1955 в Сан-Франциско.

[200] **Харжевский Владимир Григорьевич**, р. 6 мая 1892. Прапорщик запаса, студент Горного института. Штабс-капитан. В Добр. армии и ВСЮР с 19 фев. 1918 в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы — Дон в составе 2-й роты Стрелкового полка, затем в 1-м Дроздовском полку (капитан), с 6 дек. 1919 командир 2-го Дроздовского полка, с осени 1920 нач. Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с сен. 1920). Галлиполиец. На 1 авг. 1922 и осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии. Окончил Горный институт в Праге, горн. инженер. С 1945 в Германии, с 1949 бухгалтер в Марокко, с 1956 в США. Предс. объединения 1-го арм. корпуса и Общ-ва галлиполийцев, с 27 янв. 1957 1-й пом. нач. РОВС, 19 мая 1967 — начало 1979 нач. РОВС и Дроздовского объединения. Ум. 4 июня 1981 в Лейквуде (США).

[201] **Апухтин Александр Николаевич**, р. 1 янв. 1862. Из дворян Смоленской губ. Обр.: Полоцкая ВГ 1878, КВУ 1880, АГШ 1886. Офицер Санкт-Петербургского грен. полка. Капитан с 1888, подполковник с 1893, полковник с 1897, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1902 командир 12-го Сибирского пех. полка, с 1905 в расп. командующего войсками Киевского ВО, с 1906 командир 1-й бригады 24-й пех. дивизии, с 19 июля 1914 по 1917 начальник 68-й пех. дивизии.

[202] **Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.** Образовано 13 августа 1961 г. по инициативе ген. В. М. Молчанова. На момент образования включало около 50 человек. Ежегодно в августе Объединение отмечало годовщину Ижевско-Воткинского восстания (особенно торжественно был отмечен 50-летний юбилей в 1968 г.). В 1965 и 1968 гг. были выпущены брошюры-памятки о борьбе Ижевцев и Воткинцев против большевиков во время Гражданской войны. В январе 1973 г. в Православном храме Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли Объединением были установлены (освящены 28 янв. 1973) икона, неугасимая лампада и табличка в память об Ижевцах и Воткинцах, погибших в Гражданской войне и усопших в изгнании. Председатели Объединения: А. Г. Ефимов (1961–1972), Н. Е. Старцев (1972–1974), Г. Н. Блинов (1974–1981). Почётный председатель: ген. В. М. Молчанов, почётный член — полк. Д. М. Михайлов. После смерти А. Г. Ефимова важнейшим начинанием для Объединения стала публикация его книги «Ижевцы и Воткинцы», которая была осуществлена

усилиями В. М. Молчанова и Г. Н. Блинова в начале 1975 г. Подробнее об Объединении см. в издании: *Ефимов А. Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 394–406. <*Л. Т.*>

[203] **Блинов Геннадий Николаевич**, р. 24 окт. 1897 в Сюгинском заводе Елабужского уезда Вятской губ. (ныне г. Можга в Удмуртии). Из дворян, сын управляющего Сюгинским заводом. В службе с 1916. Обр.: 4-я Московская ШП, 15 апр. 1917. Прапорщик. Командир 4-й роты 82-го Дагестанского полка. В белых войсках Восточного фронта; с авг. 1918 в повстанч. отряде ген. Молчанова, с фев. 1919 в Ижевской бригаде; на 29 июня 1919 зав. разведкой штаба Ижевской отдельной бригады; дек. 1919 командир батальона 1-го Ижевского полка. Капитан. Тяжело ранен, затем в Ижевской дивизии. Подполковник. В эмиграции в США. С 1974 предс. Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Ум. в 1981.

[204] **Старцев Николай Ефимович**, р. 1898, из старообрядцев Оханского уезда Пермской губ. Обр.: РУ в Чердыни. В белых войсках Вост. фронта. Летом 1918 в повст. отряде завода Ножёвка Оханского уезда; в Воткинской Нар. Армии. Корнет. адъютант Воткинского кон. дивизиона. В эмиграции в Китае, 1923 в Гирине, на 1930 в Харбине, член Воткинского землячества в Харбине. Затем в США, к 1968 секретарь Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, в 1972–1974 его предс. Ум. 21 марта 1974.

[205] **Долгополов Александр Фёдорович**, р. 1899 в ст. Романовской Области Войска Донского. В Добровольческой армии; доброволец в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. В эмиграции председатель Союза Первопоходников в Калифорнии, 1960 член правления ПРЭ США, 1961–1968 член ред. коллегии журнала «Вестник первопоходника», затем издатель журналов «Первопоходник», «Родные дали». Ум. 12 мар. 1977 в Лагуна-Бич (Калифорния).

[206] **Леонтьев Евгений Александрович**, р. 9 дек. 1901. Обр.: Сибирский КК. В белых войсках Восточного фронта; 1919 юнкер 1-го артиллерийского училища в Омске и Владивостоке (окончил 1 фев. 1920). Подпоручик. В Дальневосточной армии в Гродековской группе и в батарее 1-й стр. бригады, окт. 1922 в составе Восточно-Сибирского арт. дивизиона. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов. После 1945 в США, инженер. Член ОРВВВ. Ум. 30 апр. 2001 в Сан-Франциско.

[207] **Луцков Пётр Анисимович**, р. 1889. Киевское ВУ 1909, АГШ 1919. Офицер 98-го пех. полка. Капитан, начальник журналистской части штаба ВГК. В белых войсках Восточного фронта в Сибирской армии; с 20 июня 1919 начальник унтер-офицерских курсов, с 8 июля 1919 начальник информационного отдела штаба Сибирской армии, затем помощник начальника осведомительного отдела Ставки адм. Колчака, полковник; 1920 состоял при командующем войсками Временного правительства Дальнего Востока, 17 мар. — 11 июня 1921 нач. штаба командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы. 1921 нач. штаба Приамурского ВО ДВР. Генерал-майор.

[208] **Сорочинский Пётр Николаевич**, р. 1877. Обр.: Павловское ВУ 1897. Офицер крепостной артиллерии. Полковник, зав. школой оружейных мастеров Ижевского завода. В белых войсках Восточного фронта. Участник Ижевского восстания, нач. снабжения Ижевской Народной Армии.

[209] **Федичкин Дмитрий Иванович**, р. 9 фев. 1885 в Моршанске Тамбовской губ. Обр.: Оренбургское реальное училище (гимназия?) 1902. Казанское ВУ 1909. Полковник, ком. батальона 13-го Туркестанского стр. полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Вост. фронта; весной 1918 в офиц. организации в Казани, с 8 авг. по 23 окт. 1918 Главнокоманд. Ижевской Нар. Армией, Войсками Прикамского края, затем в Уфе, с 3 дек. 1918 комендант Томска, с 1 июня 1919 пом. нач. Ижевской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в США. Ум. 24 окт. 1966 в Сан-Франциско.

[210] **Мудрынин Григорий Ильич**. Из рабочих Воткинского завода. Обр.: 2-я Одесская ШП 1915. Поручик (штабс-капитан), курсовой офицер Одесской ШП. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, руководитель организации Воткинской народно-революционной армии, 17 авг. 1918 начал формировать 2-ю роту, в начале сен. 1918 капитан, ком. 1-го Воткинского Заводского 17-го Августа стр. полка, 1919 ком. 1-й бригады Воткинской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 окт. 1920 в Воткинском стр. полку. Полковник.

[211] **Вологдин Виктор Петрович.** В классном чине с 1910 (титулярный советник). Чиновник морского ведомства. В белых войсках Восточного фронта; до фев.1919 начальник штаба Прикамской армии и Воткинской дивизии, с 20 июня и на авг. 1919 на Речной боевой флотилии. Капитан 2-го ранга, инженер-механик (с 20 июня 1919). В эмиграции во Франции.

[212] **Дубницкий Александр Григорьевич**, р. 1 сен. 1866. Из дворян Херсонской губ. Обр.: Полоцкий КК 1884, МАУ 1887, Офицерская артиллерийская школа. Генерал-майор, в 1915–1916 начальник Ижевских заводов, с 1916 начальник Путиловского завода. Убит революционной толпой 25 фев. 1917 в Петрограде.

[213] **Бордель фон Борделиус Сергей Евгеньевич**, р. 9 июля 1871. Обр.: Тифлисский КК 1888, МАУ 1891. Офицер Михайловской крепостной артиллерии. Ген.-майор, пом. начальника 1-го хоз. отдела при ГАУ, пом. директора Путиловского завода. Убит рев. толпой 1 мар. 1917 в Петрограде.

[214] **Дубницкий Павел Александрович**, р. 1902 в Ижевске, сын ген. А. Г. Дубницкого. Летом 1918 — в подпольном движении. В эмиграции в Шанхае, затем в США (г. Окланд близ Сан-Франциско). Член Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Ум. в нояб. 1979.

[215] **Маниковский Алексей Алексеевич**, р. 13 мар. 1865. Обр.: Тифлисский КК 1883, МАУ 1886, МАА 1891. Офицер 38-й арт. бригады. Капитан с 1896, подполковник с 1900, полковник с 1903, генерал-майор с 1907, генерал-лейтенант с 1911, генерал от артиллерии с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1906 командир Усть-Двинской, сен. 1906 — Кронштадтской креп. артиллерии, с 1914 комендант Крон-

штадтской крепости, с 24 мая 1915 нач. ГАУ, с 6 мар. 1917 пом. воен. министра, с 30 апр. 1917 упр. Военным министерством, затем тов. воен. министра по снабжению. В окт. и нояб. 1917 арестовывался большевиками, с 1918 в РККА, нач. ГАУ и управления снабжений. Ум. в янв. 1920.

[216] **Каневский Яков Иванович**, р. 1875. Обр.: КАУ 1895, МАА 1906. Полковник гвардейской артиллерии, нач. мастерских Тульского оружейного завода. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 25 апр. по июнь 1919 нач. Ижевских заводов. Взят в плен, служил в РККА, сослан на 10 лет по «делу Главвоенпрома», в 1929 с Соловков отправлен в Сибирь.

[217] **Забудский Николай Александрович**, р. 27 янв. 1853. Обр.: Нижегородская ВГ 1869, МАУ 1872, МАА 1877. Офицер Кронштадтской креп. артиллерии. Капитан гвардии с 1888, полковник с 1893, генерал-майор с 1901, генерал-лейтенант с 1907. 1893–1917 профессор МАА, 1893–1914 член Артиллерийского комитета, с 8 окт. 1914 начальник 1-го отдела Артиллерийского комитета при ГАУ. Учёный-артиллерист, конструктор, автор многих трудов по баллистике. Убит 27 фев. 1917 в Петрограде.

[218] **Матафанов Николай Иванович**, р. 4 мар. 1865. Обр.: Тифлисский КК 1882, МАУ 1885, МАА 1890. Офицер 38-й арт. бригады. Капитан с 1895, капитан гвардии с 1898, полковник с 1902, генерал-майор с 1911. С 1894 нач. мастерских, а с 1911 пом. нач. СПб. арсенала, с 1914 совещательный член Артиллерийского комитета ГАУ, с 13 мая 1916 нач. Петроградского орудийного завода. Убит ок. 1 июня 1917 в Петрограде.

[219] **Дробинин Василий Афанасьевич**, р. 20 фев. 1880 в Нижнем Новгороде. В службе с 1915. Обр.: Киевское ВУ 1917. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; на 5 мар. 1919 заведующий военно-судной частью Воткинской стр. дивизии. В эмиграции в Китае, на 1930 г. член Воткинского землячества в Харбине.

[220] **Вольский А. Н.** Обр.: Иркутское ВУ 1912. Подполковник, слушатель АГШ. В белых войсках Вост. фронта; с 16 июня 1918 ком. 3-го Барнаульского Сибирского стр. полка, авг. 1918 нач. отряда Средне-Сибирского корпуса, с 25 янв. до июля 1919 ком. 1-го Воткинского (затем 57-го Воткинского Заводского 17-го Августа) стр. полка. Полковник.

[221] **Отмарштейн Август Иванович**, р. 1869. Из дворян. В службе с 1890, офицером с 1896. Обр.: Казанское ПЮУ. Полковник Заамурского округа Отд. корпуса погран. стражи. В белых войсках Вост. фронта; с начала 1919 ком. 4-го Воткинского (с июля — 60-го Чистопольского) стр. полка.

[222] **Панов Филипп Петрович**, р. 11 окт. 1867 в Николаеве. Из дворян Херсонской губ. Николаевская Александровская гимназия 1890, Одесское ПЮУ 1892, АГШ 1898. Офицер Ковенской крепостной артиллерии. Генерал-лейтенант, нач. 2-й Туркестанской стр. дивизии (в отставке с нояб. 1917). В белых войсках Восточного фронта; с апр. 1918 член «Союза защиты Родины и Свободы», с 31 авг. по 13 сен. 1918 нач. 1-й Казанской (затем 16-й Сарапульской) стр. дивизии, с 2 нояб. 1918 главный нач. Тюменского ВО, с 31 янв. 1919 также пом. Гл. нач. снабжения Сибирской

армии, с 13 фев. 1919 ком. 2-го Сводного (затем 5-го) корпуса, на 9 мая, до 27 июня 1919 ком. 8-го Камского армейского корпуса. В эмиграции в Китае, с 1942 во Франции. Ум. 2 авг. 1960 в Сен-Рафаэле (Франция).

[223] **Пуцилло Аристарх**. Сын офицера. В белых войсках Восточного фронта; окончил Иркутское ВУ 1919, с 25 мая 1919 командир эскадрона Воткинского конного дивизиона. Штабс-ротмистр. Застрелился мар. 1920 в Иннокентиевской под Иркутском.

[224] **Родзевич Адольф Адольфович**, р. 1870. В службе с 1888, офицером с 1890. Полк. л.-гв. Семёновского полка. Георг. кавалер. В белых войсках Вост. фронта; летом 1918 ком. 1-й офицерской роты в Казани, затем во 2-м Казанском полку 1-й Казанской стр. дивизии Нар. Армии, с окт. 1918 ком. роты Тюменской инструкторской школы, с дек. 1918 ком. 59-го Лаишевского стр. полка, с июля 1919 ком. 57-го Воткинского (бывш. 1-го Воткинского) полка.

[225] **Заалов Александр Михайлович**. Из дворян. Обр.: Алексеевское ВУ 1908. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с окт. 1918 нач. Тюменской инструкторской школы, с дек. 1918 ком. 58-го Казанского стр. полка, на 9 мая, в июле 1919 ком. 59-го Лаишевского (бывш. 3-го Воткинского) полка. В эмиграции в Китае. Ум. 1944 в Харбине.

[226] **Михайлова Вера Михайловна**, р. 1895. Сестра милосердия 1-го Ижевского полка. Участница Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае (Харбин). Затем в Аргентине.

[227] **Мерзляков Василий Иванович**, р. 7 фев. 1897. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Японии, к 1961 в США, член Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско (Ижевец). Ум. 22 сент. 1983.

[228] **Бангерский Рудольф Карлович**, р. 8 июля 1878 в Лифляндской губ. В службе с 1895, Санкт-Петербургское ПЮУ 1901, АГШ 1914. Полковник, командир 7-го Сибирского стр. полка. В белых войсках Вост. фронта; с 29 июля 1918 деж. ген. штаба гарнизона Екатеринбурга, с 6 авг. 1918 нач. штаба 2-й (затем 7-й) Уральской горных стрелков дивизии и гарнизона, с 11 окт. 1918, к 13 фев. 1919 команд. 2-й стр. кадровой (с 6 дек. — 12-й Уральской стрелковой) дивизией, с 5 фев. 1919 ген.-майор, с 16 мар. 1919 нач. 11-й Уральской стр. дивизии, с 1 окт. 1919 ком. 2-го Уфимского арм. корпуса, сен.–дек. 1919 нач. 12-й Уральской стр. дивизии, дек. 1919 — апр. 1920 команд. Уфимской группой, на сен.–окт. 1920 команд. войсками Читинского р-на Дальневост. армии, в 1920 нач. Союза чинов Дальневост. армии. Генерал-лейт. (май–сен. 1920). В эмиграции с 10 нояб. 1921 в Латвии, с 29 фев. 1924 полк. в латвийской армии, с 1925 генерал-майор, до дек. 1924 ком. дивизии, 18 дек. 1926 — дек. 1928 воен. министр, с 16 мар. 1937 в отставке, 10 апр. 1943 — 20 мая 1945 ген.-инспектор Латышского добр. легиона СС, с 1944 ген.-лейт. Погиб в автокатастрофе 25 фев. 1958 в Ольденбурге (Германия).

[229] **Комелов Михаил Михайлович**, р. 1890. Морской корпус 1912. Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; 5 нояб.1918 — авг. 1919 в Морском мин-ве. Ст. лейтенант (с 1 янв. 1919). Арестован с адм. Колчаком. К лету 1921 после полугода заключения под надзором в Красноярске.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН*

Авксентьев Н. Д. *27, 28,* ***512***
Агафонов М. И. *427, 444, 445, 448*
Александра Федоровна, Императрица *17*
Александров Н. А. *302-305, 307, 310, 312, 336, 349, 356, 362, 363, 366, 367, 384, 385,* ***541***
Александровский В. С. *261, 299,* ***541***
Алексей Николаевич, Цесаревич *17*
Антонов А. С. *257, 395,* ***537***
Антонов В. Г. *66, 117, 124, 175, 524, 532*
Апрелев Б. П. *261, 278, 337,* ***538***
Апухтин А. Н. *411,* ***547***
Аргунов А. Г. *130, 134, 194, 217, 223–227, 233, 234, 251, 257, 273, 288, 292, 294, 309, 331, 332, 348–350, 354, 355, 357, 358, 360–365, 378, 387,* ***524***
Арнольдов Л. В. *338, 342, 369, 377, 387*
Артемьев, больш. *63, 65*
Артюховский *207, 221, 222, 226, 227, 316, 324*

Багиянц Я. Б. *218, 219, 227, 228, 299, 300, 331, 381,* ***532***
Баев В. *62,* ***519***
Бакич А. С. *377,* ***544***
Балкашин И. Н. *18,* ***510***
Бангерский Р. К. *478,* ***551***
Барчак, кап. *56*
Барышников С. Н. *46,* ***516***
Бахметьев Б. А. *19*
Беловский А. П. *24,* ***511***
Беляцкий, прап. *96*
Березин И. Н. *222, 229, 242, 332, 498,* ***533***
Биркин В. Н. *379*
Блинов Г. Н. *412, 415, 547,* ***548***
Блохин П. И. *89, 356, 494,* ***522***
Блюхер В. К. *38, 109–112, 114, 115, 128–130, 146, 148-162, 283, 289, 292, 410, 417, 430, 452,* ***514***
Бобров Б. *115, 117*
Бойко-Павлов (Бойко) Д. И. *115, 243, 256, 300, 301,* ***524***
Болдырев В. Г. *77, 78, 199, 263, 283,* ***520***
Бологов Г. К. *250, 412,* ***537***
Болонкин А. Л. *227, 281, 413, 462,* ***533***
Бордель фон Борделиус С. Е. *434–436, 439,* ***549***
Бордзиловский А. В. *307, 309, 317,* ***542***
Бородин В. А. *140, 143, 246,* ***527***
Братухина *245*
Бржезовский В. В. *170*
Будберг А. П., барон *24, 206, 230, 404, 508–510,* ***512***
Буденный С. М. *152, 229*
Буйвид В. В. *56, 144,* ***519***
Бурмистров С. К. *132,* ***525***
Бускин И. *299,* ***541***
Быков Д. Д. *259, 299,* ***538***
Бычков, полк. *259,* ***538***

о. Валентин Антоньев *281,* ***540***
Вацетис И. И. *129, 160*
Вдовин, прап. *444, 448, 450*
Вержбицкий Г. А. *46, 47, 178, 194, 284, 335, 340, 343, 346–348, 385, 401, 403, 494,* ***516***
Вечер-Щербович, подп. *58*
Виноградов В. А. *77,* ***521***
Вишневский Е. К. *298, 309,* ***540***

* Жирным шрифтом выделены страницы, на которых помещены биографические справки.

Власов, полк. *466, 475*
Войцеховский С. Н. *173, 477, **530***
Вологдин В. П. *428, **549***
Вольский А. Н. *446, **550***
Вольский В. К. *28, **512***
Вотяков, прап. *50*
Врангель П. Н. *82, 152, 154, 155, 229, 379*
Враштиль (Враштель) В. В. *91, **523***

Гайкович Г. *236, 323, **535***
Гайда Р. И. *153, 400, 450, **545***
Гампер В. В. *138, **526***
Гинденбург П. Фон *28, **513***
Гинс Г. К. *401–403, **546***
Гирса В. *29, 30*
Глебов Ф. Л. *140, 144, 307, 342, 344, 460, 493, **527***
Глудкин П. Е. *53, 55, 56, 138, **518**, 521*
Голеевский Н. Н. *415*
Голицын В. В. *172, **529***
Головин Н. Н. *98, 279, 473, **523**, 539*
Гоффман, нем. ген. *18*
Григорович И. К. *18*
Гришин (Гришин-Алмазов) А. Н. *389, 399, 403, **545***

Дидковский М. М. *341*
Дитерихс М. К. *112, 138, 140–144, 178, 250, 261, 279, 341, 343, 409, 493–495, **526***
Долгово-Сабуров Б. А. *389, **545***
Долгополов А. Ф. *415, **548***
Долгоруков, кн. *15*
Долов С. И. *133, **526***
Доможиров А. Г. *132, 193, 249, 250, 307, 310, **525***
Дробинин В. А. *445, **550***
Дробинин В. Н. *194, 206, 234, 236, 239, 242, 249, 261, 299, 307, 308, 310, 443, 445, 446, 448, 452, 462, 494, **531***
Дубницкий А. Г. *433-439, **549***
Дубницкий П. А. *436, 462, **549***
Дутов А. И. *151, 250, 399, **528**, 544*

Евсеев Н. И. *428, 475*
Ефимов А. Г. *23, 48, 69, 181, 188, 189, 307, 312, 330, 331, 370, 412, 421, 468–473, 485, 490, 496–498, 500, 533, 535, 547, 549*
Ефимов А. А. *184, 185*
Ефимов В. А. *298, **540***
Ефимова Н. С. *184, 185, 473, 502–508*

Жанен М. *25, 30-32, 266, 269, 431*

Заалов А. М. *450, **551***
Забудский Н. А. *439, **550***
Зайцев И. М. *250, 341, **537***
Зайцев М. В. *341, 387*
Захаров А. *112, 133*
Зебзиев Я. И. *207, 425, 475, **532***
Зензинов В. М. *27, 28, **512***
Зиневич Б. М. *43, 44, **515***
Зуев П. П. *281, 494, **539***
Залтан А. *442*
Зултан Х. *299, **541***

Иванов-Мумжиев П. М. *317, 495, **543***
Игумнов Г. П. *207, 229, **534***
Иличев *133, **526***
Ильин Б. П. *300, **541***
Инкуидзе *147*
св. Иоанн Шанхайский *542*

Казагранди Н. Н. *174, **530***
Казмина (Касмина, Кузмина), сестра милосердия *49, 133, 142*
Кайгородов А. П. *377, **544***
Какурин Н. Е. *256, 257, 346*
Каллес *188*
Калмыков И. М. *85, **522***
Каменев С. С. *129, 160*

Камкин В. П. *342, 416, 417,* ***544***
Каневский Я. И. *438,* ***550***
Каппель В. О. *36, 43, 47, 174, 250, 267, 379, 399, 424,* ***514***
Каравэо *181*
Карлов Д. Ф. *90, 114–116, 249, 253, 262, 271, 275, 276, 279, 283–287, 291, 295, 324, 327, 377, 381,* ***522***
Каширин Н. Д. *149*
Кедрин В. И. *377,* ***544***
Керсновский А. А. *18, 170*
Киприянов, кап. *50*
Кирилл Владимирович, Вел. князь *245,* ***536***
Клаузевиц К. Фон *18, 348*
Князев А. Н. *192,* ***531***
Колесников Н. В. *278, 279, 342, 377, 397,* ***538***
Колчак А. В. *25, 27–33, 37, 53, 196, 198, 250, 266, 270, 379, 400, 402, 429, 430, 431, 464, 527, 545*
Колянковский Э. А. *20,* ***511***
Комелов М. М. ***551***
Коновалов В. Я. *194, 239, 308, 310*
Коренев И. *286,* ***540***
Краснов П. Н. *377, 398*
Кригер (Крюгер) Я. Я. *41,* ***515***
Круглевский А. В. *45, 46, 48–51, 410, 478,* ***515****, 517*
Круговых А. *423, 474*
Ктиторов, кап. *232, 354,* ***535***
Куприн А. И. *473*
Куракин Н. *425*
Курбановский, кап. *427, 443*
Кутепов А. П. *18*

Лебедев Г. Д. *229, 230, 232, 353, 498,* ***534***
Лебедев Д. А. *52–54,* ***517***
Лебедев П. П. *270,* ***538***
Левитский (Левицкий) Е. Л. *18, 135, 199, 251, 264, 498,* ***511***
Ленин В. И. *18, 19, 120, 127, 149, 151, 197, 198, 402, 438*
Леонов Г. В. *534*
Леонтьев Е. А. *416,* ***548***
Лимон *181, 187*
Лобашев И. *455, 456*
Ловцевич Л. Л. *279, 285, 286, 289, 298, 308, 309, 317, 320, 481,* ***539***
Ложкин Н. *55, 462–465, 519*
Лукьянов С. М. *308,* ***542***
Луцков П. А. *417,* ***548***
Людендорф Э. фон *18*
Люпов С. Н. *171,* ***529***

Макри И. Г. *46,* ***517***
Маниковский А. А. *437,* ***549***
Мартынов А. Е. *505, 534*
Мартынов Е. Д. *533*
Мартынов Н. А. *194, 251, 335, 343*
Матафанов Н. И. *439,* ***550***
Мерзляков В. И. *465,* ***551***
Меркулов Н. Д. *56, 69, 71, 78,* ***519****, 521*
Меркулов С. Д. *71, 78, 136, 137, 264, 519, 521, 526*
Метелев А. Г. *429*
Михаил Александрович, Вел. князь *17, 423*
Михайлов Д. М. *45, 413, 429, 462, 465,* ***515****, 547*
Михайлов П. Я. *389,* ***545***
Михайлова В. М. *413, 462,* ***551***
Модестов Н. И. *150,* ***528***
Молчанов В. М. *33, 37, 42, 44, 46–49, 52, 66, 77, 79, 85–88, 90-95, 98–102, 104–107, 109, 112, 119, 120, 130, 134, 140-144, 150, 156, 158, 159, 181, 188, 199, 201, 203–207, 215, 222, 224–226, 229, 230, 233, 233, 234, 238, 246, 247, 251, 259, 261, 270, 271, 281, 286–288, 292, 296, 300, 303, 306, 311–313, 316–322, 328, 330, 337, 343, 345, 347, 348, 360, 367, 370, 378, 379, 387, 405–409, 429–431,*

*457, 478, 479, 482, 485, 494, 495, 498, **513**, 534, 547*
Молчанова Н. К. *503, 505, 534*
Мохов *219, **533***
Мудрынин Г. И. *427, 443, 446, 449, **549***
Муравьёв М. А. *151, 377*
Мусиенко (Мусий-Мусиенко) И. В. *250, **536***

Наполеон Бонапарт *127, 148, 265, 289, 368*
Наумычев *261, 337, 494*
Никитин И. Н. *130, 132, 141, 292, 294, 308, 309, 317, 318, 320, **524***
Николай II Александрович, Император *14–20, 423*
Николай Николаевич, Вел. кн. *23*
Нилов, кап. *441, 442*
Носков, прап. *325, 342, 377, 407*

Озол (Озолин) В. А. *409, **546***
Околодин, полк. *56*
Орехов В. В. *341, 387, 406*
Отмарштейн А. И. *446, 450, **550***
Ощепков С. *299, 446, **541***

Павлу (Павло) Б. *29, 30*
Панов Ф. П. *446, **550***
Пастухов И. *425, 448, 449*
Пепеляев А. Н. *389, 403*
Пепеляев В. Н. *31, 32, **513***
Перхуров А. П. *174, 394, 395, **530***
Петрищев А. *109*
Петров П. П. *178, 279, 409, 508, 509, **531***
Пикулев В. И. *261, 342, 483, **544***
Покус Я. З. *99, 114, 115, 121, 130, 133, 221, 271, 283, 287, 288, 290–294, 301, 310, 311, 315, 316, 325, 327, 333, 334, 345, 350, 352, 355, 367, 368, 383*
Пономарёв, доктор *61, 66, 78*
Попков *48, 49, **517***
Попов Б. И. *278, 309, 319, 320, 322, 336, **539***
Попова Л. *429, 466, 467*
Попруженко М. М. *374, 375, **544***
Поронник П. К. *209, 299, 308, 413, 462, **532**, 543*
Постышев П. П. *103*
Правохенский Г. А. *232–234, 238, **534***
Пу И *397, 545*
Пуцилло А. *448, 450, 452, **551***
Пучков Ф. А. *98, 137, 169–178, 206, 242, 319, 409–411, **526***

Редько М. Е. *38, **514***
Ренненкампф П. К., фон *404, **546***
Решетников Д. И. *342, 405, 409, **543***
Родзевич А. А. *450, **551***
Родзянко М. В. *16, 17*
Романовский В. Я. *193, 310, 416, **531***
Ростовцев Б. П. *56, 281, **519***
Рубинов В. *286, **541***
Руднев С. П. *199, 263, 264, 283, **538***
Руднев, полк. *199*
Рузский Н. В. *16, **510***
Рыбаков Н. П. *248, **536***
Рябков, прап. *443, 448, 455*

Саватеев, казак *377, 498*
Савинков Б. В. *196*
Сангурский *117*
Сахаров Н. П. *78, 86, 94, 101, 102, 104–107, 190, 203–205, 219-221, 225, 226, 233, 234, 239, 249, 250, 254, 255, 257, 261, 274–277, 280, 295, 301–305, 310–315, 318, 336, 337, 350, 354–368, 378–381, 384, 387, 493, **521**, 533*
Святослав Игоревич, кн. *268*
Сейфулин (Сейфуллин) Л. В. *245, **536***

Семёнов Г. М. *245, 397,* ***536***
Серебренников И. И. *340, 409,* ***543***
Серышев С. М. *85, 103, 199,* ***532***
Сидоманидзе (Сидамонидзе) Г. К. *133, 194, 249, 250, 299, 462,* ***525***
Скрипкин А. В. *412*
Слащёв Я. И. *153,* ***528***
Смолин И. С. *54, 140, 143, 144, 232, 233, 246, 257, 260, 261, 310, 340, 342, 346–348, 361, 385, 457, 493, 494,* ***518***
Смолин, кап. *281, 292,* ***539***
Смольянинов (Смолянинов) С. С. *281,* ***539***
Солдатов С. И. *308, 424, 475,* ***542***
Соловьев А. В. *56, 498,* ***519***
Сологуб *281*
Сорочинский П. Н. *424,* ***549***
Сосулин К. *424, 474*
Сотников В. Е. *102, 298, 367, 494,* ***523***
Спиридонова М. А. *196,* ***532***
Сталин (Джугашвили) И. В. *120, 128, 149, 162, 197, 198*
Старостин А. И. *207*
Старцев Н. Е. *413, 414, 458, 547,* ***548***
Стеклов К. А. *308,* ***538***
Столыпин П. А. *15, 402*
Ступин, полк. *58*
Субботин, унт.-оф. *67*
Суворов А. В. *127, 267, 366, 379, 403*
Сулькевич М. А. *21,* ***511***
Сыровой (Сыровы) Я. *30,* ***513***

Татауров, прап. *458, 461, 462*
Тетерин (Петров-Тетерин) Ф. И. *115, 290*
Токаревский *228, 307, 338, 340*
Топоров *261, 337*
Торопов А. И. *91, 92, 105, 214–221, 223–225, 227, 235, 238, 242, 249, 299, 309, 326, 329, 381, 404, 498,* ***522***
Торопов А. Э. *214, 249,* ***532***
Триандофилов *153, 154*
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. *149, 197, 198, 370, 376, 402*
Тряпицын Я. И. *64, 123*
Турков, полк. *105, 298, 299,* ***523***
Тухачевский М. Н. *82, 129, 152, 160, 257*

Улагай С. Г. *229*
Унгерн фон Штернберг Р. Ф. *335, 342*

Федичкин Д. И. *425–428, 439–442, 475,* ***549***
Филимонов Б. Б. *48, 81, 97, 98, 114, 115, 146, 163–168, 189, 192, 316, 319, 338, 341, 398, 411, 416, 473,* ***517****, 535*
Филимонов Б. П. *163,* ***529***
Филимонов Л. Б. *163*
Филимонов Я. Б. *164, 409, 535*
Филимонова Т. С. *238, 244, 245, 338, 409,* ***535***
Филиппов, прап. *22, 23*
Флуг В. Е. *409, 410,* ***546***
фон Вах (Леонова, Мартынова) А. Е. *376, 533,* ***534***
фон Вах (Фон-Вах) Б. Э. *75, 228-230, 242, 246, 258, 279, 281, 299, 406, 446, 493–495, 498, 499,* ***520****, 533, 534*
фон Вах (Мартынова) З. Е. ***533****, 534*
Фридрих Великий, герм. имп. *229, 265, 358*
Фрунзе М. В. *152*

Ханжин М. В. *34,* ***514***
Харжевский В. Г. *410, 411,* ***547***
Хартлинг К. Н. *406, 407,* ***546***
Хрущов (Хрущёв) А. М. *259, 280, 494,* ***537***

Цветков А. П. *74,* ***520***

Чайкин *293, 498*
Черкесс Е. В. *130, 323, 493,* ***524***
Чернов В. М. *27,* ***512***
Чжан Цзолинь *522, 526, 539, 540*
Чжан Цзунчан *519, 539, 544*

Шапошников Б. М. *129*
Шебалин, подп. *299, 321*
Шебеко Б. К. *242, 498,* ***535***
Шевчук И. П. *115, 207, 216, 256, 287*
Шиф Яков *19*
Шиф, меньшевик *21-23*
Шкуро А. Г. *229*
Шорнин А. Ф. *242,* ***535***
Шульгин В. В. *17*
Шульце К. К. *242, 248,* ***535***

Эйдеман Р. П. *160*
Эссен, пор. *96, 236, 307*

Юденич Н. Н. *402*
Юрьев Г. Н. *33, 38, 39, 428, 441–443,* ***513,*** *515*

Якимов, рабочий *67*
Янковский М. И. *53,* ***518***
Ястребцов (Ястребцев) М. Ф. *132, 133–134, 225, 258, 288, 493, 494,* ***525***

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ

Карта путей сообщения Российской Империи, 1916 г.
Страницы рукописи А. Г. Ефимова «Ижевцы и Воткинцы» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63).

Первая сторона переплета
Фото: полковник А. Г. Ефимов, ок. 1920 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63).
Знамя (флаг) Ижевской дивизии, цветная реконструкция по ч/б фотографии из Музея русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63.

Корешок переплета
Фрачный знак Ордена Св. Георгия на розетке для награжденного Георгиевским оружием. Принадлежал полк. А. Г. Ефимову (фото Л. Тремсиной).

Четвертая сторона переплета
Знак отличия Военного Ордена за Великий Сибирский поход 1-й степени, миниатюрный (фрачный) вариант, принадлежал полк. А. Г. Ефимову. Диаметр — 20 мм, длина меча — 31 мм (фото Л. Тремсиной).
Медальон, фото А. Г. Ефимова ок. 1923 г. (фото Л. Тремсиной).
Фото: «Лучшие стрелки Ижевского полка в состязании на призы. Казармы у ст. Евгеньевка, 1922 г. Приморье» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 63)

Первый форзац

Личная икона Спаса Нерукотворного Образа, принадлежавшая полковнику А. Г. Ефимову. На обороте надпись: «Полк. Ефимов Авенир Ген.» (фото Л. Тремсиной).

Знак об окончании Николаевского Инженерного училища, принадлежавший полк. А. Г. Ефимову (фото Л. Тремсиной).

Орден Св. Владимира с мечами, принадлежавший полк. А. Г. Ефимову (фото Л. Тремсиной).

Фото: «Ижевцы в 1919 г. близ Петропавловска. Верх[овный] Прав[итель] адм. А. В. Колчак; адъют[ант] кап. 2 ранга Комилов»[229] (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 5939).

Фото: Адмирал Колчак, 1919 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, ф. 5939).

Статья «Дарование Ижевской дивизии Георгиевского знамени» // Свободная Сибирь (Красноярск), № 210, 23 (10) сентября 1919 г. Статья выявлена и предоставлена для публикации С. А. Жилиным и Е. И. Кудрик (Ижевск).

Георгиевское знамя Ижевской дивизии, 1919 г. Лицевая сторона (Иркутский областной краеведческий музей).

Внизу в центре слева: предположительно знак к Георгиевскому оружию. Принадлежал полк. А. Г. Ефимову (фото Л. Тремсиной).

Второй форзац

Фото: «Ижевцы в лагере Тун-да-ин около Гирина, 1923 г.» (Личный архив А. А. Ефимова).

Полковник А. Г. Ефимов, фото на обороте удостоверения от 29 ноября 1920 г. (Личный архив А. А. Ефимова).

Слева внизу: нарукавный знак милиции Временного Приамурского правительства, 1921 г. Принадлежал полк. А. Г. Ефимову. Ширина 60 мм, ткань (Фото Л. Тремсиной).

Первая страница газеты «Вестник белоповстанца», № 7, 16 марта 1922 г. (Архив Гуверовского института, ф. 86026).

Справа вверху: Знак для беженцев, не признающих советскую власть, учрежденный ген. М. К. Дитерихсом. Принадлежал полк. А. Г. Ефимову. Аппликация, 30х30 мм, белый крест — ткань, фон и рамка — натур. кожа (Фото Л. Тремсиной).

Временный вид на право жительства в Особом районе Восточных провинций Китайской республики, выданный А. Г. Ефимову 1 мая 1923 г., лицевая сторона (Личный архив А. А. Ефимова).

Внизу в центре: Часы фирмы «Г. Мозеръ и К°» (№ 141594), подаренные полк. Ефимову в Гирине в мае 1923 г. Дарственная надпись: «Дорогому командиру Полковнику Ефимову от Ижевцев, Воткинцев и Добровольцев. 1918–1923» (фото Л. Тремсиной).

Контртитул

А. Г. Ефимов, г. Эль-Пасо (штат Техас), ок. 1926 г. (Личный архив А. А. Ефимова).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 7
Ефимов А. А. Вступительное слово сына автора 10

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Как произошло начало революции 13
Воспоминания о 1917 г. 20
Социалисты-революционеры в борьбе с правительством адмирала Колчака 25
Ижевцы и Воткинцы в рядах Восточного фронта 33
Смерть генерала Круглевского 48
Военный переворот во Владивостоке (к 40-летию захвата Владивостока белыми бойцами 26–27 мая 1921 года) 52
Экспедиция на Сучан (к 10-летию борьбы с большевиками в Приморье) 61
К сорокалетию Хабаровского похода 77
Последний поход 81
Хабаровский поход (по книге Б. Филимонова «Белоповстанцы») 97
К 40-летию Хабаровского похода. Бои у станции Ин и станции Волочаевка 103
Волочаевский бой 108
К 40-летию хабаровского похода. Волочаевка 128
Конец Белой борьбы в Приморье 135
Красный маршал Блюхер 146
Памяти Б. Б. Филимонова 163
На службе Родине. Памяти генерала Ф. А. Пучкова 169

ПИСЬМА

Письмо А. Г. Ефимова ген. В. М. Молчанову 181
Письмо-обращение к участникам Хабаровского похода 189
Переписка А. Г. Ефимова с Б. Б. Филимоновым 192
Письма из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско 193
Письма из архива Гуверовского института (1941, 1951 гг.) 408
Письма из материалов Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско 412
Письма книгоиздателю В. П. Камкину 416

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Брошюры-памятки, выпущенные Объединением Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско 421

Памятка № 1 421
Памятка № 2 433
Приложение 2. Архивные документы 468
Приложение 3 500
Список публикаций А. Г. Ефимова 500
Тремсина Л. Ю. Авенир и Наталия 502
Петров С П. О полковнике А. Г. Ефимове 507
Комментарии (сост. С. В. Волков) 510

Указатель имён 552
Список иллюстраций 557

Научное издание

Ефимов Авенир Геннадьевич

С ИЖЕВЦАМИ И ВОТКИНЦАМИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Статьи, письма, документы

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Художественный редактор, оформление *А. М. Драговой*
Технический редактор *В. А. Артемов*
Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*
Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 21.12.12. Бумага офсетная.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 35+1,0+1,5. Усл. печ. л. 37,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 1483.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
129626, Москва, пр-т Мира, д. 104.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством материалов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф
тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Ижевцы в лагерь
1923 г
Гирина
Тун-да-ин
Пороговому командиру
Полковнику Ефимову
1918—1923 г.
ВѢСТНИК БѢЛОПОВСТАНЦА
№ 7.
Четверг, 16 марта 1922 года
7.
...армейцы и красные партизаны!
К Вам, нашим заблудшим
東省特別區第二區警察署
發給臨時執照事茲據
國人
職業請求發給臨時執照前來本署查核
特別區內擬作
國實合亟填發臨時執照須至執照者
右給
限三
月繳銷過期作廢
署長
日第
號

ISBN 978-5-8112-4887-2
9 785811 248872
АЙРИС ПРЕСС